

Приношу искреннюю благодарность всем сотрудникам Одесской областной администрации и лично губернатору области Эдуарду Матвейчуку за оказанную помощь в издании моего романа.

Да хранит Всевышний Вас и Ваши семьи.

С уважением, автор –

Владимир Перевалов.



Владимир ПЕРЕВАЛОВ

АКСЕДЕНТ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Детективный роман
(издание второе с добавлениями и изменениями автора)

ББК 84(4Ук=Р)7-4/5
П 27

Серия «Аkkerманский детектив» основана в 2011 году.

«...Как только дверь открылась полностью, от дальней стены на полшага отпочковалась какая-то фигура. «Черт! Неужели мочить будет? Даже не спросив фамилии? Вот это влип! Жалко будет, если так безграмотно». «Два шага вперед и направо. Дверь открывается внутрь», – услышал он хриплый голос фигуры и тут же с точностью все исполнил. Противиться не имело никакого смысла. На данном этапе это было не в его интересах. Он обязан был подчиниться».

ISBN 978-966-1606-78-3

© Перевалов В., 2012
© СМЛ, 2012

СМЛ
2012

От автора

*Акседент (от французского слова Accident) – несчастный случай, авария.

Все герои романа, как и их действия, вымышлены. Всякое совпадение с реальными событиями, включая фамилии, номера приказов и других официальных документов, – исключительное совпадение. Хотя в основу сюжета романа, если верить одному из информационных сообщений телевидения, прозвучавшему в эфире вначале двухтысячных годов, и легли события, имевшие место в первые дни войны, утверждать о достоверности этой информации я не могу.

Почему серию своих книг я назвал АД «Аккерманский детектив»? Никакого подвоха здесь нет. Весь художественный вымысел романов никоим образом в полном объеме не касается города, одно из старинных названий которого – Аккерман. Ларчик открывается просто, живу я здесь.

Почему в своем романе я решил отталкиваться от лета сорок первого года? Дело в том, что с каждым годом молодое поколение все меньше и меньше может почерпнуть правдивой информации о том периоде из официальных источников. Больше того, с каждым годом все меньше и меньше остается в живых тех, кто прошел через горнило 41–45-х годов. О войне, о героическом подвиге представителей всех национальностей и народностей бывшего СССР практически уже и не вспоминают. Разве только в День Победы. Да и читать литературу о том периоде молодежь даже и не старается. А посему, особенно в этот юбилейный год, мне хотелось своим детективом, хотя бы таким способом, отблагодарить тех, кто предоставил моему поколению, а равно и моим детям, внукам... право на жизнь. Авось кто-нибудь да прочитает эти строки, глядишь, и вспомнит рассказы отцов и дедов о тех днях. Заставит хоть на секунду задуматься о прошлом. А без прошлого, как говорил мудрец, нет и будущего.

От всей души мне хотелось бы поблагодарить бывших работников милиции подполковников в отставке И.Д. Янкова и И.Ю. Лендела за предоставленные воспоминания об оперативно-разыскной работе, полковников в отставке Г.М. Глотова, Н.М. Возного, подполковника в отставке В.Ф. Иванченко за оказанную помощь и предоставленные воспоминания о службе, боевых действиях в Африке и Афганистане.

Особая благодарность всем сотрудникам Белгород-Днестровской библиотеки имени Горького за оказанную помощь в работе над рукописью романа.

Желаю всем читателям приятного чтения.

Рецензии

Очередной детективный роман жителя нашего города прозаика-поэта Владимира Перевалова в рукописи готов. Только теперь он с новым логотипом. Раньше был БУД, а теперь АД. БУД – библиотека украинского детектива. Достоверно известно, что издать свои книги за счет государства автор не смог по разным причинам. Украине свой детектив не нужен. Только благодаря спонсорам романы Перевалова увидели свет. И правильно. Пусть остается АД. Аккерманский детектив. Если даже и не интереснее, то, во всяком случае, точнее.

Мне вспоминается конец 1997 года, когда Владимир, тогда еще без всякого псевдонима, принес в нашу редакцию газеты «Советское Приднестровье» свой первый очерк «Операция «Совершенно секретно»». Прошло чуть более десяти лет и свет увидели детективные романы автора «Заказанный мэр», «Монастырское золото», «Кровавый киднеппинг», «Заколдованное ожерелье», не считая около шестидесяти рассказов, очерков и отрывков из повестей в местной и областной прессе, сборника повестей и рассказов и сборника стихов. И вот недавно я познакомился с рукописью нового пятого детективного романа автора «Акседент со смертельным исходом».

Как и в ранее изданных романах, Владимир Перевалов верен своим традициям – детективному жанру. Только теперь он попытался связать историю с реалиями сегодняшней жизни. Посудите сами: начало войны, особый отряд НКВД и НКГБ, в обязанности которого входит вывоз ценностей из западных областей Украины в Киев, бесследно исчезает на территории все той же Западной Украины. Больше того, бесследно исчезают и вывозимые им ценности. Золото, серебро, деньги и янтарь. Причем в приличных количествах.

А как это связано с нашими днями, спросите вы? Не буду заранее раскрывать тайны сюжета, скажу только, что гибель в недалеком прошлом советника президента на границе Закарпатской и Львовской областей имеет прямую связь с историей гибели отряда. Но об этом надо читать. Раскрывая сюжет романа, читатель впритык соприкасается с оперативно-розыскными мероприятиями сотрудников милиции и СБУ, в частности ГУБОП, упорно, шаг за шагом продвигающихся в деле раскрытия различных преступлений, связанных как с убийством советника президента Украины, так и с поиском предателя, причастного к гибели спецотряда. Читатель побывает и в Закарпатье, и на севере Ровненской области, где добывают тот самый янтарь, и в нашем городе Белгороде-Днестровском, и в Одессе на ипподроме... Больше того, отдельные главы романа унесут читателя и в один из ГУЛАГов, и даже на программу «Жди меня».

В своем новом романе автор не отступает от особого изложения сюжетной линии, речи героев – зоновского языка и оперативного сленга, разбавляя все это изрядной порцией юмора. И все это он выносит на ваш суд, уважаемый читатель.

И еще. Я обязан открыть читателям небольшую тайну. Так сказать, по секрету. За прошедшие годы Владимир Перевалов не только обрадовал нас своими трудами на литературном поприще. Он стал членом Ассоциации литераторов Бессарабии «Буджак», лауреатом 3-го Международного литературного конкурса «Границы Содружества – мужество, честь и отвага», финалистом литературных конкурсов «Евроформат 2008» и «Евроформат 2009», дипломантом литературного конкурса 2009 года в честь дня нашего города Белгорода-Днестровского.

А на данном этапе главное что? Главное, чтобы роман увидел свет. А для этого нужна самая малость. Нужны спонсоры, любители детективного жанра, способные оказать автору материальную помощь в издании его нового детективного романа. Ведь не секрет, что издать у нас книгу на русском языке – очень даже непросто. Практически невозможно. Так пожелаем автору успехов в этом нелегком труде.

*Ваш покорный слуга Владимир Крамаренко,
корреспондент газеты «Советское Приднестровье»*

...Но для начала несколько слов о самом авторе.

Владимира Перевалова я знаю давно, с 1997 года. Именно с того дня, когда он начал печататься в газете «Советское Приднестровье». Той газете, в которой некогда имел честь работать и Ваш покорный слуга.

Сначала очерки, короткие рассказы, стихи а потом... А потом в Одесском издательстве вышли его детективные романы. «Заказанный мэр» – об убийстве журналиста одного из СМИ Одессы, «Монастырское золото» – и опять Одесса со своими героями-операми, «Кровавый киднеппинг» – об убийстве детей врачами одной из западных больниц и продаже детских органов как донорских. Об этом в свое время писали СМИ Украины. «Заколдованное ожерелье» – и опять работа истинных сотрудников МВД, раскрывающих очередные преступления в Одессе, Белгороде-Днестровском, Закарпатье. И вот готов очередной роман «Акседент со смертельным исходом».

Конечно, если критику «поковыряться», в романе можно найти и так называемые литературные блохи... Во-первых, повторы и описание событий до мелочей, что для детектива не совсем приемлемо. Во-вторых, иногда проскакивают не совсем интеллигентные выражения, скажем так. Правда, без грубостей. Хотя, язык бандитов интеллигентным не бывает. Ведь сюжет романа детектив. Точнее, милицкий детектив. А этот жанр, как говорится, на любителя.

Что положительного в романах Перевалова? Нет восхваления бандитизма. Нет прославления крови, которое, как правило, имеет место в боевиках. Наоборот, автор отрицательно относится к существующей несправедливости. Больше того, в своих романах он больше чем положительно отзывается о сотрудниках милиции, операх СБУ, «угро», ГУБОП... Убеждает читателя, что и в правоохранительных органах есть честные, добросовестные сотрудники. И это подтверждает статистика по Украине. Горькая статистика. Связанная с гибелью сотрудников правоохранительных органов при исполнении долга.

Он неплохо «дружит» со словом. Описываемые события «вяжут» сюжет от начала романа и до конца. Читается роман сравнительно легко. Вполне возможно, что это и благодаря применению зоновского и оперативного сленга.

В романах Перевалова легко узнается описываемая местность: Одесса, Белгород-Днестровский, Полесье, Закарпатье...

В романе «Акседент со смертельным исходом» автор, насколько я знаю, специально втиснул в описываемые нынешние события историю

ВОВ. Ведь с каждым годом героев тех лет остается все меньше и меньше. Равно, как и места этой темы в нынешней литературе. Включая и учебники. А ведь поколение надо воспитывать на положительных ценностях в жизни государства. И ссылка автора на слова Дж. Сантаяны: «Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь» – больше чем уместна сегодня.

Но, чтобы все положительное в романе Перевалова дошло до читателя, роман надо издать и через библиотеки довести до читателя. Вот тогда и будет завершена конечная цель, которую, как мне кажется, преследует автор.

И если чиновники области и лично Глава Одесской областной государственной администрации Эдуард Матвийчук сочтут возможным переиздать роман Владимира Перевалова «Акседент со смертельным исходом», ответом этому как от читателей нашего города, так и других населенных пунктов будет только благодарность. Я в этом уверен. Чужое надо уважать, а свое ценить. Романы Владимира Перевалова, дипломанта литературного конкурса «Международная независимая литературная премия – Русская премия, Прага, 2011 год» этого заслуживают – на все сто.

Борис Устименко.

Заслуженный журналист Украины

Член международного общества защиты прав человека

...Из информации от источника близкого к спецслужбам, но пожелавшего остаться неизвестным:

«В первые дни войны колонна машин под усиленной охраной отряда особого назначения войск НКВД и НКГБ направлялась в сторону Киева. В кузовах машин в деревянных ящиках находились банковские ценности, вывозимые из Львовского, Луцкого, Тернопольского, Винницкого, Ровненского областных филиалов Центрального банка СССР. В том числе денежные знаки, золото, янтарь... Связь с колонной прервалась в последних числах июня. Как предположение, в районе населенного пункта Середняны колонна могла попасть под бомбежку или ее настигли передовые отряды фашистских войск. До настоящего времени следы колонны, как и перевозимых ею ценностей, не обнаружены».

...11 февраля в 23 часа 43 минуты на горном участке международной трассы Киев – Прага – Берлин произошел несчастный случай. Не доезжая метров сто до вершины перевала на границе Закарпатской и Львовской областей, джип «чероки» съехал с трассы и свалился вниз. Прибывшие вскоре на место падения сотрудники управления ГАИ УМВД в Закарпатской области обнаружили полностью сгоревший джип и в нем обугленные тела двух человек. По остаткам регистрационных номеров внедорожник мог принадлежать известному в Украине бизнесмену, одному из советников президента по экономическим вопросам сорокадвухлетнему Александру Тарасовичу Коноплянному. Причины ДТП выясняются. Официально сотрудниками ГАИ выдвинуты две версии случившегося. Неисправность ходовой части джипа и усталость водителя. Не исключаются и другие версии... Дело взято на контроль в секретариате Президента.

(газета «ФАКТЫ» за 12 февраля 200...)

*Тот, кто не помнит своего прошлого,
осужден на то, чтобы пережить его вновь.
Сантаяна*

Москва. Лубянка

00 часов 22 минуты 30.06.1941 г.

Но для начала краткая хронология фронтовых сводок в первую неделю войны. Считаю, что для дотошного читателя эта информация много чего даст. Вполне возможно, что я ошибаюсь. И тем не менее...

22 июня 1941 года – юго-восточнее Тильзита, восточнее Сувалок, в районе Бреста и южнее Владимира-Волынского в течение всего дня шли ожесточенные бои с превосходящими силами противника. Постановлением Совнаркома западные округа преобразованы во фронты. Киевский особый военный округ – в Юго-Западный фронт. После тяжелых боев наши войска оставили райцентры Устилуг Волынской области и Сокаль Львовской области.

23 июня 1941 года – после тяжелых боев наши войска оставили город и железнодорожную станцию Владимир-Волынский, райцентры Берестечко, Затурцы, Иваничи, Локачи Волынской области. Краковец и Яворов Львовской области. Началось крупнейшее танковое сражение начала войны в районе Луцк – Броды – Ровно.

24 июня 1941 года – после ожесточенных боев наши войска оставили райцентры Вербя, Заболотье, Торчин Волынской области. Нижние Устрики Дрогобычской области и Млинов Ровненской области. В этот же день вышло постановление Совнаркома о создании в прифронтовых областях истребительных батальонов.

25 июня 1941 года – после ожесточенных боев советские войска оставили город Луцк, райцентры Головно, Любомль, Овидное, Сенкевичевка, Шацк Волынской области. Дубно Ровненской обла-

сти.

26 июня 1941 года – после упорных боев наши войска оставили райцентры Горохов, Рожище Волынской области. Судовая Вишня Дрогобычской области. Острожец Ровненской области.

27 июня 1941 года – начались ожесточенные бои за город Кременец. В истребительных батальонах, сформированных в Черниговской области, насчитывается 6321 человек.

28 июня 1941 года – наши войска оставили город Ровно, город и железнодорожную станцию Ковель, райцентры Маневичи, Оляка, Ратно Волынской области. Добромыль, Крукевичи Дрогобычской области. Рава-Русская Львовской области.

29 июня 1941 года – после ожесточенных боев наши войска оставили райцентры Голобы, Камень-Каширский, Любешов, Турийск, Цумань Волынской области. Дубляны, Комарно, Самбор Дрогобычской области. Броды, Брюховичи, Великие Мосты, Винники, Городок, Жовка, Кменка-Бугская, Куликов, Пустомиты, Сокольники Львовской области. (Украинская ССР в годы ВОВ Советского Союза. Изд. 1985 года.)

К исходу 28 июня 1941 года наши войска оставили Минск.

Свернув у Кутафьей башни Кремля налево, машина Лаврентия Берии помчалась на Лубянку.

В машине он был один. Естественно, не считая водителя. Даже охранника, высокого, плечистого сотрудника из личной охраны, не было. Его и не могло быть. Лаврентий только что расстался со Сталиным. А путешествовать в окружении отца всех народов со своей охраной даже Берии не позволялось. У Кобы (подпольная партийная кличка Сталина) была своя охрана. Девять офицеров охранявших его днем и ночью. Именно отсюда, если верить зубрам-комитетчикам, и берет свое начало так называемая в простонародье «девятка». Девятое управление КГБ, осуществлявшее охрану партийной и государственной элиты СССР. И конкурентов она терпеть не могла. Пусть даже это и охрана наркома внутренних дел.

Расстался – это звучит слишком объемно. Расстанутся с родными, любимыми, друзьями и даже просто со знакомыми. В смутные времена зачастую даже навсегда. Отношения между Берией и Сталиным не вписывались ни в одно из этих определений. Сталин для народного комиссара внутренних дел был всем. Лаврентий постоянно помнил, как закончили свою жизнь его предшественники Ягода и Ежов. Но он, как и Сталин, был грузином. Пользуясь таким преимуществом, Лаврентий очень рассчитывал на лучшую участь. Правда, как оказалось впоследствии, такая

«крыша» шансов выжить ему все равно не дала. Да и какая «крыша» может защитить, если в дело вступает хохол. Но в то время он был вторым винтиком в государственной машине и имел полное право распоряжаться судьбами людей огромной по территории и по населению державы с названием СССР. И очень даже неплохо справлялся с этим.

Сидя в машине, Берия до мельчайших подробностей вспоминал нынешний день, вечер и наступившую ночь. Он вообще всегда старался таким путем фиксировать в памяти все услышанное за день. Точно зная наперед, что в недалеком будущем, проводя кропотливую работу по выискиванию «врагов народа», это ему может пригодиться. Он был под впечатлением увиденного и услышанного. «Это же надо, это же надо?..» – мысленно продолжал возмущаться он.

Они только что покинули массивное, исполосованное красками для маскировки, нависшее над площадью здание Наркомата обороны. Они – это Сталин, Молотов, Маленков и сам Берия. Это было первое с начала войны посещение Сталиным военного ведомства.

В первые недели войны положение на западных фронтах было катастрофическое. К исходу 28 июня немцы уже взяли Минск, почти окружив западнее него три советские армии. На других фронтах обстановка была не лучше. В Западной Украине, в районе Луцка, Ровно, Дубно, Броды, пять наших механизированных корпусов хоть и потрепали изрядно врага, приостановили его продвижение на восток, чувствовалось, что это ненадолго.

В эти тяжелые дни для страны в кабинете Сталина постоянно кто-то находился. Члены Политбюро, народные комиссары, руководители заводов, фабрик и, естественно, военные. Люди входили в кабинет, получали задания и выходили из него. Вообще-то, проходя мимо Поскребышева в известный теперь всем кабинет, немногие из них могли с уверенностью сказать, что благополучно выйдут оттуда. «Такое время было» – выдвинут впоследствии умную мысль историки. Хотя такое время не пришло само по себе. У того времени были, так сказать, биологические родители. Правда, совсем нерусской национальности. Так вот, в кабинете будущего Генералиссимуса и днем, и ночью (в основном ночью, Сталин любил засиживаться допоздна и требовал этого от подчиненных) кипела работа. Обсуждались и решались различные вопросы. С момента начала войны все вопросы были военного характера. Во всяком случае, подавляющее большинство из них.

Именно в эту ночь в кабинете Сталина находились члены Политбюро Молотов, Маленков и Берия. Вместе со Сталиным они слушали доклады двух наркомов. Один из них лично отвечал за производство только что запущенных в поток реактивных установок БМ-13, получивших от военных всех рангов сразу после первых залпов на фронтах заслуженное уважение, а от народа – такое милое женское имя «катюша». Второй – за работу танковой промышленности. Отпустив наркомов, генсек набрал номер телефона.

– Что творится на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах?

Несколько минут он, не прерывая, слушал чей-то доклад. Потом со злостью бросил трубку на рогульки и внимательно посмотрел на соратников. Какая-то непонятная, жаждающая разъяснений и вместе с тем боязливо-вопрошающая затаенность в глазах членов Политбюро после ухода наркомов раздражала Сталина. Он был зол и на них, и на себя. На себя – за то, что не знал, что сказать им, как объяснить создавшееся угрожающее положение на фронтах. На них – за то, что они не хотели и не знали, как помочь ему в этом. Подсказать нужное направление, предложить такое решение, выполнение которого способствовало бы разгрому орды навалившихся фашистов в ближайшие сроки. А забивать свои извилины поисками виновных создавшегося положения он не то что не хотел, он просто боялся. Остановившись у своего рабочего стола, раскрошил пальцами несколько папирос «Герцеговина Флор» и набил табаком трубку. Утопав его большим и указательным пальцами левой руки, замедленным движением правой дотянулся до спичек. Закурил.

В кабинете воцарилась гнетущая тишина.

– Эти военные никак не могут разобраться в обстановке, – с приятным кавказским акцентом сказал Сталин после некоторого раздумья. – Я не могу добиться от них вразумительного ответа ни на один поставленный вопрос. Они что там, как слепые котятка руководят обороной? Неужели трудно разобраться, где и какие воинские подразделения фронтов находятся? Главное, в каком состоянии? Такое впечатление, что и у наркома Тимошенко, и у начальника Генерального штаба опустили руки, – глаза генсека, извергающие и злобу, и тоску одновременно, поочередно остановились на Маленкове, Молотове и Берии. Будто эти трое и есть те самые виновники случившихся неурядиц на фронтах. Хотя, прими он такую мысль за основу – недалеко ушел бы от правды. Особенно, если толково поковыряться в прошлом Берии. Но такое решение автоматически вешало бы вину и на него, на Сталина, причем даже не требуя дотошных поисков доказательной базы. – А вот мы сейчас все вместе поедem в Генштаб и там на месте разберемcя с обстановкой на фронтах. Пусть нам военные там, на месте, и доложат, что у них творится на фронтах.

Через несколько минут из Боровицких ворот сопровождаемые двумя машинами с охраной вырвались четыре черных ЗИС-101, напрямик устремившиеся по затемненным переулкам. Берия, сидя в своей машине, уже мысленно готовил различные проекты своих действий по итогам такой «экскурсии». В том, что у некоторых сотрудников наркомата возникнут проблемы, он не сомневался. Вполне возможно, что и не только у простых сотрудников. Он даже стал выстраивать цепочку потенциальных врагов, изменников Родины, повинных во всех земных грехах. Перед его глазами в ускоренном режиме промелькнули лица всего руководства Наркомата обороны. И не только лица наркома обороны маршала Тимошенко, начальника Генерального штаба генерала армии Жукова и других заме-

стителей наркома, но и их друзей, знакомых, жен, детей и прочих близких, из которых придется выбить нужные разоблачающие показания.

(Об этом историческом посещении Сталиным Наркомата обороны написано много и сняты в свое время художественно-документальные фильмы. И лучше, чем описал это посещение Иван Стаднюк в своем романе «Война», думаю, не сделает никто. Особенно диалог между Сталиным и Тимошенко, Берия и Жуковым...)

Ожидаемого результата от этого посещения не получилось. В принципе, Сталин и не ожидал от военных четкого и убедительного заверения о скором разгроме противника. А в лестных выражениях в этом вопросе он не нуждался. Понимал, что такое война. Тем более, с таким противником. Но то, что Он услышал от Тимошенко – подавило его волю. Считай, парализовало. Нет. Не парализовало, а взорвало. И если бы не Жуков, не миновать бы беды. Он готов был даже к смене руководства Наркомата. Но больше всего от этого посещения недовольным остался Берия.

Покинув здание Сталин, Берия, Молотов и Маленков разъехались по разным адресам. Машины с охраной, приняв «ЗИС-101» со Сталиным в средину, понеслись в сторону Киевского вокзала. Молотов и Маленков направились в Кремль. А вот Берия поехал на Лубянку.

– Нет! Я это так не оставляю! – продолжал возмущаться Лаврентий, вспоминая резкое высказывание Жукова в свой адрес. При чем, где? В Наркомате да еще в присутствии Сталина, Молотова, Маленкова и Тимошенко.

Ощущение, что у него отобрали что-то важное, не покидало его ни на секунду. Даже больше чем важное! Что-то такое, с чем он уже сжился. Что было воплощением его самого. «Тоже мне коротышка в мундире. Погоди! Ты еще не раз споткнешься. И тогда посмотрим, кто из нас будет в шоколаде. У кого окажется бублик, а у кого только дырка рта этого бублика. Главное, постоянно фиксировать все твои ошибки, накапливать фактаж твоих недоработок. Неважно, сам ты в них виновен или виновны твои подчиненные. Важен факт. А потом, в нужное время, под соответствующее настроение Кобы красиво преподать все это ему. «Если партия прикажет, если партия прикажет...», конечно, прикажет! Куда она на хрен денется. Она всегда будет приказывать то, что мы сами захотим. Захотим указывать вам, военным – будем указывать. Мы вас даже воевать будем учить. И дать нужные указания тоже сумеем. Еще как сумеем. А попадешь ко мне на Лубянку, я тебя не только научу, я тебя заставлю уважать Лаврентия Берия. Я твою спесь быстро соблю. Не такие ломались. А будешь сопротивляться – к стенке и вся недолга. Не ты первый, не ты и последний. Видали мы таких. Якир, Тухачевский, Блюхер... Петелькина ко мне! Быстро! – бросил он начальнику личной охраны неотступно следовавшим за ним от самого входа в здание госбезопасности».

Войдя в кабинет, Лаврентий Павлович снял шляпу и, протерев очки с обыкновенными стеклами, залпом выпил налитую в стакан минеральную воду «Боржоми».

Нужно сказать, что фирма, созданная Великим Феликсом, на протяжении более восьмидесяти лет существования несколько раз переименовывалась. С ЧК в ВЧК, потом в ГПУ НКВД РСФСР – в 1922 г., ОГПУ – в 1923 г. 10.07.1934 года был образован Союзно-республиканский НКВД, в состав которого включили и ОГПУ – Объединенное Главное политическое управление. Бывшее ВЧК. С 1938 года этим огромным карательным органом руководит Л.П. Берия. То его отделяли от НКВД, то опять вводили в состав. В течение нескольких месяцев первой половины 1941 года НКВД СССР снова был разделен на два самостоятельных органа. НКВД СССР – Л.П. Берия и НКГБ В.Н. Меркулов. Но это – де-юре, де-факто – все оставалось по-старому. Даже рабочий кабинет на Лубянке Берия оставил за собой. Как чувствовал, что такое разделение долго не протянет. С начала войны, а точнее 20.07.41 г. НКВД и НКГБ снова объединили в одно ведомство во главе с Л.П. Берией. Вообще-то эта чехарда продолжалась до 1954 года. Именно тогда был создан КГБ при Совете Министров СССР, просуществовавший до развала самого большого в мире государства. Естественно, не по населению, а по территории.

Прошло минут пять, и в кабинет вошел майор госбезопасности (полковник) Петелькин. Сделав два шага от двери, он остановился.

– Слушаю вас, Лаврентий Павлович.

Петелькин был тем человеком, которого боялись даже некоторые чины повыше. Как в НКВД, так и в НКГБ. Он был самым близким человеком Берии. Имеется в виду близким по работе. А, в общем, утверждать это на сегодня – пустая трата времени. Чтобы не сыпать соль на рану, скажем, что он был самым доверенным человеком у Берии. Так будет вернее.

– Новая информация есть? Да подойди ты поближе. Не буду же я кричать на весь кабинет.

– Никак нет, Лаврентий Павлович! – Петелькин бесшумно прошел по мягкому ковру. – Последняя информация была по «Бодо» (шифровальный разговорный аппарат) по линии госбезопасности в ночь с 27 на 28 июня. Я вам докладывал. Других информации пока не поступало.

– А кто разрабатывал этот дурацкий маршрут?

– Я и майор ГБ (полковник) Тарасюк.

(Исключительно с целью небольшого разъяснения. До введения погон звания у военных, и не только, обозначались на петлицах различными геометрическими фигурами. Треугольники, ромбы, кубики, прямоугольники-«шпалы» и звезды – что соответствовало принадлежности к тому или другому воинскому званию. Но звания в НКВД (НКГБ) не соответствовали общевойсковым. К примеру, сержант госбезопасности приравнивался к общевойсковому лейтенанту, младший лейтенант – к старшему лейтенанту, лейтенант – к капитану, старший лейтенант – к майору, капитан – к подполковнику, майор – к полковнику, а вот старший майор – к генерал-майору и т.д. Кроме того, некоторых сотрудников НКВД (НКГБ) величали не по воинскому званию, а по занимаемой дол-

жности. Младший оперуполномоченный, оперуполномоченный, старший оперуполномоченный и т.д. Чтобы не запутать читателя окончательно в дебрях спецзваний, предлагаю в дальнейшем ко всем героям в форме, независимо от принадлежности к ОГПУ – НКГБ – НКВД и Красной Армии, применять общевойсковые звания).

– А почему проигнорировали мое предложение? Неужто двигаться по центральным дорогам хуже, чем по бездорожью? Там же трасса на Киев прямая, как трехгранный штык. Ведь областные банки размещены именно в этих городах. Давно были бы уже в Киеве.

– Движение колонны по центральным дорогам, тем более в противоположном от фронта направлении, вызовет, мягко говоря, недоумение не только у населения, но и у некоторых военных. И кто знает, чем такое действие закончится для исполнителей операции. Вдобавок явно пришлось бы часто объяснять и причину продвижения военной колонны в тыл, и даже раскрыть, пусть и частично, тайну перевозимого груза. А это может потянуть за собой очень нежелательные последствия. Тем более в прифронтовой полосе. Как правило, достать оружие в таких местах проблемы не составляет. А недружественных к нам элементов в тех краях больше чем достаточно. Уповать на помощь своих войск тоже не приходится. Им бы самим к немцам в лапы не попасть. Это как раз подтверждается сводками с фронтов. Наши войска так и не в состоянии остановить немцев. А двигаться по центральным дорогам у висевших на хвосте фашистов не очень приятно. Боязнь может лишить рассудка даже проверенных сотрудников нашего ведомства.

– Значит, ты с Тарасюком считаешь, что продвигаться колонной по болотам надежнее?

– И спокойнее. Во всяком случае, есть гарантия доставки груза к месту назначения.

– В таком случае, почему колонна так медленно продвигается? Ты уверен в Тарасюке? Кто у него в помощниках? Они полностью в курсе выполняемой операции?

– В Тарасюке – уверен. В полном объеме в план операции посвящены два человека. Он и Устюгов. Все остальные – в пределах разработанной легенды. Колонна продвигается медленно по двум причинам. Первая, в назначенную точку передачи груза под охрану Тарасюку ответственные за эту часть операции помощники Тарасюка и наши сотрудники на местах приходят с большим опозданием. Под Здолбуновом Тарасюку пришлось ждать около суток...

– Да, да! Я читал донесение. Почему?

– Я считаю, что плохо сработали руководители управлений НКВД и госбезопасности в Тернополе и Проскурове (Хмельницкий). Нет никаких известий и по ценностям из Ровненского областного отделения Центрального банка.

– Кто отвечает за это?

– В соответствии с приказом 00107 ответственный за эту часть операции сотрудник Ровненского управления НКВД Кисляков. Он должен был

еще к исходу 25 под Здолбуновом передать ценности Тарасюку. Сегодня уже 29 июня...

– 30-е, – не поднимая головы уточнил Берия.

– Не понял.

– Я говорю, сегодня уже тридцатое. Посмотри на часы. А Ровно, по последним данным, наши оставили еще 28-го. Чехарда какая-то. Ровно у немцев, а Фарамоновка, что под Середнянами, еще наша. Вы что, запасные варианты не отработывали?

– Отработывали. В случае чего, не позднее чем к исходу 27-го, Кисляков должен самостоятельно вывезти ценности в лес, что в трех километрах восточнее населенного пункта Городечное. К этому времени Тарасюк должен быть там и принять ценности и от представителя Луцкого управления НКВД.

– Вы связывались с Кисляковым?

– Связи нет ни с Кисляковым, ни с Ровненским управлением НКВД. С 26-го числа нет. Я осмелился передать по линии особого отдела фронта и действующих в том районе воинских частей НКВД распоряжение от вашего имени немедленно отыскать майора Кислякова и обеспечить ему связь с нами. Информация по этому вопросу пока не поступала.

– Значит, связи у нас с Тарасюком нет, я правильно понял?

– Так точно, Лаврентий Павлович! Последнее сообщение было из...

– И где сейчас находится Тарасюк с ценностями ты не в курсе, так? И на хрена ты мне здесь сдался такой умный? – прервал полковника Берия.

Петелькин понял, что атмосфера накаляется. И последствия могут быть очень даже не предсказуемы.

– А что с Буковским янтарем? Сколько его там?

– Семь ящиков. Примерно, сто килограммов с хвостиком.

– И все это хранится в том самом недостроенном лагере?

– Так точно. На территории так и недостроенного лагеря расположенного северо-восточнее райцентра Середняны. Учреждение ГУЛАГА № 73/2314 ЯУ, строительство которого, как вы знаете, началось в декабре 1940 года. Весь янтарь завернут в специальную бумагу и упакован в ящики.

– В одном месте?

– Нет. В разных. Все места знает только бывший замначальника лагеря по режиму. В соответствии с вашим приказом с начала войны все заключенные из западных областей Украины, как и из Белоруссии и Прибалтики, должны быть переведены вглубь России. С отправкой зеков-строителей в лагере осталось всего шесть человек. Этот офицер, конвойный сержант-срочник и четверо зеков.

Для справки: эвакуация заключенных из тюрем НКВД и НКГБ была возложена на заместителя НКВД СССР комдива Чернышева. По информации наркома ВД УССР майора госбезопасности (полковника) Сергиенко необходимо было эвакуировать более 23 тысяч заключенных. Только на западе Украины было образовано 19 общих тюрем и 1 внутренняя тюремная камера. И это не считая лагерей. Для этого требо-

ваюсь 700 железнодорожных вагонов. В первые дни войны это было практически немыслимо.

– Они знают про янтарь?

– Кроме нашего офицера о янтаре больше не знает никто.

– Он что, сам этот янтарь упаковывал и в места хранения развозил?

– Никак нет! Сам он этого не делал, – улыбнулся Петелькин. – У него в подчинении оставалось четверо зеков.

– Ты мне дурика здесь не строй! – заметив улыбку на лице подчиненного, гаркнул Берия. Причем таким тоном, каким обычно пользуются выводные: «Стоять! Лицом к стене! Руки назад!»

– Тех, кто ему в этом помогал, уже нет. Сержант-конвойный всех четверых пустил в расход. При попытке к бегству, – заметив хитрый взгляд своего шефа, поспешил уточнить полковник. – А сам он при невыясненных обстоятельствах утонул в болоте. Там этих болот хренова туча, – скороговоркой продолжил Петелькин и сразу почувствовал неприятное ощущение где-то в районе лопаток. Он поспешил, как говорится, вперед бабки в пекло. И если паче чаяния окажется что приказ, который он отдал в бытность своего прошлого приезда в Ровно младшему лейтенанту ГБ (ст. л-ту) Устюгову не выполнен, то пекло лично для него гарантировано.

На мгновение Берия, изменив положение головы, опустил взгляд с Петелькина на рабочий стол и, тут же подняв голову, продолжил:

– А остальные, которые на данный момент привлечены к операции «Янтарь»?

– Люди проверены, – ответил Петелькин, замешкавшись буквально на долю секунды. Он даже посчитал, что его шеф такую мелочь не заметит. Только зря он так думал. Берия в таких делах был опытным. За время работы в системе госбезопасности Грузии, а потом и в Москве он лично провел приличное количество допросов с так называемыми «врагами народа». Причем как без пристрастия, так и с оным. С пристрастием – процентов на семьдесят больше. И отличать в ответах допрашиваемых правду от неправды, особенно по глазам, он научился безошибочно. Вот и теперь, услышав чуть замешкавшийся ответ полковника, сразу взметнул на него взгляд. От этого взгляда у последнего где-то в области спины зашевелились мурашки. Зашевелились и широким фронтом стали спускаться к копчику. У него даже спина зачесалась от такого вояжа. Но полковник стерпел. Даже виду не подал, как ему хочется почесать спину. А мурашки все двигались и двигались, заставляя спину требовать уже не почесывания, а более мощного вмешательства. Была бы у Петелькина металлическая щетка примерно, как для ухаживания за коровами, он бы тут же в кабинете, прямо через рубашку до крови изодрал спину. Так продолжалось не больше полминуты.

– Кто занимался проверкой лиц, привлеченных к операции?

– Отдел внутренней инспекции совместно с управлением кадров.

– Тогда почему ты замешкался? Не уверен, что в случае чего останешься в стороне, да? Правильно мыслишь. Виновных всегда можно найти. Если, конечно, захотеть.

– В операции принимает участие более тридцати человек. Тарасюк и Устюгов – наши представители. Эти полностью проверены. Остальные – представители особых отделов, погранотрядов, войск НКВД. В том числе и из управлений госбезопасности на местах. Областных и районных управлений и отделов.

– Значит, дать полную гарантию благополучного окончания операции ты не можешь, так я понимаю? Твоя задача была разработать план операции, подобрать проверенных исполнителей и довести его до них. Ты же сразу после утверждения мною этого плана лично выезжал штаб Юго-Западного фронта. (С началом войны полевое управление Киевского особого военного округа, а позже – фронта, почти в полном составе постоянно находилось на КП (командном пункте) в Тернополе). Неужто не мог там, на месте, разобраться с кадрами? А этот Конопляный? – заглядывая в бумажку, лежащую на столе, решил уточнить нарком. – Кто он? Откуда? Ничего себе, фамилия! – хмуро произнес Берия, делая ударение на последнем слого. – Он что, из местных?

– Конопляный Александр Тарасович сотрудник управления госбезопасности в Ровненской области. В прошлом году окончил Ленинградское пограничное училище. В Ровно попал сразу после училища. В действительности родом он из деревни Лубянка Киевской области. Должен же был быть в отряде человек, знающий этот район.

– Из какой деревни? Ты что, шутишь?

– Никак нет, Лаврентий Павлович. Конопляный действительно родился в деревне Лубянка. Оказывается, есть такая деревня в Киевской области. Только он об этом и не догадывается. Родителей у него нет. Воспитывался в одном из детдомов Свердловской области. Окончил ФЗО по специальности плотника. В погранучилище попал по комсомольской путевке. Смышленный малый. Училище окончил с отличием. Видимо, поэтому и попал сразу в областное управление госбезопасности.

– А где же его родители?

– Он уверен, что родители погибли на Урале во время гражданской войны. Но он их не помнит.

– А в действительности?

– В действительности родители попали под раскулачивание и были выселены на Урал. Вскоре там и померли. Документы у него по этому случаю настоящие. Даже место захоронения родителей указано правильно.

– А если он уже наведывался в свою деревню? Как ее там, Лубянка?.. Фамилию ему ведь не изменили, верно? Если он начал плясать от фамилии и узнал настоящее свое прошлое? От этих хохлов всего можно ожидать. Этот вариант ты не отрабатывал? А если он возьмет да перестреляет охрану, заберет груз и передаст его немцам? Что смотришь, скажешь, что такое невозможно?

– Насчет фамилии – не наша вина. Детдом проворонил. А один он ничего сделать не сможет.

– Почему один? Разве мало в западных областях противников нашей власти? Особенно во Львовской, Волынской и Ровненской областях. Эти

же районы только недавно присоединены к нам. Может, он давно уже связан с ними?

– Ну, во-первых, Лаврентий Павлович, родителей он своих не помнит. Во-вторых, где он родился – тоже не знает. Он убежден, что его родина – Свердловская область. Точнее, детдом, где он воспитывался. И, в-третьих, в управлении госбезопасности Ровненской области за этот период он прошел толковую проверку. Замечаний со стороны руководства областным управлением к нему нет. Вдобавок, чтобы спрятать такой груз, надо иметь подготовленное место. А такое место за несколько дней не подготовишь.

– Убедил. В таком случае вылетаешь в Киев. Разберись на месте, где Тарасюк и Кисляков. Ты должен их найти. Полномочий у тебя хватает. Если я правильно понял, из Середнян Тарасюк должен сначала добратся до бывшего лагеря ГУЛАГа, забрать янтарь, а оттуда на Коростень. Так? Я правильно излагаю?

– Так точно.

– Карта всех маршрутов у тебя?

– В пакете для особых распоряжений. Но я ее на память знаю.

– В таком случае желаю тебе успеха. И запомни, за янтарь отвечаешь лично. Не забывай, что в Киев груз должен попасть своевременно. Страна очень нуждается в этих ценностях. Операция под контролем Самого... У тебя очень мало времени. Середняны продержатся не больше недели. Не успеешь, завалишь дело, можешь там и оставаться.

От Советского информбюро: ...Сегодня, 30 июня 1941 года, после тяжелых и кровопролитных боев наши войска оставили областной центр город Львов.

Шифровка из Одессы

Приказ 00107/ГБ от 23.06.1941 г.

Как только за Петелькиным закрылась дверь, Берия поднялся со стула и стал медленно прохаживаться вдоль длинного стола для совещаний, расположенного справа у стены.

«Да! Уже тридцатое. Считай, неделя войны прошла. Всего неделя, а мы и Минск потеряли, и Луцк, и Ровно. Странно как-то немцы войну ведут. Два дня тому взяли Ровно, Минск, а Золочев, что в ста километрах от Львова, до сих пор в наших руках. Правда, вот-вот падет. Странно все это. Очень странно, – Лаврентий Павлович был очень далек от искусства ведения войны. Да и вообще, в вопросах ведения боевых действий он был, мягко скажем, не очень. Правда, уничтожать противника умел. Точнее, инакомыслящих. В основном своих. А впрочем, свои для него были только грузины. И то не все. – Да что там эти города. Вон сколько нашей территории немцы отхватили за эту неделю, – он на секунду остановился возле огромной карты СССР висевшей на стене».

С началом войны такие карты стали обязательным атрибутом не только в кабинетах членов Политбюро. Каждый мало-мальски партийно-хозяйственный начальник считал для себя обязательной реально отслеживать продвижение немцев. Причем без указивок сверху. С какой целью – это уже отдельный вопрос. Разница была только в том, что Берии и другим руководителям партии и государства обстановку на картах наносили специалисты. Трижды в день. Утром, в обед и вечером. А при необходимости – немедленно. И изменения на карту вносились совсем не на основании сводок сообщаемых Совинформбюро, а из официальных данных Генерального штаба.

«Да! Всего неделя. Если так и дальше пойдет, то к зиме... – Лаврентий аж вздрогнул, резко бросив взгляд сначала в сторону дверей, а потом в направлении больших тяжелых гардин, закрывавших окна. Кстати, окна в его кабинете на Лубянке никогда не открывались. Убедившись в полном отсутствии посторонних, будто кто-то, даже случайно оказавшийся в кабинете, мог услышать его мысли, Лаврентий Павлович продолжил дальше «гулять» туда-сюда. Шум шагов скрывал высокий ворс большого на всю комнату ковра. – Пока не поздно, быстрее бы эти ценности доставили в Киев. Из Киева в Москву – проблемы большой не составит, – убедившись, что в комнате он один, нарком продолжил мысленно разговаривать с умным человеком. – Уже здесь, в Москве, мы сможем быстро с этими ценностями разобраться. Что в общий котел, а что и ... Особенно, янтарь. О нем до сих пор ни одна лишняя душа не ведает. А может, надо было заняться этим добром в тот же день, когда с Пастера, 54 поступило донесение? Нет! Тогда такое действие могло закончиться плачевно. Вон как Хозяин посмотрел на меня, когда я ему намекнул об этом в первый день войны. Явно такая же шифровка поступила и к Голикову. А тот тут же положил ее на стол Кобе. Нет! Все же правильно мы поступили, что не приняли мер для вывоза ценностей сразу, – нарком внутренних дел вспомнил день 15 июня 1941 года.

Ровно за неделю до начала войны ему позвонил Петелькин и попросил срочной аудиенции.

– Что случилось? – спросил Лаврентий. – Что за срочность?

– Вот! – не говоря больше ни слова, вошедший положил перед шефом сложенный бланк шифротелеграммы.

– Откуда?

– Из Одессы. Только что поступила.

Берия развернул бланк.

Шифротелеграмма

Москва. Меркулову.

«Воздух!!!»

Агент Н-137 передал, что ночью в хозяйстве Эриха Коха получена шифровка. Передаю дословно:

Одесса. Генконсулу Эриху Коху.

В течение ближайшей недели, привлекая к работе недовольных советской властью, наведите справки о наличии драгоценных метал-

лов (золота и серебра) и изделий из них (в том числе и денежной массы) в филиалах Государственного банка СССР, расположенных в областных центрах на юге и западе Украины. С началом Великой миссии все эти ценности должны стать достоянием рейха. Через представителя военного атташе Генконсульства подключите к этому нашу резидентуру во Львове, Луцке, Ровно и Одессе. Добро Канариса получено.

Берлин. 14.06.41 (23 час. 45 мин.) Риббентроп.

Шифровка получена сегодня в два часа семнадцать минут.

Одесса. 15.06.41 (21 час. 10 мин.) Петров.

— Ну и? Нам что, своей головной боли мало? Пусть Меркулов и раз... с этим. Кстати, — Берия поднял голову на Петелькина, — он о шифровке знает?

— Пока нет. Шифровальщик в этом здании наш человек. В смысле приписан к ГБ еще с тех пор, когда она входила в возглавляемый вами, Лаврентий Павлович, НКВД.

— Что-то я ни хрена не пойму. Ты можешь свои мысли излагать человеческим языком? Без всякой таинственности? Предлагаешь заняться охраной этих ценностей?

— Почему охраной? В шифровке сказано: «С началом Великой миссии ценности должны стать достоянием рейха». А это значит...

— «Великая миссия» — поход на восток против большевизма. Это не только в меморандуме Гитлера, об этом в последнее время он до хрипоты распинается на всех закрытых совещаниях.

— Вот-вот. А я о чем?

— Напекаешь на войну? И ты туда же? Панику разводишь? Смотри у меня. Не посмотрю на твои прежние заслуги.

— Так это не я намекаю. Риббентроп намекает. Даже срок указывает, неделя. А Петров с этим агентом ему помогают, — приняв грозный намек своего шефа за открытое предупреждение, Петелькин моментально стал отрабатывать задний ход. Причем истинно по-бериевски, с готовой подставой виновных. Очко, чай не железное.

— Ты мне тюльку-то не гони! Ишь как быстро шпионов отыскал! Петров — настоящий коммунист. Он не только Одессу, он всю Одесскую область от ненадежных элементов очистил.

— Согласен. Но бузит-то не Петров. Вполне возможно, что эту дезу Риббентроп именно через этого агента нам втюхивает.

— Ну ты и жук, — Лаврентий ехидно улыбнулся. Он понял, откуда такие мысли подчиненного берут свое начало. Из какого такого родничка.

— Так ведь этот агент совсем не наш. В смысле, не по нашему ведомству проходит. Он за хозяйством Голикова числится. Сотрудник управления ГБ в Одесской области только на связи с ним.

— Тем более. Ты уверен, что этот агент такую же шифровку Голикову не стукнул?

— С какой стати? Он и не догадывается, что его шифровка легла на стол не Голикову, а вам. У него что, прямая связь с разведупром имеется?

— Ну-ну. А Меркулов?

— Так он же бывший ваш подчиненный. До недавнего времени был вашим заместителем. И народным комиссаром ГБ стал благодаря только вам. Такое не забывается. Ясный перец, что рано или поздно шифровка попадет к нему.

— Совсем запутал. К чему тогда ты этот базар затеял? Лично я не вижу здесь никакого выигрыша для нас.

— Лаврентий Павлович, так ведь в выигрыше всегда тот, кто первый доложит наверх.

— О предполагаемом начале войны? Ты в своем уме? Да Хозяин за это меня в порошок сотрет. Он ведь и мысли такой не допускает. За такие разговоры знаешь, сколько людей в преисподнюю отправлено? И очень даже не простых смертных.

— А я и не предлагаю бежать и докладывать именно об этом.

Услышав эти слова, Берия сотворил такое выражение, что Петелькину впору было бежать в похоронное бюро и заказывать не только гроб, но и место на кладбище. Причем не там, где хоронят всех, а отдельно. Где врагов народа.

— Я в смысле, что спешить с этим не стоит. Если через неделю данные шифровки не подтвердятся — забыть об этом.

— А если подтвердятся?

— Тогда действовать по обстановке.

— А за эту неделю немцы все ценности вывезут, да? Да за несвоевременную информацию наши лобешники зеленой быстро намажут. И заметишь, тебе в первую очередь.

— До начала войны? Это не возможно. Там же охрана. В крайнем случае, ее можно усилить.

— Так зачем же тогда затевать всю эту возню с шифровкой сейчас? Отдать ее Меркулову и пусть все идет своим чередом. Постой, постой... Ты предлагаешь пока просто намекнуть Хозяину об интересе немцев к этим ценностям, да? Убедить его о необходимости немедленного вывоза этих ценностей? Но Он и на это никогда не пойдет. Такое мероприятие в тайне не сохранишь. Наши противники быстро об этом пронюхают. Ты представляешь, какой хай поднимут? Не-е! С таким предложением я к Хозяину сейчас не сунусь. Намекнуть при случае, конечно, можно. Чтوب контроль, там, охрану...

— Так ведь, Лаврентий Павлович, и я об этом же. А если данные шифровки подтвердятся...

Увидев взгляд взметнувшихся к нему глаз Берии, Петелькин, чуть не подавившись, срочно проглотил конец предложения. Но, как только шеф опустил глаза, тут же продолжил:

— На всякий случай я тут подготовил план эвакуации этих ценностей.

— Так бы и сказал. А то ходишь вокруг да около. Теперь понятно. В случае чего тут же первым предложить план эвакуации. Это вариант. Кстати, как там обстоят дела с Буковским янтарем, со строительством лагеря?

– Там все идет по плану и утвержденному вами графику. В ближайшее время можно будет отправлять туда надзирательный состав, а потом силами конвойных войск этапировать зеков из других лагерей, – Петелькин положил перед шефом папку в кожаном переплете с тисненной золотом надписью: «Для доклада».

Открыв ее, Берия увидел скрепленные три листа машинописного текста. Мельком глянув на бумаги, закрыл папку и небрежно отодвинул ее на край стола.

– Оставь это у меня. Выберу время – ознакомлюсь. Можешь идти, – устало ответил хозяин кабинета, махнув подчиненному рукой в сторону двери.

Петелькин, увидев, с каким безразличием его шеф отнесся к бумагам и разговору в целом, подумал, что вряд ли тот захочет брать на себя такую ответственность. Ценности могут сгинуть в пучине военного времени, могут стать добычей противника, наконец, попасть в очень нехорошие руки своих. В итоге, хрен редьки не слаще. А вот нажать неприятности на свою задницу – ясный день можно как два пальца обмочить. Причем не только полковникам, но и чинам повыше. Лично он на положительное решение данного вопроса не очень и надеялся. Был уверен, что в случае чего Сталин за такие прорехи никого не пожалеет. Даже своего любимчика. Поэтому, изобразив на лице выражение явно обозначающее: «Как прикажете. Мое дело предложить!» – молча удалился из кабинета.

Берия же после ухода Петелькина быстро схватил папку, открыл ее и стал внимательно читать оставленные бумаги. Полковник, надо отдать ему должное, изложив свои мысли в форме предложений, постарался указать примерный перечень ценностей по каждому банку отдельно. Единственное упущение было в том, что указанные ценности касались только банков, расположенных на территории Западной Украины. Видимо, здесь сыграли свою роль разграничения кураторства.

Самостоятельно принять решение об эвакуации ценностей он, естественно, не мог. Стопроцентно Сталин за это схрумкал бы его с потрохами. Берия правильно рассуждал, что такое решение на данном этапе Сталин тоже не принял бы. Лаврентий прекрасно знал отношения Хозяина к разговорам о войне с Германией. И не только знал, он был прямым исполнителем воли Сталина даже к носителям таких мыслей. Исходя именно из этих позиций он понял, что в ближайшие дни к Сталину с этим вопросом не подойдет. Дважды прочитав предложенный проект приказа и план эвакуации ценностей, сделав все же на полях «ноте бане» (пометки) о необходимости расширения действия этих документов не только на территории Западной Украины, народный комиссар внутренних дел спрятал бумаги в сейф. Так сказать, до «лучших» времен.

А «лучшие» времена наступили быстро, уже через неделю. Как пела потом Клавдия Шульженко: «...ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...»

Уже в первый день войны, сидя один на один в кабинете вождя, Берия как будто между прочим сказал:

– У меня есть информация, что немцы в ближайшие дни попытаются завладеть ценностями, находящимися в областных отделениях Центрального банка на западной территории СССР. Правда, – поспешил продолжить Лаврентий, почувствовав на себе слишком уж пронизательный взгляд Сталина, – данные эти пока не проверены.

Как правило, такой пронизательный взгляд мог означать только одно. Полученная информация не была неожиданной для Иосифа Виссарионовича. «Интересно, кто же это такой шустрый, Меркулов? Нет. Этот до недавнего времени был моим заместителем по ГБ. И народным комиссаром стал исключительно по моей протекции. Поди, разведчики постарались. Только в этом хозяйстве у меня никого нет. И когда успели? Явно тот агент из хозяйства Эриха Коха в Одессе отправил все же свое донесение в два адреса. Говорил же я Петелькину. Тогда почему после полученной информации Хозяин не принял никаких мер? А если?.. Нет! Такого не может быть. Я бы об этом знал. Тогда в чем причина?»

Прошло какое-то мгновение, а Сталин, кроме пронизательного взгляда, на информацию Берии никак не отреагировал. Нашарив на столе пачку папирос «Герцеговина Флор», занялся привычным делом. Пока он крошил папиросы, набивал трубку, утапывал табак, Берия не проронил ни слова. Хотя напряжение его тела повысилось до предела. Прикурив от спички, Сталин поднялся и медленно стал прохаживаться позади наркома. Пару шагов туда, пару – обратно. Такое зловещее расхаживание за спиной сидящего (допрашиваемого) главному карателю страны было до боли знакомо. Это действительно впечатляет до дрожи в мизинцах. Появившиеся нехорошие мысли усиленно стали шебаршиться в черепной коробке наркома.

Услышав о ценностях, Сталин моментально вспомнил донесение, хранящееся в его сейфе. За девять дней до начала войны это донесение положил ему на стол сам начальник управления разведки генерал Голиков. В донесении сообщалось, что по линии ведомства рейхсминистра иностранных дел во все германские консульства... В общем, почти то же самое, что и в шифровке из Одессы. В последние месяцы тот лично докладывал один на один обо всех донесениях, полученных по линии разведки. Тогда серьезного внимания на это донесение Иосиф Виссарионович не обратил. Правда, несколько вопросов об информаторе задал:

- Информатору можно верить?
- Так точно, товарищ Сталин!
- Давно работает на нас?
- Два года.
- Немец?
- Так точно.
- На чем его взяли?
- На родословной, товарищ Сталин. Обыкновенный шантаж. Хотя, как передал наш резидент в Германии, на контакт он шел довольно легко.
- Он что, действительно работает в хозяйстве у Риббентропа?
- Так точно.

– Сколько?
– Чуть больше пяти лет. Попал туда еще при старом рейхсминистре иностранных дел.

– А если это очередная дезинформация?
– Дезинформация в таком вопросе? Сомневаюсь я, товарищ Сталин. И что в таком случае выиграют немцы? Соберут в одно место все наши охранные войска? Нет. Это не деза. В этом я уверен.

– И все же, товарищ Голиков, необходимо подтвердить эту информацию.

И Сталин, и Голиков к полученному донесению отнеслись по-разному. Именно поэтому вопросы руководителя государства подразумевали одно, а вот ответы Голикова – другое. Последний, в отличие от Сталина, пристегивал полученную информацию исключительно к упоминаниям о ценностях.

«Да! Одна и та же информация от двух независимых источников – это уже не случайность. Это уже не деза. В таком случае, прав был Голиков», – подумал сейчас Иосиф Виссарионович и, не удержавшись, задал Берии тот самый вопрос, который задавал тогда главному разведчику страны:

– А что, много ценностей там хранится?

– Не много и не мало. По моим данным там хранятся ценности как в денежных купюрах, так и в изделиях из золота и серебра, – тут же ответил Берия.

«А вот ответы у них диаметрально противоположные. В плане правды и заинтересованности, естественно. Голиков, так тот прямой как выстрел. Ответил не задумываясь, что такой задачи его ведомству не ставилось. А этот хитрый. Ишь как завуалировал свой ответ. А может, не хитрый, а умный? Умнее товарища Сталина? Терпеть не могу умных рядом с собой. Его предшественники тоже в последние годы своей карьеры умнеть стали. И где они? Ладно. Разберемся. В одном Берия прав, надо эти ценности побыстрее вывезти. Хотя главную информацию из того донесения мы все же проворонили. Да разве только из того донесения? Предупреждали ведь нас. И кто виновен в этом? – руководитель партии и государства на мгновение остановился рядом с сидевшим. Молча всунул мундштук трубки под усы, затаился и снова устремил свой пронизывающий прищуренный взгляд на Лаврентия. Сидевший не ступал. Глаз не отвел. Хотя ему так и хотелось бежать из кабинета вождя. И не просто бежать, испариться насовсем, нырнуть в Астраль.

– И что ты предлагаешь?

– Вывезти их оттуда. Пока немцы до них не добрались.

– Ты тоже думаешь, что война – это надолго? А впрочем... Ты прав. Решение надо принимать. Я думаю, мы создадим совет. Вот пусть он и занимается эвакуацией всех материальных ценностей из западных районов СССР.

(Такой совет по эвакуации был создан 24 июня 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Председателем совета был назначен Н.М. Шверник. Заместителями у него стали А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин).

Но уже спустя всего несколько часов после разговора с Берией Сталин вновь вернулся к этому вопросу. Правда, теперь в присутствии некоторых членов Политбюро. Подготавливая почву для создания совета по эвакуации, он, как бы между прочим, сказал:

– Я думаю, товарищи, что до создания совета нам незамедлительно надо решить вопрос о вывозе ценностей из филиалов Центрального банка, размещенных в западных областях СССР. У кого какие будут предложения?

– А что тут думать, товарищ Сталин? Надо поручить это дело нашему уважаемому Лаврентию. От его цепкого глаза никакие ценности не ускользнут, – тут же предложил Михаил Калинин, как будто давно ожидавший этого вопроса. Узкие щелочки глаз, вечно дежурная улыбка на лице в комплекте с бородкой клинышком делали его больше похожим на старосту, чем на такого важного государственного чиновника. В действительности в народе его так и называли: «Всероссийский староста».

– Согласен! – внимательно пообеда своим прищуренным взглядом всех сидевших, в растяжку ответил Сталин. – Пусть будет Берия. Но заниматься он будет только банковскими ценностями. Программой эвакуации в полном объеме займются другие. А для того чтобы охватить всю территорию западной части Союза от Питера и до Одессы, предлагаю образовать пять направлений. Прибалтика, Белоруссия, Западная Украина, Молдавия и Южная Украина.

Было далеко за полночь, когда Лаврентий Павлович после совещания в Кремле вернулся на Лубянку. Войдя в кабинет, он тут же вызвал к себе Петелькина. Понимая, что толковая идея должна быть вознаграждена, предложил ему взять на себя западный регион Украины. Берия прекрасно помнил, кто ему четыре месяца назад первым доложил о найденных недалеко от села Буково в Ровненской области двух приличных кусков янтаря. Помнил он и то, что на протяжении этих месяцев об этой находке не узнал больше ни один человек. Хотя поиском таких «камушков» занималась уже целая бригада из числа зеков новостроящегося лагеря. И в этом тоже была заслуга Петелькина, бывшего охранника, одного из самых преданных подчиненных. Подчиненного, знавшего о своем шефе такое, такое... В том числе и связанное с молодыми москвичками и никому неизвестными девчонками, приехавшими покорять Москву. И даже с известными артистками, ставшими впоследствии народными. Очень уж уважал Лаврентий Павлович этот вид «спорта». Только спустя многие десятилетия после его расстрела, практически после развала СССР, так называемая желтая пресса вытащит на поверхность некоторые темные страницы из жизни одного из ближайших соратников Сталина. Тоже, кстати, грузина по национальности. И не только прямого исполнителя воли отца всех времен и народов, но и великого специалиста, считай учителя, в выбивании нужных признаний от арестованных. В оправдание таких действий был придуман специальный слоган, с успехом внедренный в толпу: «Враг народа». Какой враг, какого народа – об этом никто тогда не задумывался.

Прямо в присутствии Петелькина Берия подкорректировал черновик приказа по НКВД. Спустя какое-то время соответствующие бумаги были надлежащим образом оформлены, подписаны наркомом внутренних дел и зарегистрированы. Так родился приказ по НКВД № 00107/ГБ от 23 июня 1941 года.

Отпустив Петелькина, Лаврентий Павлович долго еще сидел в кабинете. Он никак не мог забыть взгляд Сталина. Точнее, он никак не мог отыскать ответ на вопрос, кто его опередил. «Надо срочно подыскать толкового кандидата в хозяйство Голикова и заставить его работать на меня. Особенно в этот период. В период войны. Разведка – это своевременные сведения о противнике. Раскрытие его секретов. А своевременные сведения – это большое подспорье в победе. Отсюда и уважение, и заслуги, и награды... Кто обладает всеми секретами, тот обладает миром», – почти под утро, сделав такое умное заключение, Берия отправился домой. Он даже не подумал, что сие выражение уже придумали и придумали задолго до него.

... Оставшись один в кабинете, Сталин открыл сейф и достал оттуда сложенную вдвое бумажку. Это было то самое злополучное донесение. Он не стал его читать. Помнил наизусть. На свою память не жаловался. Несмотря на возраст и занимаемый пост. «Почему Голиков не доложил о подтверждении этого донесения? Он что, забыл? В таком случае мы ему это напомним», – хозяин кабинета потихоньку стал накручивать себя отрицательными эмоциями. Он не терпел несвоевременных докладов по порученному делу. Тем более, вообще отсутствия всякого доклада. Такое действие со стороны подчиненных, независимо от рангов, принималось им не просто как простая забывчивость или неисполнительность. Он принимал это как прямое неуважение к себе, к товарищу Сталину. А это уже попахивало очень нехорошими последствиями. Отрицательные эмоции сконцентрировались в правой руке, и та самопроизвольно потянулась к телефонному аппарату. Почти добравшись до телефонной трубки, покоившейся на рогулинах-рычагах, рука в последнюю секунду замедлила ход, а затем и вовсе вернулась в исходное положение. Пытаясь сосредоточиться, будущий Верховный Главнокомандующий окунулся в воспоминания.

Вообще-то, за последние сутки нехорошие мысли совсем не давали ему покоя. Шебаршились, шебаршились, тыкались в разные направления в поисках ответа или хотя бы простого разъяснения по поводу страшной трагедии, свалившейся на руководимое им государство.

Он вспомнил 20 марта 1941 года. Именно тогда начальник разведывательного управления генерал Голиков представил руководству государства доклад исключительной важности.

К тому времени Сталину уже неоднократно поступали различные сообщения о грандиозных планах гитлеровского правительства. Это были и донесения Рихарда Зорге, и сообщения нашего резидента, и военного атташе, и даже посла СССР в Германии Деканозова. В разных донесениях сроки начала войны менялись. То на 20 мая, то в период между 15 мая и 15 июня... Обо всех этих сообщениях, как правило, докладывал в

основном Голиков. Но свои выводы главный разведчик почему-то всегда заканчивал в прилично сомнительном тоне. Такую же позицию занимал и народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов, лично получавший донесения от своего военно-морского атташе в Берлине капитана 1 го ранга Воронцова.

Именно тогда, 20 марта, представляя возможные варианты направлений ударов немецко-фашистских войск, генерал Голиков, делая вывод из своего доклада, высказал предположение, что немцы могут напасть на СССР только после победы над Англией. Или, в крайнем случае, после подписания с ней почетного для Германии мира. Тут же главный разведчик страны подкрепил свое мнение тем, что имеющиеся документы, в том числе и слухи о нападении на СССР, следует расценивать как дезинформацию английской и германской разведок.

Этот доклад Сталин помнил прекрасно. Помнил потому, что именно такие ответы он желал тогда слушать. Именно такие ответы ассоциировались с его собственными мыслями о ближайшем развитии событий. И других вариантов он не принимал. Наложение на отрицательные эмоции вынырнувшего откуда-то из глубины души еще слабенького ощущения о наличии собственной вины за происходящее, были тем самым башмаком, тормозившим весь состав. То бишь руку. Но появившееся слабенькое ощущение стало крепнуть. Теперь уже память нырнула глубже, в середину 20-х.

После того, как 16 апреля 1922 года в Раппало был подписан договор между Германией и Россией, начались первые контакты между рейхсвером и Красной Армией.

«Так ведь эту политику начинал не я! Такая идея получила свое рождение еще при Ленине. И при чем здесь я? Это же он отстаивал предложения немецкого командования, чтобы их офицеры обучались на русских полигонах владеть современными видами оружия. Оружия, которого по Версальскому договору рейхсверу запрещалось иметь. Именно по предложению Ленина Генеральный штаб Красной Армии знакомил немецких офицеров с тактикой и стратегией ведения войны. А дальше, глубже. Немцы получили разрешение на строительство своих авиационных заводов на территории России. Создание завода фирмы «Юнкерс» в Филях, допустим... Я ведь только продолжил эту линию после смерти Ленина. Но немцы же вкладывали свои деньги в это производство. И немалые. А может? Может, это и была глубоко законспирирована идея развала нашего государства? Может, зря я тогда затеял всю ту игру с Тухачевским, потом с маршалом Блюхером и другими? Но цель была праведная, нанести сокрушительный удар по командованию вермахта. Ослабить его». *(Здесь и далее материалы взяты из воспоминаний В. Шеленберга.)*

Сидя за своим рабочим столом, Сталин продолжал вспоминать. Память вытащила из извилин и проживающего в Париже белогвардейского генерала Скоблина, и полковника Николаи, бывшего во время первой мировой войны шефом немецкой военной разведки, и даже жену Скоблина, Надежду Плевицкую, бывшую «звезду» Петербургской придворной

оперы. Именно она-то и была агентом ГПУ. И именно через этого самого полковника Николаи, по инициативе которого в свое время был совершен переезд Ленина в Россию в plombированном вагоне, были налажены контакты между Россией и Германией. Контакты, начавшиеся еще при Ленине и продолжавшиеся при нем, Сталине, вплоть до подписания германо-советского договора о ненападении в 1939 году.

Нет! Он не помнил эти лица. Лично Он их даже не знал. Но прекрасно был осведомлен о той игре, которую разрабатывало еще ЧК. С 1934 года к этой игре подключился нарком НКВД Ягода, а позже, после расстрела Ягоды, – Ежов. Именно Скоблину было подсунуто ничем не подтвержденное известие о том, что Тухачевский во взаимодействии с германским генеральным штабом планирует свержение его, Сталина.

Бывший белогвардейский генерал был в то время в хороших отношениях с самим Гейдрихом, шефом управления имперской безопасности. Это известие было передано Гитлеру. Но нужной реакции не последовало. Гитлер отдал распоряжение, чтобы дело Тухачевского держалось в тайне не только от немецкого командования, но и от Сталина. Об этом Иосиф Виссарионович так и не узнал до конца своей жизни. Его перехитрили. Не узнал и то, что Гейдрихом были в то время специально спланированы налеты на архивы вермахта и на служебные помещения разведки. Действительно, там были обнаружены кое-какие подлинные документы о сотрудничестве немецкого вермахта с Красной Армией. После вторжения в этих помещениях был инсценирован пожар. В последствии полученный материал был надлежащим образом обработан и предоставлен Гитлеру. Потом, через чехословацкий генеральный штаб и лично Бенеша, президента Чехословакии, Сталину было сообщено о существующем заговоре. Деваться было некуда. Сталин предложил за документы деньги. Гейдрих затребовал три миллиона золотых рублей. Материалы передавались частями. И к середине 1937 года Сталин выплатил всю сумму. А 4 июня Тухачевский после неудачной попытки самоубийства уже был арестован. Против него и остальных подсудимых начался закрытый процесс. Как и следовало ожидать, все они сознались в существовании заговора. Спустя несколько часов после оглашения приговора Тухачевского и остальных расстреляли.

Что самое интересное, расстрелом по приказу Сталина командовал маршал Блюхер. Ненадолго переживший приговоренного Тухачевского.

– Нет! Не будем мы тревожить Голикова. Смысла нет. Время уже ушло. Пусть он занимается возложенными на него обязанностями вприкрыт и по полной программе. На сегодня – это самое важное. Получение разведанных о противнике, тем более своевременно переданные нашему командованию, – это очень даже не мелочь в достижении победы. А она нам сегодня ой как нужна, – прошептал вождь про себя и, дотянувшись все же до телефонной трубки, позвонил Поскребышеву. – Вызывай машину и охрану. Пора домой. На ближнюю дачу, – кинул Он начальнику охраны, спустившись с «крылечка» (на сленге кремлевского просторечия «крылечком» именовался подъезд, оборудованный резным металличе-

ским козырьком с выходом на территорию Кремля). Спустя несколько секунд черный «ЗИС-101», сопровождаемый двумя машинами с охраной, проскочив Боровицкие ворота, покинул Кремль.

Одесса, Пастера, 54

За неделю до начала войны

Нет! Голиков не забыл слова Сталина. Как военный человек, он понимал, что это не простая просьба, а приказ. Ибо любые высказывания Хозяина, будь-то просьба, пожелание или даже размышления, озвученные вслух с определенной интонацией в голосе, должны были восприниматься как приказ. И воспринимались. Иосиф Виссарионович не терпел возражений и неисполнительности.

Воспользовавшись не «крылечком», этот подъезд предназначался только для работников Совнаркома, а вторым подъездом, почти примыкавшим к зубчатой стене Кремля, отделявшей его от Красной площади, генерал сел в подъехавшую машину.

– В управление! – резко бросил он водителю.

Донесение, полученное 13 июня от нашего резидента в Германии, тоже не внушало ему доверия. Нет! Ничего суеверного. Просто не внушало и все.

«Но почему Хозяин потребовал подтвердить эту информацию? Он же прекрасно знает, что любые поступающие к нам сведения, прежде чем попасть на стол начальника, обязательно должны хотя бы косвенно подтверждаться сообщениями из других источников. Как минимум – из двух. Это же азы разведки. Тем более что данная информация абсолютно не тянет на сверхважную, – сидя в машине, генерал еще и еще раз мысленно возвращался к шифровке, полученной из Берлина. «Центр. Лорду. От Рояля. МИД Германии настоятельно потребовал от своих представительств в западной части СССР в течение ближайшей недели... Солист».

«Лордом», явно для пущей таинственности, был начальник отдела внешней разведки, курировавший Германию и некоторые другие граничащие с ней страны. «Солистом» был наш резидент в Германии. А вот под псевдонимом «Рояль» скрывался один из братьев Бенц, Отто. Кстати, его второй брат Роберт тоже работал на нашу разведку. Откинувшись на спинку сиденья, Голиков вспомнил все, что было связано с этими братьями.

Это было в начале тридцать седьмого. Именно в это время наша разведка вышла сначала на Отто Генриховича Бенца. Тот работал в русском отделе МИДа. Разрабатывая семейство Бенцев, сотрудники разведупра докопались до очень интересной информации. Как оказалось, корни этой милой семейки терялись в Поволжье. И покинули они Россию, как и многие немцы-колонисты тех сумасшедших времен, в начале 20-х. Естественно, оба родились в России. Отто – 1910 году, а его младший брат Роберт – в 1914 году. До революции их отец, Генрих Францевич Бенц, был доволь-

но крупным среди таких же, как и он, колонистов землепашцем. Но революция 17-го года все его труды списала на нет. Чуть позже, введенная Лениным нэп (новая экономическая политика) слегка поправила их семейное положение. Так сказать, вдохнула кислорода внутрь их протараканенного русского окружения. Но это продолжалось недолго. Скоро им все же пришлось эмигрировать на свою историческую родину.

Там им слегка повезло. В Германии еще помнили деда Отто и Роберта. Некого Франца Эдуардовича Бенца. В свое время тот считался умным, широкообразованным немцем, исколесившим немало стран в качестве дипломатического работника. Сначала был консультантом МИДа по восточным странам, а позже, проявившись неплохим специалистом в области санскрита, даже стал советником посла в Индии. Видимо, этот факт, плюс сохранившиеся связи, во второй половине тридцатых и помогли старшему Отто устроиться в МИД. Хотя, как позже стало известно нашей разведке, у старшего брата туда и без деда был прямой путь.

После переезда из России, родители братьев оказалось совсем не в стесненном материальном положении. И опять-таки благодаря почившему в Бозе деду. Именно его бывшие связи с семей фабриканта роялей помогли главе приехавшего семейства устроиться на работу в качестве помощника руководителя так называемого отдела сбыта музыкальной продукции.

Окончив гимназию и иняз, Отто одно время работал преподавателем. В 1933 году вступил в НСДПА, а чуть позже и в один из охранных отрядов Гитлера (СС). Правда, казарменная служба и военная муштра вскоре ему надоели. Он стал делать среди студентов некоторых вузов доклады на исторические темы. В принципе их можно было считать не так докладами, как своеобразной пропагандой ликвидировать Версальский мирный договор. В то время и он, и его младший брат, как и большинство молодежи в Германии, находились под впечатлением происходящего и души не чаяли в Гитлере. Чего не скажешь об их отце.

Повидав на своем веку всякого, он не очень верил разговорам. Вдобавок ко всему Генрих Францевич душой не терпел насилие. Видимо, это у него осталось еще из России. Революция, начало гражданской войны, все эти передраги посеяли неприятные, скажем так, ощущения в душе немца-колониста.

Однажды, после очередного такого доклада, Отто пригласили к профессору-педагогу, присутствовавшему в это время в зале.

— Привлекает ли вас, молодой человек, зарубежная служба? — выслушав исповедь Отто о его прошлой жизни, спросил профессор. — Пропаганда идей Адольфа Гитлера за пределами Германии принесла бы больше пользы. Вы не находите?

Отто ответил положительно. А посему, спустя чуть больше года, позже он узнал, что все это время находился под пристальным вниманием сотрудников аппарата Гейдриха, Кальтенбрунера и Мюллера, был принят сначала в организационный отдел МИДа, а потом, спустя еще год, стал консультантом русского отдела.

Но к концу тридцатых годов отношение к политике Гитлера у Отто тоже пошло на убыль. Видимо, здесь немалую роль сыграло и отношение к вождю наций его отца, Генриха Францевича. Особенно это усилилось после нападения Германии на Польшу. Как работник МИДа, Отто Генрихович не только догадывался, он прекрасно был осведомлен о том обмане, который организовали немцы с захватом радиостанции так называемыми поляками.

Именно в это время и началась его вербовка. Хотя почву для вербовки стали подготавливать еще за год до этого. Разведупр, дав добро нашему резиденту на разработку информатора, тут же предоставил полную характеристику на последнего. С этого самого времени за старшим братом было установлено визуальное наблюдение. Сама вербовка началась немного позже. И вербовать его стал импозантный представительный мужчина с баварским акцентом. Вербовка длилась несколько месяцев. И закончилась полным согласием. Еще бы. Отто прекрасно понял очень тонкий намек Ганса, как назвал себя представительный мужчина, что его, как выходца из России, в случае чего может ожидать в ближайшем будущем. Именно это, в совокупности с частыми обмена мнений между отцом и младшим братом о последних событиях в Германии, позволили Бенцу-сыну старшему без определенных осложнений согласиться на вербовку. Псевдоним «Рояль» Отто выбрал себе сам. Из каких позиций он при этом исходил, было неясно не только вербовщику, но и сотрудникам разведупра.

Немаловажную роль в положительном исходе вербовки сыграло и то, что отец Отто и Роберта свое образование получил в России еще при царе и явно придерживался старых традиций. Это передалось детям. Как-никак, свое начальное воспитание они добросовестно впитали в кругу русских. И не только взрослых (соседей, знакомых, односельчан...), но и детей. А это вытравить из организма практически невозможно. Тем более, что в кругу семьи нет-нет да возникали разговоры о том, что несет с собой Гитлер и его окружение. Особенно после захвата Франции и Польши.

С младшим братом Робертом, естественно, было проще. Уже к середине 1940 года Роберт Генрихович, как сотрудник МИДа, был аккредитован в Генконсульство Германии в Одессе. Назначению на эту должность как знатока не только русского языка, но и территории предшествовала идея немцев расширить разведывательную работу с помощью легенды выкупа у своих, проживавших на нашей территории, облигаций государственного займа СССР. (Добровольно-принудительно реализую своему народу бумажки с приличными цифериями по периметру, руководство СССР чуть ли не клялось-божилось в ближайшем будущем выкупить их уже с выгодой для клиентов. Но, как оказалось в последствии, ближайшее будущее так и не наступило. Сгинуло в пучине Беловежской Пуши).

Это и стало первым донесением Роберта в качестве информатора под новым псевдонимом агент «Н-137». Именно он доложил нашим разведорганам, что при помощи скупки облигаций немцы ведут не только усиленный сбор разведанных, ведь в Одессу съезжались немцы со всей терри-

тории Союза, но и соответствующую пропаганду. И именно благодаря Бенцу-младшему сотрудники наших органов периодически получали списки потенциальных предателей из числа немцев-колонистов. И не только это... Благодаря Роберту НКВД уже к осени 1940 года сумело изготовить копии и ключей от личного сейфа генконсула, и его печати.

С началом 1941 года для связи с информатором был выделен один из сотрудников Одесского областного управления ОГПУ.

Так к середине 40-го года наша разведка имела в хозяйстве Риббентропа двух завербованных агентов. Мало того, с помощью этого агента наши чекисты получили прямой доступ к сейфу Эриха Коха, генерального консула Германии в Одессе. В Южной Пальмире, как и в Москве, осведомленные об этом начальство шутило, что дубликаты ключей от сейфа и оттиски печати немецкого Генконсула всегда под рукой у начальника НКВД области. *(Как известно с февраля 41-го года НКГБ де-юре уже не входило в состав НКВД. Но это – де-юре, де-факто – все оставалось с точностью до наоборот).*

– Селезнева ко мне, быстро! – крикнул он порученцу, направляясь в свой кабинет.

Ровно через две минуты подполковник Селезнев был у Голикова.

– Срочно отправьте записку по «ВЧ» связному агента Н-137. Агент должен подтвердить: 1. Получил ли генконсул по линии Риббентропа указание, касающееся ценностей, находящихся в филиалах Центрального банка на территории Западной Украины? 2. Если получал – когда и в какие сроки эта работа должна быть выполнена? 3. Кто из работников генконсульства задействован для выполнения этих указаний? 4. Каким образом и когда эти ценности могут быть переправлены в Германию, и какие силы для этого планируется использовать? Записку отправить со срочностью «воздух». Исполнение – в таком же варианте. Все! Действуй. И все же, почему Сталина так заинтересовал этот вопрос? – продолжал рассуждать Голиков после ухода Селезнева. – Почему он потребовал от меня проверить эти данные? Если из-за ценностей, тогда этим вопросом должны заниматься НКВД или НКГБ. Уж во всяком случае, не разведывательное управление. Тут что-то не так. Нет стыковки. Ладно, получим подтверждение – разберемся.

... Семиместный черный «Хорьх-851», мягко покачиваясь на великолепной рессорной подвеске, медленно подъехал к зданию на Пастера, 54. В ту же секунду открылись ворота во внутренний дворик. В проеме стоял высокого роста молодой парень в форме немецкого солдата. Вытянув руки по швам, он пропустил машину мимо себя, даже не спрашивая пропуска.

Еще бы. Это была служебная машина генерального консульства Германии в Одессе и ее знали все сотрудники консульства. И не только консульства... Об этой представительной тачке прекрасно было осведомлено большинство сотрудников как Управления НКВД, так и Управления ГБ в области.

Повернув во дворике направо «хорьх» остановился в аккурат напротив тыльного входа в здание. Из машины вышел Эрих Кох. Да, да! Имен-

но так. Руководителем генерального консульства Германии в Одессе до начала воны был Эрих Кох. Тот самый Кох, который после оккупации станет наместником Гитлера на Украине. Возглавит в Ровно, в городе, негласно ставшим фашистской «столицей» Украины, «рейхскомиссариат» с его штабами, учреждениями и всеукраинским гестапо. Это потом, примерно через год после начала войны, за ним будет установлена настоящая охота и на тропу этой охоты ступит разведчик Кузнецов и его помощница Валя Довгер из партизанского отряда Медведева. *(Об этом подробно описано в книге Дмитрия Медведева «Сильные духом». Кстати, полковник Дмитрий Николаевич Медведев, Герой Советского Союза, одно время был сотрудником Одесского управления ОГПУ, а с 1942 года в лесах под Ровно командовал известным партизанским отрядом).* Но суд народа над гауляйтером в Украине не свершится. Кузнецову и Довгер в тот раз не повезло. С кровавым гауляйтером покончено не было.

Дверь в здание открыл второй охранник. Тоже вытянувшись во весь рост, он пропустил мимо себя Коха. Последний, автоматически вскинув руку в фашистском приветствии, проследовал на второй этаж. Буквально через секунду в дверь постучали и в кабинет Коха вошел приписанный к генконсульству шифровальщик.

– Когда поступила шифровка? – не отвечая на приветствие, сразу задал вопрос Кох.

– В два часа семнадцать минут. Я тут же доложил дежурному, – как будто оправдываясь за столь позднее время, ответил шифровальщик.

«Значит, прошло уже сорок минут, – подумал про себя будущий гауляйтер, скосив глаза на старинные часы-тумбу с огромным круглым циферблатом и почти пудовым маятником, стоявшие возле стены слева от его стола. – В рейхе не должны возмущаться. Сорок минут – это не такой уж и большой срок».

– Вы свободны.

«Неужто началось? Но ведь в ставке фюрера в прошлый раз сроки были установлены другие...»

Две недели тому Кох присутствовал на совещании у фюрера в его загородной резиденции. В совещании принимал участие небольшой круг людей. Фюрер, Борман – первый заместитель Гесса, шефа партийной канцелярии, рейхсмаршал Геринг, рейхсфюрер СС Гиммлер, шеф Коха имперский министр Иоахим фон Риббентроп, шеф Абвера (разведка) адмирал Канарис и, естественно, главный идеолог рейха Геббельс. Он же партайгеноссе, рейхсминистр пропаганды, «бабелсбергский бычок»... На совещание были вызваны все генеральные консулы, в том числе и посол Германии в СССР граф Фридрих Шуленбург. Именно там, после совещания, Эрих Кох и услышал от Риббентропа тонкий намек о дате начала войны. И сказано это было как будто между прочим. Тогда, когда они, Эрих Кох, граф Шуленбург и имперский министр, вышли из здания резиденции. Направляясь на выход по одной из бетонных дорожек, как лучи солнца устремившихся от здания в окружающий резиденцию высокий бетонный забор, Риббентроп явно довольный исходом совещания, сказал:

– В ближайшие дни вам, граф, предстоит тяжелая миссия. Я представляю физиономию Молотова и Сталина... У них, как минимум, недержание мочи начнется. Страх как хочется самому при этом присутствовать.

И Шуленбург, и Кох прекрасно догадывались, какая это миссия. Слово «война» буквально витало в воздухе. И не только в Германии.

Это слово давило своей массой на сознание всего здравомыслящего населения СССР. Постоянные нарушения воздушных и территориальных границ СССР и другие провокации со стороны Германии, свидетельствовавшие о назревании опасной военной обстановки, мог не видеть только слепой. О подготовке к войне неоднократно докладывали бойцы невидимого фронта, подчиненные генералу Голикову, начальнику разведуправления СССР. А он, в свою очередь, обо всех полученных донесениях немедленно докладывал Сталину. Но их, как известно, никто не слушал. Вернее, не хотели слушать. Правда, свою отрицательную роль в этом сыграли и комментарии к своим донесениям самого Голикова.

А посему, услышав на полпути к выходу сообщение Риббентропа, ни Шуленбург, ни Кох удивлены не были. Они даже ни на секунду не тормознули от такой новости. Продолжали движение так, как будто это их и не касалось. Риббентроп, не дождавшись от подчиненных ни одного вопроса, продолжил:

– Не переживайте, граф. Вы успеете к этому себя подготовить. У вас еще уйма времени. Целых двадцать дней.

«А если это совсем не то, о чем я думаю? – Эрих Кох продолжал удерживать в руках сложенный вчетверо шифровальный бланк. – А если это приказ о моей отставке? А что? Вполне может быть. Если верить тем словам Риббентропа, впереди еще целая неделя. Как вариант, чтобы совсем запутать руководство СССР, фюрер запросто может пойти на смену всего руководства дипломатического корпуса в СССР. И что меня в таком случае ждет? Понижение – вряд ли. Повышение – тут есть над чем поразмыслить. Эх! «Была, ни была», как говорят русские», – с этими словами будущий гауляйтер развернул бланк.

Первые прочитанные строчки шифровки в буквальном смысле слова сняли с него напряжение. В шифровке ни слова не было сказано о снятии с должности. Наоборот. Предлагалось принять самые действенные меры к выполнению поставленной фюрером задачи на том самом совещании. Причем до начала Великой миссии. А Великая миссия, исходя из определения самого Гитлера – уничтожение большевизма и не только в Европе. Дальше в шифровке шли уточнения и предложения. Ставилась задача: привлекая к работе недовольных советской властью, навести справки о наличии драгоценных металлов (золота, серебра) и изделий из них, а равно и хранящейся денежной массы в филиалах Центрального банка СССР, расположенных в западных областных центрах. А так как генеральное консульство Германии находилось только в Одессе, Коху предписывалось направить с этой целью своих помощников в областные центры Западной Украины. Причем проделать эту работу предполагалось в течение ближайшей недели, чтобы с началом Великой миссии все эти ценно-

сти стали достоянием рейха. В конце шифровки Риббентроп, ссылаясь на приказ Гитлера, требовал принять все меры к недопущению вывоза этих ценностей в глубь СССР. Имеется в виду в Киев и дальше в Москву. Для чего, по согласованию с адмиралом Канарисом, через представителя военного атташе консульства предлагалось привлечь к этому резидентов разведки, действовавших на территории запада и юга Украины.

За всю историю возникновения дипломатических миссий между странами военные атташе де-факто всегда представляли собой органы разведки. Хотя любой сотрудник посольства или консульства по своей деятельности так или иначе работал на разведку своей страны.

Дважды прочитав шифровку, Кох снова сложил ее вчетверо и, открыв внутреннее отделение несгораемого сейфа, впикнутого в стену и прикрытого большой искусно сделанной копией картины Айвазовского «Девятый вал», положил в особый журнал.

Закрыв сейф, консул немного посидел в тихой задумчивости и только потом нажал кнопку встроенную в рабочий стол. Буквально через несколько секунд дверь в кабинет открылась, вошел дежурный сотрудник консульства.

– Слушаю вас!

– Чашечку кофе и передайте водителю, что скоро поедем.

– Домой?

– Домой. Да! Предупредите моего помощника по военно-морским делам, что он мне нужен будет прямо с утра.

Выйдя из здания, Кох остановился под небольшим навесом. Ночь стояла лунная. Небо было усыпано мириадами звезд.

– Домой! – усевшись в «хорьх», сказал он водителю.

Водитель, развернувшись, тут же вписался в проем открытых ворот. Еще несколько секунд, и «хорьх» свернул на Преображенскую. Улица была пустая. В то время машин было не то чтобы мало, совсем мало. А поздней ночью на улицах можно было встретить транспортное средство, разве что принадлежащее НКВД и НКГБ. Особенно в такое время, с двух до четырех часов утра...

«Хорьх», покачиваясь на выбоинах, шустро глотал метр за метром мощной шашкой дороги. Коху нравилась эта машина. Во-первых, она была абсолютно новой. Мало того, такие машины в Германии выпускались только в 1934–1939 годах. И выпущено их было совсем мало. Всего 268 штук. То, что такую редкость выделили в распоряжение генерального консульства, должно было означать особое отношение Гитлера к СССР. Хотя особое отношение ни в коей мере не означало уважение к Советскому Союзу. Скорее, наоборот. Во-вторых, она была представительной. Длинный кузов, восемь цилиндров, двухкамерный карбюратор, сто лошадок под капотом и скорость, скорость... Считай все 120 км/час.

– Завтра, как обычно, – предупредил он водителя, как только машина остановилась перед его особняком.

У входа во двор особняка стоял дежурный сотрудник управления государственной безопасности в Одесской области. Наружная охрана и обслуживание

посольств, консульств и иностранных граждан было возложено на седьмые отделения вторых отделов областных управлений НКГБ.

Спустя два часа после отъезда генконсула домой дверь в его кабинет тихонько открылась. Нет, не тихонько, дверь благодаря периодическим смазываниям замка и петель открылась бесшумно. Причем ровно на столько чтобы в нее мог протиснуться щуплый человек. В проеме двери стоял высокий худой молодой человек. Какое-то мгновение он сосредоточенно вслушивался в окружающую пустоту. Тишина в здании стояла такая, что слышно было, как внизу переступает с ноги на ногу охранник. Под ногами у стоявшего блеснул луч фонарика. Тут же в сторону метнулись и исчезли тени от ног. Мягко ступая по ворсистому ковру, человек-невидимка уверенно направился к картине, висевшей на стене. Выключив фонарик, стоявший почти на ощупь сдвинул картину в сторону, нашарил замочную скважину и вставил ключ в отверстие. Сигнализацию он отключил заранее. Но перед тем как повернуть ключ, тоже на ощупь снял специальную тесемку, служившую для опечатывания сейфа. Ухо уловило два щелчка поворачиваемых ключом ригелей. Человек на секунду застыл, до боли в ушах вслушиваясь в непроглядную темноту. Через какое-то мгновение прозвучал еще один щелчок. Это открылось внутреннее отделение сейфа. Худой нашарил тетрадь, достал ее и тихо опустился на пол. Там, приспособив фонарик на специальном шейном тросике, достал из тетради сложенный вчетверо лист шифровки. Дважды пробежав глазами строчки, опустив веки, попытался восстановить в памяти прочитанное. Только убедившись в положительном результате, включая дату, время отправки и получения, а также номера регистрации, как в Берлине, так и в Одессе, немцам всегда была присуща точность и пунктуальность в работе, даже в мелочах, вернул шифровку на место.

Также тихо проделав всю процедуру с сейфом еще раз, теперь уже в обратной последовательности и не забыв его опечатать, человек-невидимка покинул кабинет. В хозяйстве Эриха Коха работал «крот».

...В ночь с 14 на 15 июня согласно графику Роберт Бенц заступал на дежурство. Кроме штатной охраны (*ведомство Риббентропа в нищих не числилось, а посему могло позволить себе содержать в посольствах и консульствах, аккредитованных в крупных иностранных государствах, собственную вооруженную охрану*) дежурство по генконсульству возлагалось на штатных сотрудников.

Днем, пообедав в столовой, Роберт как обычно отправился в городской сад на Дерибасовскую.

Между прочим, такой променады в свободное время совершали многие сотрудники здания на Пастера, 54. Благо, городской сад находился почти в двух шагах от хозяйства Эриха Коха.

Медленной походкой прогуливаясь мимо ротонды, Роберт заметил на одной из ее колонн условный знак. Такой себе безобидный мазок по дереву, напоминающий детскую шалость. «Правый конец горизонтального мазка загнут перпендикулярно вниз, значит, посылка находится в условленном месте недалеко от Потемкинской лестницы. А сегодня, как раз

перед дежурством, у меня будет пару часов свободного времени...» – Бенц-младший, продолжая совершать обеденный променады, мысленно отработал свои будущие действия, при этом взглядом и головой автоматически отвечая на такие же условности со стороны своих коллег, убивающих свободное время здесь же.

Принимая дежурство по генконсульству, Роберт Бенц был уже во всеоружии. В смысле, запаса дубликатами ключей и печати.

Получив задание, он настроился сегодня ночью основательно похозяйничать в сейфе Коха. Правда, события, развернувшиеся ближе к полуночи, оказали ему в этом существенную помощь. Прочитав полученную Кохом шифровку, Роберт понял, что это и есть тот самый ответ, которого от него требовала Москва.

Форма передачи обратной информации связником была установлена заранее. Причем как и условный знак, так и адрес посылки имели несколько оговоренных мест, находящихся в небольшом радиусе вокруг здания на Пастера, 54. Именно при наличии этих возможностей уже в двадцать один час с минутами его донесение было в руках Берии. Да-да, Берии, а не Меркулова. Вот почему подтверждение Голикову не поступило ни на второй, ни на третий день. Попади донесение адресату, вполне возможно начальник разведуправления был бы с ним ознакомлен еще до полуночи. До разведгруппа такие вещи доводились немедленно. Такими были негласные требования всего руководства страны. Тем более в это до максимума запутанное время, скажем так.

Подтверждение вообще не поступило. Первые дни Голиков еще надеялся на него, а потом, буквально за несколько дней до начала войны, к нему стало стекаться столько информации, что было не до него.

Агент Н-137 отправил свое донесение вовремя. А кому оно попало в руки – об этом он не задумывался. Такие тонкости были ему как-то до фени. Он добросовестно ответил на первых два вопроса. На оставшиеся вопросы ответ мог последовать уже в ближайшие дни. Мог... Но, как известно, историческая ночь с 21 на 22 июня 1941 года внесла в это дело свои коррективы. И не только в это дело. С началом войны генконсульство в Одессе, как и все германское посольство в СССР на долгие годы прекратило свое существование.

Не получив из Одессы ожидаемой информации, Голиков, естественно, так и не смог отыскать «утраченную» стыковку в требованиях Сталина. Это дало ему повод мысленно утвердиться в том, будто для Сталина главная информация шифровки – ценности. Но Иосифа Виссарионовича Сталина больше волновали не ценности, а слова «ближайшей недели». Слишком уж много разноречивой информации накладывалось на ближайшую неделю. Генсек прекрасно помнил не только 20 марта, но и последующие комментарии Голикова, касающиеся начала войны. За последнюю предвоенную неделю ежедневно поступающая информация от командующих западными округами о провокациях на границе, от нарушений воздушного пространства до наземных ходов, плюс сосредоточение немецких войск на сопредельной территории, была лучшим подтвержде-

нием предстоящих военных действий. Во всей этой кутерьме подтверждать донесение Голикова от 13 июня явно не имело никакого смысла.

И все же Сталин уповал на чудо. Чудо, которое так и не свершилось...

Их было... только тридцать три

3 часа 50 минут 28.06.1941 г. Лес 5 км восточнее д. Городечное

– Как ты думаешь, Виталий Фомич, Луцкое УНКВД успело вывезти ценности со своего банка? – как только эмка, следовавшая во главе колонны, переправилась на западный берег Горыни спросил полковник Тарасюк у батальонного комиссара Царенко, сидевшего на заднем сиденье.

– Илья Петрович, если даже не успели – уже ничего не попишешь. Неужто повернешь в Луцк к немцам? Так они тебе эти ценности теперь и отдадут, разевай варежку шире. Тут бы самим не попасть к ним в лапы. Быстрее бы решить все вопросы в Буково да на Коростень. А там и Киев рядом.

– Но отвечать-то нам с тобой придется? Или ты все на меня свалить собираешься?

– Побойтесь Бога, товарищ полковник. Разве у вас за это время был повод усомниться в моей искренности? – Царенко часто путался, называя командира особого отряда то на «ты», то на «вы». Видимо, его смущало звание Тарасюка. Вернее, не так звание, как приставка к нему в виде аббревиатуры ГБ.

«Тут ты прав. Повода у меня еще не было. Но ведь мы с тобой и знакомы всего-то ничего. К тебе у меня претензий пока никаких. Только доверия большого к твоей фирме, вместе с твоим рано созревшим Мехлисом, большого тоже нет. Везде вы в передовики лезете. Прямо по костям родных и близких. Я уж не говорю о знакомых и малознакомых. Хитрые вы до невозможного, – мысленно ухмыльнулся Тарасюк и тут же, видимо, исключительно для блезира высек и свою фирму. – Можно подумать, что наша фирма аки овечка. Одним миром мазаны. Все мы еще тот народец», – на всякий случай Тарасюк выдал всем сестрам по серьгам, а вслух сразу перевел разговор в другую плоскость:

– Понимаешь, комиссар, я ведь еще там, в Москве, предвидел, что до Луцка мы добраться не успеем. Когда узнал, что наши войска оставили Устилуг и ведут тяжелые бои под Владимиром-Волынским и Затурцами. А от Затурцев до Луцка раз плюнуть. Километров пятьдесят. Вон, глянь на карту, – Тарасюк повернулся к Царенко, протягивая тому карту-десятикилометровку.

– Так почему еще там не поднял этот вопрос? Глядишь, Петелькин придумал бы что-то другое и мы бы с тобой ушли от ответственности. Вполне возможно, даже в эти дебри не лезли бы. Чего проще от Ровно прямо на Житомир да на Киев?

– Я думал об этом. Но не хотелось уже с Москвы дробиться на группы, – Илья Петрович внимательно посмотрел на своего комиссара. Ему даже показалось, что тот специально, будто с какой-то ехидцей, назвал середнянский путь особого отряда дебрями. – Неужто что-то пронюхал о Буковском янтаре? – мелькнуло в его извилинах.

– В Москве не хотелось, а в Ровно пришлось, так? – продолжил Царенко.

– Допустим, не в Ровно, а в Броварах.

– И все-таки в Ровно. В Броварах только разговор об этом был. Окончательное решение Петелькин принял в Ровно, а не в Броварах. Запомня-товал, что ли?

«И совсем не Петелькин, а Берия», – мысленно возразил Тарасюк, а в слух продолжил:

– Да какая разница? И что он мог предложить в Москве? Разделить наш отряд на части уже там? Так мы после Ровно и так разделились на две группы. А если бы пришлось создавать еще и третью, четвертую? Да плюс на Винницу, Житомир? Откуда войск на всех взять? Именно этого я и боялся. Не верилось мне в Москве, что Петелькин сумеет выбить в штабе фронта взвод охраны. В этой мясорубке каждый штык на вес золота. Пусть даже и в дивизии НКВД. В лучшем случае рассчитывал человек на десять. И как бы мы с таким мизером во столько направлений управлялись? Самим и в грузчики, и в охранники идти?

...Действительно, так хорошо продуманный план по вывозу ценностей стал давать сбой буквально на второй день войны. Как только Петелькин с группой офицеров, составляющих костяк спецотряда, очутился в Броварах, где размещался штаб Киевского особого военного округа, переименованного в Юго-Западный фронт. И не только потому, что разработчик плана забыл... «про овраги...». Нет. Война резко внесла свои коррективы в план. И да простит меня читатель, исключительно с целью внесения ясности в этот вопрос позволю остановиться на нем немного поподробнее.

...Уже с рассвета 23 июня Петелькин, имея на руках все необходимые бумаги, заверенные подписью и печатью самого Берии, военным боротом вылетел в Киев. В утробе летательного аппарата кроме самого полковника удобно разместились еще тринадцать человек. Четверо из которых были офицеры связи. Остальные – ядро отряда особого назначения. Рядом с Петелькиным сидел молодежавый, гладко выбритый мужчина в идеально подогнанной форме сотрудника НКВД. На его петлицах красовались по четыре покрытых красной эмалью прямоугольника. «Шпалы» – как их называли про себя военные. Четыре «шпалы» соответствовали званию майор ГБ, что в свою очередь приравнялось к общевоинскому – полковник. Это и был Тарасюк, руководитель отряда. В числе остальных семи подчиненных Петелькину и, естественно, Тарасюку были два заместителя Тарасюка. Батальонный комиссар Царенко и капитан ГБ (подполковник). Плюс два габэшных офицера-финансиста, два гражданских финансиста – представители Центробанка и Устюгов Яков Васильевич.

Самый молодой. В его петлицах покрытые той же эмалью блестели только три квадрата. Это соответствовало званию младший лейтенант ГБ и приравнивалось к общевойсковому – старший лейтенант.

План этой операции в общих чертах Петелькин совместно с Тарасюком, своим давним другом, разработал еще за неделю до начала войны. В аккурат после получения шифровки из Одессы и предметного разговора со своим шефом Берией. Негласные соответствующие распоряжения по подготовке кадров для спецотряда были спущены и в низы. В том числе и в одну из дивизий НКВД, дислоцированную в полосе действия Киевского особого военного округа. Так что ко времени вылета отряд особого назначения практически был создан. Правда, в основном на бумаге. Если не считать тринадцать человек, летевших на данный момент вместе с Петелькиным в Киев. Оставалось на месте, в штабе уже Юго-Западного фронта, решить некоторые вопросы. Главными из них были два. Обеспечение отряда охраной и, естественно, транспортом.

Дело в том, что дивизии НКВД, дислоцированные до начала войны на территории Западной Украины, с началом войны перешли в непосредственное подчинение Юго-Западного фронта и отвечали за охрану тылов. А посему получить разрешение на выделение от них боевых подразделений мог дать только начальник штаба фронта генерал-лейтенант Пуркаев. Несмотря на то, что Петелькин в этих вопросах был наделен особыми полномочиями, большую надежду он возлагал на помощь начальника особого отдела фронта, с которым давно поддерживал дружеские отношения. К этому времени особые отделы в войсках входили еще в состав Управления военной контрразведки Красной Армии, начальником которого был тридцатилетний бригадный комиссар Михеев. *(17 июля 1941 года Управление военной контрразведки Красной Армии было реорганизовано в Управление особых отделов НКВД, а сам Михеев в звании комиссара государственной безопасности был назначен начальником особого отдела Юго-Западного фронта)*. Разговоры о том, что контрразведка в ближайшее время перейдет в подчинение НКВД, велись с самого начала войны. Вернее, взять под свой контроль и эту карательную ветвь власти Берия мечтал давно. На что не единожды намекал Сталину. Естественно, в самом узком кругу. Один на один, скажем так.

К обеду 23 июня в Броварах все вопросы были решены.

Но в особом отделе фронта впервые для спецотряда и его организаторов возникли и проблемы. И связаны они были с быстроменяющейся обстановкой на фронте. Такие себе непреодолимые обстоятельства. Форс-мажор, как любят сегодня щеголять иностранными словами непростой, скажем так, люд.

– И что ты прикажешь сейчас делать? Да ты знаешь, что мне мой шеф устроит, если мы не вывезем эти ценности? Дело на контроле у Самого, – выслушав информацию начальника особого отдела о положении дел на фронте, Петелькин чуть дар речи не потерял. У него от злости даже вены вздулись на шее.

– Не вывезешь.

– Что?

– Я говорю, не вывезешь. Меня-то с какого боку к этому делу прилепил? О вашем деле я ведь только информирован. И то, как говорится, в части касающейся. Так сказать, для оказания безотлагательной помощи. А помощь я тебе оказываю прям-таки посильную. Или я не прав?

– И что, в Луцк Тарасюку соваться действительно нечего?

– А ты сам подумай. У тебя какая задача? Так сказать, общая?

– А то ты приказ не читал?

– Вот именно, что читал. Тебе ведь надо организовать вывоз ценностей не только из Луцка, но и из Львова, Дрогобыча *(тогда была еще и Дрогобычская область)*, Тернополя, Проскурова *(Хмельницкий)*, Винницы, Ровно, Житомира. Так?

– Так!

– И как ты себе это представляешь? Если я что-то понимаю в вопросах ведения войны, – контрразведчик криво усмехнулся, – на сегодня вырисовывается четкое направление наступления немцев. Я имею в виду, что немец на данный момент уже нащупал слабое звено в стыке между 5-й и 6-й армиями и бросил туда все свои резервы. Его ближайшая цель – Владимир-Волынский – Луцк – Дубно – Ровно. И если Потапов со своей 5-й армией еще сможет задержать на несколько дней немцев на рубеже Ратно – Ковель, то южнее Владимира-Волынского 6-я армия генерала Музыченко этого сделать никак не сможет. И не сегодня-завтра Луцк будет у немцев. Твой Тарасюк попросту туда не успеет добраться. Прибывший на фронт Жуков уже распорядился 8-му мехкорпусу Рябишева и 15-му мехкорпусу Карпезо нанести контрудары в направлении Броды. Это задержит противника на несколько дней. Правда, есть еще 19-й и 9-й мехкорпуса. Но ведь и воевать мы будем не день, два. Ровно, Житомир, а там и Киев. Что скривился, будто увидел себя на фотографии с черной бахромой? Если Москва не перебросит с Дальнего Востока свежие силы, и не одну-две дивизии, а армии, тогда мы быстро откатимся назад. Если еще будет кому откатываться. И не смотри на меня так. Я мертвых видел и не единицы... За сутки войны батальоны, полки положены, я уже пленных допрашивал...

– И что ты предлагаешь?

– Я не знаю, что тебе предложить.

– Не знаешь или не хочешь? Ответственности боишься?

Начальник особого отдела фронта моментально вскинул брови вверх и бросил пронизывающий взгляд на Петелькина. В кабинете они были только вдвоем. Потом, не считая нужным оправдываться, продолжил:

– Лично я бы разбил весь этот маршрут.

– В смысле? – Петелькин вскочил и стал мерить кабинет.

– В прямом.

Движения помощника Берии не прекращались, наверно, с минуту, и только потом он, остановившись, произнес:

– А что? Это идея.

Тут же отправив в дивизию НКВД по «ВЧ» приказ начальника штаба фронта о выделении взвода (*на большее начальник штаба Юго-Западного фронта не согласился*) в распоряжение полковника Тарасюка, Петелькин попросил командира направить бойцов не на КП фронта в Тернополь, а в Ровно к областному управлению НКВД. Не отходя, как говорится, от кассы, были решены и все остальные вопросы. Тыловые, технические и медицинские. Из резерва фронта в распоряжение Тарасюка была выделена даже эмка и крытый почти новый «ГАЗ-АА» с водителем.

Спустя два часа после обеда 23-го колонна из двух машин, эмки и «ГАЗ АА» покинула столицу Украины. Вместе с Тарасюком в эмке сидели Петелькин и батальонный комиссар Царенко Виталий Фомич. Последний был прикомандирован в особый отряд из ведомства армейского комиссара 1-го ранга (генерала армии) Мехлиса.

В Ровно прибыли в полночь. Добирались долго. Дорога была сплошь забита войсками и беженцами. Страна не была готова к такому быстрому развитию событий, и военные не везде еще успели взять под свой контроль движение на дорогах.

Только глубокой ночью в областном управлении НКВД был согласован с Берией и окончательно утвержден план по вывозу ценностей. В кабинете присутствовало всего несколько человек. Петелькин, Тарасюк, Царенко, Кисляков и Устюгов. Первоначально Петелькин предложил отряд Тарасюка вообще разбить на пять групп. Но Берия, выслушав своего помощника, внес коррективы. С учетом создавшейся обстановки и наличия охраны было принято решение весь спецотряд разбить только на две группы. Основная – Тарасюк, Устюгов, несколько офицеров-москвичей и половина взвода охраны из дивизии НКВД. Ее задача – к исходу 24 июня принять ценности от Дрогобычского и Львовского банков и к вечеру 25-го прибыть в Здолбицу южнее Здолбунова. К этому времени сюда же должна прибыть и группа с грузом ценностей из Тернополя и Проскурова под командой Царенко. В группу Царенко вошел и лейтенант Конопляный из Ровненского УНКГБ. К вечеру 25-го в Здолбицу должен доставить ценности из Ровненского банка и Кисляков. После этого Тарасюк, не заезжая в Ровно, колонной в полном составе направляется в Середняны. Там, в десяти километрах западнее Середнян, в аккурат посредине между Середнянами и населенным пунктом Городечное, в лесистой местности, начиная с 26 июня Тарасюка должны ждать представители областных управлений НКВД и НКГБ Луцка с грузом ценностей своего банка. В случае непредвиденных обстоятельств сюда же, но уже не позже утра 28-го, должен был доставить ценности и Кисляков из Ровно. В виду сложившейся обстановки под Дубно Берия не рискнул вывозить ценности из Луцка в Ровно. Тем более что в общем плане фигурировал еще и поселок Буково. Вернее, его район. Шифровка об этом была тут же отправлена в Луцк прямо из Ровненского УНКВД.

Здесь же в Ровно получил свой особый инструктаж и младший лейтенант ГБ (старший лейтенант) Устюгов. Инструктаж, о котором знали только два человека. Петелькин и он, Устюгов.

... – А действительно, какая разница? Что Ровно, что Бровары... Между прочим, лично я ничего плохого в этом не вижу. В сложившейся обстановке – это единственно правильный выход из создавшегося положения. Везде мы опаздываем. Ты, вон, тоже опоздал в Здолбунов. Еще немного и мы ушли бы без вас. Правда, неизвестно куда. То ли в Ровно, то ли в Середняны. А может, и вообще в Житомир.

– Так ведь не по своей вине. Обстановка под Дубно резко изменилась. Пришлось черти куда колесить. Потом обстрел колонны. Мы весь день 25-го машины чинили. Благо, народ в селах запаслив. Порылись в сусеках – то камера к колесам нашлась, то железка нужная. Я ведь уже рассказывал, – ответил Тарасюк, мгновенно вспоминая все, что происходило с его урезанным отрядом за прошедшие несколько суток. Начиная с той самой ночи в управлении НКВД Ровненской области.

... Не дожидаясь рассвета, наполовину урезанная группа при трех машинах включая эмку, выехала во Львов. Вторая группа под командованием Царенко отправилась в Проскурив и Тернополь. Вывоз ценностей в Киев из Винницы и Житомира возлагался на руководство НКВД этих областей. Но туда, по распоряжению самого Берии, были отправлены офицеры из отряда Тарасюка.

Чем ближе к Львову, тем труднее стало передвигаться. Благо, колонна Тарасюка резко сократилась до трех машин. Но и этот транспорт передвигался с трудом. Мало того, раза два, под Дубно и Бродами, ему еле-еле удалось отстоять вверенный транспорт. Подозрительные военачальники с сомнительными должностями на таких же сомнительных постах дважды пытались не только отобрать у него все. И эмку, и офицеров, и бойцов охраны. Но даже и его самого переподчинить. Не помогали ни особый письменный приказ Берии, ни спецпропуск на лобовых стеклах, ни четыре «шпалы» в петлицах. И если бы не охрана с пулеметом и новенькими ППШ, что заставило постовиков вызвать начальство постарше, пришлось бы Тарасюку вывозить ценности в лучшем случае в мешках, в худшем – в карманах и полевых сумках.

Во Львове дело с мертвой точки сдвинулось довольно скоро. Благо, начальник управления НКВД Львовской области заранее созвонился со своим коллегой в Дрогобыче. Так что к моменту прибытия Тарасюка ценности из Дрогобычского банка уже находились в Львовском банке под охраной конвойных львовской внутренней (*внутренней тюремной камеры*). Тарасюку не пришлось больше дробить свой и так урезанный отряд. Спустя час после прибытия все было закончено. Ценности приняты и погружены на полупотрку. Туда же Тарасюк приказал забраться четверым бойцам из охраны с РПД во главе с сержантом Иванцовым.

Полковник даже обрадовался такому стечению обстоятельств. Не надо было ждать запланированного вечера. У него тоже не было никакого желания оставаться здесь надолго. Это передалось и всему личному составу спецотряда. Львов считался уже фронтовым городом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но сделать это сразу не получилось. Не получилось из-за отсутствия одного из его помощников. Крутив-

шийся постоянно под ногами старший лейтенант Устюгов куда-то пропал. Вернее, еще не вернулся.

Как только ценности были приняты, Устюгов с разрешения Тарасюка отправился в областное управление НКВД. Зная, что тот получил какое-то особое задание от Петелькина, Тарасюк не возражал. И вот теперь пришлось ждать.

Устюгова ждали больше двух часов. Возмущенный Тарасюк, правда, не задавая никаких вопросов, как будто в наказание посадил опоздавшего старшим в головной грузовик.

Посчитав, что вся работа выполнена в полной секретности, колонна выехала в направлении Броды.

Что самое интересное, за все время передвижения от Ровно до Львова группа Тарасюка ни разу не попадала под бомбежку. Со своей колонной не попадал он и под налеты банд оуновцев, действовавших под непосредственным руководством передовых отрядов разведгрупп немцев. Впервые это случилось на обратном пути под Буском. Их обстреляли самолеты противника. Правда, без бомбежки. На бреющем. Так, на всякий случай. Видимо, где-то в тылу отбомбились и возвращались пустыми. Жертв не было. Легкие ранения получили два бойца взвода охраны.

Как говорится, в темпе вальса без серьезных приключений проскочили населенные пункты Олеско и Броды. А вот под Червоноармейском их тормознули. И тормознули серьезно.

– Ты куда прешь, твою в трибога-крестителя! – выматерился выскочивший из кустов рослый красноармеец с ППШ в руках. Причем ствол с черным зрачком, палец на спусковом крючке и выражение лица совсем не намекали на дружелюбность. – Шлагбаум не видишь! – красноармеец хотел еще что-то добавить, явно из словесного запаса не совсем приличных выражений, но, увидев выходящего из эмки офицера госбезопасности в таком звании, проглотил уже готовое сорваться с языка окончание.

Тарасюк сначала и не думал выходить из машины. Но потом, визуальное оценив обстановку, приплюсовав к внешности выскочившего еще и выглядывавших из кустов таких же, готовых на все троих потомков Геракла, передумал. Он умел оценивать обстановку. Как говорится, со скоростью звука. Посчитав, что форма и звание должны что-то компенсировать, сам вышел на встречу.

– Товарищ боец, потрудитесь привести себя в порядок и доложите по форме!

– А мы вот щас полоснем из всех ППШ по твоей форме, тогда узнаешь, как посты проезжать! – крикнули из-за кустов.

– Извините, товарищ полковник! 173-й пост особого отдела фронта! Дежурный поста красноармеец Перепелкин. Приказано все машины останавливать. Немцы взяли Козин. Дорога в Дубно на участке Козин – Верба перекрыта немцами. Нам приказано никого в направлении Дубно не пропускать. Там идут ожесточенные бои.

– Кем приказано? – Тарасюку не хотелось верить в услышанное. Только под утро они спокойно прошли этот участок и вот на тебе. – Из военных начальников есть кто-нибудь на посту?

– Мы подчиняемся особому отделу фронта, товарищ полковник! Там в шалаше старший оперуполномоченный особого отдела. Вызвать?

Вызывать не пришлось. Из кустов, обеспокоенный громкими разговорами, вышел взлохмаченный особист. Увидев гэбэшника, он тут же накинув на голову фуражку, с трудом переставляя ноги, подошел.

– Старший оперуполномоченный особого отдела фронта Ивушкин. Ваши документы! – опер тоже был не промах. За прошедшие военные сутки он прекрасно усвоил, что лучший способ обороны – это наступление.

– Полковник Тарасюк! – протягивая документы, ответил командир особого отряда. Шокированный услышанным, он и не думал возмущаться. Извилины, отвечающие за возмущение, как будто выровнялись.

– Откуда и куда следуете?

– Вот. В приказе все сказано, – вместо ответа Тарасюк протянул особисту сложенный лист приказа Берии. С грузовика спрыгнули на землю сержант и два бойца взвода охраны. Все в форме войск НКВД вооруженные ППШ. Это не осталось незамеченным бойцами поста. Они уже наслышаны были о немецких диверсантах, использовавших различные звания и форму наших войск. А посему из-за кустов тут же послышался окрик: «Взвод! Приготовиться к бою!» И тут же защелкали затворы оружия.

– Ивушкин! Дайте команду отставить. Мы свои. И выполняем особый приказ народного комиссара Берии. Это задача государственной важности. Лучше объясните, как нам быстрее добраться в Ровно. Там нас ждут.

– Перепелкин! Отставить к бою! А вы, товарищ полковник, дайте команду своим не выходить на дорогу.

В это время сержант и бойцы уже самостоятельно вернулись под тент кузова.

– Я даже не знаю, что вам предложить. Перепелкин! В шалаше моя полевая сумка. Принесите ее сюда.

В кустах послышались шаги и оттуда вышел уже знакомый красноармеец с полевой сумкой.

– Данные, которыми я оперирую на это время, товарищ полковник, такие. Немцы блокировали трассу в полосе населенных пунктов Козин – Верба. Но сплошного кольца вокруг Дубно нет. Хотя бои там идут серьезные. Так что через Дубно на Ровно я бы вам не советовал. Здесь вот, у Михайловки, есть полевик на Кременец, – опер ткнул покрытый желтизной указательный палец в карту. – Отсюда на Острог дорога неплохая. А там и до Ровно рукой подать. Только я бы вам советовал поторопиться, товарищ полковник. Обстановка в районе Дубно – Ровно очень непростая. Немец так и прет, так и прет. Не считаясь ни с какими потерями.

– Вы предполагаете, что долго под Ровно наши войска не продержаться? – Тарасюк так и вперился в особиста.

– Я ничего не предполагаю. За меня немцы это делают. Довольно-таки успешно. И нашим войскам приходится с этим считаться. Причем с огромными потерями. У меня все. Прикажете пропустить вас до Михайловки?

– Согласен с тобой, Ивушкин. Давай команду своим подчиненным. А ты, поди, зафиксируешь наш проезд, да?

– Обязательно! Мне моя голова на плечах может еще понадобится. Так и запишу, что согласно вашего приказа пропустил колонну из трех машин до Михайловки.

– Лады, Ивушкин. Будем надеяться, что предложенный тобой маршрут окажется счастливым.

Через несколько минут колонна продолжила путь.

Из Кременца на Острог вели две дороги. Тарасюк не стал рисковать и выбрал ту, что южнее. Оказалось, до Шумского она была хуже, чем полевик от Михайловки. Правда, потом стала немного лучше. Но в лесу севернее Мал. Боровицы колонна Тарасюка напоролась на ружейно-пулеметный огонь. Брошенной хоть и не совсем удачно гранатой и первыми выстрелами были пробиты скаты у эмки и головной машины. Убит шофер грузовика и легко ранен в ногу Устюгов. Пришлось принять бой. В результате двое бойцов из охраны были убиты и еще пятеро ранены. Оказалось, они вели перестрелку не с немецким десантом, как предполагалось, а с бандой хорошо вооруженных националистов. Об этом можно было догадаться по брошенному в придорожном лесу труп. Те в лесу чувствовали себя как дома. Чего не скажешь о Тарасюке и его подчиненных. А посему, как только перестрелка утихла, полковник приказал выставить охрану колонны с обеих сторон дороги и устраиваться на ночлег. Заниматься ремонтом в темноте было бессмысленно. Тем более в абсолютно незнакомой местности.

Весь следующий день прошел в поисках запчастей и ремонте машин. Конечно, можно было кого-то отправить за запчастями в Острог, где дислоцировалась еще в мирное время воинская часть. Но Тарасюк не рискнул. Во-первых, оставаться в незнакомом лесу только с неисправными машинами – ему не очень хотелось. Вернее, очень не хотелось, так будет точнее. И, во-вторых, никто не мог дать гарантию, что в Остроге найдутся нужные запчасти и их с радостью отдадут. Войск в Остроге вообще уже может не оказаться. Было принято решение прямо с утра проехать по близлежащим селам, поискать там какие-нибудь брошенные МТС, колхозы или поспрашивать у жителей. Что и было сделано. Естественно, при помощи такой грозной формы и званий, подкрепленных еще и аббревиатурой ГБ.

Только к вечеру 25-го колонна смогла продолжить движение. И то со скоростью не более десяти километров в час. Что-то там все-таки не ладилось с подстреленным грузовиком. Приходилось постоянно доливать воду в радиатор. Куда-то она все время исчезала. Выручали фляги и котелки бойцов. Так и ехали с остановками да поисками воды. До Острога добрались, когда маленькая стрелка почти накрыла две палочки на циферблате часов Тарасюка.

С подстреленным грузовиком надо было что-то делать. Пришлось снова останавливаться. Благо, уже не в поле или, хуже того, в лесу, а в небольшом городишке. Войсковая часть оказалась на месте. Звание и

должность Тарасюка в комплекте с грозным приказом самого Берии сыграли свою роль. Спустя полчаса колонна Тарасюка уже въезжала в ворота войсковой части. Тут же были вызваны ремонтники-мотористы, как по щучьему велению открылись и двери складского помещения. К рассвету ремонт подстреленной машины был закончен. Колонна двинулась дальше. В Здолбицу мчались уже на всех парах. Скорость 3040 километров в час в те времена была почти что курьерской.

– ...Я ведь уже рассказывал об этом. Еще там, в Здолбице, – как будто извиняясь, снова повторил Тарасюк.

– Да помню я. У меня тоже мысль была, рвануть в Ровно. Думаю, и из Ровно никого нет, и тебя нет... Вот был бы цирк на дроте, – Царенко внимательно и вместе с тем с какой-то затаенной улыбкой посмотрел на Тарасюка. – И что бы ты делал в таком случае?

– Подождал бы еще сутки и мотанул бы в Ровно.

– А если бы мы не в Ровно рванули, а в Житомир?

– Да, ладно тебе, комиссар. Если бы да кабы. Если бы на цветы не морозы, и зимой бы цветы расцветали. Знаешь такую песенку? А, в общем, все хорошо, что хорошо кончается.

– Сплюнь. В общем, понятно. И ты решил подстраховаться, отправив Устюгова в Середняны товарняком? Если теперь мы опоздаем в Городец, то он должен тех из Луцка там придержать, так?

– Считаю, что ты угадал, – Тарасюк, повернувшись, снова посмотрел на комиссара подозрительным взглядом. «А ты все же догадываешься про Буковский янтарь. Догадываешься или знаешь? В твоей фирме тоже веников не вяжут. Твой шеф Лев Захарович – еще тот партиз. Но если это так, тогда ты совсем не случайно оказался в моем отряде. Чтoб я так жил, не случайно. Круговой контроль. Каждый друг за другом приглядывает. Чисто по-сталински. Вполне возможно, что это может оказаться и делом рук Петелькина. А может, и самого Берии? Ладно. Надо быть осмoтpительней как в разговорах, так и в действиях».

В действительности у старшего лейтенанта Устюгова были две задачи. Первая и главная – любыми путями добраться до строящегося лагеря и предупредить тамошнее начальство о готовности передачи груза к утру 28-го. И только потом вернуться в указанную точку встречи под Городецкое. И если к этому моменту Тарасюка с отрядом там еще не будет, придержать представителей из Луцка. Вторая, неофициальная, полученная во Львове. Но была еще и третья задача. Сугубо личная. И эта третья не вписывалась ни в официальную, ни в неофициальную.

– Обжегшись на молоке и на воду дуешь? Посмотрим, посмотрим, – Царенко с достоинством, по-комиссарски, выдержал взгляд.

Дальше ехали молча. Минут через десять после переправы через Горынь колонна из пяти машин медленно втянулась в лесной массив. Чувствовалось, что воздух перенасыщен влагой. Да и запах был совсем не тот, лесной. Ноздри щекотал какой-то болотный привкус. Оно и правда, Богу было угодно посадить Середнянский район в болотистой местности. Полесье оно и есть Полесье.

Еще минут через пять добрались и до указанной на карте точки. Именно в этом месте, в аккурат у перпендикулярно уходящей куда-то в глубь проселочной дороги навстречу колонне вышел рослый мужчина в гражданке с поднятой вверх левой рукой. Правая покоилась на расстегнутой огромной кобуре от ТТ. Будто у него там и не пистолет совсем, а, по крайней мере, «катюша».

На всякий случай, наученная горьким опытом эмка, не доезжая до мужика метров тридцать, остановилась. Тут же, на кабине следовавшей за эмкой крытой машины пулеметчик дернул стволом ручника слева направо, от леса к лесу через дорогу и остановился на мужике. Как бы определяя, если потребуется, сектор ведения огня.

Какое-то мгновение никто никуда не двигался. Будто проверяя выдержку. Потом мужчина опустил руку и медленно, в раскорячку, направился к эмке.

Как оказалось чуть позже, это и был маяк представителей НКВД и НКГБ Луцка, расположившихся в лесу метрах в полусотне от проселочной дороги.

— А вы из наших здесь никого не встречали? — когда все формальности были утрясены и началась передача ценностей, спросил Царенко у представителей из Луцка.

— А кого мы должны были встретить? — чуть ли не хором переспросили те.

Комиссар молча посмотрел на Тарасюка.

— А вы давно здесь?

— Да нет. Считайте, сутки прошли. А что? Кто-то потерялся? Мужиков тут много шатается. Особенно по дороге. Воинские подразделения «туды-суды» шастают. Правда, все реже и реже. Но чтобы одиночки? Тем более из наших?

— В таком случае, где сейчас Устюгов? Где представители из Ровно?

Официально Тарасюк обращался к Царенко. Он даже смотрел на него. Но ответил не комиссар. Ответил представитель Луцкого НКВД:

— Да появятся они, товарищ полковник. Никуда не денутся. Дорогу знают.

— В том-то и дело, что Устюгов неместный. Разве что заедет в Середнянский райотдел НКВД?

— Или в НКГБ, — вступил в разговор гэбэшник из Луцка. — Да любой из наших ему поможет.

— Дай-то Бог, дай-то Бог, — выражение лица командира говорило совсем об обратном. — Так вы теперь куда?

— После передачи ценностей мы должны отправиться в Житомир. Ему в НКВД, а мне — в НКГБ. А вообще-то все это так неожиданно. Когда мы уезжали, немец уже под Луцком стоял. Думали, не успеем. Как говорится, ноги в ж...и ходу. Сначала хотели на Киверцы и дальше на Маневичи, там дорога получше. Но потом переиграли. Решили двигать на Цумань и на Фарамоновку.

— И правильно сделали. Мы вот если бы еще на сутки задержались под Ровно, то тоже попали бы в ровненскую мясорубку, — подсуетился Царенко. Вспомнив Здолбицу, он, будто наизусть зная карту этого района, ехидным взглядом посмотрел на Тарасюка.

В Здолбце они почти до самого вечера прождали представителей из Ровненского НКВД, но так и не дождались их. Тарасюк, правда, настойчиво предлагал подождать еще до утра. С таким решением комиссар категорически был не согласен. В конечном счете, убедил-таки командира спецотряда покинуть Здолбицу вечером. В итоге, в Ровно они даже не заезжали. Да туда бы их уже и не пустили. Заканчивалось 26 июня. Немцы стояли на пороге Ровно. Сутки тому пало Дубно. Ровно они обошли точнее и вышли на трассу Ровно — Тучин. А там полевыми дорогами добрались до Александрии. Здесь командир особого отряда впервые провел так называемое оперативное совещание. На котором кроме Царенко присутствовал еще и старший лейтенант Пилипчук, командир приданого полнокровного мотострелкового взвода. Надеюсь, что дорога Ровно — Середняны будет не так забита, решили двигать по ней. В принципе, выдернув из извилин остатки знаний военного искусства, Пилипчук, как единственный настоящий командир, рассуждал правильно. «Не могут же немцы сплошным фронтом в линию ротных колонн успешно продвигаться на тысячекилометровом фронте. Если они все силы бросили на Дубно — Ровно, то севернее и южнее — таких успехов у них не должно быть», — доказывал капитан. Реально так оно и было. До Костополя колонна промчалась чуть ли не с ветерком. Если не считать снова двух встреч с немецкими бомбардировщиками. Первый раз те направлялись в глубь территории Юго-Западного фронта, а во второй — уже возвращалась. Вполне возможно, что это была одна и та же группа. С земли ведь не уточнишь. Пилипчук, наученный горьким опытом, наблюдателей проинструктировал до слез. И те не расслабились. Колонна дважды ныряла в лес. Как говорится, береженого Бог бережет.

Им везло до Костополя. Там их снова остановили. Теперь уже войсковые постовики. Ни на какие уговоры они не поддавались. Были непреклонны. В принципе, это было правильно. Дорога Середняны — Костополь — Ровно служила фронтовой рокадой и от Середнян до Костополя была сплошь забита войсками. Как понял Тарасюк из скудной осведомленности самих постовиков, под Ровно шла срочная переброска 9 и 19 мк. Пришлось сворачивать на запад, переправляться через Горынь и двигаться на Степань. Так они с двумя переправами к утру 27-го добрались до предполагаемого места встречи.

— У меня к вам просьба, товарищи! Не захватите ли вы с собой и нашего представителя, лейтенанта Конопляного?

— Которого? Того, из Ровненского УНКГБ? Так и он здесь? — уточнил гэбэшник.

— Точно так. Я тут ему дам несколько поручений.

— Значит так, Андрей Петрович! — как только ценности были переданы и представители Луцка вместе с Конопляным покинули отряд, Тарасюк

вызвал к себе старшего лейтенанта Пилипчука. – Думаю, мы здесь задержимся на сутки. Не более, – поспешил уточнить он, увидев недовольное лицо комиссара. – А может, и меньше. Как только появится Устюгов, сразу двинем дальше.

– Прикажете узнать дальнейшее направление маршрута?

– А в этом нет никакого секрета. Дальнейший маршрут – Середняны, а оттуда на Буково. Немного севернее Букова кое-что заберем и на Коростень. А потом на Киев. Вот и весь маршрут.

– Как я понял, необходимо выставить посты и обеспечить охрану?

– Ты все правильно понял, старлей. Как ты предлагаешь это осуществить?

– Выставляю посты по периметру с четырех сторон. Со стороны дороги – усиленный. Сигналы, пароли и все такое прочее.

– Желательно, Андрей Петрович, на визуально-слуховом удалении. Чтобы в случае чего...

– Я понял вас, товарищ полковник. Так и сделаю. Все будет по науке. Окопы в полный рост, парные посты...

– Но остальным бойцам тоже не стоит расслабляться. Считаю, мы все сейчас находимся в прифронтовой полосе.

День пролетел в общих заботах. Практически без всяких неожиданностей. А вот ближе к вечеру... Точнее, к рассвету...

Началось все с того, что часов около семнадцати пост в лесу задержал мужика в брезентовом дождевике, накинутом на рубашку из домотканого полотна, и двустволкой за плечами.

– Кто таков будете? – спросил Тарасюк. – Откуда и куда идете?

– Местный я. Лесник. Из Ивановки. Домой иду, – с изрядной примесью польских слов, ответил задержанный.

– А почему лесом, а не по дороге?

– Дык, нам, местным, в лесу как-то спокойней.

– А не боитесь один по лесу передвигаться?

– Дык, кого бояться. Нынче в лесу пока только свои, – явно намекая на приближающийся фронт, ухмыльнулся мужик. – Я уже со смертью, как дитя с колыской, разом качаюсь. Особенно когда фронт рядом. А вы, простите, из каких будете?

Это не осталось незамеченным одним из сидевших рядом с Тарасюком гэбэшников и он тут же вступил в разговор:

– А тебе, дед, зачем это нужно? Для общего развития или для интереса какого?

– Дык, фронт рядом. Тем более, лес...

– Напекаешь на чужих? Что-то я тебя не пойму, дед? То у тебя в лесу только свои, то ты чужих высматриваешь?

– Дык, дело мое такое. И под старой плотиной оставлять пусть и маленький ручеек недоверия.

– Чего ты пристал к мужику? Он правильно мыслит. А ружье-то у тебя хоть заряжено? – не выдержал Тарасюк.

– Сразу видно начальство. А ружье у меня постоянно заряжено. Всякая дичь попасться на пути может.

– Правильно. И далеко тебе до дома?

– Дык, за час, думаю, управлюсь. За лесом, возле самой речки.

– Свои мы, мужик. Свои. Фамилия у тебя хоть есть?

– А как же. Фамилия моя Топор, – с ударением на первом слоге ответил мужик. – Но на хуторе все меня знают, как деда Миколу. А то, может, к нам в хутор? Чего в лесу комаров кормить?

– Нет, дед. Нам в лесу привычней. Мы ведь с тобой навроде коллеги. Ты на охране и мы на охране. Только ты лес охраняешь, а мы кое-что посерьезней. Спасибо тебе за приглашение. Вот немца расколошматим, тогда и по гостям двинем.

– Дай-то Бог, дай-то Бог. Удачи вам в вашем деле.

Услышав такое выражение, Тарасюк откровенно улыбнулся.

– А зря вы его отпустили, товарищ полковник. Не простой этот дед, ой не простой, – высказал свое мнение гэбэшник, помощник Тарасюка, как только брезентовый плащ скрылся в лесу.

– И чего ты к нему пристал?! Наш это мужик. Побольше бы таких, не пришлось бы зад немцам показывать. Один в лесу и не боится.

– Ага! Такое впечатление, что он под прикрытием кучи стволов по лесу ходит, поэтому и не боится.

– А и правда, товарищ полковник! – тут же подсуетился молчавший до сих пор Царенко. – Чего мы ждем? Пока нас не обложат со всех сторон? Ценности из Луцка приняли, можно и дальше двигать. Или мы будем ждать здесь Устюгова?

– И не только.

– Между прочим, мы его можем встретить по дороге. Он-то нас изда-лека узнает. Тормознем и заберем. Хотя, я больше чем уверен, он нас будет ждать в Середнянах, в райотделе НКВД. Там спокойнее. Зачем ему сюда переться? Тем более в такое время.

– И что, все такого мнения?

Сидевшие на траве молча кивнули головами.

– Нет! Дождаться Устюгова будем здесь. Вдруг с минуты на минуту появится и Кисляков из Ровно. В Ровно он не прибыл, значит, согласно приказу Петелькина, должен прибыть сюда. Во всяком случае будем ждать до рассвета. Если к этому времени никто не появится, двинем в Середняны.

– Надо бы охрану усилить. Не нравится мне этот дед. Ох, как не нравится.

– Да и нам всем надо быть на страже, – поддержал гэбэшника Царенко. – Так я пойду, Илья Петрович, передам Пилипчуку ваше распоряжение на усиление охраны, а заодно и пройду вместе с ним вокруг нашего так называемого лагеря.

Вопреки всем ожиданиям ночь прошла спокойно. Правда, ни Устюгов, ни Конопляный, ни даже Кисляков с ценностями из Ровненского банка к

рассвету не появились. Поэтому прямо с рассветом, стараясь поменьше шуметь, колонна стала готовиться к движению.

– А вы все боялись. И ты тоже, Виталий Фомич. А ночь вон как спокой-но прошла.

– Сплюнь, Илья Петрович. Дай сначала до Середнян добраться, вот тогда и о спокойствии поговорим.

Царенко как в воду глядел. Им даже не дали выбраться на дорогу Городечное – Середняны. Позволили доехать до деревянного мостка через небольшую речку. Мосток был крепкий, срубленный на совесть, по-хозяйски. В этом они убедились еще вчера, когда свернули на проселочную в глубь леса вместе с представителем из Луцка. Вернее, это была даже не речка, а такой себе небольшой журчащий ручеек. Его можно было бы и без мостка форсировать. Но не здесь, в Полесье. Где копнешь на полштыка – болотце появится. Ручеек хоть и был маленьким, но по обе его стороны все было в иле. Местные жители были правы, когда его строили.

Начинающийся рассвет после спокойно проведенной ночи внимание у всех слегка притупил. На этом и строился расчет противника. Их ждали. Ждали именно возле этого мостка. И ждали, основательно подготовившись. Зачем лезть на подготовленную оборону, когда проще устроить засаду. Противник был опытным. Тем более что во главе отряда абвера стояли разведчики, прошедшие одну из разведывательно-диверсионных школ «восточного направления», обосновавшихся под Варшавой. И свой расчет абверовцы строили на внезапности, скоротечности боя. На дороге в любое время могли появиться войсковые подразделения. А встреча с ними в их расчет не входила. Именно для этого и был выставлен на дороге патруль. Легенда страховки у них тоже была. Все немцы были в красноармейской форме. А командир и еще двое – имели офицерские звания. Майор и два капитана общевойскового. Немцев было всего полтора десятка. Но под командой майора было человек тридцать вооруженных местных жителей.

Разведка немцев до начала войны в этих краях поработала на славу. Именно местные, в основном польских кровей, составили в последующем ядро почти пятитысячного отряда Бульбы-Боровца, пособничавшего немцам и воевавшего с партизанами и со всеми инакомыслящими до самого освобождения Украины от фашистов.

В случае появления военных выигрывал тот, кто первый с ними встретится. Мол, воюем с переодетым десантом немцев. Поди разберись во время боя кто свой, а кто чужой.

У майора было большое желание взять не только ценности, но и технику, их перевозящую. А посему всем в засаде была поставлена определенная задача. По колесам, кабинам и двигателям не стрелять.

Первой, как и положено по всем канонам военной науки мирного времени, на мосток взобралась эмка. Она-то и приняла на себя основной удар. Взлетела на воздух аки перинка. Несмотря на то, что упакована была на все сиденья. Водитель, Тарасюк, Царенко и тот самый гэбэшник.

От увиденного водитель полуторки резко тормознул. А что ему еще оставалось делать. Не форсаж ведь включать, дабы перелететь через взорванный мосток. За ней остановилась вся колонна. И тут же по машинам ударили со всех стволов. Причем совсем не охотничьих... Огонь двух тяжелых пулеметов с обеих сторон дороги как будто кинжалом врезался в кузова крытых машин. Именно в кузова. Не трогая ни колес, ни двигателей, ни даже кабин. Благодаря этому водители и старшие машин в буквальном смысле слова вывалившись из кабин целехонькими, первыми открыли ответный огонь.

Из кузовов машин слышались дикие крики, стоны и трехэтажные маты. В первые секунды никто ничего понять не мог. Кто, откуда и почему?

Как только под эмкой вспыхнул огненно-оранжевый, в предутреннем рассвете слегка отдающий синевой букет, Пилипчук сразу смекнул, что к чему.

– Тормози! – во все горло крикнул он водителю. – Хватай ствол и мухой отсюда. Это засада. Сейчас они нас начнут убивать, – прохрипел под конец он, вываливаясь из кабины. Как только ноги коснулись земли, старлей тут же нырнул под полуторку, автоматически подтягивая тело за колесо. – К машине!!! – спустя мгновение послышался оттуда его командирский крик. И в это время по колонне противник открыл огонь.

В ответ раздались редкие выстрелы бойцов-энкаведешников. С последней машины в сторону противника ударил ручник. «Значит, не все еще потеряно», – подумал Пилипчук, короткими очередями подстригая орешник, откуда виднелись вспышки выстрелов.

Точно так же поступили и два сержанта, старшие других машин. А вот Иванцову из последней машины не повезло. Огонь тяжелого пулемета достал его на лету. Приземлился он уже прошитый пулями наискосок. Его ППШ, так и не успев вступить в бой, укатился под машину.

В первую минуту боя большая часть бойцов охранного взвода была выведена из строя. Кто убит, а кто тяжело ранен. Многие из них, попытавшиеся выпрыгнуть из машин, тут же попали под кинжальный огонь пулеметов и автоматов противника. Остальные, видя печальную участь своих собратьев, плюхнувшись на полки кузовов стали отстреливаться. Они быстро смекнули, что пули противника стригут кузова чуть выше уровня бортов. Точнее не смекнули, времени для этого не было, инстинкт самосохранения автоматически бросал тела в безопасное пространство.

«Мало, очень мало стволов работает в ответ. Значит, фрицы решили устроить нам здесь форменный писец. Ну что ж, помирать так с музыкой», – выдернув чеку из гранаты Пилипчук бросил ее в сторону одного из тяжелых пулеметов, расстреливавших колонну с этой стороны дороги. Бросок получился горизонтальный. Граната вылетела из-под машины как плоский камешек, бросаемый в детстве в воду. Чем ниже пригнешься, тем дальше он подпрыгивает на волнах. И граната таки достигла цели. Грохнул взрыв. В воздухе засвистели осколки. Похоже, несколько из них достали и колесо машины, за которым лежал старлей. Из колеса со свистом выходил

воздух и машина резко стала крениться. Придавить лежащего она не смогла. Только улучшила его огневую позицию. Крики и стоны раненых слышались уже не только в колонне, но и из придорожных кустов.

Противник, видимо, понял свою ошибку. В овраге послышалась команда на немецком, и стволы противника стали работать по колонне без разбора. Пули зацеккали и по кабинам, и по колесам.

«Интересно, почему они сразу так огонь не вели? Хотели сберечь машины? В таком случае осведомлены, что в кузовах. Эх, полковник, полковник! Фрицы провели тебя как последнего лоха. В твоей команде стукачок затесался. Точнее, «крот», «кротище». Чтоб мне этот бой не пережить», – перевернувшись на спину, старлей быстро отсоединил пустой диск и одним движением загнал на его место полный. Щелкнул замок, и он тут же снова открыл огонь по кустам.

Минуты через четыре огонь с обеих сторон утих.

– Братцы! Умоляю! Хоть кто-нибудь! Добейте! Мочи нет терпеть! Ноги мои, ноги! – вперемешку со стонами слышался душераздирающий крик со стороны машин.

Из-под колес первой машины продолжал отстреливаться трижды раненный Пилипчук, да где-то из середины колонны из-под лохмотьев тента в сторону орешника и оврага то и дело раздавались короткие очереди из ППШ. Еще из-под одной машины – одиночные из карабина. Только водители машин были вооружены карабинами. Точно брошенная с секундной задержкой в руке граната взорвалась прямо над тентом машины, из которой стрелял ППШ. А установленный в хвосте пулемет несколькими очередями прошел между колес всю колонну и успокоил последние огневые точки. В том числе и Пилипчука. Первая пуля попала в грудь, а две другие, вонзившиеся в голову почти одновременно, раскололи ее как грецкий орех.

Внезапность, удачно выбранный момент и место, плюс шквал огня с обеих сторон колонны на минимальном расстоянии и не такое могут совершить. Если учесть еще и тот факт, что колонна продвигалась по своей территории и азы боевого устава (*обязательное наличие передового и боковых дозоров*) не соблюдала, и опыта ведения боевых действий не имела. Но для этого, как минимум, нужна маленькая деталь. Знать точное время и место нахождения объекта. Именно так все и было задумано.

Из оврага вышел немец в форме майора Красной Армии и на чистом немецком языке отдал команду двум своим помощникам проверить всю колонну.

– Раненых добить. Все трупы пересчитать.

Он дважды напомнил, что убитых должно быть 34 человека.

– О нас никто не должен знать. Нас никто не должен видеть и тем более помнить. Нам свидетели не нужны. Понятно?!

Через минут десять, после прозвучавших около десятка одиночных pistolетных выстрелов, один из капитанов доложил, что трупов всего двадцать девять. А чтобы подобраться к взорванной легковой машине

потребуется определенное время. Эмку взрывом выбросило на другой берег речки.

К удивлению всех легковушка не загорелась. От взрыва повывлетали стекла, ее искорежило и, вдобавок, оторвало всю заднюю часть. Так что метрах в пятнадцати от взорванного мостка она валялась зануреной носом в ил и почти вся просматривалась насквозь. Майор, подойдя к остаткам моста, какое то мгновение внимательно просматривал эмку через бинокль. Вроде все сходилось. В бинокль можно было четко различить только три трупа. Правда, из-под свисающей задней дверки, почти что из-под днища, выглядывали какие-то конечности. Но просматривались они очень смутно. Ни голов, ни туловищ видно не было. Виднелись только руки или ноги. Движение внутри эмки не просматривалось.

– Думаете, в легковой сидело пять человек? Что ж, вполне может быть. Дайте по машине на всякий случай несколько очередей из автомата. Ящики перегрузили?

– Так точно. Местные и перетащили их в повозки. Все как вы приказали.

– В таком случае будем заканчивать.

– А что с техникой делать?

– Облить бензином и поджечь.

– Так ведь лес. Загорится и мы далеко уйти не успеем.

– Думаешь? Вполне возможно, что ты и прав. Тогда уходим.

Этот, как и предыдущие разговоры, велся на немецком языке.

Еще минуты через три на поляне перед мостком остались только простреленные грузовики со рваными тентами и тридцать три трупа. В том числе и старший лейтенант Пилипчук.

Хотя нет. Когда примерно минут через двадцать к месту боя подъехал лейтенант Конопляный, тот самый тридцать четвертый, трупов было только тридцать два. Командир особого отряда был еще жив.

Пал смертью храбрых...

Выйдя из кабинета Берии, полковник Петелькин сразу позвонил в управление военной контрразведки Красной Армии.

Еще там, в кабинете Сталина, Берия сам предложил присутствовавшим членам Политбюро основную оперативную связь в вопросе вывоза ценностей вести по линии особых отделов фронтов. О чем тут же были уведомлены как начальник этой главной управы, так и начальники особых отделов фронтов.

Выяснив, что никаких новых данных от Тарасюка не поступало, Петелькин уже с рассвета, вместе с группой офицеров Генерального штаба, направлявшихся на Юго-Западный фронт, вылетел военным бортом в направлении Киева. Это было его второе путешествие на фронт. Второе и...

Приземлившись на одном из полевых аэродромов недалеко от Киева, он не стал терять время и сразу отправился в особый отдел фронта.

Дело близилось к обеду. Неразбериха и какая-то скованность чувствовались и здесь, в коридорах отдела. Правда, не так открыто.

— А где сейчас находится Ровненское областное управление НКВД? — после небольшой обязаловки представлений и выяснения общей обстановки на фронте спросил он у одного из находившихся на месте офицеров отдела. Известие о том, что Ровно уже в руках у немцев, выбило его из колеи мысленно отработанного ранее плана действий еще там, в Москве.

— Об этом вас, товарищ полковник, лучше проинформируют в НКВД Украины, — совсем не скрывая безразличия, ответил офицер-особист. Небритое лицо, уставшая физиономия и гимнастерка, будто побывавшая у суки в дыре, довольно красноречиво выдавали в нем человека, которому все уже до свечки.

— Извольте, товарищ подполковник, привести себя в порядок. С вами разговаривает личный представитель наркома Берии.

Находившаяся на слуху фамилия существенно освежила особиста.

— По информации, которой на данный момент обладает особый отдел фронта, к исходу 26 июня УНКВД по Ровненской области находилось в 36 километрах за Новоградом-Волынским, — как на докладе сообщил офицер-особист. А может, и специально, с определенным ехидством? Мол, если уж тебе так хочется, москвич! Но Петелькин этого не заметил. Он был ошарашен, услышав двойное название города.

— Так это уже почти Житомир!

— Точно так, товарищ полковник. Но и это не все, — еще более осмелел офицер. — Я буквально вчера разговаривал с дежурным УНКВД по Житомирской области, так он сообщил, что Ровненское УНКВД позавчера ближе к вечеру выехало из Житомира в неизвестном направлении.

— А где начальник особого отдела фронта? — последнее сообщение Петелькина буквально шокировало.

— Со вчерашнего утра вместе с членом военного совета Рыковым и начштаба генерал-лейтенантом Пуркаевым находится на КП фронта.

— Понятно. В таком случае окажите мне помощь машиной и сопровождающим. Мне необходимо встретиться с комиссаром, — чувствуя, что жестким прессингом здесь он ничего не добьется, Петелькин сменил начальственный тон на более мягкий. Это подействовало.

— Машиной, товарищ полковник, не получится. У меня ее попросту нет. А вот мотоциклом смогу. Тут как раз делегат связи возвращается на КП фронта. Если есть желание, могу посодействовать.

— Спасибо и на этом.

Петелькин, сидя в коляске мотоцикла, и офицер связи довольно-таки шустро пробирались против разношерстной массы гражданских. И не только...

Спустя три часа, на одном из заградительных контрольных пунктов в лесу, не доезжая трех километров до Коростышева, они случайно наткну-

лись на охрану начальника особого отдела фронта. Оказалось, тот на двух «доджах», неизвестно откуда появившихся в первые дни войны у особистов фронта, уже возвращался в Киев. Петелькин тут же освободил коляску.

— Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь? — комиссар остановился возле разлапистого дуба. Несколько минут они вдвоем «гуляли» по просеке, как говорится, туды-сюды. — В настоящий момент мне лично заниматься этим поручением практически невозможно. А поручить его кому-нибудь я, в силу поставленных условий, не имею права. Одно могу сказать точно, Кисляков из Ровно в направлении Середняны выехал еще 23-го сразу пополудни. А вот почему о нем до сих пор нет никаких сведений — не могу знать. В принципе, это ваша кухня и совать нос в нее, ты уж извини, — себе дорожке может обойтись. О спецотряде Тарасюка мне докладывали с контрольно-заградительного пункта под Червоноармейском 24-го. Знаю еще, что вечером 26-го войсковики тормознули его отряд уже под Костоподем. Их не пустили на трассу Ровно — Середняны. По данным, которыми я располагаю, Тарасюк от Костополя свернул на запад. Больше о нем никакими сведениями я не располагаю. Правда, по непроверенной информации в лесу недалеко от Середнян то ли 27-го, то ли 28-го было какое-то огневое соприкосновение наших войск с десантом немцев. По одним данным, наши уничтожили весь десант, по другим — немцы уничтожили небольшое подразделение наших войск. Вот и все, чем я располагаю на данный момент. Вполне возможно, что это и ваши воевали. Но такие огневые соприкосновения в тылах фронта происходят ежедневно. По лесам нынче всякий люд бродит. И пособники новых хозяев, и будущие прихвостни. Ими занимаются маневровые группы войск НКВД, районные отделы НКВД и НКГБ. Но силы, сам понимаешь, не равные. В райотделах считанные люди остались. Где еще остались. Обстановка на фронте меняется с головокружительной быстротой. И если бы не твердая рука Кирпоноса, немцы давно уже хозяйничали бы в Киеве. Это я тебе точно говорю, — собеседник с Петелькиным был знаком давно. И не просто так, здравствуй до свидания. Поэтому он не очень скрывал свое возмущение всем происходящим.

— А Кисляков хоть с охраной выехал?

— Да! Лично я через начальника штаба фронта Пуркаева выбил для него пять бойцов из охранной дивизии НКВД.

— И что, в Ровно уже действительно немцы?

— Еще 28-го захватили. Но сплошной линии фронта в том направлении нет. И вообще, странно все это. К моменту взятия Ровно Ковель был еще в наших руках. Черт знает что!

— А Середняны?

— А что Середняны? От Ковеля до Середнян, знаешь, сколько? На сегодня линия фронта в том направлении проходит чуть ли не в семидесяти километрах западнее Середнян. 5-я армия Потапова оказалась более стойкой. Правда, на центральном направлении у немцев группировка в несколько раз мощнее.

«Да! Эти полторы недели непрерывных боев серьезно нафаршировали тебя фронтовым лексиконом», – подумал Петелькин, а в слух ехидно спросил:

– Так мне что, в Ровно уже не хрен соваться? И чем в таком случае мне может помочь особый отдел фронта и его доблестный начальник? Разве ты не получал распоряжение Берии? Что мне ему доложить?

– Не надо меня брать на цугундер. Вам легко в столице указивки давать. Я за эти неполные две недели дважды в такой переплет попал... Мне что, надо было все бросить и лично сопровождать вашего Кислякова? Да в отделе каждый опер на счету. Люди пашут круглосуточно. Еле-еле выкраивают по два-три часа для сна. Буквально на второй день войны военный совет фронта загрузил меня по самые помидоры. И задача очень непростая. В обязанностях особого отдела не только оказывать помощь фронту в наведении порядка в прифронтовой полосе. Мне еще надо обеспечить пополнение частей людьми. По большому счету мои опера на сегодня работают в окопах. Как тебе это нравится? С первых дней войны особым отделом фронта создано несколько групп во главе с операми. Благодаря им из военнообязанных и военнослужащих, по различным причинам оказавшихся в прифронтовой полосе, постоянно сколачиваются и отправляются на передовую небольшие подразделения по 50–70 человек. Плюс переправы, ждэстанции, эшелоны с боеприпасами, войсками, оружием... Опять же эвакуация. Везде нужен глаз да глаз, – начав с резкого возражения, комиссар к концу перешел на более вежливый тон. Точнее, на более оправдательный. С явным намеком на обещанный доклад в верхах. – А в Ровно не только тебе не хрен, как ты выразился, соваться. Чтобы Ровно отбить, надо о-го-го, сколько войск положить. А где их взять? Опять же, какой от этого будет толк? Отбивать надо не один город Ровно. Но такими силами на данный момент, как я понимаю, мы не располагаем. Или помощник наркома оперирует другими данными? То-то же. Ты что, действительно рассчитываешь найти этого Кислякова?

– Обязан, – ответил Петелькин, хотя в мыслях ответ у него был совсем другой. Мол, этот Кисляков мне нужен как зайцу стоп сигнал. Была бы охота его искать. Я за ценности, которые он должен передать Тарасюку, пекусь. Собственной шкурой отвечаю. И линять у меня нет никакого желания. Собственная шкура мне дадена единожды. Не змея ведь.

– В таком случае тебе пока не поздно надо пробираться в Середняны. Только я не понимаю, зачем Тарасюк поехал тем маршрутом? Да и Кисляков зачем-то тоже отвез ценности в том направлении? Думаете, оттуда дорога на Киев короче? А в общем... Не мое это дело. Можешь на Житомир, оттуда на Новоград-Волынский или на Коростень, а там на Олевск. Правда, я бы не сказал, что этот путь такой уж и безопасный. Глубинная рокада мимо взятого немцами Ровно представляет большую опасность, чем... Да и оуновцы перья веером распускают. Сводки с прифронтовой полосы одна другой хуже.

– Чем что? А каким путем в Середняны отправился бы ты?

– Я? Лично я бы туда сейчас совсем не совался. Время для мирных путешествий закончилось. И закончилось, я думаю, надолго. Но если ты настаиваешь, проще и быстрее добраться в Середняны через Коростень, Новые Белокоровичи, Олевск, Буково.

Услышав название Буково, Петелькин снова вздрогнул. Это не осталось незамеченным начальником особого отдела Юго-Западного фронта. Но он не подал никакого виду.

– А машину и сопровождение дашь?

– Машину? Машину дам, а сопровождение... Извини, но больше одного человека дать не могу. Гарбузов! – крикнул он в сторону леса. И сразу к нему подбежал рослый лейтенант с ППШ на груди. – Поступаешь в распоряжение представителя из Москвы. Три дня хватит? – обратился комиссар к Петелькину.

– Думаю, хватит.

– Поедете в Середняны. В общем, куда надо, – обращаясь к лейтенанту, поправился начальник особого отдела фронта. – По возвращении в Киев сразу ко мне. У тебя как с оружием? – снова обратился комиссар к Петелькину.

– Да вот, – хлопнул тот себя по внушительной кобуре. – Штатный ТТ.

– И это все? Гарбузов! Прихвати с собой лишний ППШ, штук пять дисков и десятка два гранат. Да! Не забудь пару комплектов сухпая. Нынче без такого запаса в сторону противника никак нельзя, – повернулся он к собеседнику. – То десант, то оуновцы. В общем, смотри в оба. Я тебе Гарбузова почему дал? Считай, что он местный. Север Ровненской области знает как свою пятерню. Что еще?

– Пожалуй, все. Доложи в наркомат моему шефу, что я здесь был и отправился в Середняны. О Кислякове пока ничего не докладывай. Сам доложу.

– В таком случае, бывай. Не обессудь. Обстановка такая, что не располагает к разнослам. В другой раз посидим, поокаем. Если, конечно, доживем до другого раза, – подумал начальник особого отдела фронта уже про себя, усаживаясь в «додж». Туда же запрыгнули и оставшиеся два бойца личной охраны. «Додж» сразу скрылся в глубине просеки.

«А ведь комиссар прав, ядрена вошь. Когда я в прошлый раз ехал по этой дороге в Ровно, здесь творилось черт знает что. Неразбериха чувствовалась на каждом шагу. И чем ближе мы подъезжали к Ровно, тем заметнее был кавардак, творившийся как на дорогах, так и в государственных учреждениях. А сегодня хоть и прет народ на восток сплошным потоком, делает это чуть ли не строем. Бардака намного меньше. Это точно. Больше военных постов, пунктов пропуска, контрольно-проверочных и контрольно-заградительных постов. Знать, особый отдел фронта свой хлеб недаром жует. Вполне возможно, что если бы на месте Кирпоноса был другой командующий фронтом, немцы были бы уже в Киеве. Этот не то, что Павлов. Почти всю Белоруссию за неделю сдал... Тоже мне герой. Звезда Героя автоматически полководческого таланта не прибавляет. Поэтому и от командующего фронтом отстранили. Хотя...».

– Товарищ полковник! – обратился водитель Проскурин к Петелькину, как только они подъехали к Коростышеву. – Если нам надо на Коростень, то соваться в Житомир нет никакого смысла. Город забит войсками. Хоть у нас и красуется на лобовом стекле особый пропуск, останавливаться придется часто.

– И что ты предлагаешь?

– Свернем сейчас направо и через каких-то минут сорок будем в Черняхове. А там на Коростень дорога прямая, как трехлинейка.

– Давай. Интересно, где сейчас Тарасюк? Еще под Середнянами или, не дождавшись Кислякова, отправился в Киев по утвержденному маршруту? Опять же, забрал ли янтарь из бывшего лагеря? И выполнил ли мой приказ Устюгов? И где все-таки находится Кисляков с ценностями Ровненского филиала Центробанка? Черт, куча вопросов и ни одного ответа. Быстрее бы хоть с Тарасюком встретиться, – мысли ближайшего подручного Берии вертелись только вокруг ценностей. – Если Устюгов в точности выполнит мой приказ, то свидетели Буковского янтаря сгинут как роса на солнышке. И, естественно, официально оформлять передачу янтаря Тарасюку будет некому. И сколько тех ящиков останется – одному Богу будет известно. Ну и мне, конечно. А отдавать Берии все или на один меньше – это будем решать мы, – у Петелькина даже в мыслях не могло возникнуть другого. Допустим, что Устюгов может приблизиться к дежке янтаря. Или, хуже того, все ценности переиграть в свою пользу. Ведь за вывоз ценностей полковник отвечал головой. И совсем не перед своим шефом. Перед Хозяином. А это уже не шутки. – Главное добраться до Тарасюка. Там многое проявится. Но тот тоже хорош. Иметь в подчинении столько людей и не выслать маяки навстречу Кислякову? А может, ему это выгодно? Сидит себе в лесочке под этим Городечным и ждет от моря погоды, кретин. А может, не от моря? – от этой мысли Петелькина аж в дрожь бросило. Где-то в подсознании рядом с Тарасюком тут же снова мелькнула фамилия Устюгова. Неприятная мысль, оказывается, имела тенденцию к размножению. Он еще не понял, как эта фамилия вяжется с командиром спецотряда, но смекнул, что это не есть хорошо. – Нет! Такое не может быть, потому... потому что не может быть, – он никак не мог подобрать ответ на не очень хороший, скажем так, вопрос, неожиданно появившийся в потревоженных извилинах.

Начинало темнеть, когда «додж» Петелькина подъехал к Коростеню. Дорога Черняхов – Коростень хоть и была сравнительно свободной, больше пятидесяти километров развивать не удавалось. *(В первые недели войны все движение на трассах и рокадах из-за налетов вражеской авиации в дневное время прекращалось. Но одиночные машины и небольшие колонны, два-три автомобиля, проскакивали. Особенно в лесистой полосе.)*

– Что будем делать, товарищ полковник? – спросил водитель, не снижая скорости.

– В смысле?

– Двигаем дальше или заезжаем в Коростень?

– А у нас в этом деле большой специалист имеется. Что предложишь, лейтенант?

– В любом варианте за оставшееся светлое время до Середнян нам не добраться. Значит, придется пилить ночью. Учитывая создавшееся положение в этих районах и нашу немногочисленность – это будет небезопасно.

– Так ты давай предлагай, а не ходи вокруг да около. «Создавшееся положение, немногочисленность...» Это все лирика, дорогой.

– Так я и предлагаю, товарищ полковник. Давайте заедем в Коростень, переночуем, а с рассветом двинем дальше.

– Где переночуем? У тебя есть какое-то предложение? Или прямо на первом попавшемся пропускном пункте?

– Зачем вы так? Между прочим, в Коростене есть районные отделы НКВД и НКГБ.

– Должны быть.

– Не понял?

– И ты думаешь, они еще функционируют? Вон Ровненское областное управление НКВД давно уже пятками наживало. Чуть немного припекло – их как ветром сдуло. И не сыщешь. Я вот вернусь в Москву, доложу народному комиссару... Он им вставит по самые не балуй.

– Так это НКВД.

– Ладно. Заворачивай Проскурин. Где наша не пропадала. Кого найдем, у тех и заночуем.

... Рассвет застал их в десяти километрах от Коростеня. Американский внедорожник довольно шустро глотал непривычную для него дорогу. Периодически то ныряя в ямы, то подпрыгивая на колдобинах. Петелькин молча наблюдал за окружающей дорогу местностью. С обеих сторон ее обступал тихо шелестящий утренний лес. Иногда, когда Проскурин, объезжая серьезное препятствие слишком близко приближался к краю дороги, свисающие зеленые лапы сосен так и норовили хлестануть сидевших в открытом «джипе». Минут через двадцать темнота окончательно рассеялась.

– Как ты думаешь, лейтенант, мы до Ракитного скоро доберемся? Комиссар говорил, что ты эти места как свою пятерню знаешь? Это правда?

– Комиссару виднее. Только я бы не загадывал наперед. Время военное.

– Сплюнь, лейтенант.

– Уже сплюнул, – сидевший на заднем сиденье офицер довольно качественно сплюнул через левое плечо, постаравшись даже переплюнуть через «додж». – Если все будет в порядке, думаю часа через три.

«Вот именно, что военное, – подумал про себя водитель, объезжая очередную яму. – Главное, не попасть под бомбежку или, хуже того, в засаду нехороших людишек. Не дай Бог, накаркаешь, пацан, – Проскурин был старше лейтенанта лет на пять и поэтому хоть и мысленно, но вполне на законных основаниях обозвал офицера одесским выражением.

– В таком случае, лейтенант, усилим наблюдение за дорогой. Моя правая сторона, твоя – левая. Идет?

– Как прикажете, товарищ полковник.

Дальше ехали молча, внимательно глядяваясь в лес, сразу ставший таинственным.

Недоезжая Лугин, «додж» выскочил из леса. Рассвет вступил в свои права. И если бы не темно-серые с белесой проседью облака, где-то у горизонта даже черные, солнышко вполне возможно уже выглядывало бы из-за облаков. На выезде из Коростеня они благополучно миновали контрольно-заградительный пункт особого отдела фронта. Это были свои. Опер-особист прекрасно знал не только лейтенанта, но и водителя Проскурина. Так что обошлось без дотошных вопросов и обобщающих ответов. Следующий пункт пропуска был в Новых Белокоровичах. Именно так их сориентировали особысты на КЗП. А посему полковник даже слегка расслабился. Ехал с закрытыми глазами. «Явно кемарит», – подумал лейтенант. Водитель, в свою очередь заметив, что Петелькин прикрыл веки, поехал более осторожно. На сколько это было возможным.

Но Петелькин не спал. Слегка успокоившиеся извилины выбросили наверх информацию, хранившуюся со времен знакомства с Устюговым младшим. А произошло это знакомство в середине тридцатых. Недалеко от одного из военных полигонов Красной Армии. На которых, кстати, по договоренности с Германией, обучались немецкие офицеры владению современными видами оружия, имевшегося на вооружении в тогдашнем СССР. Причем не устаревшего, а совсем наоборот. самого что ни на есть современного на тот час.

«Боже, сколько времени прошло? А вроде как вчера было. Ну, не совсем вчера, – одними краешками губ Петелькин симитировал улыбку. И получилась она у него какая-то таинственная. Будто прятал ее даже от самого себя. Одно слово, чекист. – Он тогда совсем пацаном был, – мысли пассажира «доджа» автоматически перенеслись в Вольск. – Постой, постой, в каком классе учился? В первом или во втором? Это было в 1926 году. Точно в 26-ом. Значит, в первом. Именно в том году меня и определили в группу тогдашнего заместителя председателя ОГПУ Уншлихта. Тогда я впервые и попал в тот город. Хотя нет, вру, на «Томку» я попал на следующий год. Точно, на следующий. Значит, Яков ходил уже во второй класс. А в том, 26-м году мы с операми ездили в Николаев. Да, – Петелькин снова улыбнулся краешками губ, – Николаев – это сила. А какие там украиночки классные были... Эх! Вернуться бы снова в те времена. Мы тогда на проверку ездили. Немцы там реконструировали завод подводных лодок. Интересный сигнальчик оттуда поступил тогда. Потом, в тридцать седьмом, тот сигнальчик такую ниточку за собой потянул, ужас. Человек тридцать к стенке поставили. И, главное, все интеллигенты да инженеришки ср... Заговоры плели, сучьи потрохы. Да, здорово пришлось в те годы поколесить. Липецк, Казань, Вольск... Веселые времена были. А в Москве разве не было этих совместных предприятий? Да где их только не было. А полигоны, а учения... Мы тогда совместно с немцами оборон-

ку поднимали. Заводы строили, специалистов ихних принимали, ублажали, летать учили, стрелять, воевать... В общем, друзьями были. А сегодня – воюем с ними. Вот ведь какая петрушка получается. И если они нас сейчас побеждают, значит, мы их учили хорошо. Тогда почему ученики выигрывают, а учителя – проигрывают? А если потому, что тех хороших учителей за последние десять лет мы не только в лагеря отправили? Большинство из них давно уже с всевышним общаются? И кто в этом виноват? Неужто ...», – полковник даже вздрогнул от такой мысли. Но глаз не открыл.

Исключительно для любознательных. В соответствии с советско-германским договором от 16 апреля 1922 года, подписанным в Рапалло близ Генуи, в период с 25 по 30 марта 1926 года в Берлине состоялась секретная встреча руководителей военных ведомств. Обсуждались вопросы сотрудничества в военной области. По итогам были даже назначены ответственные лица: в Берлине – генерал-полковник Сект, а в Москве – заместитель председателя ОГПУ И.С. Уншлихт. В Берлине за налаживание контактов отвечал военный атташе Лунев, в Москве – полковник рейхсвера Томсон. Для этих целей в немецком генеральном штабе Сект даже организовал отделение, известное как Зондергруппа R. В соответствии с утвержденной программой развития «люфт-вафф» на базе авиашколы в Липецке ежегодно обучались 60 немецких летчиков. Это летное училище стало первым настоящим центром подготовки пилотов для германской военной авиации. В глубокой тайне от всего мира, а это было выгодно для немцев, в Липецке немецкие летчики совершенствовали приемы высшего пилотажа, учились стрелять, бросать бомбы, пикировать... Секретность была такая, что даже немцев, погибших в результате несчастного случая, отправляли в Германию не в гробах, а в ящиках, помеченных как запасные части. В Липецке в свое время повышал свое летное мастерство и сам Герман Геринг. За это немцы вложили в авиационный завод в Филях, что под Москвой, более 100 млн. марок. И стал завод выпускать для немцев «юнкерсы».

В конце 26-го года начала действовать сверхсекретная научно-техническая база «Томка», находившаяся недалеко от Вольска. Здесь проводились совместные опыты по применению отравляющих веществ артиллерией и авиацией. Одним из объектов германо-советского сотрудничества в этом направлении стал построенный в 1927 году в Куйбышевской области завод «Берсоль», производивший 6 тонн отравляющих веществ в сутки. В основном – иприт.

В конце этого же года было заключено соглашение об организации объединенной танковой школы «Кама» в Казани. В ней прошел обучение и будущий командующий немецкими танковыми группами Гейнц Гудериан. С 1928 года эта школа работала под вывеской «Технические курсы ОСОАВИАХИМа». В регулярных сводках разведупра на имя Ворошилова немецкие стажеры именовались «друзьями» и «арендаторами», а осваиваемая ими техника – «тракторами». В военных заведениях СССР

немцы получали вымышленные фамилии и форму военнослужащих Красной Армии. А высокопоставленные генералы рейхсвера совершали инспекционные поездки в учебные центры под видом членов мнимых делегаций немецких рабочих-коммунистов. (По материалам Интернета. Выпускная квалификационная работа «Германо-советские отношения в 1919-1929 гг». Истфак Курского государственного университета.)

«Значит, – Петелькин продолжал рассуждать уже в чисто автоматическом режиме, – кому-то это было выгодно. Кто-то специально нам дезу сливал. Поклепы на наших людей писал... Но ведь я многие из тех доносов тридцатых читал. Писали обыкновенные наши люди. Некоторые от зависти, некоторые от злости, а многие – просто так, за плохой взгляд, за захват жилья, критику, от собственной неустроенности... Некоторые личности за стопку с бодуна и вообще по своему недоумию. Ведь в Вольск я тоже не просто так приезжал. Сигнальчик был в местные органы ОГПУ на некоторых инженерно-технических работников конструкторского бюро «Томки». В том числе и на Устюгова-старшего. Он тогда в аккурат на той базе работал. А я ведь с ним после Царицына и не виделся. И правильно сделал, что не поверил доносу. А как поверишь, если я с Василием вместе под Царицыным в одном окопе вшей кормил, коркой хлеба делился... И деятеля того, который донос состряпал, я быстро отыскал. Рабочий с той самой сверхсекретной базы. А надоумил его, оказывается, один из немецких специалистов, работавший в том же конструкторском бюро. Благо, когда я того хмыря прищучил, он быстро дал откат на Устюгова. Понял, что Устюгов не простой инженеришка и, вообще, чем это все для него может закончиться. Поэтому и был отпущен с миром в свою Германию. А если бы я не сумел с тем немцем найти общий язык, быть бы Якову сиротой. За отцом и мать бы шлепнули без разговоров. Не церемонились бы. Благо, что я в той комиссии был. И не простым вахтером 2-й категории с тремя треугольниками в петлицах (самая низшая из тринадцати категорий в органах ОГПУ двадцатых-тридцатых годов). Бери выше, – личный помощник Бери и даже сидя осанку поправил. – Помощником инспектора управления Центрального аппарата ОГПУ, с двумя «шпалами» в петлицах. А в те годы это звание было большое. Хотя количество и качество знаков различия в петлицах зависело исключительно от должности. При повышении или понижении в должности автоматически менялись и знаки различия в петлицах. Нет! После всего того, что я сделал для их семьи, не может Устюгов-младший поступить плохо. Он же только благодаря мне и в госбезопасность попал. Но это уже после института было. Сначала сержанта ГБ получил (лейтенант), а через год и младшим лейтенантом (старший лейтенант) не без моей помощи стал. А если в Середняны мы поедем позже. Сначала заедем в лагерь. А вдруг там все в порядке и не надо будет даже в Середняны ехать. Вдруг Тарасюк уже там был, забрал янтарь и уехал со всеми ценностями в направлении Киева? В таком случае и он, и Устюгов должны условные знаки оставить. Решено. Едем сначала на остров. А там видно будет», – с этой мыслью основательно успокоившийся полковник Петелькин заснул по-настоящему. Спал он

долго. С небольшими перерывами при остановках на постах в Новых Белокоровичах и в Олевске, аж до Рокитного.

– Слышь, лейтенант? – спросил полковник Гарбузова, как только «додж» миновал населенный пункт Рокитное. – Где-то в этих местах перед войной строился ИТЛ ГУЛАГа. Тебе случаем те места не знакомы? – вопрос был задан с определенной хитринкой. Типа, к слову пришелся. Но первым ответил не Гарбузов. Первым ответил водитель Проскурин:

– Так те места и я прекрасно знаю, товарищ полковник. Я же до войны в ХОЗО НКВД Украины работал. А война случилась, в особый отдел фронта перевели. Пару раз ездил на тот остров. Отсюда недалеко.

– Все правильно, товарищ полковник. Я тоже знаю про тот остров. На третий день войны особый отдел фронта оказывал помощь командиру роты конвойных войск 13-й дивизии НКВД старшему лейтенанту Фахаратдинову в эвакуации зеков с того острова. Паршивенькое, должен вам признаться, место выбрали для лагеря. К острову только одна дорога и ведет. Кругом непроходимые болота. Одно слово, гиблое место.

– А ты думал лагеря строят вдоль большаков? На то он и лагерь, чтобы зекам худо жилось. Это же отбросы общества. Только в таких местах их и можно перевоспитать.

– Вряд ли их даже в таких местах можно перевоспитать, – возразил Проскурин. – А вы что, товарищ полковник, на экскурсию туда попасть хотите?

– Так там же на данный момент ничего нет. Чего смотреть? – чувствовалось, что у лейтенанта абсолютно нет никакого желания отвлекаться на какие-то экскурсии.

– А оттуда есть дорога на Середняны?

– Конечно есть, – подсуетился водитель. – Мы даже в Буково заезжать не будем. Спустимся с верху прямо в Середняны.

– И сколько это путешествие занять может?

– Часа на три-четыре дольше ехать придется. Это точно. А что, чисто ради интереса или по надобности, товарищ полковник? – с ухмылкой спросил Проскурин.

– Да уж точно не ради интереса. Порядок, дорогой Проскурин, должен быть везде. Доложить мне надо, в каком состоянии лагерь оставили, – даже не моргнув глазом, соврал Петелькин.

– Так в деле по эвакуации зеков акт имеется. Там все расписано, – товарищ полковник. – Хотя, по-моему, это никакой рояли уже не играет. Пока война идет, местные там все на запчасти разберут, – не сдавался лейтенант.

– Нет, лейтенант. Заехать надо. Или сейчас, или после Середнян. Хотя, вполне возможно, что после лагеря в Середняны нам ехать не понадобится.

– Ну, если с таких позиций... Как прикажете!

– Давай Проскурин. Если дорогу знаешь, сворачивай где надо в сторону лагеря.

— А что знать? Тут недалеко поворот на Тимошгород должен быть. Населенный пункт так называется. Небольшой, — уточнил для чего-то водитель. — Там и свернем. Только дорога похуже будет. Хотя, как сказать. Иногда большак хуже проселочной. И они свернули...

... — Слышь, Степан, как ты думаешь, нам сегодня повезет?

— Откуда я могу знать, шлях бы все это трафыв! *(Нематерное ругательство на территории Западной Украины, бывшей до 1939 года в составе Польши)*. Лучше бы мы сразу пошли на большак Рокитне — Буково. Уж там бы нам точно повезло с первого раза.

— Ага! Не успели бы и шагу ступить после взрыва, как нас бы «кляті» москали повязали и в каталажку.

— Не-е! Не отправили бы.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что война. Поставили бы рядышком и расстреляли. Теперь это быстро делается.

Вечерний лес вокруг зловеще шелестел, скрипел, и даже ругался каким то звериным ругательством. Двое парней пробирались вдоль берега небольшого ручья. Один из них, тот, который был повыше и крепче, нес на спине мешок, обхватив его на правом плече обоими руками. В мешке было что-то продолговатое и тяжелое. Настолько тяжелое, что не позволяло мешку раскачиваться в такт движения. Плотно прилегало к пояснице.

— Степан! Как ты думаешь, скоро этот «гармидер» закончится?

— Какой? — не оборачиваясь, переспросил впереди идущий.

— Какой, какой? Чего ты переспрашиваешь? Скоро немцы погонят «москалей» в Сибирь?

— Скоро. Они уже под Середнянами стоят. Еще день-два и тут будут.

— А немцы поляков сюда не вернут?

— Что ты, Марко, пристал ко мне? Я что, Геббельс?

— А кто такой Геббельс? — не отставал Марко.

— Второй человек после Гитлера.

— Если они поляков к нам не вернут, тогда мы «добре» заживем. Помнишь, две недели тому к нам на хутор приезжал тот парень с Волыни?

— Который? Их тогда трое было. Сотенный УПА Ястреб, представитель центрального проводу Богдан и еще третий.

— Тот, который все ругался: «холера ясная», — Марко рассмеялся. — Он что, поляк?

— Вряд ли. Поляков в УПА не берут. Может, живет среди поляков. Я слышал, что на Волыни целые села польские имеются.

— Я про Богдана говорю. Ястреб его все время «друже Богдан» называл.

— Ну и что?

— Помнишь, что он говорил? Что как только немцы погонят отсюда москалей, каждый наш сознательный украинец сможет получить все, что захочет и где захочет? Я бы знаешь, что попросил?

Степан не ответил, и Марко, спустя секунду-другую, продолжил:

— Я бы попросил хороший дом в Крыму. Там, говорят, круглый год тепло и море рядом. Хоть каждый день купайся. Марко, а море — это сколько? Больше всех озер в нашем крае?

— Больше.

— А ты что попросишь?

— Чтобы что-то просить, надо это заслужить.

— А мы что делать идем? Вот взорвем легковушку какого-нибудь начальника-комиссара, нам за это наша новая власть все, что захотим, отдаст. Как ты думаешь?

— И как доказывать будешь, что это ты взорвал? Тут бы хоть какую взорвать. Да чтоб вояк в ней было больше одного.

— Как, как? Запросто. Документы заберем, оружие... и махнем в отряд Бульбы. *(Атаман Бульба со своим отрядом буквально через несколько дней оказал помощь немцам при взятии города Олевска. За что лично получил от доктора Питца, шефа Волыни и Подолии, благодарность. Из материалов партизанского отряда Медведева)*. Чем не доказательство? Помнишь, в хуторе Заозерном пилорама польского шляхтича была? Так, может, наша новая власть ее нам отдаст? Пусть родители попросят, а?

Степан снова не ответил. Дальше шли молча. Темнота сгущалась все быстрее. В лесу ведь, не на поле.

— Степан! — не отставал Марко. — Не молчи.

— Чего тебе? Боишься?

— А то. Страшновато немного. А вдруг медведь откуда выскочит? Или волк?

— Ты лучше двуногих боись. Только мы еще далеко от нужного места. В этих местах и в добрые времена не больно людей встретишь. Кругом одни болота. Вот выйдем к дороге, там можно кого угодно встретить. Только это нам на данный момент нежелательно. А насчет документов и оружия ты здорово придумал. Правда, если мы успеем все это забрать.

Они шли уже больше двух часов и, естественно, порядком устали. Они — это двое братьев, жителей одного из многочисленных хуторов, разбросанных в лесисто-болотистой местности севера Ровненской области. Одно звали Степаном, а второго — Марком. Степану год тому исполнилось шестнадцать. Был он рослым с крепким телосложением и вполне мог претендовать, как минимум, лет на двадцать. Марк был моложе брата всего на три года. Оба до чертиков ненавидели советы. Прямо со дня освобождения западных областей. Их родители до присоединения были довольно богатыми. Исправно эксплуатировали бедных не только своего хутора, но и соседних. Но с приходом в эти края советской власти в их семье, как и у многих других таких, как они, начались проблемы. Родители, дабы не навлечь беды на семью, добровольно вступили в образованный колхоз, отдав в общий котел не только скотину, но и большую часть хозяйства. Но этому воспротивился старший брат Тарас. За что и поплатился. Ему вlepили статью за антисоветскую пропаганду, вlepали десять лет лагерей и три года поражения в правах. Отбывал брат наказание где-то в Сибири. В

понятии не сильно грамотных младших братьев – там, где медведи и дикие морозы.

Естественно, воевать за «совитов» у них не было никакого желания. А вот разжиться оружием – необходимость назрела. Да и отправить к праотцам парочку ненавистных москалей могло в будущем стать прекрасным плюсом. Время такое наступало. Неизвестность всегда пугает. Вот и решили братья втихаря подорвать какую-нибудь одиночную военную машину. Понятие о партизанах в тех краях, тем более вначале войны, практически отсутствовало. Это потом, примерно через год, когда народ воочию убедится в «благородных» целях немцев, их «неистовом» желании предоставить Украине обещанную самостийность, Ровненская область будет наспигована партизанами.

Мысль насолить советам они вынашивали давно. Еще до войны. Только тогда она, эта мысль, вписывалась не больше чем в убийство председателя колхоза, одного из бывших самых бедных жителей села, к которому пристегивалось несколько близлежащих хуторов. В том числе и хутор, в котором жила семья братьев. Именно он, недавно вымаливавший у их родителей работы за кусок хлеба, став председателем, лично занимался изъятием всего нажитого у бывших своих работодателей. Но только с началом военных действий братья решили свою мысль материализовать. Правда, свои запросы они слегка теперь подкорректировали. Взорвать немного-немало военную машину.

Степан, как старший и более опытный, предложил использовать для этих целей снаряд, коими к этому времени можно было разжиться не очень напрягаясь, скажем так. Середняны, как известно, уже несколько дней считались прифронтовым городишком. Вдобавок налеты немецкой авиации на тыловое обеспечение войск тоже способствовали этому. Первую мину, изготовленную из артиллерийского снаряда и обыкновенной гранаты, они испытали в глухом лесу. Спрятавшись в овраге, сильно дернули за веревку, привязанную к чеке гранаты. Сработало. Воронка на месте взрыва впечатляла.

Эта засада у них была третьей. Первые две результата не принесли. Не потому что не взорвались самодельные мины. Нет. Просто на тех дорогах, которые они минировали, военные машины почему-то в те дни не ездили. А испытывать судьбу на других дорогах, дорогах, соединяющих крупные населенные пункты и служивших для обеспечения войск, они не решались. Но, взявшись за гуж, не говори что не дюж. Поставленную перед собой задачу надо было выполнить. Даже ради того, чтоб не стыдно было смотреть друг другу в глаза. А посему третьей засаду они решили устроить недалеко от Тимошгорода. Довольно крупного населенного пункта. Кстати, в Тимошгород по различным причинам частенько наведывались военные. Об этом прекрасно были осведомлены и Степан, и Марко.

На дорогу Рокитное – Тимошгород они добрались часам к двенадцати ночи. Почти все время двигались вдоль ручья. Степан дорогу знал прекрасно. Тут же, недалеко от выбранного места, соорудив из зеленого лапника лежанку, легли спать, предварительно метрах в пятидесяти спрятав

мешок со снарядом и четырьмя гранатами Ф-1. В простонародье – «феньками».

Поднялись с рассветом. В лесу долго не поспишь. Если нет петухов, есть другая живность. Сороки, допустим, или сойки. Установка мины много времени не заняла. Тем более что опыт у них кое-какой уже был. И место выбрали удобное. Участок дороги, соединяющей Рокитное с Тимошгородом, пролегал в густом лесу. Вот между двумя поворотами, удаленными друг от друга метров на триста, в аккурат между отчетливо прослеживавшимся следом колеи выкопали яму, установили две гранаты Ф-1, а на них уложили снаряд. Веревку, связавшую чеки двух гранат с направленными усиками, по аккуратно выкопанной канавке протянули в лес. Все сделали аккуратно, Никаких следов. Минирование они произвели у самого поворота. Так что из засады могли четко наблюдать не только за местом минирования, но и за дорогой, приближающейся к повороту. При чем метров на пятьсот в глубину, не меньше.

– Степан, а зачем ты прутик напротив мины в обочину воткнул?

– Не напротив, а не доезжая мины.

– Зачем?

– Гранаты взрываются через четыре секунды. Помнишь, мы прошлый раз считали. До четырех успевали... Если дернуть за веревку когда машина будет над миной, взрыв произойдет тогда, когда машина проедет мину. Пассажиры могут остаться в живых. А у них автоматы. Посекут нас в капусту.

– Значит, надо взрывать раньше, да?

– Догадливый. Мы за веревочку дернем тогда, когда машина поравняется с прутиком. Самый смак будет. Снаряд большой. Разделает машину, как Бог черепаху.

– Какую черепаху?

– Это я так. Разнесет, в смысле, – Степан считался в этих делах опытным.

Ни вечером, ни ночью никакого движения по дороге не было. В преддверии захвата немцами этого края местные жители лишний раз из дома выходить и не пытались. А военные? Все военные в основном находились на передовой, сдерживая наступление немцев. Подвоз туда же вооружения и боеприпасов закончился еще два дня тому. Все, чем был богат Юго-Западный фронт, имеется в виду из запасов, давно уже находилось в войсках на передовых позициях. О пополнении тоже речи быть не могло. Людские резервы фронта тоже были исчерпаны. Ни Киев, ни Москва реально помочь фронту пока не могли. А о сибирских дивизиях в ГШ речи пока не шло.

Установив самодельную мину, братья отошли за поворот. В случае чего, я не я и хата не моя.

«Додж» они заметили сразу, как только тот выскочил напрямую со стороны Тимошгорода. Вернее, первым его заметил Степан.

– Марко! Легковик видишь?

– Вижу, – дрожащим голосом ответил брат.

- Чего ты дрожишь? Страшно?
- А-то!

– Оставайся здесь. Если увидишь еще машины, сразу дай знать. Вдруг они за легковиком покажутся, придется пропустить. А жалко будет. В таких тачках не простые вояки ездят. Начальство, – последние слова Степан озвучил, уже убегая на старое место. Туда, где спрятанным в листве лежал конец веревки.

Взрыв действительно был мощным. Американский джип разорвало пополам. Мина взорвалась в аккурат между мостами. И сразу после взрыва, еще не успели рассеяться дым и улечься пыль, к джипу подбежали оба брата. Зрелище было ужасным. Тела всех троих были разбросаны на приличное расстояние друг от друга. Тела – это очень громко сказано. Фрагменты – более точно. Или то, что осталось от тел. Обрубки конечностей, обезображенные лица... Оторванная рука водителя продолжала сжимать небольшой сегмент рулевого колеса. Марко, уставившийся на руку, был буквально парализованный увиденным. Пальцы на оторванной руке шевелились.

– Ты чего уставился? Заклинило. Хватай автоматы и бегом в лес. А я документы пособираю. Где-то должна полевая сумка находиться. Большое начальство всегда с ней ездит. Я видел.

– Степан, а Степан! – наконец-то Марко расклинило. – Ты смотри, как автоматы покорежило. Вряд ли они исправны будут.

– Бери какие есть. Их тут три штуки. Хоть один да соберем. И пистолеты еще наверняка имеются. Пистолеты я тоже поищу. Беги, давай. Я тебя догоню.

Минут через пять после взрыва на дороге уже никого не было. Только валялись разбросанные остатки «доджа», изувеченные фрагменты тел двух представителей особого отдела фронта и личного помощника Берии полковника Петелькина, так и недоехавшего не только до острова, но и до Середнян. Да, еще приличная воронка от взрыва. С полчаса на месте взрыва чувствовался устойчивый кисло-пороховой запах. Потом и это исчезло. Развевалось. Листья леса – это легкие природы. Вот они и впитали эту грязь в себя.

Три дня спустя.

Шифротелеграмма

Москва. Берии.
Киев. Сергиенко.

«Воздух!!!»

К исходу первого июля около одиннадцати часов дня на дороге Рокитное – Томашгород бойцами отступающих частей 5-й армии Потапова обнаружен взорванный «додж» и три изуродованных взрывом труп. В ходе оперативной проверки факта взрыва сотрудами особого отдела фронта установлено, что «додж», принадлежавший ранее начальнику особого отдела фронта, тридцатого июня был передан в распоряжение полковника ГБ Петелькина. Вместе с джипом к Петелькину были временно прикомандированы водитель Проскурин и лейте-

нант ГБ Гарбузов. Последующая проверка подтвердила версию, что тела погибших во взорванном джипе и есть водитель Проскурин, лейтенант Гарбузов и майор ГБ (полковник) Петелькин. По предварительному заключению, взрыв джипа совершен группой лиц, входящих в состав националистических банд УПА, возобновивших свои действия на территории северо-западных районов Ровненской области. Предварительная версия взрыва – захват оружия и документов. В связи с тяжелой обстановкой в прифронтовой полосе указанных районов, резкого сокращения оперативных работников в райотделах НКВД и НКГБ Ровненской области ускоренный розыск преступников затруднен. Дальнейшие оперативные разработки по данному вопросу продолжают силами сотрудников особого отдела Юго-Западного фронта.

Киев. 4 июля 1941 года. (12 час. 23 мин.) Шкандыба.

– Да! Вот оно как получилось, – тихо прошептал Берия, прочитав расшифрованное донесение начальника особого отдела Юго-Западного фронта. – И где мне теперь эти ценности искать? Что Хозяину доложить? А может, спустить на тормозах? Не до ценностей теперь. Немцы вон почти всю Белоруссию заняли, к Киеву приближаются. Разве сейчас Хозяину до ценностей будет? А в случае чего, скажу, что ничего не знал. Так и быть, – придя к такому окончательному решению, Берия поднял свои прожигающие глаза на шифровальщика. – Шифрограмму сжечь. Мы ее не получали. Понял?! Все. Свободен.

Еще через несколько минут Лаврентий Павлович вызвал к себе кадровика.

– Подготовь ходатайство о награждении полковника Петелькина орденом Красного Знамени. Посмертно. Что ты на меня так смотришь? Погиб он. Выполняя особое поручение Правительства пал смертью храбрых. Так и сообщи родным. Все. Иди. Не тревожь мне душу.

Сентябрь 1942 г. Плен

Небольшой железнодорожный состав, насчитывавший полтора десятка теплушек, медленно двигался на запад. Почему медленно? Причин для этого было предостаточно. Во-первых, и локомотив, и теплушки были из тех единиц подвижного состава, побывавших за последние полтора года в таких передерягах, что ни словом описать, ни сказкой рассказать. Во-вторых, эшелон, говоря военным языком, двигался не на восток, в смысле – в сторону фронта, а совсем в противоположном направлении. И, в-третьих, что не мало важно, с весны 1942 года в этих краях настолько активизировали свою деятельность партизаны, что в пору было вообще прекращать всякое железнодорожное движение. Да и не только железнодорожное... Иногда, правда, вырвавшись из плена лесов или крупных населенных пунктов, паровоз, накрывая всю прилегающую площадь черным дымом, все же набирал скорость. И тогда теплушки, прошитые пулями, осколками, по старым доскам наспех заколоченные новыми, неотесанны-

ми, так мотало из стороны в сторону, будто они пытались выпрыгнуть из тянувшейся в неизвестность колеи.

Пленных в теплушки погрузили в Здолбунове, в тупике одного из крупнейших железнодорожных узлов Западной Украины. Почти все они к месту погрузки после суточного перехода были доставлены из лагеря под Ровно. И всего лишь небольшая группа – из лагеря, находившегося аж под Середнянами. Эти тоже добирались к месту погрузки своим ходом. Стирая, как говорится, подошвы у штиблет. У кого они еще оставались, конечно. Большинство пленных стирали до крови подошвы собственных ног. Ведь гнали их из Середнян в Здолбунов совсем не по шоссе. По нему двигались гитлеровские войска. Их гнали в лучшем случае по большакам. В худшем – по грунтовкам и проселкам под усиленной охраной фельджданармов и полицейских. Поэтому к месту погрузки они дошагали почти совсем обессиленными.

Все теплушки были забиты до отказа. В них находились босые, обросшие, грязные, одетые в лохмотья, смутно напоминавшие одежду, в большинстве своем красноармейскую форму без всяких знаков различия, особи мужского пола, скажем так. Солома была брошена на пол только по углам с обеих сторон дверей. И эти так называемые сидячие места занимали по очереди. Кстати, очередность контролировалась с аптекарской точностью. Привилегиями пользовались только раненые. Таких во всем эшелоне было немного. С не меньшей точностью, причем как будто поговору, во всех теплушках контролировалась и очередность нахождения возле открытых люков-окошек, опутанных снаружи колючей проволокой. И не только потому, что в этих местах можно было хотя бы некоторое время подышать свежим воздухом. Худо-бедно окошки-люки связывали обитателей теплушек с внешним миром. А посему в обязанности очередных счастливиц входило громко на всю теплушку озвучивать увиденные названия станций или населенных пунктов. Считалось, что таким способом благодаря коллективным знаниям географии станет ясным путь или, если хотите, направление движения. Будто бы знание маршрута могло что-то изменить в положении пленных.

– Ковель! – прочитав по слогам, громко озвучил на всю теплушку название очередной станции среднего роста с бородой и казацкими усами один из трех находившихся у люка мужиков-счастливиц. Сквозь густую с проседью щетину довольно отчетливо прослеживался грубый шрам, тянувшийся от мочки левого уха и до крылышка носа.

– Точно, Ковель! – повторили остальные двое.

Возле люка постоянно находились трое. Надпись была сделана по-немецки, крупным шрифтом черной краской прямо на стене вокзала.

Вообще-то, в стенках вагонов имелось приличное количество щелей. То ли от не заделанных пробоин, то ли от выпавших из досок сучков.

«Ты смотри, только Ковель, а едем, считай, уже неделю. И то правда, с такой скоростью только на кладбище везут, – мелькнуло в мыслях крикнувшего первым и на его лице появилась ехидная улыбка, окаймленная

какой-то таинственной скорбью. – Неужели все, конец?» – с трудом опустившись в угол теплушки, странная, заросшая и вместе с тем загадочная личность окунулась в воспоминания. Таким воспоминаниям он предавался с того самого дня, как попал в плен.

В лагере под Середнянами он очутился в середине сентября 1942 года. А дело было так...

В одну из темных ночей третьей декады августа 1942 года в дремучем урочище, что в пятидесяти километрах юго-восточнее Середнян, возле недавно поваленного разлапистого дуба остановилось шесть мужиков. Перебираясь с кочки на кочку, промокшие до нитки, они больше двух часов блуждали по болоту, пока не попали, наконец, на твердую почву.

– Все! Хватит! Привал! Иначе мы и до утра не выберемся отсюда. А нам еще пить и попить, – распорядился высокий плотный мужик в брезентовом дождевике. Из-под полы дождевика выглядывал ствол «шмайсера». – Кто-нибудь хоть соображает, где мы находимся? – отгибая мокрые ветки и устраиваясь на колоде, задал он свой вопрос без определенного адреса.

– А хрен его знает, Жорж. Темно как у негра в ж... Попробуй сориентироваться тут. Который час крутимся в этих болотах, – ответил Гаврило Красноголовец, снимая карабин и пристраиваясь рядом. Остальные четверо разместились ближе к вывороченным корням. Один из них был вооружен РПД, (ручной пулемет *Дегтярева*) на шее еще одного болтался немецкий «шмайс», а остальные двое, как и Гаврило, были вооружены карабинами.

Трое из шестерых, как будто давно ожидавшие такой команды, тут же пристроились на колоде ближе к корням. Четвертый, с большим угловатым мешком на спине, даже не смахивая оставшуюся на корнях глину, превращенную дождем в самую настоящую грязь, сначала только прислонился и только потом, немного поелозив, уселся основательно. В этой группе он был самый молодой. Ему едва исполнилось двадцать.

Двое его соседей, вытерев руки о подкладки пиджаков под мышками, будто там было сухо, стали сворачивать «козьи ножки». Так партизаны называли самокрутки. Не боясь быть замеченными, открыто прикурили.

– Который час, Жорж?

– Без десяти одиннадцать, – задрал рукав дождевика и глянув на светящийся циферблат трофейных наручных часов, снятых недавно с убитого немецкого майора, ответил Стаховский.

– Это что, по-местному? Ни хрена себе, топаем, топаем, а всего лишь одиннадцать. Я уж думал не меньше трех ночи.

– Это потому, что мы долго мотались по болоту, – подсуетился Саша Шершень, подтягивая ремень РПД на груди.

– А разве есть какая-то разница? Что по болоту топать, что по сухому – один хрен, ногами. А значит, и по времени – разницы между ними никакой.

– Не скажи, Гаврило. Саша прав. По болоту – устаешь быстрее, а время при этом уходит медленнее, – вступил в разговор Петро Прима, поправляя свой «шмайсер». До сих пор в разговоре не принимали участие

двое. Вольдемар Гига с рацией на спине и его ближний сосед. Даже присев, бедняга не рискнул снять мешок с «Северком». Такую инструкцию он получил от самого начальника связи отряда.

– Так, где мы все же находимся?

– Если я не ошибаюсь, дядя Жорж, то скоро в том направлении должна быть река Бобер, – махнув указательным пальцем куда-то в темноту, наконец, вступил в разговор Вольдемар.

– Откуда такая уверенность? Ты что, родился в этих местах? – попытался уточнить Гаврило.

– Нет! Родился я совсем не в этих местах. И даже не в этой области. Но в этих местах бывать приходилось. Жена у меня с Майдана. В аккурат в апреле за два месяца до войны свадьбу сыграли.

Если бы было светло, сидевшие явно заметили бы ангельскую улыбку на лице Вольдемара. Вообще-то, с рождения его звали не Вольдемар, а Владимир. Володя, Вовчик, Володечка – в детстве. А в отряде, с легкой руки начальника связи, его стали называть Вольдемаром.

Все шестеро, по приказу начальника разведки партизанского отряда под командованием Дмитрия Медведева, направлялись на «оперативный маяк» деда Федора. Дом деда Федора находился на окраине небольшого хутора километрах в пятидесяти северо-восточнее Ровно. Задача была до обидного простая. Доставить на «маяк» рацию «Северок». От деда Федора рацию должны были по цепочке передать в город Ровно. В одну из подпольных организаций. Радист уже находился там. Рация нужна была и для связи с отрядом, и для более четкого выполнения заданий ЦШГД (*Центральный штаб партизанского движения*) разведчиком Николаем Кузнецовым. Уже в то время приступившего к подготовке исполнения приговора Эриху Коху, заместнику Гитлера в Украине.

В связи с тем, что это задание было для партизанского отряда внеплановым, основательно подготовиться к его выполнению ни начальник штаба, ни начальник разведки не успели. Вдобавок ко всему Москва чуть ли не каждый час выходила в эфир с требованием немедленной отправки рации в Ровно. Видимо, для Москвы это было очень важно. Вот и получилось то, что получилось. Группу из шестерых человек собрали спешно. Правда, в состав группы должен был войти еще один человек. Некто, Васильев. Вот он-то как раз и знал этот маршрут. Его ждали в отряде с самого утра. Васильев находился на боевом задании по подготовке к выводу из строя Здолбуновского железнодорожного узла. Ближе к обеду стало ясно, что подрывники, куда входил и Васильев, вовремя не вернутся. И вообще, вернутся ли? Вот тогда и было принято решение отправить группу без Васильева.

Из лагеря они вышли сразу после обеда. Был солнечный день, и ничто не предвещало дождь. Но уже к вечеру, при подходе к деревне Ленчин, стало ясно, что дождя не миновать. А посему группа ускорила шаг. Дождь настиг их, когда они втянулись в лес. Казалось, что вовремя скрылись от дождя. И они действительно были бы в выигрыше, если бы смогли уйти от него. Но не смогли. С каждым часом ливень крепчал. Теперь уже не

помогали и ветки деревьев. Скорее наоборот. Накапливаясь где-то там в листьях, вода лилась вниз ручьем. За короткое время все промокли до костей. Вдобавок и температура в августе уже не та, что в июне или июле. Зная, что впереди болотистая местность и не желая рисковать, Стаховский принимает решение обойти заболоченный район стороной. Темной ночью в лесу да в проливной дождь – это тебе не по асфальту шагать. И даже не по полевой дороге. Подъемы, спуски, пни, сухостой, поваленные деревья и прочие неудобства резко уменьшали скорость. Тем более что из болота им так и не удалось полностью вырваться. Одежда и обувь быстро набухли. Промокло все, спички, сухари... Казалось, оружие и даже рация существенно прибавили к своему весу.

– Нам главное выйти на дорогу Мигалин – Бороватое, дядя Жора, – опять напомнил о себе Гига.

– А там что? – стряхивая с капюшона воду, попытался уточнить старший группы.

– А там? Слышь, Поликарп, оставь покурить.

Один из двоих яростно смоливших «козьи ножки», смачно дважды затаившись, протянул руку с растревоженным огоньком на конце самокрутки. И только после нескольких затяжек Гига продолжил:

– А там, дядя Жорж, лесом вдоль грунтовки, что ведет в Сосновое. Километра два недоходя до Соснового, прямо у опушки леса есть брод через Случь. Придется искупаться. Переправимся и в темпе вальса к «маяку». До рассвета вполне можем добраться.

– Слышь, Жорж, а может, разведем костер, пообсохнем и только потом двинемся дальше? Вон как одежда и обувь набухли. Кислятиной воняют. Чисто тебе промокшие валенки на полатах, – говоривший явно вспомнил свое детство. Родом он был из небольшой деревни Ронжи Котельничского района Кировской области и в эти края высадился десантом вместе с отрядом. – Кажись, и дождь уже прекратился. А к «маяку» подберемся днем. Черт его знает, кто нас там ждет. Оглянемся, прикинем хрен к носу. Лучше перебздеть, чем недобздеть. Может, нас там полицаи ждут не дождутся?

– Типун тебе, Петро, на язык. Сплюнь, язва ходячая. Мало нам невезений? Значит, так! Вольдемар прав. Перекурили и будя. Двигаемся в том же порядке и, как предлагает молодежь, в темпе вальса, – поднимаясь с колоды, поправляя «шмайсер» через полу дождевика, подытожил старший группы. – В одном ты прав, Петро, дождь действительно прекратился. Только это нас пока не колышет. Прекратился с неба, но не с веток. И в лесу не скоро еще прекратится.

Спустя несколько минут вся группа гуськом продолжила путь. Шум ветра, падающей с веток воды, скрип деревьев и валяющихся вниз сломанных сухих веток существенно скрывал их движение.

Пока отряд не успел толково обосноваться в этих местах, таких «маяков» у партизан было немного.

С апреля по июнь месяц 1942 года партизанский отряд Медведева несколькими группами был десантирован на территории Житомирской и

Ровненской областей. И только к началу июля Медведев со своим отрядом вышел к разъезду Будки – Сновидовичи. В последующем он и обосновался в этих местах, в лесисто-болотистой местности южнее Буково.

Но уже к концу 1942 года партизаны работали в полную силу. И таких «маяков» у них было немеряно. По несколько вокруг каждого райцентра на севере Ровненской области. Да и не только райцентров. Считай, вокруг почти каждого крупного населенного пункта. Не считая самого Ровно.

Группе Стаховского в тот раз не везло. Чертовски не везло. Хотя Вольдемар оказался прав. Уже часа через три они действительно вышли к реке Бобер и лесом вдоль речки быстро добрались до дороги. Гуськом вброд под фермами небольшого моста форсировали реку и снова углубились в лес. Благодаря ветру, утачившему дождевые тучи куда-то на юг, дождь прекратился. На небосклоне появились звезды. Иногда сквозь серые облака проглядывала даже луна. Идти стало легче. Одновременно с этим и опаснее. Во избежание блуждания группа от дороги старалась не удаляться. Во всяком случае, двигалась на небольшом удалении. То удаляясь от нее, то приближаясь к ней.

Километра через три Стаховский почти на девяносто градусов резко свернул влево. Все шестеро даже повеселели, предчувствуя, что скоро их мытарства закончатся. Но не тут-то было. Они снова попали в болото. И опять около часа пришлось блудить, прыгая с кочки на кочку. Ветер поменял направление, и небо снова стали затягивать тучи, грозя обрушиться на землю очередным ливнем. Оно и не мудрено, что группа стала блудить. В темной до черноты ночи даже местному человеку ориентироваться тяжело. Вот почему группа вышла не к реке Случь, как предполагал Вольдемар, а углубилась километров на пять восточнее.

Вообще-то, Полесье оно и есть Полесье. Сплошным лесом, как в Сибири тайга, допустим, там и не пахнет. Хотя и раскинулись леса на десятки километров, сплошного массива нет. Через каждые несколько километров встретишь то ли хутор, то ли деревеньку. За ними поля и опять лес. Вдобавок ко всему любителя побродить по такому лесу могут встретить серьезные неприятности в виде непроходимых болт. Их здесь немеряно. Именно поэтому добраться в темпе вальса на хутор к дяде Федору не получилось. Зато получилось другое. Выбравшись в очередной раз из проклятой топи, вся группа попала в непроходимую лесную глушь. Вырвавшись из зарослей, они стали как вкопанные. Впереди среди вековых дубов и сосен на фоне проблесков луны проглядывался затерявшийся в лесной чаще бревенчатый домик. До него было не больше тридцати метров. Шершень сразу опустился на колени, упирая сошки ручника в землю. А потом и вовсе улегся за пулемет. Остальные юркнули за деревья, выставляя кто «шмайсер», кто карабин в сторону домика.

– А это что еще за чудо на курьих ножках? – прошептал Гаврило.

– Понятия не имею, – шепотом ответил Жорж. – Вольдемар, что ты скажешь?

– Откуда я могу знать, дядя Жорж. Может, охотничий, а может, лесник там живет.

– А может, и фрицы с полицией, нет?

– Цыть! – окрысился на Петра Стаховский. Шум ветра и скрип деревьев были на их стороне. – Решение будет следующее! – спустя секундускомандовал он. – Ты, Саша, держишь дом под прицелом, а мы подберемся к нему ближе. Вольдемар с рацией остается с тобой. Вперед. И тихо мне, чтобы ни одна ветка звук не подала.

Но бесшумно подобраться к домику не удалось. Не успели все четверо сделать и пару шагов, как в боковую дверь домика забарабанили, а потом раздался крик на чистом полесском диалекте: «Партизаны! Партизаны!»

Кричавшего видно не было. Его скрывал угол дома и густые заросли орешника. Все четверо тут же повалились наземь, выставив вперед стволы.

Через секунду из дома раздалась пара выстрелов вслепую. Стреляли из карабина. Пули, чиркнув о кору деревьев, с диким писком взмыли вверх. Саша тут же влепил в ближнюю стену сруба две короткие очереди из своего пулемета. Так, на всякий случай, чтобы проверить, кто в этом тереме обосновался. Бедные лохи или хозяева богаче гостей. Стало тихо. Потом где-то сзади домика затрещали кусты и все стихло. Стало понятно, что хозяева были временные и вряд ли из богатых.

Подождав еще несколько минут, Жорж махнул рукой Красноголовцу и Примаку. Те нехотя поднялись и боком-боком, от дерева к дереву направились к срубу. Из домика не раздавалось ни звука. Добравшись таким способом до дверей и небольшого окна, забитого крест-накрест досками, Гаврило и Петро остановились, направив стволы один – в дверь, а другой – в окно. Потом Красноголовец отсемафорил пальцами левой руки Петру, чтобы тот держал под прицелом автомата дверь, а сам рычком открыл ее и тут же спрятался за косяк. Изнутри – тишина. Еще через минуту все собрались в домике.

– Петро! Ну-ка стань на охрану! Неужто полицаи здесь ошивались? – спросил Жорж, как только Петро закрыл за собой дверь.

– А может, это бульбовцы были?

– Похоже на них, – высказал свое мнение Поликарп, вертя в руках старый обшарпанный СКС. Он стоял у тыльной стены возле зияющей дыры, изображавшей окно. – Ишь, как рванули. Карабин забыли, окно выбили, краюха хлеба, вон, обгрызенная луковица да почти пустая фляга из-под самогона на столе. Тоже мне вояки. Но часового все же выставляли. Только плохо он их охранял. Поздно нас заметил. Явно кемарил за углом. Поди спросонья как увидел нас, от страха чуть в обморок не шваркнулся. Забыв про оружие, начал стучать в дверь, кричать, а потом и вовсе задал стрекача. А те, в домике, на всякий пожарный сделали пару выстрелов в нашу сторону и тоже мотанули в лес. Сидят сейчас где-нибудь недалеко и дрожжи продают.

При этих словах Саша в момент выставил свой ствол в зияющую дыру окна.

– Думаешь, сунутся сюда? – Гаврило на всякий случай отошел от окна в угол.

– Вряд ли снова сюда сунутся. Не той они храбрости. И не сидят поблизости. Думаю, количеством их было немного. Человека три-четыре. Они же не дураки. Сообразили, что пулял по дому не карабин, а пулемет. Бегут отсюда аж искры из-под копыт сыплются. А вот как добегут до ближайшего полицейского поста, точно жди гостей. Только полицаи сами ночью тоже сюда не сунутся. Вызовут подкрепление. Вот тогда здесь и начнется светопреставление. Зря мы в этом направлении двинулись. Чувствую, аукнется нам еще это путешествие.

– Ты, Поликарп, фантазируй да меру знай. «Аукнется»... Да никто их здесь дожидаться и не собирается. Подождем минут пять, перекусим и двинем дальше. Ох уж эти бульбовцы, мать их за ногу. На словах вроде и воюют с немцами, а в действительности – помогают им. До чего наш народ любит уповать на того, кто ему легкую жизнь пообещает. Если кто-то кому-то и поможет, так только не простому люду. Видели мы уже многих обещальников. В том числе и поляков. Теперь вот немцы в очередь стали. Ну и при ком нам лучше жилось? Я имею в виду простому люду. Вот и бульбовцы туда же.

– А что с винтарем делать будем? – не унимался Поликарп. – С одной стороны, как говорится, лишний болт дуэлю не помеха, а с другой...

– Патроны заберешь, затвор в одну сторону, а ствол – в другую.

Исключительно с целью небольшого экскурса в историю. Бульба-Боровец до 1939 года был владельцем каменоломен в одном из районов Ровненской области. В 1939 году бежал в Германию и, пройдя соответствующую подготовку в Берлине, вернулся в Украину. Именно такой информацией, во всяком случае на то время, обладала разведка партизанского отряда Медведева. С началом войны Бульба и его войско считали себя борцами за самостоятельность Украины, а посему активно сотрудничали с немецкими войсками, обещавшими после победы над большевиками предоставить Украине самостоятельность. Правда, как оказалось в действительности, все эти обещания и выведенного яйца не стоили. Но бульбовцы на протяжении всех военных лет так и продолжали пособничать фашистам, воюя в основном с собственным народом, так называемыми инакомыслящими и партизанами.

Уже через полчаса группа была на приличном удалении от злополучного места. Случь, говоря военным языком, форсировали где-то посредине между деревнями Быстричи и Сосновое, выбрав низину, укрытую густым серым туманом. До «маяка» дяди Федора оставалось каких-то семь-восемь километров.

Поликарп был прав. Это действительно были бульбовцы. Правда, в огневой мощи они проигрывали. В охотничьем домике они «прописались» еще с вечера. В аккурат с началом дождя. Их тоже было шестеро, но вооружены были только карабинами. И направлялись они в тот же хутор, в который следовали медведевцы. И не только в тот. Только задачи у них были разные. В отряде Бульбы продовольствие было на исходе. И нес-

колько небольших групп были направлены в ближние и дальние от «ставки» деревни и хутора. Цель у них была до обидного простая. Собрать, а точнее – отобрать, побольше продовольствия. Что, естественно, не всегда удавалось. Особенно с момента появления в этих краях партизан.

Посчитав, что ночью, тем более в проливной дождь, нет никакого смысла соваться в хутора, бульбовцы решили переждать дождь в охотничьем домике. А попросту, перекусить и переночевать. В домике, пусть даже и в таком – это тебе не на мокрой земле здоровье гробить. Старший бульбовец был не простой крестьянин. Кое-что в армейской жизни петрял. Как только они вошли в хижину, сразу назначил охрану. Это их и спасло. Но очередной охранник, что самое интересное, хоть и не спал, а партизан прошляпил. Все же дождь да ветер притупили его бдительность. Хотя если бы не прошляпил – конец для обитателей домика мог быть более печальным. Им пришлось бы принять бой. Теперь благодаря часовому боя как такового не было. Говоря военным языком, было скоротечное огневое соприкосновение с противником. Причем без потерь, как с одной, так и с другой стороны. Имеется в виду не только безвозвратных.

Дорогу Быстричи – Сосновое пересекли по всем правилам военной науки. Первым со своим РПД из тумана к ней подобрался Шершень. Оседлав ее, он махнул рукой остальным. Не прошло и трех секунд, как дорогу перемахнули все пятеро и только потом – пулеметчик. Подождали его за дорогой в небольшом урочище. Там и передохнули.

– Ну что, пока все идет тип-топ? – Поликарп окинул взглядом присевших и, положив свой карабин на землю, стал рыться в карманах.

– Я тебе закурю! Я тебе так закурю, дурно станет! – выверился Стаховский на говорившего. – Лучше сплунь. «Тип-топ, тип-топ»... Рано еще радоваться. Вот когда выполним задание и вернемся назад, тогда и будет тебе тип-топ. С этого момента продвигаться тихо, как мыши. Чтoб ни одного звука. Пока не втянемся в лес, никаких курений. Ясно?!

– Ты чего, Жорж? А может, я и не за «цигаркой». Патроны вот проверить хотел. На месте ли? – Поликарп даже хлопнул себя по карманам, отчего ясно послышался металлический звук гильз. Патроны россыпью были в карманах у всех. Кроме, Шершня. Два запасных диска хранились у него в небольшом холщовом мешке.

– А я и ничего. Так, предупредил на всякий случай.

Только нырнув в лес, все вздохнули спокойно и на пределе своих возможностей ускоренным шагом двинулись в сторону нужного хутора.

– Какое решение принимаем? – спросил Стаховский, когда они спустя час выскочили на опушку леса, подковой огибавшего хутор деда Федора. Рассвет, к их удивлению, уже полностью вступил в свои права. Вообще-то, решение, то бишь приказ начальника разведки, они прекрасно знали все шестеро. А посему, сгрудившись вокруг старшего, молчали.

– Чего вы молчите? – первым заговорил Красноголовец. – Со вчерашнего дня во рту ни крошки, одежда как кора, подштанники и те задубелые. А под яй... мозоли как вишни. Давеча по легкому захотелось, так еле вытащил. Боль такая, как будто вживьем отрывал. Хоть криком кричи. И

хода, будто жопу месяц не вытирал. Без отдыха обратно в один присест не доберемся.

— Кто еще так думает? Чего молчите? Ты, Петро, ты, Поликарп? Саша? В таком случае решение будет следующее: минут десять наблюдаем и за хутором, и за хатой в частности. Если все будет в норме, к деду Федору отправится Примак. Если и там все тихо, мигом заходим в дом, отдаем рацию, два часа отдыхаем и в обратный путь. Чего ухмыльнулся, Шершень? У тебя что, есть другое предложение? Так ты давай, не стесняйся. Я не думаю, что таким решением мы сильно приказ нарушим. Тем более в лесу. У нас для этого и аргумент серьезный имеется. О ливне начальником разведки ничего сказано не было.

— А что я? Я как все. Правда, приказы отдают, чтобы их выполняли. И они не обсуждаются.

— Как по уставу чешет. Такое впечатление, будто ты действительно из бывших военных. Может, правда, что ты это и не ты совсем, и фамилия это не твоя? Вроде у тебя всю память отшибло. Только спрашивается в задачнике, что привело к потере памяти? — ринулся в наступление Гаврило, подпирая свое предложение всеми способами. Пусть даже и такими, не очень приличными, скажем так.

Шершень не стал оправдываться. Молча придвинул к себе РПД и, упреков сошки в грунт, направил ствол в сторону хутора.

— Правильно, Саша.

Только отдыха у них не получилось.

— Мужики! А, мужики! — поднявшись на чердак, где на старых, изрядно потертых овечьих шкурах, явно служивших в недалеком прошлом зимними шюртуками, лежали партизаны, шепотом крикнул дед Федор. — Говорят, в хуторе полицаи появились. Народ в лес подался.

Все шестеро мигом вскочили.

— Я вам и картошки в котомку кинул, и хлеба краюху. Давайте быстрее, может, успеете юркнуть в лес. Полицаи не шибко в лес нос суют.

— Они что, нас ищут? Никто же не видел, как мы в твою хату входили.

— Облава у них. Это часто бывает. Лазят по хуторам, последнее забирают. Одни портки уже остались.

— Слышь, Жорж? Кажись, мы уже в лесу, — Примак, спустившийся первым, сразу подбежал к окошку.

Остальные тоже чуть ли не к стеклу придвинули свои носы. Действительно, на опушке стояли трое жандармов. Один был с немецким автоматом в руке, а двое — с карабинами. Стоявший в позе старшего с автоматом, жестикулируя двумя руками, что-то говорил. И его жестикуляции очень не двусмысленно указывали на дом деда Федора. Причем истинно с военным уклоном.

— Ну-у-у, с этими тремя мы быстро справимся, — Красноголовец дернул затвор карабина.

— А с теми, что выглядывают из-за орешника, Гаврило? — Примак тоже передернул затвор «шмайсера». — Сомневаюсь я, что это облава. Точно,

какая-то б... с твоего хутора, дед, фрицам заложила. Узнаю кто, кишки вокруг шеи намотаю.

— Почему сразу с хутора? В моем хуторе таких нет. Может быть, вы сами «хвост» за собой притащили. Или по пути, кто вас мог заметить.

— Э-э! Да их тут хренова туча. Вон к твоим троим, еще четверо подвалило. У двоих, между прочим, серьезная пукалка в руках. Не хуже Сашиного ручника. И когда успели? Вот это влипли, Жорж, — продолжил Петро, загнув мат в несколько этажей. Он не стал втягиваться в полемику с дедом. Во-первых, для этого уже не было времени. И, во-вторых, он вспомнил бревенчатый домик в лесу.

— Петро! Проверь выход. Только осторожно. Если там тихо, уйдем той стороной. Правда, до лесу дальше. Но зато там лес гуще. Легче будет уйти. Если это простая продовольственная облава, густой цепи у них нет.

Но, как только Примак попытался приоткрыть входную дверь, по ней тут же прошлась автоматная очередь.

Все сразу повалились на земляной пол. Сам Петро мигом спрятался в сенцах за косяк.

— Жорж, ты слышишь? Влипли мы на сей раз по самые помидоры, — крикнул он оттуда.

— Дед, а что у тебя с той стороны, — показывая куда-то в тыл, спросил Стаховский.

— Сарай, а за сараем погреб. Погреб, правда, замаскированный. А дальше метров сто за огородом дорога. Грунтовка, что ведет в Березино.

— Надо было в погребе спать ложиться, Жорж. А нам как королям захотелось. Чуть ли не на чистом белье. Вот и отоспались напоследок. Вломят нам фрицы по-настоящему.

— Не стони, Поликарп. И без тебя тошно.

— Надо было приказ выполнять, а не рассуждать, — прошептал про себя Шершень, но Жорж его все же услышал.

— Конечно, теперь мы все умные. Что же вы раньше молчали. Для начала надо разобраться в обстановке. Сколько этих полицаев и с какой стороны они намерены этот курень брать. Дед! Ты можешь как-нибудь из дома выбраться?

— Разве что через окошко, что ведет в сторону сарая.

— Вот давай и выбирайся. Мы уж как-нибудь без тебя тут разберемся. Гаврило! Помоги деду выбраться.

Но не успел дед выбраться наружу, как ударил немецкий ручной пулемет. Ударил длинной очередью. Первые пули смачно зашлепали в саманную стену, но последующие, кучно войдя в старческое тело деда Федора, прошли грудь насквозь. Он даже охнуть не успел. Дернулся и затих. Гаврило, помогавший деду выпорхнуть из дома, тут же грохнулся рядом с окном и, закрывая голову руками будто щитом, раком отполз к печке.

— Значит, и с той стороны фрицы. Со всех сторон обложили, гады.

— Рано хоронишь себя, Поликарп. Мы еще повоюем. У нас по четыре магазина на «шмайсер» плюс три диска к пулемету. Да и к карабинам патронов по пятьдесят. Да восемь гранат в придачу. Это не мало. Значит,

так, Шершень с пулеметом на крышу. Вместе с ним Вольдемар с карабином. Остальные остаются внизу.

– Слышь, Жорж? А может, бросим пару-тройку гранат, откроем дверь, огонь со всех стволов и ходу в лес. Так сказать, в психическую.

– Ага! Как каппелевцы (*белогвардейцы в гражданскую войну*) на пулемет Анки из кинофильма «Чапаев»? (*Фильм «Чапаев» вышел на экраны в 1934 году*). Не выйдет, брат. И время не то, и ситуация не та. Да и куда ты гранаты бросать будешь? До опушки далековато. А ближе немцев я что-то не наблюдаю. Слышь, Шершень? Что там от тебя видно?

– Со стороны леса полицаи и жандармы. А вот со стороны хутора – немцы. У них там даже броневилок имеется. Они, Жорж, атаковать нас собираются.

– Мы это и сами видим. Сейчас пойдут. Приготовиться. Интересно, сколько все же их свалилось на нашу голову?

– А вот мы их сейчас и посчитаем. Пусть только все из леса вылезут.

– Давай, Саша, давай. А то, пока задние вылезут – передние уже по нашим спинам гулять будут. Лупани по ним, чтоб аж за рекой Случь оказались.

Шершень приподнял ствол, направляя линию прицела в сторону пока завшегося противника, плавно нажал на крючок.

Бу-бу-бу... эхом разнеслось по лесу, и, срезая орешник, пули веером умчались в сторону леса. Тут же раздалась крики, стоны и полицаи миглом исчезли из видимости. С той стороны в ответ раздалась беспорядочная пальба, не причинявшая партизанам пока никакого вреда. Потом все стихло. Если не считать матюков и стонов раненых.

– Молодец, Саша. Это им не в анфас и в профиль красоваться. Теперь они не скоро снова сюда сунутся. А вообще-то надо в оба глядеть. Ишь, притихли, – попытался реабилитировать свою недавнюю и не очень удачную шутку Гаврило.

– Чтоб я так жил, эти швабы, Жорж, сейчас совещаются, как нам коллективную командировку на тот свет устроить, – раздалось из сеней. Никто из находящихся внизу огня пока не открывал. Хотя диспозицию они заняли толково. Забитое крест на крест окно прикрывали двое. Сам командир, Жорж Стаховский и Поликарп. Возле тыльного окна, зияющего теперь уже дырой, ближе к печке пристроился Красноголовец. Примак с автоматом остался в сенках. Он отвечал за парадный вход. Именно, вход, а не выход...

– Похоже, точно совещаются.

И точно. В ту же секунду откуда-то сбоку дома усиленный матюгальником на плохом русском раздался голос:

– «Партизанен! Партизанен! Ви ест окружен. Предлагаем вам сдаться. Обещаем жизнь!»

– Партизаны не сдаются! – раздался с крыши звонкий голос Вольдемара, для большей убедительности сопровождаемый выстрелом из карабина. Тут же по досчатой крыше ударило несколько автоматов и в сторо-

ну дома короткими перебежками стали подбираться каратели. Партизаны открыли огонь со всех стволов.

– Ты свой пионерский задор, Вольдемар, поглубже в ж...-то на всякий случай засунь. Не к месту твое геройство. Фрицы вряд ли по-путному оценить его смогут, – перекрывая выстрелы, крикнул что есть силы от печки Красноголовец. Он единственный пока огонь не открывал. С его стороны движения противника не наблюдалось. Пока, во всяком случае.

Эту атаку, как и несколько последующих, они отбили. Хотя и не так успешно, как хотелось бы. Вольдемар получил легкое ранение в руку, а Поликарп – касательное в голову. Рана сквозь не профессионально наложенную повязку кровоточила, мешая ведению прицельного огня. Но с каждой последующей атакой кольцо вокруг дома сжималось. Противник становился все агрессивней и настойчивей. С потерями не считался.

Грубо зажатая рука заставила загадочную личность срочно перенестись опять в теплушку. От боли эта личность чуть не застонала. Но сдержалась и, несмотря на откровенные намеки такого же бородача, от стены не отодвинулась.

– Ты где в «гости» к фрицам попал и откуда будешь? – закончив шебаршиться, спросил бородач.

– Как и все, – неопределенно ответила загадочная личность.

– А зовут-то, как? – не отставал новый сосед.

– Александром.

– А меня, Станиславом. Меня на хуторе взяли. Какая-то сволочь донесла, что я партизанам помогаю, – продолжил бородач, но Александр его уже не слушал. Он снова окунулся в воспоминания. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Благодаря тому самому последнему бою, точнее, его последствиям, Александр вспомнил то, что никак не мог вспомнить на протяжении больше года.

Видя что новый собеседник не из разговорчивых, бородач отстал. Спустя секунду загадочная личность снова очутилась в доме деда Федора, душа которого с помощью фрицев отправилась в неземное путешествие. Но теперь дом и на дом не был похож. После очередной атаки из шестерых партизан в живых осталось только двое. Петро Примак и он, Александр. Что самое интересное, имя его действительно было Александр. Бывают же такие совпадения.

– Еще одна атака и наша песенка, Шурик, спета. Как говорится, алилуя и царствие небесное. Сколько у тебя патронов к ручнику осталось?

– Полдиска. А у тебя?

– Два полных рожка и в этом еще патронов десять. Жорж, оказывается, экономным был, земля ему пухом. Хотя вряд ли эти гады похоронят нас по христианскому обычаю. Не будут они утруждать себя такой мелочью. Бросят зверью на растерзание, – у Петра была перебита левая рука и сквозное ранение в грудь. Причем пуля, прошившая грудь насквозь, задела какой-то важный орган. С каждой минутой изо рта Примака вытекало все больше и больше крови, а из груди вырывался странный хрип. Кровь он уже и не вытирал.

Первым погиб Вольдемар. Погиб сразу. Пуля, выпущенная из карабина, вполне возможно, что изготовленного не только на одном заводе, но и одной сменой, а может быть, и одними и теми же руками, что и его ствол, просверлила череп ото лба до затылка. Стреляли с дерева. Но стрелявший ненадолго пережил свою жертву. Шершень, перекрестив его грудь короткой очередью своего РПД, спустил с дерева. Для этого тому уже не требовалось ни ног, ни рук. Потом от разрыва гранаты тяжелое ранение получил Гаврило. Он пережил Гигу в аккурат до следующей атаки. На место погибшего Красноголовца Жорж поставил Поликарпа. Про тылы забывать было нельзя.

Вчетвером они выдержали еще три атаки. Правда, за это время получил свое ранение Примака. Стаховский погиб перед очередной атакой от осколков двух гранат, взорвавшихся почти одновременно. Взрывом завалило часть саманной стены вместе с забитым накрест окном. Но на секунду раньше осколки покروшили голову Жоржа в капусту. Завалившаяся стена закончила их работу. Командир группы даже не дернулся. К этому времени крыша дома представляла собой настоящее решето только с более крупными отверстиями. Именно по этой причине Шершень, забрав из карманов Вольдемара патроны, убедившись, что тело последнего начало остывать, спустился со своим РПД вниз. Что самое интересное, до сих пор его не задел ни пули, ни осколки. Ни царапины.

Вдвоем они выдержали еще одну атаку, израсходовав в придачу к выстрелам еще и две гранаты.

– У тебя, Шурик, гранаты еще остались?

– Гранаты были у Стаховского, Гаврилы и у Поликарпа. Сейчас поищу.

– Посмотри. По моим подсчетам хоть одна должна еще остаться.

– Вот. Две штуки осталось.

– Немного. Значит, слушай меня внимательно. Я свое уже отжил. Последние капли крови вытекают. Еще минут десять и аллилуйя. А ты должен выжить. Нет, ты обязан выжить. Дай слово, что выживешь и расскажешь моим, как мы героически погибали. У меня два сына. Передай им, чтоб настоящими мужиками стали. Вот тебе мой адрес, – с этими словами Петро медленно повернулся на правый бок и вытащил из нагрудного кармана весь в крови сложенный лист бумаги. Этот клочок бумаги передал жене. На нем моя кровь. И не возражай. Я знаю, что говорю. Эти швабы сейчас снова пойдут в атаку. К этому времени ты должен толково замаскироваться в развалинах этой хибары. Считаю, полдома фрицы разворотили. Крыша вот-вот рухнет.

Шершень бросил взгляд на крышу, отрицательно кивая головой.

– Эта крыша выдержит не одну еще атаку.

– Не выдержит. Я ей не позволю. Для этого у меня две гранаты имеются. Давай сюда свою пукалку. И вообще, при тебе не должно быть никакого оружия. Так, на всякий случай. Хотя, немцы вряд ли будут рыться в этих развалинах. Им главное, чтобы количество сошлось.

– Ага! Стволов шесть, а трупов – пять. У тебя с арифметикой было плохо, Петро, – попытался отшутиться Александр. – И нечего себя раньше срока хоронить.

– А дед Федор? Не-е... Считаю я хоро, – изо рта Примака вместе с хрипом и кашлем хлынула кровь. – Ты меньше болтай. Времени мало. Давай вон к той стене. Она вроде и целее всех, но внизу возле самого угла серьезная трещина. Видишь? Ребенок уже пролезет. Если даже крыша рухнет, благодаря стене она тебя не заденет. Во всяком случае, не должна. Фрицы, я так думаю, потом эту халабуду обязательно подожгут. Вот ты и должен, пока она будет разгораться да гореть, разворошить трещину и выбраться наружу. С той стороны в том месте серьезный кустарник растет. Я еще тогда заметил, когда первым к дому подбирался. Туда ты и должен уйти. Ты меня понял? Считаю это приказом. На данный момент я, как представитель ЦШПД, старший здесь. И еще, подтяни-ка ко мне поближе тело Красноголовца. Мне так будет веселее, – откладывая «шмайсер» в сторону и беря в руки ручник Шершня, прошептал Петро. – Мы с Гаврилом сыграем сейчас этим швабам похоронную в четыре руки. Последнюю похоронную. Причем с барабанным грохотом. Иди, иди. Я посмотрю, как ты замаскируешься. Главное, пока здесь будут фрицы шебаршиться, ты должен дышать тихо-тихо. Даже через раз. Уловил? Ждать, пока дом весь сгорит, они не будут. Вонь и смрад прогонят их отсюда. Они хутор шерстить будут. Боюсь, что и хутор подожгут. Людей только жалко.

– Как это в четыре руки? Он же ...

– Мысленно, Саша, мысленно. Догадался, для чего он здесь нужен или разъяснить? То-то же. Нет! Ты все же дождеешься у меня. Тебя что, со «шмайсера» пугнуть? Вон, швабы опять к атаке готовятся. Делай, что тебе говорят. Сгинь с глаз моих, – Примака удобнее обхватил ручник, выровнял линию прицеливания и выдал две коротких очереди в сторону орешника. Потом туда же отправил и две короткие очереди из «шмайсера». Будто бы в нагрузку. Чтобы фрицы в своих перебежках положение тела сменили на более приземленное.

Сказать, что Шершень долго раздумывал над словами Петра, так это добросовестно соврать. Можно было бы приплести сюда политическую подкованность, идейную преданность, желание умереть за товарища. Все это не так. Во-первых, у него для этого абсолютно не было времени. Очереди с РПД только пугнули фрицев. Пугнули, но не откинули на исходную. А значит, нужно было спешить. Во-вторых, состояние боевого товарища говорило ему о многом. Единственное, что он сделал, мысленно поклялся исполнить просьбу Примака.

А тот вопреки всему атаку отбил. И эту, и следующую. Правда, теперь они следовали одна за другой. Фрицы не очень спешили бросаться на амбразуру, то бишь, на стволы. Таким «геройством» они не страдали. Немцы издавна пользовались славой расчетливой нации. Они были уверены, что нынешняя победа будет за ними. Из шести стволов, осталось только два. Да и те ведут огонь короткими очередями. Значит, конец близок. Надо только постоянно держать обороняющихся в напряжении. Заставлять их быстрее истратить боезапас. Вот они и шебаршились, заставляя Примака часто открывать огонь. И такой момент наступил. При-

мак давно заметил, что крыша держится на честном слове. И это честное слово – задняя стена дома и угол сени. Только эти две стены были пока еще не нарушены. Именно вот эту строительную связку надо было нарушить. Но для этого нужны были целенаправленные взрывы хотя бы нескольких гранат. Их у него было только две. Могло и не хватить. И Петро, выпуская последние очереди вперемешку то с РПД, то со «шмайсера», молил Бога, как ни странно, о том, чтобы тот надоумил фрицев помочь ему в этом. И его мольба оказалась услышанной. За несколько секунд до того, как в обоих стволах закончились патроны, с тыльной стороны дома прозвучали три взрыва. Всевышний, видимо, перестраховался.

Казалось, партизан все рассчитал с математической точностью. Из последних сил, даже не целясь, он выпустил оставшиеся патроны как в диске пулемета, так и в рожке «шмайсера». Именно в это время прогремели те три взрыва. Больше раздумывать было некогда. Он даже мысленно не успел попрощаться со своими родными. Одновременный взрыв двух последних гранат «Ф-1» послужил именно той каплей, которая окончательно нарушила геометрическое строение стен, удерживающее крышу. Последняя, слегка зашатавшись, рухнула вниз, взметая клубы пыли и придавливая тела ее погибших защитников. Осколки двух гранат буквально искромсали обессилевшее тело Примака.

Стрельба прекратилась и со стороны противника. Наступившую тишину изредка нарушал скрип и скрежет отдельных частей поваленного дома. Минут десять немцы все еще боялись подойти к нему. И только убедившись, что живых в доме никого не осталось, молча приблизились к развалинам. Они не стали даже пробираться внутрь. Капитан в лихо заломленной фуражке с высокой тульей бросил всего несколько слов по-немецки. Спустя еще несколько минут остатки бывшего дома были щедро облиты бензином и подожжены. Вся свора тут же удалилась в сторону остальных домов хутора. Там, начинался самый настоящий разбой. Из домов вытаскивалось все, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность. Вытаскивалось полицией, жандармами и прочими пришельцами. А сам хутор ждала участь дома деда Федора.

Шершень действительно остался жив. Правда, выкарабкаться из дома до пожара он не успел. Не успел по той простой причине, что рухнувшая крыша придавила и его. Точнее, не придавила, а концом одной стропилины шибко треснула по голове. Настолько шибко, что он на какое-то время потерял сознание. И только тогда, когда температура вокруг стала постепенно превышать температуру его тела, он пришел в себя. Пришел, и сразу ломая ногти, царапая пальцы рук, стал выбираться из-под развалин. Это ему удалось сделать довольно быстро. А дальше было дело техники. То бишь, ног. Но что самое интересное, с этого момента его опорно-двигательный аппарат, да и не только, работал как на автопилоте. Все дальнейшее происходило как под гипнозом. Оказывается, жизнь такая штука, что в критический момент, дабы выжить, может автоматически управлять человеком. Во как!

Окончательно он пришел в себя только к вечеру. Оказалось, находится рядом с ручейком под хвоей упавшей лохматой ели. Корни дерева большими рогатинами торчали на этом берегу, а вершина – на том. Видимо, ее повалило совсем недавно. Придя в себя, Шершень долго пытался вспомнить, как это он ухитрился забраться под хвою? И вообще, как он очутился здесь? Но так и не вспомнил.

А вообще-то, у него получилось как в той поговорке: клин клином. Именно здесь, у ручья, память вернула ему события годичной давности. Нет. Не сразу в полном объеме. Сначала фрагментами, кусками. Больше года тому контузия от близкого разрыва авиабомбы, в придачу с тяжелым ранением осколками головы и других участков тела, напрочь лишили его памяти. А вот удар балкой по куполу вдобавок с приличным нервным стрессом от сознания близкой встречи с дамой с косой заставили извилины выбросить наружу то, что хранилось глубоко-глубоко. То, что было придавлено не только контузией, но и задето осколком, пулевым ранением в левую щеку и всем тем потрясением, которое свалилось на него за те сутки.

Память возвращалась к нему долго. Многое он вспомнил в колонне таких же как и он, отправлявшихся в ад. Точнее, в Здолбунов на погрузку в теплушки. Что, впрочем, на тот час было почти одно и то же. Многое, но не все. Все еще предстояло вспомнить. И загадочная личность только собралась было снова нырнуть в воспоминания глубже, докопаться хотя бы до своего настоящего имени, не говоря уже о далеком прошлом, как его снова грубо дернули за локоть. Причем все той же руки.

– Ты что, оглох? – все тот же бородач в наглузую снова вернул его в теплушку. Вагоны дружно прогрохотали по стрелкам. Поезд снова прибавил ходу, сквозняком рванув через какую-то станцию. Хлопая глазами, личность пыталась сообразить. Вдобавок ко всему очередные счастливики-наблюдатели громко озвучили на всю теплушку название очередной станции: «Любомль»!

Наконец до него дошло.

– Третий раз к тебе обращаюсь. Поди, дом родной вспомнил, жену, детишек? У меня довольно часто такое бывает. Как вспомню, сердце кровью обливается. Думаю, вряд ли мы когда-нибудь вернемся обратно. Ты как в плен попал? – снова спросил бородач и, как и прежде не получив ответа, продолжил: – Я ведь связистом был. На КП батальона сидел. Да какой, сидел? С катушкой постоянно бегать приходилось. А вот оружия на всех не хватало. Ждешь, когда кого убьют, заберешь винтовку и тогда ты настоящий солдат. Меня же тогда снайпер достал. Я в аккурат порыв связи искал. Он мне разрывной в руку, чуть выше локтя и наградил. Так ранетым и в плен попал. Прямо с катушками. Среди пленных ранетых много было. Один добрый человек, явно фелшар, и рану обработал, и чистым тряпьем перебинтовал. Нас у леса держали. Чуть ли не каждый день новых приводили. Много нас там было. Всех и не сосчитать. Но долго я тогда в плену не задержался. Не больше месяца. Быстро сбежал. Охрана была так себе. Мы к лесу рванули и поминай как звали. Всю осень

и зиму на хуторах отсиживался. Рука зажила. Вот только пальцы левой руки, которая раненая была, плохо слушаются. Им постоянно холодно. А второй раз взяли облавой. Весной 42-го. Но и в тот раз я сбежал. От полицаяв сбежал. Когда в комендатуру везли. А вот в третий раз кажись хана. С раненой рукой в партизаны не брали и я им чем мог помогал. Но кто-то донес. Так чего я хотел, – продолжил бородач, видя, что собеседник в разговор и не думает вступать, – у тебя махры случаем нет? Хоть на ползакрутки? Страсть как смолить хочется.

– Не курю я, батя.

– Да какой я тебе батя? Только-только тридцатник исполнился. Ты на себя в зеркало давно смотрел? То-то же. Так как ты считаешь, вернемся ли мы обратно когда?

Шершень не ответил, и бородач наконец-то отстал. Для него главное было табак. А посему уже через секунду с таким же вопросом заядлый курильщик пристал к другому пленному.

Он снова окунулся в воспоминания. На данный момент память вернула ему все, или почти все, его хождения с первого дня войны. Точнее, с той самой минуты, когда он в составе спецотряда НКВД и НКГБ по приказу самого Берии принял участие в вывозе ценностей из западных областей Украины. Но эти воспоминания положительных эмоций ему не прибавили.

Дорога длиною в жизнь

– Любомль! Братцы! Чтоб я сдох. Это мы что, на одном месте кружим? – перекрывая грохотание колесных пар по стрелкам, крикнула от зарешеченного люка другая худющая личность в рваном обмундировании.

– У тебя что, крыша совсем поехала? Чего орешь, сам не зная что? Кстати, совсем слушное пожелание. И я думаю, что ждать его долго не придется, – с юмором ответила рядом находившаяся другая личность в старинных очках на носу. Причем левый глаз, из-за обилия лучей-трещин, исходящих прямо от центра линзы, еле просматривался.

– А ты что, зеньки медовухой залил? Ха-ха-ха! Разуй глаза. Э, вон, там что написано? Лю-бо-мль, – возразил по-деревенски первый, называя увиденную надпись в растяжку, по слогам. – Мы в школе английские буквы проходили. Э-э-э! Да у тебя правда, того... Глаз-то один только зрячий.

– Во-первых, написано не по-английски, а по-немецки. Действительно есть такой город в Польше. А ты что, не знал? Географию не учил? – продолжала настаивать все та же личность в старинных очках на носу.

– Так, а я о чем? Мы же недавно эту станцию проезжали. Теперь поновой...

Боец в очках залиvisto рассмеялся. Огрызавшийся в рваном обмундировании чуть не поперхнулся от увиденного.

– Чего ты лыбишься? Лыбится он, видите ли. Будто его и не в плен везут, а на деревню к бабушке.

Улыбавшийся перестал улыбаться и, придвинув к говорившему голову, шепотом резко сказал:

– Я не лыблюсь, уважаемый, а улыбаюсь. Это две большие разницы. И потрудитесь выбирать выражения. Слышь, боец, мы действительно недавно проезжали Любомль. Но теперь это не Любомль, а Люблин. А это две большие разницы. Внимательней надо быть, товарищ. Вас сюда для чего определили, коль вы с латынью на «ты»? Чтобы правильно называть встречающиеся населенные пункты.

– Пресвятая Мать и Богородица. Это куда нас везут? – чуть ли не хором спросило человек десять, сидевших опершись друг о друга посредине вагона.

– А везут нас, товарищи, уже по территории Польши. Думаю, не долго путь остался. Вряд ли нас транспортируют в Германию. Сдадут в какой-нибудь ближайший концентрационный лагерь.

– А там что? – спросил кто-то из недавнего хора. Правда, на полтона снизив голос. Но в теплушке с первых окриков хора и так установилась мертвая тишина. Ее нарушал только перестук колес по рельсам. – Мы что, товар какой? – теперь уже совсем тихо продолжил все тот же голос.

– Естественно, товар. Товар, из которого наш противник попытается извлечь прибыль. Вернее, не попытается, а извлечет. А если кто на прибыль не способен, того ждуть не очень приятные вещи, скажем так, – ответил так резко, очкарик тут же отвернулся в сторону люка.

«Вряд ли мы вернемся обратно. Ни живыми, ни тем более в гробах», – с опозданием ответил про себя Шершень. Услышав высказывание очкарика, он вспомнил вопрос, заданный недавно бородачом, спрашивавшим у него махры. Вернее, не Шершень. К этому времени пленный уже точно знал, что его настоящая фамилия не Шершень, а Конопляный. Александр Тарасович Конопляный. И в своем недалеком прошлом был не простым смертным, а опером Ровненского областного управления НКГБ.

Он действительно вспомнил многое. Но не все. Только часть той жизни, о восстановлении в памяти которой так долго, на протяжении чуть больше года, шебаршились его мысли.

Вообще-то, если быть точным, то некоторые фрагменты недалекого прошлого всплывали у него в памяти и до этого. Сразу, как только он оказался в лагере пленных под Середнянами. Времени для этого было предостаточно. И он таки добился своего. Хоть и смутно, но вспомнил и последний бой в хате деда Федора, и трехдневное после боя мыкание по лесам Полесья, пытаюсь добраться до хутора северо-восточнее Середнян. К той самой вдовушке, выхаживавшей его в своей хижине после ...

...Вместе с сотрудниками Волынского НКГБ и НКВД на явно трофейной или конфискованной машине лейтенант Конопляный прибыл в Середняны. Опера с Волыни доставили его прямо в районный отдел госбезопасности.

– Принимайте своего коллегу! – крикнул из кабины тот самый гэбэшник с большой кобурой стоявшему возле дверей вооруженному бойцу.

– А вы откуда такие шустрые появились?

– Ты что, из новеньких? В таком случае вызывай начальство. Через секунду в дверях появился начальник райотдела.
– А-а! Михаил Васильевич! Добро пожаловать. Вы как здесь очутились? По-моему, ваши дня два уже как в Житомире, нет? Или я что-то путаю?

– Все правильно, Петрович! Мы вот тут с коллегой из нашего НКВД кое какие дела решали. Начальство вот тебе привезли. А ты такой неприветливый.

– Какое такое начальство?

– Лейтенант Конопляный из Ровно. Скажи еще, что ты и духом не слышал о таком.

– Ну почему, – улыбнулся тот. – Александра Тарасовича мы знаем. И где это вы его подобрали?

– А вот он вам все и объяснит. А нам пора своих догонять.

– Так вы и на чай не заглянете? Тоже мне соседи называются.

– С удовольствием. Только в другой раз. Как только фрица погоним обратно, тут же и мы нарисуемся. Примете?

Говоривший хотел еще добавить, что время не то, что немец, мол, напирает, фронт в спину дышит, но воздержался.

– А чего не принять, – ответил офицер вслух, а про себя подумал: – Долго нам этой встречи ждать придется, Михаил Васильевич, долго. Если вообще суждено будет встретиться.

Доложив по ВЧ дежурному наркомата все, что ему приказал полковник Тарасюк, Александр Тарасович тут же, в кабинете начальника Среднянского райотдела НКГБ, поднял трубку телефона местной связи.

– Алло! Алло! – пытаюсь услышать станцию, крикнул он в эбонитовую сетку трубки. – Алло! Алло! – шлепая указательным и большим пальцами по рогатому рычагу, не отставал лейтенант. – Уважаемая! – услышав ответ дежурной связистки, обрадовался он. – Соедините меня с Ровно. Я говорю, с Ров-но!

– Ты куда, Александр Тарасович, наяриваешь? – уловив мгновение, попытался уточнить начальник отдела.

– В Ровно, – прикрыв микрофон ладонью свободной руки, ответил Конопляный. – Мне нужно дозвониться до дежурного по областному управлению НКВД. У них там есть такой Кисляков. Надо узнать, где он в настоящее время находится.

– И зря ты стараешься. УНКВД из Ровно и след простыл. Умотали в Житомир.

– Алло! Ровно? – не обращая никакого внимания на слова начальника райотдела, продолжал кричать в трубку лейтенант. – Уважаемая! Соедините меня с дежурным по УНКВД. Да! Да! Я жду! Кто вызывает? Младший опер-туполном... Что, что? Там никто не отвечает? Связь свернута?

– А я тебе что говорю! Старших по званию слушать надо. Эти деятели с НКВД, по-моему, еще вчера или даже позавчера покинули Ровно. У них там вроде какой-то особый приказ был. А по мне, попросту сбежали. Как только немец к Ровно приблизился, сразу пятки смазали.

– В таком случае мне надо срочно обратно, к своим.

– В отряд? Да туда почти двадцать километров. Неужто пехом собрался?

– Да. А может, машину дадите, Иван Петрович? Мне бы только туда доехать.

– С удовольствием, Александр Тарасович. Но у меня в отделе одна «живая» и та вернется только к вечеру. На выезде она. Как только появится, сразу в твое распоряжение поступит. С ветерком доедешь. Каких-то полчаса и ты на месте. Мы сейчас поздний обед организуем. Не возражаешь?

Конопляный не возражал. Все эти дни он, как и весь отряд, питался сухим пайком. Сухари, иногда хлеб, сало, лук, консервы, чай тоже иногда.

После сытного обеда, устроенного начальником отдела, лейтенант отправился в ближайший магазин. И для себя кое-что купить, да и коллеги из отряда заявку дали. Сигарет, спичек... В Среднянах военное положение было не слишком заметным. Деревня она и есть деревня. Тем более не на стратегическом направлении. Хотя это и спорный вопрос. Практически пока он добирался до центра, из гражданских не встретил никого. Да и военных не было. Магазин работал. Правда, в нем почти ничего не было. А то, что было, – по талонам. Купив папирос и спичек, Конопляный только намерился выйти на улицу, как увидел рядом с тумбой, недалеко от двухэтажного деревянного здания, двух человек. Оба по гражданке. Но если личность одного была ему абсолютно незнакомой и мало его интересовала, во всяком случае, пока, то второй – до неприличия смахивал на коллегу – старшего лейтенанта Устюгова, выехавшего в Средняны из Здолбунова в будке паровоза грузового поезда. То же лицо и та же суковатая палка в связи с ранением ноги. Даже одежда форменная.

«Надо срочно сказать ему, что наши уже под Городечным. В принципе, мы ведь можем вместе вернуться. Если, конечно, он все вопросы уже решил, – мысленно приняв такое решение, лейтенант выскочил на улицу. Но возле тумбы никого уже не было. Чуть впереди сворачивал за угол собеседник Устюгова в шляпе и дождевике. Бежать за ним не имело никакого смысла. – Да, ладно. Явно ему полковник тоже задач наставил. Вот и вертится, как вошь на гребешке. Не маленький, найдет путь в отряд. А если очко сыграет, заботится один туда переться, пусть здесь ждет, в райотделе НКВД. У каждого из нас свои проблемы».

С этими мыслями лейтенант ускоренным шагом возвратился в райотдел НКГБ. Обещанной машины еще не было. «Интересно, почему Тарасюк с отрядом остался там? Если все задачи решены, надо быстро возвращаться в Киев. А если не все? Ведь зачем-то отряд поехал по этому маршруту. Вряд ли только из-за ценностей Луцкого банка. Коллеги из НКВД и НКГБ Луцка запросто могли пару своих ящиков подвезти не только до Городца. Сами говорили, что едут в Житомир. Привезли бы туда и там передали Тарасюку. Точно, что-то еще удерживает отряд на этом маршруте. Да ладно, мне-то от этого какой прикуп. Куда прикажут, туда и

поедем. Главное, быстрее добраться до отряда. Как-никак, не пара-тройка человек. Да и вооружены неплохо. А все-таки что-то беспокоит душу. Точит и точит, как тот шашель доску. Лишь бы машина быстрее приехала», – рассуждал Конопляный, с нетерпением ожидая обещанную машину. Но машины все не было.

– Может, мне, Иван Петрович, каким-нибудь попутным транспортом туда добраться?

– И как ты себе это представляешь? На нашем направлении оборона устойчивая. Быстрого продвижения немцев не наблюдается. Переброска войск для обеспечения обороны закончилась пару дней тому. Так что на военную попутку в том направлении можешь не рассчитывать. Случайную, да... А топать ночью около двадцати километров я тебе не советую. Тем более в этих краях. Тут знаешь, сколько недобитков осталось. А с нападением немцев все зашевелились. Ты в поселке был, много народа видел?

– Совсем не видел.

– Вот то-то же. Сидят по своим конурам и фрицев ждут.

– Так почему вы их раньше не вычислили?

– А много у нас для этого времени было? Считай, пару лет всего. Слишком рьяных мы успели убрать. Остальные притихли, притаились. А действительно, что-то долго машины нет. Темнеет уже. Ты давай, устраивайся в кабинете, а как грузовичок появится, тебя дежурный поднимет.

Старенький ГАЗ-АА появился только к двум часам ночи. Оказывается, двое оперов ездили по делу в Рокитное. На обратном пути машина сломалась. Вот поэтому и задержались. Но дежурный Конопляного не разбудил. И машину Александр Тарасович обнаружил во дворе, когда вышел по нужде. Тут же кинулся в дежурку.

– Слышь, лейтенант! Ты не шуми. Водиле тоже надо хоть пару часов кемарнуть. Вторые сутки за рулем. А если он заснет по дороге? Секешь, что может случиться? Вот я и подумал, что тебя эти пару часов ну никак не спасут, а водиле – в самый раз. Ишь, как сладко спит на топчане, – успокаивал возмущенного Конопляного дежурный по райотделу. – Так мне что, будить его или часик еще может погодить?

– Буди, давай буди!

– Сидоренко! Слышишь, Сидоренко! Поднимайся, давай. Хватит ночевать, – дежурный подошел к топчану и стал тормошить спавшего, с головой укрывшегося шинелью.

Выехали за час до рассвета.

– Слышь, Александр Тарасович, а ваши что, не могли тебе колеса предоставить? Чай не на прогулку в Середняны ездил? – удовольствия в глазах водителя совсем не наблюдалось. Еще бы, мало своих забот, так еще и чужие проблемы решаи.

Конопляный это почувствовал сразу, как только водитель протер глаза и уперся ими в него. А посему, как только они вышли во двор, решил испить вина.

– Слышь, батя, – по внешности водителю можно было дать лет не меньше пятидесяти, – ты на меня не слишком сердись. Не по своей воле эксплуатирую тебя. Мне надо срочно до отряда добраться, – точное место доставки Конопляного водитель уяснил еще там, в дежурке.

– Дык, кто сегодня по своей воле, – было понятно, что такое искупление от неожиданного пассажира в карман не положишь.

– Ты уж не серчай, батя. Давай лучше закурим.

– Дык, я за вчерашний день все раскурил. Ни щепотки махры не осталось.

– А папиросы будешь? – Конопляный достал начатую пачку папирос и протянул водителю. – Можешь в запас взять. Я не обижусь.

– Вот это другой компот, – улыбнулся водитель. – А то у меня уже уши пухнуть стали. Привычка, знаешь ли. Глаз откроешь – сразу курить тянет. Теперь мы тебя мигом до места доставим, – делая подряд несколько глубоких затяжек, пообещал Сидоренко. – Папиросы – это тебе, лейтенант, совсем не махра. Хотя, от махры быстрее накуришься.

Действительно, за каких-нибудь полчаса проскочили Константиновку, а потом и Ивановку. Начинался рассвет. Ночь неохотно сдавала свои позиции. Впереди замаячил лес. До места расположения отряда оставалось совсем немного. И тут Конопляный услышал выстрел. Вернее, сначала ему это показалось. Но потом, когда где-то впереди прозвучало еще несколько одиночных выстрелов, он насторожился.

– Батя, а батя! Ты ничего не слышал?

– А что? – водитель тут же сбросил газ и машина почти остановилась, прижавшись к обочине.

В аккурат в это время снова прозвучали одиночные выстрелы.

– Не из наших бьют. Не наган это и не ТТ. Я свои пукалки издалека узнаю. Похоже, чужие упражняются. А далеко еще до отряда?

– Считай, там он и есть, откуда выстрелы слышны. Минут через десять надо свернуть с дороги. Совсем мало осталось. Проедем мосток – и считай на месте. У наших у всех оружие штатное. Наганы и ТТ. Кроме ППШ, пары ручников и карабинов у водителей – другого ничего. Трофейных нет. Откуда они у нас? Значит, это не наши палят. Тогда кто? Вот что, батя. Я тут уже и сам доберусь до своих. А ты давай, возвращайся.

– Слышь, лейтенант! Давай машину загоним в лес, замаскируем, а к отряду пехом пройдем. Если все в порядке, твои меня назад до машины сопроводят, – как ни в чем не бывало, будто и не слыша предложение пассажира, предложил водитель.

– Ты так считаешь, батя? Оно, конечно, так спокойнее, – Конопляный хотел сказать «веселее», но воздержался.

Спустя минуту старенький ГАЗ-АА съехал с обочины в лес, углубился метров на десять и, упершись мордой в толстенное дерево, остановился.

– Значит, так, лейтенант! Я впереди, а ты за мной. Метров так через пять-семь. Уловил? Бери свой ППШ, передергивай затвор и будь готов ко всяким неожиданностям. Я этот лес как свои конечности знаю. И мосток тот знаю, и поляну недалеко за ним.

Пока они загоняли машину, настраивались на движение, выстрелы утихли. Во всяком случае больше их не было слышно.

— Слышь, лейтенант! Выстрелов похоже не слышать! — подождав Конопляного и снизив голос до шепота сказал Сидоренко. Оба продвигались гуськом от дерева к дереву, отставая друг от друга метров на пять. Водитель тоже был вооружен ППШ. Вообще-то, появившиеся недавно на вооружении пистолеты-пулеметы Шпагина сначала передавались элитным войскам, оперативным работникам НКВД, НКГБ, войскам НКВД, младшему начальствующему составу охранно-конвойных войск. — Похоже, где-то там, впереди, телеги скрипят да лошади фыркают. Ты ничего не слышишь?

— Не-е!

— В таком случае, давай еще осторожнее. Ох! Не нравится мне все это. Выстрелы эти, телеги. Что-то тут не так. Зачем с телегами по лесу шастать? Тем более ночью. Дровишки воровать? Так за этим сейчас никто не смотрит. Бери днем, грузи и вези себе домой. Чтоб я так жил, не нравится мне все это. Ох как не нравится.

Так перемещаясь от дерева к дереву, выбирая почву под ногами, чтоб не треснула ветка, минут через двадцать они добрались до мостка. Поднявшись на небольшой пригорок на опушке леса, с которого просматривался мосток, оба залегли и несколько минут молча наблюдали. Открывшаяся панорама повергла их в шок. Взорванный и дымящийся еще мосток, зануренная мордой в ил эмка, колонна машин за мостком с простреленными бортами и рванными тентами, спущенными колесами, пробитыми двигателями, испускающими из своих внутренностей пар и, главное, устойчивый кислый запах пороховых газов.

— Это твоя колонна?

— Батя! Я ничего не понимаю. Кто это их так?

— Значит, одиночные выстрелы слышались отсюда. Раненых добивали, сволочи. Неужто недобитки польские? На Волыни до тридцать девятого года знаешь, какие разборки между украинцами и поляками были. Село на село шло. После тридцать девятого притихли малость. Теперь снова поднялись.

— Думаешь? Давай ближе подберемся, а вдруг кто живой остался?

— Если их из пистолетов добивали, вряд ли кто живой остался. Подожди, подожди. Кажись я со своей версией поспешил, — чувствовалось, что водитель имеет определенное отношение к оперативно-розыскным мероприятиям. — Вряд ли это поляки. Пошли, давай. Фрицы это. Чтоб я так жил, фрицы эту бойню устроили. Десант сбросили, а тут твои подсутились. Вот они их и приголубили. Твои-то явно не ждали такого поворота.

Держа наготове автоматы, вертя головами чуть ли не вокруг шеи, в полусогнутом положении, оба медленно приблизились сначала к мостку, а потом и к эмке.

— Неужто все погибли? — Сидоренко медленно осматривал картину недавнего боя. — Давай как-нибудь переберемся на ту сторону. Эти в эмке давно уже на небесах. Сначала их подорвали, потом из стволов расстре-

ляли. Видишь, дыра на дыре, — показывая на искромсанный пулями корпус легковушки, сделал заключение водителя. — Надо там поискать, на той стороне. А вдруг кто раненый остался.

— Тише, батя! Кажись, стонет кто-то. Слышишь?

— Где?

— По-моему, из-под машины. Иди сюда.

Поднатужившись приподняли свисающую правую заднюю дверцу. Стон послышался громче. Конопляный буквально на пузе полез под машину и стал тянуть оттуда стонавшего. Тут же к нему подключился и Сидоренко. Вдвоем они быстро вытащили тело. На петлицах стонущего было четыре «шпалы».

— Это командир спецотряда полковник Тарасюк. Давай, батя, оттащим его повыше. Где-то тут в машине должны быть перевязочные пакеты.

У раненого были перебиты в нескольких местах кисти обеих рук, а лицо — сплошное кровавое месиво. Чувствовалось, что и с ребрами не все в порядке. Из груди раненого раздавался подозрительный хрип, больше напоминающий свист.

— Батя, у тебя фляга с собой?

— Обижаешь, начальник. Фляга у меня всегда с собой. Только ему бы сейчас больше помогла не вода, а...

— Спирт был у старшины взвода. Он всем таким ведал. А ехал он в последней машине. Надо бы к колонне сбегать.

— В какой говоришь машине? В последней? Пока ты с бинтами возишься, я туда смоताюсь.

— А если фрицы только этого и ждут?

— Нет, лейтенант. Не ждут. Если бы они были там, в лесочке, давно бы уже нас железом угостили. Нету их там. Вы что в машинах везли? Что-то ценное?

— Ценное, батя, ценное.

— Вот они это ценное и взяли. Погрузили в телеги и ходу отсюда. Я ведь четко слышал скрип телег и храп лошадей. Но в таком случае...

— Что, батя?

— Да это я так, про себя. Если моя версия подтвердится, приду доскажу.

— Такое впечатление, Сидоренко, что ты и не водитель совсем, а настоящий сыскарь-гэбэшник.

Умозаключения Конопляного водитель уже не слышал. Он ускоренным шагом, удерживая ППШ в левой руке, направлялся в сторону расстрелянной колонны.

Раненый захрипел сильнее. Конопляный наклонился над ним и спросил:

— Как это случилось? Вы можете говорить?

— Кто здесь?

— Это я, лейтенант Конопляный. Вы меня вчера в Середняны отправили. С донесением. Вы можете говорить?

– Лейтенант! Нас предали. Запомни! Нас предали! О нас знали! О каждом нашем передвижении знали. Из колонны кто-то остался живой?

– Сейчас мой напарник побежал туда. Придет, доложит. Только вряд ли. Они раненых из пистолетов добивали.

– Лейтенант! Слушай сюда! В отряде был «крот». Это точно. Они нас здесь ждали. Расстреливали, как мишени на полигоне. Ребята явно и спешиться не успели.

– Погибли. Все мертвы.

– Не отвлекайся, лейтенант. Ты должен отыскать предателя. Во имя всех погибших... – раненый сильно закашлялся. Кашель с хрипом вырывался из груди. Он долго не мог откашляться. Что-то там, в груди, мешало ему. Лейтенант приподнял его голову, подложив под нее свой заплочный мешок. Одновременно он попытался смоченным из фляги водителя платком протереть раненому губы – Лейтенант! Моя песня спета. Ценности фрицы взяли. Доложи в Средняках по линии НКВД. Пусть поднимут войска. Фрицев надо найти и все вернуть. Далеко они уйти не успели. Но это еще не все. Слушай и запоминай. Отсюда мы должны были заехать в одно место. Это севернее Буково, в бывший строящийся лагерь. Знаешь, где это?

– Конечно знаю. Прошлой осенью несколько раз там бывал. Только там никого нет. Вывезли всех на второй день войны.

– Не перебивай. Ты должен попасть туда раньше фрицев. Они явно и туда поедут. Если нас ждали, то и про лагерь знают. В лагере остался зам. по режиму и четверо зеков. У них на хранении особые ценности. В ящиках. Ты должен спасти эти ценности. Забрать и вывезти в Киев, а оттуда в Москву. Доложишь в НКВД и тебе окажут помощь. Это задание особой важности. Лично у Берии на контроле, понимаешь? Пусть напарник доложит о фрицах, а ты не задерживайся. Дуй прямо в лагерь. Ты должен опередить фрицев. И еще, ты должен найти того, кто нас сдал. Это были фрицы. Они нас ждали именно в этом месте. Вчера вечером к нам пришел старик. В шляпе, дождевике и с охотничьим ружьем. Все интересовался, что мы везем. Разговаривал с польским акцентом. Говорил, что лесник с Ивановки. Он еще фамилию называл, – раненый на секунду затих. – Фамилия его Колун. Подожди. Нет. Не Колун. Топор. Точно, Топор. Он еще ударение ставил вначале. Проверь. Но это вряд ли, – говоривший опять закашлялся. Теперь кашель длился дольше.

– Вам нельзя разговаривать. Потерпите немного. Сейчас придет напарник и мы вас отнесем к машине. У нас машина недалеко. Сейчас. Только проверим, может, кто еще живой остался.

– Ладно, лейтенант. Иди проверяй. А вдруг действительно еще живых обнаружите.

– Вы потерпите немного, я сейчас. Вас только в руки ранило. Вы крови мало потеряли. Должны выжить.

Когда минут через десять Конопляный и Сидоренко вернулись к эмке, полковник был мертв.

– Как же так, батя? Я ведь только что с ним разговаривал. У него же только руки перебиты...

– Его в машине помяло. Здорово помяло. Лицо видел? Это от взрыва. У него в груди все разбито. Слышал, хрип. У него внутреннее кровоизлияние было. С этим не выживают. Не казни себя. Чего ты на меня смотришь? Я на финской успел побывать. Всякого там посмотрелся. Он что-то успел тебе сказать?

– Да! Говорил, что в отряде был предатель. Фрицы их ждали. Еще говорил, что вчера вечером какой-то лесник к ним приходил. В шляпе, дождевике с ружьём... Фамилия Топор. Подожди, подожди. Я же сегодня в Средняках...

– Что было в Средняках?

– А-а? – как будто очнувшись, переспросил Александр Тарасович.

– Я спрашиваю, что было в Средняках? У тебя лицо, будто ты там видение видел.

– Видел, батя, видел. Но все это надо проверить. А что там за умозаключения у тебя были? Они подтвердились или нет? – от всего увиденного и услышанного лейтенант стал потихоньку приходить в себя. Сработала специфика оперативного сыскаря и его мозги стали включаться в работу.

– Подтвердилось, подтвердилось. Прав умерший. Их действительно ждали. По обе стороны дороги ждали. Там гильз стреляных немеряно. В упор расстреливали. Но и ваши молодцы. Кто-то даже гранату успел бросить. В аккурат, где пулемет ихний находился. Кровищи там, что тебе на бойне. Наверно, тоже немало фрицев положили. Фрицы потом, когда закончили свое черное дело, все что было в машинах погрузили на телеги. Значит...

– И что это значит?

– Это значит, лейтенант, что у фрицев были помощники из местных. Я видел следы от колес. Телеги три было, не меньше. А десантом телеги не сбрасывают. Значит, вполне возможно, что это никакой не десант.

– А что это, по-твоему? Что-то ты, батя, хитришь?

– По-моему, это немецкая разведка. Нас информировали, что впереди немцев абверовцы идут. И ведут их ихние разведчики, которые задолго до войны к нам были переброшены. А у тех здесь крепкие связи с местным населением. Не со всеми, конечно. Вот они их и направляют на стратегические участки. Склады, командные пункты, учреждения связи, на командный состав выводят. Так что будем делать? Похоронить бы всех надо. По христианскому обычаю.

– Нет, батя! Хоронить будут другие. А нам срочно надо назад. В райотдел. Доложимся и вперед. Надо срочно еще одно задание выполнить. Ты знаешь, как по-быстрому доехать до строившегося лагеря НКВД?

– Севернее Буково? Мы промеж себя это место «Остров-кочка» называли. Не хилое место выбрали. Там вокруг острова, куда ни ступи – вода. Даже по карте, куда ни кинь – топи и топи. Глядишь, только и синеют моча-

жины раскинувшихся вокруг малопроезжих и вовсе непроходимых болот. Туда что ли?

– Именно.

– Полковник задачу поставил?

– Да! Оказывается, там какие-то ящики остались. Их надо срочно забрать, пока немцы до них не добрались. Немцев надо опередить. Дело на контроле Берии. Понимаешь?

– Как не понять? Тут и к Матрене бежать не надо.

– К какой Матрене? Ты что, заговариваться стал?

– К нашей Матрене. Толковую самогонку она гонит. Лучше бы твой энкавэдэшник до нашего прихода преставился, царствие ему небесное, – последнее пожелание водитель не стал озвучивать. Ничего, мол, от этого уже не изменится. Начальство оно и в Африке начальство. Сидоренко был абсолютно уверен, что от этой поездки ему уже не отвертеться. – В таком случае, лейтенант, рысью к машине.

Обратно ГАЗ-АА неся с курьерской скоростью. Батя выжимал из-под калота до последней лошадки. Через полчаса были в Середняках. А еще через тридцать минут выдавшая виды полуторка, будто с голодухи проглотив километров восемь на восток от Середнян, резко повернула влево. Перпендикулярно уходящая дорога вела на север. Где-то там, в направлении Великих Озер, на одном из многочисленных островов Буковского леспромхоза в приснопамятные довоенные годы НКВД и планировало обзавестись еще одним лагерем ГУЛАГа. Но не успел. Немец помешал.

Теплушки состава снова прогрохотали по стрелкам. Хотя станционных сооружений за окном не наблюдалось. Все тот же пейзаж запустения. Война она и есть война. Никого не щадит. Ни природу с ее пусть даже диким миром, ни жилища с цивилизованным миром. Видимо, куда-то в сторону уходила некогда исправно работающая железнодорожная ветка.

«В гробах, конечно, нежелательно, – возвращаясь снова в теплушку к сотоварищам по плену, подумал Конопляный. При этом правым уголком рта он изобразил такую ехидную ухмылку, будто только что получил пропуск по ту сторону земли. С печатью и подписью самого Всевышнего. – Если это так, тогда никто уже не узнает имя предателя. Вместе со мной умрет и тайна предательства. А ведь кто бы мог подумать? Нет! Я должен выжить! А чего бы ради? Доложить наверх, что предателя грохнул? Добросовестно исполнил предсмертный наказ Тарасюка? Хорошо, а толку с этого? Очищения совести ради? Так у меня и доказательств-то никаких. Из всего отряда в живых теперь остался я один. И кто мне поверит? Любой даже вшивенький лепила-энкавэдэшник запросто возьмет за основу версию моего предательства. И закутят меня в кандалы. Это в лучшем случае. В худшем – черканут лобешник зеленкой и вся недолга. Стоп! Стоп! Чего ты себя заранее хоронишь? – возразил сам себе пленный. – Война только началась, а ты уже победным шагом возвращаешься на исходные. А если немец победит? Тогда кому ты будешь рапортовать о случившемся? Фашистам? Вот им это как раз и на хрен не нужно. Нет! Шутить изволите, уважаемый? – теперь физия Конопляного приняла

самый строгий вид. – Такой народ, как наш, победить невозможно. И какое тогда резюме? А никакого? Продолжать жить под фамилией Шершень. Именно под этой фамилией я и попал в плен. Тем более не как военный, а как гражданский. Вот и будем фрицам везде дурку гнать. Глядишь, и выживем. А там посмотрим, к какому берегу причалить и под какой фамилией. Поди, война не год и не два протянется. А мать? Отец? Жена? Дети, наконец? Или все это сон? И совсем я не женатый еще? В таком случае детей у меня нет и быть не может. Нет! Тут еще не все в порядке. Провал какой-то. Глядишь, со временем все станет на свои места. А все же хорошо, что я того хмыря завалил. Больше он никого и никогда не предаст», – воспоминания снова отправили «великого» мыслителя в лето прошлого года. На трассу Пугач – Великие Озера. И снова тот же бешено несущийся старенький ГАЗ-АА, Сидоренко за рулем и неисчислимое количество колдобин. Трассой это сообщение назвать было нельзя. Проселочная дорога периодически переходила в полевик со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Лейтенант! А, лейтенант! Если мне не изменяет память, до лагеря осталось совсем немного. Вот вырлим на столбовик Пугачов – Корсин и через минут тридцать будем на месте. Так ты говоришь, что фрицы и туда могут добраться? И что там за ценности такие, что за ними фрицы гоняются? – Сидоренко мельком зыркнул на пассажира. Но тот не отреагировал никак. Как будто не слышал. А может, так оно и было. Мало ли какие мысли шебаршились у лейтенанта. Особенно после всего случившегося. – Я вот чего подумал, – через какое-то время снова подал голос водитель. Но теперь Конопляный отреагировал моментально.

– И чего такого ценного ты придумал, батя?

– Что бы не попасть как кур во щи, будем действовать в прежнем варианте. Согласен?

– В смысле?

– В прямом. Схитрим. Мы этот остров пообедем. Я знаю там одну дорожку.

К острову они подъехали минут через сорок. И подъехали с тыльной стороны. Машина остановилась метров за пятьсот. В принципе, дальше дороги не было. Если честно, то ее и до этого не было. В захлапленном лесу среди вековых деревьев, местами затянутые лужами, илом, росшими прямо посредине кустиками, еле заметно просматривались две колеи. Естественно, не автомобильные, а тележные.

– Мы сюда еще до войны на охоту добирались. Здесь знаешь, какие зубры водились? А косули? – остановив машину, шепотом стал объяснять Сидоренко. – Одно слово, дикое место.

– Что, прямо на машине сюда приезжали?

– Ага! На дилижансе. Какая машина, лейтенант? На телеге. Самым натуральным образом. Бери ППШ и тихонько за мной. Ступай след в след. Эту тропу только свои знают. За ней болото и твой остров. Обойдем его и выйдем к гати. Если немцы уже там, то мы их раньше обнаружим. Взорвем гать через болото, вот они и будут куковать на острове до прихода

наших. Главное, чтобы болото нам путь к дороге на остров не преградило. Иначе вкруговую придется часа два потратить. Вроде тихо вокруг, нет? А много там, на острове, наших осталось?

— Не знаю я, батя. Честно не знаю, — поймав на себе подозрительный взгляд Сидоренко, поспешил уточнить Конопляный.

— Лады.

Внимательно вглядываясь под ноги, настроив локаторы на лесную тишину, оба гуськом продвигались вдоль болота.

Прошло минут тридцать. Вдруг со стороны острова ударила автоматная очередь. Оба мигом повалились наземь.

— Стреляли, лейтенант, с ППШ, — прошептал водитель, как только Конопляный подполз к нему. — Чтоб я сдох. Я его звук за километр узнаю. Но почему только одна очередь? И, главное, больше ни одного выстрела. Как ты думаешь?

Пассажир молча пожал плечами.

— В таком случае пошли дальше. Может, там по дичи упражнялись? А что? Харчи закончились, вот и живут на подножном корме.

Но далеко пройти им не удалось. Шагов через десять-пятнадцать со стороны острова снова раздался выстрел. Теперь уже из ТТ.

— Странно. Я говорю, лейтенант, странные какие-то выстрелы. Ты не находишь? Надо быть предельно внимательным. Минут через пять мы будем на месте. В аккурат выйдем на ту единственную дорогу, которая ведет на остров. Там все и прояснится.

В действительности дорога вела только до острова. Дальше остров окружало непроходимое болото. Правда, в старину, и долгожители это подтверждали, именно в этом месте ширина болота между островом и дорогой была минимальная. Мало того, болото в этом месте в очень жаркое лето становилось проходимым. Не зря ведь дорога вела именно сюда. В старину люди были намного практичнее нынешних.

Когда было принято решение о строительстве лагеря ГУЛАГ НКВД в этих местах, сюда приехали специалисты и загатили болотистый участок, соединив дорогу с островом. Именно к этому месту, соблюдая предельную бдительность, и добрались Сидоренко и Конопляный. Оба залегли, замаскировались за кустами, внимательно всматриваясь в глубь острова.

— Похоже, фрицами здесь и не пахнет, лейтенант. Хотя, колея одной телеги все же просматривается. Видишь, вон там? За кочками?

— Не-е! Но если ты видишь, тогда...

— И что тогда? Одна телега еще ничего не значит. Между прочим, следов фрицев или местных рядом с колеей не просматривается. А на телеге больше пяти-шести человек не поместятся. Если это фрицы, как ты говоришь, тогда мы со своими ППШ быстро с ними расправимся. Надо только потихоньку на остров пробраться. Добраться до телеги. Там сразу все станет ясным.

Где-то на середине гати их снова застал выстрел. И тоже из ТТ. И прозвучал он довольно близко. Метрах в ста от них. Секунду-другую прислушиваясь, оба искателя приключений, пригнувшись, остановились. Дорога

представляла собой бревна, ветки и прочий не хитрый лесной скарб вперемишку с утрамбованной землей. Выстрелов больше не было. Зато почти рядом послышался храп лошади. Сидоренко, шедший впереди, повернув голову к лейтенанту и приложив палец к губам, махнул головой в глубину острова.

Через минуту они были уже на острове. И тут увидели лошадь. Вернее, сначала телегу, а не лошадь. И первым на свою беду увидел ее Сидоренко. Дело в том, что рядом с телегой стоял человек в форме с тремя квадратами в петлицах. Вернее, не стоял, а в одиночку пытался погрузить на телегу зеленый ящик. Своим цепким взглядом Сидоренко охватил все. И телегу с лошадью, без устали хлеставшей себя по обоим бокам крупярым хвостом, и горку ящиков, сложенных рядом с телегой, и оцепеневшего от увиденного энкавэдэшника, и лежащее в странной позе рядом с ящиками тело в форме, и даже, суковатую палку прислоненную к все тем же ящикам.

Он мог бы быть в выигрыше. Но для этого Сидоренко должен был заранее знать то, что увидел лейтенант в Середняках? Если бы он это знал, то недавние пистолетные выстрелы, труп, лежащий рядом с ящиками, и резкое движение руки к телеге бросившего ящик энкавэдэшника заставили бы его сделать то, к чему он был готов. Готов еще с финской. Ибо свешивавшийся на ремне ППШ, прикладом нырнувший под правую мышку, крепко удерживался жилистой ладонью за шейку дерева у ствольной коробки. Указательный палец к этому времени давно уже покоился на крючке, готовый в любую минуту заставить упрятанный в кожане ствол выплунуть не одно жало в мишень. Он не знал то, что знал лейтенант. Вдобавок ко всему его смутила форма. И это свело все его будущее на нет. Он даже не заметил, когда тэтэшник очутился в руках энкавэдэшника. Устюгов, а это был именно он, стрелял отлично. В свое время он был даже обладателем значка «Ворошиловский стрелок». Пуля, выпущенная из ТТ, не просто прошла грудь Сидоренко насквозь. Она серьезно задела сердце. Как говорит в таких случаях медицина: ранение с жизнью в одно мгновение стало не совместимым. Губы бати еще что-то шептали. Вроде пытались возмутиться случившимся: «Я же хотел тебе помочь погрузить ящики, а ты дерешься. Не хорошо, дорогой, не хорошо». Но дошептать это до конца он не успел. Рухнул наземь лицом вверх.

Конопляный, как только увидел резко остановившегося водителя, моментально все понял. Он не видел ни телеги, ни лошади, ни энкавэдэшника. Тем более, он не видел ни ящиков, ни труп. Но он был кадровым офицером. Пусть и эмгэбэшником. Учеба в училище пограничников кое-чему его научила. А посему, он сразу плюхнулся на землю.

Устюгов, увидевший появившегося в форме МГБ, тем более с ППШ в руках, на секунду ошолбенел. Потом в извилинах мелькнула придуманная для такого случая легенда. И он, посчитав встречу чистой случайностью, уже готовый был ею воспользоваться. Но тут, зафиксировав брошенный появившимся взгляд на убитого им коллегу, старлей все понял. Понял, что промедление смерти подобно. В выигрыше всегда тот, кто первым нажмет

на крючок. Так он и сделал. Вот только малость просчитался. Покуда он выходил из ступора, Конопляный успел не только плюхнуться на землю, но и чисто автоматически незаметными движениями спрятаться за ближайшее дерево. Поэтому Устюгов его не увидел. Выстрелив и увидев падение Сидоренко, он даже мысленно успел поздравить себя. И тут же засек трассер, устремившийся в его сторону. За долю секунды до выстрела увернуться от пуль еще можно. Но после выстрела – невозможно. Скорости разные.

Как только прозвучал выстрел и батя стал заваливаться на спину, лейтенант мгновенно увидел стрелявшего. Панорама телеги, лошади и прочих достопримечательностей его уже не интересовала. Он узнал Устюгова. С мгновенной скоростью прокрутив извилинами увиденное в Середняках и слова умирающего Тарасюка, присовокупив к этому только что услышанный выстрел и падающего на спину водителя, Конопляный не раздумывая нажал на гашетку своего ППШ. Очередь была короткой. В пяток пуль, не больше. Но две из них попали в цель. Причем не куда-нибудь, а прямо в грудь. Выстрелы из ППШ отбросили Устюгова назад. Он даже крикнуть не успел. Шваркнулся на землю во всю длину своего немаленького роста.

Прошло около часа. За это время лейтенант успел обойти лагерь и стал грузить ящики на телегу. Прямо у его ног лежали два трупа. Вообще-то, картина происшедшего ему теперь была ясна.

На острове буквально в нескольких десятках метров от телеги он обнаружил труп конвойного сержанта. Тот лежал с дыркой в затылке утопив лицо в вонючее болото. Но оказалось, что это еще не все. Недалеко от вышки, установленной в предполагаемой прострельной зоне, лейтенант обнаружил сваленные в кучу еще четыре трупа. По одежке все четверо смахивали на зеков. Он не стал с ними возиться. Ни с убитыми зеками, ни с сержантом. Он спешил. Ему все казалось, что с минуты на минуту здесь должны появиться фрицы. Те самые, которые расстреляли отряд Тарасюка. Он спешил. И это чуть не стоило ему жизни.

Оказывается, Устюгов не был убит. От сквозного ранения в грудь он потерял сознание. Но как только Конопляный начал грузить ящики на телегу, Устюгов пришел в себя. Сцепив от боли зубы, сквозь ресницы молча наблюдал за лейтенантом. В заднем кармане брюк у него лежал полученный на всякий случай во Львове небольшой «вальтер». Именно в этом направлении и вертелись его мысли. Скрип поднимаемых ящиков и хруст веток под ногами грузившего, его периодические охи да ахи позволили незаметно добраться до оружия. Устюгов только ждал момента, когда все ящики будут погружены на телегу. И такой момент настал.

Лейтенант глубоко дышал, наполняя легкие чистым лесным воздухом. Пусть даже с привкусом болотной гнили. Все свалившееся на него за последние несколько часов не укладывалось в его черепной коробке. Мешало здраво мыслить, своевременно принимать верные решения. Что-то случилось с зажиганием в голове. Вроде оно, зажигание, не без чьей-то помощи сбилось. Реакция по отношению к мысли стала опаздывать.

«Пора!» – подумал он и, как будто предчувствуя, резко повернул голову в сторону трупов. В руке Устюгова он увидел пистолет. Прозвучал выстрел. Пуля касательно разворотила его левую щеку аж до уха. По голове как будто кувалдой грохнули. Боль стала немилосердной. Лейтенант дико закричал и боком повалился на землю. Кровь моментально залила всю левую часть лица.

Выстрел Устюгова на сей раз нужной цели не достиг. Сказалась слабость от полученных ранений, которые в действительности были совсем не шуточные. От выстрела пистолет отлетел в сторону, а сам стрелок надолго потерял сознание. В добавок ко всему снова открылось кровотечение. Кровь из груди залила шею, бороду, грудь.

Дальнейшие воспоминания Конопляного прервал какой-то стук, донесшийся до его ушей сначала тихо, вроде издавала, а потом все громче и громче. Наконец, стук перешел в барабанную дробь. Она-то и вернула пленного на грешную землю. То бишь, на железную дорогу. А если еще точнее, то прямо в движущийся товарняк. Теплушка сразу, как будто в унисон этой дроби, завилась со стороны в сторону.

– Ну что там! Название станции видно? – люк теплушки давно уже зиял сплошной чернотой. Небо укрыли тучи, и состав шел в непроглядной тьме. Естественно, что такая же темень стояла и внутри. Иногда, правда, в том или другом месте клетушки мерцал огонек самокрутки. Причем мерцал он не на одном месте, а двигался будто живой. Самокрутка шла по кругу. И каждый счастливчик имел право только на одну затяжку. Что соблюдалось с жесточайшей точностью без всяких напоминаний.

– Черт! Ничего не видно. Хоть бы фонарь какой фрицы повесили, – крикнули от люка. На ответственном посту находилась новая группа счастливчиков. Вообще-то, состав длительное время простоял в каком-то тупике. Точнее, не в тупике, а на какой-то второстепенной ветке. Вокруг не то, чтобы не было станционных строений, вокруг вообще не просматривалось ни одной хижины. В свой дальнейший путь поезд тронулся, когда уже начало темнеть.

– А ты что хотел, чтобы тебе фрицы фонарями весь путь освещали? Здорово живешь, служивый, – съерничала только что спрашивающая личность. – У фрица, чай, тоже очко не железное. Лафа поди кончилась? Второй год войны пошел. Наши соколы тоже не пальцем деланы. Чтоб я так жил, и сюда навевываются. Причем не с пустыми руками.

В перепалку двоих больше никто из плененных не вступал. Все с тревогой ожидали торможения. Четко обрисованное будущее, сделанное несколько часов назад явно бывшим политработником, задело каждого до глубины души. Естественно, не отреагировал на перепалку и Конопляный. Во-первых, мысленно в это время он все еще находился далеко от теплушки. Причем в состоянии далеко ненормальном. Ему на миг даже показалось, будто он снова увидел вспышку выстрела и почувствовал дикую боль в области левой щеки. Он даже мацнул себя ладонью по этому месту, ощутив под пальцами косой, плохо зарубцевавшийся шрам. Хотя перспектива концентрационного лагеря его не очень прельщала.

Точнее, совсем не прельщала. В глубине души, пусть даже и очень, очень глубоко, бывший гзбэшник надеялся на более мягкий приговор судьбы.

Как-никак его взяли в плен чисто как гражданского. Белым днем увели с хутора от вдовушки по фамилии Шершень, где он около трех недель отходил от «путешествия» на «оперативный маяк» преставившегося уже деда Федора.

К партизанам он не попал. По той простой причине, что те к тому времени успели сменить место дислокации. И совсем не по своей воле. В тех местах теперь хозяйничали немцы. Хозяйничали – это мягко сказано. Немцы буквально свирепствовали в районе бывшего пребывания партизан. В отместку за все хватали всех подряд. И мало кто из попавших к ним оставался живыми. Именно поэтому Шершень решил не лезть на рожон, а снова отправился к вдовушке, спасшей его от неминуемой смерти еще прошлым летом.

Как потом рассказывала вдовушка, нашла она его тогда на дороге рядом с непроходимым болотом в пяти километрах от хутора. Сюда, в междулесье, на участок некогда проведенной плановой вырубki, хуторяне часто наведывались по ягоды. Особенно летом. Довольно широкая вырубка, тянувшаяся от дороги куда-то вверх, как будто пытаюсь скрыться в облаках, благодаря своему низкорослому кустарнику была богата на ягоды. Сначала поспевала земляника, потом малина... И так до самой осени в этих местах что-то вкусное и сладкое росло. По словам вдовушки, Саша (всех военных она почему-то называла Сашами) лежал рядом с дорогой, почти у самого болота. Метрах в пяти ниже дороги было уже непроходимое болото. Богу было почему-то угодно рядом с добром сотворить и зло. Так сказать, в назидание. Так вот, Саша лежал без всяких признаков жизни. В одной руке удерживая обрывки вожжей, а в другой – ружжо. Так она называла все, что могло стрелять. Дорога, по ее словам, была сплошь усыпана воронками. Но Саша оказался живучим. Несмотря на разорванную от уха до носа щеку, иссеченное мелкими осколками тело и торчащий в затылке приличный острый осколок немецкой бомбы. Перевязав щеку и оттащив тело в ближайший кустарник, вдовушка вернулась в хутор, запрягла корову в волокушу и к вечеру вернулась с сыном за ним.

Дома, натопив баньку, положила Сашу на лавку, обильно смочила перваком голову так и не пришедшего в сознание раненого и, достав обыкновенные плоскогубцы, выдернула торчащий осколок из его головы. Не за первым разом, конечно. За третьим. Но если после первых двух неудачных попыток раненый не издал ни звука, то после третьего, удачно-го, он так закричал, что вдовушка сама испугалась. От дикой боли раненый пришел в себя. И тут же она влила не только в рану, но и в него самого изрядную порцию все того же первака.

Что самое интересное, Конопляный быстро пошел на поправку. Но в себя он пришел только на третий день. Вернее, вечер. Ибо, очнувшись, он никак не мог определить, где находится. Никаких предметов или, хотя бы мало-мальски знакомых ориентиров глаза не различали. А посему он продолжал лежать тихо, даже не шевелясь. Спустя какое-то время, когда

глаза все же привыкли к темноте, прямо против себя он заметил небольшой квадрат. Тот переливал слабым светом, отчего пришедший в себя понял, что это окошко. Небольшое окошко украинской мазанки. Еще он догадался, что вечерее. Внизу, где-то в районе головы, что-то потрескивало, периодически подвывая. От этого потрескивания сразу стало тепло-тепло. Даже жарковато.

Он хоть и очнулся, но тела своего не чувствовал. Видимо, это была одна из причин, почему он продолжал лежать тихо. Именно одна, потому что, зная его прошлое, таких причин можно было бы насчитать кучу. В том числе и боязнь снова вернуться в прежнее состояние. Лежа, лейтенант до боли в ушах прислушивался. Уши – это было все, чем он мог владеть на данный момент безболезненно. Глаза – не в счет. Тем более в темноте.

Вдруг раздался режущий уши скрип, а за ним глухой удар. Он догадался, что кто-то вошел в комнату. Послышалось быстрое шлепанье босых ног по земле. Потом звук переливаемой жидкости. На мгновение все стихло. Еще через секунду шлепанье повторилось. Он посчитал, что этот кто-то уходит. Но это было не так. Шлепанье приближалось и прекратилось рядом с ним.

– И где это тебя так, мужичок? Наверно, бомба немецкая. Кто ты? Явно не наш, не украинец. Откуда шел? И почему с остатками вожжей в руках лежал? Поди на телеге ехал? Тогда где телега? Неужто в болоте утопла? Похоже так. Лошадка испугалась взрыва и рванула в сторону. А там болото. Ее и засосало вместе с телегой. Жалко конечно. Не с пустой поди телегой ехал. Да что поделаешь. По форме ты вроде из тех, которые наших в Сибирь отправляли. А впрочем, какая теперь разница. Немец вон уже под Киевом, говорят. Мужик ты вроде справный. В баньке я тебя хорошо рассмотрела. Сгодишься в хозяйстве, – вдовушка была всего на пять лет старше Конопляного. Мужа ее в 36-м поляки насмерть зарубили. За покос. В лесу у болота муженек пару стогов сена накопил. А участок того леса поляку принадлежал. Вот его там и зарубили, когда вывезти собрался. Так никто ничего и не доказал. – За хозяина будешь, если, конечно, не помрешь в одночасье. Голову тебе здорово покромсало. Явно память отшибло. Да и ладно, без памяти ты мне больше подходишь. А документы твои, как и одежду, я вовремя сожгла. Туда им и дорога. Наведаются еще эти черти рогатые, найдут, тут же и аллилуйя справят, – шептал над ним женский голос на чистом полесском диалекте.

Лежащий попробовал шевельнуться и застонал.

– Ты что, пришел в себя? Святители небесные, выжил, значит. Помереть тебе теперь я не дам. Ты только не поворачивайся, тебе на спине лежать пока никак нельзя. Тебе осколком темя раскромсало. Придется потерпеть, дорогой. Я тебе куриного бульончику сварила. Ты голову поверни немного на бок, потихоньку скормлю. Пора сил набираться. А потом ты мне все расскажешь про себя. Кто ты, откуда? Все, что помнишь...

Но он ничего не помнил. Ни кто он, ни откуда, ни как попал в те места... Единственное, что он помнил, и то смутно, так это откуда-то взяв-

«Жди меня»

За полгода до аварии

Осень 200... года. Понедельник. Ближе к четырнадцати часам дня в небольшом парке перед зданием райадминистрации и районной исполнительной власти медленно прохаживались две женщины. На вид лет под семьдесят. Правда, одна из них передвигалась, опираясь на самодельную палку, а вторая – еще так очень даже и ничего. По внешнему виду можно было спорить на что угодно, что одна из них приезжая, причем выглядела совсем не сельской жительницей, а вторая, та, что с палкой, была местная. В действительности так оно и было.

Постояв у стелы погибшим воинам, обе женщины направились вдоль высокого парапета на выход. Когда-то, при Союзе, у стелы постоянно горел Вечный огонь и стояли на посту школьники местных школ. Как и положено, в форме и с автоматами на груди. Но незадолго до развала Союза это дело, как и много чего хорошего, было добросовестно похерено ринувшимся в неизвестность людям. Хотя справедливости ради надо сказать, что за последние годы к празднованию Дня Победы и освобождения города Вечный огонь все же стали зажигать. Пусть даже и ненадолго.

Но вернемся к нашим женщинам. Одна из них была Миенко Наталья Дмитриевна, 1925 года рождения, а вторая – Дарья Максимовна Иванкова, 1929 года рождения. Казалось бы, что разница в годах небольшая. У многих женщин да еще в солидном возрасте такая разница почти незаметна. Но в данном случае разница хорошо просматривалась. Правда, совсем наоборот. Наталья Дмитриевна выглядела намного моложе Дарьи Максимовны. Обе родились в селе Розношинцы Ульяновского района Одесской области. Да, да! Именно, Одесской... Ибо в те далекие предвоенные, военные и даже послевоенные годы этот район входил в Одесскую область. И только во второй половине прошлого века благодаря единоличному решению главного кукурузовода СССР этот район, как и некоторые другие, был отпочкован от Одесской и пристегнут к вновь созданной Кировоградской области.

– Ты посмотри, какая красота! – воскликнула Наталья Дмитриевна. Четырехэтажное здание слуг и служащих народу, дорога и парк со стелой и двумя десятками захоронений погибших в прошлой войне воинов прямо таки нависали над раскинувшимся Днестровским лиманом. А внизу, почти у самого уреза воды, как будто из песка, поднималось в высоту здание ресторана, построенного в стиле старинного замка. – Хороший человек, который построил такую красоту. Это и есть тот самый ресторан «Замок», о котором ты говорила?

– Он самый. Только не все так думают, как ты. Некоторым этот замок, как бельмо в глазу.

шийся стремительно нарастающий вой, огненный куст взрыва и наступившая тут же черная темнота. В общем, никаких положительных ответов на все задаваемые вопросы, касающиеся его прошлого. Как далекого, так и недалекого. Но работник он был исправным. Тем более отъевшись на вдовушкиных харчах. В хуторе его все продолжали называть Сашей. Он даже на фамилию Шершень стал откликаться. Так продолжалось почти год. До того момента, пока в этих местах не появились партизаны отряда Медведева. Нет. Они его не силой заставили присоединиться к ним. Боже упаси. Они с ним просто побеседовали по душам.

– Ты чего дома сидишь, а? Или отсидеться решил? Здоровый мужик, а у бабы на подхвате, – улыбнулся одними уголками рта партизан с пышными усами и бородой, пронизанными обильной сединой. Трое, появившиеся вместе с ним, расхохотались уже в голос.

– Ты за кого, за немцев, за бульбовец? – не отставал второй, лет на пять моложе.

– За белых али за красных? – с такой же улыбкой вопросом на вопрос спросил Саша.

– Чего? – в унисон переспросили задававшие вопросы. – Так ты за нас или как? Выбирай, с кем и за кого. Да поторопись, а то война закончится, – подвел итог бородатый.

Конец той беседы не трудно было предсказать. Еще бы, здоровый мужик, при ногах и руках, чем не боевой штык. Да Бог с ним, что не помнит прошлое. Воевать он запросто сможет и без своего прошлого.

Так Шершень-Конопляный очутился в партизанском отряде Медведева. Но не на долго. И мы, уважаемый читатель, об этом уже знаем. Единственное чего мы не знаем, так это, как наш герой попал на эту дорогу. Но это, как ни странно, пытался узнать и сам Конопляный. Кое-что благодаря стропилине, стрессовому состоянию, избытку свободного времени и желанию он все-же вспомнил. Мало того, продолжал над этим процессом работать. А желание и труд многого могут достичь. Эта сладкая парочка иногда такое может отчебучить, со стула шваркнешься.

– Значит, погрузив ящики с ценностями, я все же выбрался с того острова. Но остров немногим севернее Буково, а вдовушка подобрала меня в районе Великих Озер (Ровненскую область он помнил наизусть). Как же я туда попал? На телеге? Согласен. Тогда где телега, где лошадь, ящики где, наконец? Ничего не понимаю. И как я с острова выбрался? Ну да Бог с ним, с островом. Придет время – вспомню. Главное, иуду приговорил. Вот ведь паразит какой.

Эшелон с пленными не останавливался. Не сбавляя скорости, несясь дальше и дальше. Теперь уже без остановок. Предсказания политработника не сбылись. Так сквозняком они проскочили всю Польшу.

— А нашему люду не угодишь. Им хоть золотые россыпи дай, через неделю гундосить начнут, требовать чего-то нового. И добиваются. Правда, как правило, всегда худшего. Давай спустимся вниз!

— Ты хочешь по этому мостику? Лучше обойдем.

— Как знаешь, — согласилась Миенко, на секунду остановив свой взгляд на палке Дарьи Максимовны.

Спустившись по дороге, они свернули на небольшую террасу.

— По ступенькам? — спросила Наталья Дмитриевна.

— А что? Ты не больно обращай внимание на мою палку. Она для меня так, подспорье. Коль устану, обопрусь на нее и отдыхаю. Ногам легче.

Через пару минут обе женщины спустились к лиману. Песок на берегу перед рестораном «Замок» аж до самого уреза воды был аккуратно обработан граблями. Ни тебе окурков, ни огрызков, бутылок, отходов пищи и прочих следов, которые так любит оставлять после себя наш народ, аж бегом стремящийся в Европу.

— А почему ты не хочешь отправить письмо в программу «Жди меня»? Там знаешь, какие люди благодаря этой программе находят друг друга? Я вот недавно смотрела, один мужик, какой там мужик, настоящий дед лет под девяносто, нашел бабку, с которой был знаком во время войны. Сам он немец, а она с России. Написал письмо и его бывшую подругу нашли. Так он даже на программу приехал. Не поверишь, когда ведущий сказал, что его бывшая подруга в студии, он так обрадовался, что даже с кресла вскочил. А бабке той лет за восемьдесят. Не веришь? Правда, правда. Ее там, естественно, подготовили. Парикмахеры там всякие, визажисты. Она очень даже ничего смотрелась. Минут десять не меньше обнимались. Вся студия рукоплескала. И у всех слезы на глазах.

— И как ты себе это представляешь? Письмо еще надо написать. И не просто написать. Надо всю ту историю рассказать. А я о ней только с твоих слов и знаю.

— А давай напишем! А потом ты ко мне в гости приедешь и я тебя одному медицинскому светиле покажу. Он твои ноги быстро в порядок приведет.

— А деньги на лечение? Откуда я их возьму? Может, мне государство наше от щедрот своих отстегнет? Так на него у меня надежды никакой. С моей пенсии после всех выплат только на зеленку да бактерицидный пластырь и хватает. Благо, дочь Людмила помогает.

— Ты о деньгах не беспокойся. Я недавно от немцев три тысячи еврик-ков получила. За то, что пахала на них во время войны. Так что денег у меня, как говорится, куры не клюют. И то, правда, сколько мне одной надо? Вдобавок, пенсия у меня российская и близко с твоей не лежала. Я ведь за мужа получаю. Как-никак вдова фронтовика, причем настоящего полковника. Квартира трехкомнатная имеется и в квартире все есть. Дочь с сыном давно на своих крыльях. Лучше моего обеспечены. Ну, так как? Когда в гости ждать? — пройдя мимо домика, явно смахивающего на небольшую сторожевую башню, Наталья Дмитриевна и Дарья Максимов-

на направились к покачивающемуся на воде прогулочному катеру с названием «Владимир».

— Это что, в честь князя Владимира катер назвали?

— Ага! Как бы не так. Хозяина так зовут. И катер его, и этот замок, и на вокзале почти такой же ресторан под старину отгрохан — тоже его. Вообще-то нет, тот ресторан вроде сына его.

— Значит, князь местного значения. А фамилия у этого князя есть?

— Фамилия? Фамилия конечно есть. То есть должна быть. И я ее знала. Но сейчас забыла. Вспомню, скажу.

— Ты смотри какая тишина стоит. Летом здесь хоть купается кто-нибудь?

— А ты как думала? Конечно, купаются. Для детишек здесь самый рай. От берега метров пятьдесят до коленок будет. Только я здесь очень редко бываю. Разве что дочь Людмила пригласит. Вместе посидим, телеса свои на солнышке погреем. А ты чего думала, что хозяин сюда никого не пускает? Что это место только для его родни? Нет, дорогая. Приходят сюда все, кому не лень. Хотя и не очень много людей бывает. Большинство летом на море отдыхает. Так ты, Наталья, предлагаешь мне все же написать письмо в программу «Жди меня», что ли? Я тоже ее часто смотрю. И ведущий там толковый, как его? Кваша, кажется... Там еще дочь того артиста, который умер. Шукшин...

— Маша!

— Какая Маша?

— Я говорю, Маша Шукшина. Дочь того самого артиста.

— Во-во. Его еще в «Калине красной» бандюки убили.

Обе женщины, вспомнив кинокартину Шукшина «Калина красная», засмеялись над своей простотой.

Побродив минут тридцать по бетонной платформе набережной, обходя кафешные выносные столики, стоявшие вокруг забетонированной трубы, заканчивающейся камышовой крышей в виде раскрытых зонтов, женщины поднялись по ступенькам наверх и медленной походкой пошли по улице Ленина.

Письмо составляли весь вечер. Поддавшись на уговоры Натальи Дмитриевны, Дарья Максимовна согласилась-таки отправить письмо в программу «Жди меня». За разговорами да за двумя чашками ароматного чая, привезенного подруге из Москвы, два тетрадных листочка в клеточку, плотно заполненные каллиграфическим убористым почерком самой Миенко, благополучно нырнув в конверт с маркой по СНГ, были готовы исторически связать невидимой нитью украинский провинциальный городок Белгород-Днестровский со столицей России Москвой.

Письмо ушло буквально на следующий день, а еще через три дня Наталья Дмитриевна, поблагодарив землячку за гостеприимство, тоже отправилась домой, в Москву.

В вагоне от Одессы и до Москвы у нее была уйма времени, чтобы попытаться в который раз восстановить в памяти те далекие военные годы.

... После седьмого класса Розношинской средней школы Кристина и Наталья поступили в Одессе на учебу в ФЗО (*фабрично-заводское обучение*) от швейной фабрики имени Воровского. Война застала их в аккурат после окончания первого курса. 20 июня закончились занятия, а 21-го началась война. И было им тогда по шестнадцать лет. В то воскресенье они гуляли по городу. Подходят к Дерибасовской, а там толпа народа. Кто плачет, кто в недоумении.

– Что случилось? – спросили они у одной женщины.

– А вы что, девочки, ничего не знаете? Война началась. Что теперь будет, что теперь будет? Они же нас, евреев, всех перебьют. Вон сколько уже уничтожили. И куда Всевышний смотрит? – женщина, смахнув слезу со щеки, направилась в сторону Потемкинской лестницы.

– Какая война? – переглянулись подружки. Они сначала ничего не поняли. Только потом до них дошла суть ответа женщины.

– И что нам теперь делать? – первой заговорила Наташа.

– Что, что? Пойдем в фэээушку. Там-то должны что-то посоветовать?

Так и сделали. Училище уже все бурлило. Их собрали в актовом зале и сказали, что на завтра все должны прийти в училище. Их отведут на фабрику.

На фабрике всех поставили на конвейер шить гимнастерки. Так они проработали там до подхода немцев к Одессе.

– И что дальше будем делать? На носу зима. Останемся здесь, немцы примут нас за евреев и отправят в концлагерь, – за скудным завтраком спросила подружку Наташа. Они уже тогда были наслышаны, как немцы расправляются с евреями.

– Так мы же не евреи.

– Ага! Это мужики могут доказать: принадлежат они к евреям или нет, – обе засмеялись. – Загребастают и в свою Германию отправят. И это в лучшем случае...

– Ты намекаешь?

– А ты думаешь, что они на тебя молиться будут? Думаю, подружка, надо нам домой собираться. Дома и укус сладкий.

– Ты права. И патока медом кажется.

– Что, что?

– Почти то же самое. Тогда давай собираться. Топать ведь придется пешочком.

– А ты думала, на лимузине отвезут? Пешочком и потопаем. Возьмем с собой хлеба побольше, еще чего-нибудь. Дотопаем. Не маленькие.

Топать пришлось более двести пятьдесят километров. Мороз, снег, ветер. Лежа в вагоне поезда, при воспоминании о том путешествии у Натальи Дмитриевны и сейчас дрожь по телу прошла. «Столько лет прошло, а тело, кожа, каждая клетка все помнят», – мысленно прошептала Миенко.

Возвращаясь домой, они и не знали, что их обоих уже занесли в списки неблагонадежных.

«И кто ведь постарался? Не чужие списки составляли. Свои, местные... Вот что обидно, – она даже головой покачала от злости. – Будто кто-то их за язык тянул. Все выслужиться хотели. То перед кагэбэшниками выслуживались, то перед немцами... Все думали, что их фотографии за образа повесят. Нет. С таким народом далеко не уедешь. На доносах лучшую жизнь не построишь. И ведь поговорка прекрасная есть, наверное, кровью подкреплена: кто другому яму роет, сам в нее попадет. Да хоть бы за столько лет поумнели. Дак нет, все кто-то виновен у них. Нет. У наших славян никакой дружбы нет. Все народы как народы, друг за друга горой стоят, а наш, что русский, что украинский, даже неграм готов продать друг друга. И откуда такое в характере появилось? Может, испокон веков такое было? Так пора уже и остепениться».

Рассуждения Натальи Дмитриевны были крепко подперты прожитыми годами. Причем годами, проведенными в самых отдаленных военных гарнизонах СССР. Вдалеке даже от населенных пунктов, не то что от городов. Войска ПВО – особые войска. Ни мощные антенны, ни ракеты в городах и селах не поставишь. Жили в хибарках, здесь же возле радиолокационных точек. И жили без удобств, и детей воспитывали, и мужей поддерживали, и много чего еще делали...

По прибытии домой узнали от подружек, что обеих внесли в списки для отправки на работу в Германию. Они же были комсомолками.

Первый набор немцы провели по желанию. Кое-кто согласился. Может, агитации ихней поддался, а может, чувствовал, что все равно увезут. Но такое положение немцев не совсем устраивало. Точнее, совсем не устраивало. И вот через четыре месяца вывозить в Германию стали силой.

– Хрен редьки, Кристина, не слаще. Убежали от немцев с Одессы и попали в их лапы здесь. Что будем делать? Они же нас точно отправят в свою Германию.

– Можем в село податься. У меня там родственники живут.

– Думаешь, немцы там нас не найдут?

– Первое время могут и не найти. А дальше видно будет.

Уже на следующий день с рассветом подружки ушли к родственникам Кристины. Но это их не спасло. Рядом с домом родственников жила сестра Пети-полицая. Он служил у немцев в Розношинцах. Он их и выдал. «Действительно, некоторые свои хуже немцев были», – Миенко повернулась лицом к стенке вагона.

Третий набор немцы собирали долго. В ближайшем лесу уже действовал отряд «Партизанская искра» и многие из молодежи ушли в партизаны. Да и немцам он довольно часто напоминал о себе. Наивные подружки думали, что все уже закончилось, и решили вернуться домой. Только вышли на улицу, а там подвода с полицией. За ними приехали.

«Явно по указивке того Пети-полицая и его сестры. Интересно, куда он потом, как немцев погнали, делся? Я его так больше и не видела. И сестра его куда-то запропастилась. Может, партизаны под шумок оприходовали? Но, тогда бы в селе об этом знали? Да! Запутанная история».

Привезли их в Грушки. Там был райцентр. Привезли и посадили в камеру. Холодина ужасная.

– Слышь, Петя, – просит Кобзаренко полиция. Тогда они еще не догадывались, кто их сдал немцам. – Сообщи в село, пусть нам передадут теплую одежду. Мы же здесь очоченеем. Кто же в Германии работать будет? Немцы тебя за это по головке не погладят, – подкрепила свою просьбу Кристина.

И вот в тот же день под охраной другого полиция их на санях отвезли домой.

«Это, кажись, на Михаила (церковный праздник) было. Снег уже лежал. Да! Зимы тогда настоящие были, не то, что нынче», – вагон заелозил на колесных парах. Раздался пулеметный перестук колес на стыках рельс.

На следующий день к восьми утра их снова привезли в Грушки, только теперь уже на вокзал. Там стояло до десятка теплушек. В них обычно скот перевозили. В вагонах на пол была брошена солома, а сами вагоны полны людей.

А дальше в голове у Миенко все воспоминания пронесли калейдоскопом. Путешествия от станции к станции, тупики и «покупатели», которые даже ощупывали их. Благо, хоть в рот не заглядывали. Потом воспоминания уперлись в какой-то завод. Потом – в картофельную фабрику.

Дальше калейдоскоп воспоминаний озарился каким-то веселым цветом. Она вспомнила тот день, когда они пришли на фабрику, а там никого нет. Ни немцев, ни охраны. А потом воспоминания опять окутались в черную краску. Это, когда их с Кристиной забрали в полицию. Но в полиции их долго не задержали.

Потом их снова водили от одного населенного пункта к другому. Но теперь уже только полицейские. Кормить-то их чем-то надо было. Потом был фермер. А потом воспоминания уперлись как раз в те дни, когда Кристина, познакомившись с военнопленным из Украины, находившимся в уже освобожденном американцами лагере недалеко от райцентра, стала часто бегать в тот лагерь. Потом в памяти снова появились светлые пятна. Их отвезли на Эльбу, а оттуда на лодках перевезли на другой берег. Это уже была Чехословакия. Там они переночевали, а на следующий день их отправили в сторону Праги. С Праги на Садову Вишню. Оттуда поездами, следовавшими на восток, добрались до Хмельницка. Это уже была Украина. С Хмельницка до Рудницы – рукой подать. А там и Подгорная рядом. Так 29 мая 1945 года Миенко и еще несколько девочек-односельчан вернулись домой. В течение нескольких дней вернулись все. Не вернулась только Кристина. Ее ждали месяц, год, два. И никому ничего не говорили. Если бы комитетчики тогда узнали правду, они бы всю семью в лагерь отправили.

«Да! Время было такое», – считая, что восстановила в памяти даже больше чем при написании вместе с сестрой Кристины Дашей письма в программу «Жди меня», Миенко, повернувшись к стенке вагона, момен-

тально уснула. Видно, тяжелые воспоминания здорово ослабили организм.

Приехав в Москву, она не раз по вечерам снова и снова прокручивала в памяти те тяжелые годы. И каждый раз память обрастала все новыми и новыми воспоминаниями. Она считала своим долгом помочь сестре своей подруги. Тем более что попытка поиска Кристины была у них с Дарьей Максимовной не первой.

Желание младшей сестры ее бывшей подруги Кристины, с которой она бок о бок провела почти все военные годы, было для нее неновым. Первый раз Дарья подняла эту тему в 1991 году. И КГБ уже было не то, и связи с Германией лучшие. Миенко сразу подключилась к поискам. К тому времени муж у нее уже год как покинул этот мир. Война, ранения и тридцатилетняя служба в рядах Вооруженных сил СССР взяли свое. Прожил он всего шестьдесят семь лет. Будучи уже полковником, за пять лет до увольнения его перевели служить в Московский округ ПВО. Там и квартиру получили.

Вот тогда Наталья Дмитриевна снова рьяно включилась в поиски. Писала письма в архивы МО СССР, во все организации по линии Красного Креста, и вообще. Но все было тщетно. Отовсюду ответы приходили до обидного одинаковые. «Сведениями о судьбе Кобзаренко Кристины Максимовны 1925 года рождения, уроженки с. Розношинцы Ульяновского района Кировоградской (бывшей Одесской) области после окончания войны не располагаем».

На этом поиски прекратились. И только потом, после развала Союза, когда немцы выделили приличную сумму денег для выплаты бывшим оstarбайтерам и в республиках бывшего СССР стали составлять списки таких людей, доживших до этого времени, у Дарьи Максимовны снова появилась надежда. Во вновь образованных самостоятельных государствах для этого стали создаваться специальные организации. На Украине тоже была создана такая организация. Правда, с руководителем не повезло. Приличная часть выделенной немцами валюты благополучно исчезла с украинских счетов. Начавшееся международное расследование добралось до организаторов этих махинаций. Естественно, ничего кроме позора государству это не принесло.

Дарья Максимовна созвонилась с Миенко. И снова пошли письма. Правда, теперь уже в организации, созданные для проверки фамилий включенных в списки оstarбайтеров. Списки эти проверялись специальными службами в Германии. Именно на это и уповали обе женщины из с. Розношинцы. Туда и отправляли они свои послания. В надежде, что где-то в списках отправленных в Германию появится фамилия и Кобзаренко Кристины Максимовны.

Но и тут их ждала неудача. Ни в одних списках такой фамилии обнаружено не было. И вот теперь последняя надежда была на программу «Жди меня», которую обе еженедельно смотрели по телевизору. И не просто смотрели, они душой были там, в студии, радовались за каждый

счастливый исход в поисках пропавших, и плакали, плакали, плакали. Но это были слезы умиления.

...В середине октября, ровно через месяц после отправки письма, Дарье Максимовне позвонила Миенко.

– Даша! Здравствуй! Это я! Ну, как ты там? Как здоровье? Палку свою еще не бросила? Как твои ноги?

– Здравствуй, Наталья. Молодец, что позвонила. А что у меня может быть нового? Все, как и было. А с палкой своей я уже, наверное, срослась. И в гроб с ней лягу.

– Что-то ты себя рано хоронишь. Ты же моложе меня на четыре года. Сначала, дорогая, меня похоронить должна. И вообще, ты мне брось заупокойные речи вести. Я тут, в Москве, наведывалась на один железно-дорожный вокзал. Там киоск от программы «Жди меня».

– Неужто Кристинка наша отыскалась? А почему мне ничего не сообщили? Где же она?

– Да погоди ты! Назадавала кучу вопросов и думаешь на все получить от меня ответы? Я же не Маша Шукшина. И тем более не Игорь Кваша. Ничего пока не ясно. А тебя они пригласят только тогда, когда полная картина прояснится. Когда они там все уточнят, все сойдется... Думаешь, это просто?

– И сколько мне ждать придется?

– Ну ты, Даша, и даешь? Да откуда я могу это знать? Если хочешь, приезжай на пару недель ко мне, пойдем с тобой на программу, там все и выясним. У тебя на это прав больше. Ты как-никак родную сестру ищешь. А я просто так, сбоку припека. Как говорится, при сем присутствую. Так как? Приедешь?

– Ой, боюсь я, Наталья. Такой путь, такой путь...

– Какой путь? Сядешь в Одессе на поезд и до самой Москвы. А в Москве я тебя встречу. Деньги на билет есть? Бери в одну сторону. На обратную дорогу я тебе билет отсюда возьму. Опять же неизвестно когда что прояснится. Что решаешь?

– Еду! Возьму билет – позвоню.

– ...Добрый вечер! Кого вы ищете? – спросила Маша Шукшина, подойдя к очередному зрителю в студии. Это была Дарья Максимовна. После приезда в Москву, как и обещала Миенко, они попали на одну из съемок программы «Жди меня».

– Я-я-я... – не отрывая платка от глаз, то ли уточняя, то ли отвечая, прошептала она.

– Успокойтесь. Может, водички? – трогая женщину за плечо, переспросила Маша.

Ведущий передачи «Жди меня» Игорь Владимирович Кваша поднялся из-за своего столика, наполнил стакан газировкой и подошел к женщине. На столике, установленном на подиуме, виднелась приличная горка писем.

– Выпейте водички и успокойтесь. Все будет хорошо. Расскажите нам свою историю. Кого вы ищете?

– Я ищу свою старшую сестру, – глотая слезы, с трудом ответила Дарья Максимовна. Явно благодаря стакану выпитой воды.

– Вот и хорошо, – поглаживая женщину по плечу, продолжала успокаивать ее Маша.

– Расскажите нам все, что вы знаете о своей сестре. Как ее звали, когда и как она пропала, как ее фамилия... – возвращаясь на свое место, Кваша пытался помочь женщине сконцентрироваться.

– Все. Все, Даша. Не плачь. Глядишь, найдется твоя сестра и моя подружка, – сидевшая рядом Наталья Дмитриевна тоже пыталась успокоить плачущую.

– Ее девичья фамилия Кобзаренко, как и моя. А зовут Христина, – плачущая назвала сестру на украинский манер не Кристиной, а Христиной. – Кобзаренко Христина Максимовна, – путая украинский с русским, продолжила женщина. – Родилась она в 1925 году. А я – в 1929-м. В селе Розношинцы Ульяновского района Кировоградской области.

– А вы, стало быть, Дарья Максимовна? – уточнил Кваша.

Дарья Максимовна молча кивнула головой, потом, оторвавшись от платка, уточнила:

– В селе меня все Одаркой зовут.

– Значит, вы приехали из Украины, так? – иногда ведущий с удовольствием вставлял в разговор простые украинские выражения. Исключительно из-за уважения к народу соседнего государства, ну и еще, так сказать, для связки слов.

– Из Украины, – продолжила женщина. – По мужу моя фамилия Иванова. Мы теперь в Белгороде-Днестровском живем. В семье нас было трое. Христина, я и младший брат, Петро. Он родился на пасху перед войной, в сороковом. Отец наш умер в пятидесятом. В январе 1945 года он был тяжело ранен под польским городом Ясло и с того времени так и не смог оклематься. Мать одна воспитывала нас с братом. Ох, и тяжело было. Особенно, сразу после войны. Брат Петро в тридцать лет помер от сухоты. После его смерти мать совсем сдала. Весной семьдесят первого похоронила я ее. Все вспоминала Христину. Ее ведь немцы в сорок втором в Германию угнали. Так с Германии она и не вернулась. С тех пор мы о ней ничего не знали. В конце сорок пятого стали возвращаться домой те, кого немцы силой вывезли в свою Германию. Многие вернулись. Вон и она вернулась, – кивнула Дарья Максимовна на сидевшую рядом женщину. – Они подружками были, с детства дружили. Она и рассказала нам о Христине, – смахивая набежавшую слезу, женщина показала на свою соседку.

– А как вас зовут? – с подиума снова раздался голос ведущего.

– Меня? Натальей Дмитриевной. Миенко Наталья Дмитриевна. Мы с Кристиной подружки были. Когда началась война нам в аккурат по шестнадцать исполнилось. Вместе с ней и в Германию попали. Вдвоем с Кристиной к одному фермеру попали. Но это уже потом, весной сорок пятого было. А до этого мы на заводе работали. Двигатели к самолетам собирали. Этот фермер свиней разводил. Много свиней у него было. Да и не только свиньи. Коровы, лошади...Ох, и намыкались мы с подружкой.

Кормили плохо. Спали вместе с худобой, — Миенко незаметно даже для себя тоже перешла на украинский. Мало того, употребив в конце сельский сленг.

— Вместе с кем? — переспросила Маша.

— С худобой. В смысле, со скотиной. В сарае. У того фермера сарай был большой. Даже не сарай, а большой хлев. Коровы, свиньи...

— Так вы говорите, что вашу сестру немцы в сорок втором в Германию угнали? А это не вы нам недавно письмо прислали? Что-то я такое вспоминаю.

— Именно так.

— В письме вы вдвоем все подробно описали. Но я думаю, что не лишнее будет повторить. Нас же смотрят во многих странах мира. Показ вас на экране, тем более живой рассказ, думаю, помогут нам в поисках. Продолжайте. Только если можно, покороче. Побольше фактов, — обратился ведущий уже к Миенко. — Как я понимаю, именно вы больше знаете ту историю?

— Я постараюсь. Осенью дело было. Как раз на Михаила, праздник такой церковный есть. Погрузили в скотские вагоны, бросили туда соломы и повезли. Представляете, неделями везли, почти без остановок. А там, где останавливались, — с вагонов не выпускали. Вагоны для нас были всем, и столовой, и спальней, и ... В общем, все в вагонах делали, прости меня Всевышний. А по пути к нашему составу другие вагоны прицепляли. Там не только украинцы были. Разных национальностей. Мужики, женщины, дети.

— И откуда вас немцы вывезли? Где в вагоны грузили? Поймите, Наталья Дмитриевна, любая мелочь может нам очень помочь в поисках, — Шукшина вела передачу через «петличку», удерживая студийный микрофон ближе к лицам двух старушек.

— В вагоны нас грузили в Грушке. Там узкоколейка была. Наше село входило тогда в Грушкинский район. А район наш в те времена Одесской области подчинялся. Это потом, когда Кировоградская область появилась, район переподчинили туда. А в село Грушки — на телегах, кто издалека, а многих — пешком. Кого как. Естественно, под охраной местных полицейских.

— А дальше? Как вы в Германию попали? Как город назывался, в котором вы на заводе работали? И как вы потом к тому фермеру попали? — продолжая удерживать микрофон перед сидевшими, Шукшина периодически задавала наводящие вопросы. Она понимала, что в такой ситуации логически построить ответ, в котором все было бы ясно, — невозможно. Тем более простым сельским жителям да еще в таком эмоциональном состоянии. Она же не знала, что Миенко живет в Москве.

— 22 ноября доехали мы до Рудницы. В Рудницах заставили пересест в другие вагоны и довезли до Перемышля. В Перемышле — баня и комиссия. Там нас немцы даже за людей не считали. И парней, и девок в одну баню. Ужас. Сами немцы ходят и смеются. Потом снова посадили в вагоны и повезли дальше. На очередной станции загоняют вагоны в тупик, а

там уже «покупатели» ждут. Точно, как скот на базаре. Из нашего района нас было двадцать четыре девчонки. Мы как вцепимся друг в дружку, нас не разорвать. Все хотели к одному хозяину попасть. Так и доехали до какого-то немецкого города. Вроде Рейн назывался. Только названия городов я уже очень смутно помню. Давно это было. Вот в том городе мы и попали на завод по сборке двигателей к самолетам. На нем и проработали до 1944 года. А в 1944 году на этот город часто стали американские самолеты налетать. Не так бомбили, как страх наводили. Налетят, как стая ворон, и носятся в воздухе. В наш цех попала бомба, и нас двенадцать девчонок, были там еще и немцы, и другие национальности, под руководством фрау Кланте отправили в другой город. Ее свекор был вроде хозяином того завода. А муж у этой фрау погиб на советском фронте. Бог правду узрел, прости меня господи.

— Названия того города вы, конечно, не помните? — Игорь Владимирович все пытался выйти на какие-то реальные названия.

— Точно не помню. То ли Заарау, то ли Зарау, а может, и как-то по другому.

— А в том городе, что вы делали?

— То же самое, двигатели собирали. Как сейчас помню, там цеха большие были. До этого в тех цехах картофельная фабрика была. Запах картофеля все равно оставался. Уж очень этот запах нервы наши щекотал. Желудок на него моментально реагировал. Постоянно есть хотелось. Кормили-то ведь нас, чем и как попало. Недалеко от этого населенного пункта город был. Вроде, Бреслау. А может, и как-то по-другому...

— А как вы к фермеру попали? — видя, что говорившая все пытается вспомнить название города, Шукшина, исключительно с целью экономии эфирного времени, решила сменить направление мыслей Натальи Дмитриевны.

— К фермеру? Очень просто, — Миенко, недавно освежив свою память, отвечала bravо. Вот и это получилось у нее так буднично, будто речь шла о переходе на работу с одного предприятия на другое. Причем в своем родном городе и по собственному желанию. Будто случилось это совсем не в грозные дни войны, когда грош цена была жизни любого оstarбайтера. И это совсем не пустые слова. — Этот город тоже бомбили. Только бомбили его уже наши. Как только начинается бомбежка, фрау бежит и кричит: «русские ком, ком». И показывает на небо.

По студии прошел легкий смешок. Напряженная обстановка слегка разрядилась. Даже Дарья Максимовна, оторвав платок от глаз, попыталась изобразить на лице что-то наподобие улыбки.

— Приходим мы в один прекрасный день на завод, а там ни хозяев, ни нашей охраны. Фрау подходит к Кристине и просит донести чемоданы на вокзал. Она ведь тогда в теле была, фигурой ее Бог не обидел.

По студии опять прошел смешок. Ни Шукшина, ни ведущий Игорь Владимирович Кваша не пытались остановить Миенко. И причиной тому было не только желание набрать побольше фактажа (глядишь, кто-то из зрителей что-то вспомнит и дополнит воспоминания ищущих, что, естественно,

непрерывно поможет в поисках) или дать Дарье Кобзаренко-Иванковой и ее соседке Миенко выговорится. Отнюдь нет. То есть не только в этом. Причина была еще и в том, что эфирное время передачи заканчивалось. И Игорь Владимирович своей интуицией чувствовал, он даже был на все сто процентов уверен в том, что окончание рассказа обязательно совпадет с окончанием эфирного времени. Такое чувство бывает только у специалистов с большим опытом работы. Причем именно в этой области. Когда беда рассказчика проходит через твою душу, через твое сердце.

– На следующий день на завод мы уже не пошли. И тут подходит к нам одна фольксдойче. Это мы ее между собой так звали. Ох, и продажная шкура была. Родом она откуда-то из-под Львова была. Разговаривала и по-украински, и по-польски, и по-немецки. Подходит она к Кристине: «Где твоя повязка?» Мы должны были на рукаве постоянно носить повязку «Ост». А Кристина не одела. Не дожидаясь ответа, она ее раз и по морде. Кристина, недолго думая, ответила. Причем так, что эта фольксдойче тут же с копыт.

В студии смеялись уже все. Причем в голос. Явно с гордостью за своих, пусть даже и представителей теперь уже соседнего самостоятельного государства.

– Та поднимается и бегом в полицию, – продолжила Наталья Дмитриевна, чувствуя поддержку всей студии. – В полицию забрали и Кристину, и меня. Мы ведь всегда вместе держались.

– И долго вас там продержали? – Игорь Владимирович все чаще поглядывал на часы.

– А нас и не сажали. Знаете, что нам ответил немецкий полицейский? Надо было, говорит, бить так, чтобы никто не видел. И отпустили. Немцы тоже не очень уважали таких. Продавший единожды – ненадежный человек, – Миенко даже улыбнулась от такой гениальной философской мысли, пришедшей на ум. – А чему удивляться? Даже среди нас, украинок-рабынь, были стервы. Местные немцы пытались нас, девчонок, державшихся все время вместе, иногда подкармливать. То хлеба принесут, то картошки. Они же видели, как нам девчонкам тяжело работать. А эти, работавшие с ними девицы с западной Украины, сразу закладывали об этом той фольксдойче. Но после того случая с дракой она исчезла. Еще через неделю полицейсы собрали нас и стали водить от села к селу. Предлагали богатым немцам. Кормить как-то надо было. По пути мы меняли на продукты все что имели. Да что у нас было?.. Одна одежда рваная. Так мы добрались до юга Германии. Правда, в небольшом уже количестве. Остановились на окраине одного райцентра. То ли Швайбниц, то ли еще как. Убей, не помню. Как раз на окраине и жил тот самый фермер. У него уже работало двое таких, как мы. Аня с Черновиц и один поляк. Там мы были недолго.

– Хорошо! А как же вы расстались? Все годы были вместе, а под конец расстались, а? – Кваша даже приподнялся со стула и вышел на середину подиума.

– Как, как? Очень просто. Недалеко от этого городишка немецкий лагерь военнопленных был. С этого лагеря пленных тоже на какой-то завод водили. Его потом американцы освободили и сделали из него фильтрационный лагерь. Когда мы у этого фермера начинали работать, Кристина познакомилась с одним пленным из того лагеря.

– Он что, был из вашего села?

– Не-е. Даже не из нашего района. Из Ровно. Только не родом. Работал он там. Или служил...

Сидевшая рядом Дарья Максимовна постоянно вытирала появляющиеся на глазах слезинки. Она тупо смотрела куда-то в пол. Излагаемую Натальей Дмитриевной историю знала уже наизусть.

– Так они что, полюбили друг друга? – попыталась уточнить Маша Шукшина.

– Ага.

– А как его звали? Он что, военнопленный был? Солдат, офицер? Может, рассказывал, где в плен попал, когда? В каких частях служил? – продолжал спрашивать Игорь Владимирович.

– Этого я не знаю. Кристине, может, и рассказывал, только мне она об этом ничего не говорила. А звали его Александр.

– Так уж и ничего. Знаю я вас, женщин. Да чтоб подружка подружке ничего о своем парне не рассказала? – Игорь Кваша, явно чтобы еще больше разрядить обстановку в студии, с хитринкой прижмурил левый глаз, улыбнулся.

– Ну почему? Конечно, рассказывала. Говорила, что ее Саша вроде офицером был. Даже звание называла. Будто лейтенант. А служил он в органах. Что в самом начале войны вместе с другими он выполнял какое-то особое задание. Но попали они сначала под бомбежку, а потом в засаду. Все погибли, он один остался. Партизанил. Был ранен и попал в плен.

– А вы этого Сашу видели? Сколько ему лет тогда было?

– Кристина говорила, что ему тогда вроде лет двадцать шесть было. И что был он с бородой и усами. Говорила, что очень симпатичный.

– Они что, действительно полюбили друг друга? – Маша Шукшина с таким удивлением второй раз задала этот вопрос, будто в военное время понятие о любви само собой из жизни автоматически вычеркивалось.

– Естественно, полюбили. А что тут такого? – по взгляду Натальи Дмитриевны легко было догадаться о нелепости вопроса.

– А когда вы уехали домой из того города?

– В конце мая.

– И что вы делали там аж до конца мая? Почему сразу не вернулись домой?

– Пока то да се... Опять же, все думала, что Кристина тоже вернется. Ядра – это был главный немец в райцентре – дал команду нашим хозяевам, что бы те отвезли нас на Эльбу. Так потом и вышло. А с этого берега Эльбы на другой нас на лодках перевезли. Но это уже была Чехия. Ночь мы переночевали на какой-то станции, а на следующий день нас отправили в сторону Праги. С Праги на Садову Вишню. Там был пере-

сылный пункт. Допросы, допросы и еще раз допросы. Свои и допрашивали. Потом выдали справки и отправили на станцию. Оттуда мы первым возможным поездом и отправились на восток. Доехали до Хмельницка. Потом добрались в Рудницу, а там и Подгорная рядом. 29 мая 1945 года я была уже дома.

– Как я понял, домой вы вернулись уже без Кристины, да? – явно от нетерпения потирая большим и указательным пальцами левой руки подбородок, уточнил Кваша.

– Без. Кристина осталась со своим Сашей.

– И больше вы с Кристиной не виделись?

– Не виделись.

– Хорошо! А фамилию Саши вы не помните?

– Я ее и не знала. Кристина мне не говорила. А может, ей Саша запретил?

– Значит, ее друг боялся, что дома его расстреляют. То, что он работал в органах, – это меняет суть дела. То есть этот факт может оказать существенную помощь в поисках вашей сестры, Дарья Максимовна. Как вы считаете, Наталья Дмитриевна, куда, по-вашему, могли деться Кристина и Саша?

– Может, в Европе остались, может – в Америку уехали, а может, и куда подальше.

– Конечно. В таких фильтрационных лагерях постоянно работали энкавэдэшники. Так что если он чувствовал за собой вину, вполне мог свое прошлое и не афишировать. В этом я полностью с вами согласен. Значит, вы подтверждаете тот факт, что Александр мог быть сотрудником НКВД или госбезопасности? – ведущий программы «Жди меня» явно уже выстраивал план поиска. – А фотографии у вас какие-либо есть?

– Только довоенные. Даша, покажи фотографии, – Дарья Филипповна достала небольшой затертый конверт и вытащила из него несколько фотографий.

– Вот это наши родители, а вот это мы с Христиной. Ей тогда лет двенадцать было. А вот на этой фотографии Христина с Натальей. Это уже было в аккурат перед отправкой в Германию.

– Покажите фотографии оператору. Мы их всем покажем. А с Германии фотографий у вас нет?

– В Германии нас никто не фотографировал. Не до фотографий было. Там присесть некогда было. Иногда руки отваливались, ноги не держали... На износ работали. А кто плохо работал, тех не кормили, да еще и били. Хозяйка так сразу за волосы хватала. Ох, и здоровая была. Шире, чем длиннее.

По студии прошел смехок. Кваша с Машей тоже улыбнулись.

– Вряд ли и Сашу немцы в лагере фотографировали. На доску почета что ли? Так в лагерях их не было, – продолжила в том же духе Миенко.

Присутствовавшие в студии снова засмеялись.

– Ну что ж, будем надеяться на лучшее. Нашу программу на сегодня смотрят во многих странах мира. В том числе и в Америке. Если ваша

сестра жива, может, и откликнется. Вполне возможно, что кто-нибудь из тех, кто был тогда в том лагере, тоже вспомнит Крестину и Сашу. А может, сам Саша увидит передачу и откликнется. А что? Ему теперь нечего бояться. Столько лет прошло. Есть такое понятие в юриспруденции, как срок давности. Да и комитетчиков-энкавэдэшников давно уже нет. Посмотрев нашу передачу, позвонит в студию и что-нибудь добавит к вашему рассказу. Глядишь, общими усилиями найдем мы вашу сестру. Наш телефон в Москве 937 99 92. Звоните нам. Все что мы выясним из нашего поиска, мы расскажем вам в ближайших передачах. Ищите друг друга. Несмотря ни на что. И ждите. Чтобы ни случилось.

Два дня спустя после аварии

(Санаторий «Поляна». Закарпатье)

Телефон в 233-ем номере звонил не умолкая. Было слышно даже на первом этаже. В уголке, где сидела солидная дама в белом халате. Нет. Он не звонил в обычном понимании этого слова. Он разрывался каким-то громким скрипом. Будто железом по стеклу. Дежурная уже собралась было подняться на второй этаж и устроить жильцам приличный разнос. «- То они «гудят» до пяти утра, то спят без задних ног», – гундосила она с самого начала. Но тут все стихло. Явно трубку в номере, наконец, подняли.

– Слушаю вас!

– Это «Поляна»? Санаторий? Номер 233? А мне нужен Илья Бенедиктович. Он есть или его уже нет?

– Как вам сказать, Иван Васильевич?

– А это кто со мной разговаривает? И откуда вы меня знаете?

– Думаете, если вы уже на заслуженном отдыхе, то вас никто кроме вашего бывшего подчиненного и не узнает? Ошибаетесь. Любимый уважающий себя сотрудник нашего министерства, один раз услышавший ваш хриплый голос, никогда его не забудет. Если он, конечно, настоящий сыскарь. А вот меня вы вряд ли помните. Я из Киевского главка, но наши пути с вами как-то пересекались. А Васюта ваш пока на месте. Вон он трубку прямо из рук вырывает.

На счет вырывания трубки говоривший слегка преувеличил. Прошло определенное количество даже не секунд, а десятков секунд, пока подполковник милиции Васюта, начальник отдела по раскрытию особо важных дел ГУБОП МВД, взял трубку.

В этот санаторий они с майором попали в один день. У обоих были проблемы с желудком. Правда, у Васюты эти проблемы имели сугубо внутренний раздражитель, квалифицированный врачами как хронические гастрит, дуоденит и чуть ли не язва. Не будем уточнять, что периодическим возбудителем этого раздражителя был сам хозяин. Добавим только, что причины появления такого раздражителя в желудке хозяина были до обид-

ного простые. Чего не скажешь про «сожителя», как в шутку называл майора Илья. Два месяца тому при задержании вора-рецидивиста на станции Оболонь Киевского метрополитена, классически «чистившего» квартиры богатеньких киевлян с помощью их же, купающихся в роскоши отпрысков, Виталий Львович получил проникающее ножевое ранение в живот. Но даже раненый он успел зашелкнуть «браслеты» на руках преступника. Грамота от начальства, медаль от президента – вот и все, на что мог рассчитывать майор после операции. Но тут в его судьбу вмешались те самые богатенькие киевляне, которых обчистил или собирался обчистить рецидивист и иже с ним. Именно они выбили для него не только двадцать четыре дня дополнительного отпуска, но и выделили оплаченную путевку в этот самый санаторий. А если дотошно поковыряться в подноготной их поступка, то запросто можно нарыть и несколько увесистых конвертов. Не будем уточнять, кому и что было в этих конвертах. Естественно, не прапорам-охранникам и не с поздравительными открытками. Чтобы машина по раскрытию преступления серьезно заработала, главные колесики в ней надо периодически смазывать. Тут и к бабке ходить не надо. Такова на данный момент в Украине, как говорят французы, се ля ви.

Врач, оформлявший их прибытие, тут же предложил двум таким «VIP-персонам» номер «люкс». Правда, за дополнительную плату. Оба согласились и спустя минут двадцать благополучно поселились в номер. «Люкс» состоял из комнаты, спальни с двумя кроватями и ванной, совмещенной с санузлом. Номер был просторным. Чуть-чуть не дотягивающим до заграничного пятизвездочного. А вот сервировка желала намного лучшего. Старенький диван с цветным покрывалом, какие-то вылинявшие тряпки у дивана, в обязанности которых явно входила имитация персидского ковра, сервант с кое-какой посудой, раскладной стол, тумбочка с телевизором и тем самым телефонным аппаратом, имевшим сегодня наглость так рано потревожить своих жильцов.

Телефон звонил так долго, что Васюта, вынырнув из-под пододеяльника, издал такое витиеватое выражение, затмившее своими этажами весь высотный корпус, в котором они имели честь остановиться.

– Нет, Илья. Чтоб я так жил, звонит междугородка. А если это Киев? Придется подняться, – констатировал майор, направляясь в комнату.

– Неужели нельзя было поставить и в спальню параллельный аппарат? Тоже мне «люкс» называется. Меня нет и до обеда не будет. Пусть хоть с Банковой требуют, – на всякий случай предупредил Васюта майора, снова с головой ныряя под одеяло.

Но не тут-то было. Буквально через пару секунд ему снова пришлось выныривать. Но теперь он даже не возмущался. Во всяком случае, по его внешнему виду это не наблюдалось.

– Доброе утро, Иван Васильевич! Чего это вдруг вам не спится? Сносная пенсия, чистый воздух Карпат и прекрасная жена, что еще нужно в вашем возрасте? – продолжил он спустя мгновение.

– И чего бы это меня на лирику потянуло? «Белое солнце пустыни» вспомнил? Явно толковая компания случилась, а? Только не пойму я, где

это тебя вчера весь день черти носили? Дозвониться до тебя не мог. Никак оторвался от Натальи Спиридоновны и в заул ударился? Думаешь, откуда я звоню?

– Из Рио-де-Жанейро.

– И совсем не смешно. Стою на автостанции в Мукачево. И заметь, трезвее не бывает.

– Иван Васильевич, а вы не могли бы со своими вопросами подождать хотя бы до после обеда? И прекратите наступать коту на хвост!

– Какому коту? Тут нет никакого кота. Это же автостанция, а не живодерня какая-то. А что, ты хотел, чтобы я с кладбища звонил? Где только мертвые с косами и тишина?

«Лучше бы вы оттуда звонили, – в хорошем смысле этого слова подумал Илья, а в слух уточнил: – Тогда кто это там так вопит?»

– Не вопит, а объявляет. Это дикторша, уважаемый. Должен же кто-то доводить до сведения пассажиров, откуда, куда и когда будет отправляться очередной автобус. Только ты так и не ответил на мой вопрос.

– Это в смысле «куда меня черти носили»? Да, так... С Виталием, вот, пришлось по случаю на одно мероприятие выезжать. Пойдите, пойдите. Ставлю зеленъ с портретом Рузвельта против вашей пенсионной гривны, что вы мне именно поэтому поводу и звоните. Скажите, что я ошибся?

– Я в отличие от тебя лишней сотней баксов не располагаю. Однако далеко пойдешь, подполковник. Если тебя вовремя, конечно, не остановят. Значит, ни я, ни генерал Подоляко в тебе не ошиблись. Поди, на место аварии государственного масштаба выезжал? Так ты же на отдыхе.

– А вас-то кто об этом ДТП проинформировал? Причем так оперативно? По большому счету чуть больше суток всего прошло. Хотите мне пару лишних версий подкинуть? Не выйдет. Я ведь не только отдыхаю, я еще и кое-какие процедуры принимаю. Иммуитет свой поднимаю. И путевку мне досрочно никто пока не прерывал. Смотрите не накаркайте.

– Оно и видно. Во время официального отдыха, дорогой мой, на место простой аварии не выезжают. Тем более, если мне не изменяет память, эта авария совершена километров за шестьдесят от твоего санатория. Да и профиль твоей работы отнюдь не гаишный. Ты лапшу можешь школьникам на уши вешать. Только учти, за них дают больше чем они весят. Ха-ха-ха.

– И почему вас это ДТП так заинтересовало?

– Во-первых, об этой аварии я узнал из сообщения в газете «Факты» за вчерашнее число. Ты случаем этот номер не читал?

– Не читал. А во-вторых?

– А зря, товарищ подполковник. Информация, между прочим, заслуживает внимания. Особенно если ее очень внимательно читать между строк. Если бы ты читал, то не спрашивал бы «во-вторых». Ты, кстати, один в номере?

– А вот это уже действительно глупый вопрос. До меня по телефону с вами виртуальная личность разговаривала, что ли?

– Считай, один-один. Но учти, счет продолжается. Как ты думаешь, куда я собираюсь отправиться?

– На Северный полюс. К белым медведям. Они вас там ждут не дождутся.

– А вот и не угадал. В «Поляну». Так что скоро буду у вас. Извольте встретить как положено, товарищ бывший подчиненный!

Васюта хотел что-то сказать, попросить Каша перенести свой визит на более позднее время, хотя бы на после обеда, но в трубке уже слышались только короткие гудки.

– Черт! Считай, последняя неделя отдыха накрылась. Даже больше. Эх, если не повезет, то и... с родной сестрой в «халепу» встрянешь, – посмотрев на часы, пробурчал Илья. – Неужели этот раздрай – итог наших посиделок с местными и областными гаишниками? – промолвил он в глубоком раздумье. – Нам с тобой, Виталий, ударить лицом в грязь никак не годится. Как говорится, протокол обязывает. Чем мы располагаем на данный момент?

– Считай, ничем. «Хортицы», правда, еще полбутылки осталось. А вот на счет закуси – одни воспоминания. Если не считать полбанки кофе да грамм двести сахара.

– Значит так, майор. Наведением порядка я займусь лично. Твоя задача: сгонять на базар, купить кое-каких овощей, потом навестись в местный супермаркет и добавить к ним хлеба, колбасы, масла, сыра. Что еще? Да! Пару пузырей газировки и, естественно, водочки.

– Какую брать? Опять «Хортицу»?

– Не-е, дорогой. Мой бывший шеф знает, какую водку уважает? Ни в жизнь не догадаешься. «Перцовочку». И чтоб в бутылке обязательно покоились три стручка перца.

– Сколько брать?

– Как всегда, по бутылке на брата и одну в резерв. Только учти, от Мукачева до Свалявы не больше тридцати минут езды. Даже с учетом наших наглых украинцев.

– Расшифруйте.

– А тут и расшифровывать нечего. Хохол, ожидая автобус, никогда не подойдет к нему, если он остановился метров за десять. Он будем ждать пока водила не соизволит подъехать. Секешь, какая наглость. Хоть возле каждого столба останавливайся. Так вот, а от Свалявы до «Поляны» – вообще ничего. На одном вдохе можно пробежать. Пару минут – и ты уже здесь. Вот и считай, в твоём распоряжении не больше двадцати-двадцати пяти минут. С умыванием и одеванием.

– Так...

– Ага! А приготовить, стол накрыть? В общем, чем быстрее ты отправишься, тем раньше появишься. Как тебе моя философия? Хоть бы горячая вода была.

... Время Васюта рассчитал правильно. Ровно через сорок пять минут возле ворот главного входа в санаторий остановилась дутая иномарка, из которой, совсем не напрягаясь, вышел мужчина.

– Что я тебе говорил? Пошли встречать. Вон он из тачки выходит, – дернул коллегу за плечо Илья. – Самое интересное, это не такси. Или водила «кастрюлит» втихаря, или мой бывший шеф знакомого напруг. Вполне возможно, что и свое служебное удостоверение при сдаче должности он мог заныкать. Такие, как он, не пропадут.

Возле охранника они простояли не больше трех минут.

– Здравствуйте, Иван Васильевич! Как доехали? А вы ничуть не изменились.

– А ты что хотел, чтобы я за полгода пребывания на пенсии сразу в старика превратился? Видишь, сколько седины прибавилось? А это кто рядом с тобой? Это и есть та самая виртуальная личность, с которой я имел честь разговаривать по телефону? Ну, здравствуйте, уважаемый. В каких чинах будете? За какой фирмой числитесь? И не напомните ли старику, где это наши пути-дорожки с вами пересекались? – после соответствующих лобызаний с Васютой Кашай повернулся к майору.

– Хрущ Виталий Львович. Но для вас, Иван Васильевич, просто Виталий. А числюсь я за «угро» ГУ МВД Киева. Старший оперуполномоченный.

– А звание? Звезд на погонах поди как игрушек на елке, нет?

– Всего две. Но, большие. Правда, по одной на каждом. А пути-дорожки наши с вами пересекались в Киеве, в супермаркете «Осінь». Помните такой? Вы там фрайерка одного тормознули. Он кассу в том самом супермаркете ломанул был. *(Подробно об этом описано в романе «Кровавый киднеппинг»)*.

– Подожди, подожди! – перебил Виталия Кашай. – Там еще Толик Грищенко был, полковник из главного управления уголовного розыска и, кажись, еще кто-то, нет?

– Мой начальник. Игорь Павлович Ганнущенко. Начальник нашего РОВД.

– Точно. А ты, стало быть, тот самый капитан, начальник «угро» того самого РОВД?

– Замначальника, Иван Васильевич. Я тогда был только заместителем начальника «угро».

– Ага! Вон оно как судьба распорядилась. Тогда ты, стало быть, был капитаном, а сегодня майор. Уже, значит, майор. Шустро, однако. И где ваши хоромы?

– А вон в том корпусе.

– А мы в «люксе» живем, – похвастался, как школьник, Виталий.

– Значит, бабок у вас куры не клюют. Вот почему ты, Илья, даже по телефону на столынь баксов спорить меня подбивал?

Через минут десять все трое поднялись в номер. Войдя внутрь, Кашай с порога стал как вкопанный. Его поразила стол.

– Это что, у кого-то из вас день рождения? У Ильи точно нет. У него, дай Бог памяти...

– Не насилюйте извилины, шеф. Смыла нет. Это не в честь рождения.

– Тогда это в мою честь? Ну спасибо! Ну уважили старика! А я, честно говоря, слегка проголодался.

– В таком случае, мойте руки и за стол. Как говорится, что Бог послал.
– Щедрый у вас Бог, мужики. Слюнка так и грозитя удавкой гортань перекрыть. Даже «Перцовку» нашли? В таких гостях грех не остаться на ночь.

Первую приняли под общепринятый тост. За встречу, а вторую – за углубленное знакомство с Хрущом. И только после третьей Кашай начал разговор.

– Ты в двух словах можешь проинформировать о той аварии? Уж больно она меня заинтересовала. Если, конечно, это не представляет никакого секрета, – внимательно посмотрев на майора, уточнил Иван Васильевич.

– Оно вам надо? Забывать себе голову всякими нехорошими вещами? Тем более на заслуженном отдыхе. В вашем положении здоровье поправлять нужно, а не всякими ДТП интересоваться. Кстати, почему вы это происшествие все аварией называете? Если мне не изменяет память, авария и ДТП – одно и то же. И там, и там всегда есть виновные и пострадавшие.

– Мне так нравится. Не цепляйся к словам.

– А что рассказывать? Обыкновенное ДТП. Кстати, на ДТП мы выезжали вдвоем с Виталием. Так вот, к вершине перевала подъем довольно крутой. Погода в тот день была паршивая. Весь день то снег с дождем, то дождь со снегом. Не февраль, а черти что. Дорога, естественно, скользкая. Водитель явно уставший, если не сказать большего. На какую-то долю секунды вырубился, джип зацепил обочину, вильнул, его развернуло, и он напрямую устремился с трассы вниз. Пока кувырчался до самого низу, туда минут пять лететь, это же перевал и склон в том месте чистый, без всяких кустарников и деревьев, горячее попало на коллектор, машина вспыхнула. Потом рванул бензобак. Вот и вся информация.

– Ага! И как небольшой довесок к аварии два обгоревших трупа, да? Это твое мнение или гаишников? И что по этому поводу думает твой коллега? Между прочим, данные, что джип направлялся на перевал, а не в обратном направлении проверены?

– Вы и про трупы знаете? Поди, все из тех же «Фактов»? То, что тачка направлялась на перевал, – проверено.

– Нет! Подглядывал в прибор ночного видения прямо с квартиры в Ужгороде. Не смеши меня, старика. Так я не слышу ответа еще на один вопрос!

– На счет мнения? Во всяком случае, Иван Васильевич, веских доказательств, чтобы опровергнуть версию гаишников, у нас с Виталием на данный момент нет. И вообще, почему вы считаете, что раскрытие этого дела поручат мне и Виталию?

– А вот в этом, товарищ подполковник, я готов с вами поспорить на ту самую бумажку с портретом Рузвельта. Ты еще не передумал? То-то же. Экспертизу останков трупов провел? Есть результаты, что ты так уверен в версии алкогольного опьянения?

– Результаты будут не раньше завтрашнего дня. Обугленный джип, кстати, тоже отправили на лабораторное обследование, – подсуетился Хрущ.

– То, что от него осталось, – тихо прошептал Кашай.

– Что вы говорите? – переспросил майор.

– Я говорю, то, что от него осталось. И куда отправили? В Ужгород? Так в нашем областном центре для такого дела толковой лаборатории нет.

– Ну почему сразу в Ужгород? Обгоревший джип отправили в Киев. Дело ведь взято на контроль...

– В секретариате президента. Я это знаю, Илюша. Вот, уважаемые, еще одно доказательство ошибочности вашей версии.

– Так ведь кто погиб, Иван Васильевич. Советник президента.

– Версию на счет алкогольного опьянения водителя можете запросто вычеркнуть, – не обращая внимания на уточнение Васюты, продолжил Кашай. – Не подходит она здесь. Не вяжется. А вот на счет лабораторного обследования джипа, тут надо очень дотошно все проверить. И мой тебе совет, потребуй, чтобы проверку проводили в лаборатории следственного управления МВД. И не передвижной, а в стационарной! Там спецы толковые!

– Иван Васильевич, вы так загадочно говорите, будто у вас в кармане и приказ о закреплении этого дела за нами, и виновник этой трагедии. Пусть сначала гаишники разберутся. Хотя, если честно, ж... чувствую, что вы абсолютно правы. Это дело точно на меня повесят. Думаете, кто мне приказал выехать на ДТП? Сам оперативный дежурный по ГУБОПу. Гаишники по останкам номерного знака вычислили и тачку, и хозяина. Некто Конопляный Александр Тарасович, бизнесмен, советник президента по каким-то экономическим вопросам. У него там этих советников, как собак нерезаных. Даже Немцов с России какое-то время в них числился. Они сразу вышли на свое начальство. Дошло до министра. А там, как по накатанной, опять сюда. И надо же было мне в это время находиться именно здесь? Чертовщина какая-то. В кои века выдался случай на дурнячка отдохнуть, так на тебе.

– Правильно чувствует твоя ж... Она у тебя оказывается умнее, чем вершина твоего тела.

– Иван Васильевич!

– Все. Молчу, молчу, – улыбнулся Кашай, доставая из пакета газету. – Это и есть те самые «Факты». Глянь. Я там отметил, что прочитать. А майор тем временем плеснет еще по полтинничку. Исключительно, чтобы усвояемость пищи улучшилась. Здоровая пища – это стимул для улучшения качества серого вещества. А от качества серого вещества напрямую зависит ускорение активизации мыслей. Секешь, как глубоко? Я где-то об этом читал. Чего ты смеешься? Молод еще, чтобы над стариком смеяться.

– И ничего я не смеюсь, – сконфузился майор.

– Ну и что вы такого в этих информационных выдержках нашли? – опустошив за компанию свою рюмку и зажевав бутербродом, спросил

Васюта у Кашая. – Две информации о двух разных делах. Причем временные данные этих информации разняться чуть ли не в столетие.

– А ты хоть что-нибудь о погибшем знаешь?

– В общих чертах.

– Вот то-то же, что в общих чертах. Я бы на твоём месте уже сейчас, не дожидаясь получения в производство этого дела, занялся скрупулёзным изучением всего того, что касается этого человека. И очень дотошно. Не такой он простой, как вначале кажется.

– Иван Васильевич, – выпитые рюмки стали давать о себе знать, – при чем тут перевозка каких-то ценностей вначале войны и это ДТП сейчас? Мне кажется, что во всем нашем с вами разговоре слишком много текста и очень мало доказательной базы. Не находите?

– Нет, Илья, не нахожу. Потому что располагаю ещё одним документом. Вначале девяностых, когда я был в звании Виталия и работал в уголовном розыске города Ужгорода, мне пришлось выезжать в Брно. Есть такой город в Чехии. Так вот, там местные криминалисты задержали двух наших земляков. Репея Михаила Ивановича 1922 года рождения и Михаила Гриця 1949 года рождения.

– Дед с внуком, что ли? Они что, рэкетом занимались? Помнится, в те годы это было очень модно. Свои своих чистили. Основательно, с мочиловом. Хотя нет, фамилии разные, – у майора усталость от выпитого была более заметна.

– Нет! Вот тут как раз ты и не угадал. Их задержали недалеко от надражи.

– А это что ещё за фирма? – спросил майор. Хотя и у Васюты брови заметно вскочили вверх.

– «Надражи» – это по-чешски вокзал. Они там возле вокзала продавали иголки для штопанья чулок и колготок. Что самое интересное, как рассказывали полицейские, возле них постоянно была толпа женщин. Эти новоиспеченные реализаторы-бизнесмены реально показывали чешкам, как это делается. В смысле, штопанье. Оказывается, для чешских женщин это было в диковинку. Причем то, что делали это мужики, их вдвойне удивляло. Хохлы посчитали, что в Чехии, как и у нас, одна беднота. И чулки да колготки там передаются из поколения в поколение. Так вот, эти бизнесмены сшибали там приличные бабки. Явно чешки коллекционировали те иголки. А налоги, естественно, не платили. Обнаглели до предела. Вот их и связали местные налоговики.

– И что, из-за этого надо было туда выезжать нашим представителям? Да пусть бы сидели в чешской тюрьме хоть до нового пришествия. Нам-то от этого, какое горе?

– Ты прав, Илья, нас туда командировали не из-за этого. Ездили мы туда совсем по другой причине. Серьезней, чем штопанье колготок и чулок. У этих бизнесменов-самоучек изъяли четыре приличных куска янтаря. Они искали толковых покупателей на этот товар.

– В перерывах между продажей иголок для штопанья чулок и колготок? – с улыбкой спросил Хрущ.

– А ты, мил человек, не очень улыбайся. Знаешь, откуда у них появился янтарь? Из нашего Полесья. Чего вы на меня оба так смотрите? Да, да! Из Середнянского района Ровненской области. А точнее, из мест недалеко от пгт Буково. Слыхали о таком?

– Что-то я, Иван Васильевич, теперь уже совсем не врубаюсь. Зачем вы к этому ДТП приплели ещё и какой-то янтарь?

– Ты, Илья, как говорят наши подопечные, базар-то на всякий случай фильтруй. Или меня уже совсем ни во что не ставишь?

– Извините.

– Вот так-то лучше. А чтобы ты лучше соображал, есть предложение хрюпнуть ещё по полтинничку. Как вы на это смотрите?

– Я так всегда готов, – майор чуть не приложил ко лбу открытую ладонь в пионерском приветствии. Хотя, судя по его возрасту, вряд ли он успел побывать в пионерах. Слышал о них, в лучшем случае. Но в этом состоянии он готов был даже Берлин брать. Пусть и поновой. Видя его состояние, Васюта решил слегка приободрить товарища. А может, он решил по совокупности реабилитироваться и за свою недавнюю выходку?

– Понимаешь, Виталий, Иван Васильевич в своём родном краю такую огненную воду привык кушать, что тебе и не снилось. Я один раз попробовал. Как мне объяснили, варят её из слив, и называют они её «палинкой».

– Вот её-то как раз называют «сливовицей». А палинкой у нас называют любую водку. Что самопальную, что казенку.

– Не перебивайте, Иван Васильевич! От смены названия слаще она не станет. А перед тем как пить, Виталий, они её обязательно проверяют на вшивость. В смысле, настоящая или фуфло. И знаешь, как проверяют? Накапают на стол и спичкой поджигают. Если горит – пьют.

– А если не горит? – Хрущ слегка улыбнулся, мысленно представляя себе этот процесс.

– А если не горит, то они перед сном моют ею руки и ноги.

– Святители небесные! И как же они потом спят? Задохнуться же можно.

– А вот и не задыхаются. Помнится, мы с моим шефом несколько лет тому раскручивали одно дело. На «хвосте» у бандюков от самой киевской кольцевой и до Винницы висели.

– А при чем тут Киев, Винница и родные края полковника? Ты же говорил, что он родом из этой области.

– И ты туда же, перебивать? Так вот, эти бандюки детьми торговали. Точнее, не детьми, а только их органами. (Подробно об этом в романе «Кровавый киднеппинг»).

– Слыхал. Эту историю теперь в наших учебных заведениях преподают.

– Вот-вот. Для отработки одной из версий ездил я в село, соседнее с родиной Ивана Васильевича. Там и накушался этой огненной воды. Поди, год целый чувствовал её в желудке. Так что наливай, коль старшие просят. Эта по сравнению с той – компот.

Выпили безо всяких тостов. Одна пустая бутылка уже мирно прописалась у ножки стола. Во второй, после налитых рюмок, оставалось чуть-чуть. Немногим выше лежавшей на дне бутылки красной перчины.

– Так ты все мне не веришь? А если я дам тебе почитать еще одну бумагу?

– Какую?

– Копию из протокола допроса этого самого Репея. Читай, – Кашай достал из того же пакета мягкий файл. Вытащив наружу два листа, подал их Васюте. – Допрос уже здесь проводился, в Ужгороде, когда мы этих фрайеров сюда экстрадировали.

Из протокола допроса Михаила Ивановича Репея, уроженца Тернопольской области, 72 года, образование – неоконченное среднее, пять раз судимого, без определенного места жительства...

...

Вопрос. Так за что же вас полиция в Брно повязала? За нарушение визового режима? Может, за безбилетный проезд в поезде?

Ответ. За то, что налоги не платили. А кому платить? Мы же в их законах ни бум-бум. Знали бы кому платить, платили бы.

Вопрос. А откуда у тебя янтарь? С огорода твоей бабушки, о которой ты с рождения ни слухом ни духом?

Ответ. Не поверишь, начальник, один блатарь предложил за бугром продать. И цену бросовую назвал. Двадцать процентов обещал. Теперь ни бабок, ни камней. Никак в голову не возьму, как рассчитываться с ним буду. Точно, на счетчик поставит, а потом уроет. Откуда я такие бабки возьму? Вы же меня из Брно, считай, в одних портках привезли. Все, что «срубил» за иголки – там осталось.

Вопрос. Что ты мне гонишь Полярную ночь? Этот янтарь, между прочим, с лесов Буковского района, что под Середнянами. Ты-то с какого перепугу в тот край попал?

Ответ. Что, уже проверили? Ладно. Пиши, начальник. Давно это было. Теперь уже можно и рассказать. Эти камни действительно с тех мест. Мои они. И ниоткуда я их не воровал. Мои и все. Я за них в тех краях две пули еще в сорок первом схлопотал. Одна в грудь, а вторая по касательной в голову. Она мне жизнь и спасла. Я сразу сознание потерял. Стало быть, не стонал. Поэтому и не добились. Чего ты на меня так уставился? Не веришь? А ты на грудь мою посмотри. В аккурат под регалками (наколками). Сзади входное, а спереди – выходное. Только заросло уже все. Да и кожа сморщилась от старости. Древний я больно.

Вопрос. И кто это тебя так приглубил?

Ответ. Думаю, вертухай уважил. Четверых он нас положил. Только я, как видишь, выжил. Видно, страховка у меня. От главного сотворителя жизни на земле.

Вопрос. А может, ноги с зоны делали? Трех наповал, а тебя ранили? Или ты один? У тебя вон перстенок на пальчике. Толковый кольчи́к трудился. Только в перстеньке твоём вижу я три перечеркнутых лучика. Значит, трешник не досидел. Срок сломал. Чем докажешь, что это не так?

Ответ. А я доказывать не обязан. Это в твои обязанности входит, вину мою доказать. Ты следак, ты и доказывай.

Вопрос. А ты, дед, не простой орешек, как я посмотрю. Так что там за история со стрельбой приключилась?

Ответ. Больно длинная история, гражданин начальник.

Вопрос. А я, как видишь, не тороплюсь. Так что давай, глаголь свою историю. Только учти, мне нужна правда. Одна правда. Как у этих, у американских полицейских. Я слушаю тебя.

Ответ. В конце ноября 1940 года нас шестьдесят зеков по железке привезли в Ровно. Оттуда автозаками доставили в Середнянский район. Остановились мы недалеко от хутора. Кажись, Заболотный. Хутор этот был севернее поселка Буково. Нам потом оттуда самогонку мужики ухитрились передавать. Так вот, наша задача была километрах в десяти от этого хутора в лесу между болотами построить четыре барака. Эту задачу до нас «кум» доводил. До приезда начальника будущего лагеря он там был за старшего. Для этого надо было выкорчевать в лесу приличную поляну, обнести ее двухметровым забором, навесить колючку и установить по периметру вышки. Еще столовая там, дизельная и больничка. Но это уже строили бы все зеки.

Вопрос. С этим мы потом разберемся. Ты давай, дед, к янтарю поближе приземляйся. Если и здесь у тебя все так складно пойдет, глядишь и поверю тебе.

Ответ. А с янтарем и того проще. Я уже не помню, с чего это все началось. То ли хуторяне надоумили, то ли кто-то из зеков нашел. В общем, «кум» каким-то образом об этом пронюхал. Лично сам отобрал четверых заключенных, кто был покрепче. В том числе и меня. И стали мы ежедневно заниматься поисками этого самого янтаря. Все ямы, после выкорчевки пней тракторами, водой из шлангов промывали. Привезли нам на колесах насос, как у пожарников, и два куска шланга метров по двадцать. Двое качают, а двое в яме землю промывают.

Вопрос. Зимой водой? Не смеши меня.

Ответ. Почему зимой? Это уже где-то в марте было. Морозов уже не было. Мы сначала, как и все, лес валили, пни корчевали, бараки строили.

Вопрос. И много находили? Имею в виду, янтаря.

Ответ. Прилично. Большие куски редко попадались, а малые и совсем малые – часто.

Вопрос. И куда вы тот янтарь девали?

Ответ. В ящики складывали. Они еще зеленой краской были покрашенные.

Вопрос. А бараки построили?

Ответ. И бараки, и забор, и колючку, и вышки по периметру. Все, как положено. Только новоселье так и не состоялось. Немец помешал.

Вопрос. А янтаря много собрали?

Ответ. Считай, прилично.

Вопрос. Ну а дальше что? Вы вчетвером заныкали часть найденного янтаря и вас всех сержант приговорил без суда и следствия, так что ли?

Ответ. Нет, гражданин начальник! Совсем не так было дело. В первый день войны всем нам стало ясно, что новоселья в лагере не будет. Так оно

и случилось. На второй день всех зеков-строителей погрузили в грузовики и под усиленной охраной отправили на какой-то вокзал для погрузки в вагоны. Баяли, что опять в Сибирь отправляют. При лагере оставили нас четверых и охрану.

Вопрос. Для чего?

Ответ. Ящики охранять. А что еще? Работа не пыльная. А к концу первой недели войны, а может, чуть позже, появились на острове гэбэшники из Ровно. Они на полуторке туда тоже ящики притаранили. Мы потом их с дороги по гати на остров перетащили. Те боялись, что полуторка по настилу не пройдет. Хотя настил там толковый был. Автозаки проходили. И не один.

Вопрос. Сколько их было?

Ответ. Ящиков?

Вопрос. И ящиков тоже.

Ответ. Нас четверо, вертухай и «кум». Тех из Ровно – трое. Гэбэшник с одной шпалой в петлицах и два бойца. У обоих головы перевязаны, а у гэбэшника – левое плечо. Раненые значит были. А ящиков? Наших ящиков было семь, плюс – ровненских два. Итого девять. Точно, девять. Мы постоянно спорили, кому лишний рейс делать. «Кум» все боялся, что их кто-то стибрит. Вот и таскали их с места на место. А кому там тибрить? Кругом непроходимое болото. Одна дорога и та под стволами вертухая с «кумом».

Вопрос. А те из Ровно?

Ответ. Они приехали и уехали. Во всяком случае, мы их больше там не видели.

Вопрос. И до какого числа вы там находились? Чем питались?

Ответ. О, питались мы отлично. Там продуктов было, завались. Только готовить приходилось самим. А до какого числа? Я что, числа тогда считал? Да у нас и календаря-то не было. Нафик он нам там нужен был. Считать, сколько срок тянуть? Дак на это начальство имеется.

Вопрос. Неужели не помнишь? Сколько ящиков помнишь, сколько человек помнишь, а сколько дней вы там ошивались – не помнишь. Странно все это. Сомневаюсь я, однако, в правдивости твоих слов. После приезда тех, из Ровно, долго вы еще те ящики таскали? И куда потом все делось? Ящики, вы? Что дальше-то было? Ты хоть это помнишь?

Ответ. Это? Это я хорошо помню. После тех из Ровно мы ящики больше не перетаскивали. У одного с Нижнетагильской зоны была «библия» (самодельные карты) вот мы и резались в них. В общем, дурака валяли. А вот через дня два или три появился на острове какой-то мудака с телегой. И стали мы те ящики под охраной вертухая таскать к телеге. Она в аккурат на выезде с острова стояла. Я сразу смекнул, что лафа наша кончилась. Несем мы последний ящик, а тут они стоят. «Кум» и тот самый хмырь. Но не из тех, что из Ровно. Другой. В петлицах у него три квадрата были. Это точно. У того из Ровно и у «кума» – по одной «шпале». Как сейчас помню. Но главное, я так думаю, был тот с тремя квадратами. На нас они и не посмотрели. Разговаривая, ушли в сторону. Я тут же отпро-

сился в сортир и случайно подслушал их разговор. Между прочим, сортир – это по-настоящему.

Вопрос. И о чем они там шептались? Как весь этот янтарь заныкать? Не смеши меня.

Ответ. Заныкать или не заныкать – про то мне не ведомо. Когда я вошел в сортир, они уже стояли за ним метрах в пяти и о чем-то базарили. Сортир был для начальства. Но начальства уже не было, и охранник нас туда иногда отпускал.

Вопрос. И что, вы там так свободно передвигались?

Ответ. Так ведь лагерь, гражданин начальник, строился на острове. А вокруг непроходимые болота, гниль. Куда сбежишь? К лагерю только одна дорога и вела. И та мимо вышкарей. А у них у каждого ППШ и 72 патрона в диске. А то, что охраны больше нет, так об этом нас как-то забыли уведомить.

Вопрос. Понятно. Давай дальше. Что ты там услышал?

Ответ. «Кум» спросил, что, мол, с нами и охранником дальше делать? А тот, второй, говорит: «Всех в расход. Потом протокол составим, что при попытке к бегству. А вертухай – утоп, мол, случайно. Кто их здесь найдет. Через пару дней звери и костей от них не оставят». Мне даже... в общем, туалетить резко расхотелось. Тот второй еще сказал, что это приказ большого начальника из Москвы. Ближайшего помощника самого Берии.

Вопрос. А что с ящиками?

Ответ. Этот же вопрос задал ему и «кум». Тот и отвечает, что, мол, мы их сейчас погрузим на телегу и отвезем в Буково. Там уже ждет спецотряд. Потом они отошли и дальнейший разговор я уже не слышал. Подождал немного и вернулся к своим. Все выбирал момент, как им об этом рассказать. В смысле, чтобы и поверили, и бучу не подняли. Только не успел я. Принесли мы ящик и сразу вертухай повел всех обратно в барак. Мол, за вещами. А по пути присоединяется к нему «кум». И сразу началась пальба. Что там дальше было, я не знаю. Пришел в себя только к вечеру. Лежу на земле, а не мне три трупа крест-накрест. Они-то меня и спасли. Видимо, меня зацепило первой пулей. Причем рикошетом в голову. Я первый и упал, потеряв сознание. Остальные попытались дернуться, но не успели. Своими телами меня накрыли. У одного кликуха была Степняк. Он был где-то из Краснодарского края. Второй – из-под Ростова. А третий – сибиряк был. Из Нижнего Тагила. Все за грабеж срок тянули. Одному точно помню, два года отсидки оставалось. А тем двоим – уже не помню. И кликухи всех незапамятовал. Степняка запомнил потому, что под Краснодаром моя тетя по отцу жила.

Вопрос. Куски янтаря ты спер до расстрела или после?

Ответ. До. Каждый из нас по одному приличному куску заныкал, когда ящики в разных местах прятали.

Вопрос. Значит, охранник вас четверых расстрелял, а ящики с янтарем они вместе с «кумом» увезли по назначению. Так получается?

Ответ. Кто стрелял, я не видел. Стреляли сзади. Если и вертухай, то не намного дольше убиенных прожил...

Вопрос. Не понял?

Ответ. Придя в себя, я дополз до барака, нашел там какое-то тряпье и с горем пополам перевязал голову и грудь. Потом еще целые сутки прятался в лесу. И только через сутки решил убираться с того места к чертовой матери. К людям надо было. Ранения у меня не шуточные были. Так вот, его я нашел недалеко от нас. Лицом в болоте. Правда, он уже геть остывший был. Пулю ему в затылок влепили. Я так понимаю, что это «кум» выполнил приказ того старлея. Серьезный, значит, приказ был.

Вопрос. И что ты этим хочешь сказать?

Ответ. Только то, что сказал, гражданин начальник.

Вопрос. Ящиков, конечно, там уже не было, так?

Ответ. Ясный перец, не было. И телеги тоже.

Вопрос. Что-то больно складно у тебя получается. Причем рассказываешь, как будто вчера это было. Неужели все помнишь? А если ты все это выдумал? Учти, полной веры у меня к твоей персоне нет и быть не может.

Ответ. Так ведь в меня стреляли. А такое вряд ли кто запомнить может. А на счет верить или не верить – твое право, гражданин начальник. Только моя правда быстро проверяемая. На том острове до сих пор следы недостроенного лагеря остались. Во всяком случае, лет десять тому я их там еще находил. Да и не только эти следы могут служить подтверждением моих слов.

Вопрос. Значит, десять лет тому ты все же туда возвращался, да? Один или с молодыком? И зачем ты его в Брно потащил?

Ответ. Один. А молодой этот любому другому приличную фору даст.

Вопрос. В чем? Поди, в своей молодости?

Ответ. По этому делу не знаю, не проверял. А вот руками может такое сотворить – любой карман пустым окажется. Щипач он. С приличным стажем. Считаю, с детства мастерство оттачивает. Руки у него для этого дела, что надо. Такие руки на дорогах не валяются. Он в Брно знаешь, скольких лохов без кошельков оставил?

Вопрос. Ладно, ладно. А десять лет тому зачем туда возвращался? Вряд ли, чтобы припасть к живительному роднику Полесья. Молодость вспомнил? А может, ящики надеялся там отыскать и янтарем разжиться? Или еще по какой причине?

Ответ. Твоя правда, гражданин начальник. Была такая мысль у меня. Только ничего я там не нашел кроме тех четырех кусков, заныканных еще тогда.

– Я так понял, Иван Васильевич, что это только часть допроса, нет? Ну и что вы этим хотите доказать? По-моему, эти бумаги никакой ясности в ДТП не внесли. Скорее, наоборот. Причем здесь этот Репей или как там его? Все его показания надо сначала проверить. Опять же янтарь, недостроенная зона, жмурики, наконец? Пока мне ничего не ясно. Может, вы хотите что-то дополнительно разъяснить в русле этого допроса? В таком случае мы вас внимательно слушаем.

– А что тут разъяснять. Тут все ясно, наливай, давай, и пей. Между прочим, это совсем не поговорка. Предлагаю хряпнуть еще по полтинничку, загрызть, что еще осталось, а там можно и дальше двигаться в сторону разъяснений. Только для начала мне бы очень хотелось узнать подробности этой аварии от вас. Не возражаете?

Хозяева не возражали и, пока Кашай убирал копию протокола допроса Репея в папку, рюмки были добросовестно наполнены майором.

– Так я вас слушаю, кто первым начнет? Предлагаю по старшинству.

– Одну секунду, – после очередной рюмки Илья почувствовал что проголодался. Поэтому, не стесняясь, накалывал на вилку не по одному кружочку домашней колбасы, подпирая их кусочками сыра. Такая себе бутербродная пирамидка.

– Ты голодающего с Поволжья из себя не строй. Ишь, разошелся. Такое впечатление, будто тебя год не кормили. Рассказывай давай. Причем подробно. С чувством, с толком и с расстановкой. Прямо с того момента, как вы вдвоем туда приехали. Можешь снова начать с погодных условий.

– Вы правы, Иван Васильевич, – Васюта достал платок, развернул его, вытер руки и губы и только после этого продолжил: – Как вы понимаете, попали мы на место ДТП, точнее к месту, куда докувыркался джип, а это почти у основания перевала, считай к пяти утра. Точнее, через четыре часа и двадцать пять минут.

– Через четыре часа и двадцать пять минут после чего? – Кашай стал сразу уточнять интересующие его вопросы. – После аварии?

– После нее.

– Хорошо. А откуда узнали, когда произошла авария? Есть свидетели?

– Из протокола гаишников. Они первыми подъехали. Говорили, джип еще местами пылал.

– А им кто сообщил? Что-то я не припоминаю официальных указаний ГАИ, чтобы те периодически патрулировали свои участки. Ни графиков таких нет, да и дороги пока на участки не разбиты, за постовиками не закреплены. Так откуда им стало известно?

– Так на перевале всегда находится «канарейка» с дежурным нарядом патруля. Согласно протоколу осмотра местности, джип съехал с трассы чуть-чуть не дотянув до вершины перевала. Сто пятьдесят один метр оставался до ресторана «Беркут». Очевидцев, как вы понимаете, нет. Зато есть два водителя-дальнобойщика КамАЗа, стоявших в то время возле ресторана. Они и слышали взрыв. Даже дернулись было в сторону поворота, но потом передумали. Мало ли что может быть. Хотя гаишникам все же сообщили.

– Их показания взяты под протокол?

– Гаишниками. Еще до нашего приезда.

– А я бы на вашем месте лично побеседовал с этими водителями. Адреса-то их хоть записали? А-то эти гаишники вряд ли могут толково свидетельские показания снять. ДТП или аварию описать – это да. Это они могут. Не отвлекайся. Давай дальше.

– Так вы же сами меня перебиваете. А что дальше? Подъехали мы с зам-начальника Сваляевского РОВД к обгоревшему джипу. Он за нами приезжал лично. Видимо, команда такая сверху поступила. Так вот, гаишники уже успели и местность осветить, и сфотографировать, и останки трупов накрыть. Там, Иван Васильевич, такой запах горелого металла и мяса еще чувствовался ... А если бы дождя со снегом не было?

– Тогда вообще «ховайся»! – подсказал майор Хрущ.

– Ну и что вы там увидели?

– Искореженный, смятый металлолом, очень смутно напоминающий легковушку. Стекла она потеряла при первых кульбитах. Метров двадцать от трассы лежали. И сколько тачка раз переворачивалась, пока донизу докувыркалась, одному Богу известно. Поверьте, даже гаишники засомневались, что этот металлолом совсем недавно мог преодолевать чуть ли непроходимые дороги. В таком виде она геть не напоминала джип «Чероки». То, что тачка загорелась раньше, чем остановилась, доказательств особых не требовало. След горения тянулся почти с середины горы. А летел джип донизу точно минут пять.

– Так уж и пять минут?

– Минуты две – точно, Иван Васильевич.

– Вы бы увидели ее, товарищ полковник? – майор снова попытался вставить свое слово. Или он хотел помочь Васюте, или просто напомнить о себе. Мол, я ведь тоже там был и имею полное право на высказывание собственного мнения. Но, увидев взгляд Кашая, тут же прикусил язык.

Иван Васильевич ничего не сказал, он просто посмотрел на майора и потянулся к бутылке.

– Давайте-ка, мужики, еще по полтинничку примем на грудь. Вы как? Не возражаете?

– Мужики не возражали, и Кашай со спокойной совестью наполнил рюмки по самый Марусин пояс. Даже трезвому такую рюмку тяжело донести до собственной воронки, чтобы не расплескать. А уж если подшофе, тогда и подавно. Но Васюта и Хрущ, лишь слегка окропив путь от стола и до рубашек, все же ухитрились отправить почти все налитое по назначению. Перестук вилок и аппетитная работа челюстей с достоверностью доказывали, что выпитое достигло желудка.

– Есть предложение, – Кашай специально вперился взглядом в Васюту, – свои мнения высказывать по очереди. Так ты, Илья, считаешь, что у пассажиров не было никакого шанса спастись? Но до основания перевала, как ты выразился, у них была уйма времени. Как, по-твоему, они не могли оставить салон джипа по техническим причинам или были не в состоянии это сделать?

Услышав такое предположение из уст своего бывшего начальника, Илья даже жевать перестал. Он хлопнул глазами и почему-то сначала посмотрел на своего коллегу, а потом на своего бывшего начальника. Речь у него появилась только через какое-то мгновение.

– Иван Васильевич! Я так понимаю, что у вас уже появились серьезные версии, да? А на чем, позвольте узнать, они основываются? Вы бы

увидели тот джип внизу перевала. Да в нем даже обгоревшие дверки гаишники открыли с трудом. С помощью кувалд и монтировок.

– И какой-то матери, да? Хорошо, хорошо. Не кипятись. Давай сначала. Как внедорожник съехал с трассы?

– Причина пока не установлена. Гаишники придерживаются двух версий.

– Я тебя о версиях спрашивал? Меня интересует, почему джип кувыркаться начал? Если я что-нибудь понимаю в вождении, пусть водитель даже кемарнул, первая встряска сразу привела бы его в чувство. Тем более рядом с ним сидел пассажир. Он что, тоже, по-твоему, кемарил? Такое себе маленькое сонное царство, да? Ладно, пусть кемарят. Но почему водитель после встряски перестал управлять джипом? Он ведь мог съехать с перевала зигзагообразно. Пусть даже по полю. Если, конечно, рулевое да ходовая были исправны. Такой хозяин, как Конопляный, вряд ли начинающего водителя за руль своей тачки посадит. Что ты на это скажешь? – Иван Васильевич посмотрел почему-то на Хруща, будто этот вопрос касался только его. Реакции со стороны майора не последовало. Видно, урок он усвоил четко.

– Вероятнее всего, Иван Васильевич, как только джип съехал с трассы, он сразу ткнулся передними колесами во что-то. Вернее, боком. В аккурат со стороны пассажира.

– Но это же не «жигуленок»! Его не могло крутануть как листик! Это же «чероки»!

– Все правильно. Его и не крутило, как листик. По инерции, а может, водитель после «встряски», как вы говорите, случайно нажал на акселератор, тачка левыми колесами гребанула землю. Вот после этого она и стала кувыркаться. Причем с нарастающей скоростью. Такое заключение вас устроит?

– Такое, да! Такое могло бы устроить. Но почему-то не устраивает. У меня создалось впечатление, будто версия «случайное ДТП» у вас уже стала главной, так? Ясный перец, что другие версии для вас – железобетонный «висяк». А кому охота самому вешать его себе на горб? Тем более, когда уже точно знаешь, что это дело так и прет тебе в руки. Я правильно мыслю?

– И зря вы так. Совсем нас за чиновников уже принимаете. Только это дело за нами пока еще никто не закреплял.

– Считайте, что уже закрепили. Думаете, почему именно вас к месту аварии вызвали? За компанию? Не надейтесь. Об этом, дорогие, надо было сразу подумать. Глядишь, больше внимания обратили бы на всякие там разные мелочи. О которых гаишникам как обычно до лампы.

– Теперь я уже ничего не понимаю. То у вас, Иван Васильевич, за упокой, то за здоровье получается. Извольте огласить весь спис-с-сок своих предположений. Вы действительно связываете нынешнее событие с событием десятилетней давности? Я имею в виду этого Репея?

– Дай дожевать. Никакого уважения к старшим. Что-то и у меня аппетит появился. Поди, к очередной рюмке, нет? – Кашай, не торопясь, сна-

чала нанизал на вилку кружок колбасы, потом добавил туда еще и листочек сыра. Удлиненная рука благополучно донесла это строение в рот. Только качественно прожевав сей бутерброд, гость продолжил: – А ты думаешь, чем я весь вчерашний день занимался?

– Свидетельские показания этого Репея проверяли. Оно вам надо было, товарищ полковник? – спросил майор, снова почувствовавший после только что выпитой рюмки храбрость. – Тем более столько времени прошло, – ни Кашай, ни Васюта не поняли, что имел в виду Хрущ. То ли 41-й год, то ли середину девяностых. Да и сам он вряд ли об этом подумал.

– Правильно, майор. Но если ты думаешь, что я от не хрен делать мухой понесся архивные дела проверять только из-за той заметки, то ты глубоко ошибаешься. Сама по себе авария меня, мягко говоря, не щекочет. Если из-за каждой аварии нервничать – совсем худо станет. Меня фамилия погибшего заинтересовала. И мне свою догадку надо было подтвердить. Что я вчера очень даже качественно и провернул. Ведь показания Репея мною тогда еще проверены были. Именно поэтому, когда прочитал в «Фактах» фамилию погибшего, меня как током ударило. Тут же вспомнил дело Репея и его подельника. Он ведь правду говорил. И лагерь № 73/2314 ЯУ в Середнянском районе в те годы строился, и янтарь в тех краях водится. И действительно, в первые дни войны из западных областей Украины вывозились банковские ценности. Был такой приказ Берии № 00107. Даже фамилии в том приказе фигурируют. Все чин-чином, как и положено. Только ценности те в Киев так до сегодняшнего дня и не поступили. Чувствуете, как горячо становится? Между прочим, факт добычи янтара в окрестностях пгт Буково на сегодня уже доказан. Историей доказан. И добывать его там начали, как минимум, лет сто. Правда, только в частном порядке. Точнее, диким. В архиве имеется и фамилия одного из организаторов и исполнителей вывоза тех ценностей. Как ты думаешь, Илья, чья?

– Какой-то шишки из местных управлений госбезопасности. Как я понимаю, именно они отвечали за вывоз ценностей.

– Правильно. Фамилия одного из них была...

– Да не тяните вы, Иван Васильевич.

– Спорить не передумал? Мне бы сто баксов сегодня очень дажегодились. Так вот, одним из участников той, с позволения сказать, экспедиции был не кто иной, как Александр Тарасович Конопляный, сержант госбезопасности, что приравнялось к общевойсковому – лейтенант, оперуполномоченный Ровненского УНКГБ. Как тебе такой факт?

– Вы хотите сказать, что тот Конопляный и погибший в ДТП как-то связаны между собой?

– Не просто связаны! Чтоб я так жил, они – родня! Я тебе больше скажу, если прикинуть хрен к носу – это дед и внук. Жабрами чувствую. И в обоих трагических случаях, помяни мое слово, янтарь должен главную скрипку играть, дорогой мой. Погибшего советника, по моим данным, тоже янтарь из Буково интересовал. И не просто интересовал. Кажется мне,

именно на нем он и построил свою карьеру. Этот советничек отлично знал, с какой стороны хлеб маслом намазан.

– Это вы сейчас придумали или у вас на это тоже имеется фактаж? Побойтесь Бога! От всех ваших уточнений положительными результатами и не пахнет. Вопросов они добавляют – это да!

– Фактажа у меня еще пока нет. Но ты его добудешь. Я в этом абсолютно уверен. Чтоб с меня пенсию сняли.

– И на что вы жить тогда будете? – с улыбкой спросил совсем расхрабравшийся Хрущ.

– А я половину твоей забирать буду. Плюс Илья Бенедиктович половину своей мне отдавать будет. А вы как думали? Спор есть спор, – Кашай изобразил на лице такую серьезную мину, будто и впрямь собрался существенно урезать будущую пенсию у своих собеседников.

– Так вы все же считаете, что и тот Конопляный, и этот – оба пострадали из-за янтара? – не обращая никакого внимания на высказывания гостя, попытался уточнить Васюта.

– Почему оба? Считать того Конопляного пострадавшим пока никак нельзя. Вполне может оказаться, что он очень даже не пострадавший. Так сказать, в приличном выигрыше. Ведь, по словам Репея, янтара они тогда собрали прилично. Вдобавок в приказе еще и золотишко фигурировало. Но все ценности исчезли. Значит, кто-то должен был остаться в живых, чтобы теми ценностями распорядиться? Видимо, он и грохнул зеков вместе с сержантом.

– Но ведь приказ передал не лейтенант, а старший лейтенант.

– Не факт. Репей мог в званиях и ошибиться. Погон же тогда не носили. Опять же, старлей мог уехать, а лейтенант быть где-то рядом. За каким-нибудь толстеньким деревом.

– Выходит...

– И заходит, пане Хрущ. Пока ничего из этого не выходит. Чтобы что-то выходило, надо чтобы это что-то заходило. А у нас на данный момент нечему заходить. Фактажа с гульки хрен. И тот жиденский. Чтобы чело-века обвинить, нужна доказательная база. Во всей той истории кроме сослагательных наклонений пока ничего путного нет. А история, да будет тебе, майор, известно, сослагательных наклонений ой как не терпит. Видится мне, что в ней не мешало бы серьезно поковыряться. Причем исключительно с официальных позиций. Я так думаю. Беретесь? То-то же, – гость очень подозрительно прищелкнул языком, сотворив при этом на лице выражение, совсем противоположное прежнему. В какой-то степени даже чуть-чуть ехидное.

– Ну почему, Иван Васильевич? Если раскрытие по делу гибели советника президента поручат действительно нам, тогда автоматически придется дотошно раскручивать историю тех дней. Преднамеренной или случайной гибели – это уже отдельный вопрос.

– Ладно, наливай еще по одной, и будем прощаться. Мне ведь домой сегодня обязательно надо добраться. Да и несколько звонков к вечеру назрела необходимость кое-куда сделать. Так что когда будете впритык

этим делом заниматься, вспомните меня, старика. А трудно будет, милости прошу в мой терем. Телефоны, Илья, у тебя, надеюсь, остались? Не выбросил?

– Да как вы можете, Иван Васильевич? – Илья добросовестно открыл резервную бутылку и снова наполнил рюмки. – Начальник и в Африке начальник. Пусть даже и с пенсионной книжкой в кармане.

– Предлагаю закончить наши посиделки официальным тостом! За упокой рабов Божьих Александра свет Тарасовича и его водителя. Царствие им небесное и блаженный покой. Должны же мы доказать хоть самим себе, что это не просто пьянка, а мероприятие. Кстати, с привкусом горечи, – теперь Иван Васильевич сотворил такое лицо, будто погибшие были его самыми близкими и самыми любимыми родственниками. Хрущ, так еле удержался, чтобы не брызнуть гомерической слюной. – И все же, мужики, я всеми фибрами души чувствую, что сия авария может для вас таким геморроем оказаться, не позавидуешь, – с преобладающим удовольствием освободив рюмку от жидкости и даже не поморщившись, резюмировал Иван Васильевич результат довольно длительной беседы. Пусть даже и застольной.

– Почему только для нас? – брови у Васюты тут же приняли форму крыши домиков.

– «Ихние танки пойдут на вас», – улыбнулся Кашай, вспомнив выражение одного из героев фильма «Два бойца». – Осмелюсь вам, «любі друзі», напомнить, что я как-никак уже пенсионер. Причем довольно заслуженный, не посчитайте это за хвастовство.

«Тихий омут» на... Банковой

Три дня спустя после аварии

Выйдя из администрации президента, Васюта неспешно дошел до стелы. Топая по Крещатику почти что в автоматическом режиме, он всю дорогу размышлял над услышанным в здании на Банковой и не знал: то ли ему радоваться от выпавшего на его долю счастья, то ли волком выть в предчувствии какой-то опасности. Ведь только что, считай уже прямо с обеда, пусть и временно, он негласно перешел на службу в «тихий омут». Так сие здание называли за глаза некоторые сослуживцы Васюты. Да и не только сослуживцы. Дыма, как говорится... «Чтоб я так жил, вся эта бодяга началась с четверга. Да-да, именно с четверга. Буквально на следующий день после посещения санатория бывшим моим начальником. Как будто он нашептал».

Если честно, то Илья Бенедиктович в этом вопросе серьезно грешил на Ивана Васильевича. Еще бы. Ни с того ни с сего примчаться в санаторий, чуть ли не по-настоящему устроить своему подчиненному тестовый экзамен, наговорить с три короба, выдвинуть кучу версий и, главное, без зазрения совести предположить, что сие дело будет поручено ему, Васю-

те. Находящемся не только на отдыхе, но и на лечении. Это же наглость высшей степени. Причем в какой степени. Имеется в виду и встреча чуть ли не с ковровой дорожкой, и накрытый стол, и вообще...

Но как бы-то ни было, Иван Васильевич оказался прав. Не успел Кашай покинуть 233-й номер санатория, как снова дал о себе знать телефонный аппарат. Причем так настойчиво, что не поднять трубку было практически невозможно. «Это же надо. Пока ели, пили, спорили, друг друга подъегиоривали – молчал как партизан. Будто его специально на это время отключили», – улыбнулся Илья, вспомнив тот день и все, что было связано с ним.

– Слушаю! – трубку, как и положено, поднял Хрущ. – Здравия желаю. Есть, товарищ генерал! – слегка заикаясь, чуть ли не по стойке смирно ответил тот трубке. – Тебя твой шеф хочет, – предварительно прикрыв ладонью микрофон, прошептал Виталий. – Он даже не спросил, здесь ли ты. По моему, последние деньки твоего отдыха точно накрылись чем-то не очень хорошим, – в голосе Хруща чувствовалась изрядная порция иронии.

– «Хочу Ларису», – беря трубку, съерничал Илья, пародируя голос Кикабидзе из фильма «Мимино». – Слушаю, товарищ генерал! Здравия желаю. Конечно, понравилось. Лучше плохо... Это точно. И ничего я не заикаюсь. Конечно, в компании. Я же еще не совсем потерянный, – принятая на грудь доза делала Васюту не только разговорчивей, но и храбрее. – Да так, всяко-разно. То снег, то дождь, а то и все вместе. Никак нет, товарищ генерал. Солнечные дни тоже были. Сколько дней осталось? Дней семь, не больше. Точно, семь. Что, что? Отзываете? Никак нет, слышу я хорошо. А с чем это связано, если не секрет? Сюрприз будет? Что, уже сегодня выезжать? И билет заказан? Нутром чую, серьезный сюрприз намечается. Вы тоже такого мнения? Догулять потом дадите? Я так и понял. В таком случае утром буду у вас. На вокзале встретит водитель? Спасибо, товарищ генерал. Век не забуду, – последнее выражение Васюта озвучил довольно ехидно и то только после того, как уложил трубку в гнезда аппарата.

– Слышь, Илья, ты за время разговора три раза цвет лица менял. Лично подсчитывал. И что самое интересное, даже не попрощался с генералом. Значит, здорово он тебя огорчил. А может, не все так плохо? А вдруг тебе полковника присвоили? Шеф же ясно намекнул на сюрприз. Или я что-то не так понял? – увидев глаза коллеги, Хрущ моментально стал отрабатывать задний ход.

– Для награждений, – Илья после разговора с начальником ГУБОПа стал как будто трезвее, – да будет вам известно, майор, из лечебных учреждений в одних портках, причем в гражданских, не вытаскивают. Да еще так поспешно. Если, конечно, дело не идет к Герою. Но такие почести не для нас. Ж... чувствую, дело касается, как говорил Иван Васильевич, «аварии». Видит Бог, накаркал мой бывший шеф. Делать нечего, Виталий, надо собираться. Ты уж здесь последнюю неделю постарайся и за меня отгулять. В смысле, отлечиться. Желательно, по полной программе. Ведь сколько той жизни. Вон со мной как дело обернулось, секьешь?

– В таком случае сейчас и начну. Мигом сгоняю. Тут рядом, за углом.
– А зачем? По пути и «отметимся». Или ты провожать меня не соби-
раешься?

«Да. «Отметились» мы здорово. Почти два пузыря оприходовали. Благо, шеф билет заказал в двухместном спальном купе. Как чувствовал. Всю дорогу проспал», – Илья сотворил на лице невинную улыбку. Будто с опозданием извинялся за свое прошлое перед невидимым свидетелем.

Нырять в воспоминания, Илье не терпелось побыстрее разобраться в прошедших двух днях. Точнее не двух, а нескольких. Включая и тот ноч-
ной выезд на ДТП. За прошедшее время воспоминания еще не успели сильно потускнеть. Вернее, потускнеть им не дали на Банковой, сделав неожиданно вынужденную дефрагментацию диска. То бишь мозга.

Подполковник уже было направил свои стопы под купол «Космоса», дабы попотчевать себя бутербродом в комплекте с бокалом спиртово-гра-
дусной жидкости. Исключительно для улучшения состояния после этой самой дефрагментации. И тут он вспомнил, что лечение и отдых в сана-
тории довольно серьезно облегчили его кошелек. Пришлось срочно отра-
батывать в зад. Чуть ли не силой заставил повернуть свои стопы в обрат-
ном направлении. Правда, повлиять на процесс воспоминания уже не мог. С этим пришлось мириться.

Как только по возвращении в Киев он вошел в кабинет генерал-лей-
тенанта Подоляко, тот сразу поднялся, протянул руку и, не дожидаясь
окончания доклада, махнул рукой в сторону двух кресел и журнального
столика.

– Как отдохнул? Как доехал? Кофе будешь? Нина Николаевна, две
чашки кофе, пожалуйста, – чуть громче сказал начальник ГУБОП secre-
тарше, как будто по щучьему велению появившейся в дверях кабинета. –
Ну, рассказывай.

– А что рассказывать, товарищ генерал? Отдых, он и есть отдых. Тем
более в санатории. А доехал я нормально.

– Поэтому и кофе заказал... Даже твои «Тик-так» не помогают. Знаю я
вас, молодежь. Сам таким был. Теперь слушай сюда, на глупые вопросы
отвечать не буду. Разберешься, сам поймешь. Одно могу сказать, дело с
тем ДТП непростое. А втянул тебя в него... Ты на кого подумал, на наше-
го пенсионера? – увидев хитрый взгляд подчиненного, тут же поспешил
уточнить генерал. – На своего бывшего начальника? Нет. На него можешь
не грешить, не он это. Думаешь, почему я твои мысли читаю? Звонил он
мне. В аккурат после ваших посиделок звонил. Просил по возможности
оградить тебя от этого дела. Только «припізнівся» он немного со своими
просьбами. Неподконтрольное это дело для меня стало. С того самого
момента, как оперативный по нашему министерству подсуетился в ту
ночь. В ночь аварии. Каким-то чудом он вспомнил, что и ты, и майор из
«угро» Киевского главка находитесь в санатории «Поляна». От него до
перевала суший пустяк. Из администрации приказали на ДТП выехать не
ниже представителя из Управы МВД. Вот он и прогнул. А дальше все как
по накатанной. Вчера с Банковой дважды спрашивали, когда ты вернешь-

ся. Пропуск заказан на одиннадцать. Так что подмыться, то бишь побриться-
ся, причесаться, надушиться, схрумкать несколько своих пилюлек ты
успеешь. Особенно, надушиться. Сразу после беседы ко мне. Вместе
будем напрягаться. Понял? Тогда, если все понятно, вперед и с песней.

В администрации его ждали.

– ...Значит, так, – многообещающе резюмировал беседовавший с
Васютой невысокого роста полноватый мужчина, – дело это явно непро-
стое. Он сидел в рубашке с ярким оранжевым галстуком и, получив исчер-
пывающие ответы на все свои вопросы, касающиеся как службы, так и
семейные, начиная чуть ли не с рождения, сотворил настолько серьезное
лицо, что Илье срочно захотелось опять в санаторий. – В то, что это слу-
чайная авария, не верит ни президент, ни глава его администрации, – в
голосе говорившего четко прослеживался ярко выраженный польский
акцент.

«Так ведь это не моя версия, – хотелось крикнуть Васюте. – Это же
версия «любимых» вами гаишников. Может, они именно назло президен-
ту придумали такую версию? За то, что он их пытался недавно разогнать,
допустим. Я-то тут с какого боку припека?» Но он не крикнул. Он даже не
прошептал свое возмущение. Единственное на что решился, так это на
ответную вазомоторную реакцию. Но беседовавший с ним представитель
из хозяйства главы администрации президента такую мелочь не заметил.
А посему, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Мы тут посоветовались и приняли решение поручить это расследо-
вание именно вам.

Васюта не удержался и мгновенно кинул взгляд не только по бокам, но
и в глубину кабинета. Но в кабинете они были только вдвоем.

– Что вы так посмотрели? Послышалось, что ли? Не переживайте,
сюда без разрешения никто не войдет. Хотя ваше беспокойство нам импо-
нирует, – беседовавший по-своему истолковал взгляд Васюты, продолжая
причислять свою личность ко множественному числу. – Конопляный был
не только советником президента. Надеюсь, вы понимаете, о чем я гово-
рю. Они давно дружат. Дружили, – быстро поправился мужчина с оранже-
вым галстуком. – Семьями, – снова поправился он. – У вас уже есть каки-
е-нибудь версии по поводу той аварии?

– Побойтесь Бога. Какие версии? Я только сегодня из санатория. Вер-
сии могут появиться только после детального изучения дела. Надо до тон-
костей изучить все аспекты жизни погибшего. Как говорил мой бывший
начальник, хотя бы со дня получения паспорта.

– Иван Васильевич Кашай?

«А с тобой, дорогой, ухо надо остро держать. Из детских штанишек
ты, оказывается, действительно давно вырос», – подумал Илья, а вслух
ответил:

– Вы и его знаете?

– Так он же с моим шефом живут по соседству. В смысле, в соседних
селах родились. Кажись, даже в школе одной учились. Глава администра-
ции о нем самого хорошего мнения, – беседовавший так часто подкреплял

свои слова грозным названием фирмы, в которой работал, явно не с проста.

«Так вот откуда у этой бодяги ноги растут. А генерал все пытался убедить меня в обратном. Фигушки вам, уважаемый шеф», – тут же мелькнуло в голове подполковника.

– Сколько вам надо, чтобы вникнуть в это дело? До завтра хватит? Только учтите, президент торопит. И вы должны приложить максимум усилий, чтобы в ближайшее время раскрыть это дело. Найти убийцу.

«Ни фиги себе, я еще добро не дал, а уже должен. Кучеряво живете, уважаемые, – снова взбунтовались извилины Васюты. – Я ведь могу и отказаться от этого дела. У меня своего не раскрытого г... до фени. И на хрена мне горбатится, спрашивается в задачнике? С какого такого перепугу? Живу на частной, жена без работы сидит. Зарплата далеко не такая, как у тебя». Но он опять промолчал. Он даже лицом не отреагировал на такое заявление представителя с Банковой.

– О чем вы задумались? Если нужна помощь, говорите.

– Во-первых, сам я это дело не подниму. Нужен помощник. А в нашей управе свободных людей нет, – Илья все еще надеялся на возможность отката от этого дела.

– А с вашей управы, как вы говорите, вам никого к этому делу привлекать не надо. Это совсем лишнее. Вы ведь в санатории отдыхали не один, так? И на ДТП выезжали не один? Если мне не изменяет память, фамилия вашего коллеги Хрущ, нет?

– Память вам действительно не изменяет. Но он совсем из другого ведомства.

– Из Главного управления МВД Киева, так? Пусть вас такие мелочи совсем не беспокоят. Что еще? Кабинет, транспорт...

– Рассиживаться в кабинетах некогда. А вот на счет транспорта, не помешает.

– Не вопрос. Для начала возьмите вот эти удостоверения.

Васюта молча взял две корочки малинового цвета. Раскрыл их. К его удивлению, на одном красовалась его фотография, а на втором – Хруща. Причем по гражданке и заверенные красными четкими оттисками печати президента. В удостоверениях крупным шрифтом очень недвусмысленно предписывалось руководителям всех областных администраций оказывать незамедлительную помощь предъявителям этих удостоверений во всех их требованиях. И эта запись была заверена подписью самого президента. Только теперь Васюта понял, какой груз взбирается на его горб, и тут же вспомнил слова Кашая. «Неужели старый хрыч уже тогда знал, что это дело подсунут мне. Не факт».

– И последнее, – давая понять посетителю, что его время отнюдь не неограничено, пусть даже если это и касается такого важного дела, – нам бы очень не хотелось, чтобы о ходе оперативно-розыскных мероприятий были осведомлены лишние уши. Особенно из числа вездесущих журналистов.

«Вот это да! Мы даже такими выражениями оперируем? Значит, детективчики почитываем. И все это во множественном числе. Это радует. То,

что у нашего президента с журналистами отношения особенные, мы слышаны. Как говорится, знаем, плавали», – подумал Илья, а в слух, не удержавшись, с легкой иронией в голосе спросил:

– Если я правильно понял, к оперативно-розыскным мероприятиям будет допущено ограниченное количество людей?

– Вы все правильно поняли.

– А если возникнет необходимость в получении дополнительной информации по существу данного дела, к кому я могу обратиться? К вам? Сомневаюсь я, что в вашем ведомстве смогут оказать мне такую помощь.

– Вы правы.

– Тогда к кому я могу обратиться? Если честно, в нашей управе я мог бы найти несколько человек, знающих толк в таком деле.

– Хорошо. Над этим вопросом мы подумаем. А пока, я думаю, генерала Подolia будет вполне достаточно. Вот вам мои телефоны. Жду ваших предложений к завтрашнему утру. До свидания. И помните, ищущий да обрящет, – на таком странном библейском заветании закончил свое напутствие полноватый мужчина.

Вспомнив эти слова, Илья, бросив мимолетный сожалеющий взгляд на стеклянную крышу «Космоса», достал мобильник и вышел на связь с начальником ГУБОП.

– Ты где?

– В «Космосе», – хотелось съерничать подполковнику, но он воздержался. – Только вышел из администрации. Собираюсь к вам. Я теперь наделен большими полномочиями.

– Ты можешь без своих шуточек?

– Могу.

– Тогда меньше рассусоливай и двигай к себе домой. Я тебя уже больше часа здесь дожидаясь.

– Вы у меня дома? С какого такого перепугу? А ревнивого мужа не боитесь?

– Нет! Ты все же у меня дождешься. Еще один выискался. Хватит дуриком прикидываться.

«Шеф у меня дома? Вот это да! Я еще не успел до дома добраться, а шеф уже у меня. А вдруг это не в первой? Ну и дурак ты, подполковник, – сам себя выругал Васюта. – Ему же скоро шестьдесят стукнет. И все же это совсем не шуточка, – прицепив мобильник к поясу, подумал Илья. – Похоже, дело принимает серьезный оборот. Посмотрим, посмотрим...»

Придя домой он обнаружил в комнате сидевшего в светлой рубашке и таких же брюках Подolia, ведущего непринужденный разговор с его женой. Сидели они довольно давно, о чем свидетельствовали две пустые чашки, находившиеся рядом с генералом. Зная, что шеф черный кофе не употребляет, по причине каких-то нарушений в сердечнососудистой системе, Илья даже без лабораторного анализа мог стопроцентно гарантировать простое чаепитие. Поздоровавшись, начальник ГУБОП задал подчиненному только один вопрос:

– В управление не заезжал? Это очень хорошо, – увидев отрицательный кивок головы Ильи, он тут же поспешил подпереть свой вопрос. – Значит, так, Илья, я тут слегка поковырялся в прошлом этого Конопляного.

– И когда это вы все успеваете, Игнат Тимофеевич? Похоже, мое нынешнее явно было спланировано немного раньше. Как минимум, за сутки до отъезда из санатория? И зря вы утверждаете, что мой бывший начальник здесь ни при чем, – Илья был настроен агрессивно. Да и малиновая книжечка, полученная в секретариате президента, довольно ощутимо подогревала его агрессию. – Сегодняшний откровенный разговор на Банковой это подтвердил. И почему я недолжен был заезжать в управу?

– Ты все сказал? А теперь садись и слушай меня внимательно. Наталья Спиридоновна, если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, вашему мужу холодной минеральной водички. Это поможет ему быстрее остыть. А то я вижу, он у вас в последнее время нервный какой-то. Даже санаторий не помог.

– Между прочим, недолечение во много раз хуже, чем не лечение совсем. И кто в этом повинен? – Илья и не собирался сдаваться. – Лично мой желудок как за здравье принял бы не только стакан холодной минеральной воды, но и что-нибудь посуше.

– Спасибо, Наталья свет Спиридоновна. Для начала, подполковник, хлебу холодненькой и слушай меня внимательно, – настоял на своем генерал после того, как жена Васюты покинула комнату. – Почитай, вот, а я потом сию прозу слегка подопру некоторыми мыслями, – Подоляко достал из кармана сложенные вдвое стандартные листы бумаги с текстом, напечатанным мелким шрифтом.

Молча прочитав предложенный материал, Васюта задумался. Причем взгляд его был устремлен куда-то в сторону кухни. Генерал даже подумал, что это связано с желудком подчиненного.

– И вы тоже, товарищ генерал, считаете, что убийство советника Конопляного как-то связано с событиями начала войны?

– А кто еще так считает?

– А то вы не знаете. Иван Васильевич мне все уши этой версией прожужжал. Да-да! Именно тогда, когда приезжал в санаторий. Сразу после ДТП. Кстати, иначе как аварией тот случай он и не называл.

– Думаешь, это простое совпадение? Простых совпадений, да будет вам известно, уважаемый Илья Бенедиктович, не бывает. Как правило, всякие совпадения базируются на опыте и наличии информации. По твоей реакции я понял, что прочитанное большого эффекта не дало. Так? А посему, – не дожидаясь ответа, генерал продолжил: – слушай дальше. Биография этого советника очень даже не простая. Включая и все его древо жизни. Во всяком случае, начиная с деда.

– То, что дед у него действительно служил в Ровненском областном управлении комиссариата госбезопасности, я прочитал. Кстати, данные эти подтверждены?

– Если не доверяешь генералу, можешь проверить. Между прочим, имея такую поддержку, вход в здание на Владимирской, 33, для тебя

открыт. Я думаю, там тебе разрешат поковыряться в архивах СБУ Украины. На сколько глубоко – это уже другой разговор.

– Извините. Все это так неожиданно свалилось на мою голову, что я плохо соображаю.

– Я тебя прекрасно понимаю. Так вот, отец этого советника родился под Ровно, в с. Добробуже в декабре 1941 года. А его отец, тоже Конопляный Александр Тарасович, по моим данным, кстати, проверенным, был в составе того самого спецотряда, вывозившего ценности из западных филиалов Центрального банка СССР.

– И эти ценности в первые дни войны испарились точно так же, как и сам спецотряд. Читал, читал. Такого же мнения и Иван Васильевич. Но если это так, то ниточка как гибели спецотряда, так и исчезновения ценностей тянется к семейству Конопляных, так? В таком случае продолжение этой версии уже накрылось крепким «висяком». Все семейство на небесах, товарищ генерал. Меня на Банковой интересным документиком снабдили. Так сказать, автобиографические данные на этого советника. Так вот, там черным по белому написано, что дед с первых дней войны приобрел дурацкую аббревиатуру ПБ. Его жена, бабушка нашего фигуранта, в 1969 году в возрасте 48 лет благополучно переселилась на небеса. Между прочим, пригласительный получила исключительно на общих основаниях. Война, оккупация и все такое прочее. Ее сын, отец советника, протянул аж до 2000 года. И тоже преставился.

– Ты или перелечился, или недолечился. Нет! Определенно, нельзя позволять подчиненным надолго отрываться от служебных обязанностей. И вообще, похоже, за месяц ты забыл и мое имя, и отчество. Заладил, как попугай. И ничем таким крепким наши с Кашаем версии не накрылись. Сам подумай, если ухлопали советника, одного из семейства Конопляных, и он что-то знал о тех ценностях, значит, был еще кто-то, кто о них знал. Вернее, знает. Это же аксиома. Его-то и надо искать. Но это в перспективе. Перво-наперво надо поднять все данные на эту семейку. Изучить все, что касается каждого ее члена. Объем работы немаленький. Дед женился, служил и жил в Ровно. Оттуда и на войну ушел. Отец советника – женился в Добробуже, а умер в провинциальном городке Белгороде-Днестровском под Одессой. Там, кстати, под Ровно, родился и твой советник, а вот жил он в основном в Белгороде-Днестровском. И в школу там пошел, и женился первый раз там же. Ты же читал!

– Игнат Тимофеевич, он такой же мой, как и ваш. Скорее уж президентский, чем мой. Читал, читал. И про вторую жену читал. Что-то этот город с двойным названием довольно часто встречается на моем пути.

– Белгород-Днестровский? А действительно. Если мне не изменят память, твой бывший начальник именно в том городе брал киллера, собиравшегося грохнуть мэра Одессы. Вернее, не в самом городе, а на его окраине. Да и ты неплохо потрудились там, раскрывая преступления, связанные со старинным золотым украшением. *(Подробно об этом описано в романах «Заказанный мэр» и «Заколдованное ожерелье»)*. Теперь слушай дальше. Дед действительно приобрел дурацкую аббревиатуру ПБ в

самом начале войны. И больше о нем ни слуху ни духу. Но у него оставалась жена и у нее родился сын. У того сына тоже была своя семья. Как и у советника. У последнего, кстати, жен было аж две. В смысле, остались аж две вдовы. Да и дети поди остались, нет? Я к чему веду? Должен же был хоть кто-то один из всего семейства знать что-либо о пропавшем без вести. Особенно первая жена советника. Она ведь прекрасно знала и, смею надеяться, общалась с его отцом. Должна была.

– Должна. А может, не такой уж он и пропавший без вести? Если уж следовать логике версии Ивана Васильевича, – Васюте очень хотелось добавить «и вашей» но он воздержался. – Между прочим, если с его отцом действительно какая-то трагическая смерть приключилась... Возможно, вы и правы...

– Вот все это тебе и придется выяснить. Теперь следующее, версия этого ДТП вполне может базироваться на янтаре из Буковского района. В свое время Конопляный-младший неплохо подсуетился на операциях с янтарем. Упаси Господь упускать это дело из виду. Вот тебе и вторая версия.

– Я понял. Думаю, не последняя. Что касается третьей версии, версии заказного убийства, то ее, я уверен, надо раскручивать именно там, где это произошло. В Закарпатской области.

– С этой версией ты будь поосторожней.

– Не понял!

– А чего тут непонятного? Нынешний глава администрации президента родом именно из тех краев.

– А я что, по-вашему, уже обвинения предъявляю? Да у меня и в мыслях такого не было.

– Все равно, – Подоляко продолжал настаивать на своем. – В общем, так, помощи большой своими мышлениями я тебе не оказал, но и лишними они, я думаю, не будут. Кого думаешь взять себе в помощники?

– Там, – Васюта многозначительно устремил большой палец правой руки вверх, – сказали, что над этим вопросом они подумают.

– Они, это кто?

– В кабинете со мной беседовал только один человек. Правда, он постоянно величал себя на «вы».

– Понятно. Только учти, такую махину ты сам не осилишь. Пусть даже и с президентскими корочками. Тут, как минимум, бригада оперов нужна. И бригада совсем не первоклашек. Зубров оперативно-розыскной работы. Корочки пусть даже и золотые, сами ничего делать не будут. Тем более просеивать поступающую информацию. А информация к тебе с завтрашнего дня попросту навалом. В большинстве своем противоречивая и, в конечном счете, ненужная. Ладно, ладно, – видя взлетевшие брови подчиненного, Подоляко смягчился, – не совсем нужная. Ты это хотел услышать?

– А я не один, Игнат Тимофеевич. Нас уже целых двое. Мне подсказали и фамилию третьего, к которому можно будет в случае чего обратиться. Так что считайте бригада уже в наличии.

– Расшифруй.

– Помощником у меня будет майор Хрущ из «угро» ГУ МВД Киева.

– Это тот из санатория?

– Да.

– А его что, тоже отозвали?

– Пока еще нет. Думаю, завтра все станет на свои места. Мне к утру надо подготовить план оперативно-розыскных мероприятий. Как вы считаете, если я включу в план все эти три версии – этого будет достаточно?

– Для начала, вполне. Только ты не назвал третьего человека.

– А вы не догадываетесь?

– Ты не забывайся. Нечего строить из себя Якубовского. Извольте отвечать на заданный вопрос, товарищ подчиненный!

– На Банковой, товарищ генерал, в случае необходимости мне приказали обратиться именно к вам.

– Ты бы еще поднялся и принял стойку смирно. Это что, серьезно?

– Серьезней не бывает. А вы, Игнат Тимофеевич, оказывается, в известных числитесь. Вернее, в доверенных.

– Ладно, проехали. Можно подумать, что ты без их указаний за помощью ко мне не обратился бы. Или я не прав?

– Правы! Очень даже правы. Только у меня к вам есть тоже маленький вопрос, если разрешите?

– Валяй.

– Почему такая таинственность вокруг этого события? Да и наша встреча слегка смахивает на тайну мадридского двора. Вам не кажется?

– Если кажется, дорогой Илюша, креститься надо. Советник президента – не простое лицо. И если его грохнули, значит, кому-то это было нужно. А если так, то лишние уши в этом деле абсолютно не нужны.

– А вы уже располагаете достоверной информацией, что это было простое ДТП?

– Данные лабораторного исследования до меня, естественно, не доводили. И вряд ли доведут. Но кое-что узнать удалось. Исправность джипа до момента начала кувыркания полностью доказана.

– Значит, тачка была исправна? Тогда почему она оказалась у подножья перевала? Водитель был пьян?

– Водитель и пассажир были абсолютно трезвые.

– Следы подрыва не обнаружены. Значит, химия. Опять штучки бывших комитетчиков?

– Она родная. И вошла в их организмы буквально за несколько минут до смерти. А вот на счет бывших комитетчиков – неувязочка. Химия непростая. Из последних заграничных разработок.

– Спецверсии случайно не выдвинули, каким путем их напичкали химией?

– А ты как думаешь?

– Явно не шприцами. Перевал ведь.

– Соображаешь.

– Значит, баллончиками. Не тряпочками.

– Вот это тебе и придется выяснить. Лично я бы снова начал с перевала. Дотошно просеял всю информацию о той ночи. Что ты намерен предпринять в первую очередь?

– Перво-наперво позвоню в санаторий и озадачу Хруща. Пусть поработает там, на месте. Пусть займется и перевалом, и второй женой Конопляного. Тем более, как следует из вашей записки, вторая жена этого Конопляного именно из-под Ужгорода. Вот пусть Хрущ и провентилирует эти два вопроса. А вдруг убийство, если это будет доказано, совершил какой-нибудь появившийся на свет новый Отелло? И вообще, нужно снова поднять все документы, связанные с той аварией. Черт, теперь уже и я выражаюсь, как Иван Васильевич. Надо еще раз допросить свидетелей с перевала. Пока не поздно. Пока память у них еще не потускнела.

– Слова не мальчика, но мужа. Это одно направление. И совсем не твое.

– Лично я, Игнат Тимофеевич, намерен прошвырнуться в их родные места. В Ровно. Поковыряться в архивах УСБУ в Ровненской области, смотаться в Середняны, Буково... А вдруг что-то нарою в прошлом этой семейки.

– И заодно, отыскать следы утерянных ценностей, да? А что, вполне возможно, что ценности вывозили в Киев именно по этому маршруту. Только ты не теешься мечтами отыскать те ценности. Думаешь, до тебя дураки это дело рыли? Считай и гэбэшники, и кагэбэшники, да и эсбэушники, почитай, не спали. А в этих фирмах лаптем щи не хлебали. Особенно послевоенного периода. Ни хрена ты не отыщешь. А вот на счет прошлого каждого члена этой семейки – это резонно. В их прошлом необходимо поковыряться. Причем каждого. Особенно отца и сына. Про деда ты вряд ли много узнаешь. Бывших комитетчиков не бывает. И тема эта даже для нас закрыта семью замками. Лично я, как и твой бывший начальник, спинным мозгом чувствую, нечистое это дело. И вряд ли нам с тобой дадут нормально поработать. Между прочим, тонкий намек «держат язык за зубами» совсем не для красного словца. В этом я полностью согласен с твоим новым руководством на Банковой. Лично я бы и им не стал всю душу раскрывать. Но и таить информацию долго нельзя. Нынче носителя информации грохнуть могут, как ты любишь выражаться, проще чем за здравье. Это надо постоянно помнить. В общем, так, трудись, подполковник, и родина тебя не забудет. А теперь позволь откланяться. У меня своих забот невпроворот. Передай супруге большую благодарность за чай и приют. Меня не провожай. Вижу, что голоден. Давай дуи на кухню и потчуй свой желудок. И постоянно держи меня в курсе. Только аккуратно.

... Джип «шевроле-нива» по широкой киевской трассе бежал довольно шустро. Стрелка спидометра как будто застыла на отметке 120. Но, несмотря на иностранную прибавку к российскому названию, и скорость, и прочие сопутствующие ей пассажирами все же чувствовалась. Точнее, пассажиром. Ибо в салоне кроме водителя находился только один человек, подполковник милиции Васюта. «Что ни говори, а тачки, производи-

мые на территориях бывшего СССР, до иномарок серьезно недотягивают. Хотя какие иностранные слова к названию не прибавляй. Через черточку называй или совсем по-иностранному – качество от этого и близко не становится похожим на иномарочное. Вроде и головы на плечах есть, и руки растут оттуда, откуда надо, а... Это еще благо хоть трасса порядочная. Как-никак всего километров сто и проехали-то от Киева. Вон указатель на Макаров стоит. И чего бы мне не попросить тачку покруче? Готов голову прозакладывать, дали бы», – мысленно рассуждал Илья Бенедиктович, вспоминая недавний разговор в секретариате президента.

«Ниву» в его распоряжение выделили из ГОПа. Гаража общего подчинения администрации президента и так называемого на украинском языке «Державного управління справами», а короче, ДУСи.

– Товарищ подполковник, а мы до Ровно где-нибудь останавливаться будем? Я почему спрашиваю, – водитель джипа, белобрысый тридцатипятилетний парень, мельком заметив удивленный взгляд пассажира, на всякий случай решил свой вопрос подпереть уточнением, – желудок свой как настраивать? На жесткий вариант или на снисходительный? Недалеко от Новограда-Волынского в зеленой зоне такая классная «кав'ярня» имеется, пальчики оближешь.

– Интересно, Павел Григорьевич, какой у вас оклад? – с иронией в голосе спросил Васюта. Лично он даже в звании подполковника обедать в таких забегаловках позволить себе не мог. Семья, видите ли.

– А много ли мне надо? – водитель понял, что сморозил чепуху, а посему ответил, как настоящий одессит.

– Нет, Павел Григорьевич. Останавливаться до Ровно мы нигде не будем. Нас там должны встретить и, как говорилось в одном известном детективе, напоить, обогреть. В общем, все что положено.

– Понятно, – буркнул водитель и снова надолго замолчал.

В администрации первоначальный план проведения оперативно-розыскных мероприятий был в основном одобрен. Правда, кем одобрен и до какой степени «в основном», Илья проинформирован не был. Все тот же невысокого роста полноватый мужчина встретил его, предложил для приличия сока или минералки, будто намекая на вчерашнее не совсем комфортное состояние собеседника, буквально испарился с планом Васюты куда-то. Отсутствовал он довольно долго. Минут тридцать. За это время симпатичная девчонка лет двадцати внесла и поставила на стеклянную столешницу поднос с двумя бокалами натурального сока из экзотических фруктов. Одета она была в вызывающе контрастную вышиванку (черное с красным), черную юбку и такие же черные лодочки на среднем каблучке. Васюта в момент срисовал не только ее одежду, но и то, что не менее вызывающе выпирало из-под блузки, точеной работой тянулось откуда-то из-под ушей и было слегка прикрыто все той же юбкой. Провожая появившееся чудо на выход, к уже оцененному Васюта добросовестно приплюсовал еще и рассыпанные по спине льняные волосы. «Однако! – в мыслях многозначительно зафиксировал он этот факт, когда за красавицей бесшумно закрылись высокие двустворчатые резные двери. – А говорят, что

в тихом омуте черти водятся. Дудки, уважаемые. С сей минуты по этому поводу у меня будет свое мнение».

Сообщив Илье такую важную новость, появившаяся наконец-то полноватая личность многообещающе улыбнулась.

– Теперь насчет транспорта. Помнится, от кабинета вы вчера категорически отказались. Шестисотый не обещаю, но приличную тачку мы вам выделим, – продолжая улыбаться, сообщил представитель администрации. – Что бы вы предпочли иметь? Для городских поездок – одна машина, а для бездорожья – нужна другая.

– В таком случае я предпочел бы джип.

– Тоже намекаете на «чероки»? – улыбка на лице полноватой личности как будто прописалась на весь день. – Тень аварии не будет давить на психику?

– Нет! На «чероки» я не намекаю, – оставляя дополнение без комментариев, ответил Васюта.

– А русский джип вас устроит?

– «Нива»?

– «Шевроле-нива».

– Почему бы и нет.

– В таком случае, джип и водитель ждут вас в гараже ГОПа.

– В гараже чего?

– ГОПа! Это мы так про себя называем наш гараж общего пользования. Знаете, где он находится?

– Разве гараж представляет собой какую-то секретность?

– Тогда до скорой встречи. Да! Чуть не забыл. Меня просили передать вам, что вы обязаны ежедневно докладывать о проделанной работе вот по одному из этих трех телефонов. Надеюсь, мобильником вы располагаете? Вот вам телефоны, по которым в этом здании будут ждать ваших сообщений. И еще, – направляясь в угол, продолжила личность, – у вас, естественно, возникнут расходы. Если я правильно осведомлен, на проведение оперативной работы у себя в управе вы тоже получаете определенные денежные средства. Менять этот принцип мы не будем. Правда, наличностью не располагаем, а вот карточкой вас обеспечим. Кстати, сумма здесь довольно приличная. Но если мало будет – добавим. Ограничивать вас в средствах не будем. Бегать по рынкам, знакомым, собирать чеки и прочие финансовые бумажки нет никакой необходимости. Нам достаточно будет ваших письменный отчетов. Мы вам верим. Правда, слишком уж шикавать я бы не советовал. Начальник Главного управления МВД Киева предупрежден. Так что можете озадачивать своего коллегу по санаторию по полной программе. Желаю вам успехов.

«За карточку спасибо. А то я уж грешным делом подумал, что о такой мелочи, как финансы, вы забыли. Между прочим, Хруща я еще вчера после обеда озадачил. Как мой шеф любит выражаться, «припізнились» вы с этим вопросом, уважаемый», – хотелось боднуться Васюте, но он не стал напрягать отношения с представителем администрации президента.

Он просто промолчал, поднялся и, вежливо поблагодарив за пожелания, покинул кабинет.

Хруща он действительно предупредил еще вчера. Сразу после ухода генерал-лейтенанта Подоляко. Точнее не сразу, а после того, как мигмом уничтожил все, что выставила на стол жена. Будто его неделю держали на голодном пайке. Хрущ полученным сообщением явно остался не совсем доволен. Это можно было стопудово определить из состоявшегося разговора.

– Илья Бенедиктович, что я вам плохого сделал? – услышав сообщение Васюты, что он прикреплен к нему и какая перед ними задача поставлена, майор брыкнулся на полный выдох. – Между прочим, срок моего пребывания в санатории заканчивается только через пять дней.

– А при чем тут я? – парировал Илья. – Нас с тобой, майор, женили, как говорится, без нас. И знаешь, кто наша сваха? Угадай с трех раз.

– Оно мне надо?

– Есть такое здание на Банковой. Догадался?

– Что, прямо оттуда след тянется?

– А ты думал? Кстати, твое новое удостоверение с фотографией, печатью, подписью и очень умным комментарием у меня. Я сделал ксерокопию и отправил по факсу главе администрации Закарпатской области. Завтра наведайся и заberi. Обещали сделать как положено, в мягкой одежде, то бишь корочках. Теперь главное. Джипу с аварией кто-то здорово помог. И ты должен в этом вопросе досконально разобраться. Начни с перевала. С водителей тех фур, дежуривших тогда гаишников, работников ресторана. И вообще, прошвырнись по населенным пунктам, что на трассе. Опроси население. Шапки-невидимки только в сказках бывают. А в этом деле сказкой и не пахнет. Потом займись вдовой. Ее адрес тоже возьмешь у главы администрации. Он в курсе. Кстати, у погибшего это вторая жена. Я хотел сказать, вдова. А вдруг там какой Отелло нарисует. В семидесяти из ста подобных дел виновными всегда фигурируют женщины. Это уже доказано.

– Ты намекаешь на «шерше ля фам»?

– Чего, чего?

– Я говорю: ты намекаешь на то, что искать придется женщину?

– А хрен его знает, кого нам придется искать, дорогой. В таких делах бабы всегда фигурируют. Косвенно – почти в ста процентах. Только учти, делать это надо оперативно. На все про все у тебя три дня. Чего ты там бубнишь, как теща, – попытался уточнить Илья, услышав возмущения майора. – Не стони. Сроки не я устанавливаю. Между прочим, в администрации области тебе выделяют транспорт. Так что вперед и с песней. Жду твоего доклада ровно через трое суток. И постарайся не распространяться по этому вопросу. Чем меньше лишних ушей, тем надежней, – под конец разговора Васюта усиленно стал копировать генерала Подоляко.

«Это точно, – подумал Илья, удобнее устраиваясь на сиденье джипа. – Если верить карте, по трассе Е-40 до Ровно остается немногим более

двухсотпятидесяти километров. Житомир, Новоград-Волынский и только потом Ровно. Можно толково кемарнуть».

Но прежде чем настроить себя на сон, мысли Васюты снова нырнули в файлы беседы с шефом и бывшим начальником, Кашаем. Не во все файлы, а только в те абзацы, в которых разговор шел о ценностях. «Если человек, беседовавший с «кумом» на территории строящегося лагеря, и тот Конопляный одно и то же лицо, тогда все становится на свои места. Тогда в тайне исчезновения ценностей появляется лучик света. Ладно. Пусть будет так. Примем как версию. Только эта версия сразу упирается в несколько железобетонных вопросов. А). Почему колонна с ценностями очутилась в районе Середнян? Не проще ли было взять направление на Ровно и далее на Киев? Б). Каким путем ценности из банков Тернополя, Хмельницкого и Ровно попали в колонну спецотряда? И попали ли они туда вообще? Хотя, Хмельницкий тогда назывался по-другому. Кажись, Проскуров. Точно, Проскуров. Правда, легче от этого не становится. Что там говорил тот зек про «кума» и его собеседника? «Всех в расход. Потом протокол составим, что при попытке к бегству. А вертухай – утоп, мол, случайно». Это же подтверждает и шеф. Значит, так оно в действительности и было. Но такое решение сам сержант госбезопасности, кажись так в этой фирме звучало тогда общевойсковое звание лейтенант, принять не мог. Тем более в первые дни войны. Поди угадай, как сложится обстановка в дальнейшем. Не-е! Самостоятельно принять такое решение он точно не мог. Пусть даже и был гэдэушником».

«Не гэдэушником, а гэдэшником», – воспротивился внутренний голос.

«Цыть, козявка. Хрен редьки не слаще. В таком случае, – продолжил он мысленно рассуждать, – где-то рядом должен был быть тот, кто такой приказ мог отдать. Допустим, представитель из Москвы, из хозяйства Берии». «А почему сразу из Москвы», – вновь напомнил о себе внутренний голос. «Опять? Почему, почему? Потому, что заканчивается на у. Потому, что приказ о вывозе ценностей в своей нумерации имел два ноля. А значит, информирован о нем был узкий круг людей. Причем совсем не простых смертных. Именно так записано и в протоколе допроса того зека. Стоп! А вот от этого места надо помедленней. А если этот кто-то действовал от своего имени. Вряд ли. Решиться на такое мог бы только кретин. В случае чего с такими не церемонились. Даже в долбодятлах Вышинского не было бы нужды. Приказ командира, в лучшем случае армейский сержант из комендантского взвода, очередь из ППШ и все дела. Это-то так. А если этот кто-то действовал по указанию самого Берии? В таком случае все слегка меняется».

«Почему, слегка? Все в корне меняется», – снова подсуетился внутренний голос.

«Да! Тут я с тобой должен полностью согласиться. В таком случае до тех ценностей никогда не докопаться. Вполне возможно, что они уже тютю. И вполне возможно, что сегодня мой путь в Ровно и Середняны с точностью до запятой накладывается на путь того, который ехал на встречу с Конопляным. Так сказать, чтобы устно передать приказ свыше. Такие

вещи даже «ВЧ» связи не доверяют, не то, что письменно. Ай да я. Ай да молодец, – Васюта на столько обрадовался появившейся версии, что чуть не подпрыгнул на сиденье. Будто эта версия уже не только подтверждена устно, но и оформлена протоколом со всеми вытекающими отсюда последствиями. – Теперь можно и кемарнуть. Часа по два на каждый глаз», – мельком глянув на циферблат наручных часов, уточнил подполковник.

«Что-то я тебя ни хрена не понял, – снова возмутился внутренний голос Васюты. – Ты что, получил задачу раскрыть преступление с теми ценностями или убийство советника? На кой ляд тебе те ценности? Разбогатеть хочешь? Моча в голову стукнула? Вряд ли ты до них докопаешься. Ты сначала отработай имеющегося жмурика, а потом и к ценностям намыливайся. А то ты сразу за двумя зайцами. Знаешь, что в таких случаях бывает?»

«Знаю, знаю. Только здесь особый случай. В обоих преступлениях одна и та же фамилия высветилась. Проверять надо, уважаемый, по всем направлениям проверять надо. И не хрен на ценности сваливать. Помалкивал бы уж в тряпочку со своими нравами».

Ровненский губернатор

– А вот теперь мы все обмозгуем. Как говорится, от самой приемной, – прошептал Илья чуть слышно, уставившись в окно номера одной из частных гостиниц города Ровно.

Сюда его определил глава администрации Ровненской области. На Банковой именно к нему и предложили обратиться подполковнику перед отъездом.

Внизу на выходе из здания гостиницы появился водитель дутой светло-серой «Мазды-624». Вот на ней-то Васюту чуть ли не со всеми почестями и доставили сюда несколько минут тому.

«Отъехал и даже не посмотрел на окна, – подумал Васюта о водителе «мазды». – Ты гля, как в заправдышном боевике. Эх вы, детективы хреновы. Правильно делаете, что не пытаетесь впаривать мне в мозги, будто все это спонтанно? Мол, ничего вы заранее не продумывали? И весь этот спектакль заранее не отработывали? И не только мысленно. Вот только знать бы точно, с какого момента завертелось колесо? Со вчерашнего дня или еще раньше? Если раньше, тогда можно «дурку» включать на весь срок пребывания здесь. Пусть считают меня таким себе простаком с ограниченным количеством извилин в черепашке. А если нет? А если действительно с сегодняшнего дня? Тогда что? Тогда все, Федя. Как говорят мои коллеги, сливай воду. В таком случае надо сразу брать быка за рога. Сразу изображать из себя великого специалиста. Ведь ясный перец, что тот хрен с «тихого омута» обо мне уже такие серенады напел – Малинин ховайся. И что из этого выходит?» «Выходит, уважаемый сыщик, то же самое что и входит и гнать «дурку» у вас уже не получится?» – подсуетил-

ся внутренний голос. «Гнать «дурку» на весь период, вполне возможно и не получится, а на первых порах – запросто, – согласился Илья. – И то уже хорошо. Значит, мы все правильно сделали. Своими ответами на хитрые вопросы дали понять, кто есть кто. Ай да мы, ай да молодцы. Почти как у Пушкина, – улыбнулся Васюта и тут же на всякий случай окинул взглядом номер. В номере, как и положено, он был один. «Мы, Николай Второй! Тоже мне пуп земли русской. Кстати, у Пушкина совсем не так было. У Пушкина было: «ай да я, ай да сукин сын!», – съехидничал все тот же внутренний голос. «Цыть, козявка!» – последнее слово Илья всегда оставлял за собой.

«А эта секретарша? – продолжал он рассуждать дальше. – Благо, хоть в годах. Хотя, балзаковский возраст (больше дать ей он был не в состоянии) – это еще совсем не годы. Голову готовь прозакладывать, что и тот эсбзушник был где-то рядом. У зама сидел, как пить дать. А как только я вошел в кабинет, она тут же ему шепнула. Мол, так и так, «ревизор» прибыл. Он выждал положенные минут десять и явился не запыхавшись. То, что он уже до меня был в кабинете главы администрации, – ясно, как божий день. Они даже не здоровались. Не успел войти, тут же двинул к приставному столу. А тот тоже хорош, даже не моргнув сразу представлять его начал», – Васюта отошел от окна. Заглянул в спальню, ванную, для чего-то проверил наличие там холодной и теплой воды... Все это время он продолжал безостановочно прокручивать в мыслях недавнюю почти часовую беседу в кабинете главы администрации Ровненской области Богдана Петровича Васквского.

«Интересно, к чему бы все это? – Илья открыл покоившийся в обитом под кожу кресле вместительный дипломат и достал оттуда запасное белье, туалетные и бритвенные принадлежности. Потом слегка приподнял крышку замаскированного двойного дна. Убедившись в наличии там штатного пэ-эма с двумя запасными магазинами и подмышечной кобурой, опустил ее на место. Мол, до тебя еще очередь не дошла. Так что лежи себе там и помалкивай. – Рыбалку предложили, шашлыки, отдых. Тоже мне конспираторы, хреновы. И тот эсбзушник туда же: «Отдых, Илья Бенедиктович, по полной программе организуем». На что он намекал? На бабс? Так мне сейчас только их и не хватает. А почему губернатор эсбзушника пригласил, а не местного коллегу из УМВД? Эсбзушник – его идея или с Банковой? Это тоже надо будет прозондировать. А, в общем, хрен с ними. Из пары часов беседы в полную понятку не сыграешь. Хотя сутками над ней мозгуй. Посмотрим, что будет дальше. Одно ясно, неспроста это. Ой, неспроста. Но что за этим стоит? Вернее, кто – вот что интересно? Ну что ж, будем ждать дальнейших событий. Они-то уж точно это покажут. Главное, не обделаться на первых шагах. Так сказать, не дать выбить себя из колеи. Не пойти по проторенной кем-то дорожке, дабы не петь потом под чужую дудку. Тогда пиши пропало. Свои неправильно поймут. В лучшем случае засмеют. В худшем – отвернутся. И тогда, «шановний підполковник», у вас останется один выход из положения – рапорт на увольнение. И, как говорил мой бывший шеф Иван Васильевич Кашай,

один раз в месяц строевым и с песней в сберкассах за пенсией. И это в моем возрасте? Обхохочешься. Нет. Как там деревенские говорили? Лучше я проложу новую дорогу, чем по такой топтать!» «Древние, уважаемый сыщик, по-другому говорили, – снова подсуетился все тот же внутренний голос. – Либо найду дорогу, либо проложу ее сам». «Цыть!»

... В Ровно они въехали в пятом часу вечера. Пока то да се, пока добрался до ГОПа, нашел начальство... А дальше, как обычно, заработал бюрократический аппарат. Звонки по подчиненности наверх, указивки как по накатанной вниз, оформление путевки, заправка джипа... Короче, время пролетело быстро. Трассу от Киева до Ровно проскочили почти без остановок. Если не считать вынужденных, так сказать, на природе, «мальчики налево...». В принципе, им двоим было все едино.

Павел Григорьевич, водитель русско-американского джипа, после неудачного уточнения на счет желудка, всю дальнейшую дорогу молчал как рыба об лед. До самого конца. Даже когда въехали в границы города, он не спрашивая, молча проделав энное количество поворотов, подъехал к серому зданию областной администрации. Видимо, в отместку за недавнюю жесткую критику Васюты. Илью это совсем не удивило. Он даже не задал ни одного вопроса. Правда, как только Васюта собрался выходить из тачки, тот сам, явно обескураженный таким поведением пассажира, решил оправдаться:

– В Киеве мне было велено доставить вас сюда. К главе администрации. Или я что-то не правильно сделал? – чуть ли не извиняясь, сказал водитель, видя безразличный взгляд подполковника.

Васюта продолжал молчать. У него даже фактура лица не изменилась. Зрачки, вазомоторика – все продолжало работать в прежнем режиме. С таким же безразличным видом он молча направился к входу в здание.

«Крутой мужик. Даже не спросил, на каком этаже и в каком кабинете. Из этого вытянуть нужную информацию – мартышкин труд. А я ведь их там предупреждал. Единственное что смогу, так это фиксировать все места, куда этого сыщика придется возить. На большее, уважаемые, не надейтесь», – водителю и невдомек было, что такие мелочи даже спрашивать неудобно. В любом государственном учреждении руководитель, если он воспитан в духе приснопамятных времен, а в данный период только эта возрастная категория стояла у руля всех ступеней государственного строя Украины, обязательно устроит себе кабинет не выше второго этажа. Это же аксиома всех бывших руководителей партийно-советского строя. И обязательно почти рядом с лестничным пролетом или лифтом. Если таковой положен по штату архитектуры здания. Именно на тех партийно-советских руководителей равнялись нынешние новоиспеченные большие чиновники.

– С чего вы намерены начать? – после объясаловки представления и ознакомления с общей целью приезда спросил губернатор. При этом он как бы мимоходом скосил глаза на сидевшего рядом эсбзушника, майора Сороку Илью Пименовича. Что, естественно, не осталось незамеченным Васютой.

Подполковник долго не отвечал и Богдан Петрович, явно чувствуя свою ошибку, решил слегка подкорректировать вопрос. Не оставлять же его совсем без ответа. Как-никак, губернатор, все-таки.

— Я не в том смысле, что горю желанием вмешиваться в вашу работу или навязывать вам свое мнение. В плане указания с Банковой меня интересует: в чем будет заключаться моя помощь?

«А вот это уже один ноль, уважаемый. От прямого ответа мы, естественно, уйдем. Таких хитрых мы видали. В своей работе как-нибудь сами разберемся. Без сопливых. Чай, не лейтенанты. Пуд не пуд, а килограмм десять соли на этом поприще уже схрумкали. И вообще, не царское это дело. Да и помощи от вас, как от козла молока. Лучшая ваша помощь на данном этапе раскрытия убийства — не совать свой нос в мои дела. Виноват, можно и покультурнее. Не мешать мне работать. Такой ответ вас бы устроил? Ясный перец, что нет. В таком случае, извините, «бананів бракує», — подумал Илья, а вслух ответил, но очень вежливо:

— Уважаемый Богдан Петрович, не поверите, но я еще и сам не знаю, какая помощь мне может понадобиться. Да и чем вы мне можете помочь? Хотя... Вы правы, на данный момент я очень нуждаюсь в данных на все семейство погибшего. Как я понимаю, эту помощь мне сможет оказать майор Сорока, нет? — сразу дистанцировался от эсбэушника Васюта. Разница в званиях, пусть и мизерная, этому способствовала.

Но ответил не Сорока. Тот даже не успел рот открыть.

— Так он же у нас почти не жил. Я имею в виду с сознательного возраста, — как будто ожидая этого вопроса, мгновенно ответил губернатор. — Насколько я информирован, наездами бывал. Я прав, Илья Пименович?

«Два ноль, уважаемые! А счет, оказывается, имеет тенденцию к продолжению».

— Конечно, конечно, Богдан Петрович. Еще как правы. Погибший Александр Тарасович Конопляный в нашей области почти не жил. Считайте, сразу после рождения его родители выехали...

— Так уж и сразу, товарищ майор? Прямо от роддома? — Илья непринужденно улыбнулся одними уголками губ. — Ни в жизнь не поверю. А вы не могли бы это «почти» втиснуть в реальные рамки?

— Вы правы, товарищ подполковник, — эсбэушник понял хитрость Васюты. — Не сразу, конечно. Года два он все же прожил в нашей области. Только это, я так думаю, вряд ли сможет дать серьезное дополнение к его биографии. Тогда даже памперсов не было. Обыкновенные пеленки. Постирал и все следы насмарку, — майор тоже решил поиграть в опытных казаков-разбойников. Вернее, сыскарей-разбойников. — Правда, потом, будучи уже семейным, года три общим счетом прожил в Середняках. Считайте, наездами. Так будет точнее.

— Да, да! Я сейчас тоже припоминаю. Кажется, именно он был исполнительным директором фирмы «Полесье». Я прав, Илья Пименович? Только фирма эта, если я не ошибаюсь, давно уже продана другому хозяину.

«Мо-лод-цы! Пять за копирование друг друга. Или сейчас другие оценки? Двенадцать? Да какая разница. Главное, игру вы приняли, а там посмотрим, кто банковать будет», — подумал про себя убопонец, а вслух как ни в чем не бывало продолжил:

— Лично меня бы очень устроили все данные на эту семейку не только со дня рождения погибшего советника.

— А с какого времени? Поди, со дня рождения его отца? А может, и раньше?

— Можно бы и со дня рождения его деда. Тот ведь тоже был Александром Тарасовичем. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, — в унисон ответили оба. Правда, продолжение ответа взял на себя губернатор. Видимо, на данный момент именно он правил бал. Он был связным звеном между Банковой и данной территорией Украины. Эсбэушник так себе — исполнитель. И даже не в первом лице.

— Вы правы, Илья Бенедиктович! — чувствовалось, что отчество Ильи собеседник с готовностью выбросил бы из лексикона. Но Илья ему такого права не дал. Пришлось язык напрягать. — Отца его звали Тарасом, а деда, как вы правильно заметили, тоже Александром. В этих краях, да и не только в этих, частенько детям через поколение дают имена родителей. Вот и гуляют имена и отчества из рода в род. Черт! Так и запутаться можно. Вот ведь какое переплетение. Как только мне позвонили из администрации президента, я сразу попытался навести справки об этой семейке. И представьте, кое-что мне выяснить все же удалось. Про деда, правда, ничего, а вот про отца — информация есть. Хотя прожили они в нашей области до отъезда совсем немного. Чуть больше двух лет после свадьбы. Все это время он жил с матерью в селе Добробуж. Это недалеко от Ровно. Сначала один, а потом с женой Марией Петровной и сыном.

— Мать советника из местных?

— Нет, Илья Бенедиктович. Мария Петровна в девичестве Ковач, 1946 года рождения не из местных. Из Закарпатской области. Есть там такое село Кальник. Ее родители за год до войны приехали в нашу область на заработки. Закарпатье тогда было, как вы знаете...

— Под Австро-Венгрией, — поспешил уточнить Васюта. — Это я еще в школе проходил. В мое время, знаете, историю Украины в школе преподавали намного в большем объеме, чем сейчас. Извините, отвлек вас.

— Верно, — не обращая никакого внимания на реплику представителя из Киева, продолжил губернатор. — Здесь и остались. Купили старенький дом в Добробуже. Там и жили. Родители ее в одночасье умерли, когда Марии было восемнадцать лет. На выданье была. Отец Александра, как я говорил, со своей матерью тоже жили в Добробуже.

— Почему только с матерью? А куда девался глава семьи?

— А глава семьи, уважаемый подполковник, был тогда на фронте. Если вы помните, тогда шла война, Великая Отечественная, — как будто в отместку за недавнее уточнение по истории, брыкнулся губернатор. — Кстати,

с фронта он так и не вернулся. Так вот, Тарас, отец погибшего советника, родился в конце сорок первого. Вот мать и воспитывала сына одна.

– Выходит, отец сына так и не видел?

– Выходит.

– Понятно. А куда уехали молодожены с родившимся ребенком?

Васюта прекрасно знал, куда уехали родители погибшего советника президента. Но решил уточнить, на сколько далеко распространяются познания губернатора в биографии погибшего.

– Вы знаете, уехали они именно в ваши края. Вы ведь с Одессы, нет?

«А вот это уже два один, уважаемые, – с сожалением подумал подполковник про себя. – Значит, вы обо мне слышаны больше, чем я ожидал. Это меня не совсем радует. К чему бы такие познания? Поди и о детях моих знаете?» – тревожная догадка дернулась было в основной поток, но подполковник тут же вернул ее на место даже не меняя выражения лица.

– В саму Одессу или в область? – в этом вопросе Илья решил гнать «-дурку» до конца.

– В область. Тарас Александрович Конопляный еще до срочной службы закончил техникум связи. Потом сразу на срочную ушел. В войсках правительственной связи служил. А после срочной буквально через месяц женился. У Марии как раз за несколько месяцев до его возвращения родители умерли. Работал у нас на узле связи. Станционным электро-механиком. В 1964-м сын родился. Потом его в командировку в ваши края отправили. Какую-то там новую телефонную станцию монтировали. Тарас Александрович приехал и забрал сына с женой туда. В ваши края.

– И где они там обосновались, вы не знаете?

– Нет! Этого я не знаю. Мне такие тонкости абсолютно не нужны. А что, это может сыграть какую-то важную роль в расследовании?

– В раскрытии.

– Не понял?

– Я говорю, в раскрытии, а не в расследовании. Мое дело как опера – раскрыть преступление. Найти исполнителя. Если подфартит, то и заказчика. Коль таковой будет фигурировать в деле. А расследованием преступления пусть занимаются следователи. Их в наших правоохранительных органах предостаточно. И в МВД, и в прокуратуре, да и в вашей фирме, уважаемый Илья Пименович, немало. Или я не прав?

Представитель УСБУ молча кивнул в знак согласия.

– Так вот, в нашем деле любая мелочь может сыграть важную роль. Тем более такая. Но я думаю, что в этом деле существенную помощь мне действительно может оказать товарищ Сорока. Если, конечно, это не составит для него большого труда.

– Не составит, не составит. Для этого его сюда и пригласили. Мы должны оказывать вам всяческую помощь в деле раскрытия, как вы говорите, этого жуткого преступления. Какая еще помощь от нас потребуется?

– По информации, которой я владею на данный момент, а майор Сорока только что это подтвердил, погибший какое-то время проживал в

Середняках, так? Мне бы очень хотелось съездить туда. Встретиться с людьми, знавшими его. И вообще, посетить тот район.

– Так это давно было, – майор вступил в разговор так оперативно, будто все это время ждал этой просьбы от убоповца.

– А действительно, Илья Бенедиктович. Ведь это давно было. Еще до развала СССР. Кстати, его первая жена тоже из ваших краев. Но сюда она ни разу не приезжала. Наверное, из-за этого и разошлась с мужем. Она там, он здесь... Странно все это.

«Можно подумать, что именно тебе в те времена она должна была докладывать о своем приезде. И кем ты был в те времена? Красный галстук, пионерское приветствие на каждый призыв и с голой ж... по лужам? А может, и в пионерах еще не состоял?» – подумал Илья, а в слух ответил:

– Вот и мне все это странным кажется. Поэтому и надо поставить все точки над i.

– Вы думаете, что в этом деле может быть замешана женщина?

– Женщины представляют большую половину жителей планеты. И не только могут, но и обязаны быть участницами всего. Особенно при совместной жизни. А если их разозлить, в смысле одурачить, они могут такого натворить, такого, аж неудобно станет, – под конец, превращая все в шутку, Илья даже рассмеялся самым натуральным образом. – А если серьезно, в Середняки мне обязательно наведаться надо. И там мне нужен будет кто-то, кто помог бы найти тех, кто непосредственно знал Конопляного-младшего по тем временам. Черт, одна тавтология. Времени у меня в обрез, Богдан Петрович. Сами знаете, – Васюта специально решил подкрепить свою просьбу напоминанием, что на данный момент он тоже подконтролен администрации президента.

– Над этим мы вместе с товарищем майором поразмыслим. Во всяком случае постараемся подыскать вам достойную кандидатуру там, на месте. Чтобы, так сказать, смог оказать самую настоящую помощь, – последние слова губернатор озвучил с откровенной улыбкой на устах.

От этой улыбки Васюте почему-то сразу захотелось боднуться. При чем в серьез. Но он не стал обострять отношения с такой большой шишкой в области в первый же день своего пребывания здесь. «Еще не время. Пока оставим все как есть. Как говорится, еще не вечер. До вечера всякое может произойти. И ишак копыта может отбросить, и эмир от злости лапы тоже может склеить», – считая, что очень удачно перефразировал в мыслях известную восточную поговорку, Васюта успокоился.

– Я так понимаю, – продолжил как ни в чем не бывало Васькинский, – что на данный момент больше вопросов у вас нет, да? В таком случае, – продолжил он, не видя никакой реакции со стороны Ильи, – подведем итоги. Числом один, нужную справку к утру Илья Пименович, кстати, ваш тезка, подготовит. Я правильно излагаю? – повернулся губернатор к майору УСБУ. Тот молча кивнул в знак согласия. – Числом два, помощника по Середнянскому району мы вам подыщем на месте. Остался, как говорится, шестой вопрос. Тут ваш тезка, Илья Бенедиктович, предлагает ужин с шашлычком на углях. Давай, майор, не стесняйся, предлагай.

— А чего стесняться, Богдан Петрович. Все так и есть. Предлагаем вам, Илья Бенедиктович, провести ужин в узком кругу. Как говорится, по полной программе. Как вы на это смотрите?

«А может, действительно плюнуть на все, пойти по наклонной, завести себе здесь какую-нибудь Пушкареву временно?» — подумал подполковник и тут же отрицательно мотнул головой.

— И рад бы в рай, товарищ майор, да государевы дела не позволяют. Очень не хочется, чтобы обо мне дурно подумали на Банковой. Тем более в самом начале моего прекрасного будущего, на которое я возлагаю большие надежды. Вы понимаете, о чем я? На Банковой тоже нужны люди моей профессии. А за предложение большое спасибо. Считайте, что я от него полностью не отказываюсь. Только на данный момент. Вот закончу всю работу в вашей области и, если вы к тому времени не передумаете, с удовольствием приму ваше предложение. Идет? — считая, что поступает очень мудро, Илья поднялся со стула. — В таком случае до утра. Кстати, ко сколько мне прибыть и куда?

— Как куда?! — чуть ли не с возмущением переспросил губернатор. — Естественно, сюда. А куда же еще? Думаю, к девяти утра нас всех устроит, а? Если возражений нет, то, Илья Пименович, проведите, пожалуйста, гостя к нашей машине и вернитесь сюда. Нам еще надо несколько вопросов согласовать. А вам, Илья Бенедиктович, приятного отдыха. И до утра.

— Ваша машина останется у них в гараже. Водитель уже устроен. Вас отвезут в частную гостиницу. Ей далеко до пятизвездочной. Хотя в любом случае на данный момент она лучше наших бывших протараканенных общаг, именуемых гостиницами, — все это эсбэушник выдал на-гора, покуда они с Васютой спускались по лестнице на выход. — А вот и ваша тачка. Водитель все знает. Кстати, если передумаете на счет ужина, вот вам мой телефон. Можно даже приятную компанию подобрать, — протягивая визитку, улыбнулся майор.

... «Да! А вот последнее предложение явно с губернатором заранее не обговаривалось. Неужели это его личная инициатива? Может, он осведомлен о какой-то тайне в этом деле и желает мне втихаря ее слить? Только ему-то какой с этого бульон? Срубить бабки? Нынче ведь почти для всех герой нашего времени — бумажка, на которой четко просматривается профиль президента чужой страны. И не любого президента, а самого ценного. Может, и в этой фирме уже пошла такая себе классическая «измена в рядах» за энное количество зеленых? — где-то Илья уже слышал такие выражения. — Так я же не набитый кредитками нувориш. У меня бабок, бабу одеть прилично — год собираешь. А может, он идейный? Борец за справедливость? Иди ты! Ерунду спорол аж самому смешно. Оказать мне помощь? Так наши с ним конторы очень даже не родные сестры. И в близких отношениях никогда не были. Хотя и берут свое начало от одной аббревиатуры, ЧК. И сколько их за всю историю не объединяли, разъединяли — родными они так и не стали. Профили разные. Да и не только. Одни всегда были при верхушке. Так сказать, при партии. А другие — при правительстве. А разве сейчас не так? Одни на связи с Банковой, а дру-

гие — с домом на Печерских холмах. Разница существенная. Нет, уважаемый, простите великодушно на непристойном слове, но есть у меня сильное подозрение на счет вас. И ваше предложение на такой себе междусобойчик меня пока не устраивает. Эх! Был бы здесь мой бывший шеф да в придачу еще и Подоляко, — мы бы вас, уважаемый, быстро раскрутили. А так, что у нас в исходняке? Практически по нулям. Ладно, утро вечера мудренее. И никуда мы отсюда сегодня уже не пойдем. Вон малышка, которая меня здесь оформляла, обещала кофейку сварганить. Глядишь, и печенье у нее найдется. Только все надо делать исключительно аккуратно. Особенно после сегодняшней беседы. Быть посему, «перезимуем» до утра, а там видно будет» — с этими мыслями Илья спустился вниз, к той самой малышке в передничке, которая и оформляла его в эти частные апартаменты.

Я из Одессы, здравствуйте!

— Как вы сюда попали и кто дал вам мой адрес? — быстро спросил хозяин неказистого домика, как только Васюта вошел из темного узкого коридорчика в слабо освещенную комнату.

Васюта не ответил. Он продолжал стоять у двери, прижавшись спиной к стенке, крепко прикрыв глаза. Если ты хочешь, чтобы они быстрее выкли к свету, постарайся, перейдя из темноты, несколько секунд продержать их закрытыми. Причем крепко прижав веки. Это он запомнил еще со студенческой скамьи, будучи курсантом Одесской школы милиции. И этот фокус за годы работы проделывал не единожды.

— Можете открывать глаза. У меня лампочка маломощная. И позволяйте полюбопытствовать, где вы этому учились? Или, может, сами допетряли?

— Хороший прием и, что характерно, теплый. Прикажете отвечать в порядке очереди? — Илья открыл глаза. Метрах в трех от него стоял здоровый мужик среднего роста, с большими залысинами и тонкими грузинскими усами. По внешнему виду моментально прикинул, что хозяин года три тому, во всяком случае не больше, распечатал сороковник.

Какие-то доли секунд они внимательно рассматривали друг друга.

«Живота нет, а руки держит как боксер. Значит, дельтовидные мощные. Накачанный малый. Это не есть хорошо. К чему бы такое нездоровое, скажем так, беспокойство о своем здоровье? Тем более в его возрасте? Нездоровое здоровье — тавтология, черт возьми. Или это профессиональное, или трудишься ты, милый, вышибалой в каком-нибудь местном ночном «Эльдорадо». Только это вряд ли. Как-никак райцентр. И за время пребывания здесь о таком заведении я должен был бы услышать. Это тоже не есть хорошо. Надо было для начала о тебе узнать побольше, а потом и на свиданку выруливать. Да слишком уж загадочным мне показался листок оранжевой бумажки с твоим адресом, приклеившийся к бланку командировочного удостоверения, который мне возвратила секре-

тарша. Причем сделано это было с таким немим предупреждением в глазах, что у меня так и чесалось спросить: милое создание, вы чем-то очень напуганы. Не меня ли испугались? Так вы не бойтесь, я не кусаюсь».

– Меня устроит и так и эдак. Желательно, поподробнее. Вы вошли в мой дом без приглашения. Так что на счет приема – не обессудьте.

– Вы хотите сказать, незванным гостем, да? – перебил хозяина Илья. Он сразу брал быка, как говорится, за рога. Ставил на место. Хотя вроде и вежливо. – А что может быть хуже татарина? – изобразив на лице что-то наподобие улыбки, вместе с тем он смотрел в глаза хозяина довольно пронизывающе.

– Только два татарина, – принимая шутливый тон, ответил смахивающий на грузина мужик. – Так я слушаю вас. И причем довольно внимательно.

К самому дому Илья подошел, когда темнота вошла в свои права понастоящему. Нет! Васюта не ждал от этого randevu никакой серьезной опасности. Во-первых, в Середняках он появился в первый раз. Во-вторых, по этому адресу он пришел только на второй день. Тем более, соблюдая все предосторожности. А серьезные опасности могут тебя подстергать только тогда, когда ты или набьешь мозоль нежелающим видеть тебя личностям, или наступишь этим личностям «на хвост». Пусть даже и чисто случайно. И уж конечно, если разворошишь чужой муравейник. Есть еще и другие причины. Но они, как правило, вступают в силу уже потом. Когда ты категорически отказываешься выполнять их условия. Пока его пребывание здесь ни под один из этих пунктов не подпадало. Пока все шло нормально. Как говорится: ни «хвоста», ни возбужденных мальчиков.

Минут десять он лениво цедил кофеёк за выносным столиком возле обшарпанного контейнера-двадцатитонника, изображавшего из себя взапрудышнее кафе. То ли «Ива», то ли «Нива». Надпись не освежали, по крайней мере, с момента получения лицензии. Кофе, правда, был ничего. Настоящий жареный, не растворимый. Хотя и не очень горячий. Но это можно было списать на открытый доступ природы к самой чашке.

Потом, когда предметы окружающей местности были зафиксированы чуть ли не на пожизненно и уже слегка стали терять свои очертания, а остатки кофе превратились во что-то не очень хорошее, подполковник нырнул в ближайший проулок. Там на стенке частного дома, это он подглядел заранее, под непрозрачной общипанной синей полусферой висел уличный картафон. Как и следовало ожидать, аппарат не работал. И привела его в такое состояние, и к ворожке не ходить, ринувшаяся в демократию молодежь. Что ж, «маємо те, що маємо». Повозившись для близира какое-то время, Илья вытащил карточку из приемника.

Почти напротив неработающего оконечного устройства станционного оборудования местного узла связи находился нужный дом. Он, кстати, был последним в этом проулке. Небольшой особнячок с шестью, не больше, сотками земли в придачу. Низенький, с маленькими окошками и небольшой дверью, перетянутой приличным брусом в форме английской буквы зет. Забор был только спереди. Вернее, не забор, а одностворчатые ворота с несколькими сломанными штакетинами и такой же доисториче-

ской калиткой, болтавшейся на одном верхнем навесе. Правда, чуть выше калитки, на довольно свежем шесте, висел ящик для писем. Металлический, как и положено, явно еще эсэсэровский. Так вот, именно на этой музейной реликвии и красовались две палочки, нарисованные белой краской. Как догадался Васюта, они-то и должны были служить гостям, пусть и татаринам, таким себе указателем, что сей дом учтен в городском БТИ под номером одиннадцать. Правда, отсутствовала такая мелочь, как название переулка. Но соседей и почтальона, смеем надеяться, это не пугало. А у остальных, как допустим у Васюты, должен был быть в наличии язык. Который, если верить преданиям, может довести аж до Киева. Так оно и было. Полчаса тому именно он и помог Илье установить справедливость. Оказалось, этот переулок и назывался Тупиковым.

Подождав минут пять и убедившись, что в радиусе видимости и слышимости на протяжении пяти минут подозрительных личностей не наблюдалось, Илья прошел мимо ненадежных калитки и ворот и ступил на территорию частной собственности со стороны кустарника.

«Ну чисто тебе вход в сарай, – подумал о двери Илья. – Старая как сей мир, хоть и освежена жестью и краской. А закрывается, кажись, не на один замок», – ощупав ее ладонью, Васюта постучал общепринятым стуком, именуемым в морзянке «дай, дай закурить». Он вообще всегда так поступал.

В доме не раздалось ни звука. Хотя, Илья мог дать голову на отсечение, в коридоре уже кто-то находился. То ли он нарисовался там после стука, то ли до – спорный вопрос. Пришлось стучать по-новому. И только после третьей попытки с той стороны заскрипели ригели и пискнула пружина. Замок был явно не с далекого Альбиона. Больше того, не первый день мечтал о смазке. Дверь открылась. Васюта продолжал оставаться на месте. Во-первых, в коридоре было темно, как у негра в желудке, и он ждал, когда хозяин зажжет хотя бы спичку. Сам зажигать ее не спешил. В подобных случаях подполковник старался держать руки свободными, чтобы всегда оставалась возможность качественно пройтись по всем болевым точкам любого, кто на это будет напрашиваться. Зря, что ли, учили? Во-вторых, как только дверь открылась полностью, от дальней стены на полшага отпочковалась какая-то фигура. «Черт! Неужели мочить будет? Даже не спросив фамилии? Вот это влип! Жалко будет если так безграмотно». Это и заставило его не очень спешить со следующими действиями. И, в-третьих, чтобы сделать шаг, требовалась такая мелочь, как приглашение. Поэтому он продолжал соблюдать элементарную порядочность. И таки дождался: «Два шага вперед и направо. Дверь открывается внутрь», – услышал он хриплый голос фигуры и тут же с точностью все исполнил. Противиться не имело никакого смысла. На данном этапе это было не в его интересах. Он обязан был идти на подчинение.

– Отвечаю в порядке очередности поступления вопросов. Очень просто. На маленьком квадратике оранжевой бумажки для заметок прочитал ваш адрес и решил узнать, кто по этому адресу живет. Вас такой ответ устроит?

– Это похоже на сказку про рукавичку. Нет! Не устраивает! Я не Мать Тереза и моя хижина – совсем не склад с гуманитаркой, чтобы я разбрасывался бумажками со своим адресом. Да и сомневаюсь я, чтобы вы так настойчиво интересовались всеми адресами, которые случайно попадают вам на глаза. Я прав? Между прочим, бумажек для записок в доме не держу. Не привык к ним. И вообще, у меня дома дел за гланды. Так что не тяните кота за все его причиндалы. Быстро и вразумительно: кто вам дал мой адрес и что вы от меня хотите?

– Или что? – входя в комнату, Васюта четко усек за спиной закрываемую на ключ входную дверь. Причем музыкальный слух его не подвел. Дверь не просто была заперта на ключ. Последний был вытащен и надежно упрятан в карман. – Если бы хотели вырубить, сделали бы это в проеме. Значит, даже дуплить сразу не будут. В таком случае спешить мне некуда. Тем более, если он в доме один. А из любой тупиковой ситуации всегда есть выход. Причем, как правило, тот же, что и вход. Только с небольшим философским отступлением. В лучшем случае. В худшем, тот же выход, но ногами вперед, – эти ценные мысли пронеслись в его голове со скоростью звука. – Шлепнете даже ничего не выяснив? Напугали, что я чуть в обморок не наложил. Но я же безоружен. А убивать безоружного – всевышний вам этого не простит. А присесть хоть можно? Или у вас принято снимать вопрос стоя? – видя, что легкий юмор не совсем удался, Илья решил закончить свой ответ так же, как и начал, вопросом. И это, оказывается, сработало.

– Извините. Присаживайтесь.

– Так это уже совсем другой компот. Спасибо. Значит, так, эту бумажку я получил в приемной Купровского Ивана Владимировича. Смею надеяться, что вам известно, кто такой Купровский?

– Купровского знаю, но при встрече обойду стороной. И это мое личное дело, – грубо ответил хозяин. – И что? Вы взяли у него эту бумажку и, дождавшись вечера, пошли стеклить по Середнянам в поисках адреса? Не смешите меня.

– Во-первых, сию бумажку мне вручил не Купровский, – Васюта буквально вперился в глаза собеседника. – А почему вы не спрашиваете, кто тогда вручил мне сию бумажку?

Вопросы остались без ответа. И только чуть погодя он услышал ответ, причем неожиданный:

– Значит, вы и есть тот самый офицер милиции, который приехал из Киева. И ваша фамилия?

– Ага. Как в том фильме: «и буду у вас жить...». Подполковник милиции Васюта Илья Бенедиктович, начальник отдела по раскрытию особо-важных дел ГУБОП МВД, – представился вошедший по полной форме. – А у вас нет такого желания? Хотя хозяин, как говорится, барин.

– Думаю, вы и так обо мне все уже знаете. Но если настаиваете? Бывший капитан милиции, бывший заместитель начальника «угро» нашего Середнянского райотдела Толчинский Натан Израилевич. Как видите, все бывший и бывший. Аж слух режет. Но я, чтобы вас не вводить во искуше-

ние в жалости к себе, совсем об этом не жалею, – как благую весть под конец сообщил хозяин.

– К сожалению, вы неправы. До настоящего времени о вас, кроме того, что вы озвучили, я ничего не знал. И к дому вашему направлялся исключительно на основании той самой бумажки. У меня просто не было для этого времени. Вернее, время я бы нашел – у меня не было у кого спросить. А спрашивать у первого встречного или тем более у Купровского я, мягко говоря, постеснялся. Так что, как видите, счет один ноль в мою пользу, – усевшись, убопонец почувствовал себя намного уверенней. Правда, в своем ответе он немного лукавил. Самую малость. Первый раз эту фамилию он услышал вчера вечером. По мобилке. А звонил ему...

– Здравствуй! Ты где и как у тебя дела? Партию рисовать уже начал? – Подоляко был до предела краток.

– Здравия желаю, товарищ генерал! В Середняках. Сегодня утром приехал. Не до версий пока. Сбор информации побыстрей наладить бы. Не с кем. Если нужны подробности, я вам перезвоню с мобильного. Но пока ничего нового. Одна лирика и та не в тему.

– Почему не звонишь туда? Они уже интересовались. Намекали на плохую дисциплину в нашей управе. Ты чего нас позоришь? Прошло три дня, как дело передали тебе, а результат нулевой. Мало того, тебе было сказано ежедневно докладывать о проделанной работе, а ты что делаешь? Молчишь, как партизан. Считаю, что неполное служебное несоответствие у тебя уже в кармане. Следующая остановка будет конечной. И произойти она может в ближайшие дни. Дня через три, допустим. У них там все зациклилось на цифрах два и три. Два хохла, три гетмана. Два кандидата – три этапа выборов. Дважды премьер – трижды или сколько там прокурор. Думаю, что тогда все будет кончено.

– И даже вы не сможете отмазать?

– Ты как разговариваешь с генералом!

– Извините.

– То-то же. Полностью даже я не смогу. Тут ты прав. Разве что, упросить продлить срок еще дня на три. И, поверь, это все, что будет в моих силах. Так что давай без искушения судьбы.

– Так мне что, каждый день звонить и... здравствуйте – до свидания? У меня пока никакой информации нет?

– Это твои проблемы. Ты делай то, что тебе говорят. Иначе останешься не только без пенсии, но и без выходного пособия. Усек? Теперь слушай меня и не перебивай. На память не жалуйся?

– Бог пока миловал.

– Это уже плюс. Запоминай фамилию, Толчинский Натан Израилевич. Запомнил?

– На всю жизнь.

– Так вот, он бывший капитан милиции. Кстати, твой земляк. Даже дважды. И по учебе тоже. Он, как и ты, школу милиции в Одессе заканчивал. В конце прошлого века был замначальника «угро» Середнянского райотдела. Как об опере... Полковник Холодный, помнишь такого?

—Из Киевского главка? Как не помнить, ожерелье когда-то с его помощью отстояли. (Более подробно об этом в романе «Заколдованное ожерелье»).

—Вот-вот. Холодный о нем, как об опере, отзывается с лучшей стороны. С начальством капитану не везло. Особенно в последние годы работы. Короче, кто-то там заварил мутное дело. Шили его капитану. Дело чуть не дошло до суда. Вмешался главк. Холодный уговорил его выпустить пар и даже извиниться. Обошлось увольнением. Если он там, в Средняхах, найди его. Он тебе окажет настоящую помощь.

— Можно сослаться на вас?

— Лучше на Холодного. Кстати, передай ему от него привет. И скажи, что его помнят только с лучшей стороны. Уловил? Как я тебе помогаю? Хоть спасибо скажи. Все. Будь здоров. И думай, думай. Много думай прежде чем что-то сотворить.

— А насчет темноты, — продолжил Васюта, — так этому нас в Одессе преподаватель по оперативной работе учил.

— Заканчивали Одесскую школу милиции?

— Было дело. А что? У вас там были коллеги, друзья?

— Я ведь тоже в свое время ее заканчивал, не к слову будь помянута. Видите, как дело повернулось, — голос отставного капитана прозвучал с грустью.

Васюта кивнул головой в знак согласия и сразу перевел разговор в другую плоскость:

— А что, капитан, в этом доме сухой закон? Или с тех пор как стали бывшим, дали зарок? Только не говорите, что вы в завязке.

— А я ничего не говорю, — хозяин поднялся, подошел к холодильнику, достал оттуда бутылку плоской, почти ополовиненной полуторалитровой «Немировской» и поставил ее на стол.

Только теперь Илья рассмотрел, что сидели они на кухне, двое дверей из которой указывали на то, что в глубине дома имеются еще, как минимум, две комнаты. «Будем надеяться, что в доме он один, — снова мелькнуло в голове Васюты. — След хозяйки тоже не просматривается. Обычная история у всех бывших».

Сгоняв в угол и, еще раз поковырявшись в шкафчиках, о чем свидетельствовали такие же, желавшие смазки навесы, бывший капитан вернулся с двумя тарелками и начатой буханкой порезанного ржаного хлеба. На одной тарелке красовалась горка консервированной ставриды в масле, явно не первой свежести, а на другой — две луковичы с остатком палки колбасы длиной не больше чем сантиметров пять-семь и солонка.

«Да! Не богатый у тебя Бог, товарищ бывший милиционер. Если это только не показуха, значит, ты действительно не вписался в «гурт», как говорят на Украине, новых украинцев. В таком случае прав Подоляко. С тобой можно работать, с тобой можно в разведку, тебе можно даже открыться. Не в полном, конечно, объеме», — подумал Васюта, а в слух произнес:

— Слышь, капитан! Не прими за обиду. Только я привык ходить в гости со своей посудой. Примешь? — достав из внутреннего кармана точно

такую же бутылку только целехонькую, поставил ее на стол. — Пальто-то у тебя где можно повесить? Думаю, теперь уже пару минутами здесь не обойтись.

— Давай его сюда. Да-а! Озадачил ты меня подполковник. К такому количеству «первого блюда» выставленной закуски явно маловато. Не потянет наша закуска такой выпивон. Надо что-то придумать, а то мы быстро косоглазыми станем. У меня есть картошка, но ее надо чистить и варить.

— А что еще есть кроме картошки в этом доме?

— Еще есть десяток яиц. А точно, давай яичницу сварганим. И быстро, и не кусается. Тем более что ими меня соседка отоваривает. По дешевке.

— Знаешь что, капитан? Давай мы по полтинничку примем, чисто символически, исключительно чтобы официально перейти на «ты», а потом обязательно что-то придумаем. Вместе пороемся в твоих запасах? В случае чего, не долго и за пополнением сгонять. Средняны — это совсем не миллионник.

— И овечья брынза еще найдется, — улыбнулся хозяин, наливая в рюмки водку из своей бутылки. — Давай, подполковник, за знакомство. А потом действительно разберемся, что и к чему.

Минут через десять на столе красовалась вместительная сковородка с яичницей на жареном луке. Кругляш овечьей брынзы был порезан на приличные куски, и вдобавок хозяин отыскал банку прошлогодних консервированных огурцов. Правда, покупных. Так что застолье напоминало между-собойчик с довольно богатым столом.

— Я вот что хотел у тебя спросить, — начал Васюта после очередной выпитой рюмки. — Ты откуда родом и кто по национальности?

— Я из Одессы, здрасьте! — подкрепил иронию мимикой и жестиком Натан. А то ты не догадываешься. Знамо дело, еврей. Думаешь, евреи только торговать умеют? Ошибаешься.

— И ничего такого я не думаю. А по внешности больше смахиваешь на грузина. Ты можешь в кратце рассказать, что с тобой произошло? Так сказать, чтобы я был хоть немного в курсе.

— А без этого ты мне довериться не можешь? Ты давай не юли. Раз пришел, выкладывай, что от меня нужно. Если смогу — помогу. Только большой помощи от меня не ожидай. Я ведь не при делах и многое для меня уже зась. Меня свои сдали с потрохами и совать свой нос в их дела выше разрешенной ватерлинии мне вряд ли дадут. Скорее всего, не дадут. Мой потолок теперь — то, что озвучено в СМИ. Секьешь?

— Значит, так! Вчера я имел разговор со своим шефом. Он у меня, знаешь, какой толковый? Так вот, тебе большой, большой привет от полковника Холодного. Не забыл еще его?

Натан сразу будто протрезвел. Хотя выпитые пару рюмок с его физически развитым организмом на внешний вид абсолютно не влияли. А вот сколько мог выпить Васюта, читатель уже знает. Если и не знает, то догадывается.

– И што ты мне тут недавно кенарем заливался, что до настоящего времени обо мне ни духом ни слухом? Это плохое начало. Я такие вещи не терплю.

– Извини. Только ты не прав, Натан. На враках меня не поймал. Я действительно до того, как мы встретились, о тебе ничего не знал. И пришел к тебе исключительно по настойчивой просьбе секретарши. Пусть и молчаливой. А вот когда ты мне представился по полной форме, тогда я и вспомнил вчерашний разговор со своим шефом. Такое опровержение тебя устраивает?

– Такое да, такое устраивает, – немного подумав, ответил Натан. – Тогда давай еще по полтинничку, как ты выражаешься.

– Не гони лошадей, капитан. У нас еще вся ночь впереди. Разговор будет долгим и должен стать не только интересным, но и продуктивным. Во, как!

– С чего начнем? – Толчинский наколот на вилку кусок огурца и как великую реликвию медленно поднес ее сначала к глазам и только потом спихнул в рот. – Такое серьезное начало наводит меня на мысль, что первым исповедаться должен я, так?

– До чего я люблю понятливых. Глаголь свою историю.

– Откуда начинать? Родился... садик... школа... Не состоялся, в смысле в партии. Чисто технически не успел. Не дождалась она меня. Поздно родился. Горби ее к тому времени уже успел по ветру пустить. А потом и вовсе Союз развалил. Не сидел, не привлекался, в связях не замечен. Виноват. Привлекаться привлекался, а вот сидеть – не довелось.

– А вот с этого момента, если можно, немного поподробнее. Что такое произошло в этой тихой заводи? Да у вас тут и ценностей-то никаких. И богачей вряд ли больше десятка наскребешь. Да и какие они богачи? Пару десятков тысяч долларов наскребли и считают себя акционерами государства с решающим голосом? Святая наивность. Шулер, знаешь, почему всегда в выигрыше? Потому что у него постоянно лишний туз в рукаве. Так и в нашем государстве – главный козырь у власть имущих. Вот они и банкуют. Поэтому так к корыту и стремятся.

– Ошибаешься, товарищ подполковник. Тут вначале девяностых кладбищенской тишиной и не пахивало. Согласен, трупы на дорогах не валялись. Но и стрельба была, и жмуриков хватало. И ценностей в наших краях тоже немало. Ты про Буковский янтарь слыхал? То-то же. Знаешь, сколько на нем на вершину пирамиды взобралось и сколько, мягко выражаясь, затоптанных в тех болотах осталось? Вот на одном таком деле я и сгорел. Как видишь, в те годы тут тоже что-то близкое к бардачку рисовалось.

– Что так? Лишний кусок себе прихватил? Упустил приличный куш за бугор? Не того мочканул? Или не в том месте?

– Как раз наоборот. Не дал за бугор сплавить. Только в этом не были заинтересованы некоторые деятели. Тогдашние борцы за справедливость, а сегодня проповедующие лозунг «Чистые руки». Вот мне и сшили дело. Причем довольно быстро. С фактами, понятиями, протоколами изъяс-

тия и прочими штучками, которым, как пить дать, поверил бы не только любой судья, но и оба его молчаливых помощника. Пришлось немного понервничать.

– И что, никто, как говорится, на поруки не захотел взять? А как понимать честь мундира и все такое прочее?

– Какие поруки? Я тебя умоляю. Из протокола по обыску и изъятию исчезли не только показания понятых и свидетелей. Исчезли и вещдоки. А дело-то за мной числилось. Самое хреновое то, что меня даже свои не хотели слушать. Я уже не говорю о местных, областных и столичных чиновниках. Дальнейшее ты уже знаешь. Конец мог быть совсем печальным, но выручил полковник Холодный. Он и уговорил меня сначала извиниться перед «уважаемыми людьми», а потом и частично согласиться с выдвинутыми мне несовершенными преступлениями. Отделался, как говорится, увольнением без выходного пособия и пенсии. Вот так считай уже несколько лет болтаюсь, как г... в проруби. Маюсь самым пошлым бездельем.

– А они что, не предупреждали тебя?

– Еще как предупреждали. И прессовали по-черному, и дуплили в шесть сапог. Только я после нескольких таких предупреждений без оружия из хаты не выходил. Это их немного охлаждало. Редко кто на ствол поперет. Тем более зная, что Героя даже посмертно не дадут. Правда, был один. Тот еще нарк. Его несколько дней на растяжке держали, потом на меня выпустили. Пришлось открыть огонь на поражение. Дело, правда, на то время закрыли. А вот потом, когда на меня всех собак начали вешать, тогда это дело поновой всплыло. Мол, в связи с появлением новых улик.

– Да! Занятная история. А этот, которого ты шлепнул, из местных?

– Пришлый. Из местных в моем деле никто не фигурировал.

– А эта секретарша? Она тебе кто?

– Да никто. Мы с ней просто знакомы.

– Ага! Знаю я, как никто. Из глаз даже сейчас вон как искры сыпанули. Чисто метеоритный дождь. Что, у тебя на нее сердечная недостаточность? Давно? Только она, по-моему, слишком молодая. Не считаешь, что это не твой размерчик? Хотя, не мое это дело, по правде говоря. Смотри, жена причиндалы не отчекржит?

– Тебе как умному ответить или как дураку? Зачем сразу в душу, да еще и не снимая штиблет? Жена у меня еще в 1997-м за бугор умотала. Сначала на заработки в Польшу ездила. Ягоды, урожай всякий собирать. Потом там и осталась. Она думает, что ей, с ее католическим Богом да с тем поляком, там будет лучше. Но я не в обиде. Благо, детей у нас не было.

– Ты еврей, она католичка. Странно все это.

– А она их веру приняла только тогда, когда стала жить с тем поляком. До этого христианскую веру исповедовала. Моя бывшая жена тоже не отсюда. Из Умани. Мы с ней в поезде познакомились, когда я из отпуска возвращался на службу в Середняны. Она уже тогда в Польшу челноком моталась. Поженились и ровно три года вместе прожили. А секретарша...

В глазах Натана мелькнула печаль безысходности.

— А давай-ка товарищ Толчинский мы с тобой еще по полтинничку хряпнем. Как говорят на Украине: «чтобы дома не журились», — суржиком, с улыбкой, пытаюсь отвлечь хозяина от грустного, предложил Васюта.

Предложение было единогласно принято и с чувством ответственности за провозглашенный тост реализовано. Тут же застучали вилки, и начался жевательный процесс. Правда, Илья, не дожидаясь окончания этого процесса, продолжил:

— Милое, должен тебе признаться, создание, — шепелявя, с набитым ртом Васюта пытался говорить внятно. Нет. Он не забыл о своем желании отвлечь хозяина. Если бы не было крайней нужды, он бы ни за что не продолжил травмировать и так израненную душу собеседника, в прошлом — коллеги. Но он должен был знать все об этом капитане. Бывший — так это даже лучше. И плохое, и хорошее. Пусть и интимное. Таковы жестокие правила оперативной работы. — Она как глянула на меня, я сразу понял, что дело серьезное. Скажу тебе больше, — качественно проглотив остаток пищи, продолжил подполковник. — Я сразу уловил, что распространяться об этом не стоит. Значит, ты от нее узнал, что я приехал? — как будто про между прочим спросил он, в упор вперившись в Натана. Такой себе незаметный оперативный шаг для выбивания нужных сведений. — И до какой степени ваше знакомство считается близким?

— Давай, подполковник, не устраивай мен допрос с пристрастием. Я и так тебе все расскажу. Это милое создание, как ты выражаешься, действительно когда-то было в меня влюблено по самые уши.

— Так, так. Это уже интересно. Неужто мы к старым нашим традициям возвращаемся?

— В смысле?

— В прямом. Раньше, в приснопамятные коммунистические времена, мы о чем за рюмкой водки разговоры разговаривали? Правильно, о бабах. А при самостоятельности? О политике и о наших бездарных политиках, которые все, что осталось от некогда процветающей Украины, профукали. Нет. Если это твоя частная жизнь, то я не настаиваю.

— Да какая это жизнь? В 1993-м, я тогда еще лейтенантом был, год только после школы проработал.

— Как год? Ты в каком году закончил?

— В 1992-м, а что? Поступал при Союзе, а заканчивал уже в самостоятельной Украине.

— А я в 1988-м. Я же после срочной поступал. Так ты с какого года?

— Здорово живешь. Вот те раз. Считаю бутылку приговорили, а только сейчас дни рождения уточнять стали. Веселый у нас междусобойчик получается. С 69-го. Только я два года в мореходке занимался. Потом бросил и поступил в школу милиции.

— А я, честно говоря, как увидел тебя — больше сороковника тебе отстегнул. Извини. В таком случае я старше тебя считай на семь лет. Совсем старый. Оказывается, Натан, годы, когда их с лихвой, вещь не очень

хорошая. Всех на свой рост начинаешь примерять. — где-то он уже слышал такую умную мысль.

— Чего ты извиняешься. Столько лет один.

— Да плюс такое пережить.

— Ладно, проехали... Так вот, поручили мне тогда в старших классах местных школ провести занятие на тему о криминальной ответственности за различные преступления. Так сказать, уберечь молодежь от путей неправедных. Табакокурение и вред от него, наркота и зависимость от нее. Последствия и все такое. Вот в одной из школ мы с ней и встретились.

— И она, естественно, моментально втрескалась в такого красавца.

— Вроде того. Только у нас с ней даже свиданок не было. Я ведь воспитывался совсем на других материальных ценностях.

— А она что, местная?

— Местная. И это тоже, наверное, не последним было в моих отрицательных отношениях к ней. И вообще, она и сейчас моложе своего возраста выглядит. Это, после рождения ребенка. А в десятом классе вообще на пионерку смахивала.

— Понимаю тебя на все сто. У меня бы тоже... Рука не поднялась...

— Неудачная шутка.

— А что я такого сказал?

— Если хочешь знать, она уже замужем была, когда меня привлекать стали. Так вот, считай, все от меня отвернулись, а она при встрече всегда какое-нибудь ласковое слово скажет, поддержит, глоточек веры вдохнет. А потом, когда мой вопрос все же решился, так сказать, без посадки, она совсем изменилась. Какими-то путями секретаршей в районную администрацию устроилась. Как чувствовала, что грядут большие изменения. Что в кресло главы администрации скоро сядет Купровский.

— Ты против него что-то имеешь? — Илья второй раз за весь разговор буквально вперился в глаза бывшего капитана. Тот ответил тем же. Так продолжалось несколько секунд. Будто они в игру играли, кто быстрее отведет глаза. Не получилось. Так и не отведя глаз, Натан продолжил:

— Ни тогда, ни сегодня доказательной базы у меня против него нет. Но я нутром чую, что и он, и губернатор области повязаны в очень нехороших делах. Был еще один, бывший замначальника УМВД. Некто, Салоевский. Но он после известных перемен куда-то слинял. Говорят, ищут его. Только я в это не верю. Если бы хотели найти — давно нашли бы. И вообще, смешно все это. Такие разведки мира и не могут найти Усама бен Ладена. Значит, кому-то это надо?

— И что она сделала такого, сев в кресло секретаря главы райадминистрации? — Васюта решил, что странички с лирическим отступлением есть смысл пропустить. Попутно, дабы это не выглядело слишком навязчиво, наполнил рюмки жидкостью. Правда, теперь уже из своей бутылки. В хозяйской — оставались одни слезы.

Выпили без всякого тоста. Как говорится, о плохом — молча. Хозяин так даже не закусил. Не сводя глаз, уставился в стенку против Васюты.

Потом сменил стенку на лицо Васюты и снова игра глаз. Подполковник паузу выдержал с честью, а посему Натан Израилевич продолжил:

– Встречает она меня как-то на дороге. Здравствуйте и все такое прочее. Базар-вокзал, не изменилась, не изменилась. А потом, прижавшись ко мне поближе говорит: «У меня в приемной есть один старый телефонный аппарат. Автоответчик называется. Цвет белый. Что-то там в нем не пашет и он работает как простой аппарат. Не беретесь ли вы его починить, чтобы он работал как надо? Там катушка маленькая, записывает, что надо...» И так пронзительно в глаза мои посмотрела, что у меня аж мурашки по спине пробежались. А она продолжает. Правда, теперь уже тихо, тихо. «Вы ведь не хотите, чтобы те, кто над вами издевался, вышли сухими из воды?»

– Так прямо и говорит?

– Здравствуй вам через окно. Да шоб я так жил, Илья! Или тебе мамой поклясться? Так я и не помню, как она выглядит. Мама после родов прожила всего-то ничего. Успела меня на свет произвести и отправилась к Богу. Посчитала, что ей там будет намного спокойнее, чем здесь. И она таки права. Особенно в наше время.

– Ладно, ладно. Что ты кипятиться как старый чайник? И ты, конечно, согласился, да?

– А ты бы поступил по-другому. Там же кассета и вообще, это же готовый «жучок». Правда, объемы разные. Но на «жучки» сегодня всякий внимание обратит, а на старый аппарат...

– Я тебя понял. Ты взял аппарат и переделал его в пишущий «жучок». Но ты же не сам это сделал?

– Обижаешь, Илья. Я же радиолюбитель, как говорится, еще с советским стажем. Так там и переделывать-то много не надо было. Пару раз ткнул паяльником в плату, добавил кой-чего и вся работа.

– И что, он до сих пор находится там?

– А где ему находиться? Он же числится по инвентарной книге. Даже номер снизу красной краской нарисован. И подключен. Только как параллельный. В принципе, так он был подключен еще до Ярины.

– Ага! Наконец-то. Значит, это милое создание именуется Яриной? И часто ты снимаешь информацию с этого аппарата?

– Когда как. Она мне звонит, мы встречаемся и обмениваемся кассетами. Это, если есть информация, заслуживающая внимания.

– И много у тебя накоплено таких записей.

– Хватает.

– Так почему не используешь?

– А кто мне поверит? Тем более в этом захолустье? Сразу мочканут. Последнюю она мне передала именно вчера. Могу дать послушать. Тем более что запись на ней касается именно тебя.

Васюта сразу стал трезвее всех трезвых. Будто и не было больше полулитры выпито.

– Давай!

Ровно через минуту они оба свесив головы низко над столом устались в небольшой диктофон. Простой, катушечный.

– Здравствуй, Иван Владимирович! Что нового?

– Да так, всяко-разно, Богдан Петрович. С теплом воюем.

– А чего с ним воевать? С теплом нехрен воевать. Воевать надо с холодом.

– Так я и говорю, за тепло воюем. Котельные на последних запасах угля работают.

– Так чего не покупаешь? Ждешь, когда останются? Смотри, тогда мы с тебя не только чепчик снимем, без штанов останешься.

– А деньги где взять, Богдан Петрович? В бюджете на зарплату и ту не хватает. Народ плохо проплачивает.

– А ты на какой машине ездишь? Поди на иномарке, да еще и не простой?

– Так ведь...

– Некогда мне с тобой шашни разводить. Я по другому вопросу. Там к тебе сегодня выехал представитель из Киева.

– От нашего президента? И что я должен приготовить?

– Ты один в кабинете?

– Как перст один.

– А твоя Ярина часом на кого-то не пашет? Я ей правда постоянно подкидываю предложение перейти ко мне работать. Да она все отказывается. Она случаем не подслушивает?

– Дак это мы сейчас проверим.

– Ага! Ты ей еще с кабинета на всю громкость крикни, что идешь проверять. Дурак, это надо очень тонко сделать. И не сейчас, понял. Ладно, будем считать, что Бог милует. Так вот, представитель этот не от президента. Хотя и работает по поручению главы администрации с Банковой. Этот человек с Богомольца, 10. Ты хоть знаешь, что там находится?

– МВД.

– Правильно. Но этот человек не именно с МВД, он из Главного управления по борьбе с организованной преступностью.

– Серьезная фирма. А почему к нам? Мы чем-то провинились? Неужто...

– Ты хлебальник-то открывай пореже. Главное, смотря где? А то ненароком зашить могут на пожизненно. Так вот, одного нашего общего знакомого на перевале мочканули. То ли авария, то ли кто-то к телу ручки приложил. Ему на Банковой поручили это дело расследовать. И поручение это дадено Самим. Секьешь, какая ответственность?

– Это, которого нашего знакомого? Неужто Сашеньку Конопляного?

– Догадался, значит.

– Царствие ему небесное. А как хорошо по лестнице вверх продвигался. Иногда, честно говоря, завидовал.

– Ты смотри там, на месте, не сболтни лишнего. Вообще-то, он, по-моему, немного с придурью. Глубоко пахать не станет. Я тут ему

одного эсбзушника подsunул. Своего, конечно. Он возмущился, почему не с ментовки. Да и с Банковой его, если потребуется, притормозят. У тебя есть толковый парень в местной каталажке?

– В смысле, в райотделе?

– Именно там. Но такой, которому ты веришь как себе самому. Желательно, чтобы он хотя бы на четверть своей ставки у тебя на кармане сидел. Есть такой?

– Найдем.

– Вот его-то в помощники этому представителю и подsunь. Главное, ты должен знать каждый его шаг. К нему на Банковой водилу приставили. Так что они тоже будут все знать. Но мы должны на полшага быть впереди их. Чтобы знать, какие вопросы последуют и какие ответы на них подготовить. Уловил?

– Так точно, Богдан Петрович.

– Что ты заладил, как попугай? И еще, ты там хорошенько все прибери. Уборщицу найди толковую. Денег не жалеи. Торчащие ветки, если надо, пообрубывай. Все должно быть чисто, как в операционной. Каждый день к вечеру докладывай мне. Куда ходил, с кем встречался, о чем шептались? Да, да! Заходите. Я давно вас жду, уважаемая...

– Не понял?

– Это я не тебе. Так ты все понял?

– Все.

– Вот и хорошо. Будь здоров.

– Она что, и записывала, и прослушивала? – Васюта все еще был под впечатлением прослушанного. Правда, это надо было еще толково обработать в своих извилинах. Просеять, выбрать главное и определить направления работы. Но это будет немного позже. Когда он будет беседовать с умным человеком. И на кровати.

– Ага!

– То-то же. Когда я вышел из кабинета твоего Купровского, она мне уже и командировочные вернула. Именно к ним и был приклеен оранжевый листочек для записок. Ну чисто тебе революционный цвет. А на нем твой адрес. Кстати, ты знаешь, откуда этот цвет появился перед выборами в Украине? Его из Штатов слямзили. У нас в МЧСе как обозначаются степени опасности? Знаешь?

– У пожарников – категориями сложности. Первая, вторая. У остальных не знаю.

– А в Штатах, цветами. Так вот, я где-то слышал, что оранжевый цвет в Америке – самый высший. В смысле, самый опасный. Вот тебе и революция. Но не это главное. Главное, я видел ее глаза. Они и заставили меня прийти к тебе. Тем более что мне обязательно надо было найти помощника. А когда позвонил мой шеф, тогда мне надо было через кого-то выйти на Толчинского. Я же тогда не знал еще, что это ты.

– Слышишь, Илья, так это что, правда? Я на счет Конопляного? И где его мочканули?

Васюта молча кивнул головой.

– Тогда почему этим делом занимаешься ты, а не следак из прокуратуры? «Жмурики» – их курятник.

– Это ты у главы администрации президента спроси. Между прочим, я этот вопрос тоже своему генералу задавал. Он, кстати, меня тоже послал. Туда же, на Банковую, не подумай куда похуже. А не набулькать ли нам, Натан, еще по полтинничку, – Илья решил перевести разговор в реальность. – Что-то твоя записка на меня отрезвляюще подействовала. Весь кайф сгубила, – и, не дожидаясь ответа, дотянулся до бутылки с водкой несколько раз взбультыхнув ее в руках, явно чтобы она через дозатор глотнула воздуха, набулькал в стаканы такую дозу, что более слабого «белка» сразу за жабры схватит. Сказкой покажется. – Хватит по мизеру, нет? А то мы так и до утра ее не освободим. Закусь в тарелке сохнет. Хотя, – глянув на стол почти трезвыми глазами, Илья улыбнулся, – что ты говорил у тебя еще имеется из продуктов? Картошка? Это – резерв главного командования. Помнишь про четверых моряков-дальневосточников. На барже их в шторм унесло в океан. 49 дней мотало. Так они одну картошку на несколько дней делили. А подсолнечное масло у тебя имеется, хлеб?

– Этого добра хватает. Вам какой, сер? Белый, черный? Шучу. Считаю, больше полбулки черного. Только он вчерашний. На столе вон сегодняшнего несколько ломтей осталось.

– Давай хряпнем, загрызем, а потом я тебе такую закуску сварганю – пальчики оближешь.

Минут через пять Васюта уже оперативно хозяйничал в уголке. Там действительно была кухня. Такой себе угол кухонный. Газплита, холодильник, куча всяких шкафчиков и ящичков. Разбив штук пять яиц в глубокую миску, расколов их ложкой до однообразной массы, Илья брал нарезанные ломти хлеба, вмокал их в яичницу и ромашкой укладывал на горячую сковородку.

– Так такое блюдо и я умею, – улыбнулся хозяин. – Я думал, что ты меня чем-то новым удивить хочешь. Давай я сам уж займусь. Как-никак у себя дома.

– Не мешай. Таскай, давай, на стол. Тут работы на пять минут. Слышь, как вкуснятиной запахло? У меня шеф был, он сейчас на пенсии, я его должность занимаю, так он знаешь, какую закуску варганил на таких междусобойчиках? Он родом из Закарпатья. Домашняя колбаса, яйца, брынза, сало. Закачаешься.

– Не понял? Это что, все вместе жарить? «Кишен мерен тухис».

– Не-е. В задницу не пойду. Не все. Брынза отдельно. Хотя, надо бы попробовать и брынзу в кучу свалить. Пусть бы жарилась. Брынза – это что-то среднее между молоком и маслом. Соли только добавлено. Все, пошли к столу, – Илья прихватил тарелку с последними обжаренными кусками хлеба.

– Что ты там спрашивал на счет Конопляного? Где его замочили? – Илья специально затянул ответ, развернув большую деятельность с приготовлением закуски. В принципе, можно было сделать простые бутерброды. В холодильнике имелось сливочное масло. Причем, как и яйца, не

покупное. Соседка Натана была мастерицей на все руки. Тем более что с Натаном у нее были свои расчеты. Молодая, тридцати трех лет отроду, кровь с молоком, двое шустреньких барби-погодки, да муж алкоголик. От которого ни зарплаты, ни по хозяйству, ни... А тут сосед молодой, накачанный, почти не пьющий и вдобавок без жены. Как не помочь. Ему надо было архисрочно обмозговать общий диапазон беседы по Коноплянному. Возможности заранее подготовиться к этой беседе у него не было. – Слышал про перевалы в Карпатах?

– Не только. Даже проезжал.

– Вот на одном из таких перевалов его тачка сверху донизу выписывала кульбиты, аж пока не загорелась. В итоге, два обжаренных тупа, – Илья все любил раскладывать по полочкам. Невзирая ни на какие подводные камни. В смысле, сбивания с пути. Пусть и не специально.

– Братишки затемнили? Кто и за что?

– Вот это мне и надобно отработать.

– А второй кто?

– Водитель.

– Вот водителя жалко. Хотя у таких людей, как Конопляный, всегда в помощниках себе подобные. И когда это случилось?

– Почти в полночь с 11 на 12 февраля. Если точнее, в 23 часа 43 минуты. Именно так зафиксировано в протоколе ГАИ.

– А может, это простая авария? Погодный фактор, человеческий... Сейчас модно все списывать на эти факторы.

– Простой аварией там и не пахнет. Заказняк еще тот. Причем на химии зиждется.

– Это что-то новое. Химия наша, отечественная?

– Нет. Штатовская.

– Ты смотри, даже некомпетентная. К такой у нас простые смертные доступа не имеют. Значит, солидный заказ. И ты считаешь, что веревочка отсюда тянется? Если химия такая солидная, ищи следы в другом месте.

– Я ничего пока не считаю. Мое дело – отработка версий, – Илья на всякий случай поставил себя на второй план. Ведь в записи «жучка» не указано было, что он руководит раскрытием.

– Судя по срокам, Середнянский узел у тебя в первоначальных версиях, так?

– Не только. Мне бы хотелось узнать о Коноплянном все. Начиная от его рождения. А он родился именно у вас. Корни его именно отсюда тянутся.

– Допустим, не у нас, а в Ровненской области, село Добробуж. Только это темная история.

– А хотя бы просветить ее можно? И откуда ты так хорошо проинформирован об этом деятеле?

– Мутный он фраерок, должен тебе признаться, – Натан довольно лениво потянулся к бутылке. – Давай, что ли, попробуем твоё блюдо. У него есть какое-то особое название?

Васюта не ответил, и они молча выпили.

– Он же один из тех, кто фигурировал в моем деле.

– Давай-ка ты, дорогой, Расскажи-ка мне все, что знаешь об этом мутном фраерке, как ты выражаешься.

– Многого я не знаю. В поле зрения он попал, когда появился у нас. Это было где-то в одна тысяча девятьсот девяносто то ли третьем, то ли четвертом году. Нет! Все верно, в девяносто четвертом. Я тогда старшим лейтенантом был. Создали они у нас недалеко от пгт Буково общество с органической ответственностью «Полесье». В уставе числилась вырубка бракованного леса, распиловка его на доску, брус... Всякая там торговля и прочие безответственные пункты. В те времена такие общества появлялись как грибы.

– А закрывались, как гробы. Извини, что перебил.

– И такое бывало. Банкротились, закрывались и опять возрождались аки Феникс из пепла. Только уже в другом месте и под другой вывеской. И фамилией, естественно, тоже. Кто-то включал решалово, и все шло как по маслу. Так вот, выкупил он пилораму, была в одном из лесничеств такая штука. Еще до войны ее построили. Хозяин ее был некто Ковальских. В 39-м сбежал в Польшу. Но с приходом немцев – вернулся. У него тогда еще в батраках поляки и украинцы работали. А в последние годы, начиная с горбачевского правления, никто ее уже не эксплуатировал. Вот он эту пилораму и выкупил. В чернорабочие к нему разный народец косяком повалил. Здесь же работы – раз, два и обчелся. Но не это было основной деятельностью общества.

– Постой, постой. Ты говоришь, что было создано общество. А кто вошел в состав организаторов? Так сказать, кто создавал уставной капитал? Фамилии ты знаешь?

– Фамилии? Фамилии конечно были. Только все это туфта. Попки все. Одна реальная, Александр Тарасович Конопляный. Фамилий было пять. Некто Вивер, Войтович, Самборский и одно посконно русское имя Иванов. И адреса были. Только адреса все липовые. Правда, с финансовой стороны ни к уставу, ни к оплате налогов – не подкупаешься. Все было на мази.

– И чем же занималось это уважаемое общество кроме официальной распиловки леса?

– Так я же тебе говорил. Янтарь они добывали.

– И что, на этом и жили?

– А ты цену янтаря знаешь? Тем более нашего. Это тебе не с Прибалтики, волнами перемолотый чуть ли не до порошкообразного. Тут куски по килограмму и больше из земли вытаскивали. А это десятки тысяч долларов, должен вам признаться.

– В год?

– В месяц.

– Иди ты! Вот это размах, – у Ильи аж глаза заблестели. – Не-е. Такое без дупельков не переваришь. Набулькай-ка ты, дорогой, еще по полтинничку. Закусь совсем остыла. А впрочем, хлеб когда холодный – вкуснее кажется.

– Это, если с голодухи, – Натан от души наполнил в стаканы. – Будем! – они в очередной раз чокнулись.

– Что ты говорил? – с хрустом пережевывая поджаренный хлеб, выдавил из себя Васюта.

– Когда? – с таким же скрипом ответил хозяин.

– Перед тем, как наливал.

– Это я так, про себя.

– С умным человечком словом перемолвился? Понятно. А ты не пробовал пробить фамилии тех, кто за этими попками стоял?

– Пробовал. До личностей не добрался. Но трое, как пить дать, из нашего региона. В смысле, области.

– Из госадминистраций?

– Ну да. Местной и областной.

– А четвертый?

– Четвертым мог быть кто-то из Киева. А может, даже из-за бугра.

– Из Польши?

– Не пойман, Илья, не вор. Только я одно знаю, с нашей стороны там-ошня в этом деле стопудово крышевала.

– Откуда дровишки?

– Понимаешь, Илья. На таможне у меня был один хороший знакомый. Так вот, получаю я информацию, что микроавтобус «фольксваген-транспортер» собирается на следующую ночь в рейс за бугор. В Польшу. Отсюда частенько челноки такими тачками за товаром мотаются. И в этом нет ничего удивительного. Удивительно другое. Водитель этой тачки – водитель замначальника УМВД. Беру я мобилу и звоню своему другу. Так мол и так, завтра в ночь на таможне появится такая-то тачка, с такими-то номерами. Ты ее досконально, мол, прошмонай. Много интересного увидишь. А в ней, уважаемый товарищ подполковник, было-таки на что взглянуть. Килограмм пятьдесят отборного крупного янтаря. Ну, думаю, теперь этим фраерам кранты. Полный звездец не только котенку, но и всему его окружению. С конфискацией причиндал и прочей собственности.

Услышав о количестве янтаря и произведя нетрудные подсчеты, у Ильи челюсть опустилась в район пупка.

– Ну и как? Таможня дала добро, и вы успешно накрыли «окно»?

– Ага! Тот самый случай. Фиг ты угадал. Таможня на сегодня берет добро. Дружбан ответил, что поменяться сменами ему не разрешило начальство. Он там было привел причину – семейные обстоятельства. Значит, крыша на таможне серьезная. Ты посмотри, уже третий час. А спать когда? Между прочим, уважаемый сыщик, за все это время ты меня раздел до неглиже. Стыдно на стуле сидеть. А сам, так и остался в своих шубах. Так не годится. Я понимаю, что не фифти-фифти. Но мне бы очень хотелось кое-что и о тебе узнать. Во всяком случае, чем ты реально собираешься заняться? Только не смеши меня, что здесь ты хочешь найти вещдоки убийства советника. Во-первых, далеко от места убийства. Во-вторых, такие дела раскручиваются по горячим следам. По прошествии

времени искать убийц бессмысленно. Во всяком случае, так далеко от места убийства.

– Так и быть. Расскажу тебе одну историю. Во время войны в этих краях пропал спецотряд НКВД и НКГБ, вывозивший ценности из банков – филиалов Центробанка СССР. Золото, валюта, деньги... Згинул бесследно, как и ценности. А в том отряде был один офицер по фамилии Конопляный Александр Тарасович.

– Однофамилец, что ли?

– Нет! Дед нашего советника. Ты что-нибудь слышал об этой истории?

– Теперь я начинаю кое-что понимать. Слышал, доносилось кое-что, – ухмыльнулся Натан.

– Расшифруй.

– Да об этих ценностях у нас в каждом хуторе сказки рассказывали. Я-то думал, ты серьезными вещами заниматься будешь. Неужели собираешься эти ценности искать? Пусть эсбэушники потеют. А впрочем... Если так хочешь, поэтому делу я имею кое-что сказать. Но это в другой раз. Пора и байньки. Давай так, я тут кое с кем из своих перетру и маячну тебе. Через секретаршу. Она у нас теперь на связи будет. Нам бы еще тайники и... Полный комплект палаты в известном заведении. Давай-ка на посошок и гори оно все...

Середнянский узел

Если первый день в Середняхах Васюта провел исключительно в кабинетах, изображая из себя такого себе столичного чиновника-штуцера, тем более с такими полномочиями (на периферии это прилично подпитывало адреналином его кровь), то на второй день он усиленно занялся сбором и изучением данных по главному фигуранту дела.

Еще в первый день, сразу после встречи в райгосадминистрации, подполковник нанес визит начальнику РО УМВД майору милиции Войцеховскому Василию Федотовичу. Естественно, предварительно созвонившись с ним. Там он благополучно истратил весь остаток рабочего дня. Практически, без какой-либо пользы. Хотя, как сказать. Не всегда польза проявляется сразу. Больше того, и он это знал из своего опыта, такая скороспелая польза зачастую бывает малоэффективной. Обманчивой, ложной. Особенно, если это касается корпоративной этики или защиты собственного ведомства. Результат от такого действия может всплыть несколько позже. Отрицательный или положительный – это уже другой разговор. Кстати, отрицательный результат – это тоже своеобразный плюс. Плюс в общем объеме работы.

Разговор проходил за несколькими чашками чая и представлял собой обыкновенную беседу двух коллег одного ведомства. Общая ситуация в районе, в том числе и в державе. Обилие недостатков прошлого. Естественно, с криминогенным уклоном. Героические подвиги по их искоренению... И все такое прочее. Но больше всего Илью удивила проза Войце-

ховского в отношении планов окончательного искоренения этой самой криминогенной обстановки. Как в отдельно взятом районе, собственном, так и в целом по державе. Причем не так сами планы, как тот пыл, азарт, с которым собеседник пытался навязать их гостю. Для него так и осталось загадкой: или на этот процесс существенно повлияли полномочия, которыми он, Васюта, обладал, или это уже было в крови чиновников всех звеньев западных регионов. Главное, что вынес из этого разговора убопонец, так это обещание всяческой помощи представителю из Киева.

«Если его помощь будет еще и эффективной, тогда время беседы выброшенным за борт считать не будем. А планов у него действительно громадье. Ну, чисто тебе руководитель государственного масштаба, – рассуждал Васюта уже у себя в номере, качественно просеивая проделанную за день работу. – Так что мне делать с этой бумажкой? Верить или не верить? Хотя бери ромашку и выдергивай из нее перышки, – на оранжевом квадратике для записок было напечатано всего несколько слов: *«Переулок Тупиковый, 11. Вечером. Умоляю, без свидетелей»*. – Странно все это, – вертя в руках слегка потертый за день листочек, Илья не мог прийти к единому мнению. – Бумажка – ромашка, опять игра слов. Если это попытка направить меня по ложному следу, то я бы не сказал, что умно состряпана. Может потому, что времени мало? А что, вполне возможно. Задачу поставили, а времени для ее легендирования не дали. Нет! Времени у них было достаточно. Студенты, если прижмет, за ночь китайский язык выучивают. В таком случае этой бумажке надо верить. Да, задача».

«Как она тебя, за одну секунду? Гляди, что бы тебя с этого Тупика не вынесли вперед ногами», – подсуетился внутренний голос.

«Закрой «калитку», паразит ты эдакий. Накаркаешь, я тебе такое устрою, такое... Между прочим, да будет вам известно, – Илья продолжил спор со своим внутренним голосом величая его на «вы», – сегодня решение по этой бумажке мы тормознули. Теперь тебе легче на душе?»

«Мне то что. Это у тебя душа, а у меня души нет», – съерничал все тот же голос.

«Ладно. У нас еще есть время. Посмотрим завтра правильно ли сделали? Как говорится, даст Бог день, даст Бог пищу. Еще раз глянем секретарше в глаза. Если в них и дальше будет отражаться печаль грусти и боязни, тогда, быть может, и решимся. А этот Купровский ничего... Держится более независимо, чем губернатор. С чего бы это? Может, он сам себе на уме? Тогда с ним надо работать более осторожно. Итак, чем мы займемся завтра. Числом один, встретимся глазами с секретаршей. Числом два, необходимо встретиться с людьми, окружавшими Конопляного-младшего. Выяснить все про фирму «Полесье». Одни встречи. А губернатор очень профессионально назвал должность, которую занимал Конопляный в этой фирме. Или это связано с повседневным решением похожих вопросов, или он у этой фирмы даже в таких тонкостях был в курсе. Но он же не председатель райсовета? Этим вопросом следует заняться впритык. Что еще? Нанести визит в налоговую. А вдруг за покойником

долгов уйма? Причем в штрафных измерениях. И поэтому его и затемнили».

«Не смеши красавицу, сыскарь. Ты в своем уме? И кто его должен был замочить? Налоговый инспектор?» – не отставал внутренний голос.

«Да, Тут ты прав. Нынче даже братишки умнее стали. Должников не мочат. Со жмурика что возьмешь? Что еще? Неплохо бы наведаться и к новому хозяину той фирмы. А вдруг что-то проявится. Вдруг какой-то хиленький след именно из пилорамы потянется? А что? Купил фирму как порядочную, а в действительности оказалось фуфло. Фигурант бабки возвращать отказался. По закону он прав. Оставалось только мочить».

«Ага! И яд он из Штатов заказал, да? Товар почтой, да? Стареешь, брат, стареешь?»

«Да иди ты знаешь, куда со своими возражениями? Надоело мне с тобой васькаться. Спать буду».

Так прошел первый день.

Второй прошел в постоянном движении. «Движение – это жизнь, – после встречи с секретаршей, подполковник был в неплохом расположении духа. – Не плохо бы такой лафы подольше. Отчитываться ни перед кем не надо и вообще. Сам себе хозяин. Избавиться бы еще от звонков на Банковую. Все равно докладывать пока нечего. Получится... до безобразия однообразный разговор. Черт, опять игра слов. Что-то она ко мне в этом регионе накрепко прицепилась. К добру ли это?»

Беседа со знакомыми Конопляного, которых ему посоветовал с утра Купровский, нового ничего не дала. Или все, с кем разговаривал Васюта, железобетонно придерживались принципа: о мертвых или хорошо, или – ничего, или все они получили именно такие установки. «Знать бы, от кого. Что самое интересное, все они прекрасно осведомлены о гибели своего бывшего знакомого. Вряд ли это из СМИ. О гибели, если верить моему бывшему шефу, печатала всего одна газета, «Факты». Неужто все читают одну и ту же прессу. Ладно, зафиксируем для памяти».

Ничего не дало и посещение налоговой. Кроме начальника, в лицо Конопляного никто не знал. А отчеты и прочие необходимые документы на сверку приносила бухгалтерша. Кстати, в этой должности на полставки, так впрочем, она работала и при Конопляном, ее оставил и новый хозяин. С ней Васюта тоже встретился на ее основном рабочем месте. Ружина Славко работала в некогда мощной организации, именуемой райпотребсоюзом, от которой на сегодня остались ножки да рожки. Но что самое главное, организация совсем не бедствовала, сдавая в аренду помещения как основного офиса, так и торговые точки по району. Правда, из всех сотрудников бывшего райпо в фирме осталось только четверо. Директор, его заместитель по всем неясным вопросам, бухгалтер, именуемый теперь ведущим бухгалтером, и уборщица. Как видно, доходы от аренды давали неплохую прибыль. И вероятнее всего, совсем не ту, что указывалась в статистических документах для налоговой инспекции. Ну да Бог с ними. Правда, под конец беседы Илья обнадежил Славко, что она ему

может скоро еще понадобится. От этих слов последняя стопроцентно осталась не в большом восторге.

Так пролетел второй день. И закончился он в Тупиковом переулке, 11.

Третий день внес кое-какие изменения. Особенно, под конец рабочего дня. Но давайте все по порядку.

Прямо с утра Васюта занялся изучением документов фирмы «Полесье». По поручению Купровского все документы из райсовета были предоставлены Илье как на пожар. Создавалось такое впечатление, что они, эти документы, буквально ждали этого часа.

Протокол общего собрания учредителей, устав общества с ограниченной ответственностью «Полесье», подписи учредителей, данные их паспортов и адресов регистрации – все как по науке. Цели, задачи, диапазон выполняемых работ, уставный фонд, распределение прибыли. В общем, видно было, что сей документ составлен не просто так, а на основании утвержденного райсоветом образца. Естественно, не нарушая установленный законом общий порядок регистрации таких фирм.

«Значит, Толчинский не врал. Вот они те фамилии. Да-а. А вот и адреса регистрации каждого. Действительно, «наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз», – вспомнил он старую песню. – В приснопамятные времена мое поколение называло эту песню – песней алиментщиков. Вот тут нам и понадобится твоя, Василий Федотович, помощь, – Илья придвинул к себе телефонный аппарат.

– Але! Это Васюта. Здравствуйте, Василий Федотович. Срочно нужна встреча. Что, прямо сейчас? Уже бегу.

Минут через пятнадцать Васюта стучался в кабинет Войцеховского.

– Что за спешность, Илья Бенедиктович? Такое впечатление, что вы напали на след, нет?

– Ну что вы, Василий Федотович. Вы меня совсем уж превознесли. Разве я похож на Эркюля Пуаро? Мне бы кое-что выяснить. Так, мелочи, но для меня они важны. Хоть как-то надо показать свою работу перед Банковой. Шучу, конечно. А интересует меня вот что. Здесь имеются адреса всех учредителей фирмы «Полесье», которую основал и зарегистрировал в вашем городе в свое время погибший.

– И вы, естественно, хотите с ними побеседовать, да?

– До чего вы ясновидящий, товарищ начальник! Именно это я и хочу. Но для начала мне надо проверить места их регистрации. Что самое смешное, оказывается, проживают они в разных городах. Больше того, в разных областях. В этом нет ничего противозаконного. Главное, фирма и ее офис зарегистрированы в Середняках. А учредители могут быть откуда угодно.

– Как я понял, вам нужна спецсвязь.

– Не совсем. Мне надо чтобы запросы в эти области шли именно от вас, а не от меня. Вы же главный милиционер района, а не я. Придет, допустим, запрос в тот же Львов, и что прочитает тамшний начальник? Что какой-то подполковник из какого-то там ГУБОПа, черти из какой глуши

ставит ему задачу. Естественно, ни о каких достоверных фактах можно и не мечтать. Согласны?

Главный милиционер от души рассмеялся и тут же вызвал к себе начальника отдела криминальной милиции.

– Федор Федорович, отправь, пожалуйста, запрос по этим городам. Попроси на местах срочно уточнить: проживают ли данные лица по этим адресам? Если да, то как они характеризуются. Больше ничего? – майор внимательно посмотрел на Васюту. Тот махнул головой. – Как только поступит ответ, сразу ко мне. Давай, Федор Федорович, в темпе.

– Есть, – ответил тот и тут же покинул кабинет.

Как только приглашенный покинул кабинет, Илья удивленно посмотрел на майора. Вошедший был в звании подполковника.

– Чего удивляешься, Илья Бенедиктович. В твоей практике разве такого не было? Кстати, представление на подполковника уже у вас, в Киеве. В МВД. Так что вполне возможно, успею пригласить на поляну. Не откажешься? А Федор Федорович у нас начальник криминальной милиции.

Ответ пришел к исходу дня. Как и предполагал Натан Израилевич во время исповеди на междусобойчике, лица, указанные в уставе предприятия, по данным адресам не числились. Проверять фиктивность или достоверность паспортов, номера которых были записаны в уставе, на данный момент не имело смысла. И вообще, делать это надо было через Киев. Но для заявки в Центр Васюта должен был бы обладать более существенными фактами. На сегодня таких фактов у него не было.

В этот же день Васюта сделал еще один звонок. И звонок этот был в Ровно, в УСБУ.

– Здравствуйте, уважаемый Илья Пименович! Вы меня еще не забыли? Васюта!

– А-а! Илья Бенедиктович, настоящий полковник? Здравствуйте! Как же я мог вас забыть? Мне по должности нельзя это делать. Как поживаете? Как ваши успехи? Что-то уже выяснили? Может, помощь какая нужна?

– До настоящего полковника мне еще пахать и пахать. А вот на счет помощи – вы как будто ясновидящий. Нужна мне ваша помощь, ой как нужна. Прямо все из рук валится. Никакого продвижения.

– Все чем смогу, Илья Бенедиктович.

– Значит, так, мне нужна вся информация по семейству Конопляных, которые проживали и проживают в Добробужье. Бабушка, дедушка, отец, мать погибшего. Может, там еще кто из этой семьи проживает? – Васюта грузил эсбэушника по полной программе. Как будто он и слухом не ведал о кончине всех истинных Конопляных. – Отдельно мне бы очень хотелось ознакомиться и с жизненным прошлым деда погибшего. По информации, которой я располагаю, дед имел прямое отношение к бывшей вашей фирме. В смысле, к конторе. Как я понимаю, это было еще до войны. И контора тогда называлась НКГБ. Больше того, лейтенант ГБ Конопляный в аккурат перед войной работал именно в вашем управлении. В Ровненском областном управлении НКГБ. Вы не могли бы нырнуть в архивы?

Думаю, на сегодняшний день это не представляет никакой секретности. Вы меня слышите? Але!

— Я слышу вас, Илья Бенедиктович. А позвольте вас спросить, это что, серьезно может быть связано с убийством советника? У вас есть какой-то фактаж, результативные данные, веские соображения? По-моему, разница в сроках слишком велика. Посудите сами, 1941 и 200... годы. Вам не кажется это несовместимым?

— Если кажется, уважаемый, креститься надо, — подумал про себя Илья, а в слух ответил: — Для раскрытия преступления, тем более убийства, на что уже сегодня имеются серьезные предположения, всякая мелочь может пригодиться. И совместимость или несовместимость сроков тут не при чем. И вы это знаете не хуже моего. А может, для этого нужно особое распоряжение с Банковой?

— Во-первых, в Добробужье уже никого из родных и близких Конопляного-младшего нет. Разве вам губернатор позавчера не говорил? Его бабушка умерла еще в 1969 году. Не подумайте чего плохого. Умерла своей смертью. Болела долго. Хотя сам факт смерти — уже не есть хорошо. А отец и мать погибшего, как вы знаете, проживают в Белгороде-Днестровском. Отец, правда, тоже уже умер. Там какая-то трагическая смерть приключилась. А насчет деда, думаю, пока не надо звонить на Банковую. Если у нас в архиве что-то есть, наш генерал сам может принять решение. В случае чего запросить разрешение Киева никогда не поздно. Такой вариант принимается?

— Такой да, такой вариант принимается. Я всегда с уважением относился к сотрудникам вашей фирмы. А про бабушку и отца советника Богдан Петрович ничего мне не говорил. Жалко, конечно. И когда я мог бы ждать результата? — Васюта понял, что его собеседник тоже блефует. Доброжелательной помощью от этой фирмы и не пахнет. Даже смерть отца советника показалась ему на данный момент если и не напрямую связанной со смертью сына, то уж косвенно — стопудово.

— Думаю, в ближайшие часы.

— В таком случае запишите мои телефоны. Я не прощаюсь.

Ответ из УСБУ пришел на несколько минут раньше, чем из райотдела милиции. И ответ был краток.

— Илья Бенедиктович, еще раз здравствуйте. Это Сорока. Значит, так, наш генерал дал добро и все, что было в наших архивах по лейтенанту ГБ Коноплянному, я подготовил и отправил в наш межрайонный отдел в Середняках. Думаю, что завтра ближе к обеду материалы будут уже там. Можете наведаться и изучить. Но только там и в присутствии нашего представителя. Вас такой вариант устраивает?

— На без рыбае, как говорится... Премного вам благодарен.

Не успел Илья положить трубку, как аппарат дал о себе знать снова. Правда, теперь уже не междугородним сигналом, а обыкновенным, местным.

— Слушаю!

— Это подполковник Васюта?

— Он самый, Василий Федотович. Что, не узнали меня?

— Убедиться в своих догадках совсем не признак ухудшения памяти.

— Извините. Я совсем не то имел в виду. Что-то прояснилось?

— Ответы пришли из всех четырех городов.

— И, конечно, такие лица там не проживают, так?

— Вам что, уже сообщили?

— Нет, Василий Федотович, никто мне не сообщал. Я просто предвидел такой итог. Уж больно это дело невеселое. Значит, я прав?

— Правы, полностью правы. Все ответы именно такие. Так, может, сделать заявку в центр, чтобы проверили серии и номера паспортов? В смысле, где искать следы выдачи? Кстати, по моему ведомству такие серии и номера не числятся. И что будем делать?

— Пока ничего. Пока будем отрабатывать другие версии.

— Может, вам помощник нужен? Вы не стесняйтесь. Мне уже и из области звонили, да и Иван Владимирович тоже беспокоится. Бездельем в райотделе не пахнет, работы хватает. Но я могу вам выделить старшего лейтенанта Полоха Виктора Станиславовича. Он у меня в отделе общественной безопасности в разрешительной системе сидит. И как всегда на подхвате. Не Бог весть какой специалист, а все же.

— Хорошо, Василий Федотович. Спасибо. Давайте, присылайте его ко мне. Будем вместе напрягаться. Хотя нет. У меня к вам еще одна просьба. Так сказать, за отдельную плату. Можно?

— Если за отдельную, то можно. Даже нужно, ха-ха-ха.

— Мне бы очень хотелось познакомиться со всеми делами, связанными с серьезными преступлениями, зафиксированными вашим ведомством в Середнянском районе начиная со дня рождения фирмы «Полесье». Я имею в виду преступления, по делу которых проходит или сам Конопляный, пусть и косвенно, или его сотрудники и знакомые. Пусть даже и чернорабочие. Такое в принципе возможно?

— В принципе, все возможно. Только это представляет собой приличный объем работы.

— Вот пусть мой новый помощник, если он желает быть отмеченным высшим руководством страны, и набирает очки. У вас завтра выходной, как я понимаю, нет?

— Вы меня удивляете, Илья Бенедиктович. Это где вы видели, что бы в наших органах в субботу водку пьянствовали. Я имею в виду, официально. Работаем, еще как работаем. Правда, до обеда.

— Тем более хорошо. Не надо будет мне сверхурочные выплачивать. Шучу, конечно. Если ему что не понятно будет, пусть звонит мне. А с меня, Василий Федотович, само собой причитается. Как говорится, сто грамм и пончик без всяких разговоров. А вообще-то, я спинным мозгом чувствую, что к концу моего пребывания в Середняках поляну придется накрывать мне, а не вам.

— А мы, товарищ подполковник, в этом деле досконально разберемся. Так сказать, с аптекарской точностью кто кому должен будет. Так мне что, озадачивать вашего нового помощника?

– Если вас не затруднит. Исключительно ради общего дела. Буду ждать его звонка.

– В таком случае, до встречи.

Вот так и прошел третий день. Хотя и это еще не все. Самое интересное было впереди.

Минут через двадцать после разговора с Войцеховским снова зазвонил телефон.

– Слушаю! – Илья взял трубку.

– Илья Бенедиктович, вы один? – в трубке звучал приятный женский голос.

– А кто это? – Илья уже грешным делом подумал, что против него начинаются плестись козни.

– Вы что, не узнали меня? Это же Ярина, секретарша.

– Извините Яриночка, быть вам миллионершей. Один. А что, надо чтобы нас было много?

– Как раз наоборот. Вы мне нужны один. Я сейчас зайду.

Спустя минуту раздался стук в дверь.

– Войдите.

В кабинет вошла Ярина. Она была в короткой темной юбке и светлом под шею свитере. «А рост и возраст у нее действительно больше на пионерский смахивают. Одно слово, карманная», – пронеслось в голове Васюты.

– Как хорошо, что вы один. Мой шеф умотал куда-то с представителями местного бизнеса, вот я и решила заглянуть к вам. Илья Бенедиктович, мне тут шеф вменил в обязанности, пока вы будете у нас, всячески развлекать вас. Вы не откажетесь?

– А мужа вы, Яриночка, не боитесь?

– Не боюсь. Потому что развлекать вас будем вместе с ним.

– Это что-то новое. И как вы намерены сие осуществлять?

– Вы не забыли, что завтра суббота?

– Это точно? Боже, как быстро летит время. А что это меняет?

– Как что? В выходные работают только бездельники.

– Меня вы, естественно, к таковым не причисляете.

– Вы угадали. Значит, так, у нас с мужем есть небольшая дача за городом. Километров десять отсюда. Есть и «жигуленок» прошлого века. Так что мы за вами утром заедем и заберем вас на целый день. И никакие возражения не принимаются.

– И что мне с собой иметь?

– А ничего. Это же дача, а не какой-то перехватчик. Там все есть. А если что еще понадобится, по пути прикупим. Значит, договорились?

– Договорились, Яриночка. Только я все думаю, удобно ли это будет для вас?

– Удобно, удобно. Я ведь не сама по себе. Сам шеф дал команду. Сказал, что с мужем он все вопросы решит. Так что не берите в голову, – махнув кудрями, она тут же выпорхнула из кабинета.

– Дурного, а тяжелого в руки, – дополнил Васюта ее пожелание, улыбувшись одними уголками рта.

Старший лейтенант Полох позвонил ближе к пяти.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! Это старший лейтенант Полох. Мне бы хотелось уточнить, за какой период заниматься выборкой?

– Здравствуйте, товарищ старший лейтенант. Я очень рад, что у меня такой боевой помощник. Значит, так, меня интересует период, с того дня, как Александр Тарасович Конопляный зарегистрировал свою фирму «Полесье», и до сегодняшнего дня. Вы в курсе, с чем это связано?

– В курсе.

– Тогда вперед и с песней. Могу вас немножко обрадовать. Эти дела мне нужны на понедельник. Так что у вас уйма времени. А в понедельник мы с вами встретимся утром у вас в райотделе. Кстати, у вас личный кабинет имеется?

– Небольшой.

– А нам хоромы и не нужны. Стол да два стула. Ну, еще вешалка, с которой начинается театр. До понедельника. Кстати, если вы обнаружите в тех оперативных разработках что-то из рук вон выходящее, вы меня понимаете к чему я, звоните немедленно.

– А куда?

– А я разве еще не дал вам номер своего мобильного?

– Вы просто его не успели дать.

– Ваши мысли на верном пути. Записывайте.

– На память пока не жаловался.

– Тогда мы с вами сработаемся. Я так думаю, – Илья продиктовал девять цифр.

– Так мы с вами у одного оператора числимся, Илья Бенедиктович.

– Это что, совпадение? Неужто знаковое? В таком случае, до встречи. А к добру ли это? – последнее подполковник уже произнес про себя.

Так закончился третий день. Точнее, закончился он поздней ночью. Ибо в гостинице, куда определили Васюта, он еще долго просеивал полученную информацию, выдвигая мысленно одну за другой версии и тут же безоговорочно снимая их с повестки дня. Ни одна из них не выдерживала критики. Ему не хватало ни фактажа, ни даже маломальской информации, заслуживающей внимания. Так и не придумав ничего подходящего, Васюта уже около двенадцати позвонил своему официальному помощнику в Закарпатье.

– Виталий Львович, доброй ночи. Я тебя не разбудил?

– Еще нет. Неужто это тебя беспокоит? С каких таких пор?

– Не ерничай. Я звоню по мобильнику, так что постарайся вписаться в пару минут.

– В таком случае, товарищ подполковник...

– Я же тебя просил.

– Понял. По линии второй жены, все чисто. А вот на перевале кое-что проясняется. Но мне нужно еще пару дней. Вообще-то, тут погода резко

изменилась. Каждый день дождь со снегом. Хороший хозяин собаку на улицу...

- Не стони. Что конкретно?
- Конкретно, водители КамАЗа, которые в ту ночь стояли на перевале, помнишь их?
- Короче, Склифосовский!
- Так вот, они вспомнили, что меньше чем за километр до вершины перевала со стороны Львовской области стояла фура. А в фуру был только один водитель. Смекаешь?
- Ну и? Они что, останавливались возле нее? Дальнобойщики по одному не ездят. Особенно, в ночное время. А водителям можно верить? Это те водители, что взрыв слышали и гаишников предупредили?
- Они. Я их отыскал.
- Не тяни кота за причиндалы. Благодарности не дождешься.
- Так вот, часа за три до взрыва они ту фуру объехали и остановились. Поинтересовались, нужна ли помощь?
- А если та фура еще до взрыва перевал-то проехала? Они могли ее не заметить. Спать могли и вообще.
- Нет. Они не спали. Та фура перевал не проезжала. Они ее запомнили.
- Что, какая-то особая? Как в фильме «Дальнобойщики»?
- Фура как фура. Только плечевой у нее был цельнометаллический с боковыми верхними прорезями вдоль всего прицепа. Вдобавок она была пустая. Один из задних мостов был поднят.
- И долго она стояла там? До рассвета?
- Нет. Как только «канарейка» с гаишниками ускакала к светившемуся в темноте пожару, та фура въехала на перевал. Но въехала, чтобы развернуться. А когда развернулась, в кабине уже сидели двое.
- Они водителям фуры вопросов никаких не задавали?
- Задавали. Мол, почему возвращаемся? А водитель, похож на китайца, ответил, что груз за бугром тормознули и их хозяин приказал им возвращаться домой. Куда домой, не сказали.
- Думаешь, это были контролеры? Дождались результатов и вернулись? Номера фуры зафиксированы?
- Зафиксированы-то, зафиксированы, только толку с этого. Фуфло. По таким номерам в Одесской области числилась «копейка». А у тебя нет мысли, что это могли быть не только контролеры?
- Ты считаешь? Эту идею надо толково повертеть. А почему числилась?
- После смерти мужа ржавый металлолом вдова сдала на разборку. Вместе с номерными знаками. Одесситы уже занимаются этим вопросом.
- А фоторобот водилы?
- Составили. Но ты сам понимаешь, время убежало. Поздновато мы спохватились. Правильно твой бывший начальник...
- Лирика... Два дня дать не могу. А сутки – дам. Жду звонка завтра вечером. До связи.

На берегу Случа

Они встретились уже через день.

- Слышь, Натан, ты всех сотрудников местного околотка знаешь?
- В смысле?
- В прямом. Что ты, допустим, можешь сказать о старшем лейтенанте Полохе?
- О Вите Полохе? А что, его тебе дали на усиление, да? Обхохочешься. Что тебе сказать, Илья? – Васюта и Толчинский уже минут десять как гуляли по берегу вдоль реки Случь. В этом месте берег реки был высоким, а само русло метров на сто в обе стороны тянулось по прямой. Без всяких поворотов. Что, по мнению бывшего капитана, было немаловажным. Ибо, как выразился он еще в «жигулятах», время сейчас такое, что доверять даже самому себе нужно с оглядкой.
- Сюда они приехали на «копейке» мужа Ярины. Стекла у тачки, не в пример такой марке, были до зеркального отражения тонированы. Тот, доставив их почти на самый берег, остался в машине. Салон был капитально прогрет и, как минимум, минут сорок в нем можно кемарнуть. К чему и приступил водитель, приложив на всякий случай к боковому стеклу имеющуюся подушку.
- Метров через сто пятьдесят от них река делала поворот примерно на сто восемьдесят градусов, а к самому берегу подступал густой лес. Дорога, проходящая слева от берега Случа, упиралась именно в тот лес и исчезала в его глубине.
- Что тебе сказать о Полохе? Одни говорят, что он в органах случайный мужик. Другие – что он само олимпийское спокойствие. Третьи – что он из тех самых нынешних пофигистов. Взять на лапу? И хочется, и колется, и мамка не велит. А не брать – так и умрешь капитаном. Слыхал песню Высоцкого? Правда, капитана ему еще надо получить.
- У него сотни песен. Ты имеешь в виду: «В ресторане по стенкам висят тут и там, три медведя – расстрелянный витьязь...»
- Ее, «капитан, никогда ты не станешь майором...» как будто на Полоха шита. Если капитана получит, пусть считает, что выиграл в «Забаву» Джек-пот. Хотя лично у меня к нему никаких претензий. Он в отделе разрешительной системой ведает. Серьезный отдел. Но карьеру на нем не построишь. Уровень не тот. Правда, кое-кто все же считает, что в разведку с ним можно без всяких опасок. Прикидываешь – на сколько ты ему можешь доверять? Я тебя прекрасно понимаю. Тебе нужен помощник. Значит, я для тебя из бывших, да?
- Чего ты сразу в пузырь лезешь? Если бы я считал так, то мы бы с тобой сегодня не встретились. Думаешь, я не понял, чья идея была нынешней встречи? Тоже мне конспираторы хреновы. «Вы один? Шеф поручил мне развлекать вас. В выходные работают только бездельники...» Это мы все, дорогой, проходили. Я еще вчера понял, что идея встречи исходит от тебя. И догадки мои подтвердились сразу, как только мы приехали на дачу. Интересно, как ты туда попал раньше хозяев?

– А мы давно дружим. Между прочим, именно она и предложила этот вариант. Кстати, вместе с мужем.

– Так вот, мне действительно нужен помощник. И помощник толковый. Как нынче любят выражаться представители «оранжевых», «незаангажованный». И ты по всем статьям подходишь. Но ты из бывших. Сам об этом на каждом углу «щебечешь». И что мне прикажете делать? Открыто васькаться с тобой – равносильно завалить всю работу на корню. Ясно как белый день, что кто-то мне пытается навязать своих помощников. Кто-то упорно хочет быть в курсе того, куда я спланирую сунуть свой любопытный нос. Секьешь, какой расклад?

– Уже врубился.

– А мы, как говорил кто-то из великих, пойдем другим путем. Официально будем работать с Полохом...

– А неофициально – со мной, так?

– Примерно.

– И какую участь в этом деле ты приготовил мне? На что мне настраиваться?

– Перво-наперво кто-то там грозился что-то рассказать о пропавших во время войны ценностях. Или мне показалось? Лично я предложение Ярины именно в этом русле и трактовал. Сам ведь обещал.

– Слышал, доносились кое-какие слухи. О пропавших ценностях во всех хуторах вокруг Середнян намеки гуляют одни других таинственней. Чисто страшилки. Вернее, ходили. Давно это было, а свидетелей той трагедии, я имею в виду войны, особенно ее первых дней, с каждым днем все меньше и меньше. Время такое. Я, когда сюда приехал, весь район в короткий срок облазил. Благо, Союз только-только развалился. У многих он был еще на слуху. И многих так и распирало что-то загадочное, как будто совершенно секретное, выдать на-гора. Иногда чистой воды фантастическое. До самых дальних хуторов добирался. Сам понимаешь, там стопочка, здесь стопочка. Язык у мужиков развязывается и такое можешь услышать – страшно подумать. Я ведь не просто так в компаниях сживал. Много полезного в свой багажник напихивал. И представь себе, до хрена из всего услышанного позже пригодилось. Так вот, не буду тебе все эти слухи озвучивать, это долго и нудно. За прошедшие двое суток я все эти слухи сгруппировал и привел их к общему знаменателю. Как тебе такой расклад?

– Я слушаю, слушаю.

– Все слухи замыкаются на погибшем при невыясненных обстоятельствах в лесу недалеко от Городечного каком-то спецотряде. Поговаривали, что отряд тот был насквозь гбэшный. То ли зеков из волынских тюрем вывозили, то ли какие-то партийные документы из Луцка. Кое-где проскакивали слухи и о каких-то сумасшедших ценностях. Поговаривали будто немцев кто-то на тот отряд навел.

– И что, эти слухи так запросто и гуляют по району?

– Гуляли. Теперь уже не гуляют. Сначала бывшие комитетчики все те слухи пропустили через свое сито. В прямом смысле этого слова. Многих

из любителей поразглагольствовать на эти темы после бесед с гбэшниками насквозь превращались в рыб. А более шумливые – отправлялись по этапу в места не столь отдаленные. Особенно в пятидесятые-шестидесятые. Вот после развала Союза слухи об этом снова так и поперли из хуторских пиплов. Правда, уже с приличной дозой фантастики. Истинных очевидцев практически уже не было. Дети, внуки...

– Думаешь, слухи достоверные?

– Я ничего не думаю. Только бывшие комитетчики за просто так к себе не вызывали и в кутузку не отправляли. Скажу тебе даже больше. На хуторе Приветном, это в сорока пяти километрах от Середнян, до недавнего времени жил бывший мент. Он в «угро» служил еще с начала пятидесятых. Так он мне рассказывал, что летом пятьдесят седьмого именно в районе Городечного произошел странный случай. Там в лесу, недалеко от моста, нашли труп молодого парня. Труп был изуродован до неузнаваемости. Но личность все же восстановили. Им оказался двадцатичетырехлетний парень из небольшого хутора рядом с Ивановкой. Парня сначала двинули чем-то тяжелым сзади по макитре, а потом уже изгалялись. Убийцу так и не нашли. Зато в карманах погибшего было найдено несколько мелких камушков янтаря. Сам по себе янтарь еще ничего не значит. В этих краях такой мелочи навалом. Но именно в этом месте был расстрелян тот самый отряд. Больше того, когда опера стали раскручивать это дело, выяснилось, что этот парень встречался на нашем вокзале с каким-то мужиком. Сначала распивали пиво, а потом и более крепкие напитки. Были свидетели, которые его видели с тем мужиком. Описания были, но разные свидетели описывали его по-разному.

– Почему ты связываешь убийство с погибшим в начале войны отрядом?

– Я тебе не все сказал. Ровно через несколько дней после убийства какой-то мужик, по возрасту и по описанию очень похож на помянутого, появился на хуторе Заболотном.

– И что ему там было нужно?

– Он расспрашивал про строившийся до войны в тех местах лагерь ГУЛАГа.

– А может, на строительстве того лагеря погиб его отец, дед? Может, они были зеками? Вот он и искал их могилы.

– Точно так же я высказал свои сомнения тому старику.

– И что он ответил?

– Что тот мужик, по ответам хуторских, интересовался живым человеком. Спрашивал, не видел ли кто в первые дни войны в этих местах мужика с телегой и какими-то ящиками.

– А что собой представлял парень?

– Который на вокзале?

– Не-е! Убитый.

– Еще та семейка. Фамилия убитого Топор. Ты чего смеешься. Именно так, ударение на первом слоге. А ты чего подумал? Так вот, тот бывший опер говорил, что отца убитого году в пятьдесят втором посадили. И

сидел он где-то в Сибири. В лагере под Тайшетом, что ли? А судили его за связи с немцами. До войны он был лесником. Как видишь, уже тогда тот бывший милиционер предполагал, что убийство парня может быть как-то связано с гибелью отряда. Отряд ведь сто пудово предали. Не мог он весь погибнуть. Тем более на своей еще территории, открыто с немцами не воюя. А сын, значит, знал предателя.

– В таком случае исходя из твоих умозаключений...

– Э, нет! Не моих. Эти умозаключения принадлежат не мне. Я их только озвучиваю.

– Да ладно тебе. Исходя из этих умозаключений, – Васюта все же поправился, – в пятьдесят седьмом сюда наведывался сам предатель? Так что ли?

– Заметь, это не я сказал. Может, и не сам. Может, по его наводке.

– В таком случае он должен был держать парня на привязи. Под постоянным наблюдением. Тогда он из местных. Только это вряд ли. Если это тот самый спецотряд, который был связан с ценностями, то местные вряд ли могли об этом знать. Не та категория. Не тот уровень, что бы любой о нем знал. Не вяжется. Но как версия вполне имеет право на отработку. А где сейчас отец того убитого?

– Не знаю. Но здесь его точно нет. Уж я бы об этом знал. По всей видимости, там же, где и большинство предателей. Лоб зеленкой и пропуск на небеса. Преступления фашизма срока давности не имеют. Как для самих фашистов, так и для тех, кто им помогал. Такое решение всем миром принято еще со времен Нюрнбергского процесса.

– Хорошо. Тогда что мог искать тот мужик на хуторе? Как он называется?

– Заболотный. И не что, а кого. Был я на том хуторе. В аккурат в первый год своей работы в «угро». И знаешь что любопытно? Действительно, в том хуторе к одной молодухе прибился был какой-то военный. Вернее не прибился, а вроде его сильно раненного нашла и выходила сама вдовушка. И звали ее Стефания.

– Почему звали?

– Я что тебе не сказал? Так с этого и началось. Думаешь, почему тот бывший опер так хорошо запомнил пятьдесят седьмой? Потому и запомнил, что в том году три убийства произошли. Парень в лесу, Стефания с хутора и еще один мужик. Его тоже нашли в лесу и тоже немного не живого. А лес тот недалеко от хутора Стефании находится. А тот бывший мент говорил, что почерк убийств один и тот же был. Всех троих сначала двинули чем-то твердым по макитре а потом изгалялись. И еще один факт, банды националистов в здешних краях прекратили свое существование еще вначале пятидесятых. Так что эти убийства с национализмом абсолютно не связаны.

– Обыкновенная «торпеда»? Нет, Натан, если с этими убийствами дело обстояло именно так, то здесь работала не простая «торпеда». На ограбление не похоже да и направление убийств разные. Кроме всего прочего убитые разных полов и возрастов. Не вписываются они на почерк

обыкновенной «торпеды». Опять же раненый какой-то всплывает. Кстати, ты откуда узнал про раненого?

– Так в том-то и дело, что у Стефании остался сын...

– От прибывшего военного?

– Не-е. Когда он мне про раненого рассказывал, ему было около шестидесяти. Но это было больше десяти лет тому. А в начале войны ему уже было девять. Правда, года два тому мы встречались с ним у нас в Середняках. Чисто здравствуй – до свидания. Шершень Павел Иванович, уважаемый в нашем районе человек. Вот он все и рассказал. Память у него, должен тебе признаться... Несмотря на возраст.

– И что он рассказывал?

– Именно то и рассказывал. Был у них в доме мужик в первый год войны. Мать его раненого нашла, и они вместе с матерью вечером, на корове запряженной в волокушу, привезли его домой. И мать его и выходила. Потом фрицы пришли. Так вот, мужик тот прожил у них около года. А как медведевцы появились в этих краях, он к ним ушел. Партизанил он у них. Но больше он его не видел. Правда, слушал я его тогда как-то по диагонали. Свои мысли были на уму. Виноват, конечно...

– Фамилии он, естественно, не помнит?

– Фамилию его они с мамой совсем не знали. Если я не ошибаюсь, то он говорил, что мужик тот совсем без памяти был. В смысле, ничего не помнил. И в доме, и в хуторе все звали его Сашей. Но было это настоящее имя или нет, он не знал.

– Три убийства в один год и ни одно не раскрыто. Причем в те годы. Странно, странно. Раскрываемость убийств в те времена была чуть ли не стопроцентная. Так, во всяком случае, гласит официальная история. И вообще, в этом деле все странное. Так мать его, где убили?

– Стефанию? Стефанию нашли в лесу, недалеко от окраины хутора. Причем буквально на следующий день после приезда того мужика, который интересовался бывшим лагерем.

– Хорошо, а третье убийство?

– Третье произошло месяца через два. Заметь, и опять недалеко от хутора Заболотного. Шершень рассказывал, что того мужика нашли почти в том же месте, откуда они с мамой забирали раненого Сашу. Там, говорил Павел Иванович, с одной стороны лес уходит в гору, а с другой – непроходимое болото. Дорога их разделяет. Вот там, у болота, и нашли того мужика.

– И что он там делал? В лесу, рядом болото... Самостоятельно водку пьянствовал? Какой-то загадочный Бермудский треугольник. Ты не находишь?

– Чисто символически. Один угол у него далековато. Хутор Заболотный и село Городечное – далековато друг от друга. А так все путем.

– Слышишь, Натан, а ты мог бы устроить встречу с этим мужиком?

– Думаешь, ноги убийства советника растут именно оттуда? И кто исполнитель? Сам Шершень? Не вижу ни мотива, ни основания. Даже на заказчика он не смахивает. И, главное, здесь, в наших краях, Павел Ива-

нович мог это сотворить тысячу раз. Зачем аж на перевал взбираться. Именно когда этот горе-добытчик янтаря наездами бывал здесь. Бизнес-то его здесь был. И легальный, и нелегальный. Назначил встречу где-нибудь у болота, двинул по темечку, а труп в топь. Ни следов, ни свидетелей. Нет, не подходит он ни на заказчика, ни на исполнителя. С матерью спал? Так это когда было. Вдобавок бабе в хозяйстве мужик нужен был. С вершины нынешнего своего возраста Павел Иванович это прекрасно понимает.

– Нет, Натан. Никаких претензий к сыну Стефании у меня нет. Ты прав на все сто. Но мне бы хотелось задать ему несколько вопросов. Первый: помнит ли он лицо того раненого? Ты ведь говоришь, что ему в сорок первом было девять, значит, должен помнить. Тот мужик не просто появился в их доме и исчез. Он жил там, как ты говоришь, около года. А на память Шершень не жалуется. Так? Второй: ты говорил, что предполагаемый убийца в том самом пятьдесят седьмом интересовался бывшим лагерем и что он спрашивал о каком-то мужике с лошастью и ящиками, так? В таком случае возникает вопрос, когда они с мамой забирали того раненого мужика у болота, была ли при нем лошадь и ящики? Хотя, тут и так все понятно. Какая лошадь? У них же в упряжке волокуши корова была. Правда, есть еще несколько мелочей, которые меня интересуют. Но это только после получения ответов на первых два.

Несколько секунд бывший капитан «угро» молчал. С умным человеком думу думал. Причем так внимательно рассматривая противоположный берег Случа, будто именно там, в кустах орешника, и крылся ответ.

– Я так понимаю, что встреча тебя интересует в ближайшие дни, нет?

– Ясный перец, не через год. Я и так лимит своего безделья у вас израсходовал с лихвой. Меня вон уже увольнять собираются.

– Иди ты! И, поди, без выходного пособия, да? Это мне знакомо. Значит, так, встречу я тебе организую на понедельник вечером. Но где, сообщу через Ярину. Что еще?

– Если погибший в катастрофе Конопляный занимался у вас нелегальной добычей янтаря, тогда у него должны были быть и подпольные бригады чернорабочих для этих целей?

– Под прикрытием официально действующей лесопилки.

– Что?

– Я говорю, продолжая твою мысль, Илья, что эти бригады должны были действовать под прикрытием лесопилки. Фирма «Полесье» занималась кроме всего прочего еще и разделкой леса на доску и брус. Она имела официальное разрешение на вырубку для своих целей леса. Получала определенные участки. А вырубка и выкорчевка леса – самая легкая добыча янтаря. Выдернул дерево с корнем или сам корень, подавай в яму воду и вымывай янтарь. Оказывается, проще пареной репы. Надо же. А я ведь до этого додуматься самостоятельно не смог. Видимо, поэтому и выперли из органов. Думалка слабая, отставник хренов. А еще в великие сыскари метил, хрен моржовый, – в голос обложил себя последними словами Толчинский за то, что не додумался до этого раньше.

– Вот, вот. Я сначала хотел поручить тебе заняться отработкой этой версии, но теперь у меня есть официальный помощник и это дело я поручу ему. Заодно и присмотрюсь к нему, на сколько он, как ты говоришь, из разряда пофигистов.

– Полоху? Давай, давай. Он тебе это дело враз состряпает.

– А ты, Натан, по-моему, совсем не похож на еврея. Извини за прямо-ту. Истинно русский человек.

– Но с еврейским уклоном. Мой род идет из русских евреев.

– А не из еврейских, ты это хотел сказать? – оба прыснули смехом. – Значит, так, Натан, на данном этапе твоя задача заключается в организации встречи с этим Шершенем.

– Это нам, как два пальца об асфальт. Три зеленых свистка и стрелка забита. И это все?

– Пока да. Но после моего разговора с ним у тебя может появиться серьезная работа. Но это – после встречи. Да и мне до нее надо кое-что уточнить. Со своим шефом посоветоваться. В общем, подготовиться. Готов ты к такому варианту? Учти, если мы разворочим сей янтарный муравейник, муравьи могут обидеться и проблем мы можем аж до сюда получить, – Илья очень качественно показал ребром ладони, куда они могут получить эти самые проблемы.

– Лично я, как пионер, – Натан шустро вскинул свою правую ладонь ко лбу. – Всегда готов!

– В таком случае пошли к машине, – сделав в попутном направлении еще несколько шагов, Илья повернул назад. Натан моментально скопировал все его движения. Как будто шагал в армейском строю. Но, заметив, что Васюта совсем не собирается направлять свои стопы к машине напрямик, возвращается по проторенной уже тропинке, не вытерпел и спросил:

– Илья Бенедиктович, меня все же мучает один нехороший вопрос.

– Какой? – Илья даже не стал останавливаться.

– На хрена попу наган?

– Ха-ха-ха! Оригинальный вопрос. Видится мне, загадка всех твоих бывших неудач кроется именно в таких оригинальных вопросах. Ты не задумывался над этим? Начальство, кстати, ненавидит всякие там нехорошие вопросы. И от таких вопросителей быстро, быстро стараются избавиться. Ты на что намекаешь?

– А намекаю я, уважаемый Илья, свет Бенедиктович, зачем тебе ковыряться в прошлом? Ну вытащишь ты наружу тайну гибели отряда. Пропаж ценностей. Пусть даже доберешься до предателя. Что из этого? Думаешь, он еще жив? Столько лет прошло. Неужели ты все же считаешь, что и гибель спецотряда, и пропача ценностей, и убийства пятьдесят седьмого, и нелегальная добыча янтаря в недалекие прошлые годы фирмой Конопляного, и, наконец, трагическая гибель Конопляного-советника звенья одной цепи? Я тебя умоляю, не делай горя с пустяка. Это возможно было бы если бы...

– За всем этим стояла Контора? «Конторские» мужики?

– Вот именно. И зачем в таком случае рвать на собственной ж... волоса? Самому же больно.

– Ты хочешь сказать, что бывших комитетчиков не бывает?

– А ты что, сомневался в этом? Тогда зачем тебе это нужно? Хочешь в отдельно взятом случае вернуть награбленное в мозолистые руки? Скажу тебе как родному, оно тебе надо? Пусть у нынешних эсбэушников штаны преют. Им за это деньги платят.

– Нужно. Я тебе больше скажу, за всем этим должны стоять еще, как минимум, несколько нераскрытых тяжких преступлений, совершенных именно в те самые прошлые годы, о которых ты только что изволил вспомнить. Ручаться можно, много интересного обнаружится.

– Тыфу на тебя. Неужели ты до сих пор не понял, в какой стране мы живем и в какое время? Прости меня за цинизм, Илья, но в этом мире, по моему твердому убеждению, честный человек нужен совсем не для честных дел, – Натан явно процитировал чью-то мысль. – Неужели ты все еще думаешь, что против милиции, СБУ и прокуратуры какая-то бандитская организация может противостоять? Глупость несусветная. Хотя, вру. Ты прав. Может. Если работает под прикрытием более сильного государственного органа. И поэтому в наше время быть осторожным – это быть опытным, дружище. А вообще-то, у меня слов нет, на языке одни выражения вертятся. Такое в голову лезет, что и подумать страшно. Конечно, за годы независимости в нашем районе и убийства были, и увечья люди имели, и сажали людей. Такое творилось, мама дорогая. Как же без этого. Демократия, ядрена вошь, у нас без этих признаков – аки свадьба без невесты. Мы уже сроднились с таким приданым. И без него ни шагу вперед. Правда, и назад тоже. Хватит ночевать, уважаемый, – открыв заднюю дверцу «жигулят» – сказал Натан, слегка повышая голос. – Между прочим, за бортом совсем не Африка, родной. Ты сугрев с собой захватил?

– Обижаешь, Натан Израилевич. Вы устраивайтесь на заднем сиденье, а я сейчас нырну в багажник. Шесть секунд и «поляна» будет накрыта.

– А ты, Илья Бенедиктович, сомневался. У нас все как у путных. Причем где? В историческом месте. На берегу Случа. Между прочим, граница Украины до 39-го года проходила именно по Случу. Восточнее – Украина, западнее – Польша. Это благодаря только Пакту Риббентропа – Молотова сии земли оказались украинскими. От Польши оттяпаны. И ведь никто из «свидомых» и не пытается опротестовывать такой «ганебный» для мировой истории, подписанный ненавистными им коммуныками документ. Вот в чем парадокс. Если бы коммунисты сегодня поднимали «свидомых» на пьедестал народа, от которого произошла жизнь на земле, они были бы настоящими украинцами. Истинно: «кто не с нами, тот наш самый лютый враг» или что-то в этом роде. По-моему, такой слоган уже где-то звучал. Нет?

Ровно через три с половиной минуты «поляна» на плотном картоне втиснутом чуть сзади рычага переключения передач была накрыта. Первый интернациональный тост был благополучно провозглашен и рюмки

под него добросовестно освободили от жидкости. Причем до последней капельки. Или это было связано с верой в какие-то забобоны, или с голодухи. Надо же, столько времени, да еще и на свежем воздухе.

ДОК Озерлага ГУЛАГ

Начало пятидесятых

Капитан ГБ сидел в небольшой комнате административного барака ДОКа Озерлага один. На всех жилых зонах Озерлага, в том числе и при ДОКе, и в номерных колониях лесоповальных зон, вместе со «спецконтингентом» (*осужденные по 58-й чисто политической статье*) тянули свои сроки и уголовники, и бывшие вояки, и даже пленные немцы. Но жилая зона при ДОКе была самая большая как по территории, так и по численности.

В комнате было накурено, да вдобавок еще и печка немного дымила. Приходилось часто открывать зарешеченное окно. Открытое окно заполняло комнату настоящим, ощутимо освежающим воздухом с приятным запахом хвои. На столе и на полу комнаты валялись папки с «делами» заключенных. Восемь погибших и 43 раненых – вот таков итог бунта. Из всех причастных к драке особое внимание надо было обратить на тех, кто в ходе внутреннего расследования был признан не только спровоцировавшим, но и затеявшим драку. Таких набиралось много.

Положа руку на сердце, драка назревала давно. На ДОКе бал правили суки – уголовники и бывшие пособники фашистам. (*Вообще-то на всех зонах и ИТЛ бал обязательно правили или суки, или воры. В зависимости от того, кого было больше по количеству*). Суки – это воры, нарушившие воровской закон. Они верно служили лагерному начальству, «стучали» на всех: работяг, военных, воров и даже на своих и за это удостоивались особых привилегий. Работали нарядчиками, учетчиками и прочими легкотрудниками. (*Кухня, хлеборезка, больничка, лагерная администрация, банщики*). Таких называли придурками. Вдобавок ко всему придурки постоянно не только обдирали работяг, но и раздевали их до нитки. А зачастую и просто убивали. В таких лагерных пунктах, где власть принадлежала сукам, заключенным жилось особенно тяжело. И это тянулось несколько лет. К середине сентября 1952 го терпение лопнуло. Тайно сформировавшаяся на ДОКе группа из бывших военных, осужденных за плен, перебила личную охрану предводителя сук, одного из бывших пособников фашистам на западе, обезоружила его и пустила в расход на пилораме. Привязали к брусу на каток и малой скоростью ногами вперед пустили продвигаться к сверкающим и быстро движущимся пилам. Бедняга так орал, что слышно было на самых отдаленных от ДОКа командировках и подкомандировках – небольших лесоповальных номерных зонах, принадлежащих ДОКу. Остальных вояки загнали к БУРу и там отыгрывались на них по-черному. Дуплили до кровохарканья.

Вот капитану ГБ, помощнику оперуполномоченного Озерлага, пришлось со всем этим разбираться. И не только разбираться. Вызывать виновных и пострадавших, иногда даже устраивать что-то наподобие очных ставок, сопоставлять данные допросов с докладами своих «стукачей». Последних было немеряно. Как-никак на ДОКе числилось больше двадцати тысяч заключенных.

Открыв папку «Дело №...» очередного заключенного, находившегося на данный момент в больничке по причине сломанных двух ребер и колотой раны самодельной пикой в ягодицу, причем, как выразился врач из таких же заключенных, рана оказалась чуть ли не глубже заднего прохода, капитан стал блее мела. Лицо зека было до того знакомо, что у опера задержалось не только правое веко, но и правый уголок рта. И дергались эти абсолютно не связанные между собой части его лица минуты три, если не больше. Покуда он не приструнил их рукой.

«А вот это уже полный звиздец, – подумал гэбэшник, залпом глотая строчку за строчкой довольно объемного дела. – И почему тебя эти суки не замочили? Нанизали бы твои ягодицы на пику аки шашлык на шампур. Нет. Лучше проткнули бы тебе уши той пикой, – мысленно фантазировал он, бегло проскакивая строчки постановления ОСО. – А родом ты, оказывается, действительно с того самого района, где в первый месяц войны мне досталось под самую завязку. Ты гля, а вот взяли тебя аж за Самбо-ром. За бугор намыливался, что ли? И название-то какое, Переделеница. Долго, значит, гонялись за тобой мои коллеги, «ястребки» да особые воинские подразделения. А может, и не гонялись? Накивал пятами с Середнян в эту самую Переделеницу и думал все тебе сойдет с рук? Не выйдет, дорогой. За свои проступки отвечать надобно, – подумал капитан, и от этих мыслей теперь уже его самого передернуло. – Так вот почему твое «Дело» попало ко мне только сегодня. Оказывается, ты, мил человек, появился здесь только за день до драки. Ларчик открывается просто. Оно попасть ко мне не успело. Эх! Если бы я знал о тебе до драки, – при этой мысли голова капитана непроизвольно сделала несколько еле заметных движений от одного плеча к другому. – Придется крепко подумать, что с тобой делать. Ясный пень, выпускать тебя с больнички пока погодим. Отдохни. А мы поразмыслим над твоим будущим. Может, получится так, что эта встреча даже к добру будет? – какая-то тайная мысль, искрой пронзив его сознание, тут же попыталась скрыться. Но не тут-то было. Сделать это ей не дали два пулевых ранения, полученных им в первый месяц войны и периодически дававшие о себе знать. Особенно здесь, в Сибири. А отпускать ее на вольные хлеба лично капитан не спешил. – Да! И все же зря тебя не замочили по-серьезному! Мясня там толковая была. Запросто мочкануть могли. Особенно под конец, когда сук к БУРу прижали. Такой замес – сукам не позавидуешь...», – гэбэшник бросил взгляд в окно, задумался.

Драка действительно шла не на жизнь, а на смерть. Зеки дрались между собой. Молотили друг друга тем, что попадало под руки. В основном топорами, металлическими прутьями, кусками тросов от лебедек,

остро отточенными веслами... (*черенками алюминиевых ложек*). Редко – обоюдоострыми пиками из хорошей стали длиной 20–30 см и отточенными супинаторами.

Издалека в гуще дерущихся тяжело было определить кто против кого. Все зеки были в одинаковой зонавской униформе. Стеганные черные бушлаты с нашитыми белыми прямоугольниками на спине, на которых черной краской были нанесены цифры и номера. Иногда среди дерущихся мелькали тела, упакованные только в тюремные кители и брюки хэбэ. Для настоящего сибиряка середина сентября – это еще не холод. Со всех сторон слышались крики. Нет, не стоны, а самые настоящие крики, переходящие в рев. Причем все это сопровождалось такими витиеватыми выражениями, что в пору было фиксировать их на бумагу для потомков, как что-то музыкально редкое, почти доисторическое... И высота этих выражений была явно выше сталинских высоток в Москве. Одно было заметно, кто побеждает и кто побежденный. Последние яростно отбиваясь, извергая дикие вопли, подкрепленные многоэтажными матами, медленно отступали в сторону БУРа (барак усиленного режима). На всем пути этой драки оставались лежать тела таких же зеков. Некоторые еще шевелились, а некоторые уже догоняли последний убегающий в потусторонний мир свет. Их оставляли без всякой жалости. Во-первых, жалеть было некогда. А во-вторых, эта категория пипла, как сейчас любит выражаться молодежь, жалости не знала. Она знала, что надо выжить. Вернее не знала, она понимала это инстинктивно. Почти как у животных. Я имею в виду тех, которые отступали, побеждаемых.

Лагерное начальство в драку не вмешивалось. Да и что оно могло сделать? Более двадцати тысяч заключенных, а охранников – раз-два и обчелся. И что бы они сделали? За Сталина и на амбразуру? Так ведь война давно уже закончилась и героев на зонах не дают. Ни в живую, ни посмертно...

Вышеупомянутый мужик с небольшими залысинами в ходе драки попал в самую гущу. На вид ему вполне можно было дать лет за пятьдесят. Хотя в действительности ему было 43 и здесь, на ДОКе, он оказался буквально за день до драки. Попав на Чуну из Тайшетской пересылки Озерного лагеря ГУЛАГа, он не успел даже завести крепкие знакомства с такими же, как и он, перевоспитание коих основывалось на физическом труде лесоповала. Каторжном, должен вам доложить, труде.

Лежа в больничке, он ни думал, не гадал, что именно в эти минуты его судьба висит на волоске. Тепло и не Бог весть какое лекарство очень даже положительно влияли на выздоровление. Так бы и лежал до конца срока. Только беда вот, мысли всякие шебаршатся в голове. Воспоминания нехорошие вытаскивают наружу, вздрагивать заставляют, в дрожь бросают... Оказывается, мужик не совсем простым зеком был. И за свои сорок три года успел такого натворить, что аж самому страшно вспомнить. В 40–41-м годах – сподручный Богдана, руководителя группы одного из передовых отрядов абвера, заброшенных на территорию западных районов Украины за неделю-две до войны. С момента оккупации немцами

Западной Украины входил в свиту так называемого атамана Бульбы, руководившего довольно многочисленным отрядом ОУН, действовавшим на территории Ровненской области. Но и это еще не все. В самом конце войны, да и в последние года три после окончания войны, этот похожий сегодня на деда мужик был активным членом одной из бандбоек Сокола. Именно после разгрома этой самой банды чекисты и взяли его в оборот. Но знали они о нем довольно мало. Исключительно только из допросов таких же, как и он.

К моменту прибытия на ДОК мужик, залечивавший в больничке раны после драки, успел уже пройти внутреннюю тюрьму МГБ в одном из областных центров Западной Украины. Именно там по решению ОСО он не только крепко-накрепко пристегнул к себе 58-ю, но и увесил ее несколькими интересными пунктами. Что определенно сказалось на постановлении того самого Особого совещания при министре госбезопасности СССР. В итоге 20 лет ИТЛ, и первый этап со своей тяжеловесной статьей на Красную Пресню в Москву.

При воспоминании о Красной Пресне, его аж в пот бросило. В памяти как будто снова возникли ужасы той пересылки. Первой встречи с настоящими уголовниками.

Большая камера тюрьмы Краснопресненской пересылки находилась на четвертом этаже. Стояло жаркое начало лета, и камера действительно напоминала преисподнюю. Развешанное на шконках на просушку белье, носки, духота, вонь давно немых тел, параши и карболки... Только через решетку-жалюзи при редких порывах ветра пробивался свежий воздух да еще в кадре почти панорамно просматривались верхушки некоторых районов Москвы.

Не успел мужик войти в камеру, как обитая железом дверь со скрипом закрылась, под воздействием вертухайского ключа заскрежетали ригеля и лязгнул засов.

— И кто это к нам в гости нарисовался? Губки бантиком, ж... крантиком, а? — сразу возле двери, сидя в положении лотоса, находился худой, низкорослый с большими глазами парень. Из одежды на нем были только длинные трусы. Его худые ноги, выглядывая из широких штанин трусов, больше смахивали на спицы. Точнее на ноги аиста, стоящего в болоте. — Тебя что, мил человек, в церковно-приходской разве не учили, что в хате здороваться надо?

— Добрый день, честной люд, — тихо поздоровался вошедший суржиком, сжимая в руках тощий мешок с пожитками. Глаза его испугано бегали по камере. В камере дым и вонь стояли коромыслом. А людей, что тебе селетки в банке.

— Здравствуй, здравствуй, хрен мордастый! — худой с большими глазами поднялся и вихляя телом с выпирающими костями, жестикулируя блатными ужимками рук, медленно направился к мужику. — Ты куда ввалился, сельпо? — подошел он почти вплотную к вошедшему. — И на каком таком языке базар ведешь?

Не издавая ни звука, вошедший от него отшатнулся и тут же уперся спиной в дверь.

— Так разве меня спрашивали? Взяли и силой сюда.

— И на хрена ты нам тут нужен? — спросил худой и резко замахнулся на вошедшего. Прикрывая голову тот автоматически приподнял обе руки. При этом, тощий мешок, свисая с правой руки, стал напоминать небольшой колокол. — У нас тут и места лишнего нет. Тем более для такого, как ты, сельпо. Ты же нищий как церковная крыса, ха-ха-ха, — легкий смешок прошел по всей камере. — А ведь у нас тут, дед, за кислород рыжевые (золото) платить надо. Есть у тебя рыжевые? — в камере смех раздался пуще прежнего. В дальнем ее конце, в аккурат под единственным окошком, приоткрылась простынь. Стало видно и стол, и сидящих за ним человек шесть. Видимо, повторный смех в камере заинтересовал и их.

— «Так хіба ж це від мене залежало?» — вошедший от растерянности совсем перешел на украинский, чем еще больше рассмешил всех.

— Лежало-залежало... В нашей хате надо, чтобы стояло, мил человек. С лежачим у нас не проханже, — худой приблизился к вошедшему почти впритык. Вошедший, в свою очередь, чуть не распластался по двери. — Тут давеча один такой «лежало» тоже на халаву кислородиком поживиться захотел и знаешь, что мы с ним сделали?

Вошедший, прижимая к груди мешок, быстро-быстро отрицательно закивал головой.

— Не знаешь... А надо бы. А до тебя случаем ОСО не доводило, что незнание закона не освобождает от его ответственности?

Голова мужика снова задергалась, чем еще больше развеселила арестантов.

— Мы его культурненько упаковали в деревянный бушлат. Правда, доски не строгали. Не на выход он ему. Лично я его туда и упек. Секьешь! Ладно! Так и быть. Пуццу тебя на краюшек своего шконаря. Только учти, не за так, в обязательке у меня будешь, — смягчился худой, увидев что вошедший готов пустить слезу.

— Худой! Ты чего это представление устроил? Тебе кто задачу такую ставил? А ты чего его слушаешь? А ну-ка топай к первому столу. Люди за столом сидят, а не у параши. Давай, давай, не стесняйся. Мы молитву твою послушаем. Где родился, где крестился, за какие такие грехи ты в нашу хату загремел?

Мужик медленно подошел к занавеске. За длинным столом, торцом упавшимся в стенку под окном, сидело аж восемь человек. Двое ближних резались в карты. Еще двое сидевших рядом наблюдали за игрой. За дальним концом, он-то и назывался на блатном языке первым столом, сидела элита камеры, поочередно прикладываясь к чефирбаку (*вместительная алюминиевая кружка с крепко заваренным чаем*). Это и был так называемый блаткомитет. Именно Сыч, один из игравших в карты, и пригласил вошедшего к столу. Хотя, можно было голову прозакладывать, что такую команду он получил именно от тех, кто сидел за первым столом.

— Тебя как зовут?

– Микола.
– В смысле, Николай, да? А фамилия у тебя есть?
– Топор, – ответил вошедший, делая ударение на первом слоге.
– Первый раз чалишься?
– Первый.
– Вот и будет у тебя погоняло Топор, – улыбнулся Сыч, делая ударение в фамилии не на первом, а на последнем слоге. – Читай свою молитву. Где, когда, за что...

Вошедший стал озвучивать статьи, за которые получил тяжеловесный срок.

– Да-а! – в растяжку резюмировал Сыч, выслушав молитву новичка. – Серьезные у тебя статьи. Еще карту, Крафт!

Пока новичок докладывал блаткомитету камеры о своей краткой биографии и о своих статьях, Крафт и Сыч продолжали резаться в карты. Казалось, они совсем не слушали его речь, изобиловавшую исковерканными как русскими, так и украинскими словами. К концу разговора, правда, мужик все же перешел на более правильный русский.

– На! Еще или хватит?
– Хватит, Крафт. Себе давай.
– Себе не вам, перебора не дам, – с ухмылкой ответил банкир. – Бац! – и на стол упала дама треф. – Еще раз бац! – и рядом с ней легла семерка пик.

Банкир с каким-то трепетом посмотрел сначала на Сыча, потом почему-то на вошедшего мужика, для чего-то погладил сверху банк и, как бы раздумывая, медленно перевернул лежавшую на столе первую свою карту. Это была десятка крестей.

– А у тебя сколько?
– Девятнадцать, – Сыч бросил карты. Поверх карт Крафта веером рассыпались семерка, восьмерка и бубновый король. – Опять твоя взяла. Только учти, Крафт, на вольтах (шулерство) поймаю – глаз на ж... нятяну, а клешню пожизненно будешь носить запеленатую как мать младенца. Понял? Тасуй банк, чего зеньки вылупил.

– А на что теперь играть будешь? Скоро останешься в чем мать родила, ха-ха-ха. Причиндалы потеряешь.

– Ты за мои причиндалы не переживай. Я вот на его фиксы сыграю, – на полном серьезе ответил Сыч, кивая головой на стоящего мужика.

– А если он против?
– Фильтруй базар, Крафт. Когда я всякую шелупонь слушал?
– Мужик, слышишь? Он на твои фиксы играть собирается. Подойди поближе, я на них зыркну. А вдруг они у тебя ненастоящие?

Только что закончивший молитву аж побелел. У него даже руки затряслись, а ноги будто приросли к полу. Он много слышал про издевательства уголовников в камерах и вот теперь понял, что пришло и его время.

– Чего стал, не слышал, что ли? – Сыч даже не повернулся в его сторону.

– Мужики, да вы что? – спросил вошедший дрожащим голосом.

– Да не стони ты раньше времени. Я тебе их в шесть секунд сниму. Даже охнуть не успеешь. И ничуть не больно будет, – продолжал изгаляться Сыч.

– Чем же я есть буду?
– А ты не убивайся, – Крафт улыбнулся во весь рот. – Твою хавку я за тебя хавать буду.

– Тогда, Крафт, эти коронки на три банка дели. Один за хавку пойдет. Чего ты трясешься, как будто у тебя гланды через ж... выдергивать собираются. Ты, пидор гнойный, бандит хреновый, как думал? Тебе все за так сойдет. И нечего меня в жалость вводить. Знаем мы вас. Это у тебя теперь простецкий вид. Когда вы там наших братишек без всякого разбора штабелями мочили, вид у тебя совсем другой был. И коронки эти у тебя явно с какого-нибудь нашего офицерика сняты. Я с одним таким, как ты, год тому в доме (тюрьма) на пересылке три дня парился. Он у фрицев в лагерях на подхвате был. Думал, что я тоже из таких. Так он базарил, что фрицы специально ему задание давали, что бы искал наших пленных, у которых фиксы во рту. Такие, как ты, у наших пацанов в плену в живую коронки вместе с зубами выдергивали. А мы у тебя без всякой боли. Даже зубы не зашатаются. Ты, милый мой фраерок, с фашистами в полный рост замазан. И скажи спасибо, что за сотворенные тобой грехи мы только коронки с тебя поймеем. Только не сильно радуйся. Попадешь на зону, там тебя дуплить по-серьезному будут. Наша хата пересыльная и разборки в таких хатах не устраиваются. Приедешь на место, там с тебя по полной спросят. Где и за что ты наших братьев мочил. Как там у вас говорят: «Просю пана к гиляки», – смешав украинский с русским Сыч даже не ухмыльнулся. Лицо его отражало самую серьезность. Отчего у новичка что-то моментально опустилось к пяткам. Но те по причине резкого недостатка крови в сосудах отказались принять. Так и стало это что-то болтаться то вверх, то вниз.

– Я никого не убивал. Это немцы насильничали... – голос у мужика совсем упал.

– Эта сказка не отвязка. Будешь там, на месте, свои сказки втюхивать. По мне, так все вы одним миром мазаны. Что фашисты, что националисты. Те тоже с чистоты своей расы начинали, – Сыч в недалеком прошлом, до войны, года два учился то ли на заготовителя, то ли на торговца и в воровских кругах считался чуть ли не профессором. Именно профессия его и сгубила. Это была его вторая ходка. На Краснопресненской пересылке он тоже ждал этапа. – Мы тебя на спрос не берем. Живи пока... Только помни, что с того дня, когда тебя взяли, живешь ты на этом свете уже в кредит. И шконку свою здесь, до этапа, ты будешь делить с теми, что у параша. Давай, Крафт, сдавай. Посмотрим, какой у этого бандеровца фарт. Проиграю – распрощаешься с фиксами. Выиграю – так и быть, оставлю их тебе. Хотя, сомневаюсь, что на долго.

Где-то в глубине барака грохнули дверь, и Топор автоматически перенесся из Красной Пресни в больничку. Но глаза не открывал. Он все пытался обмануть судьбу, растянуть тот самый срок до расплаты за кредит.

На Тайшетской пересылке он появился неделю тому. С последним этапом. В столыпинском вагоне, следовавшем из Свердловской пересылки. В купе вагонзака было более двадцати заключенных. Не то что лежать, даже присесть можно было только соблюдая очередь. Больше половины из них были осуждены по уголовным статьям. Но много было и таких, как он. Загребших по 58-й за пособничество фашистам во время войны. Только один шестидесятилетний старик в профессорских круглых очках с приличной диоптрией – за шпионаж в пользу английских капиталистов. Но что самое интересное, все зеки, и уголовники тоже, имели за спиной тяжеловесную 58-ю статью УК. Единственное, что отличало их, так это довели к той самой 58-й в виде номерных пунктов.

К этому времени в СССР случилось то, что случилось. Печально известную 58-ю, некогда только политическую, предусматривающую меры наказания изменникам Родины, шпионам и иным военным преступникам в виде 20 лет исправительных работ либо повешение – для палачей и 25 лет работ либо расстрел – для власовцев, стали применять и для уголовников. Слегка изменив направление названия. 58-8 УК – политический террор. Особенно обильно ее применяли к убийцам, если убитым оказывался партийный функционер, комсомолец, государственный служащий и даже член профсоюза.

Долго здесь он не продержался. На ДОКе требовалась свежая рабсила. Родина очень нуждалась в заготовках леса. И не только. Зеки имели прямое отношение к строительству железной дороги, расширению транс-сибирской магистрали. А посему уже через день он оказался в вагонах, которые следовали до станции Чуна. А еще через день...

Сычу удалось отыгаться и он свое слово сдержал. Фиксы остались при Топоре. Но теперь, после последних событий, у него появились другие проблемы. Сломанные два ребра да глубоко проткнута спицей ягодница приковали к больничной шконке. Он даже не заметил, как это случилось. Но над случившимся не задумывался. В какой-то мере даже обрадовался этому. Слова, услышанные там, в Краснопресненской тюрьме, он запомнил и думал над ними постоянно. Ведь в любой момент может наступить требование полного расчета за этот самый кредит. А больничка давала ему возможность растянуть удовольствие жизни. И думать, думать и думать, чтобы придумать, как выйти из этого положения. Единственное, до чего он пока додумался, так это попытаться найти таких, как он сам, и затерять среди них. Авось повезет.

На ДОКе прогудел гудок. Капитан ГБ встряхнул головой, посмотрел по сторонам и, не видя ничего подходящего, дотянулся до подставки под графин. Спустя секунду тяжелая стекляшка плотно прижала раскрытые страницы довольно плотного «Дела» Топора. Освободив руки, гзбэшник достал беломорину, автоматически постучал мундштуком по крышке пачки, сунул ее в угол рта и прикурил.

Он не стал напрягать свои воспоминания прошлым. Нырять в давно ушедшее лето 1941-го. Лишний раз тревожить раны, полученные в грудь

от пуль с родного ПППШ. Тяжелые дни ожиданий худшего в госпитале да и после выздоровления – спокойствием и не пахли. Неожиданное получение очередного звания и, наконец, назначение на должность помощника оперуполномоченного госбезопасности по Озерлагу слегка притупили его самосознание. И вот на тебе... На сегодня для него важным было два главных вопроса. Числом один, как вел себя на допросах с его коллегами-гзбэшниками человек, «Дело» которого лежало у него на столе? Что он показал в своих признаниях именно по лету 1941 года? Фигурируют ли в его показаниях хотя бы намеки на знакомство с ним, капитаном? Числом два, что теперь делать с этим зеком? Все его дальнейшие действия по первому вопросу могли иметь два направления. А вот на вопрос числом два ответ напрашивался однозначный. И дальнейшая жизнь зека не вписывалась в него ни с какого боку. Все прошлое капитана четко подсказывало ему, что однозначный ответ был будто на зека шит. Даже без примерки.

«А как проверить этот вопрос? Вызвать его сюда? По роду своей деятельности я имею на это полное право. Он пострадавший, и я могу вполне официально его допросить. С другой стороны, он меня моментально вспомнит. Не так уж я и изменился за прошедшие годы. Но это как раз мне и на хрен не нужно. Без этой встречи я как-то спокойнее себя буду чувствовать. Тогда как я получу ответ на свой первый вопрос? Да и на промежуточные тоже? Опять же, если этого зека придется мочить, а мочить его придется в любом случае, то светиться мне с ним аж никак нельзя. Даже на допросах. Что ж, в таком случае надо привлекать к этому делу третье лицо. А кто у меня на подхвате для таких случаев? – капитан, сжав губы и прижмурив глаза, стал мысленно перечислять всех своих информаторов-стукачей. Их у него было предостаточно. Причем как среди уголовников, так и среди политических, бывших вояк, бывших пособников фашистов и даже среди самих военнопленных немцев. В чем, в чем, а в этом деле он был непревзойденный мастак. – Только один может с этим делом справиться, Гуркало. Этот сможет. Этот работает виртуозно. Врожденная «наседка». Жалко, конечно, будет, если он спалится. Но таков удел всех стукачей. Когда-нибудь любой из них спалится», – с этими словами капитан снял трубку с рогулин телефонного аппарата и дважды дернул ручку коммутатора.

Уже через сутки в больничке, на соседней с Топором шконке, лежал немного выше среднего роста тридцатипятилетний парень. Грудь его была плотно запелената бинтами. Это и был Михаил Васильевич Штампович по кличке Гуркало. Родом он был из Волынской области и прекрасно владел как украинским с польским акцентом, так и русским. Официально он лежал с переломами ребер при валке леса. А еще через месяц, в середине октября того же 1952 года, капитан обоих спихнул на этап. Вместе с Гуркало, с которым Топор на больничке успел сдружиться по причине землячества, оказалось, что оба с Западной Украины, и двумя десятками других зеков, прямо с утра их отправили на 073-ю колонию ДОКа. Самую дальнюю. Отправили пешком по просекам. Настоящего сибирского снега еще не было. Так что топать было и не тяжело. Местами они

выходили на линию узкоколейки, соединяющую номерные колонии с ДОКом.

Капитан не стал рисковать и упрятал неожиданно свалившийся на его голову объект подальше от себя. Но перед этим он больше часа беседовал с Гуркало.

– Ну как, нашел ты с ним общий язык?

– В общем, да. Но к вопросу о ценностях не подбирался. Рановато. Чувствую, что он еще зажат. Не совсем доверяет мне.

– А ты и не спеши. Дай ему время узнать тебя. Не сильно стелись перед ним, но и не дави на него.

– А вы точно знаете, что его прошлое связано с какими-то ценностями?

– Точно. Мне телега из Москвы пришла. Он вместе с бандой обчистил там на западе то ли банк, то ли какую-то контору с ценностями. И все ценности умыкали. Взять то их взяли, но не всех. И ценностей не нашли. Будь внимательный, если какие фамилии из него посыплются или клички, сразу дай знать. Я буду раз в неделю бывать на вашей колонии. Буду вызывать к себе. Как всегда. Не тебя одного. Так что можешь не переживать. Это в порядке вещей. Тем более что до конца срока у тебя меньше года осталось. Считаю, к маю уже будешь на свободе. Попробуй его расколоть на семье. Жена, дети... Жену мы взяли, а сына пока трогать не стали. Он у него и так Богом обижен. С ногой что-то. В общем, сам понимаешь, вдруг он в чем-то проговорится. На жене да на сыне снизойдет. В общем, я дал команду, вас там определяют в кострожоги. Будете заготавливать дрова для разжигания костров конвою. Работа легкая... В общем, давай пока так, а там посмотрим. Чем быстрее ты его расколешь, тем быстрее я заберу тебя сюда. Снова на кухню ДОКа.

Но вернуть Гуркало снова на ДОК капитану пришлось уже через несколько дней. Топор схлопотал три пули с ППШ от конвойного солдата. Как записано было в составленном опером 073 колонии протоколе: «... заключенный Топор убит за пределами оцепления при совершении побега».

Как рассказал капитану возвращенный на ДОК стукач, Топора застрелил конвойный солдат. Но перед этим он сам приказал ему выйти за оцепление и срубить мешавшие обзору два молодых деревца. А как только зек вышел за оцепление, сразу раздалась очередь из ППШ. Сержант заработал отпуск.

Именно так описывает способ охоты конвойных солдат на заключенных в своей книге «Черные камни» Анатолий Жигулин, осужденный в пятидесятые по 58-й политической и испытывший на себе все «прелести» лагерей ГУЛАГа от Иркутска до Колымы. За это они получали отпуск. Ваш покорный слуга сколько раз не перечитывал эту книгу жизни Жигулина и другие, описывающие тюремные будни, столько раз удивлялся жестокости некоторых двуногих. По-другому назвать таких людей нельзя. Уж что-что, а этого делать никто их не заставлял. И винить именно за эти поступки существовавший тогда режим, окружение Сталина – Берии, по-моему, по крайней мере, неуместно. За созда-

ние такого режима – ДА! Но за отдельные такие проступки винить надо ту часть двуногих, которые и уподоблялись зверям. Да простит меня автор за позаимствованную у него память о проведенных годах в лагерях ГУЛАГа. И не только Жигулин. Вторгаюсь в их литературные воспоминания исключительно, чтобы еще раз напомнить будущим поколениям о тех страшных годах, о том тяжелом времени, о тех страданиях. От плохого надо избавляться, а хорошее – надо приумножать... Так делают нормальные люди всего человечества на земле. Прошу прощения, я немного отвлекся.

Работы в последующее время, особенно весной и «холодным летом 53-го», после смерти Сталина и аж до расстрела Берии, у капитан хватало. И к той тайной мысли, пронизавшей его сознание в сентябре 1952-го он смог вернуться только к весне 1957 года. Но об этом в следующих разделах. Скажем только, что к этому времени название фирмы на Лубянке сменилось на КГБ, воинские звания в КГБ соответствовали общевойсковым, что капитан был уже в звании майора и занимал скромную должность в Десятом архивном отделе КГБ на Лубянке.

Смена власти в верхушке не только страны, но и в ее карательных органах, особенно в КГБ, потребовала вливания свежих сил. Как говорится, молодых на преданных делу партии и правительства. На каком основании и по чьему указанию глаз кадровиков остановился именно на Устюгове, сказать трудно. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло и бывшее понижение последнего в должности. Как-никак до войны он хоть и был в звании младшего лейтенанта ГБ (старший лейтенант общевойсковик), работал-то он в НКВД. В аппарате тогдашнего майора ГБ (полковника общевойсковика) Петелькина, ближайшего помощника Берии. А уже в конце 1941 года был переведен в систему ГУЛАГ. Почему? Разбираться в том, за какие такие грехи он пострадал, никто не стал. Не до этого было. Главное, попал в обойму пострадавших от прежнего руководства. А стоило бы порыться в его прошлом.

Кафе «У пана Стецька»

Телефонный аппарат, стоявший на столе у окна в номере гостиницы, сначала скрипнул пару раз, такое же количество раз с заиканьем тренькнул и только потом разродился громким звоном. На столько громким, что Илья, проснувшись, тут же помянул чью-то мать, поднялся с кровати и вихляющей походкой подошел к столу.

– И кому это я понадобился? – прошипел он, автоматически зыркнув на наручные часы, лежавшие на краю стола. Было без трех минут восемь. – Ни хрена себе. Это что, уже восемь? Да вроде и не стоят, – поднес хронометр к уху, подполковник воочию убедился, что они идут. Телефон продолжал возмущаться так, будто его рот, то бишь регулятор громкости, открыли до самого упора. – Алло! Я слушаю! Кто это? Какой Виктор Станиславович? Вы не туда поп... Полох? Какой... А-а-а! Это ты, старлей?

Теперь врубился. Что случилось? Ты не мог бы позвонить немного позже. После обеда, допустим? Хотя, теперь уже все равно. Так я слушаю тебя.

Илья Бенедиктович после вчерашнего был, мягко скажем, под приличным бодуном. Оказывается, опустошенный на двоих в «историческом» месте полуторалитровый пузырь «Немировской» был тем самым началом, после которого, как говорится, море по колено. Как только они возвратились во двор дачи, продолжение уничтожения сего зелья аки врага народа последовало незамедлительно. Дело в том, что к их возвращению Ярина постаралась, что называется, от души. И первое, и второе... Как выразился Илья: «С такими косинусом и закусинусом можно неделю балдеть». Вот они вчетвером и балдели. Ярина, так чисто символически. Когда казенка уже была выпита, а душа не просто просила, она требовала продолжения праздника, муж Ярины откуда-то достал чуть ли не двухлитровый бутыль подозрительной на вид жидкости. Это был финиш.

– Стоп! – слегка заплетающимся языком воскликнул Илья, увидев мутноватый пузырь. – Это что за зверь? Ты что, предлагаешь нам эту заразу пить? Пока не нарисуешь химический склад сего вещества, пить не будем. Скажи, Натан?

На что Натан ответил довольно оригинально: «Я бы не ста-ал так кате-г-горически утве-е-ерждать», – не надо было быть большим трезвенником, чтобы не заметить, что у бывшего капитана язык был менее послушным, чем у Ильи. Вдобавок ко всему тот подкрепил свой ответ довольно длинной для его состояния истинно украинской поговоркой: «Не к-к-кажи гоп, п-п-поки не п-п-перескочиш», – и тут же присосался к горлышку бутылки с газировкой.

– На счет химической формулы – не в курсе, – ответил Виталий, муж Ярины. – В школе с химией у меня всегда были проблемы.

– С химией или с химичкой?

– Илья! Мне тогда было слишком мало лет, а химичка у нас была старая дева. По-моему, ровесница Цусимского сражения. Я ничего не перепутал? Это было до четырнадцатого года или после? – вроде такое уточнение существенно омолаживало старую деву. Муж Ярины из всех троих (жена ушла спать около часа тому, оставив мужиков на кухне одних) был самым трезвым. Как-никак, за рулем «копейки» сидел именно он. И все-таки...

– Витек! Это давно было, и мы уже смутно помним такие даты. Не напрягай свои мозги и наши. Тебе задали вопрос, вот и отвечай. Народ желает знать, чем ты его собираешься потчевать? Так сказать, не собираешься ли ты представителя столицы напоить чем-то нехорошим? Быстро и внятно...

– Если без формул, то это самая настоящая самогонка из сахара. Не-е! Не «Мария Демченко» (так в центральных областях Украины называли самогонку из сахарной свеклы, по фамилии, кажется, даже дважды Героя Соцтруда, бригадира по выращиванию и сбору фантастических урожаев этой самой свеклы). Это из сахара. А значит, самый натуральный продукт. Без всяких бадов.

– Без всяких чего? – Илье послышалось не совсем литературное выражение.

– Ба-дов. Биодобавок, по-нашему. Так мне что, убирать бутыль?

– Витек! Никогда не спеши выполнять первую команду. Всегда может последовать вторая – отставить! Я прав, Илья Бенедиктович? В таком случае, – посчитав молчание за согласие, – наливай. Только сначала сам попробуешь. Чтобы мы случаем насморк не схватили. До чего же пренеприятнейшая инфекция, должен вам признаться, товарищ подполковник.

Разошлись они около трех часов ночи. Причем разошелся только Васюта. И то только по причине категорического отказа ночевать на даче. Пришлось бывшему капитану напрягать одного из своих лучших друзей. Правда тот, прежде чем согласиться ехать в такой поздний час и в такую даль, семиэтажными выражениями отправил своего друга Натана по очень запутанному адресу. Натан добросовестно выслушал, но записывать адрес не стал и в адрес не отправился. Ночевкой на даче он не брезговал.

Вот почему Илья с таким трудом соображал на утро. Его величество бодун, во плоти завладев соображалкой, не давал сконцентрироваться мыслям.

– Илья Бенедиктович, я почему звоню с утра.

– И почему, спрашивается в задачнике?

– Ваше задание я выполнил. Так что готов вам предоставить все дела, о которых вы вели речь. Их набралось не так уж и много. Всего восемь. А звоню я с утра, чтобы застать вас в номере. Я вас случаем не разбудил?

– Постой, постой, старлей. Ты это с кем сейчас разговаривал? И главное, о чем? Какие такие дела? Ладно, черт с тобой. Все равно разбудил. Ты где находишься? «Разбудил, не разбудил». Разве теперь это так уж важно? – последнее мелькнуло у него только в мыслях.

– В отделе. Точнее, в своем кабинете.

– В таком случае, я скоро буду.

– Илья Бенедиктович, может, машину за вами послать?

– А что, ты даже такую услугу можешь предоставить? Виктор, я ничего не перепутал?

– Так при отделе дежурная всегда имеется. На всякий пожарный.

– Так вот, Виктор, вы мне все больше и больше начинаете нравиться. Не смею отказываться. Если только «на всякий пожарный», то присылай. В самый раз.

Ровно через двадцать пять минут Илья уже входил в кабинет начальника разрешительной системы РО УМВД старшего лейтенанта Полоха.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Здравствуй, дорогой, здравствуй. А у тебя здесь ничего. Довольно уютно. Цветочки на подоконнике, телевизор, компьютер, ковер, мебель приличная. Окна металлопластиковые. Это что, за счет фирмы все?

– Да как вам сказать, тов...

– Да уж говори как есть.

– Вообще-то, ремонт во всем отделе – это за счет спонсоров. А цветочки, телевизор, ковер, стулья – это наши охотники пожаловали. Охотколлектив у нас крепкий, в смысле, спаянный.

– А не споенный? Шучу, – видя лицо старлея, быстро поправился Васюта.

– Кое-что они подарили, кое-что из дому доставили. Здесь ничего нового. Все б/у. Если не считать телевизора и компьютера. Да из посуды кое-что. Чашки...

– Кофе...

– Нет. Кофе я сам покупаю. Хотите? Я и кипяток только-только приготовил.

– Ну если ты настаиваешь. Понимаешь, я вчера тут кое с кем посидел немного. Голова будто и не моя и во рту одни гадости. А газировочки у тебя случаем нет?

– В Греции, товарищ подполковник, все есть. Может, по грамулке?

– Иди ты! Опять самогон?

– Не-е. Такую жидкость не употребляем. С желудком проблемы.

– А дверь у тебя закрывается? Кстати, вы что, сегодня работаете? Выходной ведь.

– Так и я о чем. И дверь закрывается, и выходной сегодня. И если надо – даже повод подыщем. Так что мы можем без всяких последствий немного посидеть.

– Черт с ним. Давай, как ты говоришь, по грамулке. Только для начала ответь, дорогой, я, если мне память не изменяет, давал тебе номер своего мобильного, так?

– Давали.

– А ты мне почему-то в номер звонил по-городскому. Забыл мой мобильный номер? Вроде и не дамский лейтенант.

– Нет. Не забыл. Номер вашего мобильного я запомнил на всю жизнь. А звонил я по-городскому исключительно, чтобы узнать, где вы находитесь.

– Расшифруй. Это что, зов интуиции или новый метод дедукции вычислять, где находится начальство? Хотя я ведь тебе не начальник, верно? Все равно, силен, брат, силен. Значит, если меня в номере нет, то на мобильник ты бы и не звонил? Я правильно понимаю?

– Естественно. Если человека в номере нет, значит, так нужно и нефиг его беспокоить звонками на мобильник. Тем более что вы мне дали срок до понедельника. Я правильно мыслю?

«А ты мне, парень, действительно начинаешь нравиться. Надо будет к тебе присмотреться. Потолок твоих мыслей намного выше разрешительной системы», – подумал Илья, а вслух ответил одним словом. Правда, потом добавил лихое сравнение с выдающимся английским мастером дедуктивного мышления.

– Молодец. Ну, чисто тебе Шерлок Холмс.

Через несколько минут Полох приготовил и кофе, и, достав из шкафа небольшие рюмки, наполнил их почти до самого верха.

– Предлагаю, товарищ подполковник, выпить за мой день рождения.

– Это что, как повод или серьезно?

– Могу документ предъявить. Только не сегодня, а позавчера был.

– В таком случае, я тебя от всей души поздравляю. Как говорится в таких случаях, всех тебе земных благ. И чтоб быстрее капитана получить. Долго ждать?

– Год, товарищ подполковник, – старший лейтенант мельком глянул на гостя, не подумает ли тот, что сей стол – предтеча с далеко идущим намеком? Возражения, что у него и в мыслях подобного нет, буквально готовы были сорваться с языка.

– Что ты все по званию меня величаешь, – Илья взгляда не заметил. – Давай просто по имени и отчеству. А после первой звезды, как в той рекламе, можно будет и по имени. Ну, будь! И учти, подарок за мной. Отказы не принимаются.

Еще через минут сорок, после выпитого кофе и принятых трех рюмок «дупельков», как их называл Васюта, оба окунулись в изучение отобранных дел.

– Так что ты там говорил на счет дел? Сколько-сколько их отобрал, восемь?

«А он ничего держится. С такого бодуна и все помнит. Я представляю, что они там пили. Хотя кабинет проветривай. Было бы лето – мухи штабелями лежали бы. Восемь», – чисто автоматически ответил Полох.

– Давай так, Виктор! – три рюмки, пусть даже «дупельки», существенно восстановили состояние души Васюты. И он, явно в благодарность за это, назвал старлея на заграничный манер, с ударением на последнем слоге. – Ты мне в двух словах по каждому делу, а там разберемся. Что изучать сегодня, а что погодить. Идет?

– Значит, так, товарищ подполковник, – от такого вступления Илья изобразил такую физию, что Полох моментально поправился. – Извините, Илья Бенедиктович. Как известно, Александр Тарасович Конопляный продал принадлежавшую ему фирму «Полесье» весной 2005 года.

– В аккурат после выборов?

– А при чем тут выборы?

– Это я так, про себя. Не отвлекайся.

– Если исходить из ваших требований, то вот эти два дела относятся именно к этому периоду. Периоду весны 2005 года. Дело Витковского и Дубины. Оба любители и выпить, и погулять. Оба в 1993 году привлекались за воровство. Схлопотали по два года на каждого. Помните, тогда мода была, всякое железо в частные приемные пункты тащить. Крышки люков на дорогах, алюминиевые бидоны, миски и прочий скарб из цветного металла у пожилых людей воровали... Нарвались на старушку, а та вцепилась в тазик мертвой хваткой и не отдавала. Вот Баламут ее и стукнул по темечку. Правда, не насмерть. Это их и спасло.

– А сейчас за что? Опять метал? «Люди гибнут за металл!» – я где-то уже читал такой слоган.

– Нет! На сей раз за янтарь.

Илья тут же взял в руки одно из двух дел, которые держал в руках Полох.

– Эти два олуха занимались несанкционированной добычей янтаря.

– Давай-ка, брат, своими словами. Научной терминологией я уже сыт по горло.

– Незаконно намывали янтарь на территории Буковского лесхоза. Взяли их с поличным. Выдавший виды мотоцикл с люлькой, корейский генератор, мотонасос и намытый из песка янтарь... В общем, на пять с половиной тысяч гривен. На сей раз схлопотали уже по трояку на каждого. Прогрессируют ребята.

– Хорошо, а при чем тут Конопляный? – Васюта по диагонали знакомился с материалами дела.

– Дело в том, товарищ... извините, что оба этих хмыря-старателя, как и остальные, числились за фирмой «Полесье». И приняли их туда в аккурат после первой отсидки. А принимал их на работу лично Конопляный.

– А почему в деле ничего об этом нет? Откуда у тебя такие познания?

– Я ведь родом из этих мест. И с девяносто третьего сержантом служил в ГАИ.

– А потом поступил в училище?

– Нет. Случай был. Только это неинтересно.

– Давай, не стесняйся.

– Мы ловили одного угонщика. С капитаном на моей «копейке» устроили погоню. Догнали на выезде из Середнян. Идем на перехват, а у него «мазда». Деваться ему некуда он бет нас в бок со стороны пассажира. Дверка в гармошку, капитана зажалю. А угонщик выскакивает из машины и ходу. Капитан приказывает мне продолжать погоню. Короче, догоняю я его, а он на меня. В общем, скрутил я его, хоть и сам получил не хило. На пару с коллегой недели две на больничных койках отлеживались. Капитану от президента орден, а мне медаль. Закончил техникум – присвоили младшего лейтенанта. Потом курсы – лейтенант... Лет прилично, а звание – всего три звездочки. Надеюсь хоть под занавес капитана получить. Если еще заслужу. Я этих ухарей прекрасно знал. Они и до фирмы Конопляного тоже янтарем занимались. И не только они одни. До девяносто пятого – девяносто седьмого янтарь мало кого из большого начальства интересовал. Я имею в виду с точки зрения государства. Так он всех интересовал.

– Если я правильно понял, фирма «Полесье» занималась промыслом янтаря, так? У них что, лицензия была?

– Какая лицензия? Разведанные Буковское в нашем и Вольное в Дубровицком районах залежи янтаря только в начале двухтысячного официально по лицензии стали разрабатываться государственным предприятием «Янтарные копи».

– Так почему руководство фирмы не брали за Фаберже и не тащили на цугундер? Где была налоговая и прочие фискальные органы? ГСБЭП (государственная служба по борьбе с экономическими преступлениями), наконец?

– Это вы у меня спрашиваете? Я же в то время простым сержантом был. Значит, кому-то это было выгодно...

– Ты говорил, «оба эти хмыря, как и остальные», что ты под этим имел в виду?

– Так остальные дела как раз про таких, как эти хмыри. Протопопов, Озерной.

– Все шесть?

– Да. Но вот этих двоих нет в живых. Братья Пригары. Василий старший по кличке Длинный и Богдан, по кличке Баламут. Они тоже в середине девяностых приземлялись на зону. Вроде за наркоту. Баламут, так тот системным наркоманом был. Его-то в 2001-м и положил бывший тогдашний замначальника «угро». Вроде он на него с выкидухой полез. Его потом за это из органов поперли. За превышение. Он у нас живет, в Середняках. Из органов поперли, жена ушла... В общем, сломался парень. А вот братан убитого, именно он тогда против капитана перья и распускал, ровно через год, когда капитана уже судить собирались, скоропостижно зажурился. По заключению судмедэкспертизы – суицид. Наши шушукались, что это очень странный суицид был. Сам себе вены отворил, а на руках ни кровинки. Да и на писке никаких папиллярных узорчиков не было обнаружено. Протопопов и Озерной сели за янтарь уже после того, как у фирмы «Полесье» сменился хозяин. У Конопляного целая бригада таких вальщиков леса работала.

– Так эти что, все сейчас на зоне парятся? – указывая на остальные папки, переспросил подполковник.

– Понимаете, Илья Бенедиктович, с 2005 года у нас сменился и начальник УМВД в области, и его заместитель. Точнее, бывший заместитель куда-то исчез. Поговаривают, что именно он был замешан во всех тех аферах с янтарем. Будто он главную скрипку играл. Ищут его. Так вот, новое руководство МВД и УМВД, в частности, довольно серьезно взялось за любителей незаконной добычи янтаря. Может, погоду в этом делает созданное государственное предприятие «Бурштин (янтарь) Украины»? Но это только мое мнение. Вам лучше с этим вопросом к начальству обратиться, – старлей понял, что сболтнул лишнее. Но было поздно. Уповал только на состояние собеседника.

– Понятно. А ты ничего не слыхал о погибшем в ваших краях спецотряде НКВД и НКГБ во время войны? Будто они вывозили по вашим дорогам какие-то ценности и все погибли?

– И вы тоже верите в эти слухи? Ну подумайте сами, зачем везти ценности именно по нашим дорогам? Тем более вначале войны. Ровно, Житомир, Киев – трасса прямая как стрела. Да и дорога не чета нашей. Это теперь она получше. А до войны – я представляю, что здесь творилось. Особенно в весеннее половодье. Было такое на слуху. Но это раньше. Когда живы были очевидцы тех времен. Сейчас их мало осталось. Только сказка все это.

– Понятно. А как ты думаешь, новый хозяин фирмы «Полесье» добычей янтаря не занимается?

– Это мне не ведомо, – довольно странно отреагировал на вопрос Полох. – Мое дело – разрешительная система. Ружья, охотники... Если у него есть лицензия, то, может, и занимается. Я так понял, что вы хотите это дело прозондировать?

– Значит, так, Виктор! – Илья снова сделал ударение на последний слог имени Полоха. – С понедельника наведайся в фирму, побеседуй с работниками. Только не как опер, а по-простецки. Особенно было бы интересно послушать работников пилорамы, вальщиков леса. Мне нужны фамилии бригад этих самых вальщиков, – Васюта уловил перемену в настроении старлея, но менять свое решение не стал. Больше того, такой поворот в деле его больше устраивал. Ведь у него был еще и запасной вариант.

– Мотивировать свой интерес трагической смертью их бывшего начальника?

– Правильно. В дебри не лезь. Работай по верхам. Мол, то да се. И постарайся вытянуть их на откровенный разговор. На янтарь сильно не дави. Отделайся шутками. А мы с тобой после встретимся и все обсудим. У тебя тачка есть?

– Все та же «копейка». А вы думаете, я справлюсь?

– Уверен, старлей. Капитана надо зарабатывать, как ты считаешь? А может, и не только капитана. Чувствуешь, важность момента? Ты наверно в курсе?

– Что это дело на контроле в администрации президента? Наш начальник в пятницу просветил.

– Вот и хорошо. Ладно. Не буду тебя больше задерживать. Как-никак выходной. У тебя поди планов на сегодня громадье?

– Не то чтобы громадье, – улыбнулся Полох.

– Все равно. У меня на сегодня еще куча дел. Давай. До завтра. До вечера. Жду твоего звонка.

Выйдя из здания райотдела, Васюта сделал несколько шагов по тротуару и остановился. Потом, будто ему только что сняли повязку, до предела сузив глаза окинул панорамным взглядом окружающую местность. В доли секунд все объекты панорамы, как одушевленные, так и неодушевленные, были намертво зафиксированы в памяти. К этому его вынудила странная реакция начальника разрешительной системы на недавний вопрос. Еще через секунду, он продолжил свой путь в направлении центра. Минут через пять Илья констатировал, что «хвоста» за ним нет. Во всяком случае, пока. Или это было связано с тем, что он только-только покинул здание РО УМВД, или для этого были другие причины.

Сменив несколько магазинов с их витринами, ногами прочувствовав асфальт улиц и тротуаров трех кварталов, Илья уселся на скамейку под огромным дубом. Посидев минуты три с закрытыми глазами, будто уставший до предела человек, подполковник достал мобилку и быстро набрал номер.

– Слушаю!

– Это я.

– Я понял. Что, уже понадобился? Как самочувствие?

– Есть такая нужда.

– Знаешь что? Ты в нашем райцентре уже ориентируешься?

– Заблудиться не заблужусь. А что ты предлагаешь?

– На выезде из города в сторону Буково, не доходя до моста через Случ, в лесочке расположено кафе «У пана Стецька». Не был там еще?

– Не приходилось.

– Это недалеко. Минут тридцать пешком. Давай топай туда. Подойдешь к бармену. Высокий, с большими усами и почти лысым черепом. Чем-то смахивает на Муляву, земля ему пухом. Помнишь «Песняры»? Скажешь что от меня. Он тебя проведет. Там и встретимся. Я стол закажу. Ты как, нормально себя чувствуешь?

– Уже нормально.

– Понятно. В таком случае я тебя жду. Там и поговорим.

Выключив мобилку, Васюта глянул на часы. Было без тринадцати минут одиннадцать. Закрыв глаза, Илья откинул голову на спинку скамейки. Со стороны могло показаться, что он спит. В лучшем случае кемарит. В действительности это было совсем не так. Из-под самых ресниц он очень внимательно наблюдал за всем происходящим в радиусе видимости. Не заметив ничего подозрительного, поднялся и медленной походкой направился на выход из города. «Середняны – это тебе не Одесса и даже не Киев. Тут вокруг городишка за тридцать минут можно пару кругов нарезать». Но уже через минут пять он понял, что такой медленной походкой к месту встречи доберется в лучшем случае к обеду. А посему прибавил шагу.

В кафе Илья появился в половине двенадцатого. Небритый, с отеком лицом, да еще и чувствительным запахом смеси «казенки» и самогонки, слегка помятый, в куртке-аляске и кожаном фургоне с согнутым козырьком, будто его, фургон, подкладывали под двадцатичетырехкилограммовую гирю, вот в таком виде подполковник предстал пред очи бармена. Скажи ему, что перед ним не простой подполковник милиции, а начальник отдела ГУБОП по раскрытию особо важных дел, у бармена челюсть переместилась бы в район пупка. Тот долго на него смотрел, смотрел, а потом спросил на чистейшем украинском языке:

– «Ви що-небудь бажаєте, пане? Горілки якої, може, пива чи вареників у сметані?» – при виде внешнего состояния посетителя, бармену было совсем не до соблюдения вежливости. Посетителей в баре хватало. Но требования негласных законов частной собственности были выше его желаний.

– Спасибо, – улыбнувшись, ответил Илья. – Меня здесь должны ждать.

– Кто? Имя?

– Натан.

– По коридору за углом умывальник. Мойте руки. Я подойду, – бармен зыркнул в зал и сразу повернулся спиной к посетителю.

– Ну, здравствуй, Илья Бенедиктович! А ты ничего смотришься. О-о! Да ты я вижу и похмельятор уже принял. Если в одиночку, то это не есть хорошо. Присаживайся.

За умывальником была дверь. А чуть правее начиналась лестница, ведущая куда-то вверх. Не успел Илья добросовестно вымыть руки и вытереть их висящим рядом полотенцем, как дверь приоткрылась и в ней показалась голова бармена. Оказывается, там была кухня. «Поднимайтесь по лестнице. По коридору вторая дверь. Вас ждут». «Вот это, да! Не хватает только пароля в виде разорванной пополам стодолларовой банкноты. Но это было бы уже слишком. Ее ведь можно и склеить, а столтник – уже состояние. Могут и грохнуть».

– Ни в жизнь не поверишь, так удачно получилось, что я и сам не ожидал. В моем бывшем заведении и угостили.

– Поди, Войцеховский расщедрился? А что, ты мужик представительный, – Натан тут же хихикнул, увидев внешний вид Ильи, – полномочия у тебя с Банковой, вот он и решил прогнуться. Терпеть ненавижу чинопочитание.

– Да нет, не угадал. Разрешительная система угостила. У нее оказывается два дня тому был день рождения, – Илья почти дословно передал весь разговор с Полохом. – Ты знаешь, Натан, – под конец резюмировал Васюта, – мне кажется, что он не такой уж и убитый Богом, этот ваш старлей.

– А кто говорил, что он Богом убитый? Я такого не говорил. Во всяком случае, убей – не помню. Немножко не от мира сего – это да. Да трусоват чрез меру. А в ментовке с такими задатками только в разрешительной системе и можно служить. Хотя ты прав. Я его еще с сержанта помню. Он гаишником с палочкой-стукалочкой промышлял. По-моему, там он и брал, и давал. Вполне человеческим был. А вот после одного случая, как отрезало. Во всяком случае, такого мнения о нем его бывшие коллеги.

– Когда он угонщика задержал?

– Ты и об этом в курсе? Поди он сам и рассказал? Вообще-то, он об этом распространяться не очень любит. Значит, ты сумел достучаться до его сердца. Да! Крепко его тот угонщик напугал. Здоровый был, как бык. Да еще и бывший морпех. Он ему ножом всю грудь и левую руку исполосовал. Но наши были уже рядом. Угонщика повязали, а их обоих в больничку отправили. Капитану орден, а ему – медаль. Был бы помоложе, – с медалью, может, и полковником стал бы. А так, майор ему светит и то в лучшем случае. Ну что мы все о нем, да о нем. Помнишь загадку, идет программа «Время», а там все о нем, да о нем и немного о погоде. О ком это?

В дверь постучали.

– Да, да! – на правах хозяина ответил Натан.

В комнату втиснулся бармен, неся на руках приличных размеров разноцветный разнос. Еще через секунду на столе красовалась тарелка с шестью шампурами и парящими на них приличными кусками мяса, двумя тарелками салата и тарелкой с хлебом. Запечатанная бутылка «Немиров-

ской» и открытая бутылка с газировкой уже красовались на столе вместе с сервировкой.

– Ну что, Илья Бенедиктович, ты свое самочувствие уже поправил, а я еще нет, – скручивая крышку вместе с акцизной маркой, Натан глянул на соседа. – Как спалось? Кошмары не снились?

– Вообще ничего не снилось. Если бы не Полох, спал до вечера. Голова, правда, как поднялся, гудела, что тебе трансформаторная будка. А во рту, будто кот нахезал. Слушай, то отвратительное пойло Виталий сам гонит? Такое впечатление, что с него самогонщик, как с хрена слесарь. Ты не находишь?

– «И я, и я, и я такого же мнения». Мультик не забыл? В моей памяти всегда фиксируется только первая рюмка. Только она идет тяжело. Остальные я не помню. Значит, все не так плохо. Давай, это не вчерашняя. По-моему, одна из лучших. Из недорогих, конечно. Будь здоров.

– Слушай, Натан, – выпив и стянув зубами с шампура ближайший кусок мяса с хрустящей коркой, прошепелявил Илья. – Тебе такие фамилии знакомы?

Натан, продолжая работать челюстями, уставился на подполковника.

– Братья Пригары, Витковский, Дубина, Протопопов, Озерной?

Бывший опер сначала закончил жевать. Потом молча вытер салфеткой губы и пальцы рук, хлебнул из стакана газировки и только потом ответил:

– Один из этих братьев и был тот самый нарк, по которому мне пришлось применить оружие. Врачи потом сказали, что рана была смертельной. Хотя, и я в этом сейчас абсолютно уверен, его могли спасти. Но кое-кто был заинтересован именно в таком исходе.

– Ты имеешь в виду бывшего замначальника УМВД в области?

– И не только его одного. Янтарь в фирме добывали несколько бригад. И этот случай был как бы предупреждением остальным. Я больше чем уверен, если бы Баламут тогда остался в живых, афера с янтарем, а, равно как и с заказчиком моего прессинга, быстро всплыла бы наружу.

– Намекаешь на незаконную добычу?

– А раньше законной и не пахло. Совсем недавно стали лицензии выдавать. И то только двум фирмам. «Янтарные копи» и «Бурштин Украины». Всех, кого ты назвал, я прекрасно знал. Все кроме двух на сегодня приземлены в зоны. Скажу тебе как родному, способствовало этому совсем не само государство. Способствовали этому фирмы, имеющие лицензии. Это в их интересах. Они терпят убытки. Ты бери шашлычки, бери. Здесь знают толк в их приготовлении. Хозяина этого заведения я знаю давно. В бытность, когда он только раскручивал этот бизнес, я помог ему избавиться от наездов нехороших мальчиков, скажем так. Пришлось помахаться немного. Одних на зону упрятали за разбой, другие сами сбежали с этих мест. Так что за заведение можешь не переживать. Все под контролем. Чего ты на меня так смотришь? Думаешь, я сколотил компашку и сам крышу над такими бизнесменами? И те тоже так думали. Между прочим, когда меня в 2002-м пытались к суду привлечь, кое-кому очень

хотелось на меня и эту статью повесить. Такое желание было у многих моих противников. Хозяина этого кафе тоже и вызывали, и прессовали. Только ничего у них не получилось. Так что выкинь дурное из головы.

– А я ни о чем таком и не подумал.

– Ага! Да у тебя на лице, как в зеркале заднего вида. Да ладно, проехали. Давай-ка мы еще по грамулечке примем, а то шашлыки совсем остынут, – бывший капитан снова наполнил рюмки и они, чокнувшись, выпили.

– По-моему, ты хотел мне что-то про янтарь рассказать, нет? Или мне показалось? – Илья потянулся уже к новому шампуру и привычным способом стащил с него еще теплый кусок мяса.

– Мне вот недавно на глаза заметка попала, – Натан точь-в-точь повторил все движения Ильи. Правда, только после того, как глотнул из стакана газировки. Видимо, к газировке он относился благосклонно. – В ней про фирму «Янтарные копии» писали. Так вот, в год эта фирма официально добывает более трех тонн янтаря. А несанкционированные добычи на перспективных участках промышленных месторождений – в три раза превышают официальную добычу. И все это скупают незарегистрированные посредники и контрабандой вывозят за пределы Украины. В основном в Польшу. Вот и посчитай убытки, которые несет государство. Точнее, мы с тобой и миллионы таких, как мы. Ты пройдишь по лесам нашего Буковского леспромхоза. Там такого насмотришься, страшно сказать. Сумма контрабандной вывозки янтаря за кордон ни в какое сравнение не входит с ущербом, нанесенным природе местного Полесья. Разоряются лесные массивы и почва. Десятки бригад старателей-подпольщиков, десятки мотопомп. С их помощью перебиваются гектары почв, оставляя за собой марсианский ландшафт. По данным, которые у меня остались еще с тех времен, в Польше действуют две фабрики по переработке нашего янтаря. Это и есть стимулятор контрабанды. А почему у нас не развернуть такое производство? За прошлый год по фактам незаконной добычи было возбуждено аж около пятидесяти уголовных дел. И изъято, и смех и грех, немногим больше двухсот килограмм камня-сырца. Девять тонн и двести килограмм.

– Как ты думаешь, фирма «Полесье» занималась незаконной добычей и контрабандной продажей янтаря?

– Так ведь на этом я и сгорел. Я же тебе рассказывал. Именно Конопляный и был одним из тех, которые усиленно пытались избавиться от меня. Любим, замечать, способом.

– А если предположить, что кто-то из его сотоварищи по фирме при дележке был слегка обижен? Мог он затаить зло на него и потом грохнуть?

– Затаить зло мог, а вот грохнуть – нет. Не они его грохнули.

– Откуда такая уверенность?

– Во-первых, если ты считаешь, что после продажи фирмы он совсем отстранился от янтаря, то ты глубоко ошибаешься. То, что он стал совет-

ником президента по каким-то там неясным вопросам, еще ничего не значит.

– Экономическим.

– Что?

– Я говорю, по экономическим вопросам.

– Какая в хрен разница. Экономические – это самые неясные вопросы. Так вот, он и после продажи фирмы незримо здесь присутствует. Виноват, присутствовал. Думаешь, у него и его, как ты говоришь, сотоварищи не осталась здесь пара-тройка бригад старателей-подпольщиков? Да я ни в жизнь в это не поверю. Если проверить выданные лицензии на частную вырубку леса – запросто можно нарваться на фамилию Конопляный. Между прочим, вырубленный лес он официально продавал своей же бывшей фирме. Шла перекачка денег.

– И ты мог бы добыть факты? Допустим, по своим бывшим каналам.

– Не-е, брат. Мне тогда все каналы обрубали. Есть, конечно, несколько информаторов. В смысле, осталось еще с тех времен. Но это мелочи. А к серьезной информации на сегодня у меня доступа нет. Но я не понял. Тебя что больше интересует? Накрыть каналы незаконной добычи янтаря и контрабандной его переправки за бугор или найти того, кто замочил бывшего советника?

– Согласен. Больше второе. Только ты сказал «во-первых». А что, во-вторых?

– А во-вторых, помнишь, что ты говорил у меня дома, Тупиковый одиннадцать? Забыл. Что авария, в которой погиб Конопляный, была непростая. Что в ней замешана химия. Причем не наша, отечественная или бывшего комитета, а штатовская. Вот теперь и прикинь, мог ли уровень наших деревьев, пусть даже и областного центра, быть заказчиком этого преступления? Вот то-то же. Не-е! Искать заказчика надо в другом месте. Не спорю, вполне возможно, что янтарь может играть в этом деле какую-то второстепенную роль. Но ни в коем случае не главную. Только учти, это мое личное мнение. Если, конечно, оно для тебя что-то значит. Как я тебя, сильно расстроил?

– А что, эта версия вполне имеет право на существование. Давай-ка, Натан, по такому случаю набулькай еще по рюмке. Уж больно мне твоя версия душу щиплет.

И снова они выпили. Правда, теперь молча. Слегка только кивнув в унисон и рюмками, и головами.

Минуты две-три упорной работы челюстей привели к положительному результату. В тарелке осталось по одному полному шампуру. Мясо, правда, было уже еле-еле теплое. Да и в бутылке оставалось не больше чем на две рюмки.

– Вообще-то, я лично никаких претензий выдвигать не буду, если твое хозяйство вмешается в этот беспардонный процесс с янтарем и кое-кого отправит-таки на заслуженные сроки. Тогда я готов тебе в этом деле оказать максимальную помощь.

– Все понятно. В таком случае мне от тебя пока нужна только организация встречи с этим Шершенем.

– Он в Хмельнике, в железнодорожном санатории. Будет только к концу следующей недели. Я уточнял.

– Ну, тогда будем закругляться. Мне надобно еще сделать несколько звонков. Кстати. Я там поручил Полоху навестить как саму фирму «Полесье», так и ее пилораму. Пусть засветится, задаст кое-какие вопросы, как начальству, так и рабочим.

– Хочешь показать рвение в работе? Или?..

– И то и другое. «Или» на данном этапе меня интересует больше. Я бы так сказал. Особенно после нашего сегодняшнего разговора.

Еще через десять минут Илья благополучно покинул кафе «У пана Стецька». Покинул на такси. Одного его Натан не отпустил. А чтобы не светиться с Натаном, пусть даже и через его знакомых имевших машины, Илья вызвал такси. Благо, с этим вопросом даже в такой глубинке стало проще.

Вернувшись в номер, Васюта сначала принял контрастный душ. Все же нагрузки на организм в течение вчерашнего и сегодняшнего дней давали знать. Чай не двадцать лет.

Вытершись полотенцем почти что до красноты, он прямо в спортивке улегся на одеяло. Шебаршившиеся в последние дни мысли надо было слегка дефрагментировать. Перебрать и сложить в стопочку уже по надобности.

«И что мы имеем на сегодня с гусь, как любит говаривать мой шеф? Пух, перо и шкварку. Шкварка – это хорошо. Шкварка – это вкусно. Пусть даже и на любителя. А если серьезно, то, во-первых, Конопляный-младший в этих местах имел честь слегка нарушить закон. Закон по добыче янтаря. Правда, это пока только из области слухов. Хотя добыть этому подтверждения, я думаю, большого труда не составит. Но ставить все на эту версию не стоит. Во всяком случае, именно так считает бывший опер местного «угро». А ему доверять можно. Чьи это слова? Правильно, полковника Холодного. Значит, отсюда пакостей объект ждать не мог. Тем более с мочиловом. Во-вторых, гибель спецотряда в первые дни войны в этих местах подтверждается. И то, что отряд вывозил ценности, тоже подтверждается. Больше того, подтверждается и факт окопавшегося в рядах отряда врага. В отряде работал «крот». Правда, все это тоже на уровне слухов. А вот подтверждение этим слухам добыть будет непросто. Почти невозможно. Время ушло. Что еще. А еще то, что на сегодня практически доказано – отряд не весь погиб. Один или даже два человека остались в живых. Один или два? Вопрос, конечно, интересный. Нырнем-ка глубже в эту версию. Один или два? Один из них – это точно тот самый «крот». Именно его тень мелькала в пятьдесят седьмом. На гибели отряда счет отправленных на прием к Всевышнему не заканчивается. Три трупа безо всякого сомнения тоже можно отнести на его счет. Во всяком случае, под его личным патронатом. Только это немножко не вяжется. Кто же тогда был тот самый Саша, о котором помнит сын Стефании? Если он и есть

«крот», тогда именно он и заныкал те пропавшие ценности. В таком случае, зачем ему их искать? Пришел, откопал и весь в шоколаде. А он ищет. Потеря памяти? Возможно. А если их двое? Один – тот самый «крот», а другой – который успел и ценности перепрятать, и в живых остаться. Тогда почему он до сих пор не изъясл ценности. Допустим, при Союзе сделать это было практически невозможно. Хотя... Но ведь после развала Союза прошла уйма времени. За это время можно было не только достать те ценности, но и спокойно ими распорядиться. Что-то тут не так», – Илья мысленно нажал на пупок мыши с целью приостановить процесс мышления по причине переполненного мочевого пузыря.

Поднявшись с кровати он не спеша отправился в комнату задумчивости. Именно так называл туалет его бывший шеф, гроза розыска полковник Кашай, пребывающий нынче на заслуженном отдыхе. На обратном пути, исключительно дабы восполнить потерю жидкости, Васюта выдул целый стакан газировки. Не пропадать ведь добру. Почти полную двухлитровую пластмассовую бутылку «Подбугской» ему всунул в руки Натан перед отъездом из кафе.

«Ели ценности до сих пор не найдены, – вернувшись на кровать, подполковник продолжил добросовестное просеивание имеющегося фактажа, пусть даже и условного, – тогда действия «крота» в пятьдесят седьмом оправданы. Пусть и частично. А вот убийство Конопляного-внука ни в какие рамки не вписывается. Если только перед убийством он не достиг своей цели. Если внук перед смертью не указал ему место хранения ценностей. Нет, это какая-то чепуха. Куда в таком случае делся дед? Он же не шапка невидимка. Причем столько лет. И еще, внук перед смертью ничего не мог сказать. Во-первых, его не пытали. Ни погода, ни место к этому не располагали. Его просто убили. Раз – и он уже на небесах. Пусть даже и при помощи забугорной химии. Во-вторых, если бы он знал, где те ценности, то давно бы уже ими распорядился. Тем более имея такие возможности. И до получения должности советника и тем более после. Белиберда какая-то. Чтобы в этой белиберде разобраться, мне, как минимум, нужны две фотографии. Фотография «крота», и фотография другого. А где их взять? Допустим, одну фотографию я смогу получить. Фотографию Конопляного-деда. Вполне возможно, что это случится уже завтра, – обнадежив себя, Васюта вспомнив, про почту из УСБУ. – О второй можно и не мечтать. Она, как и ее хозяин, пока в виртуальном состоянии. Стоп. А если выйти на зону, где чалился Топор? Если выйти на поиски второго через задний проход. Этот путь может быть длинным, но он обязательно должен куда-то привести. Топор был на зоне и там встретился с «кротом». Значит, они знали друг друга. И что получается? Что «крот» свой человек? Представитель, так сказать, органов. Как их тогда называли? НКВД и НКГБ? Совсем запутался. Но над этим стоит поработать. Что-то в этом есть. Третьей звездой на погонах чувствую, что именно здесь кроется какая-то тайна. А почему бы и нет, – подумал Илья и снова поднялся с кровати. Подполковник вспомнил о своем помощнике, майоре Хрущ Виталии Львовиче. – Он ведь должен был звонить еще вчера».

10.01.200... год

Прошаркав шлепанцами к стулу, на спинке которого висел пиджак, подполковник достал мобилу. Она была выключена. В связи с тем, что он уже настроился на выдачу подчиненному начальственного пистона, Васюта не стал лезть в дебри случившегося, а сразу набрал номер мобилки Хруща.

— Але! Я что-то не понял, товарищ майор! Кто-то должен был вчера доложить о результатах работы. Или я что-то путаю?

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — почувствовав начальственный тон, майор решил не сдаваться. А посему сразу включился в официальный режим разговора.

— Здравствуй! И что ты хочешь мне сказать?

— А хочу я вам сказать, товарищ подполковник, что вчера часов с десяти я раз десять наяривал вам на мобилку. И все в пустую. Милая дама постоянно ставила меня в известность, что абонент не может принять мой вызов по причине отсутствия связи. Причем на нескольких языках. И что я должен был делать?

— Постой, постой. Я только сейчас понял, что мой аппарат был выключен. Явно случайно нажал на пупок. В таком случае извини, Виталий. Что нового?

— Факты долгостоя фуры перед перевалом подтвердились. Пришлось буквально носом рыть весь путь от перевала аж до ближайшей деревни. Фуру в том месте видели и несколько местных жителей. Те свидетели, как и водители КамАЗов, видели в кабине тоже одного только водителя.

— Но водители КамАЗов потом видели двоих. Как это понимать? Почему такие разные показания?

— Предположение только одно, второй водитель подсел в фуру уже на перевале.

— А если он все это время находился в спальнике?

— Вполне возможно.

— А что с этой стороны перевала?

— С этой стороны перевала — никакой зацепки. Прошерстил путь от перевала чуть ли не до Воловца. Никто ничего не видел. Ни-че-го. Правда, в тот день машин на трассе вообще было мало. А ночью тем более. В час по ложке. А за час там можно было не только джип с трассы спихнуть, танк можно было скинуть вниз. Плюс непогода. Вы же помните, какая была в ту ночь погода. Хозяин собак...

— Это все лирика. Если с перевалом все, отправляйся в Одессу. Постарайся отыскать там следы той фуры. Фотороботы прихвати. Авось пригодятся. Приедешь, позвони. Только не так... В общем, сразу как только приедешь. Это ты будешь там только послезавтра, да? Не быстро. Но что поделаешь.

«А теперь спать. Хватит мозги напрягать. Утро, как говорится, мудрее. Будем ждать утра». Ровно через пятнадцать минут подполковник, причмокивая иногда губами, мерно посапывал под двойным одеялом. Африкой ни в Середняках, ни в гостинице совсем не пахло.

— ...А теперь мне хочется вернуться к одной истории. Несколько месяцев назад здесь, в студии, были две женщины. Одна из Москвы, а другая — из южного города на Украине. И называется тот город Белгород-Днестровский. Мои знакомые рассказывали, что это красивый город. До развала Союза они раза два или три бывали в том провинциальном городишке, стоящем на берегу большого Днестровского лимана. Рассказывали что, отдыхая в Затоке, чуть ли не каждый выходной летали туда на рынок. Именно летали, потому что за пятьдесят копеек «подводные крылья» мигом их туда доставляли. Говорили, что это чистый и уютный городишко. А какая там старинная крепость, и какой там богатый был в то время рынок — они не могли нахвалиться. Арбузы, дыни, виноград, персики, яблоки. Д-да! Но я не об этом. Так вот, женщина проживающая там, обратилась к нам с просьбой найти ее старшую сестру. Многие телезрители должны помнить ту историю, — Игорь Владимирович Кваша, ведущий телепрограммы «Жди меня», поднялся из-за стола и вышел на середину подиума.

При последних словах оператор буквально наехал на него камерой, отчего были видны не только все до единой морщины на лице, но и какая-то хитрая грустинка во взгляде.

— Буквально вчера мы получили одно интересное сообщение. Давайте посмотрим на экран. Будем надеяться, что и женщина из Белгорода-Днестровского смотрит нашу передачу. Хотя вполне возможно, что эта история совсем другая. Именно поэтому мы пока не рискнули пригласить ее в студию. А вдруг это, как говорят военные, холостой выстрел. А ехать сюда — совсем не ближний свет. К нам обратилась одна русская женщина, проживающая сегодня в США. Да-да, именно в Штатах. Должен вам признаться, что с каждым месяцем во всех уголках мира добровольных помощников у нашей программы становится все больше и больше. Посмотрите на экран, интересная история. Все равно она, эта история, кого-то коснется. Глядишь, мы и поможем в чьей-то судьбе.

«Здравствуйте, уважаемые телезрители, — на экране, на фоне природы с угадывающейся на заднем плане довольно крупной речкой, появилась женщина лет тридцати — тридцати пяти. Блондинка, с фотогеничным лицом и одетая хоть скромно, но со вкусом. — Родом я из России, из Котельничского района Кировской области. А проживаю сейчас в Америке, в ста с лишним километрах от города Сент-Луис, на берегу реки Миссисипи. Познакомилась по Интернету и вышла сюда замуж. Но речь не обо мне. Вашу передачу я смотрю постоянно. И если честно — плачу. Но в большинстве случаев — это слезы радости. За то, что такая передача есть. И дай Бог вам всем здоровья и долгих лет жизни».

В этом месте женщина с экрана как будто специально приостановила

свой монолог, чтобы зал поддержал ее пожелания. И присутствующие в студии не замедлили этим воспользоваться.

«Этим летом мы с мужем несколько дней провели на берегу моря в Норфолке. Там живет его родня. В один прекрасный день, загорая на берегу, познакомилась я с одной женщиной. Она уже в солидном возрасте. Чисто случайно. Как говорится: моряк моряка... В общем, русский русского... Разговорились. Моя знакомая хоть и разговаривала по-русски, но с интересным акцентом. В действительности оказалось, что та женщина родилась на юге Украины. И звать ее Кристина. Во всяком случае, именно так она представилась. А фамилия ее Шершень. И вот какую историю она мне поведала:

В 1942 году немцы вывезли ее в Германию. Она тогда совсем еще девочкой была. Тогда много девочек немцы вывезли. Работала сначала на заводе, а потом у какого-то фермера. В последний месяц войны познакомилась с одним военнопленным. Его лагерь освободили американцы. И он тоже оказался с Украины. Служил до войны в Ровненской безпеке. Так она называла ту организацию. Лично я поняла, что это бывшее КГБ. По ее рассказу, в самом начале войны муж в составе какого-то спецотряда НКВД участвовал в какой-то крупной секретной операции, связанной с вывозом ценностей. Всех подробностей она мне не сообщила, но из разговора я поняла, что кто-то тот отряд тогда предал и его уничтожили немцы. Все погибли. Ему одному чудом удалось остаться в живых. Он был ранен и долго ничего не помнил. Потом попал в партизанский отряд. Воевал в нем. Но через какое-то время его и еще нескольких партизан снова окружили немцы и опять только ему одному удалось остаться в живых. Но до партизанского отряда он не добрался. Попал в плен как гражданский человек. Поэтому и очутился не в концлагере, а в трудовом лагере. После войны возвращаться домой забоялся. И правильно сделал. Сами знаете, какое тогда было время.

Сколько там они в Германии встречались, я не знаю. Но то, что там у них случилась настоящая любовь – я верю. Оказывается, Кристина, эта милая женщина, тоже не стала возвращаться домой. Так они вдвоем попали сначала в Мексику, а потом – в Америку. Часто меняли место жительства. Видимо, он все же чего-то боялся. Да и теперь, наверное, боится. Но это только мои предположения. Она еще рассказывала мне, что на Украине у нее оставались мать, отец (воевал на фронте), брат Петро и сестра Одарка. Она именно так ее называла. Женщина много расспрашивала меня про бывший СССР. Про КГБ, милицию. Я, как могла, успокаивала ее, что те времена давно уже прошли. И никто никого за прошлое не сажает. Только убедить ее в этом мне явно не удалось. По всей видимости, ее муж что-то знает о тех ценностях, а может быть, знает и кто предатель. Вот почему он до сих пор боится всякой известности о себе. И ей, Кристине, не разрешает говорить об этом. Я даже не знаю, почему она мне доверилась. Может из-за греха, что отбила мужа у семьи? Оказывается, у ее мужа до войны в Ровно была жена. Она была беременна. И к концу года должна была родить.

Я почему все это вам рассказываю? Недавно смотрела вашу передачу. Ту женщину, которая ищет свою сестру, тоже ведь зовут Одаркой? Имя Кристина, тоже совпадает. Да, я вспомнила, в разговоре один раз женщина случайно назвала мужа еще одной фамилией. То ли Конопля, то ли, Конопляный. Она, правда, сразу перевела разговор на другое. Вот ведь какая заковыка. А может, зря я подняла этот вопрос? Тем более что где искать мою собеседницу, я не знаю. Откуда она приехала сюда, где живет – я тоже не знаю. Какая ее девичья фамилия, я тоже не знаю. Она так хитро рассказывала о себе, что я даже и думать забыла задать ей эти вопросы. Получается, что вроде и история похожая, а зацепиться толково не к чему. Вы уж простите меня, если я что-то не так делаю. Поверьте, хотелось хоть чем-то помочь той женщине. Желая благополучного конца этой истории. До свидания. Свой адрес на всякий случай прилагаю».

Экран погас.

– Интересная история получается, – улыбнулся ведущий. – Кое-что совпадает, но много еще и неясного. Радоваться рано. Поэтому и не сообщали в Белгород-Днестровский. Мы проверили. Действительно, был в начале войны такой приказ Берии о вывозе ценностей. И спецотряд для этого был создан. И фамилия Конопляный в списках офицеров этого отряда числится. Но большего пока о том отряде нам выяснить не удалось. Не все архивы бывшего КГБ, тем более – МГБ, доступны. Но мы постараемся выяснить как можно больше о той истории. И женщину ту мы найдем, и ее мужа. Не иголки ведь. Тем более что точными датами и фамилиями мы на сегодня благодаря, естественно, нашей неожиданной помощнице из Сент-Луиса обладаем. Есть у нас толковые помощники в Штатах. И как только все выясним, сразу пустим в эфир. Это же надо, – Кваша даже головой покачал, – поиски ведешь по одной судьбе, а в итоге – двум помогаешь. Именно с этой целью мы и дали это письмо в эфир. Глядишь, отыщется кто-либо и из семьи Конопля или Конопляного. Ведь если верить этому письму, у него в Ровненской области осталась беременная жена. А значит, его род продолжается. А это уже большое подспорье в поисках. Ищите друг друга. Несмотря ни на что. И ждите. Чтобы ни случилось. Наш телефон 9379992. А мы, в свою очередь, будем ждать ваших сообщений. До свидания.

Передача «Жди меня» закончилась минут двадцать тому, а два человека, а может даже и не два, сидели как будто в шоковом состоянии. Причем в одиночестве, и довольно далеко друг от друга. Один человек, вернее, женщина сидела в своей двухкомнатной квартире на улице Франко в Белгороде-Днестровском, а второй, этот уже точно был мужчина – в квартире в одной из недавно построенных «свечек» на окраине Москвы. О женщине мы более-менее уже слышаны. А вот о мужчине, вернее о дедушке...

Яков Васильевич, генерал КГБ в отставке, жил в квартире нехороших размеров, скажем так, и сидел на данный момент в кресле-качалке как с креста снятый. В буквальном смысле этого слова. В такой ступор он не попадал, считай, ну очень давно. Он даже не заметил, что амплитуда

колебаний его любимого кресла-качалки больше минуты тому сошла на нет. Глаза хоть и продолжали взирать на ж/к экран приличных размеров, мысли в суть происходящего вокруг не вникали. Мозг и глаза как будто были разделены специально оборудованной «отсечкой». В нарушение всякого учения об анатомии человека. Так он сидел несколько минут. За это время не только успело затвердеть яйцо рекламы борьбы с кариесом, но и отстираться красные пятна на белой блузке симпатичной тетеньки и даже очиститься от засохших пятен вся поверхность газовой плиты явно у не очень чистоплотной хозяйки, скажем так.

На полном автопилоте он нажал на красный пупок лежащей на коленях «лентяйки». Бодрый голос за кадром захлебнулся на полуслове, даже не успев довести до зрителя все прелести какого-то нового пояса для похудения. Наступившая до боли в ушах звенящая тишина не только убрала «отсечку», но и вырвала хозяина из ступора.

Поднявшись, он подошел зачем-то к единственному в комнате большому окну и попытался еще плотнее сдвинуть гардины. Потом на том же автопилоте вернулся к телевизору. Секунды две тупо смотрел в потемневший экран и снова опустился в кресло-качалку. Причем на столько грубо, что оно аж закрипело от злости.

«А вот это уже полный писец. Кажись, приплыли. И кто разрешил эту программу? Вечно она сует нос в чью-то жизнь. Все хорошо шло и вдруг так облажаться. Я ведь догадывался, что ты остался жив. С тех самых пор, как только с амнезии соскочил. Здорово ты мне тогда всыпал. Две пули врачи в госпитале вытащили. Одна, так совсем рядом с «моторчиком» тормознула. Еле достали. Три месяца в госпитале провалялся. Благо, энкавэдэшники с охранной дивизии чисто случайно мимо того острова проезжали да по большому решили сбегать. А там три трупа офицеров-гэбэшников. Меня они тоже за труп посчитали. Кинули в кузов и в Олевск. Только там и выяснилось, что я еще жив. Значит, мой выстрел цели не достиг. И куда же ты тогда смылся? С телегой, ящиками? А что если?» – Яков Васильевич так дернулся в кресле-качалке, что оно самопроизвольно пришло в движение. Несколько раз качнулось.

Хозяин поднялся с кресла, подошел к серванту и открыл дверку бара. Секунды две взирав на разноцветные как по этикеткам, так и по форме бутылки и выбрал настоящий армянский коньяк. Еще секунду раздумывал, потом все-таки наполнил не рюмку, а рядом стоявший бокал. И совсем не для блезира, а больше чем на половину. Грамм сто пятьдесят, не меньше. Тут же, в глубине бара, на тарелке, в виде ромашки лежали нарезанные засахаренные дольки лимона. Старик очень даже не по-светски опустошил стакан и с какой-то затаенной злостью стал жевать дольку лимона. Не закрывая бара, вернулся к креслу.

– Действительно, – прошептал он, снова устраиваясь в качалку. И опять оно возмутилось в форме скрипа. – А что если ты тогда прихватил не только те ящики с янтарем да с ценностями из Ровненского банка? – продолжил он раскручивать внезапно появившуюся мысль. – Немцы отряд Тарасюка положили? Положили. Ценности забрали? Забрали. Не

зря же Ганс Флюбер так рисковал тогда во Львове. Да и тот Топор в Середняках тоже... Но сразу в Германию вывезти их они не могли. Ясный пень, не могли. Ведь Середняны пали только шестого июля. А отряд Тарасюка погиб двадцать восьмого июня. Эта дата уже тысячу раз мною проверена. Значит, каким-то образом ты узнал, куда немцы ценности спрятали. Вас же двое было. Потом вы оба примчались на остров. Второго я там положил, это точно. Его труп вместе с «кумом» и мной энкавэдэшники с острова забирали. В форме ведь были. То, что ты жив остался, я догадывался. А вот то, что эти ценности перепрятал именно ты, сучонок, я бы никогда не догадался. Что ж тогда получается? А то и получается. Все верно. Энкавэдэшники-то ни тебя, ни телеги не обнаружили, значит, ты слинял оттуда. И не просто слинял. Исчез вместе с моей телегой и ящиками. Как только меня вырубил, сел на телегу с ящиками с янтарем и ценностями из Ровненского банка и урыл оттуда. Потом дождался ночи, забрал ценности отряда, спрятанные где-то немцами, и все это перепрятал в надежном месте. С двадцать восьмого июня до шестого июля – куча времени. Вот почему о тех ценностях немцы помалкивали в тряпочку. Они им не достались. В противном случае, слухи об этом еще во время войны всплыли бы. И не просто всплыли бы. А так все тихо. Ясный перец, немцам ценности не достались. Зря только столько живых душ положили. На кого я только не грешил за все эти годы, какие варианты не прокручивал, а про тебя забыл. Вон оно как обернулось. И где ты их прятал? Это же куча добра», – у бывшего комитетчика в душе тут же вспыхнул волчий азарт. Он снова поднялся с кресла и подошел к бару. Исключительно с целью наведения внутри душевного баланса. Процедура повторилась.

«А к стати, – жуя дольку лимона, бывший комитетчик подошел не к креслу, а к окну. – И где ты мог такое количество ценностей спрятать? – мысли усиленно возвращали его к янтарю. Постояв какое-то время возле зашторенного окна, Яков Васильевич снова уселся в кресло. Откинув голову на его спинку, стал раскачиваться. Монотонное покачивание способствовало работе мыслей. И они не заставили себя долго ждать. – Что ж тогда получается? – в который раз спросил сам себя отставной генерал. – Просто так такое количество ценностей по щучьему велению взять и испариться ясный пень не могло. По щучьему велению только в сказках такие дела творятся. То, что немцы ценностями не воспользовались – на сегодня ясно как божий день. И то, что ценности в полном объеме на свет еще не появлялись, тоже ясно. Слухов было бы уже море. Такое не утаишь. Это тебе не лопатник с кучей зелени. Значит, ценности где-то лежат и ждут своего часа, так? А где и почему лежат? – прошептал он, принимая удобную позу в кресле-качалке. И опять оно возмутилось в форме скрипа. – Ты этими ценностями потихоньку пользовался. Там же их была хренова туча. Да за них теперь не одну семью можно до самой смерти обеспечить в полный рост. Чего только душонка пожелает. Столько лет прошло... Вон ты когда всплыл. И где, в самих Штатах... Далеко забрался. Поди, не все еще ценности туда перетаскал? Стоп! Значит, ты в Штатах, а ценности здесь, да? А что, не мог же ты их туда грузовиком вывез-

ти. Ни во время войны, ни тем более после. Значит, периодически навещался, набивал карманы и уезжал? В таком случае, не все еще вывез. Как пить дать, не все. А я уж было, совсем распрощался с таким добром. Но как же ты тогда в одиночку сумел обхитрить не только Ганса Флюбера, подполковника немецкой разведки, не только его головорезов и приличное количество местных пособников, не только меня, но и самого полковника Петелькина, считавшегося зубром-гэбэшником. Во всяком случае, так считали мы, тогдашние молодые опера госбезопасности. Нет. Определенно к такому заключительному аккорду ты заранее готовился. И помощничек у тебя сто пудов был. Вполне возможно и не один. Такую операцию одному не поднять. А вот кто тогда за твоей спиной стоял – это уже вопрос интересный. А может, зря я столько годы губу на то добро раскатываю?» – старик продолжал сидеть с закрытыми глазами. Слегка качнув кресло, он, еще раз бросив взгляд на зашторенное окно, предался более глубоким воспоминаниям. Теперь в кресле-качалке сидел как будто совсем другой человек. Вернее, в кресле сидел все тот же человек. Но это только внешне. Так сказать, оболочка. Можно было голову прозакладывать, что всем своим существом бывший комитетчик из своей квартиры улетучился. Взял в одночасье да уплыл в далекие воспоминания. Сначала в июнь сорок первого, а потом...

– ...Еще раз напоминаю, самостоятельно никаких мер не принимать. Твоя задача – вовремя засечь выезд спецотряда из Львова и в дальнейшем незаметно сопровождать его.

– Из Львова ведут сто дорог. Откуда я буду знать, по какой они поедут? И далеко я должен буду его сопровождать? А если они меня засекут? В военное время разговор короткий. Зачитают приговор и трое с винтарами под дурацкую команду «Пли!» с удовольствием вручат мне пропуск в иной мир. Господин Загнер знает об этом? Лично мне и моим парням он ставил совсем другую задачу. Наше дело...

Этот разговор происходил около девяти часов вечера на окраине Львова недалеко от кладбища. Католического кладбища. А было это 23 июня 1941 года. Уже сутки шла война. Немцы вели наступление широким фронтом. Часть сил они бросили на север, но основное направление у них было – Львов – Броды – Ровно.

В разговоре участвовали двое. Поджарый, невысокого роста в шляпе, в сером пиджаке и светлом в узкую полоску галстуке. Это был подполковник Флюбер, резидент немецкой разведки, действовавшей на территории Львовской и Луцкой областей. Вторым был тридцатилетний парень, слегка смахивающий на сельского жителя. Было видно, что он физически развит. И по своей одежке он ничем не отличался от обычных жителей Львова. Разговаривали по-немецки.

Первый раз об этих ценностях Ганс Флюбер узнал буквально на второй день после получения Эрихом Кохом, руководителем генерального консульства Германии в Одессе, шифровки от своего шефа, имперского министра Иоахима фон Риббентропа. К тому времени его задача, как резидента, на первые дни войны была четко определена. Со своими под-

чиненными он должен был направлять действия передовых отрядов абвера. Одним из таких передовых отрядов и была группа Богдана. Ему он и ставил сейчас задачу. Причем задачу, совсем противоположную той, которую перед группой поставил господин Загнер в Польше, один из руководителей разведывательно-диверсионной школы. Эта группа, как многие другие, была заброшена на территорию СССР в начале мая.

По предварительному плану, Богдан со своей группой должен был действовать в тесном взаимодействии с полевой абверкомандой, входившей в состав 6-й немецко-фашистской армии под командованием генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. Это потом эта армия будет успешно разгромлена под Сталинградом. Задача у группы Богдана была до обидного простая. Нарушение связи и прочих коммуникаций, как между населенными пунктами, так и между гарнизонами и командирами воинских частей всех степеней, уничтожение командного состава Красной Армии и проведение прочих диверсий. В задачу этой армии входило наступление в направлении Волынской и севера Львовской областей и входила она в состав группы немецких войск «Юг».

Незадолго до начала войны недалеко от Варшавы на базе одной из немецких разведывательно-диверсионных школ «восточного направления» обосновалось одно из направлений ведомства Канариса, «Вали». Не само управление, а всего лишь его оперативный штаб. Именно отсюда потянулись связующие нити к немецким войсковым формированиям, выдвигающимся к границам СССР. Связь эта осуществлялась через полевые оперативные органы абвера – абверкоманды. Одной из таких групп и руководил Богдан, заброшенный во Львовскую область под легендой лейтенанта (капитана) НКВД Иванова Богдана Гавриловича.

Когда-то, еще до 1939 года, до присоединения Западной Украины к СССР, семья Сирко Богдана Гавриловича, такими в действительности были настоящие фамилия, имя и отчество руководителя группы абверкоманды, владела приличным фольварком на севере Волынской области. Советская власть фольварк отобрала, родителей выселила в Сибирь, а сына посадила за учиненную драку с представителями власти во Львовскую «внутрянку». (Приказом НКВД № 001464 от 11.12.39 года на Западе Украины было образовано 19 общих тюрем и одна внутренняя тюремная камера во Львове). Но уже к весне 1940 года Богдан ухитрился сбежать. И не только из тюремной камеры, но и из Украины. Через какое-то время он сначала в пригороде Берлина, а потом и под Варшавой прошел полный курс обучения диверсионной работе и был заброшен во Львовскую область уже в качестве вершителя судеб людей.

– О направлении движения отряда я тебя проинформирую вовремя. И о твоей задаче, поставленной господином Загнером, я тоже проинформирован. Но обстановка на данном этапе изменилась. Наши войска к сегодняшнему дню должны были быть уже под Киевом, а они до сих пор топчутся где? Львов, вот, и то еще не взяли. Об изменении вашей групповой задачи я доложу сам. Но если тыпустишь отряд, я тебе не завидую.

– Так давайте нападём на банк и заберём эти ценности сейчас. Чего проще. У меня «хлопцев» достаточно.

– Во-первых, нас интересуют ценности не только из этого банка... И, во-вторых, ты со своими «хлопцами» далеко не уйдёшь. Гэбэшников и энкавэдэшников здесь хватает. Да и войск не меряно. А покинуть Львов в сторону Киева отряд может только в трех направлениях. В направлении Луцка, Ровно и Тернополя.

– Так отряд уже здесь?

– Ожидается или сегодня ночью, или завтра днем. Думаю, что как только они погрузят ценности из банка, я тебя проинформирую. Но ты должен быть постоянно где-то рядом. Чтобы я мог тебя вовремя предупредить.

Сроки прибытия спецотряда резидент узнал от своего информатора, одного из сотрудников Львовского филиала Центробанка, завербованного еще в начале сорокового года. Что самое интересное, ни контрразведке «Смерш», ни НКВД, ни НКГБ расшифровать его так и не удалось. Так и осталась сия личность загадкой до настоящего времени.

Приказ Берии за номером 00107 управляющий Львовским областным банком получил прямо с утра 23 июня. Вернее, получил не он, приказ до него довел начальник Львовского областного управления госбезопасности. Естественно, в части, касающейся этого банка.

Ровно в половине седьмого управляющего и еще двух его заместителей вызвал к себе начальник областного управления ГБ майор госбезопасности Кваснев.

– Задача понятная? Вопросы есть? И учтите, все это надо делать так, чтобы остальные сотрудники вашего банка ни о чем не догадались. Придумайте что-нибудь, – зачитав приказ Берии, майор продолжал инструктировать работников банка.

– А что придумывать? – брыкнулся управляющий, высокий, худощавый мужчина лет сорока пяти. – Война второй день. Немцы в который раз бомбят Львов. Если честно, то мы еще вчера начали этим заниматься. И отвечает за это уважаемый Петро Петрович, – кивнул он головой в сторону одного из своих заместителей.

– Это хорошо, что вы уже начали этим заниматься. Теперь это дело надо ускорить и оформить документально, как и требует приказ Москвы. Но самое главное, никто не должен знать, когда, куда и в каком направлении будут вывезены ценности.

– Кто будет забирать ценности?

– Вопрос, Петр Петрович, действительно по существу. Для вывоза ценностей создан спецотряд. Он должен появиться сегодня к вечеру или завтра днем. У командира отряда будут на руках все письменные полномочия. Лично я постараюсь присутствовать при передаче ценностей. Вас такой ответ устраивает? В любом случае, более четкого ответа от меня на данном этапе вы не получите. Очень надеюсь, что кроме вас троих об этом приказе никто больше знать не будет. Не смею вас больше задерживать.

То, что отряд прибыл, Флюбер узнал по условленному сигналу. И тут же приказал своему помощнику найти Богдана. Он сам или его ближайший помощник с утра 24-го постоянно находились на визуальном удалении от здания банка. Подъехавшую эмку и с ней два грузовика, крытые тентами, они заметили вовремя. Буквально через несколько минут Флюбер увидел и условный сигнал, открывшееся в здании банка окно и выставленный на его подоконнике горшок с цветком.

– Это они? – спросил Флюбера появившийся Богдан. Теперь они были втроем. И сидели на лавочке в сквере недалеко от банка.

– Они. Два грузовика и эмка. Старший у них гэбэшник. Если я правильно определил отсюда, у него в петлицах четыре шпалы. Будем надеяться, что он и есть командир того самого спецотряда. Дальнейшее зависит только от тебя. На всякий случай, выставишь маяки на всех трех выездах со Львова. Обеспечишь их номерами машин и опишешь гэбэшника. И смотри, упустишь груз, Зингер тебе лично причиндалы отчекрыжит. Это дело на контроле не только у Канариса, у самого фюрера. Подожди, подожди... Это что еще за субчик нарисовался? – на выходе из банка появился младший лейтенант госбезопасности, внимательно посмотрел по сторонам, достал папиросу и закурил. Неужели?

– Что, знакомое лицо?

– Очень. Неужто, Яков?

– Откуда вы его знаете?

– Это давняя история. И тянется она из далекой Сибири. Из под Вольска.

– Вы что, в лагерях были?

– Бог миловал, – подполковник качественно сплюнул себе под ноги. – Жди меня здесь. Никуда отсюда не отлучайся. Если все решится, как я предполагаю, то уже сегодня мы будем знать весь маршрут. Когда-то у меня были хорошие отношения с его отцом. Работали вместе в одном конструкторском бюро.

– Вы что, на комуняков работали?

– Скорее вредил, чем работал. Но это не твоего ума дело. Ты понял свою задачу? – переспросил на всякий случай Флюбер и сразу исчез.

– Здравствуйте, Яков свет Васильевич! Сколько зим, сколько лет?! – чуть ли не коленопреклонно поздоровался резидент немецкой разведки с курившим у входа в банк младшим лейтенантом ГБ на чистейшем русском языке.

Устюгов резко повернулся и уставился на невысокого мужчину в шляпе и светлом в полоску галстуке. Услышав свою фамилию, аж встрепенулся. Чего-чего, а такого он не ожидал. Тем более где, на самом краюшке СССР, да еще и в такой обстановке. Он уже хотел, было, одернуть мужчину в шляпе, но воздержался. В ту секунду он еще не понимал такого своего решения. Ибо по своему характеру, вдобавок с формой и занимаемой должностью в такой грозной фирме, приучил себя к жестким методам разговора с окружающими. Вернее, фирма его к этому приучила.

Но глаза мужчины были какими-то гипнотизирующими, а сама личность здоровавшегося – очень знакомая.

– Здравствуйте! Вы ко мне? – он даже не узнал своего голоса. Он был каким-то ласковым. – Откуда вы меня...

– Неужели я так изменился, Яков Васильевич? А вы возмужали, повзрослели. И превратились из школьника в прекрасного мужчину. Вспомнили?

– Ганс Оттович, неужели вы? – извилины Устюгова моментально нырнули в воспоминания. И в 1927 год, и в Вольск, и на «Томку» – военную научно-техническую базу, на которой трудился и его отец – Устюгов-старший, и Ганс Флюбер. Они тогда действительно жили почти по соседству. На частных квартирах недалеко от полигона. – Как вы здесь очутились? – Яков Борисович никак не мог сообразить, точнее, он совсем упустил тот факт, что только что встретившийся мужчина в шляпе в том далеком 1927 году был на том полигоне по производству и испытанию химического оружия представителем Германии. Нынче совсем не дружественной нам страны. В принципе, будучи тогда второкласником, он этого совсем не понимал. Тогда между СССР и Германией была другая обстановка. Дружелюбная. И в Германии еще не было фашизма в его настоящем обличье. – Вы тогда так быстро уехали, что я с вашей Луизой так и не успел попрощаться.

– Обстоятельства, Яков Васильевич, обстоятельства. А вы что, ничего не знаете?

– Что-то было на слуху. Вроде связано с какими-то нехорошими делами. Но я в подробности не вдавался.

Действительно, всерьез с Устюговым-младшим о настоящей причине срочного выезда Флюберов с «Томки» никто тогда не говорил. Во-первых, он был еще слишком мал. Во-вторых, это было не в интересах семьи Устюговых. Да и не только семьи... У них с Луизой, дочкой Ганса Оттовича, были не совсем соседские отношения. Луиза была на два года младше Якова и очень смазливая. Белокурая, с длинными выющимися волосами и большими голубыми глазами. Уже в то время они даже тайком несколько раз целовались. Естественно, по-детски. Да и отношения у них были чисто детские. Вполне возможно, что сегодняшнее заторможенное состояние гэбэшника основывалось именно на тех детских воспоминаниях.

– А где Луиза? Как она? Замуж еще не вышла?

– Побойтесь Бога, Яков Васильевич! Какое замужество! Ей же еще и двадцати нет. Тем более теперь, когда идет война. А Луиза тоже здесь, во Львове. Если у вас есть пару свободных часов, мы могли бы зайти ко мне. Посидели бы, выпили по рюмке... Поговорили бы с Луизой... Я ведь тогда с «Томки» так домой и не добрался. Доехали сюда, а тут у меня умерла жена. Понимаете, наклейки, пересуды... Все так перепуталось... Меня уволили... Жена и не выдержала, умерла. Подумал я, подумал и решил остаться здесь, – немец беззастенчиво врал. У него не было времени подготовить более правдоподобную легенду. И он на ходу фантазировал, уси-

ленно пытаюсь запомнить все, о чем говорил. Дабы не перепутать. Перед ним стоял не простой советский человек, а сотрудник госбезопасности. Фирмы, о работе которой он был прекрасно наслышан. Флюбер спешил. Любыми путями ему нужно было увести собеседника подальше от банка. Хотя бы квартала на два. Но увести одного. Эта мысль у него возникла сразу, как только он увидел гэбэшника на крыльце банка. Перво-наперво ему надо было успокоить гэбэшника, чтобы тот не поднял кипишь. Для этого он бросил на весы даже свою дочь. А чтобы эта версия показалась убедительной, подкрепил ее смертью жены. Зря что ли столько лет прожил в СССР. Какого русского не зацепишь на жалости к детям, к смерти жены. И у него получилось.

– На часик, говорите? – переспросил Устюгов, а сам усиленно стал думать, что сказать Тарасюку. – Вы подождите здесь, я попробую решить этот вопрос, – с этими словами, он бросил недокуренную папиросу и направился внутрь здания.

– Я тебя вон там, в скверике подожду, – прошептал ему вдогонку немец.

Минут через пять они уже дружно направлялись вдоль узкой улицы, покрытой шашкой. На приличном расстоянии от них следовали двое мужиков. В простых одеяниях польского покроя. Между прочим, в отличие от впереди идущих, эти двое и разговаривали между собой по-польски. Как только Устюгов и Флюбер завернули во двор, сзади идущие ускорили шаг. Двор был проходной. Но Флюбер остановился и, как только в проходе показались его помощники, взяв Устюгова за руку, прошептал на ухо:

– Вот мы и пришли, Яков Васильевич. Здесь мы и обитаем, – Флюбер показал на вход в двухэтажное здание. – Прошу.

Резидент не врал. В одной из квартир на втором этаже он и обитал. В принципе, таких квартир у него во Львове было несколько. Как только они поднялись на второй этаж, Ганс Оттович достал ключи и открыл дверь.

– Проходите.

Но как только Устюгов сделал пару шагов по коридору, полковник одним ударом вырубил его. Зря, что ли учили. В ту же секунду на лестничной клетке послышались шаги, и дверь в квартиру открылась. В нее вошел Богдан и с ним помощник Флюбера. Он же его личный охранник. Закрыв дверь на два засова они затащили гэбэшника в комнату.

– И что мы с ним будем делать? Да его через полчаса кинутся и тогда у нас будут полные штаны проблем. Ганс Оттович, и на хрена нам этот гэбэшник? Лишний геморрой, причем в такое время? По-моему, он и не дышит.

– Прекрати дергаться. Это кратковременный рауш (*оглушение с потерей сознания*). Он нам сейчас про весь маршрут расскажет. Как на исповеди. Я его легонько стукнул. Минуты через две придет в себя.

– Может, водичкой на него брызнуть?

– Ага! И как он потом к своим пойдет в мокрой гимнастерке? Нет! Тут все чисто должно быть. Посадите его на стул.

– Ну что, Яков Васильевич, как мы с вами разойдемся? – как только связанный Устюгов пришел в себя, Флюбер сразу задал вопрос. – У вас есть два выхода из этой комнаты, – не давая сидевшему полностью прийти в себя, продолжил резидент.

– Что вам от меня нужно? Ганс Оттович, я ничего не понимаю. Кто эти люди? – Устюгов решил, что до такого состояния его довели двое, стоявшие у входа в комнату.

– Я тебе, Яков Васильевич, сейчас все объясню, – немец с ехидцей обращался к Устюгову то на «ты», то на «вы». Эти люди мои помощники. А чтобы тебе было совсем понятно, то скажу тебе так, я подполковник немецкой разведки. Кстати, в Вольске я был не просто инженером, я работал на нашу разведку. Как это у вас называется, готовил компру на ваших граждан. Военных начальников, гражданских специалистов. Как раз перед тем, как меня заставили вернуться на родину, я подготовил операцию с доносом на вашего батюшку. Только посадить его мне в тот раз не удалось. Вмешался какой-то представитель ГПУ из Москвы. Какой-то Потемкин. Нет, Петелькин. В общем, как-то так. Оказывается, ваш батюшка в гражданскую воевал с ним под Царицыном. Друзья они были. Вот он его и вывел из-под удара. А я пострадал. У разведчиков есть такое понятие, как не справился с заданием. Расшифровался. Из-за твоего отца, сосунок, знаешь, сколько лет мне пришлось на задворках разведки ошиваться? Мои коллеги уже в генералах ходят, а мне вот только недавно подполковника присвоили. Так что ты мне это все сейчас и компенсируешь. Понял?

– Ничего вы от меня не добьетесь? Скоро меня кинутся и будут искать по всему Львову. Думаете, вас никто не видел? Или никто не видел, как мы с вами шли от банка и в какую сторону пошли? Так что вы уж не сильно радуйтесь. Скоро здесь такое будет, что не позавидуешь никому.

– Слышишь, Ганс Оттович, он нам еще и угрожает. Да я сейчас его прямо на люстре повешу, – взорвался Богдан. – Ты только шепни, мы его сначала исполосуем, а потом повесим.

– Ты слышишь, сосунок. Уж больно мне это ваше слово нравится. Если сюда и нагрянут твои коллеги, ты это уже не увидишь. А вот мы запросто сможем смяться. Но умирать ты будешь в страшных муках. Богдан и его друг в этом бо-о-льшие специалисты. Можешь мне поверить на слово. А если мы с тобой договоримся, в таком случае ровно через час ты отсюда выйдешь через парадный выход.

Устюгов притих. Он понял, что его песенка практически спета.

– И что вы от меня хотите?

– Вот это уже другой разговор. Мелочь, сущую мелочь, Яков Васильевич. Сорока на хвосте принесла, чтоходишь ты в состав особого отряда. А задача у этого отряда вывезти все ценности из областных банков Западной Украины. Так вот, мое начальство очень интересуется маршрут, по которому вы собираетесь вывозить эти ценности.

– Только не надо нам впаривать, что ты вывозишь ценности только из Львовского банка. Нас интересуют ценности из всех банков, – вмешался в разговор отпочковавшийся от стены Богдан.

– Сядь и не маячь. В твоих рассуждениях здесь никто не нуждается. Ну что, Яков свет Васильевич? Будем вести предметный разговор или?.. Учтите, если мы с вами не договоримся, то не только вы пострадаете. Пострадают и ваши родители. Вам их не жалко? Ведь достаточно одного коротенького письма с описанием фактов и копий переданных нам вашим родителем в свое время на «Томке» государственных секретов, чтобы без суда и следствия расстреляли обоих горячо любимых вами предков. Кажись так у вас называют родителей? Я просто напоминаю вам, что вас может ждать, если мы с вами не договоримся. Ну, так как?

– Хорошо. А какие гарантии вы даете мне?

– А какие гарантии? Мы можем вам только гарантировать, что скоро наши войска дойдут до Урала. И как вы думаете, через месяц-два там, за Уралом, кого-то будут интересоваться пропавшие ценности? Если мы договоримся, то вас, естественно, мы отпустим с Богом. А для начала скажите, сколько штыков в вашем спецотряде?

– Сорок человек, – после долгого раздумья прошептал Устюгов.

– Сорок человек на двух грузовиках? Не смей меня, – вставил подполковник, резко снова перейдя на «ты».

– Здесь во Львове не весь спецотряд. Почти половина с батальонным комиссаром поехала в Проскуров и Тернополь.

– Вы что, разделились? И где вы должны встретиться?

– В Здолбице.

– Под Здолбуновом? – снова вмешался в разговор Богдан. И снова Флюбер бросил на него не очень приятный взгляд. Мол, чего ты вмешиваешься?

– Да!

– Тогда сколько всего машин?

– Здесь три, а сколько будет всего – я не знаю.

– Почему так?

– Да потому, что в распоряжение Тарасюка могут быть переданы машины и из Луцка, – прошептал гэбэшник и затих.

– Чего ты затих? Давай дальше говори. Вы что, в Луцк заезжать не будете?

– Нет.

– Даже так? И где вы должны с ними встретиться?

– Недалеко от населенного пункта Городечное.

– Это что, под Середнянами? – снова встрял Богдан. Но на этот раз Флюбер не возмущался.

– А теперь, мил человек, давай поговорим о сроках. Когда вы должны встретиться со второй половиной отряда? Того, что с батальонным комиссаром?

– С ними, к вечеру 25-го.

– Понятно, – многозначительно резюмировал Флюбер, глядя в глаза Богдана. – А с теми из Луцка? Как, как называется тот населенный пункт?

– Городечное. Те из Луцка должны ждать нас там с 26-го по 28-е число.

– Значит, так, Яков Васильевич. Мы сейчас посоветуемся на кухне с Богданом. Вы уж будьте благоразумны. Мой помощник шутить не любит.

Ганс Оттович и Богдан удалились на кухню. О чем они там беседовали, Устюгов естественно не слышал. Но, как только оба вернулись в комнату, Флюбер вынес окончательное решение.

– Уважаемый Яков свет Васильевич. Мы решили вас отпустить. Только я вас умоляю, не пытайтесь сделать какие-то резкие движения мыслей. Причем на зло нам. Всю дорогу до Здолбиц и даже дальше мы незримо будем рядом с вами. И не пытайтесь нас высмотреть. Это вам не удастся. Теперь дальше, в период с, как вы там говорили, 26-го по 28-е число в Середняках возле почты каждый день с утра и до вечера вас будет ждать наш представитель. Он сам к вам подойдет. Скажет пароль: «Как вам наша середнянская природа?» Ответ: «А природа у вас здесь действительно красивая». Он с вами мило побеседует, и если вы правильно ответите на его вопросы, то после этой встречи вы можете быть абсолютно свободным.

– И от отряда, и от ценностей, ха-ха-ха, – утробным смехом не сдержался Богдан.

... Часы на стенке пробили восемь раз. И только после восьмого удара оставной генерал снова вернулся в комнату. Амплитуда раскачивания кресла-качалки давно уже была сведена на нет. Но бывший комитетчик подниматься не спешил. Он был в глубоком раздумье. Больше того, длительные воспоминания прошлого, причем какого прошлого, полностью ослабили его организм. Он даже почувствовал, что майка на спине совсем мокрая. Хотя в квартире было не больше двадцати градусов. Январь, все же. Слегка пожившись прямо в полулежачем состоянии, он все-таки поднялся, постоял-постоял и снова направился к бару. Приняв успокоительную дозу, зажевав ее на сей раз двумя дольками лимона, криво усмехнулся. «И далеко вы, уважаемый Флюбер, убежали с теми ценностями? И на вас нашелся хрен с винтом. Хоть в этом я получил удовольствие». И тут он, как будто вспомнив что-то очень важное, резко тормознул не только в движениях, но и в мыслях. Он понял, что даже за это удовольствие он может заплатить большую цену. Возникшая мысль заставила его извилины шебаршиться со скоростью компьютера. Сотни мегабит в секунду.

– Что делать? – прошептал он. – Что делать? Надо срочно принимать меры. У этой передачи столько развелось помощников, что даже глазом не успеешь моргнуть, как они найдут не только Конопляного-старшего, но и всех его родственников в Украине. А каких родственников? По моим данным, у него в Украине осталась вдова единственного сына и внук. У последнего, правда, две жены. А сам он в больших кругах вертится. Его не так просто достать. Если я до сих пор еще на свободе, значит, о моем прошлом пока никто и ничего не знает. Это потому, что внук с дедом еще не встретились. Но эта встреча запросто может осуществиться. Благодаря этой программе. Черт бы ее унес. И как только это произойдет, моя песенка будет спета. Тут и к бабке не ходи. Ясно, как два пальца об асфальт. И что делать? Сокровенный вопрос, – прошептал про себя Устюгов. – Надо

что-то такое придумать, чтобы и внук с дедом не встретился, и у деда выведать место хранения ценностей, – мысль о богатстве впрыснула в его кровь приличную дозу адреналина. В нем-то и нуждалось серое вещество. И оно-таки придумало. Уже через минуту он набирал по одной из нескольких имеющихся у него мобилок знакомый номер телефона. Этой мобилкой он пользовался очень редко. За последние годы всего несколько раз. Сегодня был тот самый случай, когда решение надо было принимать срочно.

– Я сегодня смотрел одну умную передачу. «Жди меня» называется. Ты слушаешь ее не смотрел? – после нескольких фраз, подтверждающих отсутствие лишних ушей, Устюгов перешел к конкретному разговору.

– Смотрел. Я вообще люблю эту передачу. А что тебя так заинтересовало? В разговоре никакие фамилии не звучали.

– Последние кадры.

– Про женщину, которая ищет свою сестру?

– Нет. Про мужчину, у которого в Украине был сын, а теперь остался только внук. Врубился?

– Нет.

– Потом врубишься. Слушай меня внимательно и не перебивай! Речь идет о Конопляном.

– Советнике нашего президента?

– Ты что, давно уши не мыл? Я тебя просил перебивать? Меня совсем не интересует его настоящее. На нем надо ставить точку. И сделать это должен ты. У тебя в запасе всего недели две от силы.

– И как ты себе это представляешь? Он ведь не простой бизнесмен. Он же друг самого... У него же охрана. Простым КаМАЗом здесь не обойдешься.

– А это, дорогой, уже твои заботы.

– Может, поговорить с ним?

– Убедить его не ехать на передачу «Жди меня» или в Штаты, где у него должна состояться встреча с дедом? Заставить его поверить, что это не его дядя? Что этот америкашка – фуфло? Ты мне кенарем не заливайся. Тот, не тот... Его валить надо. Только мертвый он даст мне гарантии, что встреча не состоится. Ты меня понял?! И учти, этот ведущий на весь мир объявил, что все выяснит в ближайшее время.

– Чего ты так этой встречи боишься? Ну встретится дед и внук, как ты говоришь, поплачутся... Столько лет ведь не виделись.

– Они совсем не виделись. Тот америкашка даже сына своего не видел. А уж внука – и подавно.

– И что такое может произойти после такой встречи?

– А это уже, милый мой, не твоего ума дело. Но если хочешь, может произойти взрыв бомбы. Взрыв «пояса шахида» для тебя, твоих боссов и в целом для твоей Украины. Еще не врубился? У меня есть одна довольно объемная папка. А в этой папке собраны все документы по продаже оружия вашим «Укрспецэкспортом» в одну из исламских стран. Между прочим, совсем не дружественную США. Почему притих? Не пытаешься

возражать? Ага! Понимаешь, что это не копии. Да, да! Официальные документы со счетами в офшорах и прочими финансовыми мелочами. Ракетные комплексы тоже в этих документах фигурируют, не только пэзмы. «Сатана», «Кольчуга» и прочие сеялки с вертикальным пуском, например. Вы же хотите быть хитрее всех. Даже хитрее евреев. Где хохол прошел, еврею делать нехрен. При любом президенте. Вам же зелень покажи – вы родную мать продадите. Свое хозяйство угробите, лишь бы у соседа было плохо.

– Оружием все торгуют.

– То, что положено одним, не положено другим. Одни могут ради своих интересов и две атомные бомбы скинуть, и оружием торговать, и экономическую блокаду любому государству организовать, и бурю в стакане устроить. Другим – зась. Как ты думаешь, такие ваши закулисные делишки порадуют ваших друзей-американцев? Думаю, совсем наоборот. Так что выбирай. Или ты быстро организовываешь качественную смерть этого хренового бизнесмена и получаешь взамен папку, или эти документы попадают в руки ваших заморских друзей. Можешь быть уверен, эти документы в копиях будут переданы в руки каждого сенатора чуть ли не в торжественной обстановке. А вот что после этого твои боссы сделают с тобой – страшно подумать. Америкашки всю вашу долбанную верхушку в пепел превратят. Они же в вас такие бабки вгрохали. А вы их подводите, с их коварными врагами дружбу дружите, вооружаете их. Не хорошо это, дружище. Чего молчишь? Хрюкни хоть слово, генерал отставной да еще и долбанный. Я ведь прекрасно помню, как ты буквально выклянчил звание генерала у тогдашнего хозяина Лубянки? А ведь получил ты его благодаря, естественно, мне. Неужто забыл, как я незадолго до этого один твой нехороший следок из личного дела убрал? Явно уже тогда мечтал занять должность председателя комитета госбезопасности Украины. И занял бы. Потому что уже в 1987 году получил генерал-лейтенанта. Это сколько же тебе тогда было? Пятидесяти еще не было, а ты уже лампасы на подштанники нацепил. Значит, в пятьдесят три ты уже вторую шитую звезду на погоны получил. Ай да молодец! Правильно. Ты же моложе меня на целых пятнадцать лет. А я так генерал-майором в 83-м и ушел в отставку. Правда, до девяносто пятого в архиве Конторы трудился. Славные времена тогда были.

– Я все помню.

– Вот и хорошо. Подумай, порассуждай на свежую голову, а дня через два я жду твоего звонка. Глядишь, к тому времени смогу тебе даже в чем-то помочь. У меня ведь и у вас свои ребята имеются. Желаю тебе спокойной ночи.

Успеет или не успеет? Должен успеть. Это, во-первых, в его личных интересах. Процент от торговли оружием ему приличный капает. И отказаться от него, единожды пощупав в руках настоящую зелень, никто не сможет. Нет таких людей на планете. Не родились еще.

Да. Он ведь уже тогда, в начале восьмидесятых, отвечая в Шестом управлении КГБ за контрразведывательное обслуживание объектов обо-

ронной промышленности и некоторых научно-исследовательских центров Сибири, не чист на руку был. Если бы я не уничтожил ту бумажку, не выдать бы ему генерала как своих ушей. И это в лучшем случае. А вот после развала Союза быстро в самостийной Украине продвинулся. Из комитета ушел, а в СБУ не прижился. Но знания свои применил с достоинством. Вон какие дела проворачивает. Но и мы не пальцем деланы. Чего только стоят начало и середина девяностых... Пусть меня из кадров в 1983 году и ушли по возрасту, знания мои впоследствии все же пригодились. Особенно в начале и середине девяностых. Когда не только предпринимателей, банкиров и прочих скороспелых толстосумов, но и «авторитетных» лиц штабелями по Москве укладывали.

Конечно, мысль тогда может и толковая была. Но родилась такая идея совсем не в кабинетах комитета. На этажах Главного управления по борьбе с организованной преступностью в середине девяностых... Это уже потом мы к этому делу подключились. Вот тогда и я понадобился. А как же, выше кадров только солнце. Плюс, я тогда уже в Десятом (архивном) отделе КГБ советником по аналитической работе был. Бывшие кадры для такой работы подбирал. Уж больно быстро разрастаться стали группировки по Москве. Сколько же их было: «ореховская», «кунцевская», «курганская», «одинцовская», «медведковская»?.. А с чего это все начиналось? – оставной генерал снова наполнил бокал и выпил. – Ты смотри, которую уже выдул и ни в одном глазу. Даже без закуси. И что бы это значило? Только одно, уважаемый Яков Васильевич, – прошептал Устюгов, величая себя по имени и отчеству, – нервничаешь, дорогой, нервничаешь. А что делать? – сам себе ответил он. – Заставляют нервничать. И кто придумал эту дурацкую программу?

Так о чем это я? С чего началось? Точнее, с кого? С кого, с кого? С Горбачева. Этот «Консенсус» меченый в демократию решил сыграть. Вот придурок. То запрещали все, то разрешили все. Из одной крайности в другую. Мол, народ сам себе ограничители поставит. Возрадуется и поставит. А народ чихал на все ограничители. Ну, не весь народ. Но и не малое его количество ринулось в частную собственность. И стали неплохо зарабатывать. Но чиновники, которые не могли уйти в частную собственность, обложили их таким оброком, что в пору было опять в социализм переть. Тут и подвизалась пацанва, качавшая до этого «массу» на окраине Одинцова в пропахших потом спортивных залах. Поодиночке, в крайнем случае небольшими группами, они способны были не больше чем наступать по кумполу кому-то на дискотеках. Но тут появляется бывший милицкий спецназовец и объединяет их. Пошел рэкет.

Но вскоре ментам это дело надоело. И у них появилась идея, в которой мы им здорово помогли кадрами. Бывшими кадрами... Менты выбрали банду, хорошо управляемую с помощью агентов или работающих «под прикрытием» оперов, давали ей «зеленый» и с ее помощью расправлялись с ворами в законе, авторитетами, криминальными лидерами и группировками. И одобрение на это получали на самом верху. Такая себе «Белая стрела». Точно, как в фильме «Бригада».

Да. Тогда, наверное, в условиях вседозволенности, попрания всяческих моральных принципов, законодательной неразберихи и развала правовой системы, причем в недавнем прошлом жесткой, скажем так, лучшего способа очистить общество от преступности было не найти. Иногда в таких кровопролитных разборках страдали обе стороны. Или первыми гибли ставленники спецслужб. Но в спецслужбах работали разные люди. И чаще всего те, кто «крышевал» над вчерашними теневицами, помогал в решении спорных вопросов и юридических проблем, увольнялись со службы и становились учредителями коммерческих структур. И туда потом валом повалили бывшие сотрудники ФСБ и МВД. Неудовлетворенные зарплатой, они со спокойной совестью покидали кабинеты на Лубянке или Житной. Вот и получилось, что правоохранные органы по всему миру до сих пор отлавливают членов таких группировок. И долго еще будут отлавливать. Ибо некоторым большим чиновникам сегодня совсем не желательна их поимка. Слишком много знают. Хватит о прошлом. Хотя, как там у Сантаяны? «Те, кто не помнит прошлого, вынуждены пережить его снова», вроде так...

Так кто же у меня на сегодня в Украине есть? Да. С каждым годом все меньше и меньше толковых помощников. Сюда бы Гуркало, тот бы это дело быстро обстряпал. Толковый малый был. Вон, в 57-м как культурно все провернул. Старушку только жалко. Поспешил он с ней. Говорил, что сильно крикливая была. Геройствовала много. С бабами это случается. С бабами да, с ними он работать не умел. Чего не умел, того не умел. Тут надо прямо признать. На чем впоследствии и погорел. Когда в Москве по моей наводке брюлики да золотишко у одной актрисы экспроприировал. Тоже крик подняла, из равновесия его вывела. Вцепилась в ценности и ни в какую... Он ее на перо, да не удачно. Баба все же. Видимо, в последнюю минуту жалостью проникся, вот и сплеховал малость. А она не промахнулась. Пока он все те финтифлюшки собирал, она втихаря откуда-то достала мужнин пистоль, еще с войны заныканный, и всадила в него всю обойму. Муженек еще тот был любитель таких игрушек. Из Германии после войны и вагон барахла ухитрился притаранить, и пистолей разных. В принципе, тогда в 57-м ничего у меня не выгорело. После разговора с сыном Топора и старухой Стефанией с хутора Заболотного, царствие им небесное, посчитал, что все ценности сгинули. А оно вон как повернулось. Оказывается, корешок мой их заныкал, – старик лукаво усмехнулся одними краешками губ. – Немцы весь отряд особого назначения положили, чтобы те ценности к себе прибрать, я у своих собирался ящики с янтарем заныкать, а в итоге круче всех оказался сержант (лейтенант) госбезопасности Конопляный. И меня перехитрил, и Флюбера с целой сворой головорезов, и даже Петелькина. Всех с носом оставил.

А поручим мы это бывшим лидерам «медведковской» группировки. Брату того самого Палиева Олегу и его корешу Сергею Михайлику. Они давно у меня в долгу. Только благодаря мне им удалось вовремя слиться из России. А неплохо они устроились в Одессе. Конным спортом занялись, ипподром прикупили, лошадей... Бизнесом занялись. Творческие

ребята. У них и сценарий особый отработан. И автор этой схемы именно Олег. Недаром кликуха у него Генерал. Путем наблюдения в кругу деловых людей выбирали они потенциальную жертву. С этого момента за ней и всем ее семейством и окружением устанавливалась «наружка». «Жучки» устанавливались везде. В офисах, домах, квартирах. Сначала все шло хорошо. Преуспевающий бизнесмен и не подозревал, что кредитование его перспективных бизнес-проектов на весьма выгодных условиях – это хитрая ловушка из которой уже не выбраться. И когда совместный бизнес начинал давать прибыль, все непостижимым образом шло наперекосяк. Замораживались счета в банках, начинались проверки и прочее. Тогда в бизнес-структуру вводился официальный «наблюдатель». Вскоре он становился вторым лицом в предприятии. И вот тут начиналось. Как только предприниматель становился в позу, а об этом из прослушки или «наружки» узнавали «медведковские» – он исчезал. Причем бесследно. Его зверски убивали. Для невозможности идентификации трупу отсекали конечности, голову. И пока правоохранители занимались раскрытием убийства, налаженный бизнес уходил под контроль ОПГ.

Но если жертва, почуввав опасность, ложилась на дно, братки вводили в действие особый план. По городу, в местах наиболее вероятного появления объекта, круглосуточно рыскали шесть авто. А когда жертва появлялась, ей «садились на хвост» и «укладывали» в адрес. Боевиков и исполнителей у бригадиров было достаточно. Достаточно было и оружия. Скорострельные пистолеты-пулеметы «агран», автоматы, снайперские винтовки, приборы ночного видения, насадки для бесшумной стрельбы. Поди, и в Одессе поэтому же сценарию бизнес организовали? Фирму «Алеко» открыли? В бытность гражданина Греции, если мне память не изменяет, это название он даже в свой греческий паспорт именем вписал. Точно. Ишь, хитрец. Нравится ему это имя. Все! Решено!»

Генерал, Васюта и Кашай

Киев. 21.02.200... год

– Ну и что по Среднянам? Так ни за что зацепиться и не удалось? Ты же там целую неделю сидел. Поди, гуляками занимался?

– Всего пять дней, Игнат Тимофеевич, пять дней. И как вы могли такое подумать?

– Нет, ты понял, Иван Васильевич? А что я должен был подумать? С Банковой за него фитилей получил? Получил. В раскрытии убийства советника – никаких проблесков. Десять дней как в воду канули.

– Товарищ генерал! – Васюта не на шутку обиделся. Он даже брови нахмурил. – Какие такие десять дней? Вы же только-только говорили «неделя».

– Неделя в Среднянах. А с момента убийства Конопляного прошло, уважаемый подполковник, целых десять дней. И не делайте, дорогой мой,

такое грозное лицо. Будьте проще. Тем более что разговариваете вы совсем не с подчиненным, а со своим начальником. Или вы считаете, что уже навечно прописались на Банковой и меня, седого генерала, и в хрен не ставите? Рановато, рановато. Тем более что на Банковой вами тоже не очень довольны. Я все правильно излагаю?

Они сидели на кухне просторной квартиры генерал-лейтенанта Подоляко, начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Они, это сам хозяин, бывший и нынешний начальники отдела ГУБОП по раскрытию особо важных дел полковник в отставке Кашай Иван Васильевич и подполковник Васюта Илья Бенедиктович. Вообще-то если быть предельно честным, то только последние десять минут они сидели втроем. До этого генерал и Кашай междусобойчик соображали на двоих. Причем с шести часов вечера. В то время Васюта еще парился на Банковой, куда его прямо с утра, точнее с двенадцати часов дня отозвали из Среднян. Даже не указав причину такого поспешного решения.

В принципе, проснувшись, он уже был «не в духах». Именно так классифицировал свое состояние сам подполковник. Этому способствовал какой-то дурацкий сон. Буквально под утро ему приснились крысы. Причем поведение этих четвероногих было очень странным. Васюта какого-то черта понесло на какую-то то ли недостроенную, то ли разваленную многоэтажку. И вот оттуда, сверху, он с ужасом наблюдал, как в трех направлениях от этого строения двигалось неисчислимое количество крыс. Точнее, не двигалось, а бежало. Ибо эти три луча представляли собой быстро шевелящуюся транспортную ленту. Этот процесс сразу ассоциировался у него с кораблем. Будто он стоит не на стройке, а на палубе огромного корабля, а бегство крыс в данном случае означало, что корабль вот-вот должен сгинуть в пучине волн. То бишь в недрах земли. И ему стало страшно. Настолько страшно, что он быстренько, быстренько возвратился на грешную землю.

Уже к началу десятого оказалось, что сон в руку. «Во истину... нам бы понеделники взять и отменить...», – вспомнил Илья песенку из кинофильма «Бриллиантовая рука». Дело в том, что большие надежды, которые он возлагал на переданные из УСБУ в Среднянский отдел материалы по Коноплянному-старшему, то бишь деду, не оправдались. Да и материалов, как таковых, практически не было.

Васюта так спешил в отдел, что даже не позавтракал нормально. Хлебнул в номере кружку пусть хоть и растворимого, но горячего, как вулканическая лава, кофе собственного приготовления и сразу на выход. Подполковник очень много ждал от посещения этой фирмы. Сотворяя над организмом все положенные процедуры, он уже с подъема стал мысленно отрабатывать различные версии по ожидаемой информации. «Если известия будут такими-то – я буду делать это, а если информация будет такая-то – мои дальнейшие действия будут такими-то...» В общем, играл мыслями. А в итоге получилось с точностью до наоборот.

... – Значит так, товарищ подполковник, – многообещающе начал начальник Среднянского межрайотдела УСБУ, положив кожаную папку на стол.

Илья Бенедиктович появился в его кабинете в половине девятого. Именно на это время ему было назначено. Навстречу из-за стола поднялся невысокого роста, стриженный под ежика сравнительно молодой еще физически развитый человек. Казалось его шея и голова – это одно и тоже. Будто шея заканчивалась не подбородком, а где-то в районе ушей. Одет он был по гражданке. Температура в кабинете – не менее двадцати градусов, работали два масляных радиатора, и хозяин кабинета сидел в костюме в узенькую полоску, светлой рубашке и оранжевом галстуке. Из кармашка на левой стороне пиджака в цвет галстука выглядывал уголок платка. «Он что, на Венский бал собрался? Так туда без фраков не пускают. Ишь, как вырядился. Как на праздник», – мелькнуло у Васюты.

После официальных представлений и протокола, обязательных, но, чаще всего, никому не нужных вопросов и ответов, хозяин кабинета поднялся, открыл сейф, достал оттуда кожаную папку и подошел к гостю, сидевшему за приставным столом.

– Если я правильно понял, вы именно за этим к нам и пожаловали, да? – намертво пристегнув свою личность к руководимой им фирме, продолжил эсбэушник, – В субботу нарочным доставили. Посчитали, что вы в выходные отдыхаете. Между прочим, Иван Владимирович Купровский это подтвердил. Можете ознакомиться. Только у меня к вам большая просьба – никаких записей. Сами понимаете, таков приказ. Если будут какие вопросы, я в вашем распоряжении.

– Это что, все?! – прервал эсбэушника подполковник МВД. – Вы что, издеваетесь, – раскрыв папку и увидев в ней всего несколько листов, Илье тут же захотелось возмутиться вслух и по полной программе. Но он только пронизывающе посмотрел в глаза хозяина.

– Уважаемый, товарищ подполковник, мы нисколько не издеваемся, – единство фирмы и ее начальника крепко на глазах. – Как говорится, что прислали, – и все же в последний момент начальник райотдела УСБУ довольно поспешно попытался отмежеваться от общей конторы. И это не осталось не замеченным Васютой. А посему он не стал больше задавать никаких вопросов.

Кроме ксерокопии анкеты в папке было всего несколько стандартных листов бумаги. Бегло ознакомившись со всем этим богатством, Илья устоял в стол. Он понял, что на данном этапе в раскрытии убийства советника президента он ничего нового не приобрел. Больше того, все его утреннее планирование получилось неправильным. И он снова стал перебирать бумаги, внимательно их перечитывая. И тут его ждала удача. Среди бумаг он обнаружил небольшую черно-белую фотографию. На ней был молодой парень в гэбэшной форме с двумя квадратами в петлицах. Крупные бугры надбровья выдавали в нем незаурядную личность. «А вот это уже кое-что. И как я мог просмотреть ее в первый раз? Исключительно по своей несобранности. Разозлился, что материалов мало, вот и просмотрел. А если бы со злости не стал дальше разбираться? Нет. Так не пойдет. Повнимательнее надо, подполковник, повнимательнее, – высек он себя на всякий случай. – И что нам может дать эта фотография? Многое,

брат, многое. Во-первых, предъявим ее Шершню. И сразу станет ясно, тот ли это человек, который жил с его матушкой в первый год войны? Хорошо. Допустим, тот, что дальше? А дальше, черт его знает что. Что Бог положит на душу, то и будет. Вот ты как запел, – снова выругал он сам себя. – На Бога надейся, а сам не плошай, дорогой. Ладно, пока остановимся на этом».

Зафиксировав в памяти все прочитанное до последней запятой, Илья вернул папку хозяину. Правда, чисто автоматически попытался занять фото.

– И зачем она вам? – пролистав бумаги, эсбэушник узрел кражу. – Я могу вам сделать копию. И даже цветную, – улыбнулся он. – И даже несколько. Надо?

– Вы меня очень обяжете, – сотворив лицо кающейся Магдалены, прошептал убопонец. – Вы очень добры по понедельникам.

– Ха-ха-ха. А почему по понедельникам?

– Ну, в остальные дни недели вы тоже добры, тут и спору нет. Но по понедельникам – особенно.

Минут через десять, обладая двумя копиями фото Конопляного-деда, Илья, откланявшись, покинул здание МРО УСБУ.

Вернувшись к себе в кабинет, выделенный главой администрации района, Илья только-только успел раздеться, как зазвонил телефон.

– Слушаю, Васюта!

– Илья Бенедиктович? Добрый день. Как наши успехи? – Васюта сразу догадался, что звонит тот самый полноватый мужчина с Банковой.

– Порадовать вас пока нечем. Отрабатываем различные версии. Такие дела быстро не раскрываются. Я же вам ежедневно докладываю.

– Знаю, знаю. Меня об этом информируют своевременно. Тут вот какая петрушка. Мой шеф требует вас сюда.

– Глава администрации или...

– Вы угадали, – обобщил говоривший. Это могло означать и то и другое. – Когда сможете выехать?

– Думаю, после двенадцати.

– Будем считать это последним сроком, – хихикнул абонент и положил трубку.

– И что бы это значило? – прошептал подполковник. – Если это отзыв, то дела наши плохи. А вот на сколько плохи, узнаем на месте. Спинним мозгом чую, «хороший» сюрприз будет, – съерничал он и сразу набрал на мобилке номер телефона водителя приданого джипа.

– Слушаю вас, товарищ подполковник!

– Чем занимаешься?

– Всяко-разно. А что случилось? Куда-то едем?

– Ясно. Значит, ничем не занимаешься. В таком случае готовь джип в рейс. Заправка и все такое прочее.

– Далеко едем?

– Домой.

– Домой – это хорошо. Домой мы мигом.

После водителя Илья набрал еще один номер.

– Это я. Срочно выезжаю обратно.

– Что-то случилось?

– Вероятнее всего.

– Это не есть хорошо.

– Знамо дело. Нужно встретиться.

– Я тебе перезвоню.

Илья опустил руку с мобилкой и медленно обозрел весь кабинет. Так, на всякий случай. Он был больше чем уверен, что этот кабинет «жучками» никто не напиговал. Во-первых, незачем. Он и так был крепко пристегнут к лишним ушам. Водитель, главы двух администраций, Полох... Последнего он не стал сбрасывать со счетов после одного его слишком заумного ответа. Во-вторых, каждый его шаг по добыванию фактажа сразу стал бы известным всем опекунам. Городишко-то маленький. И, в-третьих, он еще никуда не начинал совать своего носа. А «жучками», как правило, начинают тебя обкладывать только тогда, когда ты сунешь свой нос в чужой огород. Мобилка в руке возмутилась сначала дрожанием, а потом и звуковым сигналом.

– Да!

– Если будешь двигаться в сторону рынка, тебя подберет хозяин «москвича». Его-то ты, смею надеяться, еще не забыл? До встречи.

– Значит, так, вот тебе фотография Конопляного-старшего, – Натана, почти лежащего на заднем сиденье, Илья увидел сразу, как только сунул голову в «москвич» с зеркально тонированными стеклами.

– А он ничего смотрится. Физически развит. Что за звание у него?

– Сержант госбезопасности.

– Иди ты. Это что, уже офицер или еще сверхсрочник? – бывший опер мысленно прошелся по нынешним званиям.

– У них тогда офицерское звание начиналось с сержанта и приравнивалось к лейтенанту. Эту фотографию покажешь Шершню, как только он вернется из Хмельника.

– Понятно.

– Это не все. Я там дал задание Полоху.

– Ты мне уже говорил.

– Ты должен его страховать.

– Ага! Счас! Только разбег возьму. И это после всего, что со мной вся эта братия сделала? Да ни в жизнь.

– Ладно. Поставим задачу по-другому. Ты должен его проконтролировать.

– В смысле?

– В прямом. Ты должен знать где, с кем и о чем он будет вести разговор.

– Проверяешь его на вшивость?

– И на это тоже. В общем, пока так. Приеду, как только узнаю в чем дело, обязательно позвоню. И вообще, я должен быть в курсе всего, что здесь будет твориться. Да! Постарайся составить фоторобот того мужика,

или тех мужиков, которых видели здесь в 57-м. Которые так тогда наследили, а вы опростоволосились.

– Меня же тогда и на свете еще не было! – чуть ли не воем возмущился Толчинский. – И вообще, Илья, ты что? Совсем? Сегодня какой год? Ты представляешь, сколько лет прошло? Да их и тогда никто не запомнил. И с кем это я должен фоторобот составлять? Бывший мент давно уже на небесах. Мне что, сбегать к нему туда? Так я еще не совсем мешком убитый.

– Не хныч. Поговори по душам с Шершнем. Сам пел мне, что у него прекрасная память. Может, кто на вокзале их видел, особенно дамы. Найди тех кассирш или еще кого-нибудь. У баб на мужиков знаешь, какая память? Если приглянулся – до смерти помнить будут. В общем так, всех кого сможешь – разведи на нужную тему. Постарайся из них выжать все.

– Он постарается, – отшутился Натан.

– Тогда посадите меня возле рынка. На дорогу хоть фруктов куплю.

– А когда звонил, не мог сказать. Я бы что, не купил?

– Ты бы купил, спору нет. Но я лучше. Тем более, должен я был за чем-то выходить из здания райгосадминистрации. Все, мужики. Пока.

– Ни пуха тебе, ни пера, – почти в унисон прошептали и Натан, и водитель «москвича».

– К черту, – в таком же духе ответил Илья и вышел из машины.

Ровно в двенадцать десять джип «шевроле-нива» покинул границы населенного пункта Середняны. Вот так закончились дни пребывания в этом провинциальном городишке. И вернется ли он сюда снова, одному Богу было известно. Ну, еще и чиновнику с Банковой. Там, на Банковой, давно уже причисляли себя если и не к Богу, то уж к одному из его заместителей – точно.

Ехали почти без остановок. Если опять не считать две – мальчишки направо, дев... Благо, Илья на базаре в Середнянах прикупил килограмм пяток хороших яблок да двухлитровый пузырь ситро, а водитель – кроме бензина успел перед выездом запастись двумя хот-догами в целлофановой упаковке. Короче, в восемнадцать часов с минутами Васюта уже открывал двери здания на Банковой.

Его ждали. И не просто потому, что он обязан был прибыть. Во время следования с Ильей дважды выходил на связь приятный женский голосок. Первый раз это было не доезжая Коростеня и второй – километров за десять до столицы.

В секретариате его провели опять в ту же комнату, в которой он получал задачу перед выездом в Середняны. А вот беседовал с ним совсем другой человек. Чувствовалась выправка если и не военного, то уж человека привычного носить форму – точно.

– Здравствуйте, Илья Бенедиктович! Меня зовут Евгений Михайлович, – вошедший в комнату был чуть выше среднего роста, физически развит с приятной слегка седоватой шевелюрой. – Должен вам признаться, что в Секретариате слегка попахивает недовольством от вашей работы. Лично я это не приветствую. Прекрасно знаю, как раскрываются такие престу-

пления. И все же... Хочу сразу внести ясность, от ведения дела вас не отстранили. Хотя, такие варианты просматривались. Единственно, что произошло – небольшое уточнение в подчиненности. С данного момента все свои действия вы должны будете согласовывать с вашим прямым начальником Игнатом Тимофеевичем. Если можно, в трех словах о своей работе в Середнянах. Мелочи можете упустить. Меня интересуют версии, по которым вы считаете нужным работать. Кстати, в Ровно и в Середнянах, в частности, кто-нибудь вам помощь оказывал?

– Помощь мне в полном объеме с заявками оказывали и в Ровно, в областной администрации, и в Середнянах. Претензий нет. Это, что касается помощи. Теперь о версиях. Лично у меня правило: если версия не отработана – о ней не распространяться. Но раз вопрос ставится настолько жестко, мне бы не хотелось выглядеть бездельником. Тем более что вы, как я понимаю, настаиваете, да? Версий несколько. И все они замешаны на ценностях.

– Уточнить не желаете? – услышав о ценностях, собеседник насторожился. Это не укрылось от глаз Васюты. Его напряжение он даже почувствовал собственной шкурой. Аурой, что ли.

– На этом этапе версия раздваивается. Ценности, связанные с первыми днями войны и...

При первых словах собеседник улыбнулся.

«Лично я бы на вашем месте совсем не улыбался», – подумал про себя Илья, а в слух продолжил:

– И не только, – и снова Илья почувствовал, как напрягся представитель секретариата. – Вполне возможно, что насильственная смерть советника связана с его бывшей профессиональной деятельностью.

– Вы имеете в виду...

– Да! Я именно это имею в виду. В бытность его трудовой деятельности на посту руководителя фирмы «Полесье». Распространенная несанкционированная добыча янтаря на территории Буковского лесхоза в те годы вполне могла стать тем самым провокатором, приведшим к такому плохому концу.

– Вы считаете, что Александр Тарасович Конопляный мог быть замешан в деле несанкционированной, как вы выражаетесь, добычи янтаря? И на чем основываются ваши версии?

– Видите ли, уважаемый Евгений Михайлович, лично сам погибший не обязательно должен был заниматься этим вопросом. Делать это в районе могли и без него. Но обязательно под прикрытием его фирмы. Вырубка леса, пилорама... Согласитесь, слишком заманчивое предприятие.

– У вас по этому есть какие-то наработки?

– Только самые начальные. Вы же меня дернули, так и не дав до конца отработать эту версию.

– Лично я к этому не имею никакого отношения, – сразу отмежевался собеседник. – А что, как на меня, так такая версия вполне возможна. Разошлись при дележе, допустим... – прошептал собеседник будто про себя и тут же, вроде чисто случайно узрев присутствие постороннего, оборвал

шепот на полуслове. И все же очень внимательно посмотрев в глаза Васюте, на столько внимательно, что будь Илья помоложе, моментально стал бы невидимкой, продолжил: – Вы успели отработать круг людей, частных, по-вашему, к такой версии? Сколько их и кто они?

– Нет! Не успел. Я уже говорил...

– Я помню. В таком случае, ваш доклад меня полностью удовлетворил. Хотите что добавить? Может, просьбы, какие появились? Не стесняйтесь?

– Хотелось бы получить разъяснения о моей дальнейшей судьбе. Если это, конечно, не слишком великая тайна.

– Я думаю, денек отдыха вам не помешает. А послезавтра – к своему шефу.

– К генерал-лейтенанту Подоляко?

– А у вас есть еще и другой шеф? Не смею вас больше задерживать. И передавайте жене и детям самые лучшие пожелания, – Евгений Михайлович очень загадочно улыбнулся.

Но вместо улучшения внутреннего состояния у Васюты от этой улыбки появилось какое-то дискомфортное состояние. Будто его теснили, теснили и дотеснили до обрыва над пропастью. Особенно при упоминании о жене и детях. Это не осталось незамеченным для собеседника. Но тот, ничего больше не сказав, повернулся и вышел через одну из трех высоких двустворчатых дверей с вензелями под золото. В ту же секунду из других дверей в комнату вошла все та же симпатичная девчонка в вызывающе контрастной вышиванке, которая в прошлый раз потчевала его соком. На сей раз она была без разноса. Зато, чуть ли не сделав книксен, пригласила на выход.

И опять спустя какое-то время он очутился возле «Космоса». Подойдя чуть ли не впритык к стеклянному куполу, остановился, достал мобилку и набрал номер. Этот номер знали всего несколько человек. Это был особый номер генерал-лейтенанта Подоляко.

– Ты откуда звонишь? – без всяких здравств-досвидания послышалось в трубке.

– На Хрещатике, рядом с «Космосом».

– Бери такси и мухой ко мне. Мы тебя уже ждали.

– Это что, прямо к вам?

– Нет! К Папе Римскому. У тебя что, со слухом плохо?

– Никак нет, товарищ генерал, со слухом у меня пока все в порядке. А с кем это вы меня дожидаетесь? Я в смысле, что с собой брат?

– Брат, товарищ подполковник, ничего не надо. Здесь все есть. А ждем мы тебя вместе с твоим бывшим начальником. Между прочим, он уже нервничает. Боюсь, как бы сюрприза не получилось.

– Опять сюрприз? Да сколько их на сегодня будет на мою голову. В общем, сейчас поймаю тачку и приеду.

– Не заставляй нас долго ждать.

Минут через двадцать, двадцать пять Васюта был уже у дверей генерал-лейтенанта Подоляко. А еще через три минуты они стали его пытаться.

Вообще-то, сначала пытать его начал только генерал. Кашай сидел набившись и молчал аки карась.

... – Вы правы, товарищ генерал, не оправдал я их доверия. Уж не знал, что и подумать. Было такое ощущение, что даже от дела отстранят. Настроение – хоть вешайся. А вы говорите, озарения. Какие тут к черту озарения.

– Так не отстранили же?

– Нет. Приказали послезавтра прямо с утра к вам. Я так понял, что теперь вы меня озадачивать будете? Или я ошибаюсь?

– Нет! Ты понял, Иван Васильевич, он меня еще и подъегоривать смеет. Да-а! Не хило ты его воспитал. В своем духе, черт западенский. Вот он теперь и собирается на шею своему начальнику прыгнуть. Только не дожидетесь, уважаемый. Указивки вам теперь буду давать я, а вот пахать будете все так же вы. Как вам такой расклад? Наливай, Иван Васильевич.

– А почему я? Нашли молодого. Вот пусть он и приступает пахать прямо с этой минуты. Наливай, чего смотришь? – вступил в разговор Иван Васильевич.

Из родного Загатья, что на Закарпатье, он прибыл в Киев только сегодня. И сразу же без всяких звонков потопал в кабинет начальника ГУБОП УМВД. Естественно, предварительно улыбнувшись, мило преподнес коробку «Птичьего молока» все той же секретарше Подоляко. После такого уважения доступ к телу бывшего шефа был открыт. Чем он моментально и воспользовался.

Стол был обставлен шикарно. Не чета прежним междусобойчикам бывшего начальника со своим бывшим подчиненным. Кашая и Васюта в приснопамятные года два-три.

Разлив в рюмки любимый шефом коньяк, отоварив подставленную тарелку пару кружочками сервелата, приплюсовав к этому и три кусочка элегантно нарезанного будто прошитого пулями сыра, взяв в руки бутерброд с маслом и красной икрой, Илья стал ждать команды. И она незамедлительно последовала. Причем с неожиданным предложением от Кашая. «Есть предложение, Игнат Тимофеевич, предоставить слово новичку. Как вы на это смотрите?»

– Положительно.

– Вы, Иван Васильевич, никогда не упустите возможности поизгаляться над молодежью. Когда-нибудь отольются вам мои слезы.

– А что я такого сказал?

– Не затягивайте процесс, уважаемые, – напомнил им хозяин.

– Если вы настаиваете, то предлагаю поднять сей тост за деловую дружбу в нашем заведении. Чтобы, как говорится, ни ствола ни пера.

– Ай да молодец! – улыбнулся Подоляко. – Только это, дорогой, уже два тоста. Торопиться не надо. Успеем. У меня этого добра хватает, – зыркнув на бутылку с коньяком, Подоляко сначала понюхал и только потом опрокинул рюмку в рот.

Выпили все, но только Илья серьезно занялся закуской. Подоляко так даже дважды подмигнул Кашаю. Мол, смотри, как молодежь наяривает. Явно проголодался.

– Ты не забыл, что сюда мы тебя пригласили совсем по другому поводу? А то у меня создалось впечатление, что за эту неделю ты первый раз сел за стол. Нет. Не подумай, что я жадный. Ничего такого. Просто у нас с Иваном Васильевичем появилось огромное желание услышать, как любит выражаться молодежь, наживо, что ты нарыл за это время по делу убийства советника. Кстати, чтобы твои мысли выстраивались в определенном направлении, сообщаю окончательные выводы экспертной комиссии. Считай, дословно. Если, конечно, у тебя есть желание это услышать.

– Есть какие-то новости?

– Ого, Иван Васильевич, ты заметил его глаза? Аки луковицы стали. В таком случае слушай: анализ остатков крови и мышц достоверно подтвердил отсутствие алкоголя в теле погибших. Трезвые были, как стеклышко. Это раз. Анализ также подтвердил наличие в легких продуктов горения. А это значит, что перед смертью они дышали этими продуктами горения. Как говорится, сгорели заживо.

– А как на счет химии?

– Помнит! – опять генерал попытался съерничать. – На счет химии – тоже подтверждения получены. Была, родимая. В недрах лабораторий ЦРУ выведена лет десять назад. Ничего сверхсекретного. Что-то на подобие «Черемухи» только в более спокойном варианте. Работает на отключение сознания. Действует мгновенно. Продолжительность действия – до пяти-десяти минут.

– А что на счет джипа?

– А вот тут кое-что есть. Джип не просто сам по себе вспыхнул. Технари из стационарной лаборатории следственного управления МВД дали заключение, что очаг возгорания был в салоне джипа.

– Значит, ребята серьезно поработали. Там же от «чероки» после взрыва бензобака даже названия и того не осталось, – подытожил Васюта.

– На этом и строился весь расчет, – продолжил генерал. – Только в стационаре такой анализ смогли проверить. Что же получается? Посчитали, что по аварии джипа будут работать дилетанты-гаишники из провинции. Тем более что верха их версия вполне устраивала. А через какое-то время это дело спустили бы на тормозах.

– Ага! Мол, обгоревший джип в стационар не потащат, а передвижная лаборатория это не обнаружит. Хитро, хитро... А я что тебе говорил? Помнишь, тогда, в санатории?

– «Тут помню, а тут не помню», – словами артиста Леонова из кинофильма «Джентльмены удачи» съерничал Илья. Причем довольно качественно, прикладывая ладонь руки то к одному, то к другому месту головы. На что Кашай тут же отреагировал:

– Лично я бы на себе не показывал.

– И ничего такого вы, Иван Васильевич, насчет возгорания «чероки» тогда не говорили. Думаете, я уже совсем? Может, в мыслях и было у вас что-то такое, но в слух – нет, я не помню. В таком случае это заключение только подтверждает нашу версию, что к аксенту были приложены руки.

– К чему, к чему? – почти в унисон спросили генерал и Кашай.

– «Аксент» – в переводе с французского – авария, несчастный случай.

– Силен, брат. Ты понял, Иван Васильевич, твой ученик вон насколько тебя перещеголял. Не просто умные слова – забугорные пользует. Так вот, начитанный, ты нам продукт на уши не вешай, набулькой еще по рюмашкам, опрокинем и, благословясь, послушаем твой доклад о проделанной работе в Середняках. А то ты все умничаешь, меня с твоим бывшим начальником подъегориваешь. А мы уже, извините, в возрасте, имеем право и обидеться. Я правильно излагаю, товарищ полковник в отставке?

На что Кашай утвердительно кивнул головой.

– Значит, так, – опустошив за компанию свою рюмку и качественно прожевав кусочек от все того же расстрелянного сыра, начал Илья. – На данный момент в деле железобетонно просматривается след двух версий. Первая, вывоз ценностей вначале войны, трагическая гибель отряда, перевозившего эти самые ценности, и, естественно, сами ценности, которые до настоящего времени официально на свет так и не появились.

– Эта версия чем-то подтверждается? – икнув, спросил генерал. Дело в том, что и он, и Кашай при первых словах «важняка» прекратили жевать, так и не проглотив пищу. И только под занавес выданного на-гора спича, позволили себе отправить в желудки так до конца и не пережеванное.

– О гибели отряда в лесу недалеко от села Городечное долгое время после войны не говорили только слепые, глухие и немые. Это же деревня, товарищ генерал! На одном конце пукнешь – на другом носом вертеть начинают. Середняны только по территории поселок.

– Не факт, – снова парировал Подоляко.

– Выдвигаются версии, что отряд был предан. В особом отряде работал «крот», – продолжил Васюта, абсолютно не реагируя на слова генерала. Мол, дайте мне выложить свои версии до конца, а потом будете вопросы задавать да уточнениями заниматься. И действительно, пока он не выдохся, никто его больше не перебивал. – В 1957 году в Середняках произошли некие события. Одно за другим были совершены три убийства. Первым был убит двадцатичетырехлетний парень по фамилии Никита Топор. Ударение, заметьте, на первом слоге. И убийство произошло именно недалеко от места гибели отряда особого назначения, вывозившего те ценности. Второй была убита Шершень Стефания. История этой семьи особая. Стефания была вдовой. В начале войны у нее уже был девятилетний сын. И вот в первую неделю войны они с сыном привезли домой раненого военного, который ничего не помнил. А нашли они его недалеко от строявшегося в те времена лагеря ГУЛАГа. Того самого, – Илья внимательно посмотрел сначала на Кашая, а потом и на Подоляко. Именно в их устах первый раз звучало название этого исторического объекта. – Выходили его, и он у них жил аж покуда не появились в тех местах партизаны Медведева. Около года. Потом ушел в партизаны. Так вот, эту Стефанию в том же 57-м тоже нашли убитой. Недалеко от своего хутора. И называ-

ется этот хутор Заболотный. И третье убийство. Оно произошло месяца через два после первых. Был убит мужик. Причем убит он был именно в том месте, где Стефания с сыном подобрали того военного. Ни одно из этих убийств не было раскрыто. И это в те годы, когда раскрываемость таких преступлений была почти стопроцентная.

Васюта умолк. И это было сделано настолько профессионально, будто он умолк совсем не специально, дабы вызвать собеседников к обсуждению, а чисто по техническим причинам. Дабы подзаправиться таким себе пяти-этажным бутербродом. Хлеб с маслом, икрой, кружком сервелата и кусочком сыра, завершающим сие строение. И генерал, и Кашай переглянулись, но промолчали. И только когда их младший товарищ закончил жевать, Кашай, как бы мимоходом, заметил:

– А вы не могли бы, уважаемый, сначала исполнить общие обязательства?

– Да, да! Такое впечатление, что нас тут и не наблюдается. Але! Где вы, начальники? – генерал хихикнул, почти серьезно заглядывая под стол.

– Виноват, исправлюсь.

– Ты уж постарайся, Илюша. Исправляйся. Осчастливь нас дозой сего божественного напитка.

Васюта тут же наполнил рюмки. Все выпили. Только теперь Илья не закусывал. Он просто запил газировкой. На что генерал совсем неодобрительно покачал головой. Мол, кто такой напиток разбавляет водой.

– Ты хочешь еще что-то добавить к сказанному? – закусив, спросил генерал.

– Могу. У убитого парня, Никиты Топора, в 52-м посадили отца. Он работал лесником в Середнянском районе. За связи с немцами посадили. И сидел он в Сибири. В лагере под Тайшетом. Это раз. Сыну этой самой Стефании живой и поныне. Шершень Павел Иванович в настоящее время находится в железнодорожном санатории в Хмельнике. Это два. В тощих материалах по семейству Конопляных, представленных УСБУ в Ровненской области, факт участия в этом отряде самого лейтенанта Конопляного подтверждается. Правда, вскользь. Он тогда был в звании сержанта ГБ. И это три.

Минуты две на кухне стояла тишина.

– Да-а! Эта версия имеет полное право на существование. Что ты на это скажешь, Иван Васильевич?

– Я даже больше скажу, Игнат Тимофеевич. Вполне может быть, что пока отец убитого Никиты нары грел, сынок ценностями распоряжался. Перепрятывал, допустим. За это его и причесали. Эти версии надо раскручивать до конца. Причем оперативно. Хотя, как мне видится, вполне может оказаться, что дед советника и мужик, приблудший к той самой Стефании, – одно и то же лицо. Вполне возможно, что он и есть «крот». Мечта, а не дело. Куча свидетелей, улики... Только как это все проверить, ума не приложу. Столько лет прошло... Тем более что время тогда посадочное было. ГУЛАГи так и ломились. А сегодня на дворе даже век другой. Фотография этого самого Конопляного-деда хоть имеется?

– Имеется. Перед отъездом одну такую фотографию я оставил бывшему оперу «угро» Середнянского райотдела Толчинскому Натану Израилевичу.

– А это еще что за личность? Что еще за Мегре местного значения выискался?

– Толковый малый. Жалко, что его из милиции ушли. Между прочим, сам он из евреев.

– Кто бы сомневался, – хихикнул Кашай.

– Ты что, поручил ему показать фотографию Шершню, когда тот вернется из санатория? Мысль правильная. Раз вы оба считаете, что эту версию надо раскручивать до конца, попробую я пробить этого деятеля через архив УШПД, бывшего хозяйства генерала Строкача.

– Украинского штаба партизанского движения?

– Именно. Так ты говоришь, Илья, что Конопляный был в отряде Медведева?

– Я так думаю, Игнат Тимофеевич, что искать надо по двум фамилиям. Вполне возможно, что у Медведева он был не под фамилией Конопляный, а под фамилией той самой вдовушки. Шершень, что ли? – подсутил Кашай.

– Правильно. Будем искать под двумя фамилиями. Но я эту фамилию уже где-то слышал. Постойте, постойте... Кто-нибудь из вас программу «Жди меня» смотрит?

– Я смотрю, – тут же отозвался Кашай. – А что?

– Точно. В одной из передач, то ли в конце декабря, то ли уже в январе я уже слышал эту фамилию. Там кто-то кого-то ищет. Придется поднимать запись той передачи. По-моему, эта фамилия там тоже была связана с ценностями. Правильно. Там звучала фамилия и Конопляный, и Шершень. Причем всплыли эти фамилии в Штатах. Это я точно помню.

– Где, где? – в унисон вскрикнули Васюта и Кашай.

– В Штатах.

– Если это подтвердится, то на версии «Конопляный-«крот»» можно будет ставить крест.

– Почему? Наоборот, Иван Васильевич, – возразил Илья. – Бывший «крот» спрятался в Америке. Именно для таких там самое Эльдorado. Вспомните, сколько бывших фашистских прихвостней благополучно осело в Штатах именно после войны? Будь ты трижды убийца, но если при серьезных бабках – зеленая улица тебе обеспечена. Причем никакая экстрадиция тебе не страшна.

– Ага! А в 57-м он именно оттуда наведалься в Середняны, чтобы совершить три нераскрытых убийства, да? Это вряд ли. «Железный занавес» был нешуточным. Не вяжется.

– Согласен. Таких деятелей комитетчики тогда встречали чуть ли не с транспарантами, брали за Фаберже, как вы оба любите выражаться, прямо в аэропортах и прочих таможенных переходах и кололи до самой зад... на разного рода предательства. Даже чуть ли не в пользу черномазой Африкании.

– А вот если бы можно было поковыряться в архивах того лагеря под Тайшетом? Особенно это актуально сейчас. После появившейся новой информации. Я имею в виду программу «Жди меня».

– На что вы намекаете, Иван Васильевич?

– А намекаю я на то, что раз «крот» существовал, а об этом даже спору не может быть, значит, его надо искать в другом месте. Допустим, у нас, а не за бугром. Само слово «крот» обозначает – свой среди чужих. Точнее, свой работает на чужих. Такой себе перевертень. В нашем случае, это может быть представитель тех самых гэбэшников.

– Вы хотите сказать, что именно «крот» встретился под Тайшетом с отцом убитого Топора? В таком случае, все совпадает. Он и Топор-отец каким-то образом были знакомы. Встретились под Тайшетом, там «крот», предварительно узнав все о семействе Топора, убивает его, приезжает в Середняны и наводит там шухер, – Илья снова потянулся за газировкой.

– Там же на хуторе Заболотный встречается со Стефанией, узнает у нее о Конопляном, которого знал раньше, я так думаю, и убивает ее. В таком случае, и «крот», и Конопляный прекрасно были осведомлены о ценностях.

– Правильно, Иван Васильевич. Достоверно известно, что тот, кто побывал в 57-м на хуторе Заболотном, интересовался человеком, телегой и ящиками.

– Мужики! А вам не кажется, что здесь кроме вас присутствует еще кто-то? Такое впечатление, что про хозяина вы совсем забыли. Ну-ка, Илья, приступай к своим обязанностям. Вы тут вдвоем такого нагородили, что без коньячка и не разберешь. Все в кучу смешали. Я сейчас от вашей версии камня на камне не оставлю. Дайте только рюмку опрокинуть. Как там у Высоцкого: «...Я еще хлебнул кваску и...», в общем, это не с той оперы-балета.

Илья справился с задачей быстро. Практика – вещь великая.

– Мы оба во внимании. Рвите нас, как тузик грелку. То бишь не нас, а наши версии. Только учтите, мы будем брыкаться. Не посмотрим на ваши генеральские погоны.

– И где это ты узрел сейчас погоны? Тем более генеральские? – Подоляко опять съерничал и даже оглянулся вокруг. Дело в том, что за столом он сидел в спортивке, разбитых шлепках на босу ногу и в вельветовой рубашке с закатанными рукавами. – А теперь, ребята, как говорят в Одессе, предлагаю, ша! И слушайте меня внимательнее.

– В Одессе, Игнат Тимофеевич, говорят: слушайте меня здесь. А так все путем. У вас отлично получается.

– Нет! Иван Васильевич, он-таки хочет, чтобы я нервничал. Так вот, все, что вы тут нагородили, можно проверять до нового пришествия Христа. Особенно с такими уликами. Ни концов, ни вещдоков серьезных. Настоящий «глухарь». По-вашему получается, что в живых из всего спецотряда осталось два человека, так? Конопляный и «крот»? А если предположить, что сам Топор и есть тот самый «крот»? Может, он в то время оказывал практическую помощь руководству спецотряда в вывозе ценно-

стей? Ты говоришь, Илья, что он был в аккурат в тех лесах лесником, да? А посадили его за связь с бандеровцами. Кто-то может меня убедить, что он не мог быть «кротом».

– Его посадили за связь с немцами, – почти шепотом брыкнулся Илья. – Он мог быть предателем, а не «кротом».

– А почему мы уперлись в «крота»? Есть подтверждение этому факту? Вот то-то же. В 52-м его посадили, в 57-м он откинулся, приехал в Середняны и стал жмурить тех, кто знал о его предательстве. А вот Конопляный никакого отношения к 57-му не имеет. И вообще, после войны он здесь не появлялся. Тем более третье убийство в 57-м произошло через два месяца после первых двух. Он что, жил там два месяца, а к сыну не появился? Пусть даже не там, в Середнянах, а в Союзе? Не смешите меня. Да если бы он знал о сыне, он завалил бы его подарками. Или шепнул бы о ценностях. Уже в брежневские времена на западе Украины многие родственники получали от своих из Америки и «волги», и холодильники, и мебель, и телевизоры... Тогда это уже разрешалось. Оттуда перечислялись доллары, а по линии Внешторга доллары превращались в товар. Просто и сердито. По Топору тоже не стыковка. Откинулся и стал жмурить всех, в том числе и собственного сына, да? А сын-то ему в чем помешал? По Малинину Буренину вначале войны сыну было не больше семи. Не вяжется что-то, Игнат Тимофеевич.

– Вдобавок, Топора после отсидки никто не видел. Не появлялся он в тех краях, – вместе с Подоляко Илья, будто одумавшись, решил вставить и свои пять копеек. – Раз он из местных, его бы узнали.

– А что ему в тех краях делать? Сына грохнул и умотал куда глаза глядят. Мог даже и фамилию сменить. Да поймите вы, мужики, мы не знаем главного. Мы не знаем фамилию второго оставшегося в живых из всего отряда особого назначения. А искать черную кошку в темной комнате можно до скончания века. Скажу больше, на данный момент у нас нет достоверных данных, что в живых из отряда остались два человека. Одни мысли вслух.

– Игнат Тимофеевич, так ведь после развала Союза прошло уже вон сколько лет. Если Топор замешан в деле с ценностями, то он бы давно уже появился в Середнянах. Ему бы ничего уже не помешало. Больше того, как у пострадавшего от коммунистического режима у него было бы максимум привилегий. Я думаю, что надо все же попытаться связаться с Тайшетом. Узнать фамилию того, кто был «кумом» в лагере в то время, кто работал с зеком Топором и куда, наконец, этот Топор делся. А вдруг как раз там всплывет искомая фамилия. Кстати, всего списка отряда особого назначения у нас тоже пока нет. А плясать, я думаю, надо от него. Но УСБУ мне такую информацию не предоставило. И вряд ли предоставит. Так что это тоже на ваши плечи ляжет, Игнат Тимофеевич.

– Ладно. Убедил. А какая вторая версия?

– А вторая версия касается Буковского янтаря. Тогда в санатории «Поляна» вы, Иван Васильевич, в вопросах несанкционированной добычи янтаря были правы. Конопляный Александр Тарасович, до того как

стать советником президента, в Середняках руководил фирмой «Полесье». Рубка леса, выкорчевка пней, пилорама, распиловка леса и все такое прочее. Как видите – и версий кладезь, и аргументации не хилые. Скажите, Иван Васильевич?

– Не наблюдаю в этом перечне янтаря, – внимательно посмотрев на Васюту, вставил генерал.

– Официально янтарем его фирма не занималась. Но в фирме при пилораме было несколько бригад вальщиков леса. Так вот, есть данные, что парочка таких бригад занималась именно добычей янтаря. А янтарь этот благополучно контрабандой доставлялся через кордон в Польшу. Там, кстати, на таком янтаре целых две фабрики работают.

– И сейчас работают?

– А что за эти несколько лет изменилось? Государство контроль наладило? Чиновники брать на лапу перестали?

– У тебя есть какие-то конкретные фамилии?

– Нет, Игнат Тимофеевич, конкретных фамилий у меня нет.

– А кто руководил фирмой «Полесье»? – не отставал Подолько.

– Конопляный был исполнительным директором. В фирме была и бухгалтерша. Еще та мадам. А сама фирма была создана по принципу товарищества ООО. Общество с ограниченной ответственностью. Были и учредители этого общества. Пять человек. Фамилии – попки. Номера паспортов и прописки – фуфло. Я проверял.

– А вот это уже горячо, – генерал аж ладонями потер. – Оставишь мне номера паспортов. По номерам пробьём, где выдавались. Глядишь, выйдем и на реальные фамилии.

– И ничего это не горячо, Игнат Тимофеевич. Это тупиковое направление. Поддельными могут быть не только паспорта, но и номера. Я вам больше скажу, настоящие паспорта с такими самыми номерами имеют и настоящих хозяев. Хотя, вполне возможно, что настоящие хозяева этих паспортов – простые зеваки. У них вполне могли паспорта и украсть. Мы только время убьём. Результат, я уверен, будет нулевой. Будем считать, что тузик с грелкой не справился. А почему мы ничего не услышали о проверке трассы, перевала? Что, там никто не роет землю?

– Вы правы, Иван Васильевич. В том направлении работал майор Хрущ.

– Тот из санатория?

– Он самый.

– Он мне позавчера докладывал. Причем в субботу. Кстати, кто ему дал мой домашний номер? – генерал внимательно посмотрел на Васюту.

– Не я, товарищ генерал. Не я, – моментально отмежевался Васюта. – Он же опер. Причем с настоящими извилинами. И что он вам доложил? Вот иностранец, я жду не дожусь от него доклада, а он генералу докладывает. Очки лопатой гребет.

– Не кипятись. Он до тебя дозвониться не мог. Ты что, в субботу в астрал выпадал? Почему он до тебя дозвониться не мог?

– Мобила случайно выключилась.

– Сама выключилась, да? Так вот, по линии трассы тоже есть кое-какие новости, Иван Васильевич. До прихода Васюты я просто не успел тебе о них рассказать.

Илья очень внимательно посмотрел на обоих. Причем поочередно и по старшинству. «А они здесь дурака не валяли. Знать бы, о чем конкретно базар был. И в каких падежах в том базаре склонялась моя фамилия?»

– Там всплыла фура. Я имею в виду на перевале. А в фуре, да будет тебе известно, на дальнбой ездят по два водителя. Пока не установлено ни одного. Установлены номера фуры. Номера – фуфло, как выражается наш младший коллега. Числятся за одесским МРЭО. Но числятся они не за фурой, а за «копейкой».

– Ни фига себе. Это что, опять кроссворд с номерами? И опять в Одессе. Ох и любят в этом юморном городе одни и те же номера на различный транспорт вешать. Помните, Игнат Тимофеевич, несколько лет тому мы раскрыли в Одессе дело заказанного мэра? Так там тоже такая история была. Только там номера джипа числились за хохломерседесом. Значит, в рост пошли. Теперь за «копейкой» числятся. И не на джипе, а на фуре. *(Подробно об этом в романе «Заказанный мэр»)*.

– Не шуми. Давайте подведем итоги. Что мы имеем с гусь? – Илья и Кашай усмехнулись. – Чего вы смеетесь? Над стариком потешаетесь? А ты чего бездельничаешь? – Илья тут же потянулся к бутылке.

Разлитое выпили без всякого тоста. Вообще-то, они уже которую рюмку опустошали безо всяких тостов.

– А с гусь мы на данный момент имеем пух, перо и шкварку, – выпив и закусив, продолжил генерал. – Две основные версии, по которым надо еще работать и работать. Вариант с Середняками пока со счетов не сбрасываем. У тебя там кто работает, один Толчинский?

– Нет. Там мне помощника определили. Старший лейтенант разрешительной системы Полох. Вроде ничего, но сидит под чьим-то колпаком. Насколько крепко, не знаю. Я ему дал задание отработать фирму «Полесье». Особенно пилораму и вальщиков леса. А Толчинскому я поручил информировать меня о всех теподвижениях в Середняках. Полоха в том числе.

– Понятно. Держи на контроле. Идем дальше. По версии «крот», надо любыми путями выйти на архив бывшего ГУЛАГа. Проверить списки всех контриков, которые работали под Тайшетом в 52–57-м с зеками. Особенно, с Топором. Дальше, нужен полный список отряда особого назначения. Без этого списка мы будем тыкаться, как слепые котят. Я так понимаю, что этот вопрос тоже на мои плечи ляжет, да?

И Кашай, и Васюта молча втянули головы в плечи. Будто извинялись за такое положение вещей.

– Что вы головами дергаете будто утки на ходу? Идем дальше. У нас ничего нет по перевалу. Никаких зацепок. А если мы это дело поручим вам, Иван Васильевич? Так сказать, в порядке шефской помощи отставника своей родной управе? Беретесь? А вот тебе, Илья... Когда тебе приказали на Банковой прибыть ко мне?

– Послезавтра. Дали день отдохнуть. С женой повидаться, с детьми. Кстати, мысль о семье, жене и детях мне совсем не понравилась. Чем-то не очень хорошим от этой мысли пахнет, вы не находите?

– Думаю, пока серьезных неприятностей ждать нечего. Если, конечно, ты там, в Середняках, не попытался сунуть свой нос в чужой огород?

– Не думаю. Я больше старался показывать свое рвение по версии, связанной с прошлым Конопляного-деда. Это должно успокоить тех, кто подпадает под версию несанкционированной добычи янтаря и его контрабанды за бугор.

– Молодец. Так вот, отдохнуть будешь на пенсии. Вон, как твой бывший начальник, Иван Васильевич Кашай. Вишь, как он прекрасно отдыхает на пенсии?

И Кашай, и Васюта улыбнулись.

– Завтра убываешь в Одессу. Разберетесь вместе со своим другом с теми номерными знаками. Но не только. Надо толково просеять вопрос пребывания в тех краях семьи Конопляного-старшего. Как он умер, где жил Конопляный-внук, почему развелся с женой? В общем, вопросов море. Но отработать их надо качественно. Чтобы больше Одессой не заниматься. Закрывать там все вопросы. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что ниточка вполне может и оттуда потянуться. Это мое личное предположение, – поправился Подоляко, видя вскочившие вверх брови Кашая. – Что ты, Иван Васильевич, дергаешься? Я же не приказываю, я предлагаю. Что еще мы упустили? Я вот чего подумал. А если бы пойти по пути ускорения процесса? Так сказать, заставить кое-кого дергаться?

– Вы намекаете на янтарь? У меня тоже была такая мысль.

– Ну и? Почему не воспользовался? Ты же там, в Середняках, фигура был.

– Нет, товарищ генерал, не получилось бы у меня. Городишко маленький, все друг у друга на виду. Найти подходящую легендированную кандидатуру под оптового покупателя янтаря там, на месте, практически невозможно. Нужна личность, которую в тех краях никто не знает. Никто не просчитает. Это раз. И, во-вторых, думаю, делать это пока преждевременно. Пусть окончательно успокоятся. Пусть считают нас тупыми лохами. Это от нас никуда не уйдет. Даже если раскрытие убийства пойдет по первой версии. Хотя, как мне кажется, раскрытием преступлений по янтарю должно заниматься совсем не наше ведомство. Этим делом больше подходить заниматься государственной службе по борьбе с экономическими преступлениями. Зачем у них хлеб отбирать. Могут обидеться.

На счет этого подумаем. А теперь наливай на посошок. Иван Васильевич, ты останешься ночевать у меня. Жена в санатории, так что места у меня навалом. Да и мне одному не страшно будет. А вот ты, Илья, вызывай такси и мухой домой. Ты посмотри, который час? Почти двенадцать. Ай-я-яй, как быстро время убежало. Вот так и жизнь пролетает. Все в заботах и заботах...

Одесса встретила Васюту сырой, туманной погодой. Будто это и не февраль вовсе, а самая настоящая осень. Но уже к десяти, когда подполковник и встречавший его майор Хрущ около часа провели подальше от вокзала на одной из скамеек Куликовского поля, выглянуло солнышко. И сразу стало как-то веселее.

– И что, вариантов других никаких нет?

– А какие могут быть варианты, когда это дело взято на контроль в главном офисе СБУ Украины на Владимирской, 33. В случае чего, такой звездопад может начаться, что аж страшно подумать, – ответил Хрущ, при этом его глаза и физия в целом выдали на-гора такое выражение, будто звездопад с погон вот-вот начнется. – Лично меня подобное абсолютно не устраивает. Пусть и одна звезда на погонах, зато большая. И дробить ее на кучу маленьких у меня нет никакого интереса. Тем более, совсем потерять вместе с погонами, присовокупив туда же не только выходное пособие, но и будущую пенсию.

– А как же так получилось, что наши интересы пересеклись? И кто кому перебежал дорожку? Мы им или они нам?

– Это ты у меня спрашиваешь? Мне-то откуда такие тонкости знать? Я что, нештатный заместитель главы СБУ? Это у них надо спрашивать.

– А как они догадались, что мы вышли на этих гавриков?

– Что тут догадываться? Пришел в УБОП на Осипова, показал ребятам фоторобот водителя фуры и попросил их еще раз пробить ее номера. В итоге оказалось, что действительно ни за какой, ни за фурой числятся эти номера, а за обыкновенной «копейкой». Дальше больше, стали разбираться с этой «копейкой». Поехали в адрес. А там вдовушка. Ничего еще, должен тебе признаться. Глазки от голода аж горят. «Копейка» была ее гражданского мужа. Муж по пьяни ласты склеил еще два года тому. Но «копейка» лет пять и до этого уже гнила во дворе. Там движок и коробка передач требовали даже не капитального ремонта, а полной замены. Бедняжка так и ржавела во дворе, мешала ей. Вот вдовушка и сдала ее на «Шрот». *(Название организации, куда сдают старые авто для разборки на агрегаты).*

– И что оказалось в итоге? Что «копейка» преспокойно доходит на «Шроте», только без номеров? Так что ли?

– Ну почему без номеров? С номерами. Хозяин «Шрота» так даже удивился. Он и не заметил, что тачка с номерными знаками в его хозяйство попала. Говорит, что добросовестно выплатил вдовушке оговоренную сумму в двести баксов, от чего та от счастья крутанулась будто торнадо и мухой слиняла с его двора. Водитель со товарищи-бомжи сами стаскивали «копейку» с эвакуатора. Он ушел и даже думать забыл про нее.

– Ничего не понятно. Причем здесь СБУ, «копейка», ее номерные знаки, фура, ее водилы? Ты можешь более внятно раскрывать суть?

– Внятно могу, – улыбнулся Виталий. – Когда я ему показал фоторобот, он секунду-другую подумал и говорит, считай, дословно: «В начале

января, сразу после рождественских праздников, – это он запомнил точно, – появилась возле моей разборки фура, в которых коров возят на бойню. Я сам когда-то, в приснопамятные девяностые, на такой фуре возил КРС (*крупно-рогатый скот*) в Белгород-Днестровский порт. Оттуда их в Турцию отправляли». Помнишь, мы тогда такими щедрыми были, чуть ли не с Мать Терезой себя ассоциировали, и пусть хоть через задний проход, а все за бугор стремились. Своих коров целыми стадами за копейки в Турцию отправляли, а дубленки с кожи наших копеечных коров – за настоящие баксы покупали. И не за малые, заметь.

– Странички со своими литературными комментариями запросто можешь упустить, – Илья с самого начала разговора почувствовал, что его опять кто-то опередил. Опять кто-то пристегнулся к его версии. Хотя версия была не только его, но и Подолько с Кашаев. А это могло уже вызвать бурю негодования в мыслях начальства. Такой дальнейший порядок отработки версий его не устраивал. Вот он и злился. – Ближе к телу. Факты. Он продал, они купили. Есть ли надлежащая запись в соответствующей тетради.

– Какие тетради, Илья Бенедиктович? Это же «Шрот», а не супермаркет по продаже машин. У него одна отчетность. Перед женой и детьми. Другую он и на дух не переносит.

– Короче. А номера ихней фуры он не запомнил, случаем?

– Можно и короче. Не-е. Не запомнил. Говорил, что фура ему как-то по барабану была, – Хрущ понял, что настроение коллеги изменилось вплоть до ругательного и не стал больше рисковать. – Водители, а их действительно было двое, искали топливный насос для своей фуры. Дело в том, что на разборке во дворе стоит такая же фура, только аварийная. С разбитой вдребезги кабиной и двигательным отсеком. Короче, весь передок ни к черту. Видел я ее. Вот они с его разрешения и ковырялись возле той фуры. А рядом с ней и стоит та самая злосчастная «копейка».

– И они стырили с «копейки» номерные знаки.

– Нет. «Копейка» так и стоит со своими номерными знаками. Виноват, уже не стоит. Номерные знаки теперь уже вещдок. К делу пристегнуты.

– Значит, то, что именно эта фура воспользовалась номерами «копейки» – доказательной базы нет? Я правильно понял?

– Да. Но есть совпадения. Такую же фуру перед перевалом видели? Видели. И по описаниям подходит. Для перевозки скота. Это раз. Номерные знаки на фуре с перевала совпадают с номерными знаками «копейки»? Совпадают. Это два. И не какой-нибудь «копейки», а именно этой. Это все отражено в протоколах свидетельских показаний. Разве этого мало? Теперь, главное...

– Пресвятая Мать и Богородица, закончишь ли ты когда-нибудь свое лирическое вступление? Я ей Богу не выдержу и обложу тебя всякими нехорошими редисочными словами. Ты этого хочешь?

– Так я что, товарищ подполковник, я чтобы попонятнее было.

– Иди ты в зад... со своими понятиями. Говори уже, не провоцируй меня.

– Когда мы вернулись на Осипова, меня сразу к начальнику УБОП пригласили. Вот там мне очень популярно и объяснили, что я не совсем прав.

– А вот об этом давай-ка поподробнее.

– Генерал Сидоренко без всяких лирических вступлений выложил на стол две фотографии. Одна из них очень даже напоминала фоторобот, составленный на перевале. Считаю, фотокопия.

– Ну и что из этого?

– А то, что на тех фотографиях запечатлены два водителя одной фирмы. Один из водителей копия нашего. А фирму пасет УСБУ. И пасет она ее уже длительный период. Дело это на контроле главы СБУ Украины. И совать свой нос в это дело он мне категорически не советовал.

– А в УСБУ ты не пробовал обратиться?

– На Еврейскую? И кто со мной, каким-то майором от МВД, будет там разговоры разговаривать? Они же там всех нас в натуре считают клиническими бездарями. Да меня ближе тех елок, что перед зданием УСБУ, никто не пустит. В принципе, мне лично и не очень хочется. А может, ты посоветуешься с генералом? А вдруг он уже в курсе последних событий? А может, он уже давно в курсе этих тайн?

– Это вряд ли. Я ведь только позавчера встречался с ним. Был бы в курсе, сказал бы. А вот позвонить ему... – Илья достал мобилку, секунду другую поколдовал над ней и, сменив SIM-карту, набрал номер.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – Да! Благополучно. Нет! Пока только на полпути к Осипова. А мы на природе, товарищ генерал! Как это кто? Я и майор Хрущ. Да, да, мой помощник. Да вот сидим на Куликовом поле и рассуждаем, что делать? Действительно, извечно сакраментальный вопрос. Да еще ка-а-кие новости... Тут мне Виталий Львович такой ребус подкинул, что без вашей помощи я его не решу. Не-е, товарищ генерал, Львович докладывает, что уже случилось. СБУ в процесс вмешалась. Да откуда мне знать? Вроде они пасут какую-то фирму. А в той фирме работают водителями фур как раз те мальчики, которые, по нашей предварительной версии, проходят по делу сгоревшего джипа. Вы не могли бы этот вопрос прозондировать? А вдруг Банковая на два фронта решила работать? Лично я в такие игры не играю. Без согласованных действий можно таких дров наломать... Страшно подумать. Не мне вам рассказывать. Хорошо. Я подожду. У меня времени навалом, – Илья отключился, вперив свой взгляд в стекляшку-высотку исполнительной власти области.

– Ну что? Он не в курсе?

– Ты же слышал. Счас будет звонить и разбираться. Подождем.

– Илья! А может, действительно Банковая передала дело в СБУ?

– Не валяй дурака. Тут передала, а там не передала. Это что получается? Разделили дело на части? Такого не бывает. Дело или ведут целиком, или не ведут вообще. Третьего не дано. Такого в юриспруденции я еще не слышал. Хотя, ты прав, у нас все возможно. Родина требует героев, а бабы почему-то нарожали дураков. Вот и маемся с ними. И долго еще будем маяться.

– Илья! А может, мы с этими водилами поработаем втихаря?
– Ага! Втихаря «наружку» за ними установим, на прослушку поставим? И кто нам это разрешит? Тут можно и до стрельбы доиграться. Мне мой бывший шеф рассказывал...

– Кашай?

– Ага! Он в войсках дяди Васи в Афгане служил. ВДВ, воздушно-десантные войска называются, – видя удивленный взгляд Хруща, поспешил расшифровать Васюта. – Зацени, и «Знамя» у него, и «Звездочка», и куча медалей россыпью. Так вот, перед вводом наших войск в Афган, для захвата дворца Амина пошли две группы наших ребят. Только эти группы разному начальству подчинялись. По-моему, ГРУшники и комитетчики.

– Главное разведывательное управление?

– Да. Так вот, взаимодействия никакого не было. Каждая из групп действовала самостоятельно и о коллегах и понятия не имела. Те, кто первыми во дворец ворвались, стали лупить тех, которые к дворцу позже подобрались. Представляешь, какое там мочиловое было? И в одной, и во второй группе – спецы работали. Да еще какие спецы. Интересно, если это те самые водители, которые засветились на перевале и работают они под прикрытием фирмы, которую пасут эсбэушники, тогда мне ничего не понятно.

– И что же это за фирма?

– Вот, вот. И я о том же. Если узнаем что за фирма тогда и на водителей можем выйти. Тогда многое может проясниться. Только это вряд ли. Эсбэушники нам карты никогда не откроют.

– Может, хоть чуть-чуть приоткроют?

– Ага! Губу-то подбери на всякий случай. Ишь, раскатал. А вот и генерал появился, – удерживаемая в его руках мобилка довольно громко взорвалась маршем «Прощание славянки». – Слушаю, Васюта! – поднеся трубку к уху, поспешил ответить Илья.

Он слушал около минуты, даже не пытаясь вклиниться в разговор. И только под конец разговора четко и внятно, чуть ли не по-военному, ответил: «Есть, товарищ генерал!» Секунд двадцать он еще смотрел на коллегу, явно думая о чем-то о своем. Переваривал услышанное. И только потом, цепляя мобилку к поясу, очень уж загадочно издал:

– Да-а-а!

Причем, на сколько кратким было это восклицание, на столько оно было загадочно. У майора по спине даже мурашки зашебурились. Но он не стал спешить выдавать свое состояние. Он ждал продолжения. И таки дождался.

– Ни хрена себе, сюрпризец нарисовался! Дело швах. Генерал связывался с Банковой. Там абсолютно не в курсе.

– А может, Банковая предпочитает двойные стандарты? Яблоко от яблони...

– Ты думаешь? Генерал, между прочим, такой вариант не исключил. Приказал действовать по обстановке. Но голову под гильотину не совать. Так что все в наших руках.

– Илья! А может, плюнуть на все эти тайны Мадридского дворца. Помутить немного воду, черпануть с нее пенку и гори оно все синим пламенем? Как мне кажется, все сейчас в таком ракурсе делается. Низы докладывают то, что хотят услышать верха, а верха за это ублажают и себя, и низы. Потчуя последних должностями, наградами, премиями, званиями...

– Ты сейчас подумал, что сказал? Я ведь могу и обидеться. Пошли.

– Куда, Илья Бенедиктович? – Виталий хоть и поднялся со скамейки, но продолжал стоять, как вкопанный.

– Куда, куда? На Осипова, естественно. Да не стой ты, как памятник Ришелье. Куда мне еще идти, услышав от тебя да от генерала одна другой убийственнее весточки?

– Товарищ подполковник, так при чем тут я? Моей вины здесь геть не просматривается. Вы такое скажете, что... что... – майор не на шутку обиделся. – Мне что, подсказывать и прямо сейчас бежать?

– И куда ты побежишь? К нашему министру? В Киев на Богомольца, 10?

– Куда, куда? На крышу какой-нибудь высотки. После ваших слов в пору суицидом заняться.

– Ага! Оно и видно, как ты спешишь этим заняться. Прямо галопом «по Европам». Пошли, давай. Своим известием ты мне всю малину испортил.

– То-то я вижу, что у тебя аж зубы крошатся. Успокойся. Я не думаю, что все так серьезно. Выход всегда можно найти, – брыкнулся в свою очередь и Хрущ.

Минут через десять они уже сидели в кабинете заместителя начальника УМВД – начальника УБОП в Одесской области. Благо, улица Осипова находилась недалеко от привокзальной площади.

– И чем я вам смогу помочь, уважаемый товарищ подполковник? Я ведь замначальника УМВД, а не УСБУ. Тут разница большая, – выслушав цель прибытия представившегося подполковника Васюты, попытался уточнить генерал. Он очень внимательно выслушал представителя ГУБОП и его мотивированную просьбу о помощи. – Дернуть за хвост этих водителей не представляет особого труда. Выдадим фоторобот всем постовикам, через день-два они в ловушке. Только не случится ли так, что наше вмешательство окажет медвежью услугу соседям в раскрытии более важного для государства дела? Тем более, если они это дело вынашивают как баба дитя? И тут вдруг мы нарисовались и все насмарку? Вдобавок, если окажется, что ваши версии еще и сметаны на живую нитку, а? Дать добро на такую операцию я не могу. Вряд ли даже сам начальник УМВД в области даст вам такое добро. Скажу больше, мы даже в мелочи их операции не посвящены. СБУ есть СБУ и этим все сказано. Не мне вам рассказывать. Единственное, что могу, так это посодействовать вашей встрече с начальником отдела УСБУ, который ведет это дело. Если вы, конечно, этого желаете?

– Вы меня и этим очень обяжете, товарищ генерал.

– Одну секунду, – генерал тут же набрал номер телефона на одном из дюжины стоящих сбоку телефонных аппаратов. – Товарищ полковник? Я вас категорически приветствую. Генерал Сидоренко беспокоит. – Василий Васильевич, – молча выслушав довольно длительный ответный монолог, продолжил генерал, – у меня тут товарищ из Киева. Не в прямом, конечно, смысле начальник, а так, начальник отдела по раскрытию особо важных дел УБОП. Васюта... – генерал, округлив глаза зыркнул на сидящих напротив Васюту и Хруща. – А как вы догадались? Во истину, с вами надо держать ухо востро. Так точно, Илья Бенедиктович, он самый. Только не говорите, что вы знаете о его желании. Знаете? Все, я умываю руки. Думал, окажу помощь коллеге, пробью протекцию, сто грамм заработаю, а тут фигушки. Сейчас даю трубку. Вас, товарищ подполковник. Между прочим, персонально.

– Слушаю, подполковник Васюта. Здравия желаю! Вы меня знаете? Очень приятно. Только я абсолютно не в курсе, с кем имею честь. Как, как? Василий Васильевич Саморидный? Мне тоже очень приятно. А не подскажите в двух словах... Какое дело? Дело Коровина? *(Подробно об этом в романе «Монастырское золото».)* Вместе раскручивали убийство генерала? С кем, с кем? С Иваном Васильевичем Кашаевым? Теперь вспомнил. Кто, Иван Васильевич? Он уже на пенсии. Я за него. Вы и это знаете? Просьбы? Конечно, есть. Нет, по телефону, естественно, не буду. Согласен, что это не телефонный разговор. Закажете пропуск? На когда, на когда? Думаю, да. Буду свободен. Значит, ровно в 12-00 у главного входа. Договорились. Вот это да, – возвращая трубку генералу, улыбнулся Васюта.

– Вот видите, товарищ подполковник. Все и устаканилось. Рандеву, как говорится, назначено? Теперь вы все вопросы решите самостоятельно. Впрочем, если потребуется наша помощь, всегда рады. Но в этом деле, только после добро от СБУ. Таковы правила.

– Спасибо вам, товарищ генерал.

Выйдя на улицу Осипова, Васюта и Хрущ направились в сторону Дерibasовской.

– «А ты дурочка боялась», – шуткой начал разговор Виталий. – Действительно, все и устаканилось, как говорил генерал.

– Ничего еще не устаканилось. Неизвестно еще, чем наш разговор закончится. Вряд ли мы получим добро на разработку водителей до завершения их операции.

– Но это может протянуться недели, если не месяцы.

– Может. Эта фирма по мелочам не работает. Я это помню с тех пор, когда мы с Иваном Васильевичем здесь в Одессе раскрывали убийство отставного генерала. Тот еще заказник. Главным фигурантом в том деле был бывший комитетчик. Вот тогда я впервые попал в это заведение.

– Чего? Повязали были? Или сами пришли?

– Пригласили. Тогда мы вместе выработали взаимодействие по задержанию того самого Коровина. Операция по задержанию прошла без сучка без задоринки. Песня. Раз и мы в шоколаде. Прямо на улице Садо-

вой возле почтамта повязали. *(Подробно об этом в романе «Монастырское золото».)*

– Ну и что дали бывшему комитетчику?

– А ничего не дали. Он у них из СИЗО наживал пятами.

– Сбежал? Ни хрена себе. Пстой, пстой. Я кажись, слышал что-то такое. Не помню откуда, то ли по телеку, то ли в «Фактах» писали. И что, все шито-крыто?

– Там у них после этого все УСБУ на ушах стояло. Да ладно, это их проблемы. Ты вот что должен сделать. Сними-ка показания хозяина «Шрота» под протокол. И не только его одного, но и той самой вдовушки. Когда, с кем и на чем она отвезла тачку бывшего мужа на свалку. Больше того, зафиксируй на пленку и разбитую фуру, и «копейку». Пригодится. Но это еще не все. Мне нужны фотографии водителей и их фуры. Анфас и в профиль. Только я тебя умоляю, не дай Бог засветится. Нам тогда точно полный кырдык эсбэушники устроят.

– И как ты себе это представляешь? Прибыть на развод гаишников и попросить их об одолжении? Мол, вы мои хорошие, останавливайте на смене все похожие фуры и сверяйте физию водил с этим вот фотороботом. Все совпадения на бумажку. Чья фура, фамилии водил, где живут... Так это может не один день протянуться. И эсбэушники это дело в два счета просекут.

– Нет. Этот путь не проханже. Фуры для перевозки скота – специфические. Где они могут числиться? При мясокомбинате. Еще где? Вот и надо искать такие фирмы?

– А у частных разве они не могут быть?

– У частных могут. В таком случае надо фуру пробить по учету. Хотя, по имеющейся информации, СБУ занимается какой-то фирмой, а не частниками. Усек? Действуй. Потом созвонимся.

– А перекусить?

– Лично я уже перекусил. Жена приличный бутербродик на дорогу сварганила. Очень кстати утром пригодился. Не пропадать же добру. Я не буду. А ты если хочешь...

– Да я думал по полтинничку...

– По полтинничку, уважаемый, только вечером. Ты, кстати, где остановился?

– Коллеги по УБОП устроили. Между прочим, свободное место имеется. Комната приличная, две кровати и все остальное... Зарезервировать?

– Давай. Как только освобожусь, созвонимся.

Ровно в 12-00 Васюта свернул с Екатерининской на Еврейскую. Напротив главного входа, на тротуаре стояли два солидных мужика. Оба по гражданке, только один в куртке типа «аляска», а второй – в пиджаке, наброшенном на свитер. Как только Васюта приблизился к ним метров на пять, который в куртке быстро попрощался со своим собеседником. Он даже не поворачиваясь, направился в сторону Александровского проспекта.

– Здравствуйте, Илья Бенедиктович! – повернувшись к Васюте в полный анфас, поздоровался эсбэушник. – Полковник Саморидный.

– Здравия желаю. Давно ждете?
– Только вышел. Пошли. Дайте мне пожалуйста свой документ, я сейчас пропуск оформлю, – остановился перед турникетом мужчина в пиджаке.

Васюта достал удостоверение и протянул его полковнику. В ту же секунду, приложив левый карман к аппарату контроля, явно в кармане имелось пластиково-магнитное удостоверение личности, полковник прошел через освободившийся проход. Отсутствовал он не долго. Минуты три. Появившись снова возле дежурившего прапорщика, протянул тому выписанный пропуск и пригласил Васюту следовать за ним.

– Значит, так, – поднявшись на второй этаж и войдя в кабинет, начал хозяин без всяких предисловий. – Времени у меня немного. Минут двадцать хватит? Присаживайтесь. А я вас помню, – как только Васюта присел на стуле у приставного столика, продолжил полковник. – Меня вы, конечно, не помните. Мы встречались в кабинете полковника Лебеда, царствие ему небесное. Тогда вы были у нас с вашим полковником, Кашаевым. Говорите, он уже на пенсии? Меня зовут Василий Васильевич. Приступим. Я полностью в курсе вашего дела. Между прочим, еще неделю тому получили циркуляр из Киева об оказании вам посильной помощи. А что вас привело в наш город? Думаете, ноги вашего дела отсюда растут?

– На данный момент меня интересует вот эта личность? – не вдаваясь в подробности, начал немного удивленный сказанным Васюта, протягивая фоторобот.

– А у меня точно такая есть. Правда, качество получше, – доставая из ящика стола фотографию и сравнивая ее с фотороботом, констатировал Саморидный. – Сравните, – хозяин кабинета протянул фото Васюте. – Согласитесь, почти копия.

– Да. И к бабке не ходи.

– А с чем связан ваш интерес к этой личности?

Васюта в кратце озвучил наработанный материал по сгоревшему джипу. Включая и отдельные элементы своих версий по отработке поиска организаторов и исполнителей убийства. Правда, как и в Середняках, в своих озвученных версиях он больше напирал на связи убийства с исчезнувшими ценностями в первые дни войны. Ему так было удобно. Водителя фуры он представлял как версию второстепенного порядка.

– Этого водителя нам обязательно надо допросить. Слишком много совпадений. Сама фура, водитель, номерные знаки «копейки»... Согласитесь, очень большое темное пятно, которое не дает нам двигаться вперед. А что имеете вы к нему? Если, конечно, это не тайна следствия?

– Как вам сказать, Илья Бенедиктович? И хочется, и колется и мамка не велит. Понимаете, какое дело? Мы уже давно работаем по одной фирме. Слишком подозрительны, на наш взгляд, руководители этой фирмы.

– А при чем тут водитель?

– Водители.

– Ага! Значит их двое, да? Так мы и предполагали. А кто второй?

– Не спешите. Водителей у фуры действительно двое. Один из них судим. Кстати, дважды. Первый раз за аварию со смертельным исходом. Теперь уже ясно, что в первом случае большой вины его не было. Плохая дорога плюс непогода. Можно было обойтись условным сроком. По чьей-то прихоти ему впаяли трешник. Второй раз сел уже заслужено. Московский след. Участие в московских разборках. Грохнули двух авторитетов. Его вина в участии как исполнителя не доказана. Но на зоне в Магадане срок за компанию отмантулил по полной. Это все, что я могу вам сказать. Даже этого уже много.

– Значит, вы ведете фирму, в которой они работают, так?

– А вы настырный. Лично я вам этого не говорил. Но теперь я должен вас предупредить, что на производство любых оперативных разработок по данным фигурантам разрешение дать вам не можем. Вы можете спугнуть хозяев. И убедительная просьба, ни к этим водителям, ни к самой фирме вы не должны никоим образом приближаться. Это не только просьба – это, считайте, приказ. Вы стоите на защите отдельных личностей, а мы – на защите государства. Это две большие разницы.

Услышав последний довод, Илья слегка ухмыльнулся. Мол, а ваше государство-то состоит именно из таких отдельных личностей, которые уже нам и приходится защищать. Но он ничего не сказал. Правда, его ухмылка не осталась незамеченной хозяином.

– Единственное, что я вам могу доложить, – полковник вперил свой жесткий взгляд в собеседника, – оперативные разработки нашей операции близки к завершению. Думаю, недели две осталось, не больше. Выясняем последние штрихи. Сбор дополнительного фактажа, свидетельские притирки.

– Хорошо. Тогда, может, вы мне сможете помочь?

– В каком плане?

– В плане водителей этих фур. Меня интересует их алиби.

– За какое число?

– Меня бы устроило 10, 11 и 12 февраля этого года. Где были они вместе с фурой?

– Обещать не могу, но постараюсь в этом вам помочь. А вы в свою очередь дайте мне слово, что не будете заниматься самостоятельностью в отношении этих водителей. Идет?

– А что, у меня есть выбор?

– В таком случае, будем считать разногласия исчерпанными. Давайте обменяемся, на всякий случай, контактными телефонами. Вот вам моя визитка, – полковник протянул небольшой без пышной разукраски квадратик плотной бумажки. Взамен получил почти такой же, но с номерами телефонов Васюты.

Минут через пять, выйдя из здания УСБУ, Илья, повернув налево и дошагав до Александровского проспекта, уселся на свободную скамейку зеленой зоны. Ему надо было быстро все обмозговать. И не только обмозговать, ему нужен был совет. Особенно, в русле только что появившихся сведений.

«И что бы это значило? Если возникшие обстоятельства имеют под собой реальную почву, невыдуманные или не преследуют сугубо определенную цель, тогда это одно. С этим можно еще смириться. Такое хоть и редко, но случается. Когда один и тот же объект подпадает под зону интересов двух силовых структур. Это еще несмертельно. А если это совсем не так? Если это продолжение игры все тех же загадочных структур? Тогда это очень хреново. Если те, кто в конечном счете, не поделив янтарь, ухлопали советника и могут влиять на СБУ, тогда это все. Тогда, ховайся. Таких правдоискателей, как я и Хрущ, – сотрут в порошок. С генералом, допустим, могут еще и поцацкаться. Но с нами – нет. И что мне делать? Нет. Надо звонить генералу. Второй раз за день – это не есть хорошо. Опять же, разве это от меня зависимо? Я ведь теперь и не шишка совсем. Простой чернорабочий. Вышел я из доверия на Банковой. Генералу доверили руководство операцией. Как там Иван Васильевич говорил про армию: «я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак», – Васюта ехидно улыбнулся, на всякий случай оглянулся по сторонам и набрал на мобилке номер генерала. Благо, менять SIM-карту не понадобилось. Аппарат был в нужном режиме.

– Але! Это я. У меня проблемы.
– Ты откуда звонишь?
– Из сквера недалеко от Еврейской.
– Ага, как раз ты угадал. Думаешь, что я Одессу знаю как свои конечности? Меня интересует, ты один?
– Как перст.
– Понятно. Что случилось?
– В общем, то чего мы ожидали – случилось. СБУ действительно пасет какую-то фирму.
– Ну и пусть пасут. Мы-то с какого боку припека к этой фирме? Пусть у них голова болит, а не у нас.
– Дело в том, что к той фирме привязаны наши водители.
– Это точно?
– Более чем. И заниматься этими водителями УСБУ нам не разрешает.
– Тебя что-то настораживает?
– Есть немного.
– Думаешь, началась какая-то закулисная игра? Нам кто-то пытается вставлять палки в колеса? С какой целью? Если ты в Середняках не успел глубоко сунуть свой нос в их огород, тогда нечего панику поднимать. Хотя Середняки, янтарь и Одесса – в один огород тяжело вписываются. Площади да и расстояния слишком большие. Да и сомневаюсь я, что между Полесьем и Одессой есть какая-то связь. Тем более, чтобы в основе этой связи был янтарь. Направление рынков сбыта диаметрально противоположное. Твои предложения?
– Поручил Хрущу... – подполковник полностью передал генералу недавний разговор со своим помощником, Виталием. Больше того, свои решения он довольно качественно подкрепил оперативной необходимостью.

– А дальше что?
– Вы имеете в виду майора? Думаю, здесь ему больше делать нечего.

– Отправь-ка ты его в Середняки. Он там не засвеченный, так что пусть в официальные органы не обращается. Имеет полное право, так как будет выполнять лично тобой поставленные задачи. Сориентируй его на отставном капитане и на этом втором, как его?

– Старший лейтенант Полох. Разрешительная система.
– Вот, вот. Пусть они там втроем и пошорудят немного. Пусть попытаются сунуть свой нос в разработки янтаря поглубже. А мы поглядим. Если одесские эсбэушники быстро отреагируют на наше новшество и отдадут нам водителя без всяких условий, тогда...

– Я понял. Это называется, на живца.
– Только пусть там твой помощник глядит в оба. Не расхолаживается и не устраивает цунами. А то я вас, молодежь, знаю. Сунь палец в рот – по плечо отхватите. Ты меня понял?

– Так точно.
– А что сам думаешь делать?
– Так задачу, которую вы мне поставили, еще никто не отменил. Тем более что для ее исполнения, очень надеюсь, разрешение УСБУ не требуется.

– Все верно. На всякий случай дай этот номер своему помощнику. В случае чего, пусть немедленно выходит на меня. Все. До связи.

«А что? Это отличная идея. Лучше не придумаешь. Одним выстрелом двух вальдшнепов. Только что-то я таких удачных выстрелов почти не слышал. А вдруг не сложится? Хрущ муравейник в Середняках разворочит, а пользы от этого не будет. Да ладно, лишь бы хуже не было. Виталия мы проинструктируем до слез. Да и помощник у него в Середняках толковый будет. Натан свое дело туго знает. А мы пройдемся по семейке Конопляных с этого края. Так сказать, со стороны северного берега Черного моря. А вдруг, как считает Подoliaко, ниточка именно отсюда и потянется? Вот будет смеху. Тянули с одной стороны – оборвалась. А почему оборвалась? И ничего еще не оборвалось. Пока что ничего не ясно. Фура засветилась именно на перевале. Ни в Середняках, ни в Одессе. Но и это еще не все. Иван Васильевич обязательно что-то еще там нароет. Это же не опер, это Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро в одном лице. Тянули с Середняк – тоже пока нуль на выходе. Я имею в виду по делу об убийстве. Теперь попробуем потянуть отсюда, от Южной Пальмиры. Решено, звоним Виталию, пусть собирается в поход», – с этими словами он снова взял в руки мобильный телефон.

– Виталий? Не перебивай! Слушай меня внимательно. Ты что-нибудь успел уже сделать?

– По «Шроту», водителям и фуре? По «Шроту», «копейке», угробленной фуре – все. По водителям и их фуре – извини, не успел. Что-то случилось?

– Типун тебе на язык. Откуда ты взял?

Опытный образец

Подполковник Васюта не стал кланяться в УБОП УМВД в Одесской области машину. Хотя, как представитель Главного управления по борьбе с организованной преступностью, причем не совсем простой смертный, а самый что ни на есть начальник отдела по раскрытию особо важных дел, имел на это право. Но не стал. Это было в его характере. Правда, выпускал он это наружу не так уж и часто. Видимо, сегодня был какой-то особый случай. И что самое интересное, на него, на этот случай, повлияло само настроение подполковника. А уж на настроение – неожиданное вмешательство в процесс такой грозной фирмы, как УСБУ. Причем настолько неожиданное, что Илья над такой неожиданностью мысленно продолжал размышлять всю дорогу. Аж до самого провинциального городишка Белгорода-Днестровского.

Этот город он знал давно. Еще бы, жить в Одессе и не отдыхать в те самые приснопамятные советские времена дикарем на пляжах в Затоке? Не мотаться по выходным на «подводных крыльях» из Затоки в Аккерман (одно из официальных старинных названий Белгорода-Днестровского) на его богатый и дешевый рынок? Не чувствовать себя великим знатоком двестишестидесятилетней истории, рассказывая смазливому приезжим заарканенным на пляжах девчонкам как о возникновении самого города, так и его знаменитой крепости, по остаткам стен которой он и гулял с ними? Этот городишко Васюта знал хорошо. Правда, по истечении определенного времени, существенно подкрепленного ГКЧП, историческими событиями театрализованного представления под названием «путч», городишко этот изменился чуть ли не до неузнаваемости. По большому счету во многих вопросах, в том числе и по чистоте, совсем не в лучшую сторону.

Выйдя у вокзала из «богдана», Илья, не раздумывая, направил свои стопы в сторону городского отдела милиции. Именно там в недалеком прошлом он вместе с полковником Кашаевым и местными правоохранителями отработывал различные версии поиска как убийц гражданина Меринова, так и пресечения попытки сбегать за бугор сестричку известной на весь мир скифской пекторали. *(Подробнее об этом в романе «Заколдованное ожерелье».)*

О той операции Васюта вспомнил буквально при въезде в город. На том самом перекрестке, на котором они совместно с подразделением «Беркут» брали тех киевских бандитов. Чем дальше он продвигался в сторону горотдела, тем чаще стали появляться новые воспоминания. «А вот и переулок Зеленый. Помнится, здесь, в генеральской гостинице «Зеленая, 8», начальник милиции подполковник Янков устраивал нас на ночлег», – Илья улыбнулся. – А вот где-то там, – он даже глаза вскинул в том направлении, – лиман, «Замок» и катер Владимир. До чего вкусными были те шашлыки, приготовленные, как говорил капитан из Одесского

– Так в этом деле, Илья, столько неожиданностей, что впору что угодно подумать. Нет. Я ж... чувствую, что что-то случилось. Ужин отменяется.

– Вот тут ты угадал. Ужин точно отменяется. Значит, так, завтра ты должен быть в Середняках.

– Где?

– В Середняках. Есть такой городишко в Ровненской области. Там найдешь бывшего капитана «угро» Толчинского Натана Израилевича.

– Еврея?

– А ты что, из ярых антисемитов? Записывай номер... Позвонишь, он тебя встретит. Твоя задача, вместе с Натаном и Полохом, бывший опер тебя с ним познакомит, навести небольшой шорох в фирме «Полесье».

– Чем она занимается?

– Всяко разное. Но это официально. Неофициально – несанкционированной добычей янтаря.

– Кто «крышует» эту фирму? Госчиновники, правоохранители или криминал?

– Вот в этом ты и должен сначала разобраться.

– Ага. Веселое начало. Сначала разобраться кто «крышует», а потом пресовать, так?

– Я думаю, до этого не дойдет. Во всяком случае, все свои действия ты должен согласовывать со мной или...

– Или с кем?

– Запоминай номер мобилки, – Илья с чувством, с толком, с расстановкой продиктовал серию цифр.

– Это что, 02 для меня?

– До чего ты сообразительный. Думаешь, чей это номер? Угадай с трех раз.

– Во всяком случае, на номера дежурного по райотделу милиции, «скорой помощи» и даже пожарников совсем не смахивает. Но главное, чтобы не дежурного паталогоанатома. Я ведь могу и не успеть позвонить ему. Слишком много циферий.

– Типун тебе на язык, шут гороховый. Это номер генерал-лейтенанта Подоляко. Личный. И учти, этот номер знают немногие. Так что пользуйся им с умом и по мелочам постарайся старика не беспокоить. Усек?

– Яснее некуда. А ты куда?

– Я поехал в Белгород-Днестровский. Попробуем подобраться к прошлому семейки Конопляных с этого боку. Глядишь, чего и нароем. И постарайся до отъезда поставленную задачу выполнить в полном объеме. Протоколы допросов и фотобланки оставишь в УБОП на Осипова.

– У дежурного?

– Нет! У генерала. Я его предупрежу. Все, желаю успеха. До связи.

Поднявшись со скамейки, Илья не стал возвращаться на Еврейскую. С зеленой зоны Александровского проспекта можно было добраться до железнодорожного вокзала прямо. Минувя Старо-Базарный сквер аж до ул. Пантелеймоновская. А там до Привокзальной площади рукой подать.

Уже через полчаса он сидел в «Богдане» 560-го маршрута, следовавшего до города Белгорода-Днестровского.

УБОПа Васильченко, на воде, – при воспоминании о шашлыках у Ильи слюнка сразу наполнила рот.

– Какими путями к нам? – после соответствующего обмена представлениями спросил у Васюты хозяин кабинета в здании на Тимирязева.

– А где сейчас подполковник Янков? Кажись, Иван Дмитриевич, да? Я не ошибся? – вопросом на вопрос ответил Илья.

– На заслуженном отдыхе, – не вдаваясь в подробности, ответил главный милиционер города и района.

– Если быть кратким, то по поручению с Банковой ГУБОП ведет дело по раскрытию убийства одного из советников президента по экономическим вопросам. Должны были слышать. Кстати, вы разве не получали официального уведомления по линии государственной администрации об оказании нам всяческой помощи в этом деле?

– Как не получали? – лицо хозяина кабинета расплылось в улыбке. – Больше недели тому получили. А что, следы ведут в наш провинциальный городок? – улыбка буквально испарилась с лица подполковника милиции.

«Ого! Да у тебя даже кресло под телом закачалось. Еще бы, услышав, что след от такого преступления прямоком тянется во вверенное тебе хозяйство, оболочку-то ненароком содержанием и замарать можно. А если еще прояснится, что и исполнитель такого преступления из этого городишка, тогда что? Тогда сливай воду. Да такой недосмотр на Банковой даже без диоптрии узреют. И за такой недосмотр, дорогой, увольнение без выходного пособия светит тебе как клятва пионера. Это точно. И ты это прекрасно знаешь», – возмущению Ильи не было предела. Приличную дозу отрицательных эмоций внесли только что произнесенные слова о том, что Иван Дмитриевич Янков отправлен на пенсию. Причем, каким тоном это было сказано? Будто речь шла совсем не о человеке, которого «важняк» считал, и имел на это право, настоящим блюстителем правопорядка в городе, а каком-то прохиндее, в лучшем случае, исполнявшем обязанности подай-принеси. Секретаря на побегушках. – И за что вы его так? Новая метла да по-новому?.. Толковых специалистов на свалку, а молодежь с ее потенциальной тягой к чинопочитанию и не простому, а подкрепленному «конвертируемой валютой», к корыту? Верной дорогой шагаете, граждане-демократы. А если тебя слегка пугнуть? – Васюта моментально стал отрабатывать возможность выгоды от такого стечения обстоятельств.

– И что, след тянется в наш городишко? – снова повторил свой вопрос хозяин кабинета.

– Ну, во-первых, этот городишко играет в биографии убитого не последнюю роль. Здесь жили его родители, здесь он рос, ходил в школу, женился, развелся, наконец... Кстати, мать его до сих пор живет в вашем городе. И бизнесом он здесь начал заниматься... Так что, как вариант, вполне мог в прежние времена кому-то из вашего городишка, как вы его называете, наступить на хвост.

– А как его фамилия? Простите, запомнил...

– Потерпевшего? Конопляный Александр Тарасович.

– Теперь вспомнил. В циркуляре было... Я так понял, что вы нуждаетесь в нашей помощи, да? – хозяин кабинета был сама любезность. – Только я не знаю, чем мы можем вам помочь? Свободных людей, из числа оперов, у меня нет. Людей вообще катастрофически не хватает.

– В помощи операми я не нуждаюсь. Во всяком случае, на данном этапе.

– Транспорт?

– Не сегодня. Завтра – вполне возможно машина мне понадобится. Но только после того, как получу ответы от матери и первой жены. Для начала мне нужно на пару тройку дней где-нибудь остановиться.

– А у нас гостиница имеется.

– На берегу лимана?

– Да! А что? Вы там уже останавливались?

– Было дело. Там до сих пор тепло отключено?

– Ну зачем вы так? Тепло к зданию гостиницы подключено и в комнатах тепло. Я сейчас позвоню.

«Конечно, можно было бы и помощника попросить, и машину уже с сегодняшнего дня... И куда бы вы не делись, уважаемый. В циркуляре с Банковой четко сказано об оказании помощи. Ну да ладно. Не будем вас, уважаемый, раньше срока напрягать. Тем более что помощник мне на данном этапе абсолютно не нужен. Таскать за собой лишние уши? На кой ляд они мне? Сам пока не знаю, что делать придется», – выйдя на Тимирязева, Илья зыркнул глазами вдоль улицы сначала в одну сторону, а потом в другую. И только после этой процедуры наострил лыжи в сторону центра.

Помня, что отец Конопляного-младшего до трагической гибели работал на узле связи, Васюта в первую очередь направился туда. Он хотел сначала пройтись по линии отца, потом побеседовать с матерью и уже под занавес поговорить с первой вдовой убитого советника.

– Здравствуйте, уважаемая! – войдя в приемную начальника ЦЭС № 1, поздоровался Васюта.

– Здравствуйте, здравствуйте! – ответила секретарша, обладательница солидной фигуры, даже не повернув головы. Лишь краем глаз сверкнув в сторону вошедшего. – Я слушаю вас! – продолжая стучать по клавиатуре печатной машинки, уточнила она.

– Мне бы, уважаемая, к начальнику, – прочитав на дверях фамилию, имя и отчество, – Пхиденко Анатолию Ивановичу, с секундной задержкой продолжил вошедший.

– Простите, а по какому вопросу? – не отвлекаясь от машинки, продолжала задавать вопросы светловолосая хозяйка приличного бюста. – Если по вопросу установки телефона – тогда вам надо в седьмой кабинет. Если по вопросу ремонта линии – тогда в старое здание, в отдел ГТС.

– Нет, уважаемая, – Васюте такой диалог потихоньку начинал надоедать. – Видите ли, я представитель Главного управления по борьбе с организованной преступностью, подполковник милиции Васюта...

Уже при первых словах стоявшего у барьерной стойки работа пишущей машинки резко стопорнула. Будто получила условный сигнал «Замри!», а лицо самой блондинки при этом стало медленно поворачиваться в сторону посетителя. Причем с постепенно увеличивающимися глазами. Остановив свой взгляд на рослом, физически развитом и еще не старом мужчине, хозяйка приемной изобразила на лице странное выражение. Будто бы и извиняющееся, но вместе с тем четко выражавшее, что в этом кабинете хозяин только один. ОНА. И всякие там главные и не главные управления ей до лампы. Во всяком случае, на данном этапе.

Встретив такой взгляд, Илья достал удостоверение и в раскрытом виде присовокупил его к своим словам. Хотя на таком расстоянии удостовериться в словах посетителя было практически не возможно. Даже при помощи очков секретарши. Явно с увеличительными линзами. И все же такое действо ситуацию в приемной изменило. После затянувшейся паузы появился звук.

— А вы знаете, Анатолий Иванович сегодня в Одессе. В нашей филии, извините, — и было не понятно, то ли извинения относились к прохладной встрече посетителя, то ли за то, что начальник в отъезде. А может, и за все вместе. — Но есть заместитель, начальники участков. Может, они смогут решить ваши вопросы?

— В таком случае меня бы устроил отдел кадров.

— А это по коридору почти напротив. Вас проводить?

— Нет, спасибо. Думаю, не заблужусь, — перестраховал себя Васюта. И уже через минуту задавал свой вопрос начальнику отдела кадров. Женщине приятной внешности с интересной фамилией — Водолазова.

— Как вы сказали? — переспросила Елена Сергеевна Васюту, услышав фамилию, которая его интересовала.

— Тарас Александрович Конопляный. До переезда сюда он работал на узле связи в городе Ровно. И работал он там, если я правильно понял, станционным механиком.

— В каком году это было?

— Вначале 1967 года.

— О-го-го! Почти сорок лет прошло.

— Согласен, давно это было. Но чрезвычайное происшествие, во время которого он погиб, произошло не так и давно. По моим данным, в 2000 году.

— Нет. Я всего несколько лет здесь работаю. До меня тут работала жена бывшего начальника центра.

— А сейчас она где?

— Умерла.

— Простите. А почему бывшего начальника? Он что, тоже?

— Господь с вами. Владимир Иосифович жив здоров. Правда, он сейчас на другой должности. Начальник гражданской обороны нашего ЦЭС № 1.

— Тогда он должен помнить.

— И не только он. Если этот Конопляный, я правильно называю?

Васюта молча кивнул головой.

— Так вот, если этот Конопляный, как вы говорите, работал станционным электромехаником, тогда и начальник станционного хозяйства должен его помнить.

— Я совсем не утверждаю, что у вас он работал на станции. Больше того, знаю точно, что погиб он из-за падения опоры.

— В таком случае он мог работать простым электромонтером. Но это только мои предположения. Вам бы надо встретиться с нашим Зеньковским Валерием Николаевичем. Все электромонтеры ему подчиняются. И в селе, и в городе, — руководитель кадров тут же повернула к себе аппарат, сняла трубку и быстро набрала номер телефона. — Але! Валерий Николаевич! Тут у нас представитель из Киева. По какому вопросу? У нас работал некто Конопляный?

— Тарас Александрович? Работал. Только он погиб. Несчастный случай, — ответила трубка.

— Тогда я направляю к вам товарища Васюту Илью Бенедиктовича. У него есть вопросы к вам. Вы его, пожалуйста, встретьте. А то в ваших лабиринтах и заблудиться можно. Хорошо? Значит, так, — положив трубку в гнездо аппарата, обратилась женщина уже к Васюте. — В глубине двора одноэтажный домик. Там и размещается хозяйство Зеньковского. Он вас встретит. А я сейчас постараюсь найти Владимира Иосифовича и тоже приглашу его туда. Идет?

— Пожалуй. Вы очень добры. Так вы говорите в глубине двора? Спасибо вам. До свидания.

Спустившись со второго этажа, Васюта вышел во двор. Рядом с курительной урной стояли два мужика. Один высокий, с сединой на висках и большими усами. Второй — явно водитель. Первый изображал из себя заядлого курильщика. Не успев докурить одну сигарету, он тут же достал вторую и принялся прикуривать от окурка первой. При этом что-то еще пытался объяснить стоявшему рядом, вертящему на указательном пальце правой руки цепочку с брелком и ключом от зажигания.

— Вы не подскажете, как мне попасть в хозяйство Зеньковского? — спросил Илья исключительно, чтобы не тыкаться в различные двери как баран в ворота.

— Пройдете прямо к тому домику, — показывая в середину двора, стал объяснять водитель. — Вход в домик с глубины двора. И сразу налево.

— Спасибо! — поблагодарил Васюта, направляясь к одноэтажному серому домику. У входа в здание его уже ждали.

— Здравствуйте! Мне нужен Валерий Николаевич, — поздоровался он с невысоким мужчиной, стоявшим у входа в помещение.

— Здравствуйте! Валерий Николаевич — это я. Пройдемте. Присаживайтесь, — предложил он, как только они вошли в помещение. — Я слушаю вас?

— Моя фамилия Васюта Илья Бенедиктович. Я сотрудник Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД Украины, — доставая удостоверение, представился Илья.

– И чем мы так провинились, что нами заинтересовалось такого грозное управление МВД? – хозяин кабинета и не пытался абстрагироваться от фирмы, в которой работал. Тем более после услышанного от начальника отдела кадров.

– В 2000 году у вас произошел несчастный случай.

– Да. Погиб электромонтер Конопляный. Только нас уже тогда проверяли...

– Вы меня неправильно поняли, – видя напряженность представителя узла связи, поспешил уточнить подполковник. – Я не собираюсь выяснять обстоятельства его гибели. Это не по нашей кафедре, если можно так выразиться.

– В таком случае, что вас интересует?

– Меня интересует сам погибший. Как он попал к вам, что вы знаете о его семье, с кем дружил, общался? Кстати, он ведь жил здесь, в городе? Его сын, Александр, тоже с ними жил? Я имею в виду после женитьбы?

– Понятно. Вы знаете, он ведь меньше года не доработал у нас до пенсии. И погиб-то по глупости...

– Если можно, об этом немного поподробнее.

– А простите, с чем это связано? Если это не тайна следствия?

– Мы занимаемся раскрытием убийства его сына, Александра. Я думаю, этого пока достаточно...

– Сын тоже погиб? Да-а. Мать теперь совсем загнетса. Так вот, погиб он по глупости. Мы получили, были КРКовские деревянные опоры от одной торговой фирмы. Плановое получение, – быстро поправился хозяин кабинета. – По линии нашей филии в Одессе. В то время мы очень нуждались в опорах. Любых. Так вот, все полученные опоры были быстро установлены. Но, как оказалось через какое-то время, полученные опоры не выдержали никакого срока эксплуатации. Быстро сгнили. И стали валиться у самой земли. Как подрезанные. Не только у нас, но и в других центрах электросвязи. А началось все с нас. Это случилось в районе. За населенным пунктом. Конопляный и еще один монтер устраняли повреждение на линии. Тарас Александрович мог, конечно, на опору и не подниматься. Как-никак возраст. Его напарник – намного моложе. Но он полез сам. Ведь такое могло случиться и с его напарником. Поднялся на опору как положено, применив страховочный пояс, и принялся устранять неисправность в ЯКГ...

– Простите, где устранять неисправность?

– В ЯКГ, ящик кабельный групповой. В него заходит десятипарный или двадцатипарный кабель, а от него к абонентам – ПРППМ. Двухжильный. Так вот, перед тем как подняться на опору, он должен был проверить ее, саму опору, на загниваемость.

– И как, простите, он должен был это сделать?

– Очень просто. Ткнуть в опору отверткой. Гнилую опору сразу видно. Отвертка входит в нее как в масло. Но они это не сделали. Это и была их ошибка. Мы ведь постоянно инструктируем монтеров по технике безопасности. У нас и записи соответствующие имеются...

– Значит, опора упала и придавила его. Высокая опора?

– Опора невысокая. Но Тарас Александрович упал не просто на землю. Он упал затылком на камень. Причем довольно острый... Если бы не тот камень, сломал бы руку, ногу, в худшем случае – ребра. А так... Царствие ему небесное.

– А кто был его напарником?

– Его напарником был молодой парень. Он у нас только-только начал работать. Как говорится, учился. Его поэтому к Конопляному и определили. Он его обучал всем премудростям работы связиста. Если честно, то тому парню тогда еще и семнадцати не было. У него мать одна. Отец их бросил. Тяжело матери одной. Вот его и взяли. Как-никак зарплату у нас постоянно выплачивают. Как положено, с авансом. Да и заработки неплохие. Считайте, премия ежемесячно...

– Хорошо. А как он попал к вам на работу?

В это время открылась дверь и в кабинет вошел невысокого роста полноватый мужчина в куртке нараспашку и спортивной вязаной шапочке на голове.

– Здравствуйте. Мне тут кадры позвонили... Это вы интересуетесь тем несчастным случаем?

– Здравствуйте, Владимир Иосифович. Подполковник милиции Васюта. Я из Киева. Но меня, в принципе, суть несчастного случая меньше всего интересует.

– Представителя ГУБОП интересует сам Конопляный и его семья, – включился в разговор Зеньковский.

– Простите, а с чем это связано?

– А у вас здесь порядки чуть ли не армейские. Вы случаем в армии не служили? Я имею в виду офицером. Чувствуется, армейская закалка.

– Капитан запаса. Служил в войсках спецсвязи. Правительственной связи.

– Тогда понятно. Ваши войска подчинялись КГБ, так?

Вошедший молча кивнул головой.

– Погиб сын бывшего нашего электромонтера. Помните его? Он еще бизнесом занимался – подключился к разговору Валерий Николаевич.

– Как не помнить. Вначале девяностых он аккумуляторами занимался. С Болгарии, Германии и других европейских государств привозил, а у нас продавал. Тогда с аккумуляторами вообще был завал. Попробуй достать. Машин навезли море, а с запчастями худо. Хороший фундамент своего будущего бизнеса он у нас подготовил. Я слышал, что он еще и лесом занимался где-то под Ровно. А как выборы прошли и Ющенко стал президентом, он в Киев переметнулся. Советником стал. У Ющенко тогда советников было как собак нерезаных. Даже Немцов ему что-то советовал. Явно, как державу разваливать. А что, у того опыта в этом деле выше бровей. С Ельциным работал. В одной упряжке. А при том фокуснике с России тащили все и всё что только можно было.

– Да ладно, Бог с ними, с россиянами. Нам бы в своем хозяйстве разобаться. Вы не помните, как сюда попал Конопляный? Переводом или

как? Что-то у вас здесь строили в те годы? Не это ли здание, в котором начальство сейчас сидит?

– Нет. Эту высотку уже при мне строили. А как он сюда попал? – Коваленко сотворил на лице нечто похожее на лягушку. Особенно губы. – Дай Бог памяти. В каком это году было? – говоривший в упор посмотрел на Зеньковского так, будто дата была выгравирована у того на лице.

– Что вы на меня так смотрите, Владимир Иосифович? Я ведь тогда еще здесь не работал.

– Да я знаю. Меня ведь тоже тогда здесь еще не было.

– По моим данным, его перевели к вам с Ровно вначале 1967 года. Он на тамошном узле связи станционным механиком трудился.

– Подождите, подождите... У нас как раз в тот год начинали монтировать опытный образец ИКМ-12С, аппаратуры уплотнения телефонной станции. Точно. Тогда по приказу из Москвы была сформирована группа специалистов по монтажу станции нового поколения. Вот их, специалистов, в эту группу и собрали со всего Союза. Точнее, с Москвы, Питера и Украины. Точно. А монтировали они станцию в селе Курортном. В те годы там часто большие шишки отдыхали. Я имею в виду летом. А связь какая была? Один кабель до нашего узла и все. Такой расклад их не устраивал. Вот Москва и решила смонтировать на базе узла связи с Курортного станцию нового поколения. Такой себе ускоренный уплотнитель. В том деле непосредственное участие принимал Московский научно-исследовательский институт связи. Как говорится, тогда Белгород-Днестровский районный узел служил таким себе небольшим полигоном для испытания новых средств связи. Теперь я вспомнил. В смысле, не сам процесс... Года три тому я формуляр нашего центра связи читал. Там все записано. Когда, что и какими силами. У нас же тогда что было, одна декадно-шаговая станция и все. А летом связь всем нужна. Тем более шишкам из Москвы. Вот так и попал к нам этот Конопляный. Станцию построили и кое-кто остался здесь. А что, природа и погода – замечательные. Лиман, море. Только я чего-то не помню, чтобы он на станции работал.

– А он там и не работал, Владимир Иосифович. Как только в Курортном ИКМ-12С смонтировали, он сразу в сельский участок телефонной связи перешел. Так и работал монтером. Когда я с Затоки перешел на работу сюда, он уже здесь работал.

– А что, монтером лучше? – Васюта посмотрел сначала на Зеньковского, а потом и на Коваленко.

– Как вам сказать? – улыбнулись оба, но ответил Владимир Иосифович. – У монтеров работа труднее, спору нет. Но и привилегии есть. Установишь телефон – обязательно что-нибудь в руку да сунут. Трешку, пятерик... В крайнем случае, сто грамм и пончик – гарантированы. Народ у нас добрый. Сначала приучит к поборам, а потом кричит да ругается на чем свет стоит, что без магарыча никто ничего не хочет делать.

– Понятно. А что вы можете сказать о нем и о его семье?

– О семье – ничего. Жена, сын один. Но сам он трудолюбивым был. Чтобы пьянствовать, так нет. В компании, когда праздники, – тогда да. Не

отказывался. Жену видел несколько раз, а вот сына – нет, – вопрос о семье принял на себя Зеньковский.

– А вообще, недоброжелатели, скажем так, у его семьи какие-либо были? Городишко у вас не такой уж и большой. Может, слыхали что? Особенно, у его сына? Я имею в виду в связи с его бизнесом здесь, у вас?

Коваленко и Зеньковский посмотрели друг на друга, изображая глазами и губами удивленный взгляд. Даже слегка вобрали головы в плечи. Что должно было означать только одно: «и духом не слыхали».

– Понятно, – Васюта озвучил такое выражение физиономий по-своему. – Ну что ж, не буду вас отвлекать от дел праведных. Но если у меня возникнут еще какие вопросы, я могу рассчитывать на вас?

– Всегда готов! – воскликнул Коваленко, с улыбкой вскинув ладонь в пионерском приветствии. – Чем сможем – поможем нашим доблестным правоохранительным органам.

Второй собеседник Васюты, хозяин кабинета Зеньковский, был более сдержанный. Он вообще ничего не сказал. Только развел руками. Это могло означать и присоединение к словам Коваленко, и известное выражение: «Если вы будете настаивать...»

– Домашнего адреса его вы, конечно, не знаете, да? – Васюта сделал последнюю попытку хоть что-то положительное выудить из разговора. Зря, что ли, битый час потратил на это!

– Лично я и понятия не имею, – слегка сбив вязаную шапочку на макушку, улыбнулся Коваленко.

– Пойдите, пойдите, где-то у меня должен быть. Если только я свой карманный архив не выбросил, – Зеньковский нагнулся к левой стороне двухтумбового стола, несколько секунд поковырялся в нижнем ящике и достал оттуда старую кожаную папку с тисненными большими буквами наискосок слева направо вверх «Одесса».

– Простите, Валерий Николаевич, только это уже совсем не карманный архив. Это намного больше...

– Ну вот, я что говорил? – перебил Васюта Зеньковский. – Вот он. Здесь домашние адреса всех электромонтеров, которые работали у меня до 2002 года. Сейчас найдем и Конопляного. Улица Леона Петрова, 2а. Частный дом. Почти рядом с нашей крепостью. И телефон имеется. Вы наш город знаете?

– Подождите, подождите. Это не та улица, что тянется вдоль лимана? Мимо мемориала погибшим воинам, гостиницы?

– Точно. А вы что, в гостинице остановились?

– А можно бы номер телефона вдовы Конопляного. Кстати, она что, так замуж больше и не вышла? – не вдаваясь в подробности своего будущего места проживания, вопросом на вопрос ответил убопонец.

– Чего не знаем, того не знаем, – оба представителя узла связи изобразили виноватые лица. Мол, что говорить? Виноваты мы, и все дела тут. Прошло столько лет после смерти нашего работника, а мы и думать о его семье забыли. – Вы знаете, – спохватился Зеньковский. – На этот вопрос вам может дать точный ответ наш профсоюз. Там у нас женщина руково-

дитель. Она и поздравлениями к праздникам занимается, и подарками ветеранам, и встречи организует. Я сейчас зайду к ней и уточню. Ее кабинет напротив моего.

– Да ладно, Валерий Николаевич. Все равно мне надо с ней встретиться. Вышла она замуж или нет, рояли, как говорится, не играет. Рад был познакомиться с вами. И извините за беспокойство. Служба, никуда не денешься. До свидания, – Илья Бенедиктович поднялся со стула. Поднялись со своих мест и оба представителя ЦЭС № 1. Они добросовестно исполнили обязанности гостеприимных хозяев. Провели его аж до выхода со двора. И правильно сделали. Ибо принять узкий проход между зданиями за выход со двора, не каждому дано. Тем более впервые посетившему это заведение. Больше того, на прощанье довольно доступно объяснили представителю из Киева, каким маршрутом добраться и до крепости, и до улицы Леона Петрова, и даже до гостиницы.

Илья не стал звонить вдове Конопляного. Поразмыслив логически, решил идти напропалую. Вдова уже в возрасте, во всяком случае, в пенсионном. Так что по идее должна находиться дома. Не квартира, частный дом. Весна на носу, грядки, рассада и все такое прочее. По хозяйству...

На этот раз его логическое мышление было правильным. Вдова была дома. И даже одна.

– Здравствуйте, Мария Петровна! – поздоровался Илья с женщиной в черном платке и накинутой на плечи куртке, подошедшей к калитке. У дома на цепи заливался лаем приличный волкодав. Васюте пришлось несколько раз нажать на пупок звонка, прикрытого искусно вырезанным из полиэтиленовой бутылки козырьком. Дом стоял в глубине двора, и услышать от калитки звонок работает или нет, было практически невозможно. Вдобавок ко всему, как только подполковник остановился у калитки, псина зашлась агрессивным лаем.

– Здравствуйте! – ответила удивленная женщина, но открывать калитку не спешила. – Вы ко мне?

– Если вы, Мария Петровна Конопляная, тогда к вам.

– А по какому вопросу? Простите, кто вы?

– Я подполковник милиции Васюта Илья Бенедиктович, – Илья достал удостоверение и показал его женщине в развернутом виде. – Для начала мне бы хотелось выразить вам свое соболезнование. И если вы мне позволите, я бы задал вам несколько вопросов.

– По поводу смерти моего сына?

– И не только. Я занимаюсь раскрытием этого преступления.

– А вы откуда, из Закарпатья? – предположил к желанию открыть калитку, хотя бы, пока не наблюдалось.

– Нет. Я из Киева. По поручению президента, – чувствуя, что попасть во владения частной собственности на данном этапе пока не улыбается, Васюта решил привлечь на свою сторону артиллерию главного калибра.

– Хорошо, – смягчилась наконец-то женщина, открывая ключом калитку. – Проходите. Только я гостей не ждала. Так что не обессудьте.

– А мы не из высшего света. Считайте, чернорабочие, – следуя в шаг за женщиной, ответил Илья, на всякий случай, величая себя на «вы».

– Разуваться не надо. Я еще не убиралась. Проходите в комнату. Кофе, чай?

– Оружие, наркотики? – улыбнулся Илья. – Реклама такая есть. За чашку кофе буду вам очень благодарен.

– Проходите в комнату и присаживайтесь. Я сейчас.

– Значит, все же это не простая авария? – войдя в комнату с двумя чашками кофе и небольшой сахарницей с кусковым сахаром, сразу вступила в разговор хозяйка. – Я так и знала, – расставляя чашки на столе, продолжила она. – Печенье?

– Нет, спасибо. А вам разве не говорили, что это не простая авария?

– Я только вчера вернулась с похорон. Вторая жена у Сашеньки с Ужгорода. Там его и похоронили.

– Мария Петровна, расскажите о себе, о вашей семье, о родителях мужа, о сыне. В общем, обо всем. А если у меня возникнут какие вопросы, я вам их задам. Принимается? – отхлебывая глоток горячего, как раскаленный металл, кофе, начал Васюта.

– Родом я... – женщина замолчала. Так продолжалось несколько секунд. – Нет, лучше вы задавайте мне вопросы, а я постараюсь на них ответить. В противном случае мой рассказ превратиться в какую-то белиберду. Буду прыгать с начала в конец и обратно.

– Если вы считаете, что так будет лучше, – я готов. Вы что-нибудь об отце своего мужа знаете?

– Об Александре Тарасовиче Конопляном? Почти что ничего. Слышала от мужа и его матери, что он пропал без вести в первые дни войны. Знаю точно, что до войны он служил в Ровненском областном МГБ. Вообще-то, и мать, и сын, мой муж, старались об этом разговоры не вести. Сами знаете, какое время было. Тарас, мой муж, говорил, что мать в первые послевоенные годы несколько раз вызывали в МГБ. Будто она там где-то в середине пятидесятых даже несколько дней провела. Потом отпустили. И днем, и ночью допрашивали.

– А они что, так о нем ничего не знали? В смысле, как пропал, где, когда? – быстро поправился Васюта.

– Ничего. Дело в том, что с его матерью мы недолго вместе прожили. Около трех лет. Потом сюда переехали.

– А туда вы отсюда часто ездили?

– Я почти не ездила. Не было к кому. Мои родители скоростречно преставились, когда мне было восемнадцать. Я ведь после их смерти быстро замуж выскочила. С Тарасом мы дружили задолго до его призыва в армию. Он вернулся, и мы сразу поженились. Его мать, Богдана Петровна, не в большом захвате была от выбора сына. Пока жили мои родители, еще ничего. А как умерли – резко изменила свое отношение ко мне. Поэтому мне не очень-то и хотелось туда ездить. А вот Тарас, он ездил довольно часто. Считайте, ежегодно.

– Как вы думаете, он тоже ничего не знал о своем отце?

– Вы знаете, году где-то в семидесятом или семьдесят первом, я уже и не помню точно, после возвращения оттуда он что-то такое говорил, что его отец сопровождал колонну с какими-то ценностями. И вроде их всех немцы побили. И будто случилось это недалеко от Середнян в конце первой недели войны.

– А он не говорил, откуда это узнал? От матери или от бывших сослуживцев его отца?

– Нет. Ничего не говорил. А я не спрашивала. Мы так об этом больше ни разу и не говорили.

– А с Александром он об этом не говорил?

– При мне нет.

– А как он стал бизнесменом? Я о сыне.

– Думаете, я знаю? Как все. Он ведь учился у нас в первой школе и учился неплохо. После армии работал на севере. В аккурат почти до развала Союза. Так что кое-какие запасы у него были. Все хотел «Волгу» купить. И обязательно чтобы была черная. Но «Волгу» купить было трудно. Переплата большая требовалась. Вот цена и кусалась. А деньги-то своим горбом были заработаны, вот ему и жалко было. Встретился с каким-то одесситом. Тот вроде из горкома комсомола был. Уговорил его ездить за границу. У того был доступ к товарам. Помните, как тогда было? Посуда, мельхиор, под золото, всякие там ложки, вилки, ложечки, ножики, инструмент всякий. У Саши деньги были, а у того – доступ к товару. Я все боялась, что его в КГБ заберут. Вот так у него появились доллары. Польша, Югославия... Оттуда приемники, магнитофоны, видео... А после развала Союза, где-то через год или два, он уж наладил свою фирму. Вместе с двумя местными друзьями зарегистрировали у нас в городе ООО и стали из-за границы всякие там запчасти привозить и здесь продавать.

– В основном, аккумуляторы, так?

– Да. Значит, вы уже в курсе? Только это тогда не запрещалось. Налог он платил исправно. У него даже офис был. Сначала арендовал помещение в бывшем ДОСААФе, что по Вокзальной, а потом – по улице Ленина.

– А где сейчас его напарники?

– Один в Израиле живет. Давно уже... А второй, по-моему, в Германии. У него в родстве какие-то немецкие корни проявились.

– И когда он закрыл свое ООО?

– А он его не закрывал. Он свою долю продал другу, который потом в Израиль уехал. А как тот распорядился, я не знаю.

– А почему продал? С деньгами трудно стало? Может, ему угрожали?

– Васюта моментально стал выстраивать подходящую под это дело версию.

– Нет! К тому времени у него уже была другая фирма. В 1993 году он поехал в Ровно. Там встретился с какими-то людьми; он всегда выглядел по-деловому, одевался, умел поддержать разговор.

– Был общительным.

– Да. Быстро сходилась с людьми. Так вот, пробыл он там больше месяца. Вернулся, поговорил с женой и уже в 1994 году зарегистрировал там, в Ровненской области, фирму «Полесье».

– Он один?

– Нет. Я не знаю, сколько их там было, только не один. Его жена потом, где-то года через два, как-то проговорилась, что будто бы в состав руководства фирмой входили влиятельные люди. Будто бы кто-то даже из милицеских шишек области.

– Значит, он уже к тому времени женат был?

– А я вам разве не говорила? Женился он в 1992 году. На девчонке из Круторявки. Зиной зовут, а фамилия у нее Мардарь. Она тут училась в мед-училище. Двадцать два года ей было. Через год Аллочка у них родилась. Он квартиру тут купил, на Победе. Две комнаты. А в 2002-м развелся. Что-то там у них не склеилось. Он же до 2000 года двумя фирмами руководил. И у нас, и там, в Середнянах. Часто туда мотался. Неделями там жил. Вот какая-то кошка между ними и пробежала.

– А вторая его жена тоже отсюда или оттуда, из Середнян? – дурка так и перла из уст Васюты. Он ведь точно знал, что вторая жена убитого Конопляного из Ужгорода. Вернее, из Ужгородского района Закарпатской области.

– Нет. Вторая его жена, как и я, из Закарпатья. Я же говорила. Только я из Мукачевского района, а она из Ужгородского.

– Он что, туда ездил и там познакомился с ней? – Илью все же интересовали подробности не только развода, но и создание новой семьи. Ибо в таких мелочных подробностях иногда можно кладезь веских и нужных доказательств насобирать.

– Нет. Познакомились они здесь. У нас завод есть. Ячеистых бетонов. Там такие большие кирпичи делают из пенобетона. Так вот, на нем много мужиков из Закарпатья работало. Годами жили тут и зарабатывали себе кирпичи на постройку дома. Вот однажды на лето приехала к одному мужику из Закарпатья дочь со своей подругой. Саша уже тогда в разводе был. Молодая такая. И восемнадцати еще не было. На море ездила с подругой, отдыхала. Там и познакомилась с моим сыном. Потом он туда уехал и там жил. Наверно, я во всем виновата. Надо было отговорить его от поездки туда, в Закарпатье. Может, и не случилось бы того, что случилось. Только, наверное, корни мои закарпатские свою роль здесь сыграли. Промолчала. Вот и корю себя за это. А вы, стало быть, расследуете это дело? Оно и правда, последние годы он с той женой больше в Киеве жил, чем в Ужгороде. У него в Ужгороде большая квартира. Жить бы сейчас да жить, а оно вон как повернулось. Все к чему-то стремился, добивался чего-то, гнезда обустроивал, а теперь ему уже ничего не нужно.

– А детей от той жены у него нет?

– Не нашли. Та вертихвостка молодая, ей пока гульки нужны были... Все на потом откладывала. Такая нынче вся молодежь. Пока не нагуляется, потомство не заводит. Да и потомства того – кот наплакал. От силы одного родят и все дела.

– Значит, вы никого не подозреваете, кто бы мог желать смерти вашему сыну, скажем так? Может, кому дорогу в бизнесе перешел? Кто на него зло затаил?

– Нет. Не буду грех на душу брать. Да и за последние годы я его редко у себя видела. На похоронах отца был. Похороны сам организовывал. Шикарные похороны были. А я ведь чувствовала, что такой нехороший конец будет. Еще тогда почувствовала, когда он залез в бизнес там, в Середняках. Когда он первый раз туда поехал и привез оттуда камушек янтарный. Красивый такой. Говорил, что там такого добра навалом. И никто не хочет заняться добычей по закону.

– И много он таких камушков привозил?

– Камушков мало. Несколько штук. А вот изделий из янтаря – многим дарил. И мне, и Зине, и дочке Алле, и той новой жене. Знакомым еще... Друзьям...

– А из друзей своих туда он никого не взял? Я имею в виду в ту фирму, в Середняках?

– Насколько я знаю, никого. Как вы думаете, найдут тех иродов, которые моего сына на тот свет спровадили?

– Делаем все возможное, что бы их найти. Я вам очень благодарен за беседу. Своими воспоминаниями вы нам очень помогли, – Васюта не стал отмежевываться от всей управы. Одиночкам люди почти не верят. А вот если группа – значит, взялись по-серьезному.

Попрощавшись с матерью Конопляного-младшего, Васюта направился в гостиницу. Благо, это было почти что рядом. Ему нужно было отдохнуть. Больше того, не мешало подумать и о приеме пищи. Как-никак дело близилось к вечеру. Желудок, между прочим, уже несколько раз об этом напоминал. Причем довольно настоятельно. Вдобавок надо было переварить услышанное за день, сопоставить с уже имеющимися фактами, добросовестно всю имеющуюся информацию просеять и набросать хотя бы тезисно пути дальнейшей работы. А работы хватало. Он обязательно должен был встретиться еще и с первой женой убитого, нанести визит в школу, где тот учился, попытаться найти друзей и поговорить и с ними. Но это можно будет сделать и завтра.

«Китайская триада» и «пиковая масть»

Некоторые материалы данного раздела почерпнуты из интернетовского сайта ФРАЗА

Фура подъехала к центральному входу на ипподром в 17-03. Это Васюта зафиксировал с точностью до секунды. Хотя, надобность именно в такой точности на данный момент напрочь отсутствовала.

«Молодец Виталий Львович, не подвел. И как он ухитрился за такой короткий срок, считай, за несколько часов, пробить и фуру, и водилу? А почему за пару часов? – сам у себя спросил Илья. – Шутишь, брат? У него

времени было, как у тех солдат: «копайте траншею отсюда и до дембеля», – в голове мелькнул услышанный где-то старый армейский анекдот. – У него времени было ой-ё-ёй. Считай, с обеда среды и до отъезда в Середняны. Я во сколько уехал в Аккерман? В аккурат перед обедом. И все же Виталий молодец. Одно слово опер», – несмотря на носившиеся вихрем мысли, Васюта успевал фиксировать на цифровой оперативный аппарат не только саму фуру с ее номерными знаками, но и водилу, вышедшего из кабины и направившегося к проходной. Новинка способна была делать снимки даже через тонированные стекла.

Действительно, ждать ему пришлось совсем недолго. Чуть больше двух часов. Но эти два часа были потрачены не напрасно. Фура полностью подпадала под описание показаний свидетелей в Карпатах. О водиле на данный момент они ничего сказать не мог по той простой причине, что тот пока все еще находился к нему спиной.

В Белгороде-Днестровском он провел почти двое суток. В среду после обеда приехал, а в пятницу около десяти был уже в ГУБОП на Осипова. В принципе, он мог возвращаться в Одессу уже в среду вечером. Во всяком случае, не позже утра четверга. Те сведения, которые он почерпнул на узле связи и от матери погибшего советника, оказались наиболее полными за всю поездку. Хотя и они даже ни на йоту не внесли ясности в раскрываемое дело. Знакомство и беседа с первой вдовой убитого ничего нового не добавили. В принципе, такой исход будущей беседы Илья предвидел. Но выработанный за долгие годы оперативной работы принцип – доводить всякое дело до логического завершения не позволил ему вернуться, не побеседовав с Зинаидой, урожденной Мардарь. Только чтобы поехать в Крутоярровку, а это оказалось чуть ли не у черта на куличках, действительно крутые яры, пришлось потребовать в горотделе транспорт. Начальник милиции скрипя сердце выделил в распоряжение подполковника из Киева выдавший виды «луноход», как прозвали в народе УАЗ-469. Естественно, с легкой руки писателей-детективщиков.

До Крутоярровки добирались минут сорок. Кучу населенных пунктов до Староказачьего, а там – то вверх, то вниз по крутояркам аж до конца.

Ему опять повезло. поголовного ажиотажа весенне-полевых работ не наблюдалось. Несмотря на теплые дни. Явно демократия не только в городах завладела умами населения, но и в селах. И лозунг: «погожие дни вначале – весь год кормят» – канул в Лету вместе с коллективным хозяйствованием. Правда, заканчивался только февраль. Но в этих краях бывает к концу февраля в полях уже всю хозяйничают. Зинаида Николаевна была дома. Хотя толку от этого практически никакого. Услышав причину появления представителя из Киева в ее доме, женщина даже в лице изменилась. Каждое слово Васюте пришлось буквально вытягивать из нее. *«Встретились случайно... Познакомились... Пару-тройку раз посидели в «поплавке», потанцевали...»* В конце концов вся эта тягомотина подполковнику надоела, и, когда стало яснее ясного, что ничего сверхъестественного от этой беседы убоповец не получит, Илья Бенедиктович спросил напрямую:

– У меня создается такое впечатление, что вы и замуж-то вышли за него совсем не по любви?

– Сейчас уже можно что угодно говорить. Сразу после развода я над этим вопросом тоже часто задумывалась. Мне ведь тогда совсем не восемнадцать было. Двадцать два... Вполне взрослая. Понимала, что делала. А ему тем более. Двадцать восемь исполнилось. Только мне все же кажется, что любовь была. А как же иначе?

– Так почему вы так агрессивно настроены против него? Его уже нет. Или вы все еще не верите в это?

– Почему не верю? Верю.

– А он вам помощь какую оказывал после развода? Я имею в виду дочери.

– Постоянно. Ничего не могу сказать. Квартиру на Победе на дочь оформил, деньгами помогал. В общем, не заб...

«А теперь все это накрылось медным тазом. Вот почему ты, уважаемая, в такой агрессии. С убитого чего возьмешь? Ни тебе алиментов, ни тебе конвертиков», – подумал Илья, а вслух, прервав собеседницу, спросил:

– Скажите, Зинаида Николаевна, а враги какие-нибудь у него были? Все же торговля, бизнес. Тем более в те непредсказуемые годы. Может, кто угрожал ему?

– Нет. Он вообще очень быстро с людьми сходилась. Любой разговор поддержать мог. Юмор любил. Вы бы больше внимания уделили его второй жене. Та молоденькая, может, хахаля какого завела, тот из ревности и помог ему отправиться на небеса?

Почувствовав, что весь дальнейший разговор будет еще менее результативным, Васюта, поблагодарив совсем негостеприимную хозяйку, ушел обратно.

Вторая половина дня ушла на беседы с учителями и бывшими одноклассниками. Результат тот же. В данном случае можно было стопудово гарантировать старинный обычай. Об усопшем или ничего, или только хорошее. Вполне возможно, что так оно и было. Оказалось, что Конопляный-младший в свою бытность в какой-то степени и школе помогал, и некоторым школьным друзьям.

Вернувшись в пятницу с утра в Одессу, Илья прямо с вокзала отправился на Осипова. Получив от генерала конверт, он тут же, приличия ради, в кабинете и вскрыл его. Кроме обыкновенного листка в нем лежали четыре фотографии. На одной из них была четко зафиксирована полуразбранная фура без прицепа, на второй – общий план всего хозяйства «Шрот» с приличным количеством разношерстных легковых автомобилей, находящихся в довольно странном виде. На отдельной фотографии, крупным планом при все той же фуре, была зафиксирована «копейка». Была еще одна фотография, на которой во весь свой немаленький рост рядом с двадцатитонным контейнером стоял сам хозяин «Шрота».

«Серьезный эпистоляр. Это же надо. Целую страничку убористым почерком накатал».

Отложив фотографии в сторону, Васюта взял в руки письмо. Быстро пробежав весь лист глазами и вернувшись к какому-то абзацу, внимательно посмотрел на генерала – начальника УБОП УМВД в Одесской области.

– Что-то не так, Илья Бенедиктович? – быстро спросил генерал Сидоренко.

«А от вас, уважаемый «пане» генерал, ничего не скроешь. Внимательнее надо быть, товарищ подполковник, внимательнее, – тут же мысленно высек себя представитель ГУБОП, а вслух быстро ответил:

– Да нет, товарищ генерал. Ничего такого. Просто моему коллеге не очень понравились ответы хозяина «Шрота». В разговоре с ним он почувствовал какую-то фальшь. Неискренность, – на скорую руку симпровизировал Васюта.

– А что вы хотели? Это же «Шрот», а не госпредприятие по разборке автомобилей. Явно грешок за ним по линии налоговой. Я подскажу ребятам из УБЭП. Пусть пошуруют в этом «Шроте». Глядишь, чего и нароют.

– В принципе, вы правы. Это не по нашей епархии. Как говорит мой знакомый, пусть у коллег с криминальной милиции штаны преют, – улыбнулся Илья, засовывая конверт с фотографиями и письмом в черную папку. – Я вот что хотел еще спросить, товарищ генерал! Помнится, когда мы несколько лет тому вместе с полковником Кашаев работали в этих краях по одному делу, у вас трудился капитан Васильченко. Как он? Работает еще? Майора не получил? – под конец Илья даже «дурку» включил. Он-то прекрасно знал, что Кашаев до ухода на пенсию настоял-таки на ходатайстве перед министром о присвоении капитану звания майора милиции досрочно.

– Вы намекаете на дело по сестричке знаменитой пекторали? (Подробнее об этом в романе «Заколдованное ожерелье».) Вскоре по окончании того дела он майора и получил.

– Именно. Толковый парень.

– Жив, курилка. Кстати, несколько минут тому был у меня. Хотите встретиться?

– Имеется такое желание, товарищ генерал. Если, конечно, это возможно.

– А чего невозможно? Все, как говорится, в наших руках, – генерал дотянулся до мини-АТС и нажал соответствующий пупок. – Найдите майора Васильченко, пусть зайдет ко мне, – указания явно адресовались дежурному по УБОП.

Минут через тридцать они уже сидели за одним из выносных столиков кафе на Ришельевской.

– Я предлагаю, товарищ подполковник, по пару капель. Так сказать, за встречу и за новые погоны...

– Оказывается, ты уже и имя мое забыл? Быстро, быстро. Поди и не вспомнил ни разу? Как говорится, не злым, тихим словом?

– Зачем вы так, Илья Бенедиктович?

– А просто Илья, слабо? Мы же не в кабинетах при подчиненных. Давай как тогда, когда мы с тобой в том домике на одесском перекрестке

бандюков киевских ждали. Помнишь? У которых было огромное желание ожерельецо за бугорок сплавить?

— Да как не помнить. Мы с вами тогда вместе с «Беркутом» такой шорох навели, город полгода гудел. А на закуску что закажем? Здесь неплохой шницель по-одесски готовят. С картошкой-фри. Только под него лучше вино толковое взять. Как вы на это смотрите?

— Положительно. Только не сейчас. У нас еще будет время отпраздновать твое новое звание. Давай-ка, дорогой, по чашечке кофе забацаем. У меня к тебе одно деликатное предложение имеется.

— Я так и понял, что вы не ради спортивного интереса в Южной Пальмире оказались, — Тарас Михайлович как заправский завсегдатай таких заведений щелкнул тремя пальцами вытянутой правой руки, подзывая официантку. Та мигом примчалась. Еще бы, двое таких солидных мужчин. Да она уже отчетливо слышала шуршание чаевых в своем фирменном бумажнике. — Два кофе, уважаемая.

Из глаз девицы чуть Ниагарский водопад не хлынул. Но, увидев пронизательные взгляды обоих клиентов, она буквально проглотила готовые сорваться с языка явно не совсем приличные слова и, черканув для блезири что-то в своем гроссбухе, молча удалилась.

— Что-то серьезное? — продолжил Васильченко.

— Да как тебе сказать, майор! Погиб один довольно обеспеченный человек, скажем так. Все бы ничего, только за спиной этого человека большие люди стоят. Кстати, не менее обеспеченные.

— Клан авторитетов взбунтовался?

— Нет, дорогой, верха взбунтовались.

— Вы имеете в виду, которые в Раде?

— Бери выше.

— В доме на Печерских холмах?

— Еще выше. На Банковой.

— Постойте, постойте... Авария на перевале, да? На границе Львовской и Закарпатской областей? Помнится, оперативка проходила. Советник президента, что ли?

— Он самый.

— У меня еще тогда мысль была, что жизнь у этого фрукта совсем не могла быть простой, как бином Ньютона. Богатым от сохи, если не воровать, становится один на миллиард населения. И то это раньше было. Во времена Галилео Галилея и прочих знаменитостей. Нынче и такое соотношение — музыкальная редкость. У таких, как он, жизнь должна выглядеть сплошной безобразиной. Полной всякого идиотизма.

— Ты прав. На все сто прав. Сей флибустьер отлично знал, с какой стороны хлеб маслом намазан. Но мне-то от этого не легче.

Вопреки ожиданиям, кофе на столе появилось быстро.

— И что за предложение, Илья?

— Для начала глянь, пожалуйста, вот на этот фоторобот. Он тебе никого не напоминает?

— Абсолютно. Это что, фигурант дела?

— Вроде бы, — Илья достал из папки лист бумаги, только что прочитанный в кабинете генерала Сидоренко, и стал читать по новой. Теперь уже со своими мысленными комментариями. Особенно, один из абзацев.

«Товарищ подполковник! — абзац начинался вполне официально. Чувствовалось, что майору Хрущу именно на это очень хотелось обратить внимание читающего. — Непосильным трудом мне удалось выяснить, что лицо на фотороботе полностью схоже с водителем фуры, которая приписана к местному ипподрому, — и тут же на бумаге крупным шрифтом были обозначены государственные номерные знаки. — Проверить этот факт мне не удалось по той простой причине, что водители и фура, естественно, находятся в командировке на Стрелецком конезаводе. Насколько точно мне удалось установить, они должны вернуться на ипподром в пятницу после обеда. Часам к трем. Вообще-то, в этом заведении твориться что-то не совсем хорошее. Ж... чувствую, Илья! Именно эту фирму, что б я сдох, пасут ребята с Еврейской. Меня не проведешь. Не первый год замужем. И пасут они ее качественно. Теперь все сошлось. Оказывается, эта фура оборудована специально для перевозки лошадей, а не коров на бойню. Чувствуешь, как тонко? Только боюсь, что до водителей нам не скоро удастся добраться. Попробуй сам, если сумеешь. Кстати, учти, что на ипподром, кроме главного, есть еще два въезда и два выезда, соответственно. Но тебе повезло. На данный момент, в связи с ремонтом дорог, остается только главный. Со стороны Фонтанской дороги. Можно еще и между домами. Но это не для фуры. По фуру и водителям глубоко рыть не стал. Чтобы не засветиться. Думаю, меня не засекли. По приезду в Середняны позвоню» — прочитав эти слова, Илья тут же зыркнул на часы. Было одиннадцать часов двадцать семь минут.

«Рановато, — подумал он. — До приезда фуры времени еще навалом. Конечно, желательно, чтобы информация Хруща оказалась близкой к действительности. Будем уповать на это. В таком случае успеем еще и пообедать. — Что ты там предлагал на счет обеда? — обратился Васюта уже к коллеге, допивая кофе».

— Шницель по-одесски, Илья. Что, передумал? Может, и первое? Опять же по пару дупельков, — помнится, именно так ты эти дозы тогда называл или я ошибаюсь?

— Нет. Не ошибаешься. Только дупельки пока подождут. А вот пообедать — это можно. Все равно времени навалом.

Васильченко снова поднял руку, одновременно зацелкав пальцами. Только теперь официантка торопиться не спешила. Продолжала стоять у двери, как некогда памятник Ленину на Куликовом поле. Явно выдерживала нужную паузу. В конце концов, подошла.

— Значит, так, дорогая. Только не смотри на нас, как на доисторических животных. Мы на них абсолютно не похожи. Что у вас там на первое есть? Чтобы и вкусное, и свежее.

— Борщ, суп-харчо.

— Я думаю, Илья Бенедиктович, суп-харчо будет в самый раз. Шницель по-одесски, салатика и четыреста грамм хорошего вина. Только чтоб

не кислятина какая. Натуральное. Что-нибудь из серии шабских. Давай, уважаемая, трудись. Вино можешь уже нести, – майор при упоминании о вине внимательно посмотрел на Васюту. Реакции не последовало. Тот посчитал, что стакан хорошего вина, тем более под такой серьезный обед, не помешает. – Так в чем будет заключаться ваше деликатное предложение?

– Что ты знаешь об ипподроме, Тарас?

– Значит, так, Илья Бенедиктович, – услышав про ипподром, собеседник подполковника стал одна серьезность. – Нас предупредили, что в ближайшее время в эту фирму совать свой нос мы не должны. Имеется в виду по-крупному.

– А по мелочам – участковые и прочие околоточные работать могут?

– Эти, да! Эти могут. Их в лицо каждая собака и даже лошадь знает, – Васильченко улыбнулся. – А что вас там интересует? Руководство фирмой?

– Нет. Руководство мне как-то до лампы. Во всяком случае, пока. Меня интересуют водители одной фуры. Вот ее номерные знаки, – Илья достал ручку и, вытащив из подставки чистую салфетку, нацарапал на ней данные номерного знака фуры. – А из числа этих самых участковых ты кого-нибудь знаешь? Я имею в виду по-настоящему. Чтобы о нашем разговоре знали только три человека. Я, ты и он.

– Есть у меня один гаишник знакомый. У него пост по Фонтанской дороге. Он постоянно ошивается недалеко от ипподрома. Должен там всех знать.

– Гаишник, говоришь? Не очень я доверяю этой братии. У них же палочка на бакинские дублионы как магнит срабатывает. Тарас Михайлович, придумывай что хочешь, вешай ему хоть километровую лапшу на уши, только меня не впутывай. Мне срочно нужно узнать все и про фуру, и про водителей. Кто, откуда, когда? Если чалились, то где, на какой срок и по какой статье? Кто у них хозяин, кто их крышует? Адресочек очень было бы желательно. Сделаешь?

– Он постарается, – улыбнулся Васильченко. – Помните фильм «Ко мне, Мухтар»?

– Как не помнить, – Илья тоже улыбнулся. – А вон и наша официанточка. На столике катит все и сразу. Вино заранее, как ты просил, не принесла. Беспокоится о престиже нашей фирмы.

– Лучше бы она о качестве пищи так беспокоилась, – буркнул в ответ майор.

Еще через минуту оба заработали челюстями так, будто дня три не меньше сидели на одной воде да сухарях.

– Ты где устроился в Одессе? На частной?

– И где это вы видели, товарищ подполковник, что бы в нашей фирме так быстро квартирами обеспечивали. В принципе, у меня и в Белгородо-Днестровском своей квартиры не было. В примаках жил. А тут снимаем двухкомнатную. Если бы жена не работала, не знаю, как и выкручивались бы. Квартиплата бешеная. Это же город сам по себе миллионник. А летом,

так вообще как килек в банке. Дешевую квартиру хрен снимешь. Здесь на сегодня не имей сто друзей, а имей пару квартир, оставшихся от безвременно почивших родителей. Своих и жены. Бабло лопатой грести будешь. Как вам это нравится? Вы ведь тоже одессит, если я не ошибаюсь, да?

– Такой же, как и ты аккерманец. Батю сюда по службе перевели, вот родители здесь и остались, царствие небесное. С восьмого класса в Одессе.

– А вы где остановились?

– Пока нигде.

– Тогда будете жить у нас. Как-никак две комнаты. Есть где разместить. Там вечером и погоны мои обмоем, идет?

– А жена не взбунтуется?

– А кто в доме хозяин? – улыбнулся майор. – Шучу, конечно. Она у меня простая, как вся Одесса, и прямая – как Дерибасовская.

– А дети?

– А что дети? Их у меня двое. Мальчик и... еще один мальчик. Погоди. Одному шесть, а другому – пять. Обоих на неделю к родителям в Аккерман спихнули.

– Чтобы им отдых медом не казался, так что ли? Они у тебя что, не работают?

– А я вам разве не говорил? У меня отец тоже из бывших военных. На пенсии он. Давно уже. А мать только в прошлом году вышла на пенсию. Сами напросились.

– И вы, конечно, не возражали.

– А зачем? Они же могут и обидеться. Разве такое не может быть?

– Может, может. Такое может. Будем считать, что твое предложение принято. Давай-ка, дорогой, обменяемся телефонами. Я ведь даже не знаю, когда освобожусь. По идее, часам к шести вечера должен. А там, как карта ляжет. Ты на всякий случай постарайся постоянно быть на связи. Можешь понадобиться. На работу не возвращайся. Генерал знает, что ты со мной. Сам, кстати, предложил. Постарайся пробить мне эту фуру и водил. В долгу не останусь. Только очень осторожно. Сам на ипподром не суйся. Со своим гаишником постарайся встретиться на нейтральной территории. Желательно подальше от ипподрома. Уловил? И еще. У тебя случайно нет знакомого с серьезной тачкой? – эта идея пришла в голову Васюте только сейчас. Как говорится, к слову. Мысль об ипподроме на секунду вернула его в недавно прочитанное письмо.

– Джип «мерседес» вас устроит?

– Редкой модификации тачка. Есть вариант?

– Дружок у меня закадычный. Только не подумайте чего такого. Обыкновенный бизнесмен. На 7-м километре склад держит да пару контейнеров в аренду сдает.

– Да ладно тебе, Тарас Михайлович! Я что, какие претензии предъявляю? И как долго эта процедура может тянуться? Час, два?

– А это мы сейчас узнаем. Главное, чтобы он на связи был, – майор достал свою «лягушку», открыл ее и сразу нажал на пупок клавиатуры.

Причем на один. Это не осталось незаметным для Ильи. Он сразу понял, что сей абонент с тачкой редкой модификации действительно друг. И этим номером его собеседник пользуется довольно часто. В номер введен код, чтобы долго не возиться с набором. Такое делается только для хороших друзей, знакомых, родственников. — Я так понимаю, Илья Бенедиктович, что тачка вам нужна без водителя, я прав?

— Такое впечатление, Тарас, что ты научился читать мои мысли. Это не есть хорошо. Даже мысленно вокруг шарика не пошлешь, — оба засмеялись. — Только как и чем я рассчитываться буду? Бизнесмен как-никак. Сам говоришь. А эта категория людей копейку считать умеет. Даже у родных и близких. А я, между прочим, на бакинские дублионы не богат. В гривнах могу и то не безмерное количество.

— Как вам не стыдно, Илья Бенедиктович? Вы что, меня совсем за лоха считаете? Але! Женья? Это Тарас. Ты где? На Французском бульваре? И чего бы я там делал в обед? Едешь в центр? Это уже хорошо. Конечно, нужен. А как ты догадался? Тут ты не прав, Женья. И совсем не только тогда, когда ты мне нужен. Иногда и наоборот бывает. То, что редко, тут я с тобой полностью согласен. В общем так, мы в кафе на Ришельевской. Точно так. Приедешь познакомишься. А чтобы тебе веселее ехалось, я тебя обрадую. Мне нужна твоя тачка. Нет. Нет, ненадолго, — Тарас, не отрывая трубки от уха, зыркнул на Илью. Тот сначала выбросил два пальца и тут же добавил к ним третий. И в заключение, перевернув ладонь, быстро упер большой палец в стол. Больше того, постучал им по столешнице. — Часа на два, три. Нет. Здесь, на месте, по городу. Ждем. Сейчас будет, — улыбнулся Тарас Васюте. — Так на чем я остановился? Думаете, я не догадываюсь, кто настоял на моем внеочередном звании? Да за такие вещи до гробовой доски поить положено.

— Допустим, к твоему новому званию я имею самое мизерное отношение. Это мой бывший начальник, полковник Кашай, в этом деле «массовик-затейник». Его благодари.

— Не успел. Рано он на пенсию отправился. Вы его случаем не видите?

— Недавно видел. Живет и процветает. Карпаты, воздух, «сливовица» — это у них там водка-самопал так называется. До чего же ядреная.

— Увидите, передайте ему мою самую искреннюю благодарность.

...Ровно в два часа сорок минут пополудни джип «мерседес» припарковался в глубине площадки недалеко от проходной ипподрома. Площадка не пустовала. В различных позах на ней красовалось с десяток легковушек. Все иномарки. Одна другой круче. Почти у самой проходной стоял даже приземистый «хаммер».

«А вот это уже ни в какие ворота не влазит. Что-то тут не так, — делая незаметный обзор всей площадки, подумал Илья. — Что-то тут не чисто. Не спалиться бы. Хозяин такой тачки, по идее, въезжает на территорию такого заведения, даже не предъявляя свою клубную карточку. Эта тачка явно не пустая. Чтoб я так жил. Если мои мысли на верном пути, то за зер-

кально тонированными стеклами в ней должны сидеть, как минимум, три человека. Стандартный набор «наружки». Хотя я вполне могу и ошибаться. Такую тачку и для «наружки»? Слишком круто. Ладно. Нам бы только фуры дождаться. Удостовериться, что твой, Виталий Львович, непосильный труд увенчался успехом. На данном этапе нам больше ничего не нужно. Смею надеяться, что и майор не с пустыми руками к вечеру зайвится. Прикинем хрен к носу, сопоставим факты, глядишь, и ниточка нарисует. А если еще и полковник-эсбзушник подсуетится, провентилирует, как и обещал, где и что делала фура в указанные дни, тогда мы полностью будем в шоколаде. Тогда нам не страшен никакой серый волк. Пусть даже и в шкуре СБУ. Быстро замыкаем на массу, в смысле на Банковую, получаем доступ «к телу» водил и приступаем к их «экстренному потрошению». Для нас что важно? Для нас важен «момент истины», как говорил капитан Алехин, «чистильщик» СМЕРШа в романе Богомолова «В августе сорок четвертого». Но до этого еще надо дожить. В смысле, дожидаться», — быстро поправился Илья, довольно качественно имитируя тройной плевок через левое плечо. Будем «косить» под водилу приличной «крутизны». Даже глаза на всякий случай прикроем. Будто в ожидании своего ненаглядного шефа. Не полностью, конечно. Щелочки-то мы оставим. А как же без наблюдения? Если меня даже и срисуют, то доклад последует только после пересменки. По времени мы выигрываем.

На счет подозрительности он таки был прав. Но это выяснилось чуть позже, буквально через пару часов. В остальном — опять пролет над Парижем.

Сделав еще несколько снимков теперь уже и водилы, возвращавшегося из проходной к фуру, Илья завел джип. Двигатель, несмотря на кучу лошадаков, упакованных под капот, работал тихо. Медленно проезжая мимо «хаммера», Васюта все же надеялся убедиться в своем предположении; не получилось, в стеклах американского джипа он смог увидеть только зеркальное отражения своей тачки. И в этот самый момент на поясе возмutilась мобилка. Причем так настойчиво, что не включить ее было невозможно. Что подполковник и сделал.

— Слушаю! — сбрасывая газ до минимума, ответил Илья.

— Товарищ подполковник? Илья Бенедиктович? Здравствуйте. Где вы находитесь?

— И кого бы это так интересовало? Разве мы с вами знакомы?

— А у вас что, разве мой номер не высветился?

— Высветился, но... Теперь догадался. Василий Васильевич Саморидный?

— Он самый. Так, где вы находитесь, если, конечно, это не секрет?

«А вот это уже не есть хорошо. И чего бы ради я интересовался моим местонахождением? Поди «стрелку» забивает», — мелькнуло у него в мыслях. Вслух он спросил:

— А что, очень нужен?

— Желателен, Илья Бенедиктович. Между прочим, это в ваших интересах. Помнится, вы просили вам помочь. Считайте, что я свое обещание

выполнил. Так где вы находитесь? В третий раз спрашиваю. Ведь не из пустого любопытства интересуюсь.

– На Фонтанской дороге. Направляюсь в центр.

– Вы что, уже и тачкой разжились?

– Друг детства на пару часов одолжил, – ответил Илья с секундным замешательством. Отрицать действительность было нереально. – Только откуда об этом узнало ваше благородие, вот вопрос? Ставлю сто баксов против гривны, что о машине вы, уважаемый, не просто так спросили. Совсем не просто так. Видит Бог, не к добру все это. Спинным мозгом чувствую, что на грубость нарываюсь, – подумал Васюта уже про себя.

– В таком случае, это несколько меняет дело. Надеюсь, что Одессу вы знаете не как турист, прибывший сюда впервые? Я буду ждать вас на углу Еврейской и Екатерининской. Почти там, где мы в прошлый раз встречались. Вы где на Фонтанской? Далеко от железнодорожного вокзала?

– Нет. Только там на углу в прошлый раз я четко заметил знак «Остановка запрещена». Придется заехать на Еврейскую.

– Подполковник! О чем вы говорите? Какой знак? Вы в какой фирме работаете? В милиции или в конторе очистных сооружений? Не считайте нас за слабоумных. Не получится. Газ до полика и вперед. Даже мигалки не надо врубать. Вас и так никто не остановит. Поверьте моему опыту.

– Согласен, что такое вполне имеет место быть, но вешать на меня свой сюртук не обязательно, – мелькнуло в мыслях Ильи, а вслух он ответил:

– В таком случае, до встречи.

Чуть притопив педаль газа, вырулил с пятачка на выезд в сторону Фонтанной. Ему повезло. Час пик еще не наступил, и трасса до самой Еврейской была почти свободной. Во всяком случае, без существенных заторов.

– Здравствуйте. А вы быстро. Поди, на «Зеленой волне» проскочили, да? А тачка какая, хорошие друзья у вас, уважаемый Илья, свет Бенедиктович. Отчество у вас какое-то заковыристое. Не сразу и выговоришь, – тирада ни к чему не обязывающих слов буквально выпорхнула изо рта полковника УСБУ, как только он уселся на пассажирское сиденье джипа.

– Здравствуйте. Вы правы, друзья бывают хорошие и не очень. А еще бывают друзья так себе.

– Вы считаете, что я могу вписаться только в последний вариант? Ай-я-яй! А я надеялся, что заслужу хотя бы благодарность. Ваш запрос, между прочим, я в точности исполнил. 10, 11 и 12 февраля водители с фурой числились в командировке.

– Числились или были? – в мыслях у Ильи сразу же забрезжили какие-то соображения.

– Какой вы нетерпеливый. Я же еще не все сказал. Именно, числились. Ибо командировка у них была на Стрелецкий конезавод. Луганская область, Меловский район, село Новострельцовка. Можете не записывать, – заметив, что убоповец дернулся в сторону папки, лежавшей на полке. – Там они не появлялись. Это мы проверили. Между прочим, про-

верили мы и другие конезаводы Луганской области, 61-й Лимаревский и 63-й Деркульский... В общем, пробили по всем конезаводам, с которыми наш ипподром в последнее время имел прямые связи по поставкам лошадей. Проверили и по 65-му Днепропетровскому конезаводу. Глухо. Ни на одном из этих конезаводов они не появлялись.

– Понятно. А в этом, западном, направлении? Ипподром что, связи имел только на востоке Украины?

– Ну почему. На Украине полно конезаводов. В смысле, хозяйств, которые занимаются разведением лошадей. Даже у наших соседей, в Шабо Белгород-Днестровского района, лошадей разводят. Только это не те лошади. Как говорится, не той системы. Ха-ха-ха, – рассмеялся эсбэушник. – А вы что хотели, чтобы я пробил ваших водил по всем хозяйствам Украины? Здорово живешь! Да за такое «вежливое» отношение с вашей стороны и этого много. Вы не находите? Кстати, вы ведь дали слово, что не будете заниматься самодеятельностью. Получается, что как только вышли в прошлый раз из моего кабинета сразу свое слово взяли обратно, так что ли? Некрасиво, товарищ подполковник. Некрасиво. Я вам поверил, а вы ... самодельничаете.

– В каком смысле? – Илья уже понял, откуда ветер дует, но сдаваться так просто не хотел.

– В прямом. И позавчера, и сегодня наши ребята заметили нездоровый интерес с вашей стороны к ипподрому. Позавчера на одной машине, сегодня на другой. Мы ведь можем пойти и другим путем, – полковник и не собирался отмежевываться от такой грозной фирмы. – Если вы собираетесь продолжать в том же духе, нам ничего не останется, как выйти наверх. И поверьте, приказ оттуда для вас будет не совсем приятным. Нам бы очень не хотелось прибегать к таким мерам. Согласитесь – это не по-джентльменски. Так что, мне доложить своему начальству?

– Это и есть та самая фирма? Извините, мы этого не знали, – Васюта тоже пристегнул себя к множественному числу. – А как продвигаются ваши успехи?

– Близки к окончательной развязке. Значит, я могу надеяться, что до окончания нашей операции к этой фирме вы ни ногой, так?

Илья кивнул головой в знак согласия.

– Так не пойдет. Вы должны мне ответить со всей прямоотой. Да или нет! Согласитесь, что после позавчерашнего и сегодняшнего дней я имею на это полное право.

– Да! Вы имеете на это полное право. И до конца вашей операции к ипподрому мы не подойдем. Только у меня к вам большая просьба.

– Я весь во внимании.

– Во-первых, у вас к водителям тоже есть претензии или только к руководству фирмы?

– Водителей мы пока не разрабатывали. Я имею в виду основательно. Пока проходят косвенно. Хотя, вполне может оказаться, что они тоже в полный рост замазаны.

– Яблоко от яблони?

– Примерно. Вы хотите, чтобы мы потом водителей передали вам?
– Не совсем. Мне бы хотелось, чтобы это произошло одновременно.
– В смысле, вместе с вами берем всех и сразу, да? Нам верхушка айс-берга, а вам – все остальное, так? Мы прокачиваем руководство фирмы, а вы – водителей.

– Примерно.
– Гарантировать, Илья Бенедиктович, я этого не могу. Сами должны понимать. Правда, о вашей просьбе свое начальство в известность поставлю. А там, как оно решит, так тому и быть. А вы уверены, что это именно те, которые вам нужны? Или у вас на данный момент просто вариантов других нет? – эсбэушник внимательно посмотрел в глаза Васюте. На столько внимательно, что последнему стало как-то не очень комфортно. Где-то в глубине души, причем довольно глубоко, он и сам еще не был уверен на все сто, что находится на верном пути. Что именно эти водители или один из них и есть настоящие исполнители заказного убийства на перевале. И вообще, вся его работа над раскрытием этого преступления – сплошные тыканья в различные ворота. И что самое интересное, до настоящего времени ни одни ворота так полностью не открылись. Открывались почему-то калитки. И то не в полный рост. К каждой приоткрывшейся щелочке приходилось применять недюжинную силу, что бы хоть немного увеличить проход. Но и это удавалось не всегда. Отрицательный немой ответ был будто нарисован на лице Ильи. И Саморидный это понял сразу. В какой-то степени ему стало даже жалко опера. Ведь в такой же ситуации он сам за свою службу пребывал неисчислимо количество раз. И ведь начальству такое состояние не обрисуешь никакой философией. – Да не переживайте вы так! Никуда эти мачо уже не денутся. Я так понимаю, что по вашему делу они прилично наследили? Засветились по самым причиндалам? – под конец он все же решил хотя бы как-то обнадежить своего собеседника. – Так я смею надеяться, Илья Бенедиктович, на вашу искренность в только что данных обязательствах? В таком случае, разрешите откланяться? – приняв кивок головы убоповца за согласие, Василий Васильевич покинул «мерс».

Васюта глянул на часы. Было восемнадцать ноль семь. «Довольно быстро я управился. Быстро и сердито. Значит, засветился не только я, – мысли вернули его к началу разговора с эсбэушником. Он все пытался найти причину и момент своего провала. – Все началось с Виталия. Вполне возможно, что, запросто срисовав Хруща, они стали более внимательны. Поэтому мой приезд и не остался для них незамеченным. «Наружка» стала четко фиксировать все, что попадало в поле зрения. Конечно, при таком плотном прикрытии любой засветится. А я легенду придумывал, водителя крутого шефа изображал. Причем напрочь уставшего. Неправильное это было планирование. Геть не правильное. И что мы будем делать дальше? Остается только звонить. Где-то надо и эту лошадь германского происхождения оставлять. На самого хозяина выхода у меня нет. Значит, надо звонить Васильченко. А он ничего парень. Я еще тогда это заметил. Когда с «Заколдованным ожерельем» возились, – достав мобил-

ку, Илья быстро набрал имеющийся у него номер новоиспеченного майора. – Это Васюта. Значит, так, я в принципе уже освободился. Куда эту «лошадь» девать? В какое стойло парковать?»

– Я живу на Варненской, 25/2 квартира 69. Точнее, Варненская угол 25-й Чапаевской дивизии. Прямо на углу стоит 14-этажная высотка. Мой этаж – двенадцатый. Надеюсь, город вы еще не забыли?

– Не совсем забыл. Допустим, к тебе я доберусь. А как я машину хозяину передам?

– Подъезжайте прямо к дому. Я сейчас созвонюсь с Женей. Минут через пять свяжусь с вами. Думаю, он вас прямо между домами уже встретит. И не думайте ему что-то предлагать. Он может обидеться. У нас с ним свои расчеты. Вы, кстати, где находитесь?

– Еду по Екатерининской в сторону вокзала.

– Понятно. Ждите звонка.

– ...Илья Бенедиктович, что-то вы совсем ничего не едите. Поди, моя кулинария вам, мягко скажем, не нравится, так?

Хозяйка накрыла стол в комнате, как для долгожданных гостей. Будто это и не простой день, а день кубинской или какой-то там революции. Парижской, что ли? Во всяком случае, не наш, не государственный праздник. Во-первых, государственные праздники все чаще стали назначать такие, которые в одних регионах признают, а в других – извините, нет. Это не касается религиозных. Но для них обязательно готовилось определенное блюдо. Пасха – крашенки, рождество – кутя. День рождения – свечи по количеству прожитых лет.

– Дело в том, Светлана свет-Петровна, что я сегодня плотно пообедал. Харчо, шницель по-одесски. А за последние дней десять я только перебивался пищей. Вот желудок и сократился до минимума. Хотя врачи настаивают, что сам по себе желудок не сокращается и не увеличивается. Он постоянно в одном размере. А трудовой мозоль зависит совсем не от размеров желудка, а от количества жира, отложенного вокруг этого самого желудка.

С Божьей помощью в течение почти двух часов они втроем почти приговорили бутылку коньяка «Шустов». Уже были провозглашены тосты и в честь новоиспеченного майора, и в честь глубоко и всеми уважаемого подполковника Васюты, причем единственного, как оказывается, настоящего блюстителя порядка в Украине. Не забыл Тарас Михайлович и про Кашая. В ответ Илья расщедрился на ответный тост как в адрес хозяина, которому в ближайшее время светит если и не генерал, то полковник – точно, так и в адрес его жены, светлейшей Светланы Петровны. Под конец жена Васильченко принесла кофе и убрала все лишнее со стола.

– А давайте-ка, мужики, я вам накрою на кухне, а сама займусь приготовлением плацкарт. Мы вам, Илья Бенедиктович, постелем в этой комнате. Вы согласны? На кухне вы сможете и поговорить, и сигарету выкурить, если желаете, и вообще... Простор там для ваших мыслей намного больший, чем здесь. Я так думаю.

– А теперь, Тарас, давай рассказывай. Что ты успел нарыть?

– Лично я предлагаю, Илья, хряпнуть еще по полтинничку, кинем в рот чего-нибудь и я тебе все доложу как на исповеди, – Тарас Михайлович достаточно убедительно подкрепил свое предложение новой бутылкой, достав ее из холодильника. – Значит, так, – опрокинув дупельки, как их называл Илья, и закусив лимонными дольками, оба убоповца приступили к главному. – Фура действительно та. Номера совпадают. Приписана к ипподрому еще с конца девяностых. Тачка ухожена. Претензий гаишников к ней нет.

– Прелюдия, Тарас, можешь упустить. Техническое состояние фуры мне до... лампочки, не на кухне будет сказано. Ты о водилах глаголь.

– Значит, так, – опять начал Тарас и, улыбнулся. – Извини. Как правило, в дальние рейсы за рулем ездят двое. Один из них очень смахивает на китаезу. Кликуха у него Чен. Говорят, недавно тридцатник разменял. Поляну накрывал. Отдельно для своих, отдельно – для ипподромовских. В Одессе появился осенью 2005-го. Ошивался на седьмом километре. Изображал передвижной обменный пункт. Что-то у него там не срослось. То ли бабки увели от него, то ли сам их потерял. В общем, свои его поставили на счетчик и свои же, правда другие, и откупили. Потери скромные. Перелом двух ребер да месяц «калитку» не открывал. В сетку упакована была. Только жидкое и употреблял. Кашка-малашка, водичка... С седьмого ушел и прибил к ипподрому. Но уже как водитель фуры. Второй грузин, ездит с ним только в дальние рейсы. Кличка Пират. Этот горилла. Редкий отморозок. Извилина одна и та только на четверть заполнена. Но кулаки что тебе кувалды. Запросто в гроб загонит. Даже не задумываясь. На фотороботе китаеза изображен. Причем довольно точно. У Пирата за плечами «ходка» на зону. Где-то под Магаданом. Но срок получил под Москвой. Когда по столице России разборки гуляли и днем, и ночью. Гаишник говорит, что на слуху то ли покушение, то ли даже убийство нескольких «скоропелых авторитетов». Но это не доказано. Даже судом не было доказано. Так и пошел на зону за компанию. Но в Одессе, что самое интересное, оба появились почти что одновременно. Вот какой компот получается.

– А ты, конечно, фамилии подозреваемых водил не знаешь?

– Нет. Фамилии не знаю. Может, это и не они совсем?

– Как тебе сказать? Вообще-то, версия с водителем появилась совсем недавно. Всплыла уже дней через четыре-пять после начала оперативно-розыскных мероприятий. Но то, что водитель не славянской наружности, говорили и свидетели. Которые его видели в фуре незадолго до аварии. А вот о втором водителе ни слуху, ни духу. Никто его не видел.

– А может, как раз второй и принимал непосредственное участие? Может, второй как раз и есть тот самый исполнитель?

– Вполне может быть, Тарас. Только меня смущает одно, если твоя характеристика на этих водителей соответствует действительности хотя бы на пятьдесят-шестьдесят процентов, тогда из списка исполнителей их можно исключать.

– Очень хотелось бы выслушать подтверждение такому заключению, – Васильченко уставился на собеседника в упор. Выпитая бутылка «Шустова» абсолютно не сказывалась на разговорной речи обоих.

– Дело в том, уважаемый товарищ майор, что и к водителю, и к пассажиру джипа «чероки» перед смертью была применена химия. Причем химия штатовская. А такие штучки человеку с одной извилиной, как ты говоришь, пусть даже и сложенному из одних мышц, не доверяются. Для этого нужен специалист. Причем не простой специалист, а имеющий практику работы с подобными вещами. Опять же, в соответствии с окончательными заключениями лабораторных анализов, очаг воспламенения джипа – сам салон. И никакой там не коллектор глушителя, бензобак. Они гореть начали до того, как взорвался бензобак. Точнее, сначала загорелся салон, потом рванул бензобак, и только потом стало гореть все. В легких и водителя, и пассажира обнаружены продукты горения. Перед смертью они дышали. И дышали тем, чем был наполнен салон джипа. Этими самыми продуктами горения. Значит, их сначала легко успокоили химией, потом врубили первую передачу и, повернув руль вправо, направили джип с перевала вниз.

– И подождали пока тачка не воспламенится и не рванет бензобак? Хитро, хитро. Но это все за секунду не сделаешь? Они что, настолько были уверены в том, что останутся незамеченными? Тогда должны были выставить посты и снизу, и сверху. Но для такого действия требуются люди. А чем больше людей привлекается к исполнению, тем меньше секретности. В заказнике, как правило, участвует минимальное количество людей. Один, от силы два. Допустим, машину, поднимающуюся на перевал в попутном направлении, сверху видно издалека. Но ведь транспорт мог появиться и в обратном направлении, что тогда? Без страховки на такое дело даже отморозки не пойдут. А вы говорите, химия.

– Интересная мысль. Правильно. Молодец, Тарас Михайлович. Как говорится, одна голова хорошо, а кум лучше. Ты правильно подметил, ночью фары поднимающейся на перевал машины видно далеко. А вот с перевала? Подтверждение такой версии может быть только одно. Остановившаяся перед перевалом со стороны Стрыя фура и была тем самым атасником. Она страховала работу исполнителя на той стороне перевала. В таком случае все вяжется.

– А потом они все собрались, втихаря развернули фуру, сменили номера и потопали в обратном направлении.

– Точно. Значит, к делу подключились «китайская триада» и «пиковая масть»? Мне только этого не хватало. Не хило дело разворачивается, – у Ильи губы в центре сложились дугой, а уголки обвисли. Стали похожи на лук с тетивой. При этом правый глаз сузился до щелки, а левый – наоборот. Васильченко, в свою очередь, отреагировал на такое заключение по-своему. Он в аккурат нацеливался вилкой на самый маленький огурчик, выглядывавший на тарелке из-под десятка других, побольше. Но так его и не достал.

– Ты на что намекаешь, Илья Бенедиктович? Неужели в этом деле замешаны эти «профсоюзы»?

– Понимаешь, Тарас Михайлович? Вообще-то, набулькай-ка ты еще по полтинничку. Видит Бог, без полтинничка это тяжело переварить. «Пиковая масть» – это кавказцы, – продолжил он после того, как опрокинул рюмку в рот. Но прежде чем ответить, Илья качественно прожевал и проглотил попутно отправленный туда же приличный откус бутерброда. – Так их прозвали за смуглый цвет кожи. Как только новый президент пришел к власти, в Грузии началось сильное давление на воров. Им ничего не оставалось делать, как литься оттуда. В России их тоже не очень потчевали, вот они и рванули в Украину. Летом 2005-го наши структуры провели специальный анализ и оказалось, что только за три неполных летних месяца в Киеве кавказскими «гастролерами» совершено около двух тысяч квартирных краж. И это только по данным заявлений пострадавших. А сколько не обращались в милицию? Квартирные кражи – это их специализация. Практикуют они и угон транспорта, и работу «барсеточников», но меньше. Намного меньше. А ты знаешь, откуда пошел этот воровской метод?

– «Барсеточники»? На слуху было, что из Сочи.

– Правильно. Именно оттуда он и добрался до нас.

– Поговаривают, что «воры в законе» тоже в основном из грузин.

– Это не совсем так. Среди грузинских «воров в законе», которые, естественно, у нас ошиваются, очень много скороспелых воришек.

– «Апельсинов»?

– Точно. То есть купивших этот титул. Особенно распространено приобретение таких титулов в Кутаиси. Даже среди самих грузин популярна поговорка: «Хочешь стать «вором в законе» – получи кутаисскую прописку». Там все просто: плати бабки – получай титул. Только в Киеве грузинских «воров в законе» на сегодня десятка полтора. Я имею в виду тех, которые пользуются значительным весом в своей среде.

– И у тебя сразу появилось новое направление версии, да? Смутные мысли стали складываться в картинку, да? Типа, а не тянется ли за этим убийством грузинский след?

– Нет, Тарас. Такой версии у меня появиться не может по той простой причине, что в окружении бизнесмена Конопляного нет ни одного кавказца, не то чтобы грузина. Тут другое. Грузины, я имею в виду криминальный контингент, в своем подавляющем большинстве – воры. Могут припугнуть, отдулеть. Но чтобы на мочилово пойти – для этого нужна серьезная причина. А такая в этом деле не просматривается. Во всяком случае, пока. Правда, есть среди них и совершенно дикие. С гор спустились, «работу» сделали и обратно в горы. Таких и держат именно как ломовую силу.

– Вот видишь? Типа наших «отморозков», что ли?

– Нет. Пока не вижу. Не лежит у меня душа к этой версии. Почерк не тот. Ни ломовиками, ни «отморозками» здесь и не пахнет.

– Хорошо. А как на счет «китайской триады»?

– Тут тоже не вяжется. Легендарная «триада» считается самой крупной и организованной мафиозной организацией в мире. С ними не могут соперничать ни сицилийская «коза-ностра», ни японская якудза, ни русская, ни какая-либо другая мафиозная структура. Ты хоть знаешь ее историю?

– По диагонали.

– Понятие «триада» связано с конфуцианством. Триада – земля, человек, небо. По их философии человек стоит в центре вселенной и соединяет противоположные полюса. Первые тайные организации, именуемые триадами, появились в середине семнадцатого века. Поначалу они преследовали исключительно политические цели. Затем трансформировались в синдикат криминальных группировок. В Украине, и главное в Киеве, основной их бизнес – переправка незаконных эмигрантов.

Собеседник Ильи улыбнулся.

– Чего ты смеешься? И совсем не смешно. Конечно, открывают они и фирмы, и кафе, и рестораны, и торговый бизнес у них. Но в основном – нелегалы. Это очень прибыльное дело. И знаешь, как своя «братва» именует земляков-эмигрантов? Товар. И обходятся они с ним как с вещью. Покупают друг у друга, похищают. Как-то наше столичное УСБУ получило информацию, будто бы в одном из особняков под Киевом на Софиевской Борщаговке не меньше сотни нелегалов ошивается. Вот они совместно с бойцами нашего ГУБОП провели операцию. И знаешь, что выяснилось?

– Откуда? – свой ответ Васильченко подкрепил определенным кивком головы. При этом уставившись в глаза Васюты, протянул руку к бутылке. – Ага?

– Давай, – махнул рукой Илья.

И снова они, выпив, дружно заработали челюстями, уничтожая как врага народа не только выпивку, но и остатки приготовленной Светланой Петровой закуски.

– Поехали они все в адрес, а там выясняется, что эмигранты находятся на положении пленников-рабов. Как тебе такое нравится?

– Лично мне такое совсем не нравится. И вообще, я как увижу документальные кадры, связанные с нынешними рабовладельцами и как они со своими рабами обращаются – готов таких четвертовать.

– И думаешь, кто были хозяева? Их же земляки, имеющие непосредственное отношение к «триаде». Помещение напоминало камеру для пыток. Над пленными постоянно издевались. Многие из них были на волосок от смерти. А ведь там был не десяток, а больше девяносто заложников. Ребята говорили, что зрелище было ужасающим. Крики, слезы. На некоторых места живого не было. А одного парня пришлось на руках выносить. Коленки у него были перебиты. Арестовали всех, и китайцев, и наших.

– Так там и наши были?

– А как же. На начальном этапе в чужой стране им же очень трудно адаптироваться. Опять же языковой барьер. Вдобавок они очень недоверчивы друг к другу. Вот и прибегают к местным, умеющим «договорить»

ся» с отдельными нечистыми на руку нашими коллегами. Местные им квартиры подыскивают. Одно дело когда в поисках жилья ходит свой, украинец, а другое, когда иностранец-азиат.

– Ну и что с ними сделали?

– Одних судили... Правда, суд у нас гуманный. Некоторые получили даже условные сроки. Хотя в Китае им бы впаляли по полной программе. Вплоть до смертной казни. Вот такая у нас фемида правосудия. Мы тут ловим, по лезвию ножа ходим, фактаж собираем, подошвы до крови стираем, а судья со своими немymi помощниками одним росчерком пера весь наш труд на нет изводит. В худшем случае – под залог отпускает. И явно не за так. А там парочка пречеснейших адвокатов за «сущий пустяк» такой молебен устроит, хоть героя вешай. Причем грамотно, с криками в прессе, с жалобами в Страсбург, ООН. Бабки нынче серьезный аргумент.

– Да ладно, Бог с ними, с этими судьями. Ты мне скажи, Илья, что ты думаешь по этому поводу? А то ты тут сам как тот адвокат. Распинался, распинался, а в итоге и тех оправдал, и этих. И кто, по-твоему, исполнитель в таком случае?

– Думается мне, что был там третий. Тот, кто и с химией на короткой ноге, и с поджогами на «ты». Вполне возможно, что и разрабатывал эту операцию именно тот, третий. Вот так. Но до него мы сможем добраться только тогда, когда оба эти водилы будут в наших руках.

– Так давай я пробью их адрес, а? Брать их надо и все. Возьмем, доберемся и до того, кто с химией на короткой ноге. Наши ребята их до пупа в два счета расколют. Про третьего как на исповеди расскажут.

– Легко сказать, брат. А за что брать?

– За что, за что? За это самое... – Тарас Михайлович улыбнулся и очень качественно продемонстрировал зажатую в кулак ладонь.

– Я над этим тоже думал. Только на данном этапе нельзя этого делать. Кое-кто добро на это пока не дает. Ладно, давай-ка, дорогой, спать. Утро, как говорится, вечера мудренее.

– А может, еще по бабульке?

– Ну, если только по бабульке...

Середнянский гамбит

– Как же так получилось, Натан Израилевич, что вас обскакали? Причем не просто обскакали, с мочиловом обскакали, – Васюта даже попытался изобразить на лице мимолетную скорбь.

– По халатности. Исключительно по моей халатности, Илья Бенедиктович, – Натан брал всю вину на себя. Кто, мол, такой Толчинский – отставник, да и только. И спрос с него, как с бывших погон. Стрелочник, с которого никакого спроса. Спрос ведь с кого ведется? С погон, естественно. Причем с действующих... Ни в коем случае не с тех, что в запасе, и уж тем более не в отставке. А настоящие погоны, в смысле майор Хрущ, хоть и появились в Середнянах только-только, получить могли на всю катушку

как за здравье. – Не ожидал, что он второй раз поедет на лесопилку. А он поехал. Второй и... последний. Значит, тянуло его туда.

– А зачем? Первого раза было мало?

– Выходит так.

– Подходящие мысли в голове не вертятся?

– Пруд пруди. Ребята рассказывают, будто он говорил, что там интересные мужики работают.

– В смысле, много интересного от них можно узнать? Это уже что-то.

Список лиц, с которыми он беседовал в первый раз, имеется?

– У меня нет. Но это можно узнать в отделе.

– А без отдела?

– Вопрос, конечно, интересный...

– А еще версии имеются?

– У твоего помощника.

– У Виталия?

– Ага. Он считает, что в первый раз старлей кое с кем из работников лесопилки побеседовать не смог по причине их отсутствия.

– А ты, конечно, так не считаешь? Почему?

– Да потому, что эта версия моментально насквозь просеивается.

– Считаешь, что в первый раз ему тонко намекнули на какую-то новость, которую озвучат попозже? И кто бы это мог быть?

– Тот, кто в его смерти очень был заинтересован. Между прочим, о новости ему необязательно могли сообщить там же, на лесопилке. Могли и попозже сообщить.

– Телефонный звонок?

– Не только. Записка, «случайная» встреча.

– Которую вы прошляпили, да?

– Я один, Илья Бенедиктович. Иий богу, я один. Виталий тут не при чем. Он его даже и не видел.

– И все же мне больше по душе версия, что в первый свой приезд он что-то узнал. А второй раз поехал это что-то уточнить у тех, кого не было в первый раз.

– Может быть, может быть.

– Но ты же был в курсе, какую задачу я ему поставил? Ты же должен был контролировать старлея. Тенью следовать за ним.

– Стоп, подполковник! Не гони лошадей. И не надо на меня голос повышать. Уже повышали. И ты уже знаешь, чем это для меня закончилось. Извини, но тут я тоже имею кое-что спросить. И как вы себе это представляете? Простой пипл, считайте местный бомж, на «хвосте» у старшего лейтенанта милиции? Это смешно подумать, не то, что сделать. Да меня бы в два счета свои же и схавали. Кто я такой?

– Бывший капитан милиции.

– Вот то-то же, что бывший. С треском выгнанный из органов. Может, мне надо было еще и представиться, что я выполняю задание подполковника Васюты? Представителя из Киева? Выполняющего личное задание президента?

– На счет президента – я тебе такого не говорил. Задачу мне ставили в администрации. А это две большие разницы.

– Ага! Это у вас две большие разницы. На местах это одно и то же. По большому счету, на сегодня мы имеем как раз тот самый кошмар, о котором когда-то так долго говорили большевики. Если хотите, коммунисты.

– Ты имеешь в виду?..

– Именно это я и имею в виду. Тот самый капитализм с необузданной демократией. Демократию, Илья Бенедиктович, надо выносить. Как мать дите. А не пользоваться подаренной. Европе никто демократию не дарил. Там ее долго и упорно вынашивали. Причем в различных вариантах. Вплоть до фашистского. Считайте, с кровью, с молоком матери, в по-коле-ни-ях. И они ее чтут. В рамках чтут, да будет вам известно. В рамках своих за-ко-нов... И шаг вправо или шаг влево – наказуемы. В большинстве своем совсем не в зоны. Экономически наказуемы. Бабками. А у нас что?

– А что у нас? Тыфу ты черт. Сам на крючок попался. А ты чего, действительно обиделся? Ладно, ладно... Я ведь про старлея не со злости спросил. Хотя, согласись, хоть круть, хоть верть, а мочканув Полоха, они вас действительно обскакали. Так как это случилось? Круг подозреваемых явно приличный, нет? – после такого спича со стороны бывшего капитана милиции Илья специально гнал дурку.

Разговор происходил в домике Толчинского. В Тупиковом переулке, 11. На машине Одесского УБОП Илья появился в Середняках поздним вечером и сразу отпустил ее обратно. Благо, генерал Сидоренко, начальник УБОП УМВС в Одесской области, такой вариант предусмотрел. Не то что бы предусмотрел. Он, не желая оставлять транспортное средство, закрепленное за вверенным ему хозяйством, ни на час больше, чем это требовалось по распоряжению начальника главка, выделил в распоряжение Васюты не одного водителя, а двоих. А вообще-то, весь сегодняшний дурдом начался еще с семи утра.

Телефонный звонок, разразившийся известной мелодией из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», заставил Васюту подняться. Подняться – это слишком мягко сказано. Как только во всю громкость прозвучали первые ноты всем известной мелодии, рука Ильи автоматически вынырнула из под одеяла и дернулась в сторону несуществующей прикроватной тумбочки. Но, не встретив на своем пути нужного атрибута, резко провалилась к полу. Продолжавшийся сон, привязав этот факт к чему-то страшному, с огромной скоростью выдал информацию в мозг. А мозг, естественно, расшифровал все это по-своему. Будто бы не только рука, но и все тело хозяина падает в пропасть. Такой вариант спавшему явно не понравился. Еще бы, кому такое может понравиться? Тем более во сне? Илья среагировал моментально. Как под обстрелом. Перекатом в сторону. Да так моментально, что диван возмутился всеми своими пружинами. Да еще как возмутился. Короче, вбежавший на грохот и скрип хозяин чуть кишки не порвал. Илья на полу пытался выпутаться из одеяла и простыни.

– Черт! Я и забыл, что не дома. И где мой пиджак. Этот придурок долго будет орать. Все куплеты. Такую вот свинью мне наши технари всобачили.

Васильченко, стараясь заглушить прорывающийся утробный смех, снял со стула пиджак и подал его коллеге. К этому времени Илья уже сумел выпутаться и из простыни, и из одеяла.

– Слушаю, Васюта! – он даже не глянул на дисплей. – Кто это?

Тарас Михайлович, видя в каком положении его старший товарищ, не удержался и аж прыснул со смеху.

– Чего ты орешь, как на митинге! Поди, еще спишь, нет?

– Здравия желаю, товарищ генерал! Извините, – услышав про генеральское звание, Васильченко, моментально проглотив смех, нырнул в свою комнату. Только там он сообразил обратить внимание на часы. Было без десяти минут семь. В субботу жена не работала, а вот ему уже надо было торопиться. От Варненской до Осипова путь неблизкий. В полчаса можно и не управиться. Хоть суббота она и есть суббота. Пусть и не совсем официально рабочая, пистон от начальства можно выгрести – не фиг делать.

– Здравствуй! Ты где?

– Как где, в гостинице?

– Ага! Только кажется мне, в комнате у тебя кто-то пискливым смехом аж заливался. В Киеве слышно. Ты кому продукт на уши вешаешь? Колись, давай, у кого ночуешь? Смотри, заложу жене, она тебе таких фингалов наставит, месяц бюллетенить будешь. Чувствую, на втык нарываешься.

– Товарищ генерал, да как вы могли такое подумать!? Я же примерный семьянин.

– Ты мне кенарем не заливайся. «Примерный» он, видите ли. Как настроение? – смягчился генерал? – Что ты выяснил за вчерашний день?

– Настроение – сплошное многоточие. По прошлому месту жительства – ничего нового. А вот по водителям кое-что есть. Правда, настолько все запутано, что без самих водителей не разобраться.

– А к их телу у тебя доступа пока нет, я правильно излагаю?

– Точно так, Игнат Тимофеевич!

– И что говорят соседи? Долго они свою пластинку крутить собираются?

– Обещают за две недели всю музыку прослушать.

– Многовато.

– Что-то случилось, товарищ генерал? Нужно ускорить процесс?

– Случилось. По нашей линии мне вчера к вечеру доложили, что в Середняках убит старший лейтенант Полох. Я не хотел тебя заранее беспокоить. Тем более что к тому времени там должен был появиться и твой помощник, майор Хрущ. Вот я и попросил, чтобы вышел на меня. Думал, разберутся без тебя. Короче, к утру все прояснилось. Ему нанесли три ножевых ранения. Одно из них смертельное. Его нашли сразу после обеда недалеко от пилорамы. По предварительным данным, к убийству

причастны двое вальщиков леса из фирмы «Полесье». Их сейчас ищут. Ты же говорил, что старлей под плотным прикрытием Толчинского. Как же так получилось?

— Откуда я могу знать, товарищ генерал? Я здесь, а это там. И что мне теперь делать? В принципе, тут я больше ничего не нарую. Плясать надо от водителей. Без них — все равно, что иголку в стоге сена искать.

— Я уже думал над этим. Значит, так, иди к генералу Сидоренко. Я с ним разговаривал. Он тебе выделит машину и водителя. Вернешься в Середняны — машину отпустишь. Там тебя будет ждать джип, который за тобой закрепили с Банковой. Они, кстати, уже в среду интересовались, почему ты за машиной не идешь. Беспокоятся. Навскидку, что думаешь об этом убийстве?

— Думаю, что зашевелились. Полох — прелюдия к гамбиту.

— Считаешь, что могут пожертвовать мелкими фигурами для получения выгодного положения?

— А зачем тогда было гасить старлея? При чем насквозь своего? Я так чувствую, что по подпольной добыче янтаря у них тут половина отдела в деле. Такую корпоративку не так просто пробить. И внедриться туда тоже совсем не просто.

— Думаешь и сей индивидуум в деле? И поэтому его мочканули? Ладно. Будем считать это «Середнянским гамбитом». Тогда при таком раскладе тебе тем более надо быть в Середнянах. Теперь вас там будет двое. Должны справиться с любыми «шахматными» сюрпризами. По прибытии — доложишь. До связи.

И вот он уже на месте. В Середнянах.

Покинув предоставленный генералом Сидоренко драндулет у райотдела и подождав, когда тот скроется в темноте, спустившись от здания райотдела метров на пятьдесят вниз, Илья в крошечной тьме достал мобилку и позвонил Толчинскому. Минут через тридцать-тридцать пять ему пришлось все же в одиночестве немного понервничать, почти на ощупь в буквальном смысле этого слова подкатила уже знакомая «копейка» мужа Ярины, секретарши Купровского, главы администрации Середнянского района.

— Круг подозреваемых сужен до двух. А произошло это как обычно. Стандартная история. Один затеял с ним потасовку, а второй, выйдя втихаря из-за угла, воткнул перо в правый бок.

— Кстати, мне генерал сказал, что было нанесено три ножевых ранения, — сославшись на генерала, Илья понял что с «дуркой» поторопился.

— А я разве отрицаю это? Ранений действительно было три. Но смертельное — одно. В правый бок. Причем с доворотом. Остальные два или для успокоения, или чисто автоматически. Он даже пушку достать не успел. Свалился, так и не поняв, что случилось и кто его так. Одно слово, разрешительная система, — теперь уже Натан проиллюстрировал на лице скорбь. При этом лицо его больше смахивало на лицо мужика на похоронах своей тещи.

— Но раньше-то он в гаишниках ошивался. Сам говорил.

— А что, в гаишниках разве толковые науки преподают? Как страховаться, что подставлять, как действовать при нападении? У них там одна наука... Старлей явно посчитал, что нападавший один, вот и опростоволохился. Спину подставил. А этого нельзя делать. Ни в коем случае нельзя. Пусть даже ты будешь тысячу раз один на один с противником. Спину всегда надо под прикрытием ставить. Руки и ноги — это твоё оружие. Вот их и держи наготове. Тем более, если ты без ствола. Но у него в подмышечной штатный «макаров» сидел. Значит, знал, на что шел. Не сразу и нашли его.

— Немного не живого, да?

— Ты угадал, — Натан изобразил на лице чисто одесскую улыбку. — Даже остывшего.

— Со штатным «макаровым» в кобуре. И что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что это чистый заказник. Спору нет. Делали то, что было приказано. Ни больше ни меньше. Даже карманы не чистили. Мочканули и ходу.

— И что, даже не задали ни одного вопроса? Странно, странно.

— Так и я о том же. Это еще раз доказывает мою правоту. На хрена ломовику вопросы задавать? Ему поставили определенную задачу: терпила должен склеить ласты и все. Чтоб даже рот не успел открыть. Ломовику знать лишнее совсем без надобности.

— Да-а, даже не позарились на ствол?

— Как видишь, закосили под серьезных громил.

— Серьезные люди заказывали, так будет точнее. Сам ведь причисляешь их к ломовикам. Фамилии хоть известны? Генерал говорил, что из местных. Вроде из работников фирмы «Полесье», так?

— Ты про тех двоих, на которых все свалить пытаются? Есть такое на слуху. Только это вряд ли. Тех я прекрасно знаю. Отдублировать они могли, челюсти, конечности отрихтовать — это да. А вот мочкануть — не их партия. Я, конечно, подписку за них не дам, чего только по пьяни не сделаешь? Один, так вообще должен еще сидеть.

— Вот видишь? Взяли их, не знаешь?

— По городишку бродят слухи, что за бугор они смылись. Только это тоже вряд ли.

— Расшифруй.

— А тут нечего и расшифровывать. Кто они такие, чтобы за бугром их ждали? Не та это категория, чтобы за бугром их ждали с распростертыми руками. Один, так вообще никто.

— А вот откуда давай-ка, друг сердешный, поподробнее. Кстати, ты с моим коллегой встречался? Как он тебе?

— Толковый майор. А почему ты не отправился сразу к нему в гостиницу, а позвонил мне? Потому что вы не с одного ведомства? Откуда он родом, поди с запада?

— Какой ты догадливый. Мы не с одного ведомства, но это ничего не значит.

– Я так и понял, что это ничего не значит. Тут и к бабке не ходи. Господи, и когда это закончится? В одной фирме пашем, одному Богу молимся, вместе на стволы ложимся, а друг к другу полного доверия нет. Я тебе, подполковник, как родному скажу. И имею на это полное право. Считай, как пострадавший. На своей шкуре испытал. До тех пор пока порядка в нашей общей фирме не будет, до тех пор и с раскрываемостью будет такой кавардак. И вообще. Это же воинствующее фарисейство. Ведь центр и запад демократами быстрее признает бандитов, чем юго-восточных русскоязычных украинцев. Особенно, если эти бандиты будут выступать против русскоязычных украинцев. Это же надо до такого дожить.

– Не отвлекайся.

– Не по своей инициативе, заметь. Так вот, На слуху гуляет параша, что старлея мочканул Сахновский со Скелетом. Кстати, оба топтали зону. Так вот первый, Сахновский Олег, ранее проходил в оперативных документах под кличкой Трубач. 1974 года рождения. Бывший детдомовец. Будучи в детдоме научился довольно сносно играть на трубе. Отсюда и кликуха. Первый раз в 93-м сел за наркотрафик. Чалился во Львовской тюрьме. Там и кликуху получил. После отсидки здесь долго не появлялся. Где куралесил – неизвестно. Во всяком случае, мне. Появился только в конце двухтысячного. И сразу попал в фирму «Полесье». В бригаду вальщиков леса. Реально был надзирателем над вальщиками. А если еще точнее, контролировал добытый янтарь-сырец. Второй раз приземлили за разбой. В 2001-м вдвоем в местной забегайловке по пьяни с приезжими что-то не поделили. В конце девяностых в фирме «Полесье» много приезжих работало. Те же братья Пригары, Витковский и иже с ним. Короче, была драка. Кабак, да будет тебе известно, работал до последнего посетителя. Одному нос перебили, другому руку сломали, а хозяину, тот в аккурат со знакомым там отдыхал, по кумполу въехали. Да так, что тот на 21 день слег. Сотрясение получил. Плюс мебель потрошили, бутылки в барной стойке перебили. Если бы хозяин не пострадал, разошлись бы мирно. А так, Трубачу, как застрельщику, впаляли на полную катушку. Пятерик. Между прочим, по Малинину-Буренину он-то и должен еще сидеть. Если только на УДО (*условно-досрочное освобождение*) не оформили. А его корешу-подельнику Станиславу Цвиркуну по кличке Скелет – на трешник наскребли. Я уже тогда отстранен был. Своя служба безопасности мной занималась. Но пару страничек аналитической справки по этим делам прочитать успел. Так что в курсе.

– То, что один затеял потасовку, а второй наносил удары ножом, версия, как я понял, твоя личная, так?

Толчинский молча кивнул головой.

– А ты не мог бы этот вопрос прояснить через своих бывших знакомых?

– А чего его прояснять? Зайди завтра в ментовку и получишь самые точные ответы.

– Ты имеешь в виду по составленным бумажкам? Так протокол можно такой составить, в каком будет нуждаться начальство. А мне бы хотелось знать все обстоятельства, как говорится, из первых рук. Сможешь?

– Исключительно ради вас, товарищ подполковник, постараюсь пробить его по своим каналам, – улыбнулся Натан.

– Было бы хорошо, если бы ты постарался пробить этот вопрос до десяти утра, скажем так. Ты уж постарайся. И еще. Помнишь, прошлый раз ты обещал мне устроить встречу с Шершнем. Он уже вернулся из санатория?

– В аккурат вчера вернулся. Я уже с ним разговаривал. Предупредил. Он на встречу согласен. На когда скажешь, на тогда и организую. Только к нему ехать надо. И предварительно позвонить, чтобы потом не плевать-ся.

– Завтра мы впритык займемся убийством Полоха, а на послезавтра – в самый раз будет. Договаривайся на послезавтра. Часам так, к двенадцати. Идет? Все. Пора мне.

– А может, у меня переночуешь?

– Ага. А завтра уже в Киеве будут знать, что я не в гостинице ночевал, где мне, как я понимаю, заказан номер и меня с нетерпением ждут, а у бывшего капитана милиции. У которого, заметь, не очень чистое прошлое. Сразу козни плести начнут. И твое бывшее начальство в первую очередь.

– Как-то не по-людски все получилось сегодня, Илья. Такое впечатление, будто ты у бомжа какого побывал. Ни тебе выпивки, ни тебе закуски. Давай хоть кофейку организую.

– Поздно, брат, пить боржоми. Раньше надо было предлагать.

– Да ты, как только появился у меня, сразу стал версии строгать да вопросы всякие задавать. У меня всю домашнюю заготовку как ветром из кумпола выдуло. И кофе не подождешь?

– Некогда, дорогой.

– Так, может, опять «копейку» дернуть? А что, мухой с ветерком доставят.

– А зачем? Я дорогу отсюда в центр теперь с завязанными глазами найду. Не хрен мужика лишний раз дергать.

– Тогда давай такси вызовем.

– И это лишнее. Зачем без особой надобности светиться у тебя? Таксист – это как раз и есть те самые лишние глаза и уши. Нет уж, увольте. Пешком доберусь.

– Э-э, так не пойдет. Я тебя провожу. И не возражай. Считай, что это взамен угощения. Тем более что и погода вроде летняя. Снега нет, да и морозец терпимый. И не бойсь. Никто нас не зафиксирует. Шапки на уши поглубже, воротники – стоечкой...

До гостиницы добрались без всяких приключений. Благо, все небо было покрыто тучами. Чувствовалось, что хороший снежок не за горами. Райцентр, как и всякие города такой категории, освещался только в центре. Да и то всего десятком лампочек. Не больше.

– Значит, так, Натан Израилевич, ты уж постарайся часов до десяти выяснить тот вопрос. Я очень на тебя надеюсь. Будь здоров.

– И тебе не хворать, – сверкнув в темноте белыми зубами, Толчинский тут же исчез в непроглядной темноте.

... – Наконец-то пропажа явилась, – радостно улыбнулся Хрущ, пропуская в номер Васюту и закрывая двери на ключ.

– Ну здравствуй, Виталий, – бросая вместительный дипломат на нетронутую кровать у двери, поздоровался Илья. – А ты чего не спишь? Поди, тяжелые мысли на психику давят?

– Ага. На мозги давят. Кофе, чай?

– Наркотики? – улыбнулся Васюта. – А чего-нибудь покрепче слабо?

– Обижаете, товарищ подполковник. Я вполне уже обжился здесь.

Минут через двадцать на столе красовалась бутылка «Немировской», пузырь с газировкой, грубо порезан кусок сервелата, несколько тоненьких ломтиков хлеба и, самое главное, у стены выпускал пар из нутра пузатый электрочайник. Рядом с ним стояла откупоренная банка черного растворимого кофе, а на салфетке – штук десять железнодорожных упаковок сахара.

– Ты что, только что приехал?

– А то, – не моргнув глазом, ответил Илья. – До сих пор ж... как будто не моя.

– Я представляю. Мне сегодня генерал Подoliaко звонил. Поэтому я тебя ждал. Однако долго ты добирался.

– Так ведь и свет неблизкий. Ты мне вот что скажи, дорогой, как же так получилось, что вы с Толчинским такой удар пропустили? Кстати, ты хоть с ним встречался?

– С Толчинским? А как же. И не раз. Толковый малый.

– А с Полохом?

– Нет. Его нашли в пятницу недалеко от лесопилки.

– Значит, его ты не видел, не разговаривал с ним и зачем он туда поехал – не знаешь?

– Ну почему? Кое-что мы уже выяснили. На лесопилку он приехал во второй раз. Первый раз он был там во вторник, двадцать второго.

– Значит, сразу, как только меня отозвали в Киев. Здесь есть над чем мысли веером бросить. А зачем он приехал туда во второй раз вы, конечно, не выяснили, да?

– Самый точный ответ на этот вопрос смог бы дать только он сам. Ну, еще те, которые его мочканули. Но Толчинский утверждает, что в первый свой приезд он вел дотошный опрос всех работников лесопилки. Вывод напрашивается только один. В первый свой приезд он беседовал не со всеми. Надо искать тех, которые в первый его приезд отсутствовали.

– Вы эту версию обсасывали вместе с Натаном?

– Нет. Он почему-то в эту версию не верит. Но я все же настаиваю на отработке и этой версии.

– Значит, так! Пока мы не остограмились! Завтра с утра наведайся в местное «угро». Ознакомься с протоколом осмотра места убийства, поинтересуйся выдвигаемыми версиями, предполагаемой причиной убийства. В общем, прояви максимальную заинтересованность. Но все это надо делать не с начальственных позиций, а с таким себе профессиональным любопытством.

– Ага. Так они мне все подробно и, главное, правдоподобно и доложили. Особенно, если их не придавить удостоверением с Банковой. Они мне такой продукт на уши навешают, неделю разматывать придется.

– Ну и пусть. Если уж так, пусть дают официальную бумагу. Мол, нам в администрации так велели. Они вешают продукт и ты вешай. Только делать это надо очень осторожно. Кстати, ты на месте убийства Полоха был?

– Был.

– И ничего?

– А что я там такого особенного должен был обнаружить?

– Да-а... – многозначительно выдал Васюта. Он не стал ссылаться на Кашая, своего бывшего шефа, который всегда старался лично побывать на месте убийства, дабы своей аурой прочувствовать энергетику местности. Что по утверждениям все того же Кашая, место совершенного преступления долго еще хранит энергетику тех, кто совершал это преступление. И надо только очень и очень сильно прочувствовать своей аурой эту энергетику. И если этого достичь, что бывшему шефу неоднократно удавалось, то аура, наполненная этой энергетикой, может вызвать в собственных извилинах ту единственно правильную версию, которая впоследствии приведет к долгожданному результату.

– Место как место. Кругом лес и какой-то сарай, построенный за строением лесопилки. Причем на приличном удалении от нее. Там, где складировали готовую продукцию. Доски, брус... Ничего там особенного нет.

– Ладно, давай наливай, коль на стол выставил.

– За твой приезд.

– Ага, – прохрипел Васюта, отправляя огненную жидкость в желудок. – А качество ничего. Не хуже нашей, одесской. Ты извини, Виталий, я перекушу немного. А то кишка кишке уже стучит по башке. А это, согласись, не очень приятно.

– Да тут-то и закуси – кот наплакал. А вы что, за всю дорогу так ни разу не останавливались?

– Ну почему? Останавливались. Раза три по-малому, – проглотив один бутерброд, Васюта добросовестно стал выстраивать второе архитектурное строение из хлеба и кружочков грубо порезанной колбасы.

– А поесть?

– Ребята пирожков на трассе купили. Вот мы их и уминали. А так, чтобы пожрать – не-е. Шеф такую пургу нагнал, мчались на всех парах. Ну и как тебе Середняны? – Илья, зыркнув на коллегу, чуть не половину строения запихал в рот. Аж глаза округлились. Увидев его физию с выпученными глазами и исчезающим во рту приличным куском такой себе продуктовой пирамиды, Виталий прыснул со смеху.

– Ты чего, голодного мужика не видел? Чего стоишь, наливай, давай. Или ты ждешь, чтобы я подавился? Не дождетесь, уважаемый. У меня пропускная способность гортани – любой позавидует.

Было около часу ночи, когда они улеглись спать. И тут, подоткнув одеяло под себя со всех сторон, Илья вспомнил о Натане.

«Интересно, как он добрался до дома. А может, совсем и не домой он пошел? А что, холостой, здоровый. Да за таким парнем бабы должны табуном носиться. А почему должны? Явно носят. Тоже мне конспиратор нашелся. “Взамен угощения, морозец, погода”... Хитрый Митрий».

Хутор Заболотный

27.02.200... год

Илье ночью снились какие-то кошмары. Но вся беда в том, что сон не запомнился. Вроде он и был, и сновидения высвечивались на виртуальном мониторе, а поднялся – все исчезло. Ни тебе конкретных лиц, ни конкретных ориентиров. Все как будто в тумане.

Как только дал о себе знать выдавший виды телефонный аппарат явно еще советского производства, Илья тут же открыл глаза. Уже потом, пытаясь сопоставить полученную по телефону информацию с растворившимся сном, Илья серьезно грешил на окно. «Не успел глаза открыть, как весь сон Фома будто хреном слизал». Дело в том, что его кровать была у ближней стенки возле входной двери. А кровать Хруща со стоящим в углу столом была у самого окна. Такое размещение стола явно было связано с телевизором, восседавшим на этом самом столе. Чтобы экран монитора не бликовал. Вот Илья и сваливал всю вину на окно. Главное, было на кого. Как в лучшем бюрократическом государстве.

Когда-то в детстве ему не раз приходилось слышать, что именно окно главный враг запоминанию снов. Мол, если ты проснулся и хочешь запомнить сон, постарайся не смотреть в окно. Во всяком случае, до тех пор, пока не прокрутишь весь сон в памяти.

Вместе с ним, почти что одновременно проснулся и Виталий. Расположение стола, о котором мы упоминали выше, заставило именно его взять трубку. Хотя вполне возможно, что это был как раз тот самый неединственный случай, заставивший его первым подойти к телефону.

– Дай трубку подполковнику, – буркнули на том конце линии без всяких здравств-досвиданий, как только он произнес в микрофон общепринятое выражение.

– Тебя, – уставился Хрущ на Васюту. – По-моему Натан. Ни тебе здравств, ни тебе привет. Станный у него голос какой-то.

– Слушаю тебя!

– Доброе утро, Илья Бенедиктович. Ты уже проснулся? Меня хорошо слышишь? Есть необходимость срочно пошептаться.

– Еще не проснулся, но уже слышу. В двух словах ты можешь объяснить, что случилось?

– В двух словах да, в двух словах могу. Ты хорошо спал эту ночь?

– Ты можешь без выпендривания?

– Так вот, лично я эту ночь спал очень паршиво. И знаешь почему?

– Ну спасибо, друг сердешный, что ты решил посвятить меня в проблемы своих сновидений. Причем в самое подходящее для этого время. Ты не находишь? Шерше ля фам, дружище, и сны будут глубокими и здоровыми...

– Меня вчера ждали, – резко прервав напутствие Васюты, прошептал Толчинский и замолчал.

– Когда возвращался обратно? – вырвалось у Васюты, и шуточное состояние его души резко сменилось на самое серьезное. Эта перемена не осталась незамеченной Виталием.

– Да. Но подробности только при встрече.

– Что, прямо сейчас? Ты что, шутишь? Нашел время. На часы посмотри.

– А что часы? Скоро семь. В самый раз.

– Прикажете уже подсказывать и бежать? И куда, друг сердешный? А припекло тебя видать здорово, – последнее Васюта подумал только про себя. На это были веские причины.

– Да. Прямо сейчас. Ты же потом с головой окунешься в работу. Тебя же потом и Интерпол не отыщет. А куда? В нашем городишке – хоть головой о камень, хоть камнем о голову. Все равно... шишку издали видно будет. Давай на старом месте. Там где мы последний раз встречались. Помнишь?

– А не рановато ли будет?

– В самый раз. Я тебя там буду ждать. И я тебя умоляю, постарайся долго не вертеться у зеркала. До встречи.

– Ага! – только и смог ответить Илья, укладывая трубку в гнездо аппарата. – Понимаешь, какое дело, – Васюта никак не мог быстро подобрать подходящую легенду. И чтобы не всплывало в его извилинах – все ставило с ног на голову начало вчерашнего разговора. Напрочь меняло его ответы коллеге. А это могло серьезно повлиять на отношения не только между двумя управами МВД, но еще хуже, на дружбу двух оперов, работающих по одному и тому же делу. Что было очень и очень нежелательно. Настоящая, тем более оперативная дружба секретов в своих отношениях не терпит. Причем с явными намеками на вранье. – Тут такая штука... Я вчера не совсем правильно тебя информировал. Вернее, совсем неправильно. Ты уж извини меня, старого дурака. Прежде чем появиться в гостинице, я был у Натана. Хотел сразу нырнуть в гущу событий. Тем более что он должен был организовать мне встречу с одним человеком. Эта встреча мне нужна как воздух. От нее зависит правильность дальнейшего направления моего мышления. Если хочешь, направления поиска заказчика и организатора убийства советника президента.

– А у тебя случаем нет желания поделиться своими мыслями со мной? У меня создается такое впечатление, что мы с тобой ведем два разных дела, – майор Хрущ в подчиненные к Васюте не набивался, был совсем из другого ведомства и такие действия старшего коллеги задела его за живое. Причем это «живое» все сильнее и сильнее где-то там дергалось,

шевелилось, обрастая с каждой секундой все новыми язвами так и рвущимися на язык.

– Начнем с того, что мы с тобой толково практически со дня совместного пребывания в санатории «Поляна» и до сегодняшнего дня не беседовали. Одессу я в расчет не беру. Так что поделиться с тобой своими мыслями мне, как видишь, действительно было некогда. Такое заключение тебя устраивает?

– Такое оправдание, да, устраивает. Очень надеюсь, что в ближайшее время белых пятен в этом деле для меня существовать не будет. А что случилось с Натаном?

– Понимаешь, он меня вчера проводил до гостиницы и вернулся обратно. Но на пути его ждали.

– И что, пришлось немного помахатьсь? Ему что чайник начистили?

– На данный момент я больше ничего не знаю. Хотя это вряд ли. Ты его кулаки видел? Запросто с грудной клетки скворечник сделают. Думаю, все обошлось мирной беседой. Во всяком случае, в его голосе намеков на какие-то серьезные дела не было.

– И где вы собираетесь встретиться?

– Есть тут одно место, – Илья очень внимательно посмотрел на Виталия, потом медленно обвел взглядом стенки комнаты и только потом продолжил: есть тут одна тихая заводь. «У пана Стецька» называется.

– Смахивает на какой-то бар. Я прав?

– Стопудово. Кафе. Вот там мы и встретимся с Натаном. Теперь с тобой... Менять программу не будем. Дуй, как и договорились, в «угро». Хотя и выходной – постарайся поднять всех, кто этим делом занимается. Если нужно, потребуй выехать на пилораму. Выясни все, что у них нарыто по убийству Полоха. И официально, и неофициально. Постарайся добыть побольше информации. Любой. Потом просеем. Можешь дурку включать по полной программе. Тебя они не знают, ты здесь недавно, так что будут напичкивать тебя дезой по самые некуда. А ты не соглашайся, требуй письменного подтверждения. Мол, этого от тебя требуют на Банковой. И удостоверение им в нос, удостоверение... Посмотрим, что из этого получится.

– А может, вместе на встречу? К этому «Стецько». Что-то после убийства Полоха и неожиданной вчерашней встречи Натана, не знаю с кем, у меня к этому городишке начинают вырабатываться нехорошие чувства.

– Сплюнь.

– Уже сплюнул, – Хрущ очень качественно трижды сплюнул в сторону окна.

– Да не через правое плечо.

– Извини, – поспешил исправиться майор и тут же снова проделал нужную процедуру только теперь уже через левое плечо. Для этого ему пришлось повернуть свое туловище в цветастых трусах на сто восемьдесят градусов влево. Стол он и есть стол. И плевать на него – самое настоящее хамство.

– Вот так-то будет лучше. Но это еще не все. Ты меня немного проводишь. В смысле, подстрахуешь. Мне бы очень хотелось удостовериться в том, что нас пока еще не «слушают» и что к нам не приставили топунов. Только аккуратно. Большими специалистами в этом деле я сомневаюсь, что они здесь могли обзавестись и все-таки. Постарайся сделать это незаметно. Квартала два-три проследи за мной. В случае чего, брякнешь. Я должен знать, что у меня делается за спиной. Так мне будет спокойнее, – своим предложением «важняк» преследовал две цели. Во-первых, исходя из чисто профессиональных интересов. Паранойей он не страдал, но подстраховка в русле поступившей информации была в самый раз. И, во-вторых, таким предложением он снова приближал к себе своего коллегу. И это ему удалось на все сто. Иногда и в таких фирмах лучше быть небольшим дипломатом, чем большим редиской. То есть нехорошим человеком, скажем так.

Понаблюдав за Ильей из-за занавески с минуту, гостиницу покинул и майор Хрущ. Часы в вестибюле показывали семнадцать минут восьмого. Кстати, за стойкой регистрации было пусто, как в турецком барабане. Именно так мысленно отметил про себя Виталий Львович.

... – Ну и что случилось вчера после того, как ты меня проводил почти что до дверей ночлежки?

– Не до дверей, а только до угла забора. Причем самого дальнего.

– Не суть важно, – хмыкнул Илья и тут же потянулся к бутылке с газировкой.

– Что, головка бо-бо?

– Ты на что намекаешь, сукин сын? Вытащил меня ни свет ни заря, еще и подъегоривает, – вливая в себя изрядную порцию жидкости, по-одесски ответил Васюта. – Ни головка, ни другие органы, да будет вам, уважаемый, известно, у меня никогда не болят. Ты давай, не стесняйся, рассказывай про свои ночные приключения.

Подойдя к кафе, Васюта без всякого удивления констатировал, что двери последнего закрыты на висячий замок. Причем явно не единственный. «Зря я приперся так рано. Говорил же этому Шерлоку Холмсу, что такие заведения так рано не открываются. Вот и жди теперь. Главное, сам ведь не очень спешит. А еще: «не задерживайся у зеркала...». Ну погоди, появишься, я тебе такой прочухан устрою... Такой...». Но мысль свою закончить Илья не успел. Откуда-то из-за стенки вынырнул знакомый уже бармен и одними глазами пригласил его за собой. Пришлось подчиниться.

То, что от гостиницы за ним никто не увязался, подполковник уже знал точно. Хрущ, следуя за ним на приличном расстоянии, убедил его в этом по мобилке. А дальше все шло как по накатанной.

Натан сидел все в той же комнате на втором этаже. Причем в той же позе, что и в прошлый раз. Слегка развалившись на стуле. Холодная закуска на двоих, столовые приборы, аккуратно завернутые в салфетку, откупоренный уже пузырь газировки да два стакана с нетерпением ожидали прикосновения надежных хозяйских рук.

– Все было чинно-благородно. Я возвращался обратно. «Хвоста» за собой не наблюдал. Ночь, тишина, в такую погоду топтуна быстро вычистишь, если ты не совсем дубовый до пояса. Квартала два прошел. А вот у магазина – помнишь, мы мимо него проходили? Там еще одна единственная лампочка на весь квартал не над дверью магазина висит, а на столбе? Магазин коопторговый, а те всегда болели хронической нехваткой наличности.

– Да помню я, помню. Что дальше было?

– Вот рядом с этим магазином он меня и тормознул.

– Он что, один был? – чувствовалось, что Васюта даже вздохнул спокойно. – Ты его узнал?

– Нет! Он был не один. Как только я подошел к забору сразу увидел, как три тени отпочковались от дальней стенки магазина. Сразу понял, что ситуация приобретает признаки нестандартности. В считанные секунды прикинул партитуру. Быстро осмотрелся и ускорил шаг к столбу, что у самого тротуара. С троими, я думаю, справился бы. Если, конечно, без стволов. Во всяком случае первому, что шагнул вперед, успел бы врезать по кумполу так, что позвоночник у него точно ссыпался бы в его трусы. Правда, помахать пришлось бы здорово. Они, конечно, мне бы тоже прилично навешали. Отпрессовали бы так, что макака за родного приняла бы. Но что поделаешь. Такова, как говорится, се ля ви. Точно, справился бы. Тем более что от освещенного места дальше двигаться я не собирался.

– А если бы на свет Божий появились стволы? Ты понимаешь, о чем я?

– Тогда все, тогда сливай воду. Бесплатный билет на тот свет. Аллилуйя и блаженный покой. У меня все равно другого выхода не было. Кричать бесполезно. Тут днем человека дупли по первое число – никто даже голову в его сторону не повернет. А ночью и подавно. Прикинул я, как говорится, хрен к носу, и думаю: стволами они вряд ли заряжены. Ножички-режички – это еще куда ни шло. Но с таким богатством я бы справился. Кое-что знаем, плавали. Чай не разрешительная система.

– Откуда такая уверенность, что они без стволов?

– Ты сам посуди. Шастать по городу со стволами – на это надо опыт иметь. И не только опыт, ум нужен не в количестве двух извилин, а несколько побольше.

– А если босота пьяная, хуже того – обкуренные? Такое в мыслях не возникало?

– То, что они не пьяные и не обкуренные, я определил сразу.

– Ага! По ихним теням, так что ли? Знаешь что, иди ты в задницу.

– А если и так, то что? Да я, если хочешь знать, пьяного да обкуренного за квартал усеку.

– Но-но, – хмыкнул Васюта. – И что было дальше? Отпочковались они от стены и стали тебе сказки рассказывать? Ни царяпин на тебе, ни фингалов не видно.

– Сказки мне стал рассказывать один. Вернее, сказку. Тот, который отошел от стенки метров на пять-шесть, продолжая оставаться в тени. Сделал пару шагов и застыл аки якорь в клюзе. Остальные отпочковались от стенки и сразу остановились. Ну, чисто тебе персоны без речей в театре. Изображение страшилок – вся их работа.

– Значит, тебя пасли. А тебе слабо было отнестись к этому вопросу более серьезней?

– Так я и не думал об этом. И вообще, что ты называешь «более серьезней»? Это же обыкновенная деревня. Откуда тут большие специалисты?

– А деревянный бушлат для тебя был бы серьезней? Тоже мне, Стивен Сигал выискался. Ну и что дальше было?

– А что дальше?

– Не томи душу. Вообще-то, такое на сон грядущий обозреть – дурной призрак. Кошмары ночью не снились?

– Нет. Сам ведь отвлекаешь. Только я появился у столба, как тот, который был впереди других, вежливо, внятно и довольно убедительно сказал: «Стой!» Я тут же шагнул к столбу. Он продолжил: «Стой где стоишь и не шевелись».

– Ты лиц не признал?

– Тех двоих – нет. Они в тени оставались, да и далековато было. А у этого, командовавшего парадом, нос и борода были перевязаны платком.

– Откуда такие тонкости?

– Так ведь расстояние не бог весть какое. И еще я заметил по тени на стенке, что на затылке торчали два хвостика от платка. Примитивно, но эффективно. Да и голос был до безобразия изменен.

– И какие мысли по этому случаю в голове вертятся?

– Есть одна мысль. Но это потом.

– И что эта загадочная личность хотела из-под тебя?

– Из-под меня, как я потом понял, практически ничего.

– Ни хрена себе. Это еще что за мансы? Ты что, шутишь?

– Никаких шуток. Личность убедительно попросила меня передать вам, уважаемый сыщик, чтобы вы не совали свой нос в фирму «Полесье». Мол, это просили передать вам серьезные люди.

– Так, так... Это уже интересно. Давай-ка, дорогой, с этого места еще раз и ...

– И поподробнее, – съехидничал Натан. – Значит, стою я и краешком глаз наблюдаю и за ним, и за тенями. Они хоть и смазаны, но просматриваются. Естественно, мысленно я уже отработал несколько движений. Шаг вправо, резкий присест и прочее. Только говоривший ближе ко мне тоже не придвигается. А тем же полупотом говорит: «Это и есть тот самый опер из Киева? Ты что, его встречал? Так вот, передай ему, что бы меньше совал свой нос в фирму «Полесье». Знающие люди передали, что фирма никакого отношения к тому убийству Конопляного не имеет. Один уже свой нос туда сунул».

– А откуда он, или они, черт бы унес, узнали, что я приехал? Я ведь кроме тебя нигде еще засветиться не успел.

– Ты на что намекаешь?

– Да брось ты ерепениться. Я совсем о другом. Кто-то им информацию сливает. Причем очень оперативно, ты не находишь?

– А может, водитель, с которым ты приехал?

– Их двое было, – автоматически ответил Илья. – Что ты сказал? Водители? А что, вполне возможно. Меня высадили и на обратном пути тормознули у поста. Номера на тачке милицейские. Их могли специально остановить. Потом слово за слово – вот водилы и проговорились. Ты можешь пробить по своим каналам, кто вчера ночью дежурил на посту?

– Ты имеешь в виду на выезде из Середнян? Попробую.

– Ну а дальше что?

– А что дальше? Тень выдавила из себя эту гнусную информацию, посоветовала мне быстрее шевелить жопой в заданном направлении не оглядываясь и тут же испарилась. Причем вместе с двумя другими. Я даже не заметил, куда. Исчезли, как в море кильватерный след корабля. Растворились в темноте, как задержанные зарплаты и пенсии в приснопамятные девяностые. – Толчинский явно хотел присовокупить сюда еще парочку услышанных где-то юморных сопоставлений, но Васюта его вовремя перебил.

– Надо полагать, ты его не признал. Жалко, – выдал Илья в пространство.

– А что бы было, если бы признал? Устроить поиски? Не смеши меня. Между прочим, я хоть хилым себя и не считаю, но к концу неожиданной встречи мокрый был до исподнего. Хоть выжимай. Ну, нашел бы я его, ну, взял бы за жабры, и что дальше? Что бы я ему официально предъявил? Ночное randevu? Так он бы от этого randevu в шесть секунд открестился. Хочешь, я тебе больше скажу? Узнать я его не узнал, но голос его мне до боли знакомый показался. Да и не только голос. Сутулость, чепчик на лоб будто вечно от долгов скрывается.

– Есть существенные предположения?

– Помнишь, я тебе говорил про водителя бывшего замначальника УМВД полковника Салоевского?

– Тот, который, по-твоему, занимался контрабандной переправкой янтара за бугор?

– Вот, вот. Тот самый.

– Думаешь, это он?

– Как говорят наши подопечные, век воли не видать.

– И как ты думаешь с ним поступить? Чего ты вообще хочешь?

– Суший пустяк. Раздать всем этим сестрам по серьгам. Но их еще надо найти. Когда его бывший шеф после выборов куда-то исчез, этого фраера тоже долго видно не было. Потом появился, но его не трогали. Потом он снова исчез. И вообще, этот хмырь только наездами здесь появлялся. И где он пропадает и чем занимается – никто не знает. Да и кажется мне, что это никого не интересовало. Попробую заняться лично

этим вопросом на неофициальном уровне. Подключу к этому делу своих «стукачей».

– Уверен, что это не то дело, которое можно в архиве на гвоздик повесить? – прервал его Васюта. – Сам хочешь разобраться? Но ты же в прошлый раз говорил, что претензий к моему ведомству иметь не будешь? Что, жаба давит?

– Хуже.

– А беду не накличешь?

– Вряд ли этот контингент на сегодня уже представляет какую-то ценность.

– Значит, они уже в курсе, что я прибыл сюда. Оперативно, оперативно. Страх не люблю на чужих тачках ездить. Особенно, с водителями, у которых язык аки метла. «Ниву» мне в администрации со своим водителем дали, опять же генерал с Одессы. Со всех сторон обложили. Ну чисто тебе демоны. Придется тактику своих действий слегка подкорректировать. Ты Шершню уже звонил?

– И когда бы это я успел? В промежутках между встречами с хмырями и сном? Так мне как-то не до этого было. Другие мысли в голове шебаршились, как ты любишь выражаться. Я даже по этому поводу свечку святым поставить не успел.

– Звони прямо сейчас. В случае чего – этот вариант будет для меня оправданием по вчерашнему вечеру. Тем более что я и помощника на это уже настроил.

– А что помощник? И он отчета потребовал? Ни хрена себе помощники пошли. Во, времена настали, – Натан достал мобилу и набрал номер. – Але! Але! Павел Иванович, это вы? Вот это связь. Вы что там, в подвале сидите? Да прицепите вы антенну к мобилке и бросьте ее на крышу, слышимость улучшится. Лично сам проверял. Да! Это я. Помните, мы с вами вели речь о представителе из Киева? Да, да... Он самый. А как вы догадались? Конечно, есть большое желание пообщаться. Вы не против? Как когда, сегодня. В котором часу? – Толчинский довольно выразительно посмотрел на Васюту. На что последний шепотом спросил:

– Сколько туда ехать?

– Часа три не меньше. Это если дорогу знаешь? – опустив руку с аппаратом, тоже шепотом ответил Натан.

– Назначай на четырнадцать, – глянув на свой ручной хронометр, в таком же режиме уточнил Илья.

– Павел Иванович, вы меня слышите? Еще не потерялись? Значит, так, этот товарищ приедет к вам к четырнадцати часам. Вас такой вариант устраивает? Он вам не сильно планы нарушит? Сегодня воскресенье? А я совсем из виду упустил, – съерничал Толчинский. – Хорошо. В таком случае ждите. Даже обедом угостите? Вот это он будет доволен. Все. До связи. Она и так на ладан дышит. Ты все понял? – выключив мобилку, спросил бывший опер у Васюты. – Только на чем ты ехать туда собираешься? Тем более в воскресенье?

– Во-первых, не я, а мы. Придется вам, юный друг, совершить это путешествие вместе со мной.

– Сусанина изображать? А засветиться не боишься?

– Да куда уж больше. О наших с тобой связях они, оказывается, осведомлены прекрасно. Боюсь, что даже прежние наши посиделки незаметными не были. Информацией обладают наши противники на высшем уровне. А поедем мы туда на русско-американском джипе. «Шевроле-нива» именуется. Поди и не ездил на таком еще? Мне только надо его еще найти. Должен быть или в исполкомовском гараже, или в гараже районной администрации. Ты телефоны этих заведений случаем не знаешь?

– Так тебе надо водителя найти или джип? Или ты считаешь, что водила настолько преданный, что даже по выходным ждет не дожидается твоей команды? Случаем, не знаю. Но, у меня есть друзья, которые могут нам в этом помочь.

– Это называется: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Точнее, не имей собственной памяти, а имей толковый справочник. Звонить?

– Спасибо, что напомнил. У меня же есть его телефон. Если только на Банковой не поменяли водителя.

Минут через пять Васюта уже обладал полной информацией о водителе. Оказывается, тот еще в субботу к обеду приехал в Середняны и на данный момент нежился в какой-то ночлежке районного масштаба. «Значит, к исполнению своего плана генерал приступил задолго до разговора со мной. Хитер, старик», – Илья даже улыбнулся, чем немало удивил собеседника. Часа через полтора они вдвоем уже сидели в «ниве» и направлялись в сторону Случа. А сели они в машину совсем не у кафе.

До хутора Заболотного доехали быстро. Благо Натан, сидя на положенном месте, обязанности штурмана исполнял очень даже добросовестно. Дорога постоянно петляла между приличными и не совсем озерами, а может, даже и болотами. Хотя зеркала воды в озерах и в болотах существенно разнятся. В общем, как только проехали Рудню – окунулись в лесной массив. А после еще одного небольшого населенного пункта – пошла болотистая местность. И так до самого Заболотного. Дом Шершня стоял на окраине хутора. И был-таки довольно ухоженный. Видимо хозяин после смерти своей матери не поспешил расстаться с хуторской собственностью. А к концу приснопамятных советских времен и тем более позже даже постарался привести бывшее убогое хозяйство в надлежащий вид. Дом поднял на высоту второго этажа, заменил обыкновенные окна на металлопластиковые, оградил дом и обновленные хозпостройки шикарным забором. В общем, сделал такую себе дачку с видом на лес.

Как оказалось впоследствии, особняк в Середнянах он отдал сыну, а сам с женой переместился в хутор. Старшая дочь жила в Киеве. Причем тоже неплохо. Ее муж был средней руки бизнесменом. Занимался изготовлением и сбытом тех самых металлопластиковых окон. Вдобавок – бронированными дверями и еще чем-то, о чем даже сам тесть, Павел Иванович, был не совсем осведомлен, скажем так.

Поспели они в аккурат к обеду. Но прежде чем накормить гостей, хозяин с гордостью показал им все свое хозяйство. Оказалось, что он большой любитель кроликов. Разводит их с давних пор. И была у него их тьма-тьмущая.

Обедали в пятером. Жена Шершня на хуторянку смахивала больше, чем сам хозяин. В повязанном платке, молчаливая, присмотревшись, так даже слегка сгорбленная, она абсолютно не вписывалась в женщину, некогда жившую в городе. Пусть даже и в таком, как Середняны.

Сразу после обеда Павел Иванович, Васюта и Толчинский поднялись на второй этаж. Оказалось, что там, со стороны леса, оборудован прекрасный балкон не балкон, а целая крытая беседка с плетеными креслами и таким же столом.

Поставив на стол начатую еще на кухне бутылку крымского вина, хозяин положил рядом сигареты и предложил гостям присесть.

– Так что вас так заинтересовало в той истории, уважаемый Илья Бенедиктович?

– Просто Илья, Павел Иванович. Так удобнее. А интересует меня в той истории все. Все, что вы помните. Как он появился, кто он, как его звали, куда он потом делся? Что за мужик тогда в пятьдесят седьмом появлялся у вас на хуторе? Кем он представился и кем он интересовался?

– И вы думаете, я все это вспомню? – улыбнувшись, ответил Шершень, доставая сигареты. – Закуривайте.

Илья достал сигарету, хотя относился к ним с прохладцей. Курил редко. Натан же вытащил свои синие «Прилуки». Сделав пару затяжек, хозяин слегка наполнил принесенные бокалы вином.

– Давайте хлебнем по грамушке. Исключительно, чтобы беседа завязалась. А о той истории я все рассказал Натану Израилевичу. Но ты мне тогда явно не поверил, – с ухмылкой заключил Шершень, исподлобья глянув на бывшего опера.

– А вот я верю. Только давайте все сначала. Не возражаете?

Хозяин первым опустошил бокал, вытер бумажной салфеткой рот, секунду другую помолчал, вперившись взглядом почему-то в Толчинского, начал свой рассказ. Иногда он замолкал, видимо, пытаясь вспомнить подробности. Ни Илья, ни Натан его не торопили. Натан, так тот в очередной раз имел возможность удостовериться в памяти рассказчика. Как-никак эту историю он уже слышал. Пусть и не в таком подробном объеме.

– А как же его звали-то по-настоящему? Может, фамилию называл? – выслушав довольно длинный рассказ о появившемся у них в доме в начале войны раненом военном, попытался уточнить Илья. У хозяина действительно была неплохая память. Правда, Васюте несколько раз все же пришлось прервать рассказ, чтобы своими вопросами направить повествование Шершня в нужное русло.

– Звали его Саша. А было ли это его настоящее имя – я не уверен. Дело в том, что моя мама всех русских называла Сашами. Она так и говорила: Саши отступают или, Саши немцев-иродов прилично поколотили. Она его недели три отпаивала травами да раны примочками всякими

лечила. Он ведь долго без памяти был. Точно, это она его так назвала. Когда еще без памяти был, уже тогда Сашей звала. Потом и весь хутор его так звал. А вот насчет фамилии – ни разу не слышал.

– А что за форма у него была? В каком звании?

– В каком звании не знаю, а вот на счет формы... Как только мы его тогда на волокуше привезли домой, мать сразу его в баню, переодела, а форму там же в бане и сожгла. Говорила, что от греха подальше. Еще помнится она говорила, что если кто узнает что он из «безпеки» – это у нас так тогда гэбэшников-чекистов называли – или свои дом подпалят, или немцы сожгут. Это я точно помню. А звание – я тогда в званиях не разбирался. Что-то было у него в петлицах. А что, хоть убей, не помню.

– Понятно. А вот когда он в себя пришел, он что, не называл себя? Кто он, откуда?

– Так вся беда в том, что у него осколком в голову всю память отшибло было. Он ничего не помнил. И вообще, очень редко говорил. Да и говорил он как-то в растяжку. Видно, сильно его зацепило было. Когда мы его на волокушу укладывали, он даже не стонал. Вместо лица – сплошная развороченная рана. Прямо от уха и до носа, – хозяин даже попытался на себе показать то ранение. На что Натан тут же отреагировал:

– На себе-то, Павел Иванович...

– Значит, он ничего не помнил, так? Или не хотел помнить? А это две большие разницы. Не хотел – значит, для этого была веская причина. И если бы мы узнали эту причину – были бы...

– В шоколаде, – продолжил за Васюту Натан.

– Это точно. Только шоколад для здоровья вреден. А так, все путем у тебя, Натан. А вы, Павел Иванович, могли бы его описать? Хоть примерно. Возраст, рост, цвет волос?

– Возраст, говоришь? – Шершень надолго задумался. Никто его не торопил. Потом, видимо, поймав какую-то мысль, слегка освежив бокалы вином, с бокалом в руке сказал: – Давайте за память. Память – это хорошая штука.

– За хорошую память, – уточнил Васюта.

Все трое выпили.

– Когда мы его нашли, он выглядел довольно молодо. Лет на двадцать пять. А может, и меньше. Правда, небритый был. Это я точно помню. Явно несколько дней не брился. Среднего роста. Это я по длине волокуши вспоминаю. Волосы не то чтобы темные... Не цыганские, точно. Посветлее. А вот потом он мне уже помнится более старшим. Лет под сорок. Он еще бородку отпустил, усы. Да и волосы сединой покрылись.

– Хорошо. А тот, второй? Который появился здесь в пятьдесят седьмом... Случаем это не один и тот же человек?

– Вы имеете в виду, которого мама приютила да выходила вначале войны? И близко не похож. Это я вам точно говорю. Он ведь у нас почти год прожил. Пока его медведевцы в свой отряд не забрали.

– А может, он преобразился? Артистом заделался?

– Нет, Илья Бенедиктович. Сто процентов нет. Этого, в пятьдесят седьмом, я видел только краем глаз. Понимаете, в чем дело. Как только он появился возле нашего дома, мне мать сразу приказала сидеть в комнате и не высовывать носа. Но я за ним подглядывал. Он с мамой разговаривал во дворе. Она его даже в комнату не пустила. Около часа они разговаривали. И вы думаете, что моя мать не признала бы в нем того, первого? Тот ведь жил у нас около года. Не-е... Мать бы его признала. Но когда этот ушел и она вернулась в дом, то сказала, что это нехороший человек. Это я точно помню. Как чувствовала. Меня уберегла... Это точно. Я потом долго ее слова вспоминал. Меня она точно уберегла, а себя – нет.

– А он один был?

– Вот этого я не знаю. Только добраться к нам неместному практически невозможно. Это теперь куда ни шло. А тогда, какие дороги были? Одно название. Две телеги не разошлись бы. Так что кто-то его в наш хутор сопровождал. Точно, сопровождал. А вот кто?

– А его вы описать не смогли бы?

– Его вряд ли. Я только глаза запомнил. А ростом он был пониже нашего Саши. Сантиметров на пять-шесть пониже. Там, во дворе, колодец с колесом. Он как раз возле колеса стоял да с мамой разговаривал. Так Саша выше колеса был. А этот – нет.

– А если фотографию вам показать, опознали бы?

– По фотографии? Попробовать, конечно, можно.

Илья достал фотографию Конопляного, полученную по линии СБУ.

– Случаем на эту фотографию он не смахивает? Хотя вы его в действительности порядком и не видели. Сами говорите, что только подглядывали. Вот, посмотрите.

Шершень взял фотографию и долго-долго на нее смотрел. Причем с разных сторон. То оттягивая руку с фотографией, то приближая ее к глазам.

– Не припоминаете, да? – надежда Васюты таяла со скоростью звука. Но тут случилось...

– На того, второго, он абсолютно не похож, – наконец-то высказался хозяин. Но фотографию отдавать не спешил. Илья в упор уставился на него. – А вот на Сашу он похож. Ну, точно вылитый. Если ему бородку да усы приделать – точно Саша. Тот же взгляд, тот же нос да и прическа у него, как мы его нашли возле болота. Оказывается, он точно военным был. А что это за форма?

– Это форма сотрудника тогдашнего НКГБ, – Натан вовремя подсутил. Ему, видимо, надоело изображать из себя постороннего слушателя и он, налив себе вина в бокал, только что сделал последний изрядный глоток.

– Значит, мама была права. А вы говорите, что у меня память плохая. У меня память на лица о го-го еще. Есть предложение по такому случаю сделать пару глоточков. А-то Натан уже заждался. И правильно сделал. Нечего ждать, колья на стол поставлено.

– Так вы утверждаете, что тот Саша и этот на фотографии – одно и то же лицо?

– Уверен на все сто.

– Ты доволен? – Натан поддержал предложение Шершня и по справедливости разлил жидкость во все три стакана. Свои только что оприходованные несколько глотков он во внимание не принял.

– Да. В некоторых версиях это ставит точки над і.

– Предлагаю выпить за то, чтобы вы нашли убийцу моей матери. Илья Бенедиктович, вы обязательно должны его найти, – Шершень пригубил немного вина.

– Уважаемый Павел Иванович, вполне возможно, что его уже и в живых-то нет. Сколько лет прошло. Как вы думаете, сколько ему могло быть в пятьдесят седьмом? – Васюта последовал примеру хозяина.

– Сколько? – делая еще один глоток, призадумался Павел Иванович. – Думаю, не больше сорока. А вообще, в деревнях да на хуторах мужики намного старше своих лет выглядят. В городе, да.

– А вот он на кого смахивал больше? На городского или на деревенского?

– О чем вы говорите? Конечно, на городского. В туфлях, с сумкой, с зонтом... Мне потом мама об этом рассказывала. Этим он ее и поразил. Нехороший он человек, говорила. Несколько раз повторила. Мол, могилой от него тянет. Вот он ее в могилу и загнал.

Они еще посидели с полчаса, поблагодарили за обед и угощения, сели в джип и отправились обратно.

За всю дорогу оба не проронили ни слова. Лично Васюте было не до разговоров. Его мысли все пытались приткнуть только что полученную информацию то к одной, то к другой из имеющихся версий. Пока ничего толкового не получалось. А Натан, как и положено штурману или старшему машины, все свое внимание уделял дороге и водителю. Во всяком случае, так казалось со стороны. А оттуда, как гласит поговорка, всегда виднее.

Переваривая в уме все услышанное, Илья понял, что в деле гибели Конопляного-советника появилось новое направление. Точнее, это направление было не таким уж и новым. Просто данная версия, что убийство может быть в какой-то степени связано с историей исчезновения особого отряда НКВД и НКГБ в первые дни войны, в русле последних событий действительно набирала силу. Начинала обрастать фактами. Ведь впервые эту версию подкинул, больше того, усиленно пытался её муслировать еще там, в санатории, его бывший шеф полковник в отставке Кашай Иван Васильевич.

Только новая-старая версия рванула на себя и серию вопросов, на которые он пока не мог дать ни одного положительного ответа. Даже на такие казалось бы мелочные. Вроде, откуда противная сторона узнала, что он, Васюта, уже прибыл в Середняны? Или эта новость всплыла только здесь, после того, как он отправил машину обратно в Одессу, или эта новость начала свое путешествие на север Ровненской области еще до

начала его выезда из Одессы. И на этот вопрос надо было дать ответ в минимально сжатые сроки. От получения ответа даже на этот, казалось бы, пустячный вопрос, зависели многие его дальнейшие действия.

«Допустим, этим вопросом займется Натан уже сегодня. И к вечеру я надеюсь иметь результат. Что дальше? – в который раз на обратном пути мысленно задавал себе Васюта этот вопрос. И в который раз сам себе на него отвечал: – А ничего. Мы, – величая собственную персону на «вы», убеждал себя Илья, – только удостоверимся, откуда идет слив информации. И первым тут же появится новый вопрос, кто же за этим стоит? Вернее, кому это выгодно? Если Киеву – тогда это одно, а если местным шишам – тогда это другое. Ладно, на этот вопрос мы получим ответ, а вот откуда бывший водитель, если это точно был он, узнал, что «Полесье» к убийству никакого отношения не имеет? Стоп! Совсем не так звучало выражение. «Знающие люди передали...» «Серьезные, знающие...» – это не те слова. Не зоновского происхождения. Правильные люди – это другой компот. Правильные – это уже связанное с зоной. Значит, он действовал по указке не криминального контингента, а других. Кого? Только того, который уверен в том, что «Полесье» и его «трудяги» к убийству не имеют никакого отношения. А такими могут быть только настоящие хозяева фирмы «Полесье». Без указаивки которых ни один подчиненный и не чихнет.

И что мы можем иметь с гусь, как говаривает наш шеф, в этом варианте? Таких много не должно быть. Если мне не изменяет память, учредителей «Полесья» всего-то было пять человек. Конопляный, Вебер, Войтович, Самборский и Иванов. Один уже отпадает по причине отправки в заоблачный рай. Стоп! Вместо него фирмой руководит другой хозяин. Со счетов нельзя сбрасывать и Киев. Опять пошло-поехало. Киев, областные и местные администрации, околотки. И что мне теперь всех просеивать? Так даже вдвоем эту процедуру мы можем закончить не раньше появления белых мух. Ладно, оставим пока этот вопрос в покое. До выяснения – скажем так. Тем более что даже до тех четверых, оставшихся в живых основных учредителей фирмы, мне так легко не добраться. Фамилии-то дутые. Вместе с адресами. Подожди, подожди, – сам себя тормознул Илья. – Что же теперь получается? Шершень и Конопляный-дед действительно одно и то же лицо. Будем считать, что это уже доказано. Есть свидетель. Живой свидетель. Пока живой. Тыфу ты, черт. Лезет же всякая чепуха в голову. И свидетель этот – сын убитой Стефании Павел Иванович это доказал. Может, охрану к нему приставить? Ладно, подумаем над этим. Кроме меня и Натана никто ведь не знает об этом свидетеле. Значит, в 57-м в эти края наведывался не он. Не Конопляный. В таком случае к тем убийствам он не имеет никакого отношения. А не рано ли ставить точку на этой версии? Тогда кто приезжал сюда в том 57-м? Кто организатор тех убийств? А мочили тех, кто имел какое-либо отношение к спецотряду и вывозимым им ценностям. Двое из убитых – точно. Так, во всяком случае, считает Натан. И у него для этого есть основания. Значит, прав мой бывший шеф. На версии Конопляный-«крот» можно ставить крест. А

раз так, тогда в живых из состава спецотряда остался не один Конопляный-дед. В живых остался еще кто-то. Нет. Надо плясать от списка отряда. А что нам могут дать фамилии? Тот второй вполне может жить под другой фамилией. Опять тупик. Да сколько вас будет в этом деле? Да! Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Выйти бы на того, второго, можно в ладушки хлопать и дырку сверлить. И не только на погонах. Черт. А если это все только наши с Натаном фантазии? Дурдом... И на хрена мне эта головная боль? Чего проще, взять за «фаберже» одесских водителей фуры и вытрясти из них все. Уверен, при толковом раскладе, если их шарики зажать между дверью и дверной рамой, они такой гимн споют о сгоревшем джипе, такой... Замучаешься слова вычитывать. Но на этом пути шлагбаум нарисовался. Причем железобетонный, пулевлагонепроницаемый», – тихое жужжание двигателя, работающая печка, мягкое покачивание джипа взяли свое.

Именно на таком оригинальном заключении сознание Васюты тихонько нырнуло в сон. Даже голова склонилась к окошку. На что Натан моментально отреагировал шепотом:

– Ты, Павел Григорьевич, не слишком торопись. Успеем. Поаккуратнее на дороге. Видишь, подполковник кимарнул. Пусть поспит. Спешить нам все равно некуда. Как говорится: поспешишь – людей насмешишь, ха-ха-ха.

Все тот же день, 10 января 200... года

За месяц до аварии

«Решено! Надо подключать к этому делу этих двух любителей украинских скакунов – бывших лидеров «медведковской» группировки. Хватит им прохлаждаться. Долг, как говорится, платежом красен. Вот пусть и отработывают, – придя к такому умному заключению, отставной генерал от КГБ направился к креслу-качалке. Но на середине пути неожиданно передумал и повернул к открытому бару. Взял бокал и долго-долго смотрел то на него, то на существенно опустошенную бутылку армянского коньяка. Потом, также неожиданно, левой рукой сунул бокал на место, а правой – вытащил из глубины бара еще один мобильный телефон. В своем хозяйстве он мог бы ограничиться и одним сотовым, меняя в зависимости от адресата только сим-карту. Но не хотел рисковать. К этому был приучен длительной службой сначала в органах НКГБ потом – КГБ. – По сим-карте через оператора мобильной связи запросто можно вычислить не только хозяина, но и даже его адрес. А такой вариант меня не устраивает. Техника, ядрена вошь».

– Здравствуй, Алеко! – вежливо поздоровался Яков Васильевич, как только в трубке послышался голос абонента. – Ты хоть догадался, кто звонит? Догадался. Это уже хорошо. Я правильно угадал твое имя? Помнится, это твое любимое. Значит, ты и там не отступил от своих правил. А где

твой кореш? На выезде? А у него теперь какая фамилия? Да не бойсь, ты. Я ведь не какой-то там школьник в коротких штанишках. Знаю, что делаю. Как, как? Все также? Понятно. И чем вы там занимаетесь? Хотя бы в гости пригласили старика. Поди и забыли уже о той моей помощи вам? А зря. Если бы не я, не видать бы тебе ни Греции, ни Испании, ни возможностей отмывать приличные бабки. Думаешь, я не знаю, откуда вы их брали и куда вы их вкладывали в Испании? А когда вас там прижали, кто вам помог перебраться в Украину? Опять же я. Больше того, и свои новые ксивы вы не просто так получили. Ах, ты догадываешься! Это уже радует. Так чем вы там занимаетесь? – отставной генерал спросил так, как будто ничего не знал.

– Всяко-разно, Яков Васильевич. Бизнес он и в Африке бизнес. Торговля, бары-шмары, консалтинг... Ипподром вот взяли в аренду. Скакунов прикупили. Бега устраиваем. Все, что народу нравится, тем мы и занимаемся. Но вас мы помним. Такое не забывается. А в гости... Так таких людей в гости не приглашают. К таким гостям мы постоянно готовыми должны быть, – ублажая слух собеседника, ответил Алеко Александрович Ковтушенко. Именно так было записано в его новом паспорте. Паспорте гражданина Украины, выданном недавно одной из паспортных служб ГУВД МВД в Днепропетровской области. В действительности настоящая его фамилия была Палиев Олег Александрович. И был он родным братом Палиева. Того самого, который совместно с бывшим прапором стройбата, боксером по кличке Ося, начинал свой путь в никуда в конце восьмидесятых в подмосковном Одинцове. – Лучше бы черт с рогами у меня в гостях появился, чем ты, – подумал про себя бывший «медведковец». Но вслух продолжил: – А вы что, в наши края собираетесь?

– Нет, дорогой! Не угадал. С меня уже путешественник, как с большого пальца слесарь. Мне бы печку потеплей да щец пожирней. А вот помощь ваша в ближайшие дни может понадобиться.

– Куда-то надо поехать? Я в смысле, чтобы визы успеть открыть.

– Не-э. Никуда за пределы Украины ехать вам не придется. Все решите на месте. Но решить надо толково. Чтобы не было никаких изъяснов. Ты меня понимаешь? Только не с таким шумом, какой устроил твой брательник с Осей в сентябре 1994-го на 3-й Тверской-Ямской. Помнишь?

– Вы намекаете на шестисотый «мерс» Сильвестра?

– А память у тебя неплохая, должен тебе признаться. Сколько времени прошло...

– Так я все помню, – зарделся от похвалы Алеко.

– Это хорошо, что ты все помнишь. Значит, слушай меня внимательно. Дней через четыре-пять к тебе на твоём ипподроме подойдет один мой очень хороший знакомый. Ты уж прими его со всеми почестями. Считаю, что это я к тебе в гости наведалься. Он тебе все разъяснит. А сделаешь дело, считай, что мы с тобой в расчете. Договорились?

– Это что, на полном серьезе? Я о расчете.

– Можешь даже выкинуть мой номер не только со своей мобилки, но и из памяти. Надоедать не буду. Ты меня знаешь.

– А как я его узнаю?
– А тебе узнавать его нет никакой необходимости. Он тебя сам узнает. И привет от меня передаст. И не только от меня. Он тебе передаст привет от твоего брата.
– От Андрея?
– Именно.
– Так он же весной 2001-го арестован в Испании. В Кост...
– Вот ты его и спросишь, где он встречался с твоим братом. Если он даст правильный ответ, значит – это мой человек. Что случилось с твоим братом знаем только мы вдвоем. Уловил?
– Уловил.
– Тогда до связи. Мне не звони. Я сам тебя найду после того, как дело сделаешь.

«Сделал дело – гуляй смело. Вот и дошла очередь и до бокала. Так сказать, за успешное решение всех моих проблем, – рука Якова Васильевича снова нырнула в глубину бара. Вытащив на свет все тот же бокал и, наполнив его почти до половины, отставной генерал медленно, смакуя, отправил содержимое по назначению. – А вот теперь, – пережевывая подслащенную дольку лимона, Устюгов снова вернулся к мыслям о своем бывшем коллеге, бывшем сержанте (лейтенанте) госбезопасности Конопляном, – мы попробуем и до тебя добраться. Правда, это будет посложней. Как-никак не в России-матушке и даже не в странах СНГ. Черт, это же надо такую аббревиатуру придумать. Вот что пьянка делает. Даже дети по пьяни зачатые, с дефектами рождаются. В смысле, толку от них, по большому счету, никакого, – ухмыльнулся он. – С этим СНГ ни холодно, ни жарко. Все у вас, политиков, через ж... получается. Все только на свою зад... примеряете. На народ вам нас... Чихали вы на него. А разве наш народ лучшего заслуживает? Оказывается, большинству нашего пипла все до лампы. Вот им и крутят... как хотят. Интересно, до каких пор это будет продолжаться?»

«Тьфу, ты черт! – возмутился его внутренний голос, подкрепленный несколькими бокалами настоящего коньяка. – Оно тебе надо в эти дебри лезть? Одной ногой уже в могиле, а все туда же, в политику прешься».

«Э-э-э, нет, дорогой! Мне до могилы еще далеко. Я пожить еще хочу. И не просто пожить. Мне простор для мыслей нужен. И не только для мыслей, и для действий тоже. Так как же мне к тебе подобраться? И желательно было бы, чтобы все свершилось одновременно. И здесь, и за бугром. Кто у нас подходящий для такого дела на данном этапе в Штатах ошивается?»

Да! Жалко, что Станислав Карлович Корольков по кличке Сахалинец, самый влиятельный «авторитет» в постсоветском пространстве, «король» преступного мира так рано покинул Брайтон-Бич. А ведь так все хорошо начиналось. И задача у него была до обидного простая. Выкачивай бабки у тех, кто обворовал свой народ в СССР (а позже и в России) и сбежал в Штаты или куда еще за бугор, и вовремя возвращай их домой. Что и сколько там перепадет обворованным – это уже совсем другой вопрос. И

не тебе, Сахалинец, дележом заниматься. Выбил-возвратил, вот и все что от тебя требовалось. А ты наглеть начал. Сам себя королем назначил. Так не пойдет. Вот поэтому мы и слили в МВД кое-какую информацию о тебе. А те фэбээровцам. Последние и рады стараться. Раз и тебя в кандалы. Зачем им такой гембель у себя под боком иметь. Ты же стал потрошить всех подряд. Кого сам считал нужным. А мы так не договаривались. То, что тебя после семи лет тюрьмы экстрадировали к нам, ничего плохого в этом нет. Свято место пусто не бывает. Жалко только, что когда тебя арестовали, многие твои друзья почувствовали себя плохо. Еще бы, остались ведь без авторитетного покровителя. И стали их потихоньку сажать в тюрьмы или вообще мочить. И не только за бугром, но и у нас. В августе 1995-го неподалеку от московской мэрии вора в законе Алика-Ассирийца шлепнули? Шлепнули. А в сентябре на Хорошевском шоссе не твоего ли иркутского наместника, вора в законе Солому мочканули? А в Японском море не твоего ли владивостокского друга затемнили? С авторитетом Баулу поступили, как Герасим с Му-Му.

Да, многих за те нескольких лет недосчитался криминалитет. Только кажется мне, что не без помощи МВД вся эта кутерьма организовывалась. Чтоб мне удачи не видать, не без ведома этих архаровцев. А ведь мы им только чуть-чуть информации слили. Думали, они на этом успокоятся. Ан, нет. Не успокоились. Информацию схрумкали и пошли «гулять» по всей России-матушке. Хотя тоже не дураки. Не всех мочили. Только неугодных. Тех, кто в рамки повиновения отказывался втискиваться. Отказывался танцевать под их дудку, дудку ментов-архаровцев. Вот ведь какое дело. Научились, стражи порядка. И было у кого. Мы же им не только начальные уроки преподавали. Периодически даже своих представителей в руководство к ним направляли. И не единожды. Продолжали обучать, ядрена вошь».

Отставной генерал улыбнулся одними губами и тихонько уселся в кресло-качалку. Кресло даже не пикнуло.

«А если мы поручим это дело Максусу? Пожалуй, он справится. Не успел смыться в Штаты – сразу гражданство там получил. А через короткое время и дом на окраине Нью-Йорка купил. Только на пособие по безработице дом не купишь. Тем более такой. Оказывается, серьезный авторитет. Что не кажи, легенда криминального мира. Вдобавок у Сахалинца до последнего времени в ближайших помощниках ходил. Клиентуру знает. И не только криминального мира. Наверняка Корольков и список нашего брата, перебравшегося в Штаты с приличной мошной, до отказа набитой ворованной «зеленью», ему передал. В паре ведь работали. Сахалинца фэбээровцы замели, а его нет. Почему? Да потому, что на него в слитой нами информации эмвэдэшникам не было ни слова. Да и свои на допросах о нем постарались умолчать. Вот так и выкрутился. А теперь процветает. Но работает аккуратно. Не своевольничает. Четко по списку. Кто не хочет с нами делиться, того к принудилровке. Настоящая легенда заграничного криминального мира.

А может, зря я пузыри пускаю? На сидушке волосы рву? Кто такой Конопляный? И кто ему поверит? Тем более после стольких лет жизни в

стране нашего вероятного противника? Пусть даже официально и бывшего? Да мои грехи против вашей «кремлевской бриллиантовой мафии» как москья против слона. Вдобавок и времена нынче совсем не советские. Особенно те, в начале девяностых, ха-ха-ха. По хлешке восьмидесятых будут. Да за время правления Ельцина в Штаты столько бабок из России уплыло, что не только можно было бы купить Брайтон-Бич со всем бывшим нашим народом, но и прилагаемые к нему окрестности всей Америки. Да по сравнению с верхушкой кремлевского айсберга я агнец, — продолжал успокаивать себя отставной генерал. — Я чо? Я ни чо. Другие вон чо и то ни чо. — Устюгов в который раз за это время усмехнулся одними уголками губ и тут же сам себя высек. Причем уже со злостью. — Не хрен себя успокаивать! Времена сегодня хуже, чем советские. Может, власти сегодня меня и не тронули бы, в чем я тоже сомневаюсь. Так демократическая пресса такой хай поднимет, что впору самому в удавку голову всовывать или вены на себе отворять. Их хлебом не корми, дай над бывшими комитетчиками поизгаляться. Не-э! Мы на это не купимся. «Кремлевская мафия», «кремлевская мафия», постой, постой? Это в каком году-то было? Точно, в конце 1980-го. Не-э. Начиналась она раньше. В конце 1980-го за нее только взялись по-настоящему. Да и то без толку. Вот когда мы через год к этому делу подключились, тогда и толк появился. Правда, время уже было упущено. И как ту легенду криминального мира звали-величали? Бенья, Меня, Беца...? Точно, Беца. Вспомнил. Толя Беца из Кишинева. У него еще кликуха была, Котовский. Только он с «кремлевской бриллиантовой мафией» связан не был. Он и двое его подельников были только исполнителями. А кто же тогда заказчиком был? Нет! Не Галина Брежнева. Такой фактаж муровцы тогда не смогли доказать. Еще бы, дочь генсека», — отставной генерал от КГБ закрыл глаза, сотворив на лице такую блаженную физию, будто ему после длительной «голодовки» ввели долгожданную дозу. Он вспомнил одно из тех громких дел. Дело о краже бриллиантов из квартиры вдовы писателя Алексея Толстого.

Исключительно с целью хотя бы поверхностного ознакомления читателя с делами, творившимися в те времена в высших эшелонах власти, ваш покорный слуга позволит себе немного отвлечься от основного сюжета. Думаю, такую мелочь читатель мне простит. Правда, об этом факте и фильмы сняты, и уже столько писано-переписано шустрими журналистами различных СМИ, столько разных слухов об этом путешествии по просторам бывшего СССР, да и не только, что мне даже как-то боязно братья за это. И все же... Глядишь, кто-то из тех, что не смотрели ни фильмов, ни телепередачи «Следствие вели...» с Леонидом Каневским и даже не читали нужных публикаций, прочитае сей талмуд, почерпнут для себя кое-какие факты из жизни бывших наших правителей. Да простят меня за это те, кто реально работал над подборкой материалов и освещением этих дел ранее.

... Ноябрь 80-го. Москва, бывшая улица Алексея Толстого, а ныне — Спиридоновка, 4. Весь второй этаж двухэтажного особняка занимает квартира писателя, красного графа, Алексея Николаевича Толстого.

Известного всем по роману «Хождение по мукам», сказке «Буратино» и многим другим. Нет. Граф в этой шикарной квартире уже не жил. Еще в феврале 45-го он благополучно переселился в более скромные апартаменты на одном из московских кладбищ. К этому времени великий писатель уже давно находился во владениях Всевышнего. А вот жена, то бишь вдова, была жива. И не потому, что она была четвертая. Нет. Все дело в том, что Людмила Ильинична Крестинская-Толстая была младше его на 23 года. Когда он в очередной раз женился, она ему в дочки годилась.

В свое время граф был на столько обласкан Сталиным, что мог позволить себе не только шикарную по тем временам квартиру со множеством комнат, но и автомобиль, и дачу в Барвихе.

«Да, граф был богат. На слуху до этого гуляло, что сия квартира была буквально напичкана драгоценностями. И эти слухи возникли не на пустом месте. Лично мне это было достоверно известно. Вдова буквально перед ограблением даже заявление во вневедомственную охрану подавала на счет сигнализации. Сам читал это заявление. Хотя дом его и так находился в самом охраняемом районе Москвы. А сокровища красного графа оценивались в более чем миллион долларов. По тем временам это была сказочная цифра. И все это было чистое. В смысле, не ворованное. Заработанное собственным трудом. Действительно, он мог себе это позволить. Лауреат нескольких государственных премий, миллионные тиражи изданных книг».

Нужно сказать, что двухэтажный особняк был почти со всех сторон окружен охраняемыми чекистами правительственными домами. В какой-нибудь сотне метров от него располагалось семь дипломатических представительств с круглосуточными милицейскими постами. А за поворотом — здания, в которых проживали даже некоторые члены Политбюро. Сам Виктор Васильевич Гришин, допустим.

Так вот, в этот день около двенадцати к дому подошли двое неприметных на первый взгляд парней. За несколько дней до этого они очень щепетильно обследовали этот район. «Хотя, если быть предельно точным, то осмотром и подготовкой налета занимались не они. Тоже два человека, но другие. Известный одесский вор, легенда криминального мира тех времен Анатолий Беца по кличке Котовский и его земляк по Одессе — Лёня Слепак. Красавец-мужчина. Его так и называли, Лёня — краса Одессы», — отставной генерал будто снова листал то самое криминальное дело.

Поднявшись на второй этаж, оба неприметных парней застыли у дверей. Через секунду один из них нажал пупок звонка.

— Кто там? — послышался за дверью женский голос. В квартире были только вдова и ее домработница. Именно она и ответила на звонок.

— Из милиции.

— Открой, — выслушав домработницу, велела Людмила Ильинична. — Это явно по нашей заявке на счет сигнализации.

Но как только домработница открыла дверь, в коридор ворвались двое и прижали ее к стенке коридора. Она еще попыталась шебаршить-

ся, но ей приставили к горлу нож, заставили молчать, а потом и вовсе толкнули в ванную комнату. Туда же через мгновение заперли и вдову.

Захлопнув входную дверь, оба метнулись в комнаты и стали собирать ценности. Правда, как потом выяснилось из уголовного дела, в основном брали то, что, как говорится, блеснит. У следователей создалось такое впечатление, что в квартире работали совсем не специалисты по ценностям.

Через некоторое время в квартиру вошел третий. Это был Анатолий Бец. Не останавливаясь ни на секунду, он сразу направился в спальню вдовы. Там на столике лежало то, ради чего и был затеян весь этот сыр-бор. В специальной коробке, стоявшей совсем на виду, были все драгоценности, которые хранились в доме. В том числе и бриллиантовые серьги, и «Пряжка корсета», и брошь «Бурбонская лилия». Последняя была необычайной красоты. Стебли и листья из золота и изумрудов, а цветы – из бриллиантов. По тогдашним ценам она могла стоить не менее полу-миллиона долларов. Налетчики пробыли в квартире около часа. Потом чинно-благородно помахивая фибровыми чемоданчиками, явно маскируясь под таких себе слесарей-водопроводчиков, покинули здание.

Уже через час член Политбюро, первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин лично звонил министру МВД Щелокову и убедительно просил раскрытие данного преступления взять под личный контроль. Что и было незамедлительно сделано. Но прошли месяцы, а выйти на след бриллиантов муровцам не удавалось. Более тридцати сыскарей-оперов МУРа рыскали по всей стране в поисках следа затерявшихся бриллиантов. И кое-что им все же удалось установить.

Оказалось, что буквально за день до ограбления вдова была приглашена на прием в румынское посольство. Вообще-то, такие светские выходы представителей власти имущих проводились в те времена частенько. То в Кремле, то в посольствах. Опера из МУРа выяснили также, что на прием вдова надевала свои самые лучшие украшения. Кстати, это было чуть ли не впервые после смерти мужа.

Тут же были составлены списки всех лиц, присутствовавших на приеме. Их оказалось прилично. Но самое главное, на приеме присутствовала Галина Брежнева, ее подруга – Светлана Щелокова и ее муж, министр МВД СССР. Кроме них, в списках значился и Борис Иванович Буряце. Да-а! Ох уж этот Боря-Цыган или Боря Бриллиантовый! Уже тогда гуляли разговоры о болезни дочери генсека к драгоценностям. И не только о Галине Брежневой, но и о ее подруге – жене Щелокова, вхожих в их компанию некоторых артисток, певиц и прочих народных и не очень, обласканных властью представительниц слабого пола. Таких как Зоя Федорова – известная по фильму «Свадьба в Малиновке», убитая выстрелом в затылок, Ирина Бугримова – известная дрессировщица тигров... Кстати и та и другая в течение короткого периода лишились всех своих ценностей. А они очень даже не бедные были.

Так вот, ходили слухи, что этот самый Буряце был фаворитом Галины. Правда, доказательств на этот счет, а равно и на то, что именно дочь Брежнева была главным фигурантом во всех делах «кремлевской

мафии», ни у эмвэдэшников, ни у комитетчиков, естественно, не было. Да их и не могло быть. Но что самое интересное, именно Галина Брежнева со всей настырностью препятствовала вызову на допрос этого самого Буряце. К тому времени он был уже оперным певцом. Не без помощи дочери Брежнева перешедший в оперу из театра «Ромэн».

А Толя Бец, как и оба его подельника, как будто испарились. Члены бригады муровцев, занимавшихся раскрытием этого преступления, буквально подняли на ноги не только всю криминальную Одессу, но и Кишинев. И его взяли в Одессе. Но, при помощи своей беременной дамы, которая отвлекла двух оперов, сопровождавших Анатолия, тем, что полоснула себя по животу лезвием, Котовский снова уходит. Больше того, оставляет с носом и самого заказчика, Леню – Краса Одессы. Бец и его кинул. Видя, что опера с Петровки, 38 всерьез взялись за дело, в дежурную часть милиции поступил звонок, что похищенные ценности находятся в одной из прачечных. Был указан даже адрес.

И действительно, выехавшие в адрес опера обнаружили там вещи, из ограбленной квартиры вдовы писателя Алексея Толстого. Там было все за исключением бриллиантов.

Но муровцы нашли-таки Беца. И нашли они его в Грузии. Тот, прибывшись к местным авторитетам, стал исполнителем заказных убийств. Он знал, что за ним охотятся опера из МУРа, и постоянно ходил с футляром для скрипки. В футляре лежали два ствола, всегда готовых к применению с загнанными уже патронами в патронники. А сдали его сами грузинские авторитеты. «Бец, обнаглев, даже пытался их чему-то учить. Те и взбунтовались», – вспомнив этот факт, Устюгов улыбнулся одними уголками губ.

В итоге дело закончилось тем, что по чьему-то устному приказу бойцы милицейского спецназа расстреляли Котовского на Военно-Грузинской дороге в его собственной «волге». Кстати, «волга» была с сюрпризом. Прямо из салона можно было перебраться в багажник. Спецназовцы об этом знали, а посему буквально изрешетили ее зад. Открыв багажник, они увидели все еще живого вора с двумя стволами в опущенных руках. Два контрольных выстрела в голову, и жизненный путь известного вора, легенды криминального мира закончился плачевно. Позже в его груди насчитали двадцать два пулевых ранения из автомата и две пули из пистолета. Приказ сверху был выполнен. Объект не успел вымолвить даже полслова. Похищенные бриллианты исчезли навсегда. Во всяком случае, до настоящего времени нет никаких известий ни о «Пряжке корсета», ни о бриллиантовых серьгах, ни о броши «Бурбонская лилия». *(Именно так озвучил одну из отрицательных страничек истории бывшего СССР Леонид Каневский, ведущий программы «Следствие ведут...» в серии «Охотники за бриллиантами». Видит Бог, исключительно ради доведения сей истории до более широкого круга интересующихся я и решился на такой шаг.)*

«Подожди, подожди. А откуда такой приказ мог последовать? В смысле, кто его мог отдать? И кто же тогда сдал Леню – Красу Одессы? – отставной генерал снова поднялся с кресла-качалки и, бросив взгляд в

сторону бара, чуть ли не копируя штабс-капитана из фильма «Неуловимые мстители», резко дернув подбородком слева направо вверх, подошел к окну. Чуть-чуть сдвинув гардину, выглянул на улицу. Панорама местности с момента начала передачи «Жди меня» не изменилась. — Откуда, откуда? Ясный перец, откуда. Из хозяйства Щелокова, откуда еще? Мы ведь к делу «Кремлевская мафия» подключились только после ограбления Бугримовой, — сам себе ответил Устюгов. — А насчет Лени Красы Одессы, так ведь был же еще кто-то. Точно, был. Его любовница была, вот кто. Вероника с Молдавии. Нет. Тогда она уже была замужем за тем французом-бизнесменом. Как его, Пордео или Бордео. Что не мешало ей, между прочим, прыгать в постель не только к французу, своему мужу, но и к Толе Бецу. Да и Боря Цыган, и даже некоторые высокопоставленные чиновники явно пользовались ее услугами. Именно она и была наводчицей. По требованию своего любовника Лени заводила знакомства с богатыми чиновниками, писателями, артистами и прочим небедным людом, посещала их жилища и потом все добросовестно докладывала своему любовнику в постели.

А разве наша фирма не так делала? Да бабы в нашем деле лучшие добытчики информации. Баба, если захочет, она мужику в постели такой пилотастроит, бедняга выдаст такое, такое... Родное дите заложит.

А этот Леся явно лыжи за бугор наострил был. Документы в посольство Израиля подал, визу ждал. Знал, паразит, что за бугром с голой ж... делать нефиг. Вот и готовил сидор. Да не в цвет ему «шальное золото» бывшего писателя пошло. Надул его дружок. Хату обчистил, а делиться не захотел. Все себе решил оставить. А может, ему такое указание было? А что? Вполне возможно. Поэтому и расстреляли на Военно-Грузинской дороге аки кабана на охоте. А Веронику муровцы в Шереметьево-2 чуть ли не с трапа самолета сняли. Думали, она ценности за бугор везет. Дудки. Не было их у нее. Но отпустили ее из СИЗО не поэтому. Точно помню, до фигоходов-ходатаев за нее было. И в Кремле, и во французском посольстве, и даже французское правительство за нее ходатайствовало. Ну и что из этого? Ну, выпустили... Улетела она в Париж в тот же день. А на второй день ее почти у самого дома грохнули. Вот ведь какая петрушка. Если ты вляпался в это дело, то выход из этого «багна» только один. И тот ногами вперед. Кстати, Боря Цыган тоже свое получил сполна. Отсидев срок за ограбление Ирины Бугримовой, он, как только вернулся в Москву, был в буквальном смысле этого слова зарезан. Даже «скорую» ему вызвали только после того, как он истек кровью. Вот такие пироги получают с этими брюликами. А в моем варианте бриллиантами и не пахнет. Так, золотишко, серебришко, денежные знаки, на сегодня никому не нужны, да янтарь. А янтарь там хорош был. Крупный, да и немало. Целых семь ящиков. До смерти помнить буду».

Устюгов стоял, вперившись глазами в стенку комнаты. Но стенки он не видел. Сознание и осязание как будто раздвоились. Гуляли по комнате каждое само по себе. Чисто кошки. И только спустя минуты две он снова вернулся в помещение.

«Решено! — как будто отрешиваясь от воспоминаний, отставной генерал принял окончательное решение. — Это дело мы поручим Макс. Пусть отрабатывает долг. Будем считать это первым моим личным ему поручением, — с этими словами Устюгов снял трубку обыкновенного телефонного аппарата и набрал длинный номер. Он звонил в Штаты на домашний телефон Максима Коротковского по кличке Макс. После небольшой паузы в трубке послышался щелчок и голос автоответчика на чистейшем английском языке уведомил его, что хозяина сейчас нет и желательно оставить для него сообщение на автоответчике. Что и сделал Устюгов. Правда, на своем родном языке. Весь секрет был в том, что Устюгов представился Станиславом, а хозяина в Америке он назвал Силантием. Таков был уговор между двумя договаривающимися сторонами, зафиксированный, правда, устно пять лет тому назад. Получив сей сигнал, Макс обязан был срочно позвонить Устюгову. И не только с новой сим-карты, но и с нового сотового. Что и случилось в течение буквально пяти — десяти минут.

Зафиксировав на своем мобильном номер телефона звонившего, Устюгов тут уже набрал высветившийся номер телефона Макса. Соблюдая, естественно, прежние, установленные самим собой правила.

— Слушай меня внимательно, — Устюгов старался быть предельно кратким. — Запомни фамилию, Конопляный Александр Тарасович. Еще запомни, город Сент-Луис. Женщина, вышедшая замуж за вашего бизнесмена. Сама родом из Котельничского района Кировской области. Запомнил? Фамилию? Да не знаю я ее фамилии. Ты должен это узнать самостоятельно. Запомни еще одну фамилию, Шершень. Запомнил? Тебе надо найти одного из наших соотечественников. Он там со времен окончания войны. У него фамилия или Конопляный, или Шершень. Где его искать, знает та самая жительница Сент-Луиса. Да, да. Именно та, которая из Котельнича. Что он натворил? Пока еще ничего. Этим летом он с женой засветился в Норфолке. Отдыхал там. Кровь из носа, но ты его должен найти. Чего, чего? Нет. Только найти. Пока. Как только найдешь, сразу звонишь мне. Все остальное потом. И расчет тоже потом. Смотри, без лишнего шума. Все должно быть исполнено в лучших традициях программы «Жди меня». Смотришь такую? Ага. Значит, нравится она тебе, черт бы ее унес, — последнее Яков Васильевич подумал только про себя. — Все. До связи».

Выключив мобилку, Устюгов стал доставать сим-карты из всех мобильных, принимавших участие в работе за последние несколько часов. Кроме одной, их все надо было уничтожить. Они свое дело сделали. Потом так же скрупулезно разложил мобилки в баре за бутылками, рюмками и бокалами. Выполнив эту работу, он снова уставился на бутылку с коньяком и пустой бокал.

«Нет! — сказал сам себе и, закрыв дверку бара, вернулся в кресло. — Интересно, а почему Андропов тогда не позволял нам, комитетчикам, влезать в это дело? Вмешиваться в работу муровцев по отслеживанию «игроков» «кремлевской мафии»? Хотя те и не пытались глубоко вникать в это дело. Еще бы, жена Щелокова, министра МВД, тоже ведь числилась

активным «игроком», – быстрая перемена мыслей успокаивающе действовала на организм. Особенно, на всю сердечно-сосудистую систему. А в его возрасте – это было необходимей всего. Тем более после такого стрессового вспрыскивания. Такую тактику он выбрал сам. Считал, что она ему помогает. – Странно все это. Если он только собирал компру на Брежнева и тешил себя надеждой на будущее, то это одно. С Цвигуном непонятка вышла. Андропов ведь именно ему, своему первому заместителю по КГБ – женатому на сестре жены Брежнева – Виктории Петровны Брежневой (в девичестве – Виктория Пинхусовна Гольдберг), поручил согласовать «Бриллиантовое дело» с Сусловым. Побоялся самостоятельно выйти на папочку-генсека. Цвигун пошел и что из этого получилось? Вернулся от Суслова и в Усово, на своей даче № 43 из пистолета охранника всадил себе пулю в висок. Будто у него своего пистолета не было. Тоже мне зампреда КГБ. И Суслов через два дня тоже ласты склеил. Знать сильно переживал. Серьезные документы четы Брежнева и К° Цвигун ему преподнес. Правда, когда он стал генсеком, Галину Брежневу, Светлану Щелокову, ее подруг-артисток и прочих знатных особей слегка прижали. Жена Щелокова так вообще покончила жизнь самоубийством. Значит, грехов за ней числилось прилично. Так почему он не довел это дело до конца? А что теперь уже мыслить? Была ли причина, и какая? Чего уж тут? Сия тайна закрыта за семью замками. Давно уже нет в живых ни Галины Брежневой, покончили жизнь самоубийством (застрелились) Светлана Щелокова и ее муж, бывший министр МВД генерал армии Щелоков, а ни бриллианты вдовы Толстого, ни бриллианты убитой Федоровой, ни драгоценности дрессировщицы Ирины Бугримовой так и не нашлись. Сгинули. Схрумкал их клан любителей бриллиантов. А что, не так? – сам у себя спросил бывший генерал КГБ и сам себе ответил: – Так. Воистину так. Именно клан. По-другому его назвать нельзя. А из меня какой клан? Я в единственном лице. Значит, и спрос с меня никакой. Ладно, разберемся мы и с этим вопросом. А в Штаты придется самому лететь. Очень уж хочется напоследок побеседовать с моим бывшим коллегой. Глядишь, на смертном одре и укажет тайничок с теми ценностями. А их там... До сокровищ красного графа им, конечно, далеко. Но повозиться стоит. Делов-то ост...», – резкий сброс адреналина ослабил организм Якова Васильевича. Раскачанное кресло подействовало убаюкивающее. Потихоньку затихающая амплитуда колебаний привела организм в состояние близкое ко сну.

«Кофе по-венски»

В «Кофе по-венски» Ковтушенко появился в воскресенье ровно в одиннадцать.

На улицу Корзо, что в самом центре Ужгорода, он вышел со стороны набережной. Как только прошел мимо аптеки, сразу увидел главный ориентир – помещение сбербанка. Где-то там, на третьем этаже этого здания,

проживал тот, которого в ближайшие несколько минут, если верить полученной инструкции, он и должен был встретить. И встреча эта должна была произойти именно в «Кофе по-венски».

– По-венски, значит со сливками, с пенкой? – краешками губ улыбнулся Алеко, присаживаясь на скамейку.

Центр города, а именно вся Корзо, так называемый Крест и улица Волошина были вымощены камнем (коцкой – на русинском языке) и считались пешеходной зоной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Было прекрасное февральское воскресенье. Довольно ярко светило солнце. Между многоэтажными домами, защищавшими пешеходную зону от ветра, солнце даже пригревало. «Ну, чисто тебе весна. А погода здесь почти как в Одессе», – подумал Алеко Александрович Ковтушенко, он же Олег Палиев, он же Алеко Лазариди, он же... И сразу память вернула его в тот январский день, когда он впервые встретился с... Но давайте все по порядку.

Во вторник, 17 января 200... года, ровно в 10-30 перед входом на территорию Одесского ипподрома остановилось такси. Из него вышел солидный мужчина с пышной седой шевелюрой и в солнцезащитных очках, дубленке, кожаных перчатках. В руках держал пухлую барсетку. Подождя пока такси отъедет на приличное расстояние, пассажир медленной походкой продефилировал за ограждение.

Подойдя к ипподромной дорожке, остановился и стал внимательно осматривать территорию ипподрома. Где-то там, в глубине территории, наблюдалось движение. В легких игрушечных колясках мельтешили наездники. Здесь же была тишина. «Пусто, как в турецком барабане, – выдал свой вердикт вошедший. – Интересно, и где это я должен искать этого фирмача? Хорошо тебе, Яков Васильевич, из Москвы указивки давать. Хоть бы фото по факсу скинул, что ли! Так нет, светись теперь перед лишними глазами. Нехорошо это, нехорошо, уважаемый генерал в отставке. Хотя тебе от моего возмущения ни холодно ни жарко. Да и что тебе терять? Поди под девяносто уже, а все туда же. Что, не нахватался еще за службу адреналинчику?» – только успел подумать мужчина в дубленке, как из-за небольшого строения появился невысокого роста мужик в комбинезоне, вязаной шапочке и со шлемом в руках.

– Простите, уважаемый! Вы здесь работаете?

– Я мастер-наездник.

– Это что, в смысле жокей?

– Нет! Жокей – это совсем другое. Жокей – это верховой наездник. А мы на двухколесной качалке носимся. А что вы хотели?

– Теперь понятно. Вы не подскажете, где мне найти Ковтушенко Алеко Александровича?

– Хозяина фирмы «Алеко»?

– Наверно.

– Я его только что видел в деннике. Они там лошадей осматривают.

– Простите, а денник – это где?

– Денник – это где лошади находятся.
– Конюшня?
– Пусть будет так. А находится он вон там, в глубине ипподрома слева.

– И еще. Простите Бога ради. Как он выглядит? Лично я его не знаю. Мне велели кое-что передать ему. Страх не люблю с вопросами приставать.

– Ниже вас, моложе... Без головного убора. Стрижка ежиком. Длинное кожаное пальто. В коже он один, так что не ошибетесь, – последние слова мастер-наездник выговорил, уже направляясь на выход с территории ипподрома. Явно его там ждала одна из нескольких стоявших на пятачке парковки иномарок.

Они встретились минут через двадцать. Все это время мужчина в дубленке простоял в стороне, ожидая когда освободится «кожаное пальто».

С первой секунды Алеко понял, что перед ним бывший комитетчик. Точнее, не понял, а почувствовал. Аурой почувствовал. Во взгляде солидного мужчины было столько энергии, что по спине Ковтушенко поползли мурашки. Причем зашебаршились они сначала где-то в районе плечевого пояса, а потом стали медленно спускаться в направлении копчика. А ведь он был совсем не робкого десятка. И трупы видел не только в украшенных цветами гробах. Он сам собственноручно превращал некоторые двуногие существа в трупы. И делал это с завидным хладнокровием и спокойствием. Причем за свои 42 прожитых года в приличном количестве. «Интересно, в каком он звании?» – мелькнуло еще тогда в мыслях Алеко. Мелькнуло и исчезло. Он не предоставил этой мысли дальнейшего развития. Сгруппировался. Недаром последняя кликуха у него была Генерал. Заслуженно, значит. Этот Алеко тоже был не из простых. А посему, возводя барьер ауре стоявшего перед ним человека, поздоровавшегося и назвавшего его полным именем и отчеством, быстро спросил:

– Простите, уважаемый! Убейте, не припомню знакомства с вами. Откуда вы меня знаете? Кстати, имя Яков Васильевич мне ни о чем не говорит.

– Так уж и ни о чем? – серые глаза собеседника стали абсолютно бесцветными. Во всяком случае, именно так показалось Ковтушенко. – Я, между прочим, не только вас знаю, но и вашего брата, Андрея, – продолжил мужчину.

– И давно вы виделись с ним? – ехидно улыбнувшись, не сдавался Алеко.

– А весной 2001-го. Незадолго до того, как его арестовали в Испании, в Коста-дель-Соль. Не одного, заметьте. Еще вопросы будут? По-моему, нам уже пора подыскать где-то уютное местечко для дружеской беседы. Желательно без посторонних не только глаз, но и ушей. Вы согласны со мной? Кстати, меня Геннадием Петровичем величают, – улыбнулся, наконец, представившийся.

Минут через десять они уже направлялись в черном «лендровере» Ковтушенко в сторону 16-й станции Большого Фонтана. За рулем сидел сам Алеко. Оно и понятно.

Беседа продолжалась около часа. И закончилась предварительным инструктажем. Вообще-то, инструктажем их первую беседу назвать можно с большим трудом. Это было полномасштабное прощупывание друг друга. В основном, вопросы задавал Геннадий Петрович. Причем самые разнообразные. Но самый главный вопрос он задал, когда они остановились на одной из площадок, поднимаясь от уреза Черного моря к дороге Большого Фонтана.

– Ты в курсе, что работу необходимо выполнить в ближайшее время? – резко перейдя на «ты», спросила пышная шевелюра.

– Яков Васильевич сказал, что мне об этом сообщите вы, – так резко перейти на «ты» Алеко, при всем своем неуважении не только ко всем правоохранительным службам, но и к большинству окружающих лиц, не смог.

– И даже в общих чертах?

– Что значит, в общих чертах? – чуть замешкавшись, вопросом на вопрос ответил Алеко.

– Значит, в общих чертах в курсе. Это несколько облегчает мое положение. Тогда слушай меня внимательно. Тебе придется завалить одного мужика. Он не простой. Бизнесмен. Последнее время даже пытается сунуть свой фейс в политику, придурок. Очень не простой мужик.

– Крупная крыша за ним?

– Крупнее некуда. Советник президента.

– Ого! И чем он такой участи заслужил? Жаба задавила?

– Лично я об этом знаю не больше твоего.

Геннадий Петрович не стал распространяться, что в этом деле почему-то замешана программа «Жди меня». Что у этого бизнесмена в Штатах есть дед. Что этот дед имеет прямое отношение к Якову Васильевичу. И что этому бизнесмену в ближайшее время светит поездка в Штаты для встречи со своим дедом. Но что самое интересное, уважаемый Яков Васильевич боится этой встречи, как огня. А посему, эта встреча никоим образом не должна состояться. И самый верный способ препятствовать этому – мочкануть бизнесмена.

Отставной генерал-лейтенант от себя лично мог бы кое-что еще добавить. Что по имеющейся у него эксклюзивной информации дед этого бизнесмена – бывший комитетчик. И вместе с Устюговым в начале сорок первого входил в состав особого отряда НКВД-НКГБ отвечавшего за вывоз ценностей из филиалов Центрального банка СССР, расположенных в Западной Украине. Только этот отряд почему-то сгинул, так и не добравшись даже до Киева. А вместе с ним сгинули и все вывозимые им ценности. И что в живых, как оказывается сейчас, остался не один Устюгов, а еще и дед этого советника. И где-то именно в этом направлении зарыта тайна, раскрытия которой очень боится Яков свет Васильевич.

И наконец, Геннадий Петрович сильно лукавил, когда открыто заявил Алеко, что именно ему необходимо завалить этого бизнесмена. Но это, как говорится, уже издержки производства. Которые, при благополучном исходе, в расчет совсем не берутся. О таких мелочах, как правило, просто забывают.

– А как я его найду? И, самое главное, где? – Ковтушенко сопоставил свой недавний разговор с Москвой и сразу все понял. Валить так валить, сколько дел. Главное, чтобы все путем было. Чтобы менты след не унюхали и чтоб это дело на кармане чувствовалось.

– У меня не все еще по этой теме отработано. Как только все выясню, вместе думать будем. Хотя уже на сегодня кое-какие мысли вырисовываются. Ты в Закарпатье когда-нибудь бывал?

– Не-е, – быстро ответил Алеко, руководитель фирмы с одноименным названием. Настолько быстро, что собеседник тут же, вперившись в него глазами, переспросил:

– Совсем не бывал? Совсем, совсем?

– Совсем, совсем, – улыбнувшись, ответил Алеко. Именно этой улыбкой он хотел успокоить своего собеседника. Тот сделал вид, что поверил.

– Я так думаю, что тебе придется туда ехать. Но это потом. По-моему, на сегодня пока достаточно. Ты меня до вокзала подкинешь?

Вторая их встреча произошла за неделю до выезда Алеко в Закарпатье. Для этой встречи Алеко снял для гостя на неделю частную квартиру. Именно там в течение двух дней и были оговорены все варианты предстоящей работы.

– Вот этот мужик, которого надо валить, – выкладывая на стол фотографию советника президента, сообщил Геннадий Петрович на второй день. Беседовали они уже давно. Больше двух часов.

– А ничего мужик, приятная внешность. И как эту личность величают?

– А тебе не все равно? Ладно, ты ведь будешь тыкаться по разным каналам, пока не узнаешь. Тем более что познакомиться тебе с ним все равно придется. Фамилия у него Конопляный Александр Тарасович. Официальный бизнес – как и у всех. Имеет несколько серьезных торговых точек, как в Ужгороде, так и в Киеве. Это официально. Доступ к неофициальному бизнесу пока закрыт. Дважды женат. Первая жена живет здесь, в Одесской области. Вторая жена, молодая, из Закарпатья. Купил квартиру в центре Ужгорода. На улице Корзо. Уже три дня находится там. Планирует пробыть дома недели три. Что-то там с женой не в порядке. То ли беременна, то ли просто приболела.

– Охрана?

– Ездит без охраны. Но на него зарегистрирован «Макаров», а на его водителя – травматический с резиновыми пулями. Машина – джип «чероки». Новый. Полгода как приобрел. Большой любитель настоящего кофе. Каждый день, если не занят, ровно в одиннадцать сидит в кафе напротив квартиры и пьет свой традиционный напиток. К выпивке относится прохладно. Пьет мало и только на официальных тусовках. Кафе называется «Кофе по-венски». Это значит, со сливками. С пенкой. Именно так назы-

вают такой напиток сами жители того региона, – улыбаясь, прокомментировал это выражение Геннадий Петрович, видя удивленный взгляд Алеко.

– И это вся охрана?

– Не расслабляйся. За ним, как за советником президента, система. И рыть, в случае чего, эта система будет очень тщательно.

– Если ее не убедить в обратном, – прервал пышную шевелюру Алеко.

– Мудро. Только бабок для этого уйдет немеряно.

– А разве это мои проблемы? Все в ваших руках.

– Резонно. Так вот, работу надо сделать оперативно и в таком месте, до которого толковые сыскари быстро не доберутся. Желательно, чтобы и погода нам в этом способствовала. А такое место только в глубинке. Туда работников в ментовку чуть ли не по объявлениям набирают, – Геннадий Петрович снова вперился в глаза Алеко.

И опять тот почувствовал мурашки на спине. И чтобы как-нибудь скинуть их оттуда, быстро ответил:

– Я слушаю, слушаю...

– Лучший вариант, авария. Без всякого ДТП. В смысле...

– Шел, упал, проснулся – гипс, ха-ха-ха, – прервал собеседника Алеко.

– Примерно. Только не проснулся. Допустим, джип дерево обнял, сложился в гармошку...

– Свалился с моста вниз, – снова прервал отставного генерала Ковтушенко и снова с улыбкой.

– А ты не больно смейся. Мысль твоя на верном пути. С моста не с моста, а откуда-то с приличной высоты – в самый раз. Нужна такая авария, при которой и водила, и пассажир стопудово ласты склеят. И такое место есть. Перевал. Но сделать это надо ночью. Желательно, под выходной. Движение меньше. Под выходной все стараются домой пораньше прибыть. Да и глаз лишник на трассе меньше. Пока докувыркается донизу – точно загорится. А там взрыв и никаких следов. Зашкварятся так, что хрен до истины докопаешься. Уловил? Вдобавок ко всему в это время года погода на перевалах меняется со скоростью звука. Я погоду на десять дней узнавал. К концу следующей недели в горах Карпат обещают снег с дождем. Вообще-то, стабильной погоды там никогда не бывает. Особенно зимой и в межсезонье. Только что было сухо и вдруг повалит то дождь со снегом, то снег с дождем. А нам это как раз на руку.

– И как ты себе это представляешь? – наконец Ковтушенко смог пересилить себя и перейти на «ты». – Целой бригадой ждать его на перевале, остановить и обрадовать пассажира: «Здравствуй, Санек! Я твой киллер!» Так, что ли? Вежливо убедить их сидеть в тачке тихо и не высываться, а потом столкнуть тачку вниз. По-моему, это из области фантастики, нет?

– Не совсем, – бывшего генерал-лейтенанта переход собеседника на «ты» не то чтобы шокировал. Он его возмутил.

«Ишь, мол, ты какой герой стал. Меня рядом с собой поставил. Считаешь, что уже одной веревочкой повязаны. Дудки, уважаемый. Я с тобой

на одном гектаре и сидеть не стану. А знакомство наше на данном этапе вынужденное. И если ты, сделав дело, где-нибудь засветишься – получишь приглашение на прием к всевышнему», – мысленно прокомментировал такие действия собеседника Геннадий Петрович, а вслух продолжил:

– Для этого ты должен находиться в джипе вместе с советником. А на перевале выбрать подходящее место и попросить водилу остановиться. Отлить, допустим. И тут же брызнуть отключкой в глаза обоим? Потом вывернуть руль и направить тачку с перевала вниз. Напрямую. И не руками, а двигателем. На первой передаче с минимальным газом. Из-за несоответствия скорости падения со скоростью тяги двигателя, тачка обязательно начнет кувыркаться. Не мне тебя учить, как это делается. И никакой бригады для этого не требуется. Шесть секунд и все готово. Кстати, передние дверцы желательно поставить на защелки. Чтобы водила и пассажир случаем раньше времени не вывалились.

– Допустим! А дальше? Я что, пешком должен добираться до ближайшего населенного пункта? Так меня любой срисует в два счета. Опять же, как я попаду в джип?

– С советником ты должен познакомиться заранее. Именно в том кафе. И не просто познакомиться, ты должен войти к нему в доверие. Вы же оба бизнесмены. У вас должны быть общие интересы.

– Ага! А потом уговорить его срочно подвезти меня на перевал, потому что мне, как цуцику, приспичило оставить там свой след, так? По-моему, этот вариант точно на фентези замешан. Не проще ли прилепить под джип небольшую коробочку, подождать пока он взберется на перевал, нажать на пупок дистанционки и привет Санек?

– Не проще. Во-первых, бесшумно такие дела не делаются. Не придумали еще. А на перевале постоянно находится ментовская канарейка и не меньше двух дежурных гаишников. Во-вторых, на всякий шум реагируют все, кто находится в тот момент в зоне слышимости. А кто там может находиться, одному Богу известно. И, в-третьих, такое действие всегда вписывается только в одну версию, версию заказного убийства. Ни москвичу, ни мне и я думаю, что и тебе такой исход абсолютно ни к чему. Шума много. А много шума прикрыть практически невозможно. Такой ответ тебя устраивает?

– А если отключка не сработает?

– Эта сработает, – достав из дипломата небольшой баллончик, очень смахивающий на отечественные газовые, продающиеся в любом бутике, специализирующемся на продаже оружия, пыльная шевелюра поставила его на стол перед Алеко. – Штатовская. Вырубает сразу. Но не насмерть. Действует в течение тридцати минут. После сорока минут в организме и следа не остается от ее применения.

– Так ведь на меня тоже подействует. Вот смеху будет, ели вместе с советником и я попаду на приме к Всевышнему.

– Не попадешь. Радиус действия не больше десяти сантиметров. Именно для таких случаев и изобретена. Опять же, можешь прикрыть на всякий случай рот платком. Этот газ действует только на дыхательную

систему. В смысле, вдохнул и сразу отключился. В воздухе растворяется моментально. Причем без всяких последствий. А вот как ты будешь дальше действовать, пешком добираться или на ракете – это уже твои, так сказать, заботы. Не первый год замужем. Кстати, с Яковом Васильевичем именно этот вариант обговорен.

– Ага! А менты такие дураки, что сразу спишут это на простую аварию, да? Усталость водителя, усталость металла, отдельных узлов ходовой? Не смей меня. А анализ трупов? Тачки, наконец?

– Проблемы будем решать по мере их поступления. И вообще, это не твои заботы. А анализы? А что анализы? Серьезные анализы в лаборатории тамошней управы не сделаешь. Не тот уровень. Еще вопросы будут?

– Да! Я что, сам должен уговорить этого бизнесмена на выезд из области? Так он может наплевать на мои уговоры.

– Это мои заботы. Как только я получу от тебя известие, что ты уже его лучший друг – из Киева ему тут же последует звонок немедленно прибыть на Банковую. Причем звонок последует в такое время, чтобы выезд состоялся не раньше семи-восьми вечера. А дальше все от тебя будет зависеть. В смысле, от твоей «фентези», как ты выражаешься. В аккурат под полночь будете на перевале. Да, чуть не забыл. Запомни такие номерные знаки, – отставной генерал достал из кармана лист бумаги с буквами и цифрами. – Это из диапазона закрепленных за Закарпатской областью. Так, на всякий случай. Если решишь появиться там на своем «лендровере» – постарайся появиться именно с такими номерами. Это будет твоя страховка. Тачку с этими номерами ни один гаишник в области не остановит.

– А не получится так, что у поста ГАИ одна за другой появятся две тачки с одинаковыми номерами? Закон бутерброда в таких случаях обязательно присутствует. Чисто из опыта.

– Не появится. Точно такой «лендровер» и с такими номерами уже неделю как стоит на приколе в гараже. Хозяин в загранкомандировке. И пробудет там долго. Гараж, как и квартира, под охраной все тех же ментов. Как видишь, все продумано.

– И что, хозяин тачки такой крутой?

– Он из ближайшего окружения бывшего смотрящего в этом регионе. Ты про Гешу что-нибудь слыхал?

У Алеко левое нижнее веко мелко-мелко задергалось. Почти незаметно. Но старый комитетчик узрел. А посему тут же спросил:

– Ты что, его знал? Хотя... – продолжил он мгновение спустя, дабы усыпить собеседника. Алеко даже рта не успел открыть. – У вас же связи налажены не хуже ментовских.

Геннадий Петрович мог бы более доказательно убедить Ковтушенко. За время между первой и второй встречами он успел серьезно нафаршировать себя информацией по собеседнику. Он мог бы популярно объяснить Алеко, что между кланом Геши и УМВД в области еще в середине девяностых был заключен сначала устный, а потом и письменный договор. И касался он конфиската товара на границе с сопредельными с Укра-

иной государствами. И что этот товар, как и прочий нелегал, доставляемый в Закарпатье через границу по каналам все того же Геши, складировался не где-нибудь, а именно в Мукачево, на складах базы бывшего облпотребсоюза. А начиналось все с водки. «Кайзер», «Абсолют» и прочей иностранной отравы. И что в этом деле еще тогда принимал активное участие бывший на заре своей трудовой деятельности в сфере торговли работник Мукачевской районной кооперации. Ставший впоследствии, не без помощи все того же Геши, крупным бизнесменом. И не только в своей области.

Он мог бы более подробно расписать великому конспиратору его тогдашнее посещение Закарпатья. Было это впервой или не впервой – не суть важно. Важно, что собеседник в прошлый раз ему соврал. Значит, он не желает афишировать посещение этого региона. Но самое главное, Геннадий Петрович знал причину этого нежелания. Именно тогда сей хитрец, называющий себя Алеко Александровичем Ковтушенко, был Палиевым Олегом Александровичем. И вместе со своим братом Андреем по кличке Малыш, благополучно арестованным в начале нового века испанской полицией, принадлежал к известным на то время московским «ореховско-медведковским» организованным преступным группировкам. ОПГ – как фигурировали они в сводках МВД России. И что ездил он в Закарпатье, а точнее в Мукачево, совсем не ради спортивного интереса. А по поручению криминальных авторитетов вышеназванных ОПГ для налаживания контактов с местными братишками. А местной братвой в то время руководил известный в криминальном мире всего бывшего Союза Токарев Михаил Иванович по кличке Геша. И интересы у «солнцевско-медведковско-курганских» были серьезными. На слуху гуляло, что в негласный ассортимент контрабандных товаров, переправляемых нелегально из-за бугра по каналам Геши, неизменно входили как оружие, так и наркота. Что именно с тех пор, а отставной комитетчик знал об этом не понаслышке, в Закарпатье налажено и процветает подпольное производство наркотика под названием «первитин». Из-за своей низкой цены реализуемого моментально. Принося определенным лицам бешеную прибыль. Даже навскидку он мог многое в чем еще «просветить» собеседника. И про связь бывшего кассира Геши, а теперь депутата областного совета одной из западных областей с Севой Могилевичем, признанным на сегодня лидером русской преступной мафии мирового масштаба с оценкой своего состояния в десять миллиардов долларов. И что этот самый Могилевич Семен Юдович по кличке Сева-Могилевич, уроженец Киева, получивший высшее образование во Львове, в середине все тех же девяностых в Москве был в самых близких отношениях с Сергеем Тимофеевым по кличке Сильвестр, на службе у которого и были братья Палиевы, Олег и Андрей. Точнее, они были в бригаде Оси, подручного Сильвестра. Именно того самого Оси, братва «ордена киллеров» которого с помощью взрывчатки разнесла в Москве чуть позже «мерс» с самим Сильвестром, своим бывшим шефом, на сто метров. И того пришлось буквально по частям соскребать с асфальта.

Но он не стал пугать своего собеседника. Тому предстояло проделать серьезную работу. Если уж быть точным, то работу именно за него, за Геннадия Петровича. А посему после небольшого перерыва как ни в чем не бывало решил только слегка приоткрыть свои карты:

– У них там между областной управой и Гешей в одно время даже договор совместный заключен был. Менты и таможня сдавали Геше конфискат с границы, а фирма Геши и К° отчисляла им, естественно не афишируя, 50% от вырученной суммы. Но это касалось пришлох и одиноких мелких бизнесменов. Для крупных дел у Геши своих спецов по растаможке хватало. Даже среди начальства. Полштуки бакинских дублонов на карман с контейнера и все чики-пики. Только это в прошлом. Правда, хоть Геши уже и нет в живых – менты договор блудут. Так что с этими номерами по Закарпатью можешь ездить аки по своему двору.

– А может, не ждать до самого перевала? Там же удобных мест по трассе море.

– Согласен. Только своих людей у меня не так уж и много. Вдоль всей трассы я их поставить не могу. Да и времени маловато. Твой друг торопит. Исходя именно из этих позиций – это дело надо провернуть до границы со Львовской областью. И именно в этом районе.

– У меня нет никакого желания оставлять свой след в Ужгороде официально.

– Ты имеешь в виду гостиницу?

– Именно.

– И это дело поправимо. Ты Ужгород знаешь?

– Откуда?

– Оттуда. И не вешай мне спагетти на уши.

– Ну, бывал я один раз в Закарпатье. В одном городе. Мукачево называется. По делам ездил. Только это давно было.

– Я должен был догадаться об этом, когда у тебя веки как наэлектризованные задержались при упоминании кликухи Геши, – схитрил отставной комитетчик. – Неплохой мужик был. При нем в области все пучком было. И «отморозки» притихли, и чужих с региона как ветром сдуло. И дело на широкую ногу поставлено было. И не только с этой стороны границы. В Венгрию, как в соседний подъезд, хаживал. Жалко, грохнули его в конце девяностых. Изрешетили прямо возле дома. Но твои прошлые дела мне неинтересны. Раз ты в Мукачево был, значит, трассу знаешь, – Геннадий Петрович дотянулся до дипломата, достал из него блокнот, открыл и стал что-то в нем чертить. – От кольца на въезде в областной центр едешь по этой дороге. Этот светофор – последний перед площадью Шандора Петефи. объезжаешь площадь и паркуешься здесь. Не доезжая до моста. Пешком возвращаешься через сквер вот в этот магазин. «Садко» называется. Находишь хозяйку магазина БERTУ Вароди, она постоянно в магазине, и передаешь от меня лучшие пожелания. Взамен получаешь ключи от особняка и его адрес. Сами они живут в другом месте. Так что ты будешь жить там один аж до отъезда. Дама уважает розы, а е муж – сто грамм и пончик, ха-ха-ха. Можешь по пути расще-

дриться на такую мелочь. Цветы вручишь Берте, а мужу, если он тоже будет там и согласится лично показать дорогу к особняку, сто грамм и пончик. И это все. Больше никаких расчетов. Не перепутай, Кутузов! Даме цветы, мужу – сто грамм, – уголки рта отставного генерала КГБ снова растянулись почти до ушей.

– А если на перевале как раз в этот момент появится другая тачка? С этой или с той стороны? Мне свидетели не нужны.

– А вот эти мелочи ты, дорогой, должен додумать сам. Мое дело вывести тебя на советника, обеспечить его своевременный вызов в Киев и гарантировать нужное заключение в протоколе осмотра места происшествия. Все остальное – твои заботы. Еще вопросы будут? Вопросов нет. В таком случае считаю не лишним напомнить, что в случае чего ни я, ни тем более Яков Васильевич нигде фигурировать не должны. Правда, Яков Васильевич заверил меня, что ты надежный мужик. Мне бы очень не хотелось разувериться в этом.

... «И что ты мне сделаешь, если я тебя в случае чего сдам? – возвращаясь из воспоминаний на улицу Корзо подумал Алеко. – На хрен соли насыплешь? Видали мы таких. Да мои ребята тебя в порошок сотрут. Хотя, – мысли Ковтушенко в этом месте резко тормознули. Сбились с направления. Настолько резко, что он как-то враз почувствовал холод, идущий от реек скамейки. Захотелось срочно подняться. – А если я уже под колпаком? Если он точно бывший комитетчик, тогда стопудово под колпаком. Ясный перец, комитетчик. Все гад ползучий про меня успел узнать. Даже джип одинаковый подобрал. Про Гешу, как по библии шпарил. Может, он в курсе не только зачем я тогда к Геше в середине девяностых приезжал? Может, он полностью в курсе о наших связях с тем фезсбэшником из 7-го отдела УПРО-ФСБ, с которым на прямой связи был наш хозяин? (УПРО-ФСБ – управление по разработке преступных организаций было создано по аналогии 4-го управления НКВД, занимавшегося некогда устранением неудобных. В свое время в этом 4-м управлении проходил службу известный чекист Судоплатов. УПРО еще известно по скандальным пресс-конференциям, проводимым в Москве одним из его сотрудников, неким подполковником ФСБ Александром Вельтровичем Литвинено, в конце прошлого века сбежавшим в Англию и издавшим там в соавторстве несколько книг. В том числе и книгу «Лубянская преступная группировка». Благополучно почившего в Бозе немного позже описываемых событий).

А что, Яков Васильевич точно в курсе. А он его друг. Я же тогда по заданию «солнцевских» приезжал. Сам Сева через Гешу канал за бугор налаживать решил. И совсем не для переправки цветов из розариев Европы. И как это я до этого еще там, в Одессе, не додумался. Даже не проверялся. А если его быки только и ждут, чтобы я сделал дело, и тут же меня хлопнут? Как раз на таких мелочах и сгорают настоящие исполнители. Нет. Меня такой вариант не устраивает. Именно поэтому мы и произвели некоторые изменения в вашем, уважаемый Геннадий Петрович, плане, – ради успокоения своей души Алеко даже стал величать на «вы»

не только виртуального собеседника, но и себя. – Так, мелочь... Самую малость. Но эта малость вполне может оказаться крупной фишкой в продолжении моей жизни. Даже пусть и ненадолго. Эту мелочь мы заранее обсосали и взяли с собой Пирата. Вот он и будет исполнителем», – Алеко глянул на свой ручной хронометр приличной стоимости. Было без пяти одиннадцать.

Он поднялся и медленной походкой направился в сторону «Кофе повенски». Мелочь, о которой вспомнил руководитель фирмы «Алеко», заключалась в следующем. Для исполнения поставленной задачи Алеко посадил за руль джипа Ираклия Бочадзе по кличке Пират. Одного из двух водителей ипподромовской фуры, перевозившей лошадей. А еще он взял с собой и саму фуру, за рулем которой был второй водитель Цзянь-Линь по кличке Чен. И выехали они в путь дорожку еще в пятницу. Оставив фуру на выезде из Стрыя, на площадке одной из многочисленных частных стоянок дальнобойщиков, Алеко с Пиратом и Ченом дважды продефилировали через Верецкий перевал. На джипе, естественно. Каждый раз меняя не только номерные знаки, но и меняясь местами то с Ченом, то с Пиратом. Он должен был лично изучить трассу и заранее выбрать место будущей работы для обоих. Такое место отыскалось быстро и было довольно удачным. Сразу за поворотом на спуске с вершины перевала метров на пятьдесят дорога была прямая. Причем с левой стороны дороги напрочь отсутствовали не только сигнальные столбики с искусственным освещением, но и вертикальные дорожные разметки и даже ограждения жесткого парапета. Больше того, крутизна откоса в этом месте была минимальная. Это уже потом, за откосом, следовал крутой спуск с перевала, слабо просматривающийся за мелким кустарником и теряющийся где-то там, у самой преисподней. «Запомни это место, – предупредил он тогда Пирата. – Ты должен определить его даже в кромешной темноте. Причем заблаговременно». На что водитель огрызнулся: «В таком случае надо спуститься хотя бы на километр ниже и еще раз медленно подняться наверх». «Давай», – согласился Алеко.

Потом, когда они, возвращаясь в Стрый, в очередной раз спустились с перевала метров на пятьсот и завернули за поворот, Алеко обратился к Чену: «Вот в этом месте ты должен остановить свою фуру и заменить номерные знаки. Как только я тебе позвоню, сразу выезжаешь со стоянки. Доезжаешь сюда и ждешь моего второго звонка. После звонка начинаешь разворачиваться. И, естественно, глоснешь. Твоей фуры в этом месте не развернуть. Твоя задача, не пропустить ни одну машину на перевал в течение десяти минут. Делай что хочешь, но в течение этого времени ни одна машина не должна подняться на перевал. Потом, как ни в чем не бывало, выезжаешь на перевал, разворачиваешься, там места хватит, подбираешь Пирата и мухой возвращаетесь обратно в Одессу. Любопытным скажете, что так, мол, приказал шеф из-за бугра. Груз за бугром тормознули и приходится возвращаться домой порожняком. Все поняли. Сделаете что не так, обоих грохну как мамонтов».

В помещение кафе он вошел ровно в одиннадцать. То ли потому, что было воскресенье, то ли еще по какой причине, но почти все столики в кафе были заняты. Причем не столько молодежью, как разнополыми гражданами среднего и пожилого возраста. В большинстве своем слабого пола. Именно употребление жителями Закарпатья черного кофе было одним из показателей действительной приближенности этого региона к Европе. Только у окна на всю стенку за столиком одиноко сидел мужчина. И это был именно тот, чью фотографию ему предъявили в Одессе.

– Здравствуйте! Вы не будете возражать? Все места заняты. Такое впечатление, что здесь не только вместо первого завтрака, но и второго – употребляют один только кофе.

Сидевший сначала отреагировал исключительно изменением выражения лица и легким движением правой руки, что явно должно было обозначать фразу: пожалуйста. Но потом, посчитав этого недостаточным, добавил:

– Если вас устроит. Угощайтесь, – доставая очередную сигарету из презентабельной пачки, он закурил. В пепельнице уже лежал смятый окурок довольно приличной длины.

– Спасибо. Я уже привык к одним, – доставая свои и закуривая, ответил только что подошедший посетитель. – Вы давно здесь? Вижу, заказ и у вас еще не приняли? Неужели так долго обслуживают?

– Вы по окурку судите? Так это чужой. А обслуживают здесь быстро. Но сегодня народу что-то слишком. Видимо, солнышко да безветрие вытащили многих жителей на улицу. А гулять и не выпить кофе – здесь так не принято. Думаете, почему только мой столик свободный? Ежедневно в это время я сижу за этим столиком. Официанты меня уже знают.

К столику подошла девчонка в фирменном передничке.

– Что будем заказывать?

– Вы только кофе или что еще? – сбив пепел в пепельницу, спросил тот, который пришел раньше.

– Вы знаете, на улице хоть и солнышко, но Африкой пока не пахнет. Думаю, что-нибудь покрепче в самый раз будет. А вы?

– Пожалуй, я с вами соглашусь. Два кофе, уважаемая, и два по пятьдесят Тисы. Или вы все сто желаете? – первый посетитель снова посмотрел на соседа.

– Пожалуй, пятьдесят достаточно. Я ведь этим видом спорта не увлекаюсь.

– Я тоже.

Фирменный передничек черкнул что-то в своем «гроссбухе» и молча удалился.

– Вы неместный? – удивленно спросил новый посетитель, точно также сбив пепел в пепельницу.

– Как вы догадались?

– Были бы вы местным, построили бы ответ немного по-другому. Вместо «здесь так не принято», сказали бы: «у нас так не принято».

– Ловко подметили. Действительно, живу я здесь недавно. Жена у меня отсюда. А сам я родом с Ровненской области, – первому посетителю явно хотелось выговориться.

«Значит, с друзьями у него в этом городе негусто. В таком случае войти к тебе в доверие будет проще».

– А вы что, тоже неместный?

– Нет. Я из России. А в Украине решил бизнес свой развернуть. Изготовлением мебели занимаюсь. В России у меня два небольших мебельных цеха под Каширкой.

– Я должен был догадаться, – решил реабилитироваться Конопляный. – У вас чисто московский выговор. Ну и как успехи?

Второй посетитель слегка улыбнулся.

– В стадии первоначальных шагов. В Закарпатье живут настоящие специалисты в этом деле. Да и лес тут нечета нашему, русскому. Бук, дуб... Думаю подыскать здесь толковых мастеров-краснодеревщиков и сосватать их в Киев. Там вроде уже намечается помещение в долгосрочную аренду.

– А здесь не пробовали какую-нибудь фабричку из бывших мебельных взять в аренду?

– Для этого надо иметь хотя бы пару толковых знакомых в местном чиновничьем аппарате. Желательно специалистов в этом деле. Без этого я долго буду тыкаться, как баран в ворота.

– Резонно. Я так понял, что вы недавно приехали, да?

– Только вчера.

– Понятно. В таком случае у вас еще все впереди. А вот и наш заказ. Ну что, давайте за наше знакомство. Как-никак мы с вами в какой-то степени коллеги.

– Вы тоже по мебели?

– Нет. Хотя, с лесом тоже на «ты». Я, знаете ли, предпочитаю торговлю. Здесь купил, там продал. Всегда свежая копейка. Кстати, меня Александром зовут. Александр Тарасович Конопляный. А вас?

– Так мы с вами тезки. Я тоже Александр. Лазариди фамилия. По линии отца – греческие корни. И по отчеству у нас не принято называть. Да и возраст не такой уж солидный. Давайте просто по имени. Принимается?

– Что ж, давайте за это и примем пару глотков коньячка местного производства. Между прочим, если и уступает марочным забугорным, то самую малость.

Оба добросовестно приняли на грудь по пару глотков. Причем Конопляный, перед тем как глотнуть, довольно впечатляюще поводит носом над вместительным бокалом. Явно выискивая ту самую малость.

– Так вас уже можно считать аборигеном этой местности, нет?

– Да какой там абориген. Всего несколько лет живу здесь. И то наездами. Я ведь в Киеве тружусь, – Конопляный не стал распространяться ни о своем прошлом, ни о настоящем. Это не осталось незамеченным для

Алеко. – Если я правильно понял, то ваше пребывание здесь зависит только от вас, да? Чем быстрее вы подберете себе специалистов, тем быстрее покинете Закарпатье?

– Абсолютно верно.

– И где вы остановились?

– Не поверите, но мне крупно повезло. В поезде познакомился с одним грузином и его женой. Они живут рядом с площадью этого, как его... Шандора...

– Шандора Петефи...

– Именно так. Они и предложили мне пожить у них. Очень гостеприимны. А вы знаете, – не давая собеседнику возможности задавать дурацкие вопросы, Алеко быстро перевел разговор на другую тему, – этого Петефи я представлял чуть ли не Гераклом.

Собеседник вскинул глаза на Алеко, потом дотянулся до сигарет, достал одну и снова закурил.

– В каком смысле?

– В прямом. Думал, раз его именем площадь не где-нибудь, а в самом областном центре назвали, значит, он солидный дядя. Значит, что-то очень большое сделал для этого края.

– И что, ваши надежды не оправдались? Почему?

– Смешно об этом, но факт. Я даже удивился, когда увидел его монумент в сквере с одноименным названием. Ожидал увидеть действительно монумент, а реально – вроде небольшая скульптура пионера в шляпе да еще с галстуком и с палкой. Ну чисто тебе Павлик Морозов. Именно так я посчитал издали. Оказалось, что это не пионер, а мужик, и не с палкой, а с саблей. Неужто на более солидную фигуру вооруженного мужика, снискавшего историческую славу этого старинного города Закарпатья, ни у городских властей, ни у местной венгерской общины силенок не хватило? А представители соседнего государства куда смотрят? – Алеко даже брови нахмурил от возмущения. Чем окончательно добился своего. У собеседника напрочь исчезло желание задавать вопросы и о бывших мнимых пассажирах Ковтушенко, и о его предполагаемом месте жительства. Под таким обвинительным напором он даже мысль свою потерял.

– Простите, не понял! Вы меня в этом обвиняете? Так я понятия не имею, кто такой этот Петефи и что он сделал для Ужгорода. Мне как-то это по-барabanу. А монумент тот, как вы его называете, я тоже видел в сквере. Но представьте себе, – Конопляный сначала сделал глоток кофе и только потом, сотворив на лице такую гримасу, что Карцев отдыхает, продолжил, – такая мысль мне даже в голову не приходила. Знаете, что-то мы с вами заболтались. А коньяк-то имеет тенденцию к выветриванию. Предлагаю закончить с этим делом за процветание вашего бизнеса.

– Спасибо. Вы правы, все равно платить придется. А раз так, то надо допить. Да и засиделись мы с вами. Пора и честь знать.

Закончив с коньяком и допив остывший кофе, оба поднялись и направились к выходу.

– Спасибо за компанию. Я, между прочим, тоже люблю утренний моцион с кофе совмещать. И вы правы, готовят его здесь действительно вкусно. Явно придется последовать вашему примеру.

– Тогда до встречи!

Откланявшись, Алеко не оборачиваясь, направился вдоль улицы Корзо, а его новый знакомый, достав очередную сигарету, закурил. Почти напротив аптеки у витрины сидел седой скрипач со скрипкой в руках. Играл он прекрасно. Сольное исполнение скрипки под аранжировку мелодий, слегка усиленных переносным двухкасетником, приятно ласкало слух. Вокруг скрипача стояло человек десять. То ли гостей, то ли местных. А перед ним в футляре от скрипки лежало несколько смятых бумажек мелких номинаций, как в государственной, так и в зарубежной валюте. В основном в гривнах, в долларах и евро. Остановившись, Алеко украдкой скосил глаза в сторону кафе. Его новый знакомый стоял все на том же месте. Курил возле скамейки.

Только убедившись, что тот действительно нырнул рядом в подъезд, Алеко направил свои стопы в сторону пешеходного моста.

Это была их первая, но не последняя встреча. Именно в этом кафе каждый день начиная с понедельника и заканчивая пятницей ровно в одиннадцать они встречались и проводили там минут двадцать. Виноват. Ровно в одиннадцать в кафе входил Конопляный. Его собеседник, изображая все же занятого человека, появлялся в кафе в пределах пяти минут позже. Он оказался толковым собеседником, знающим море анекдотов и присказок. Не отставал от него и Конопляный. Последний даже пообещал при необходимости помочь Ковтушенко по Киеву с оформлением бумаг, как на аренду помещения, так и для официальной регистрации бизнеса.

Так прошло пять дней. Включая это воскресенье. На шестой...

...Джип «чероки» покинул кольцо на выезде из Ужгорода ровно в 19 часов 45 минут. Именно это время было зафиксировано Конопляным и новым пассажиром, сидевшим на заднем сиденье внедорожника.

По своей внешности пассажир стопроцентно смахивал не просто на кавказца, а именно на грузина. Это был Пират.

Все произошло, как и было задумано еще там, в Одессе. С одной лишь разницей, на заднем сиденье вместо самого Алеко сидел его водитель.

В четверг вечером Ковтушенко созвонился с Геннадием Петровичем.

– У меня все на мази.

– Ты так считаешь? Хорошо, я завтра ближе к обеду задействую схему вызова его в Киев. Ты сможешь его убедить взять с собой в джип?

– Уверен.

– И что ты ему предложишь?

– Что двоюродная сестра моя в Стрые попала в аварию. Надо срочно выезжать.

– Думаешь, сработает?

– Сработает. Я про сестру ему уже все уши прожужжал, – соврал Алеко.

– В таком случае, флаг тебе в руки.

В пятницу на утренней встрече Алеко всей своей внешностью показывал, что у него какие-то проблемы.

– Что случилось, коллега? – спросил Конопляный, как только они сдавали заказ. – На тебе лица нет.

– Да понимаешь, недавно позвонили, что сестра моего нового знакомого, грузина, помнишь, я тебе о нем говорил в первый день, попала в аварию.

– Где, в Грузии?

– Нет. В Стрые.

– А что она там делала? – у Конопляного борода резко дернулась вниз, в гармошку сжимая подбородок. При этом глаза округлились, а брови изогнулись дугой.

– А я тебе разве не говорил? Она туда замуж вышла. Там и живут. Давно уже. Благодаря сестре и он попал в эти края. Женился на местной. Они же в прошлый раз именно из Стрыя и ехали сюда, – фантазии Алеко не было предела. Экспромт из его уст пер безостановочно. – Его Ираклием зовут. Мы с ним почти одного возраста. Правда, разговаривает он порусски плохо. А посему вытащить из него слово – проблематично. Жена его так и называет молчуном.

– Так он что, уже поехал туда?

– Нет. Пока только с телефона не слезает. Мобильники не отвечают. Все пытается созвониться с соседями сестры, может, что прояснят.

– Пусть надеется на лучшее.

Дальнейший разговор проходил в режиме от одной темы к другой. И только в самом конце, когда от кофе в чашках осталось одно воспоминание, Алеко позволил себе задать один вопрос:

– Слышь, Александр, что сегодня вечером делаешь?

– В каком смысле?

– В прямом. Есть предложение посидеть в каком-нибудь приличном заведении. Познакомишь с женой. Может, у нее и подружка имеется? Ты не думай, я без всяких задних мыслей. Вчетвером было бы веселее. Что ты скажешь на это?

– А что, идея неплохая. Но мне этот вопрос надо согласовать с женой. Сам понимаешь.

– Так и я о том же. Естественно. Дай мне свой телефон я тебе через часик позвоню и тогда мы все вопросы и решим. Принимается?

– Принимается. Записывай.

Алеко добросовестно занес в память своей мобилки номер телефона Конопляного. На том они и разошлись.

Ковтушенко позвонил не через часик, а только около двух часов дня.

– Извини, Александр, только-только освободился. Небольшой напряг вышел с одним специалистом-краснодеревщиком. Толковый мастер, мне его в вашем фирменном мебельном магазине рекомендовали. Еле в цене столковались. Ты с женой поговорил? Она не возражает? Может, и подружка есть? – Алеко сыпал вопросами как на скоростном брифинге.

– Ничего не получится. Мы с женой с удовольствием посидели бы часик-второй в каком-нибудь ресторане. Только теперь уже у меня проблемы?

– Что-то случилось? И что за день такой?

– Плохого ничего, если не считать то, что меня срочно вызывают в Киев. Час тому позвонили. Так что встреча наша с тобой откладывается. Будешь в Киеве, позвони мне по этому номеру. Встретимся и я попытаюсь тебе в чем-то помочь. Кстати, твоего-то номера у меня нет.

– Да-а! Незадача, – как будто не слыша последнего вопроса, резюмировал Алеко.

– Слышишь, Саша? Твой Ираклий или как там его, уже созвонился со Стрыем? Что там с его сестрой? Я в смысле, если он собирается ехать, то я могу его взять с собой. Выезжать, правда, я буду ближе к вечеру. Водителю надо отдохнуть. Путь-то неблизкий.

– Ты знаешь, так и недозвонился. Собирается ехать туда. А вот чем, ума не приложит. Совсем нервный стал. Твое предложение очень кстати. Сейчас я его обрадую.

Конопляный слышал, как Алеко громко радовал Ираклия. Между прочим, именно это и было по-настоящему реально. Ковтушенко действительно разговаривал со своим водителем Ираклием по кличке Пират. Только разговор этот проходил совсем не на площади Шандора Петефи, а на окраине Ужгорода. Недалеко от стадиона, в особняке, куда их поселила семья Вароди.

– Александр, Ираклий так обрадовался, что готов хоть сейчас поляну накрывать. Обещает до гробовой доски поить тебя настоящим грузинским вином. До нее, кстати, не так уж и долго ждать, – подумал про себя Ковтушенко.

– Сочтемся как-нибудь. А время, машина его устраивают?

– Можно подумать, что он меняет подвернувшийся ему вертолет на твой джип. Быстрее все равно ничем уже до Стрыя не доберется. Раньше надо было думать. Разве только такси взять. Так водила с него бабок не меряно сдерет. И что он выиграет? Практически ничего. Как говорится, все в руках Божьих. В общем так, во сколько вы собираетесь выезжать?

– Думаю, часов в семь вечера. Сегодня пятница, к ночи движение утихнет. Трасса свободней будет. Быстро домчимся. Погода, правда, не ахти. Моя тут в интернет нырнула, так обещают к вечеру дождь. Это здесь. А на перевале точно со снегом будет. Да ничего. У меня внедорожник, прорвемся.

– Хорошо. Я тебе ровно в семь позвоню, лады?

– Лады.

– Тогда до связи. Ты все понял? – выключив мобильник, повернулся Ковтушенко к Пирату. – Чену я позвонил. Он уже в пути. Я вас обгоню, и буду ждать перед самым перевалом. Как только вы появитесь, звоню ему, чтобы перекрывал дорогу с той стороны перевала. С этой стороны перевал перекрываю я. Запомнил место, где надо остановить джип?

Пират молча кивнул головой.

– Как только водила остановится, плеснешь отключкой в лицо обоим. Не забудь на всякий случай прикрыть свой рот платком. Приготовь его заранее. Выходишь из джипа, выливаешь из бутылки бензин по заднему сиденью и багажнику и поджигаешь его. Тут же становишься на подножку, выворачиваешь руль в сторону откоса, врубаешь первую передачу и малым газом направляешь джип вниз. Сам спрыгиваешь, ждешь пару минут и кругами на перевал. Не забудь дверцы на защелки поставить. Там садишься к Чену, звонишь мне и мухой домой. Как только вернусь, получишь свои две тонны и можешь гулять. Китайцу достаточно и пять косых. Кстати, он не должен ничего об этом знать. Понял? И запомни, на все про все у тебя будет не больше минуты полторы. От силы, две.

И опять Пират молча кивнул головой. Как будто уже входил в роль молчуна.

– В таком случае, поехали к скверу, в котором монумент того «Геракла». Именно там ты и сядешь в джип этого фраера. И держись в тачке молчуном. Когда будешь говорить, коверкай слова. Нам еще надо купить апельсин, мандарин, бананов... Ты же в больницу идешь. А туда с пустыми руками не ходят. Усек?

...Ближе к Мукачеву черный джип «лендровер» обогнал «чероки» и на приличной скорости умчался вперед. За рулем джипа сидел сам Алеко. Все прошло, как и было спланировано. В одно и тоже время перевал был перекрыт. С двух сторон. Хотя делать этого совсем не требовалось. Ни одной машины за все время черного дела в районе перевала не появилось. Ночью да плюс в предвыходной – такое на перевале не редкость.

Спустя минут тридцать мимо спрятавшегося в посадке джипа «лендровер» промчалась «канарейка», спешившая к месту падения «чероки».

Все шло, как и было спланировано. Но Геннадий Петрович в своем планировании не учел двух вещей. Числом один, что именно в это время в санатории сравнительно недалеко от перевала будут отдыхать два таких опера, как подполковник Васюта и майор Хрущ. И что в это дело сунет свой любопытный нос бывший «важняк» ГУБОП полковник милиции в отставке Кашай. Числом два, вытекающим из все того же числа один, то, что лабораторный анализ обгоревшего джипа, а равно как и фрагментов обугленных тел будут проводить не в Ужгороде. Не периферийными сотрудниками лаборатории управления МВД в Закарпатской области. И даже не передвижной лабораторией следственного управления МВД, а стационарной, в самом Киеве. Было еще кое-что. Как слишком большой круг лиц, привлеченных к исполнению преступления, допустим. Но это уже мелочи. Которые, в принципе, хоть и влияли на раскрытие этого преступления, но не в таком большом масштабе. А когда к делу подключаются настоящие сыскари, причем независимые от политических партий, от капризов начальства, от повального в Украине незаконного пополнения мошны иностранной валютой, тогда и делу венец. Хотя, до венца еще ой-ой-ой сколько. Не будем спешить. Поспешить – людей насмешишь.

СБУ дает добро

15 часов 10 минут. 02.03.200...года. Среда.

Именно это время показывали часы на руке Васюты, когда «шевроленива» остановилась у дома номер два по улице Боговотовской. Считай, у самого входа в Главное управление по борьбе с организованной преступностью МВД Украины.

– Слава тебе Господи, добрались, Паша. И ни фиги себе, это что, уже четвертый час? Вот это пилили. И сколько мы намотали?

– Прилично, Илья Бенедиктович, прилично. Всего километров на сорок меньше, чем поехали бы по той трассе.

– Это что, мы так мало сэкономили? Практически, с гулькин хрен.

– А вот по времени по той трассе добрались бы быстрее. Сто пудово, быстрее.

– Да-а! Никакого выигрыша. Если учесть количество жопударов в минуту да прочие неудобства, то больше потеряли, чем нашли.

– Я еще в Середняках хотел вам сказать, что решение ехать через Рокитное – Коростень не очень правильное. Спустились бы к Ровно, а там трасса до Новограда-Волинского, потом на Житомир и аж до Киева прямая, как выстрел пули. Да и качество – не чета этой.

– Так чего не настоял? Давно были бы уже здесь.

– Ага! С вами настоишь. Так мне сейчас куда?

– Как куда? Все, дорогой. Кончились наши совместные катания. С этой минуты ты сам по себе, а я сам. Коты гуляют сами по себе. Хотя нет, это касается кошек, – сыренизировал Васюта. – Если что, ты уж не серчай на меня, ладно? Зла не держи.

– Да чего уж там. Значит, я могу ехать?

– Можешь, Паша, можешь. Можешь ехать в свой ГОПа и докладывать об окончании командировки. Пиши отчет, причем полный, собирай квитанции и получай бабки, – не лишил себя в удовольствии съехидничать подполковник милиции. – Как говорится, будь здоров и не кашляй, ха-ха-ха. А если честно, спасибо тебе за службу. Претензий к тебе никаких. Так можешь и передать начальству. Если оно меня вызовет для доклада, я это подтверждаю. Только это вряд ли, – последнее пронеслось у него только в мыслях. Он почему-то запомнил, что завтра с утра в «тихом омуте» ему тоже придется писать отчет об израсходованных средствах. И не только. Ему придется до самых мелочей докладывать все, что удалось, говоря оперативным языком, «нарыть» по убийству советника в ходе оперативно-розыскных мероприятиях. Включая и неотработанные версии.

– И вам не хворать, товарищ подполковник, – не сдержался водитель. На счет отчета он явно все понял. – А за доброе слово, спасибо. Такие слова редко сегодня услышишь. Увижу в городе, по возможности обязательно подвезу.

Как только джип отъехал, Васюта поднялся в здание. Всю дорогу от Середняк до Киева он размышлял над сегодняшним отъездом. Практиче-

ски, это был не простой отъезд, а натуральное отстранение от дела. Именно так он и понял после того злосчастного звонка с Банковой.

С момента его возвращения из Одессы в Середнянском районе прошло всего четыре дня. Правда, за последнюю неделю события развивались довольно стремительно. Убийство старшего лейтенанта милиции Полоха, предостережение ему, Васюте, переданное через Натана, «чисто случайно» повстречавшегося ночью с тремя неизвестными личностями, позитивная беседа с Шершнем, опознание по фотографии Конопляного-деда... Было над чем трудиться. И тут на тебе, один звонок и все пошло прахом.

Ему не дали соединить все эти события в одно целое. Такое иногда случается.

— Если бы качественно над этим целым поработать, точно можно было бы за серьезный кончик ухватиться. Настоящий. Живой, а негнилой. Тут и к бабке не ходи. Глядишь, клубочек и докатился бы до серьезных фамилий. Так нет, на тебе, один звонок и ты уже похож на сдувшийся шарик. Финита ля комедия, подполковник! Вы уже не нужны. И чтобы это значило? — уже с первых слов телефонного разговора мысли Васюты стали на дыбы. — Вполне возможно, что на моей физии в то время запросто можно было все прочитать даже без бинокля. А что я мог сделать? Для меня этот звонок, как гром среди ясного неба. Я даже сгруппироваться не успел. Так все шло хорошо. В воскресенье Хрущ нарыл, что перед выездом на пилораму Полох с кем-то разговаривал по телефону. И тут же стал рыть глубже. Третий день роет. Должен что-то нарыть. Парень еще той закалки. Вцепится, танком не оттащишь. Натан, в свою очередь, за воскресенье и понедельник вычислил двоих из тех, что «чисто случайно» встретили его ночью у магазина. Причем, как оказалось позже, именно их кликухи и висели на слуху как исполнителей убийства Полоха. А уж о качественной проработке новых версий и разговора не могло быть. А может, я ошибаюсь? Какой-то хитрый взгляд у майора все же был. Точно, хитрый».

Звонок с Банковой застал его в кабинете майора милиции Войцеховского, начальника Середнянского райотдела. Вместе с Дичкой, начальником отделения криминальной милиции, они обговаривали необходимость и возможность задержания Трубача со Скелетом. Именно их и вычислил Натан. Правда, об этом ни Васюта, ни Хрущ местных стражей порядка не проинформировали. Исключительно по забывчивости, скажем так. А скрывались «разбойники» чуть ли не в избушке на курьих ножках. Точнее, на одной из охотничьих заимок, расположенных в лесу среди болот на севере Середнянского района.

Трубку взял хозяин кабинета но, выслушав начало, протянул её Васюте:

— Вас! Киев! Секретариат! — еле слышно прошептал Войцеховский.

— А как они догадались, что я у вас? — у Васюты аж глаза округлились.

— Здравствуйте, Илья Бенедиктович! Евгений Михайлович с Банковой. Помните такого?

— Здравствуйте! — кратко ответил он. На столько кратко, что, кажись, поставил собеседника в неловкое положение. В течение нескольких

секунд в трубке стояла тишина. — Я слушаю вас, слушаю, Евгений Михайлович, — продолжил Илья. — Что-то случилось? — подполковник настроился на худшее. Хотя худшее, которое он был готов принять, было бы из области только цветочков.

— Когда вы сможете выехать сюда?

— Это срочно?

— Очень.

— А что случилось?

— Мне бы не хотелось об этом по телефону?

— Что-то серьезное? Меня отзывают?

— Считайте, что да.

— А майор Хрущ?

— Он сегодня же получит указания от своего непосредственного начальства. У меня к вам просьба, захватите, пожалуйста, его временное удостоверение, выданное у нас. Да! Жду вас завтра ровно в восемь. Адрес, надеюсь, не забыли? До встречи.

Связь для Ильи прервалась точно так же неожиданно, как и началась. Он еще какое-то время держал трубку стационарного телефона в руках, хотя мысли продолжали работать быстрее операционки любого компьютера.

— Меня отзывают. Вот такая картина в масле, уважаемые. Что ж, начальству с погребца, как говорил мой бывший шеф, всегда виднее, — Илья сделал попытку улыбнуться. Это ему удалось с трудом.

— Так на чем мы остановились? — подполковник милиции Дичка попытался вернуть всех в кабинет.

— А мы уже ни на чем не остановились, уважаемый Федор Федорович. С этой минуты я лишен всякой возможности принимать любые решения. А, равно как и влиять на ход оперативно-розыскной работы. Нет меня. Ау-у! Где вы подполковник? — Васюта, копируя генерала, очень качественно изобразил поиск самого себя, покрутив головой по кабинету. Он даже наклонил голову, изображая поиск под рабочим столом. Чем вызвал натуральный смех у присутствующих.

— Ну зачем вы так, Илья Бенедиктович? — Войцеховский настолько правдиво пытался изобразить на лице удивление услышанным, что Васюта откровенно засомневался в этом.

— Если вас интересует мое мнение, я бы немедленно брал у прокурора ордер на арест и обыск и у Трубача, и у Скелета. А дальше все будет зависеть от вас. От ваших возможностей. Думаю, они знают не только настоящего исполнителя, но и заказчика.

— А вы уверены, что был третий? Что именно тот третий и есть исполнитель? Вы располагаете какой-то информацией? Тогда кто заказчик?

— Нет, «любі друзі», — отшутился Илья. — Никакой информацией я не располагаю, — дать положительный ответ — это значило «засветить» Натана. Что могло для последнего закончиться не очень приятно. Если не сказать хуже. — Дудки. Так я вам и открылся. Уверен, и один, и второй из арестованных в ближайшее время благополучно отправятся на прием к Все-

вышнему. Причем от самого натурального насморка. Но почему-то с отбитыми внутренностями. Хотя вскрытие это не обнаружит. А вот следующим вполне может стать Натан. Лично меня такой расклад совсем не устраивает. Израилевичу надо еще до своего главного обидчика добратся. А на него его может вывести только тот, третий. Так что «звиняйте, шановні, бананів не має», последние выражения крутанулись только в мыслях и преспокойно отправились в ближайший кластер на сохранение. Как говорится, до лучших времен.

«Да! Интересно девки пляшут... И что меня теперь ждет в кабинете генерала?» – у поднимавшегося на второй этаж Ильи нехорошие мысли снова зашебаршились в голове. Он опять вспомнил Середняны. Как только вернулся из РО УМВД в гостиницу, по мобилке на него вышел Подоляко. И снова все в тумане. Ничего конкретного.

– Тебе звонили с Банковой? Передай дела Хрущу и мухой сюда, – вспомнил он требование начальника управы. Тот даже здрастье не сказал.

– Звонили. Значит, ветер оттуда дует?

– Не морочь мне голову. Есть новости посерьезней. Когда планируешь выехать?

– Не раньше десяти.

– А если подумать?

– Так ведь заправиться еще, то да се...

– Уговорил. Я буду на месте. До встречи.

«Да. Сумасшедший день. Не-е. Так, уважаемые, серьезные дела не делаются. Всякое дело надо доводить до логического завершения. А если мы будем бросаться из темы в тему – грош нам цена. Поэтому и бардак такой в государстве. Так и хочется плюнуть на все, послать всех по запутанному адресу и гори оно все синим пламенем». «А как же любимое дело? Опять же присяга? – подсуетился его внутренний голос. «Цыть, вурдалак. О каком любимом деле может идти речь? О какой присяге? Вся мораль нынче поставлена с ног на голову. И оценивается совсем не по праведным действиям, а по плотности кошелька, набитого зеленью».

В приемной никого не было. Илья секунду постоял, поразмышлял над бренностью нынешней своей судьбы, открыл первую дверь и тут же постучал во вторую. Услышав приглашение, вошел в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! Подполковник Васюта...

– Да ладно тебе, Илья! – Подоляко поднялся из-за стола и направился навстречу вошедшему. Васюта тоже двинулся к рабочему столу.

– Ты на Банковой уже был? – уточнил генерал, подавая руку. – Пойдем присядем в кресла, – нажимая на пупок «лентяйки» и добиваясь максимальной громкости уже работающего телевизора, хозяин кабинета вместе с вошедшим направился в дальний угол кабинета.

– Меня там сегодня не ждут.

– Не говори загадками. Ты что и на меня обиделся?

– А какое я имею право обижаться, товарищ генерал-лейтенант?

– Ага! Ты еще полную мою должность озвучь. В самый раз будет. То, что они отстранили тебя от дела, – этого стоило ожидать. Знать, хорошо трудился. А может, ты забыл о своевременных докладах? Я тебя предупреждал. Если оттуда на нашего министра нажмут – считай, что приказ о твоём увольнении у тебя в кармане. Даже я ничего не смогу сделать.

– Докладывал постоянно. Согласно полученным указаниям. С этой стороны наехать на меня нельзя.

– Тогда остается одно, – генерал, прижмурившись, посмотрел в глаза подчиненному. Причем на столько пронизательно, что последнему срочно захотелось подняться и принять строевую стойку.

– Не томите, товарищ генерал-лейтенант, – наконец-то решился Васюта, чувствуя, что шеф специально делает выдержку.

– А то ты не догадываешься.

– Думаете, я прижал кому-то хвост?

– А я думаю, что до этого еще не дошло. А вот то, что попытался сдвинуть с места камушек, готовый вызвать камнепад, – это точно. Если бы ты наступил кому-то на хвост – мы бы с тобой здесь не разговаривали. Ты бы уже в обнимочку с Полохом стоял в предбаннике Всевышнего в ожидании своей участи.

– Неужели настолько все серьезно?

– А ты думал? Когда дело касается левых денег, причем в приличных размерах – все не просто серьезно. Все очень серьезно. Значит, у тебя до завтра есть свободное время, так? Раз они тебя сегодня на вольные хлеба отпустили, тогда больших грехов за тобой не усматривают.

– В смысле?

– В смысле, что они тебя не боятся. На данный момент ты им обедню никак не сможешь испортить. Знают, что зацепиться тебе пока не за что. А вот чтобы ты до чего-то не очень хорошего не докопался, они тебя от дела отстранили. С насюда я не могу дать тебе четкого ответа. Чтобы делать правильные выводы, нужно быть в курсе всех событий. В том числе и за последнюю неделю. Так ты говоришь, что до завтра тебя оставили в покое? В таком случае отправляйся домой. Отдохни. С женой пообнимайся, а вечером мы троим эти вопросы обсосем со всех сторон. Надеюсь, Наталья Спиридоновна нас не выгонит?

– А мы – это кто? Я могу узнать наперед? Или это великая тайна?

– Мы? Мы – это мы, товарищ подполковник. Я да ты.

– А третий кто?

– Третий? Третий – это сюрприз. Как там тот пародист говорил: «...сюрприз будет», – ха-ха-ха. Пошепчемся, новости твои послушаем. Кое-чем сами похвастаемся. В общем, там все узнаешь.

– А хотя бы намекнуть слабо, Игнат Тимофеевич?

– Не-е! И не уговаривай меня, – замахал руками генерал, поднимаясь с кресла. Подоляко так правдиво спародировал почтальона Печкина из Простоквашина, что Васюта от души рассмеялся.

Почти над их головами на всю громкость работал телевизор «Панасоник». Слышен был рев двигателей, скрип тормозов и грохот автоматных

очередей. Явно в повторении транслировали очередную серию какого-то боевика.

– Разрешите исполнять, товарищ генерал-лейтенант?

– Давай, – манул рукой начальник главка. – Можешь взять нашу разгонную. Скажешь дежурному, что я разрешил. Дуй.

«А у него хорошее настроение. Знать, ни звездопад, ни понижения по службе мне не грозят. Во всяком случае, на данный момент, – подумал Илья, садясь в разгонную «волгу». – Интересно, кто же этот третий?»

... – Значит, ты утверждаешь, что фирму «Полесье» крышует кто-то из тамошнего городского начальства?

– И не только. Ставлю бакс против гривны – в этом деле и областное тоже замешано. Как пить дать, замешано.

Услышав такой ответ, Подоляко, сложив губы так, что их уголки опустились аж до подбородка, покачал головой.

– Слышишь, Игнат Тимофеевич, ты головой больно-то не качай. Боюсь накаркать, но мне кажется, что крыша к этой фирме тянется отсюда. Из Киева. По-моему даже с Банковой, – Иван Васильевич дотянулся вилкой до салата из квашеной капусты, потыкав ею несколько раз, наколот приличный ворох и отправил в рот. Да, да! Именно Иван Васильевич Кашай, пенсионер из Закарпатья, полковник в отставке, бывший начальник отдела по раскрытию особо важных дел главка. Отдела, которым теперь руководил подполковник Васюта.

Мистер Икс был расшифрован сразу, как только Кашай с генералом в половине восьмого появились в квартире Васюты.

Жена к этому времени накрыла на стол, чуть ли не под запись проинструктиввав мужа где, что находится на кухне и в какой последовательности это должно появляться на накрытом столе в комнате, уехала. Оказывается, Подоляко все предусмотрел. Для всяких там нежностей он выделил своему подчиненному ровно два часа. Потом вызвал жену подчиненного к себе домой. Нет. Не в прямом смысле сам вызвал. Он такого права не имел. Его жена, позвонив Наталье Спиридоновне, убедила последнюю срочно приехать к ней. Как она ее убеждала – не столь важно. В общем, великолепная тройка уже около двух часов сидела за довольно неплохо накрытым столом.

Первым, как и положено по старшинству, генералу докладывал, если можно так выразиться, Кашай.

– В общем, так, – философски продолжил бывший Васютин шеф, – пришлось нам с Андрюшей здорово попотеть. Андрюша, – увидев удивленное лицо Васюты, Иван Васильевич поспешил внести ясность, – ты его должен помнить, Илья. Вы еще вместе с ним ездили в село Буковица. По делу о пропаже мальчика. Помнишь? *(Подробнее об этом в романе «Кровавый киднеппинг».)*

– Капитан милиции Котубей? Кажись так звали опера с УБОПа УМВД в Закарпатской области, с которым мы ездили в то горное село?

– Он самый. Так вот, многого нам выяснить не удалось, хотя кое-что все-таки нарыли.

– А ты можешь без лирики?

– Без лирики, Игнат Тимофеевич, могу. Естественно, могу, только без нее неинтересно будет. Слишком протокольно. А читателю, извините, протокол до одного места. Но если вы меня перебивать не будете, то я постараюсь до предела сократить лирику. Вас такой вариант устраивает?

Подоляко махнул рукой. Мол, валяй, давай. Ты неисправимый. Что с тебя взять?

– Ужгородская вдова советника после долгих мучений вспомнила интересный факт. Оказывается в тот день ни в какой Киев ее муж выезжать не собирался. Больше того, у них совсем другие планы были. В ресторан они намыливались вечером.

– А они – это кто? Вдвоем с мужем? – Илья настолько внимательно посмотрел в глаза Кашаю, что тот аж рассмеялся.

– Мысли ваши, уважаемый сыщик, на верном пути. Они – это не только муж и жена. Был еще третий. Тот, с которым ее муж буквально пару дней перед этим познакомился в кафе по соседству с их квартирой. И представился тот знакомый интересной фамилией. Вам что-нибудь фамилия Лазариди говорит?

Подоляко и Васюта почти в унисон отрицательно закивали головами.

– Александром Лазариди звали нового знакомого Конопляного. И идея вечерних посиделок в ресторане на тот вечер исходила именно от него. Как вам такой компот?

– Ты на что намекаешь?

– А на то, Игнат Тимофеевич, что ниточка этого «акседента», как назвал аварию наш молодой коллега, тянется отсюда. Из столицы, уважаемые. И об этом, уважаемые, я вам говорил с самого начала раскрытия этого дела.

– Твой компот на фактаж пока никак не тянет.

– А если я кое-что добавлю, уважаемый товарищ генерал?

– И ты туда же? Вы сегодня так и хотите обидеть меня. Ты по-другому обратиться не можешь? То на «вы» то на «ты» обращаешься. Так ведь и не пили еще. Добавляй, давай, коль начал.

– Так вот, буквально перед обедом был звонок. Трубку подняла она. А звонили из Киева. Из администрации. Звонил какой-то то ли замначальника, то ли начальник зама... Чего вы на меня так смотрите? Это я со слов вдовы. Звонивший с мужем разговаривал недолго. После разговора с ним муж сказал ей, что его срочно вызывают на работу. К утру должен быть уже в Киеве.

– А с чем связана такая срочность? Муж случаем не прокомментировал?

– Прокомментировал, Илюша, прокомментировал. Мол, президент срочно потребовал подготовить какой-то проект изменений закона о малом и среднем бизнесе.

На этот раз ни от Васюты, ни от генерала вопросов не последовало. Однако, спустя секунду-другую, Подоляко поднял голову и, посмотрев сначала на Кашая, потом на Васюту, изрек:

– Все верно. Был такой вызов. Я уже интересовался. Конопляного в Киев отзывал один из помощников главы секретариата.

– Этот зам действительно курирует бизнес?

– Нет, Иван Васильевич, этот зам официально бизнес не курирует. Хотя, как посмотреть на это дело. Этот зам курирует «Укрспецэкспорт».

– Час от часу не легче. Теперь вы хотите сказать, Игнат Тимофеевич, что следы убийства советника ведут в «Укрспецэкспорт»?

– Я ничего не хочу сказать, Илья. На это больше претендует твой бывший шеф. Ишь, какое лицо сотворил. Будто ему Героя Украины дали. Только в хозяйство Сергея Бондарчука, что на Дегтярской, 36, входит аж целых пять почти самостоятельных фирм. «Прогресс», «Укринмаш», «Укроборонсервис», «Спецтехноэкспорт» и «Промоборонэкспорт». И все они в той или иной форме связаны с торговлей вооружением и спецтехникой. Учтите, поставки у них налажены более чем в девяносто стран мира. Так какой из этих фирм прикажете заняться? В какую из них ваши, Иван Васильевич, мысли так и рвутся, а?

В комнате наступила тишина. Потом через какое-то время виновник затянувшегося молчание ответил:

– Чего вы на меня, товарищ генерал, так смотрите? Такое впечатление, что я не только выдвинул целенаправленную версию против хозяйства Бондарчука. Вроде я с пеной у рта продолжаю на ней настаивать! Только позвольте вам обоим заметить, что в адрес этой фирмы я не проронил ни слова. Это все ваши с Ильей домыслы. Мне даже показалось, что вы тут только между собой разговаривали. Или я ошибся? Вроде я при сем только присутствовал, нет? А продолжение, случаем, вы не хотите послушать?

– Что ты тянешь кота за принадлежности? – возмутился, в конце концов, Подоляко. Илья, услышав такое выражение из уст генерала, чуть не прыснул со смеху. Правда, вовремя воздержался.

– Извините. Оказывается, одним звонком дело в тот день не закончилось. Вдова говорит, что был еще один звонок. Ближе к вечеру. И снова звонил тот самый новый знакомый. Разговаривал с ним сам Конопляный. Вдова говорит, что тот предложил взять с собой его друга. Мол, только до Стрыя. У того что-то там такое было, связанное с больницей.

– Значит, Конопляный и его новый знакомый должны были засветиться. А где? Она не называла место, где они должны были встретиться?

– Какой ты быстрый, Илья. Называла. На площади Шандора Петефи возле магазина «Садко». Только это еще не все. Есть еще одна новость. Вот именно ради нее мне с Андреем и пришлось попотеть. Зная, что Конопляный выехал в Киев на своем джипе, мы с Ужгорода и до перевала проделали тот самый маршрут. Правда, не на джипе, а на простой советской «копейке». Что под руками было. Точнее, что Андрей смог по-быстрому найти.

– Да, Иван Васильевич. Ты в своем амплуа. Помнится, в Одессе ты уже один раз ездил по маршруту. Если мне память не изменяет, по маршруту мэра, нет? Я не ошибаюсь? Помнишь, когда ты того киллера брал,

что собирался мэра Одессы грохнуть? (Подробно об этом в романе «Киллера брат живым».)

– Я все помню, Игнат Тимофеевич. Каждый день, каждый час своего пребывания в Афгане помню. Такое не забывается.

– Ну и что на этот раз ты обнаружил на маршруте Ужгород – перевал?

– Не поверите. Почти в каждое серьезное кафе по трассе заходили. Фотографию Конопляного предъявляли. Израсходовались...

– И нашли?

– Обижаешь, Илья. Куда они денутся с подводной лодки. Тем более в подводном положении. Следы Конопляного и иже с ним мы обнаружили за Чинадиевом. Есть там рядом с трассой неприметная кафешка. Бармен его опознал. А потом и официантка. Заправлялись они там. В смысле, ужинали. Темно уже было. И было их, уважаемый сыщик, – обращаясь к Васюте, продолжил Кашай, – целых три человека.

– Один, как я понимаю, сам Конопляный, так? Второй – водила. А кто третий? Неужто новый знакомый по кафе в Ужгороде?

– А вот тут ты, Илья, и не угадал. Третьим был мрачноватый тип. Больше смахивающий на кавказца.

– Надеюсь, Иван Васильевич, вы догадались составить фотороботы?

– Обижаешь, Илюша. Фотороботы объектов мы составили и по рассказу работников кафе в Ужгороде и на трассе. У меня все, Игнат Тимофеевич. Не мешало бы и на грудь принять по такому случаю. Зря, что ли, собрались? Вы не возражаете?

Под это известие благополучно были выпиты очередные рюмки настоящего армянского коньяка. Три бутылки которого принес с собой сам начальник ГУБОП. В последнее время он взял для себя привычку приходить в гости со своей «посудой». Естественно, что ни Васюта, ни Кашай никаких возражений против этого не выдвигали.

Вторым на очереди стал Васюта. Он сначала буквально до мельчайших подробностей остановился на своем пребывании в Одессе. Потом на убийстве Полоха. Довольно качественно обосновал свои версии о предполагаемых как исполнителе этого убийства, так и о заказчике. Не забыл он упомянуть о ночной встрече Натана с неизвестными. А вот как они с Хрущом и Натаном вышли на Трубача и Скелета, Илья подробно не останавливался. Благоразумно посчитав, что это дело их парадии уже не касается.

Грешить на то, что фирма «Полесье» со своей несанкционированной добычей янтара и реализацией его за бугром имеет хоть какое-то отношение к самому убийству советника, не имело никакого смысла. Зачем мочить курицу, которая несет золотые яйца. Именно это и пытался лишний раз доказать Кашай.

– Ты так думаешь? В таком случае, Иван Васильевич, я готов выслушать все твои «за» и «против».

– А что тут думать? Ясно как божий день. И к бабке не ходи. Илья утверждает, что фирма «Полесье» занимается незаконной добычей янтара. Спинным мозгом чувствую, сей советник в свое время столько денег

вложил в избирательную кампанию президента, что вполне возомнил себя при нем акционером недр с решающим голосом. И доказательств этому у Ильи, как я понял, море.

– Только устных. И не у меня, а у Натана Израилевича Толчинского, бывшего капитана милиции.

– Да. Но добыть их особых усилий не потребуется, я так думаю.

– Как сказать, Иван Васильевич, как сказать? Именно Полох, как я понимаю, чисто случайно попытался копнуть в этом направлении глубже, за что и пострадал. Если они своих стали мочить, это значит...

– Это значит, товарищ подполковник, что мои мысли на верном пути. Но вместе с Полохом в этом деле засветились и вы, уважаемый сыщик. Действиями Полоха вы их спугнули. Причем качественно. Сами принять такое решение по старшему лейтенанту они не могли. Не тот уровень. Полох был под твоим, Илюша, прикрытием. Точнее, под прикрытием удостоверения с Банковой. И грохнуть они его без разрешения сверху не могли. Ясный перец, Игнат Тимофеевич, не могли, – заканчивая свой спич, Кашай посмотрел на генерала, пытаясь визуально удостовериться в своей правоте.

– Убедил, черт западенский.

– Поэтому они меня и отстранили от дела, – поддержал своего бывшего шефа подполковник.

– На оперативном языке это значит, что в твоих дальнейших услугах они больше не нуждаются. Мягко говоря... Тебя должно было интересоваться только то пространство, которое окружало советника. Вернее те личности, которые находились в этом пространстве.

– Вы хотите сказать, Иван Васильевич, что янтарь вне пространства советника? Вернее, янтарь в этом пространстве не наблюдается?

– Официально нет.

– А не официально? – не сдавался Илья.

– Это уже с другой оперы-балета, как любит выражаться Игнат Тимофеевич. Поэтому тебя и отстранили. На хрена было совать свой нос в это янтарное болото. В убийстве советника на Банковой не был заинтересован никто.

– У тебя есть чем эту мысль подкрепить? – Подоляко зыркнул на Кашая.

– Это очень просто и вполне доказуемо. В деле янтаря советника на Банковой кто-то был в курсе. Причем с приличным процентом на кармане.

– Если это так, – вспыхнул Васюта, – тогда действительно гасить Конопляного не имело смысла. И если эта версия верна, то на Банковой совсем не заинтересованы в раскрытии этого преступления. Я правильно мыслю, Иван Васильевич?

– Совершенно в душу верно. Если дотошно заняться раскрытием этого дела, обязательно выйдешь на янтарь. А наверху кое-кого такой вариант не устраивает.

– Все. Сдаюсь, – согласился генерал. – Популярно объяснили. Тем более сие направление в деле убийства советника от нас забрали. Ты все материалы, свои версии и мысли по янтарю передал Хрущу?

Илья моментально кивнул. Причем настолько утвердительно, что в этом можно было абсолютно не сомневаться.

– Это дело уже передано в Главное управление Государственной службы борьбы с экономической преступностью. Во как... Помнится, кому-то недавно очень хотелось, чтобы делом о янтаре занимались те, кому это положено. Или я что-то не то говорю? – Подоляко зыркнул на Васюту.

– Вот пусть теперь они и потеют, – улыбнулся Кашай, не обращая никакого внимания на последние выражения генерала.

– Но Хрущ-то из другого ведомства? – как будто ни в чем не бывало не сдавался Илья.

– Чего ты тельняшку рвешь? Тебе оно надо? – Иван Васильевич мягко похлопал Илью по плечу. – Да пусть хоть сам министр этим занимается. Нам-то какое до этого дело? Нам главное, убийство советника раскрыть. Вот за это с нас спросят. Точнее, с вас, уважаемые менты. Моя хата действительно с самого края. Не села, а даже государства...

– Я так думаю, что твоего друга теперь включают в состав бригады ГУ ГСБЭП. И ты прав, Иван Васильевич. Для этого мы здесь и собрались. Что мы имеем с гусь по делу убийства советника? Есть предложение послушать сначала молодого коллегу, да?

– Я уже вам, Игнат Тимофеевич, вкратце из Среднян докладывал.

– Думаю, мозоль на языке не выскочит, если ты еще раз озвучишь свои версии. Тем более что твой бывший шеф об этом ничего не знает. Желательно подробно. С чувством, с толком, с расстановкой, как Иван Васильевич любит выражаться.

– Значит так! Версия о том, что убийство советника связано с пропавшими во время войны ценностями, получает некоторые подтверждения. Я только удивляюсь, как же вы, Иван Васильевич, усмотрели это еще тогда, когда мы с вами встретились в санатории?

– Ты любезностями меньше рассыпайся. Твой бывший шеф и так уже цветет и пахнет. Будь проще. Факты давай. Напичкивай нас фактами.

– Так я и говорю. На данный момент мною точно установлено, что не весь особый отряд НКВД-НКГБ, отвечавший за вывоз ценностей, погиб в начале сорок первого. По крайней мере, одного из живых уже опознали. Помните, я вам говорил про сына Стефании, Шершня Павла Ивановича? Что, забыли? В прошлый раз. Тогда мы тоже втроем сидели. Только не у меня, а у вас, товарищ генерал, – Илья с таким превосходством прищурил левый глаз, будто он из подчиненного сразу стал начальником. Причем начальником над Подоляко. На что последний отреагировал моментально.

– А вам не кажется, молодой человек, что вы слишком много на себя берете? Мы все всё помним. Так что давай без лирики.

– А я что? Я просто так. Так вот, мы вдвоем с Натаном предъявили полученную от СБУ фотографию Конопляного-деда этому самому Шер-

шню. И он его опознал. На фото тот самый человек, которого они с мамашей спасли в первые недели войны. У дедушки прекрасная память. Ему тогда было девять лет.

– Это точно? – почти в унисон спросили и Подоляко, и Кашай.

– Точнее не бывает.

– Тогда куда он мог деться после войны? Если это так, то где тогда эти ценности? Неужели внук это знал и его за это мочканули?

– А помните, Иван Васильевич, товарищ генерал в прошлый раз говорил про передачу «Жди меня»?

– Все правильно. На свой запрос я получил официальный ответ из Москвы. Там действительно фигурировали фамилии Шершень и Конопляный. И всплыли эти обе фамилии в Штатах. Так ты, Илья, говоришь, что Шершень по фотографии узнал Конопляного-деда?

– Он даже форму его тогдашнюю вспомнил. Конопляного они подбирали без памяти в форме сотрудника госбезопасности. Это Павел Иванович четко вспомнил.

– Тогда все правильно. Я достал-таки полный список того погибшего особого отряда. И не только, – оба собеседника буквально вперились в генерала в ожидании интригующей информации.

Но не тут-то было. Подоляко обвел обоих пристальным взглядом и очень загадочно продолжил:

– А не кажется ли вам, уважаемые, что кто-то из нас троих потерял нюх? И кто бы это мог быть?

– А что случилось? – удивился Илья. Причем удивление было настолько правдоподобным, будто они сидели не за столом, уставленным закусками и выпивкой, а в кабинете, как минимум, первого замминистра – начальника милиции по борьбе с организованной преступностью.

– Нет. Ты посмотри на него, Иван Васильевич. Он еще и удивляется. Ты за обязанностями следи. Еще раз так опростоволосишься, передам твои обязанности полковнику в отставке. Причем не только сиюминутные... Сечешь? Работай давай.

Илья разлил остатки коньяка из одной бутылки и открыл другую. Все трое добросовестно опустошили наполненные рюмки и принялись за закуску.

– А отбивные твоя Спиридоновна классные готовит. Надо будет своей сказать, пусть рецепт спишет, – тщательно пережевывая приличный кусок сего продукта, прошепелявил генерал Подоляко.

– А беду в дом накликать не боитесь, Игнат Тимофеевич? Женщины народ такой. Они не очень миролюбиво воспринимают преимущества соперниц. Тем более в таком деле.

– Поди из собственного опыта гутаришь? Так мы же семьями дружим! – на полном серьезе возмутился Подоляко.

– Ага! А с сегодняшнего вечера, как я понимаю, и домами, нет? Скоро одиннадцать, а появлением моей половины в собственном доме и не пахнет. Что вы на это скажете, Игнат Тимофеевич?

– А то и скажу, подполковник! Что жена твоя сегодня ночевать будет у меня. Успокоился?

– А то ты не понимаешь, Илюша! – подсутился Кашай. – Стратегия – хитрый вещь. Думаешь, почему мы втроем именно у тебя собрались? Чтобы враги не догадались. Ты ведь сколько дома не был? То-то же. Соображать надо. На твою квартиру никто и не подумает.

– Вы такое скажете, Иван Васильевич, что аж подумать страшно. Какие еще враги? А список этот, Игнат Тимофеевич, пощупать можно?

– А чего его щупать? Список как список. В нем куча ничего не значащих для тебя фамилий. Причем со званиями. А они тогда были очень запутанными.

– Так уж и ничего. Вы так не шутите. Одна фамилия так точно должна быть.

– Правильно соображаешь, подполковник. Фамилия Конопляный там фигурирует. А еще там есть фамилия Устюгов. Она тебе ничего не говорит?

– Ничего, – секунду подумав, ответил Васюта. Причем, подкрепив свой ответ серьезным кивком головы.

– А это что еще за фрукт?

– Этот фрукт, как ты выражаешься, Иван Васильевич, носил тогда погоны младшего лейтенанта госбезопасности. Старший лейтенант – по-новому. А в отряде он был одним из представителей аппарата Берии. И именно он, а не Конопляный, если верить архивным документам, единственный, кто остался в живых из того отряда.

После услышанного такое не только лица, но и сфокусированные до предела взгляды Кашая и Васюты бесспорно доказывали абсолютную трезвость своих хозяев. Такое иногда случается.

– Расшифруй, Игнат Тимофеевич! – наконец-то решился отставник. – Откуда дровишки? В смысле, насколько этой информации можно доверять? Залезть в архивы здания на Большой Лубянке не так-то просто. У тебя что, свой информатор там появился? Тогда я столько клиентов подсуну – вмиг «хатинку» на Канарах приобретешь.

– На счет информатора, Иван Васильевич, – это ты загнул. А помогли мне в этом знакомые. Помните, Дим Димыча? Ну, когда мы занимались делом львовских врачей, убивавших детей и продававших их органы за бугор, он мне с Москвы звонил? *(Подробнее об этом в романе «Кровавый киднеппинг».)* Вы же оба тогда сидели у меня в кабинете, забыли, что ли?

– Генерал, который с Петровки? Ваш одноклассник?

– Однокурсник. Он самый, Илья.

– А что, русские менты уже имеют доступ к бывшему Десятому (архивный) отделу КГБ?

– Нет. Доступа туда они не имеют. Но у него есть знакомый.

– А у того знакомого тоже есть знакомый, – не сдавался Кашай.

– Не гундось, – грубо оборвал отставника генерал. – Так вот, жена его знакомого до недавнего времени работала в том самом архиве. Когда мы

с Димой созвонились, она уже заявление подала на увольнение. Хоть и на пенсии, но еще работала.

– Я так понимаю, что вся эта семейка из бывших комитетчиков?

– Ты правильно мыслишь, Илюша. Со стороны туда не попадешь. Но вы меня перебиваете. С мысли сбиваете. На чем я остановился?

– Вы остановились на Устюгове.

– Так вот об этом фрукте, как ты его называл, Иван Васильевич. Интересная личность. Точнее, судьба у этой личности. Нашли его чисто случайно. Без сознания. Солдаты из 5-й армии Потапова. Штаб армии, которой стоял тогда в Костополе. Причем нашли они его на том самом острове, где ранее строился лагерь ГУЛАГа. В архиве имеется докладная записка разбивавшихся смершевцев. Документы-то при нем были. Солдаты доставили его в ближайший медсанбат, а оттуда в Киев, в один из госпиталей фронта. Примчались особы. Дошло до начальства. В общем, этого хмыря военным бортом сразу в Москву. А там в один из подмосковных госпиталей. Но не это главное. В архиве фигурирует его докладная о ходе выполнения спецоперации. Так вот, в той докладной ничего толкового. Ни как его ранило, ни кто его ранил, ни как он попал на тот остров. В общем, ничего не знает и ничего не помнит. Вот такая штука получается.

– И не расстреляли?

– Представьте себе, Илья Бенедиктович, нет. Больше того, кто-то его усиленно оберегал. Прошел полный курс лечения в глубинке России. Потом до сорок третьего – никаких сведений. Будто и не жил вовсе. А вот весной сорок третьего засветился в приказе НКВД. Именно в это время, а точнее 9 февраля 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР была изменена система спецзваний в НКВД. Именно тогда все звания приравнивались к военным. Так вот, засветился он в связи с изменением звания. В том же феврале приказом по НКВД (очередное разделение НКВД на два наркомата – НКВД и НКГБ произошло позже, 14 апреля 1943 года) ему было присвоено звание старшего лейтенанта. И получил он назначение, куда бы вы думали?

– Не томите, – в унисон просили Васюта и Кашай.

– Его перевели в Главное управление лагерей. Да, да. Именно в печально известный ГУЛАГ. У вас обоих какие-нибудь мысли в этом направлении не вертятся?

– Ну почему? Их может быть море. Допустим, кто-то из верхушки Лубянки был очень заинтересован в тех ценностях.

– Не смешите людей, Иван Васильевич! Это же не килограмм ценностей. И как вы себе мыслите такую заинтересованность? Тем более при живом отце всех народов.

– Я же не веду речь обо всех ценностях. Допустим, о какой-то части. Такое может быть?

– Исключительно как вариант, – не сдавался Илья. – Что дальше?

– А дальше, фигурант остался жив. Один из всего отряда. Разве это не подозрительно?

– Но он тяжело ранен и вдобавок ничего не помнит.

– Ранения на войне можно получить по различным причинам. Уж поверьте мне на слово.

– Верим, – заступился Подоляко. – Ты один из нас участник настоящей войны. И не в горячих точках, а в крупномасштабной, афганской.

– Хорошо. А память? – уступать так просто Васюте совсем не хотелось.

– А что память? Думаете там, на Лубянке все в это поверили? Дудки. В той фирме и настоящей правде никогда не верили. Вдобавок память может сама по себе восстанавливаться. Есть за ней такой грех. И этот грех учеными мира сего еще не расшифрован. Тем более после каких-то стрессов. Вот его и сунули туда, где этих стрессов пруд пруди. На каждом шагу.

– Вы считаете, Иван Васильевич, что за ним наблюдали? Ждали, когда у него память восстановится? Они что, не верили в гибель отряда? Смешно.

– Вопрос неправильный, Илюша. Они не верили в потерю всех ценностей. Они не могли в это поверить.

– Хорошо, Илья! А твоя версия?

– Она, Игнат Тимофеевич, немного отличается от версии моего бывшего шефа. С началом версии я согласен. Его перевели в ГУЛАГ именно с такой целью. Только кажется мне, что тот, кто его вел, начиная с начала войны, не верил не в то, что все ценности исчезли с гибелью отряда. Он не верил самому Устюгову. А у вас, товарищ генерал, нет данных куда, в какой лагерь перевели этого Устюгова?

– Думаю, это уже не так важно, – съехидничал Кашай. Он понял, что поторопился с выводами. Точнее, не поторопился, а не доработал их. Именно эту недоработку немедленно взял на вооружение его бывший подчиненный. В принципе, это должно было вызвать у учителя только положительные эмоции. При толковом учителе ученики всегда будут выше своего учителя. Но Кашай действительно был, как называл его Подоляко, западцем. Родившемся аж за Карпатскими перевалами. И это многое меняло.

– Что-то вы рано в спор вступили. Я ведь не все новости еще озвучил. Если это для тебя, Илья, так важно, пожалуйста. Устюгов до шестидесятого года нес свою нелегкую службу в Озерлаге. А лагерь этот находился под Тайшетом.

– Где? – чуть не вскрикнул Илья.

– Чего ты дергаешься, как будто тебе клизму вставили? Озерлаг находился под Тайшетом. Самый большой лагерь в том регионе. Ты что-нибудь слышал о том лагере?

– Как же, Игнат Тимофеевич? Я ведь вам обоим в прошлый раз говорил, что отца убитого в 57-м Никиты Топора в 52-м посадили за связь с немцами и бандеровцами. И сидел он именно под Тайшетом. Кто-то сыну передал, что встречался там с его отцом. А до войны тот был лесником в Середнянском районе. Больше того, именно на закрепленном за ним лес-

ном участке и пропал тот самый спецотряд. А фотографии этого Устюгова имеются?

Почти минуту в комнате стояла гробовая тишина. Потом Кашай, ничего не говоря, молча наполнил рюмки и так же молча, кивком руки и головы, предложил выпить. Что самое интересное, ни генерал, ни сам хозяин не возражали.

Подольяко даже не стал закусывать. Так же молча, будто за последнюю минуту все в комнате стали глухонемыми, нырнул в карман и вытащил оттуда несколько фотографий.

– Вот. Эта – до войны, а эта – в 43-м, когда меняли звания, потом в 56-м – когда капитана присвоили. А эта в 63-м – когда майора присвоили.

– Ни фиги себе, – воскликнул Кашай. – Вот это карьерист. Это по сколько же лет уходит на каждое звание? И сколько вообще ему тогда было?

– Да уж за сорок, точно. Только ты не радуйся. В ГУЛАГах офицеров званиями не больно потчевали. Зато там можно было служить, пока не порвешься.

– Интересно, когда он уволился и в каком звании? Вы случаем такими данными не оперируете?

– Опирирую, Иван Васильевич, оперирую. В 1983-м Устюгов вышел в отставку. И думаете в каком звании?

– Если в 63-м получил звание майора, то в 83-м – старшего майора. У них ведь было когда-то такое звание, нет? – улыбнулся Илья.

– А ты не больно смейся. Звание старшего майора ГБ было что-то среднее между полковником и генералом. А если точнее, то уволился сей гусь в звании генерал-майора КГБ. Вот так, дорогие вы мои.

– И ни фиги себе? – снова воскликнул отставник. – Это что получается?

– А получается, Иван Васильевич, что генерала он получил в 69-м. В 1964 году был переведен в здание на Лубянке. А там звания присваивают уже совсем по-другому.

– Он еще жив?

– Надеюсь, что жив, Илюша. А что, этот вопрос нуждается в уточнении? Если надо, уточним. Наливай давай. Кстати, который час?

– Половина первого.

– Вот это мы засиделись. Давайте выпьем и спать. Где ты нас устроишь, хозяин?

– Погодите, Игнат Тимофеевич! У меня есть одно предложение. Так сказать, чтобы не попасть как кур во щи.

Подольяко и Кашай молча зыркнули друг на друга.

– А что, Иван Васильевич? Послушаем молодежь? А вдруг что-то ценное предложит?

– Еще один пузырь оприходовать? Лично я против ничего не имею. Сколько той жизни. Только вам же завтра обоим на работу. Ему так, вообще, чуть ли не в поднебесье взбираться.

– И совсем я не это хочу предложить. Как вы посмотрите, товарищ генерал, если я завтра все эти фотографии переброшу Натану? Он их покажет Шершню, сыну убитой в 57-м Стефании. И вообще, вдруг кто признает в них оригинал, появившийся в тех краях в том самом 57-м?

– Думаешь, это он тогда наследил в тех краях?

– Может, и он, а может, и под его непосредственным руководством. Так сказать, его подручный. В любом варианте, если мы на верном пути, то он обязан был там появиться. И не только для контроля. Если это он, то не зря же к Стефании навевался. И кто-то его четко направлял. А чтобы направлять, надо быть в курсе дела. Пусть и по диагонали.

– А как ты собираешься скидывать фотографии своему Натану? У него что, есть домашний факс? Может, компьютер?

– У Ярины с Виталием дома есть компьютер. Фото сброшу ей по нету. Она передаст их Натану, а ему я подскажу, как ими распорядиться. Страховка – великая вещь.

– А это что еще за парочка, Мартин да Одарочка? – съехидничал Кашай. – Ты нам о них ничего не говорил, подполковник. А ну колись!

– Ярина – секретарша Купровского, главы администрации Середнянского района. Разве я о ней не говорил? Да говорил я, Иван Васильевич. Вы просто запамятовали. А Виталий – ее муж. Она еще до замужества глаз положила была на Толчинского. Девчонкой, в школе. Только у Натана с ней ничего не было. Это точно. Он просто хороший друг их семьи.

– А что? Это правильная мысль. Это все?

– Нет. Кто-то по телефону сегодня утром обещал «новости посерьезней»! Или я что-то путаю? Не так уж много и выпили.

Услышав такой спич, Кашай аж рот открыл от удивления. Мол, вот это ученичок! Даже я себе такого не позволял. Видит Бог, недолго ему до пенсии осталось. Как пить дать, недолго.

– А я думал ты, Илюша, о нашем утреннем разговоре давно уже забыл. Быть тебе генералом.

– Вы бы хоть поспособствовали ему полковника быстрее получить. А то выгоните на пенсию подполковником, вот и вся благодарность, – подсутился Кашай.

– Так вот, – продолжил Подольяко. – Новость такова, что завтра вам, товарищ подполковник, необходимо убыть в Одессу.

– Что-то новое там нарисовалось? Васильченко постарался?

– А вот тут ты не угадал. Неправильное у тебя на данный момент мышление с планированием. Вчера утром звонил Саморидный. Знаешь такого?

– Полковник УСБУ в Южной Пальмире?

– Ага. Так вот, СБУ дает добро. Просил передать персонально, что если тебя еще интересуют те два субъекта, то ты должен не позже пятницы до 12-00 быть в Одессе и связаться с ним. А ты чего рот открыл? – уставился генерал на Кашая, который почему-то эту новость поглощал не ушами, а ртом. Причем разинув его чуть ли не на ширину приклада. – Два

объекта, как я понимаю – это водители фуры, так? Так что будем делать? Поедешь? – снова вернулся Подоляко к Васюте.

– Он не только поедет, Игнат Тимофеевич. Он понесется скачками. Кенгуру изображать будет. Я его глаза видел.

– В таком случае сразу после Банковой в Управу. Получишь мое напутствие, командировочные и в путь дорожку. Но это еще не все. Я так понимаю, что, исходя из появившихся дополнений к версии по Устюгову, нам надо по нему выяснить все. Чтобы не было никакой промашки. Чтобы мы смогли до него вовремя добраться. Пока ты будешь в Одессе потрошить водителей фуры, кому-то надо смотаться в Озерлаг.

– А что, он до сих пор существует? – на полном серьезе спросил Васюта.

– Окстись, Илья, какой нынче год? Какие ГУЛАГи в наше время, Игнат Тимофеевич? Хоть ты-то нам не впаривай. И вообще, на фиг нам еще и эта головная боль? Вы считаете, что именно он заказчик? Тогда зачем таким путем? Не проще ли выйти на него через исполнителей? Тем более что СБУ дает добро.

– Не-е, Иван Васильевич, – Илья сначала посмотрел в глаза генералу и только потом решил вступить в спор со своим бывшим шефом. – Во первых, непосредственное участие водителей в убийстве нужно еще доказать. Во-вторых, если Устюгов заказчик, то должен быть посредник. Генерал КГБ, пусть и отставной, такое дело с простыми водителями обсуждать не будет.

– А если убийство совершил настоящий киллер?

– Тем более. Киллеры работают на телефонных звонках. А бабки берут в условленных местах. Если до этого времени доживают. В нашем случае фигурируют два государства. В любом варианте заказчику необходимо было самому приехать в Украину. А это слишком хлопотно. И если заказчик узнает, что мы взяли исполнителей – промежуточные звенья уберет. И тогда мы до него никогда не доберемся. Уверен, до заказчика надо добираться с двух сторон. Желательно одновременно. И ту я с Игнатом Тимофеевичем полностью согласен.

– Значит, ты утверждаешь, что мотив убийства – пропавшие в первые дни войны ценности? – прижмурив глаз, спросил Кашай.

– А вы так разве не считаете?

– Сдаюсь. Ох, мужики! Спинным мозгом чувствую, недалек тот день, когда и небо над нами будет в алмазах, и мы в шоколаде будем. Чтоб я так жил.

– Жизнью-то зачем, Иван Васильевич? Сплюнь. А вообще-то, слава те Господи, что к консенсусу пришли. Так, где ты нас собираешься укладывать?

– А у меня не больно разгонишься. Это же не генеральские пенаты. У меня всего две кровати и диван.

– Так это даже много. Считай, на каждого по кровати. Давайте-ка мы еще примем по дупельку и на боковую.

Они выпили и закусили. И только после этого поднялись из-за стола. И пока хозяин занимался приготовлением постелей, двое остальных посетили «кабинет задумчивости». Естественно, очень четко соблюдая субординацию.

Одесса, ипподром

06.03.200... год. Воскресенье.

Бега близились к концу.

Именно в это воскресенье на Одесском государственном ипподроме проводились бега на кубок мэрии. В программе соревнований было заявлено шесть заездов. Сильнейшие рысаки из ведущих конезаводов Украины – Дубровского, Лимаревского, Днепропетровского, Стрелецкого и Запорожского – проходили испытания на одесской дорожке. Согласно заявленной программе лучшие наездники в каждом заезде претендовали не только на кубок мэрии, но и на приятные сюрпризы в виде ценных подарков.

Еще на подходе к ипподрому зрителей встречали девушки в разукрашенных одежках с флажками и другими отличительными знаками тех или других партий, частных организаций и фирм города и области.

А ощущение праздника чувствовалось на каждом шагу. Дело было поставлено на широкую ногу. Вход на ипподром украшала гирлянда из воздушных шаров желтого и синего цветов, а перед трибуной была установлена сцена с баннерами мэрии, газет «Одесские известия» и «Вечерки», рекламными плакатами фирм-спонсоров. Прибывшим на мероприятие зрителям с детьми раздавали шарики белого и голубого цветов. Цвета сами по себе указывали на спонсоров. Да и природа решила побаловать одесситов в этот день. Солнце светило совсем не по-мартовски.

Трибуны были заполнены, как говорится, под завязку. Работал тотализатор, и еще задолго до начала азартные болельщики делали ставки. Тут как тут со своими предложениями, изображая трудяг-муравьев, шныряли тотошники. *(Тотошник – опытный игрок на ипподроме.)*

На трибуне – мэр Одессы со своей свитой и представители губернатора области. Мелькали между ними как депутаты областного, городского советов, так и Украины. Все они были представителями различных партий, таки сумевшие в свое время какими-то, почти что загадочными, путями перетянуть большинство электората на свою сторону. Как в Одессе, так и в Одесской области в целом. Ближе к власти держащим терлись фирмачи в коже и дубленках, приехавшие на мероприятие отнюдь не на общественном транспорте.

Напротив трибуны, справа и слева от нее, почти упершись в ограждение беговых дорожек, стояли две «газели» – кареты «скорой помощи». Как и положено, обе окрашены в белый цвет с красными крестами и соответствующими надписями. Внешне никакой разницы между ними не было.

И в той и в другой боковые и задние стекла были основательно покрашены в белый цвет. И в той и в другой в кабине рядом с водителем сидел мужчина в халате. Правда, в той, что справа, — все двери были закрыты, а вот в той, что стояла слева, в створе с въездными воротами, боковая дверь салона была приоткрыта, и из нее выглядывал медбрат. В белом чепчике и халате. Вот и вся разница. Но это только внешне. В действительности разница была существенная. «Газель», из салона которой выглядывал медбрат, действительно принадлежала медицинским службам города. А вот вторая...

— А народа на ипподроме прилично собралось, вы не находите? — спросил тот, который сидел на месте водителя в кабине второй машины.

— Оно и не мудрено, — ответил его собеседник, изображавший врача. Именно изображавший, ибо к медицине они оба имели чисто символическое отношение. — По городу давно уже на слуху, что ипподром не сегодня-завтра закроют. И многие этому верят. Вот любители и пришли сюда, как в последний раз.

— Говорят, товарищ полковник, что горводоканал выставил ипподрому счет на пол-лимона. Это правда?

Да, да! Уважаемый читатель. На месте пассажира в белом халате сидел полковник СБУ Саморидный Василий Васильевич. А рядом с ним старший группы «Альфа», бойцы которой ожидали своего часа в салоне этой же «газели». И звали его Виктор Викторович Земляной. Капитан СБУ. Вэ Вэ, как его называли сослуживцы за глаза.

— Если говорят, значит, правда. Дыма, как говорится... Понимаешь, в чем дело, Виктор Викторович, в прошлом году этот «Инфокс» (*фирма «Инфоксводоканал» — Одесская водоснабжающая организация-монополист. «Инфокс» — ее филиал, созданный год тому*) пронюхал, что на ипподроме самовольно заменили водомеры. Естественно, старые пломбы были сорваны, а новые никто и не устанавливал. Вот эта компания и выставила штраф. Только не в пол-лимона, а на 400 тысяч гривен.

— И где бы ипподром такую сумму взял?

— Вот то-то же. Денег нет, поэтому и вмешалась СЭС. Она постановила закрыть ипподром. Не мытьем так катаньем. И причину вескую нашла. Мол, из-за отключения на нем центрального водоснабжения. Но руководство подняло кипишь. Пригрозило вывести лошадей в Киев на пикет Кабинета Министров. Ведь если ипподром закрыть, то всех работников надо отправлять в отпуск. А что с лошадьми делать? Больше трех дней они без воды не протянут. И что, на бойню их? Вот и вмешались в это дело разные партии, организации и меценаты города. Поставили вопрос ребром в мэрии.

— Да-а. Бедные лошади. Только в народе говорят, что ноги этого дерибана совсем не из мэрии растут. Будто за решением СЭС стоит желание неких частных структур завладеть территорией ипподрома под строительство престижного жилья, — не сдавался Вэ Вэ.

— А ты, капитан, неплохо проинформирован, — полковник не прочь был отвлечься. А посему с радостью втянулся в разговор. Тем более что

информацией он обладал серьезной. И не только в тему. — Согласен. Ведь речь идет ни много ни мало, как о 30 гектарах земли в престижном городском районе. Оценочная стоимость этого участка около 500 миллионов гривен. Цена сотки здесь доходит до 20 тысяч долларов. Секешь, какие бабки на кону? А ведь на сегодня, кроме одесского, в Украине только два таких ипподрома — в Киеве и Харькове. Наш, считай, самый старый. Когда-то с этого ипподрома взлетали легендарные Уточкин и Куприн. Опять же, детей лечат. Сегодня здесь открыта уникальная школа иппотерапии для детей, больных детским церебральным параличом. Кстати, о девочках... Даже ментов к этому делу привлекали. Замки им выламывали, «Беркутом» наезжали... А теперь СЭС наехала. Чисто современный путь, чтобы их закрыть. Считай цивилизованный, демократический. Вот такая, брат, правда. Думаешь, просто так из Одессы во Львов перевели военное училище? Кабы не так. Знаешь, сколько га занимало училище? А ведь это почти по соседству. То-то же. Самое настоящее Эльдorado почти в центре Одессы. Да в этом районе земля на вес золота.

На этом микроавтобусе УСБУ, замаскированном под карету «скорой помощи», Саморидный и его коллеги приехали на ипподром задолго до начала соревнований. Задолго даже до приезда первой «Газели», настоящей «скорой помощи». И как только закончился пятый заезд и на импровизированной трибуне в центре поля начался концерт, полковник взял в руки мини радиостанцию.

— Внимание! Готовность всем группам номер один! Как меня поняли?

— Второй понял! — ответил опер, отвечающий со своими людьми за зрителей.

— Третий понял! — ответил тот, в обязанностях бригады которого было блокировать место награждения.

Капитан, в свою очередь, повернувшись к открытому окошку перегородки, разделяющей кабину от салона, подал знак находившимся там своим подчиненным. Эта категория людей больше привыкла обращаться друг с другом знаками. Чем-то смахивающими на телепередачу с сурдопереводом.

Но команды эсбзушника слышал еще один человек. Его радиостанция тоже была настроена на эту частоту. И он моментально сообразил, что сию команду полковник выдал именно для него. Так было оговорено заранее. Ведь люди Саморидного были рядом. На удалении видимости. Даже не требующей дополнительного увеличения диаптрии. А он со своими людьми находился, считай, в другом конце города.

...Васюта встретился с полковником СБУ еще три дня тому. В пятницу. Как и было предписано генерал-лейтенантом Подоляко.

После той бурно проведенной ночи он проснулся рано. Не было еще и шести. Согласитесь, что в зимний период рановато.

Тихонько поднявшись с дивана, Илья быстренько отработал все водно-туалетные процедуры и навел приблизительный порядок в кухне. Конечно, сии действия не прошли незаметно для гостей. Обойтись без некоторых шумов ему не удалось. А посему к моменту приготовления яичницы на

закарпатском сале, доставленном как драгоценнейший подарок с Карпатских гор, генерал и Кашай появились на кухне почти одновременно.

– Чую запах настоящего завтрака. Поди и кофе еще будет?

– Обижаєте, товарищ генерал.

– И где это ты опять узрел генерала? Вроде и не в рубашке, да и на трусах лампасов нет.

– А действительно. Будь проще, Илюша. Хотя субординацию нарушать не будем. Я заправляю постель, а ты, Игнат Тимофеевич, занимаешься водными процедурами. У тебя, Илья, горячая вода есть?

– Есть, есть, Иван Васильевич. Это летом у них с этим делом проблема. А на данный момент отопительный сезон еще не закончился.

– Вот и классненько, – мыркнул Кашай, направляясь в спальню.

Потом был завтрак, потом все разошлись в разные стороны. Вернее, сначала квартиру покинули генерал с Кашаем. Васюта убыл на Банковую только после того, как домой вернулась жена. К её приходу он успел полностью привести состояние квартиры в надлежащий вид. Половина осталась довольна.

На Банковой пришлось выслушать несколько не совсем лестных слов. Как в свой, так и в адрес Хруща. Что, однако, не помешало ему остаться в прежнем расположении духа. Потом в течение почти часа он очень скрупулезно трудился над составлением отчета. И не только о работе. Но и о расходе выделенных денежных средств. Вспоминал количество заправок, на какие суммы, расходы на питание, гостиницы, включая и те ночи, которые провел совсем не в гостиницах. «Не обеднеют ведь», – размышлял он. В общем, итог отчета полностью совпадал с остатками денежной суммы, числившейся на карточке банкомата, выданной в первое посещение секретариата. Согласитесь, это было очень даже не простым заданием. Ведь приходилось, пусть и виртуально, превращать всякие там блюда, закуски и выпивки в реальные цифры. Даже с несколькими нулями.

После Банковой, получив от Подoliaко исчерпывающий инструктаж, Илья убыл домой. Для всяких там обниманий у него была еще уйма времени. В Одессу отправился «вечерней лошадей». «Водители, фура, ипподром, лошади...», – именно такие словосочетания вихрем пронеслись в его мыслях, пока он садился в вагон поезда Киев – Одесса.

С Василием Васильевичем Саморидным созвонился задолго до требуемого срока. Ближе к одиннадцати, скажем так. И сразу был ошеломлен известием, что его ждут в бюро пропусков. А уже вначале двенадцатого подполковник Васюта Илья Бенедиктович, начальник отдела по раскрытию особо важных дел Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД, входил в кабинет начальника УСБУ в Одесской области. Правда, в сопровождении все того же Саморидного.

Удивлению Ильи не было предела. В кабинете, в компании еще четверых спортивного вида мужчин, он увидел заместителя начальника ГУ МВД в Одесской области – начальника УБОП генерал-майора милиции Сидоренко. Естественно, по гражданке. Не на парад ведь собрались.

Совещание продолжалось на протяжении трех часов. Необходимо было выверить все моменты. Обговорить всякие варианты, которые могли возникнуть в ходе операции. Конечно, всех тонкостей этого дела до Ильи, как и до генерала Сидоренко, не доводили. Вежливо обходили стороной. Начальник УСБУ с самого начала дал понять, что операцию разрабатывали его люди, в проведении этой операции будут участвовать его люди и присоединиться к лаврам победы они никому не позволят. Оно и козе понятно. Кому охота отдавать победные реляции ни за простой чих. Пусть даже и представителям УБОПа.

Единственное на что согласился начальник УСБУ, так это на предоставление всей свободы в задержании водителей. Правда, условия были поставлены и здесь. Ни о каком задержании водителей до начала общей операции не могло быть и речи. Именно по этой причине Васюта в настоящее время был на прямой связи с Саморидным. С нетерпением ожидая от последнего сигнала о начале операции.

К этому времени под чутким руководством майора милиции Васильченко в одном из районов Одессы пенаты Чена и Пирата были плотно прикрыты «наружкой» из хозяйства Сидоренко. Бедняги и не догадывались о таком пристальном внимании к своим персонам. Именно он, майор Васильченко Тарас Михайлович, по решению генерала милиции Сидоренко был назначен Васюте в помощники.

Все ждали сигнала. Сотрудники «Альфы», опера УСБУ, в приличном количестве сновавшие среди зрителей под видом простых смертных, ждали сигнала от Саморидного. А группа захвата Одесского УБОПа – от Васюты. Обязательства необходимо было выполнять. Самовольство в таких случаях не то что не поощрялось, оно наказывалось по самым верхним меркам. Труд оперов надо уважать. И не важно, кто эти опера, эсбэушники или убоповцы.

Над мартовским полем ипподрома клубилась пыль. Морозов не было. Они в этом году закончились еще в начале февраля. Наоборот, градусов десять тепла, не меньше. После очередного забега руководство ипподрома даже рискнуло выпустить на беговую дорожку поливальную машину. Следом за ней трактор взрыхливал прибитую влажную землю. На импровизированной сцене художественные коллективы города в очередной раз вовсю баловали своих горожан и гостей концертом.

На трибунах и вдоль ограждения беговых дорожек шло горячее обсуждение результатов первых пяти заездов. Капитан, спросив разрешения и получив добро, до половины приспустил стекло, достал сигарету и закурил.

– Первая кобылка хорошая, но сегодня – никакая. Переболела, – слышался чей-то тихий голос от ограждения со стороны дверцы водителя.

– А как тебе шестой номер во втором гите? – ответил первому голос с хрипотцой. (*Гит – однократный заезд на дистанции*). – Доставай второго «мальчика» (чекушка), – через секунду четко послышалось характерное бульканье. Там явно пили из горла.

– Трудяга. Ничего не скажешь. Первой заезд закончила. Она недавно в Киев ездил. Там тоже первой прибежала.

После бегов наездники накрывали лошадей попонами и уводили их на площадку для прогулки. Конь после бегов хотя бы полчаса должен отдохнуть, отдышаться. Их привязывают к специальной конструкции, чем-то смахивающей на огромный зонтик (*называется «водилкой»*). Привязанные к ней лошади ходят по кругу. Темп задает конюх. Он тоже ходит по кругу, толкая одну из металлических жердей.

— Так на кого мне в этом последнем заезде ставить? — все оттуда же, со стороны капитана, послышался еще один голос. Видимо, там стояли не два человека, а несколько больше. Третий голос был шепелявый. Больше того, грассировал. — На семерку? Говорят фаворит.

— Говорят, в Москве кур доят. Я бы не советовал. Поставь на тройку. В прошлый раз один крутой поставил сразу пять штук баксов. Так этот фонарь (*фонарь — лошадь-фаворит*) пришел последним. Я думал, чудак лопнет от злости. А он нет, ходил, улыбался. Но если хочешь верняка, подойдешь возле кассы к буку (*бук — букмекер, человек принимающий ставки миную кассы*), он там один длинный с бородой, скажешь от Гришитототшика. Он тебе подскажет на какую ставить. Только учти, выигрыш пополам. И чтоб я тебя сразу после бегов здесь видел. Понял?

— А если не угадает?

— Тогда суши весла, дорогой. Здесь деньги получает только тот, кто отгадал. Просто, как две гривны одной бумажкой. Главную скрипку в этом деле играют три составных. Конюх, лошадь и наездник. У лошади, как и у человека, свой характер. Есть лошади добрые, а есть злые, кусачие. Есть лошади-фавориты, это те, которые почти на всех бегах первыми приходят. А есть лошади, которые случайно становятся победителями. Бега — это потеря. Заболел у лошади зуб — она бежать не будет. А чтобы иметь шанс — надо знать расклад в заезде. А это простому смертному не доступно. Так что тебе хоть на фонарь ставь, хоть на темную (*никому не известная лошадь, имеющая оптенные данные*) — все едино. Да и ты, я вижу, не из крутых и не пант (*пант — человек, связанный с наездником*). И ставка твоя, как мне кажется, больше чем в полтинник не впишется. Так что много не потеряешь, — чувствовалось, что говоривший был не из простых тототшиков. Не только патронаж держал над грассировавшим, но и преподдал тому миссию ипподромовода. Информация его была довольно поучительной, содержащей массу ценных, почти криминальных данных. Именно поэтому разговоры в кабине «скорой» притихли и оба эсбзушника внимательно прислушивались к разговору.

...Последний шестой заезд прошел, как и первые пять. С такой же реакцией зрителей и с бурными высказываниями той части присутствовавших на трибуне, которая всегда считает себя умнее не только лошади, но и наездника. Короче, сразу после объявления об окончании забега, кличек лошадей и имен наездников, занявших призовые места в этом забеге, присутствовавший люд ринулся на поле. Там уже расставлялись столы, устанавливались микрофоны, выносились кубки и папки с грамотами. А накачанные молодцы и разукрашенные девицы, представители спонсоров, выносили коробки с призами. По объему угадывались и теле-

визоры, и компьютеры, и принтеры с мониторами, и другая бытовая техника. Оказывается, в Одессе меценаты еще не перевелись.

Полковник переключил свое внимание на поле, где собирался бомонд города Одессы. Мэр и прочий люд с кошельками, зачастую наполненными совсем не украинскими казначейскими билетами. Там он сразу заметил объекты, ради которых и проводились мероприятия оперов УСБУ. «Наружка» этой фирмы вела объекты на протяжении довольно длительного периода.

«Интересно, какие мысли вертятся в их стриженных черепах? Да какая разница. Главное, что оба здесь. И даже со своей охраной. Значит, дело слегка осложняется. Не с пучками крапивы они здесь появились. А головами вертят исправно. Практика. Одно слово, киллеры. Второй! Третий! Слышите меня!»

— Слышим, — почти в унисон послышалось в ответ.

— Объекты видите?

— Так точно!

— Близо не подходите. Но и не теряйте их из виду. Начинаем по моей команде сразу после окончания награждения. Там фотограф должен пригласить всех на коллективное фото. Ясно?

— Так точно!

— Главное, в случае чего прикрыть зрителей. Головой отвечаете за это. До связи!

Награждение победителей подходило к концу. Заключительное слово взял один из представителей областного комитета Партии регионов.

— Уважаемые товарищи! — начал он. — Партия регионов и впредь будет делать все для привлечения внимания не только городских властей, но и общественности города в целом к проблемам старейшего в городе спортивного сооружения и коневодства в целом. Ни для кого не секрет, что отдельные бизнес-структуры намерены превратить землю ипподрома в строительную площадку. Мы считаем такую ситуацию недопустимой и намерены в будущем оказывать Одесскому ипподрому всестороннюю помощь. Именно поэтому наш депутатский корпус и настоял на проведении соревнований на приз кубка мэрии. На нашем ипподроме еще будут установлены мировые рекорды по резвости рысаков, выращенных на наших украинских конезаводах. Мы заставим некоторых забугорных конезаводчиков вспомнить 1860 год? Когда потомок знаменитого орловского рысака Барса по кличке Потешный, полученный графом Орловым-Чесменским путем скрещивания арабской, голландской и датской лошадей, заставил всех мировых конезаводчиков лишиться сна? — из уст оратора так и перли знания истории ипподромного спорта и конепроизводства. — И я уверен в том, что наши лошади на нашем ипподроме не единожды еще будут удивлять любителей конного спорта. И только в лучшую сторону. Сегодня лучшие наездники разыграли не только кубок мэрии, они разыграли призы партий, организаций и предприятий города. А это значит, что меценаты в Южной Пальмире еще не перевелись. И конному спорту в

нашем городе быть. Позвольте вручить директору ипподрома Почетную грамоту нашей партии.

В доказательство своих слов оратор поднял над головой разрисованный большой плотный лист бумаги на всеобщее обозрение зрителей. На что последние отреагировали громкими возгласами, подкрепленными разбойничьим свистом.

Именно под это улюлюканье и свист сотен «соловьев-разбойников», не дожидаясь последнего этапа в бегах – совершения круга почета по беговой дорожке призеров, как наездников, так и самих лошадей, Саморидный поднес ко рту радиостанцию.

– Внимание всем! Работаем! – и тут же, прямо в халате, выскочил из «санитарки». Впоследствии халат все же сыграл свою роль.

Спустя секунды боковая дверца кареты «скорой помощи» распахнулась и из нее в буквальном смысле слова выпорхнули бойцы «Альфы». Но этого почти никто не заметил. Выбранный момент сыграл свою роль. Да и белый халат, в котором появился на поле человек, был большим плюсом в неожиданности. Во всяком случае, серьезной реакции со стороны, как зрителей, так и организаторов мероприятия, не последовало. А посему, из динамиков продолжал раздаваться голос все того же оратора от Партии регионов.

– В действительности, – продолжил он, – эта бумага является «охранной грамотой», доказывающей любому, что за спиной ее обладателя стоит крупная организация. Способная дать отпор любым проявлениям завладения землей ипподрома.

И вот тут-то и началось. Именно с последним словом оратора, или в противовес ему, или подтверждая его слова, с боку трибун взорвалась свето-шумовая граната. Внимание всех моментально направилось в эту сторону. Но в другом конце поля взорвалась другая. И тут же загрохотали выстрелы, крики и команды, подаваемые как бойцами «Альфы», так и операми УСБУ, находившимися как между зрителями, так и возле кучки сгрудившихся вокруг мэра. У всех присутствующих на ипподроме головы вертелись как пропеллеры.

– Лежать!

– Руки за голову! Кому сказал!

– Не дергайся, а то нагоняя пулек в задницу – всю жизнь выковыривать придется!

– А до тебя, хмырь, что, не доходит? – и тут же последовало выражение во столько атажей, что Эйфелева башня – не выше коробка спичек будет. Люди в масках клали лицом на землю, обыскивали, заковывали в наручники тех, которые еще несколько минут назад чинно беседовали с представителями одесского бомонда.

– А ты куда рванул! – раздался окрик оперативника, которому было поручено упаковать в наручники одного из двух главных объектов задержания.

Как только на поле появился Саморидный в халате, стоявший рядом с Ковтушенко его «братан» по прошлому и настоящему некто Михайлик

чисто автоматически отодвинулся на самый край сгруппировавшихся возле столов с наградами. Со взрывами гранат его голова, любопытства ради, тоже завертелась из стороны в сторону. Но когда прозвучали такие знакомые для него команды «кальфовцев», он тут же вырубил боковым ударом стоявшего возле него человека, так, на всякий случай, и бросился бежать в сторону выезда с ипподрома.

За ним метнулся опер. Тот, который должен был его блокировать. Произошло то, что в таких случаях называют чистой случайностью. Опер на секунду замешкался и прозевал момент смены места стоянки опекаемого им объекта. Этого было достаточно. Убегающий имел фору в десяток метров.

– Стой! Стой, стрелять буду!

Ага. Тот самый случай. Окрик только подстегнул убегающего. Он был на сто процентов уверен, что оперативник если и оголил ствол, то стрелять ни в коем случае не будет. Еще бы, столько людей. Пуля ведь вполне может оказаться настоящей дурой.

– Стой! – раздалось рядом со стоявшими и лежавшими у столов. – Терещенко! Ты должен его догнать! Не дай ему добежать до машины, – это уже кричал Саморидный своему оперативнику. С раскинувшимися полами белого халата, со стволом в руках, заметив, что остальные уже благополучно упакованы в наручники, он неслось мимо стоявших и лежавших возле столов в сторону выезда. Именно там чуть сбоку стоял тот самый иссиня-черный джип «лендровер». К нему и бежал во весь опор Михайлик. Он прекрасно понимал, что это его последний забег. И в этом забеге выиграет тот, кто первый выедет за пределы ипподрома. Для него главное было выскочить на трассу, а там дальше будет видно. И он бы точно скрылся. Во всяком случае, оторвался бы от эсбэушников минут на десять. Этого бы ему хватило. За прошедшее время после появления в Одессе, они с Ковтушенко успели подготовить несколько лежек. Какие даже друг от друга скрывали. А там, дело техники. Фантазия и бабки свое дело сделали бы. Одесса – это не центр Украины. И пароходы ходят, круизы всякие, и самолеты летают. Между прочим, не только по Украине.

– Стой! Стой! Стрелять буду! – снова раздалось сзади от него. Но теперь кричали двое. Саморидный и майор Терещенко.

«Их уже двое. Значит, эти архаровцы подготовились основательно. И сколько вас там? Стрелять будете? Хрен вам, уважаемые. Стрелять вы не будете. Если бы не боялись – уже бы открыли огонь», – мелькнуло в мыслях убегающего и тут же раздался первый выстрел. Стрелял Саморидный из своего именного. Пуля благополучно ушла в весеннее безоблачное небо.

«А вот это уже не шутки», – выстрел на столько подстегнул убегающего, что расстояние между ним и преследователями мгновенно увеличилось на несколько метров. Еще секунда и он оказался возле джипа. Как только подбежал, сразу рванул дверцу заранее разблокированной машины на себя. Вставить ключ в замок зажигания для него было делом мгновения. Как будто всю жизнь тренировался. Джип, стоявший носом на

выезд из открытых ворот, завелся с полтыка и тут же, стирая покрышки, рванул с ипподрома.

С той стороны в аппендиците легковушки разных марок были припаркованы одна возле другой чуть ли не на толщину спички. А вот со стороны ипподрома, не мешая выезду, стояли всего три машины. Джип «лендровер», к которому подбежал преследуемый, «тойота королла» и «БМВ» цвета дипломат.

Когда полковник и майор подбегали к ним, джип уже мчался на выезд. Раздумывать было некогда. Окинув взглядом стоявшие машины, полковник крикнул:

– Терещенко! Давай к «бумеру». Там водила сидит.

Конечно, стоявшая рядом с «БМВ» «тойота» подошла бы больше. Даже неискушенный в таких тонкостях человек сразу признал бы в ней более сильную тачку, вдобавок выпуска не позднее наступившего не так давно нового века. Чего не скажешь про «бээмвуху». Но чистый японец был пустой. И явно на сигнализации. А вот в «БМВ» сидел водитель, и полковник СБУ зафиксировал это сразу. Поэтому и дал своему коллеге, опередившему его на пару-тройку шагов, такую команду.

Майор тут же ринулся к дверце водителя.

Тот сидел в машине слегка в расслабленном состоянии. Было понятно, что лошадиные беге его не интересовали. Больше того, как только шеф покинул салон, он явно устроил себе небольшой контренаж. И только громовые овации зрителей, а позже – взрывы свето-шумовых гранат и произведенные выстрелы, вернули его в салон «БМВ». И тут он увидел бегущего мужика с пистолем в руках, дико вращающего как головой, так и глазами. При полной расслабке сообразить что и к чему сразу, как правило, невозможно. Но когда мужик вскочил в «лендровер», а тот, чуть ли не приседая на задок, сорвался с места, до него стало понемногу доходить, что не все так прекрасно в этот солнечно-весенний день. В ту же секунду он увидел еще двух человек, несущихся в его сторону. И, что самое интересное, тоже с пистолетами в руках. Команды полковника он не слышал. Благоразумно посчитав для себя положение съехавшего почти под торпеду лучшим на данный момент. Авось пронесет. Но ему крупно не повезло. Кто-то грубо рванул дверцу на себя. А так как она не была поставлена на защелку, то открылась без скрипа и во весь проем.

Находясь почти в лежачем положении, первое, что он увидел, так это пистолет в руках открывшего дверцу без разрешения. А посему, не ожидая никаких дополнительных команд, очень даже шустренько освободил место водителя.

– Ключи оставь, – нежнейшим, будто извиняющимся голосом предупредил майор.

И тут же открылась дверца пассажира, как оказалось, тоже не поставленная на защелку. Саморидный глубоко втягивая воздух в свои легкие, прямо плюхнулся на сиденье.

– Извини, мужик. Мы из СБУ, – пытаюсь достать удостоверение, в растяжку не очень громко сказал он. – Тачку мы вернем и перед твоим

хозяином извинимся. А сейчас извини. Некогда. Нам его, кровь из носа, надо догнать. Чего ты дергаешься, Терещенко? Заводи.

Несмотря на возраст, «бумер» завелся сразу. И тут же, почти повторяя все движения ранее отъехавшего джипа, рванул на выезд с ипподрома.

Майор выжал педаль акселератора почти до упора. Уже через несколько секунд тачка вышла на прямую передачу. Полковник, отдышавшись, мигом осмотрел салон.

– Давай, Володя! Давай, майор! Мы должны его догнать. И желательно на этих улочках. Выпускать его на трассу – смерти подобно. Он там такое может натворить, такое... Алло! Дежурный! Это Саморидный. Немедленно свяжись с дежурным по УМВД. Пусть передадут всем постам ГАИ. Необходимо задержать черный джип «лендровер». Записывай номера... Записал? Пусть предупредят, что водитель вооружен и может оказать сопротивление. Мы сидим у него на «хвосте». Движемся от ипподрома в сторону улицы Толбухина. Понял? Доложи шефу, – выключив мобилку, полковник чуть ли не с мольбой посмотрел на коллегу. Тот отреагировал на это по-своему:

– Вы, товарищ полковник, приготовьтесь к открытию огня. По-другому мы его не стреножим. Это как пить дать. Тот еще фрукт. Я заметил у него в руках ствол. Значит, может отстреливаться.

– Понятно. Ствол я тоже заметил, – ответил Саморидный и тут же отправил стекло своей дверцы в самое нижнее положение.

Теперь уже обе машины мчались по довольно узкой улице. Дистанция между ними сокращалась. Пытаясь скрыться, джип несясь с огромной скоростью. Заметив, что преследователи пытаются выйти на обгон, он тут же вышел на встречную полосу. При этом, чуть не задев припаркованную слева иномарку. Выровняв машину, он не глядя перехватил руль в левую руку, а правую с пистолетом высунул в открытое окно и дважды нажал на курок.

Увидев высунутую руку с направленным на них пистолетом, Терещенко тут же нырнул в мертвую зону. Саморидный, в свою очередь, посмотрел назад. Ни пешеходов, ни едущих сзади машин не было. «Слава тебе, Господи», – прошептал он и, высунув в окошко руку тоже нажал на курок.

Пусть и не причинив большого вреда, выстрел достиг-таки цели. Потому что водитель джипа резко вильнул вправо. Причем настолько резко, что правое колесо выскочило на бордюр. К несчастью именно в этом месте, в зеленой зоне, в предельной близости с бордюром стояла «девятка». От удара та ткнулась носом в дерево и тут же возмутилась всеми звуками охранной сигнализации.

Вернувшись на трассу, водитель выравнивал джип и, не сбавляя скорости, понесся дальше.

Столкновение с «девяткой» плюс влияние снова дали шанс эсбзушникам. Дистанция опять сократилась. Водитель джипа высунул правую руку из машины, стал отстреливаться. И попал. Одна из пуль, сотворив в стекле кругленькое с трещинами отверстие между водителем и пассажиром, с каким-то писком скрылась внутри салона.

– Все! Он меня достал. Так и попасть может, – прошептал Саморидный, почти на половину высовываясь из окна. Благо отсутствие ветрячка это позволяло.

Джип в аккурат выруливал на улицу Толбухина.

– Постарайся не вилить! – крикнул он и, тщательно прицелившись, дважды подряд нажал на курок. Оба выстрела достигли цели. Первая пуля попала в правое заднее колесо, а вторая – в водителя. «Лендровер», даже не вилляя, сразу выскочил на зеленую зону и тут же обнял дерево. Скорость была приличная. От удара капот джипа сразу стал горбатым, а передние колеса сошлись между собой сантиметров на тридцать не меньше, выдавливая двигатель из моторного отсека в салон. Повело передние стойки, и лобовое стекло буквально вывалилось на горбатый капот. Правда, в сильно измененном виде.

Майор тут же нажал на тормоз. «БМВ» слегка занесло, и она, недоезжая метров пять до джипа, остановилась. Оба эсбэушника с оголенными стволами подбежали к джипу. Водитель, лежа на рулевом колесе, потихоньку валился набок. Его дверца была открыта. Или от удара, или он сам в последний момент ее открыл, пытаясь выскочить еще до столкновения. Двигатель не работал. Первым делом Игнатов вытащил ключ из замка зажигания. Потом вдвоем с полковником вытащили наружу беглеца. У него были посечены осколками стекол лицо и руки. И только уложив его на землю, оба заметили, что из раны на груди пульсирует кровь. Быстро отыскав аптечку, Терещенко стал его перебинтовывать. Саморидный связывался со своими коллегами, оставшимися на ипподроме.

Что самое интересное, оставленная на ипподроме «газель» с операми, «альфовцами» и упакованными в браслеты двигалась за ними, пропустив впереди себя настоящую карету «скорой помощи». Спустя каких-то минут десять, она остановилась рядом с «девяткой». Теперь уже над потерявшим сознание беглецом колдовал настоящий врач.

В радиусе видимости пешеходов не было. Или они скрылись с первыми выстрелами, или по какой-то другой причине, но факт есть факт. Даже из машин по дороге двигались единицы. Они хоть и замедляли ход, но не останавливались. Времена середины девяностых, когда выстрелы и задержания на улицах были отнюдь не редкостью, – даром не прошли.

Коллеги поздравляли и Саморидного, и Терещенко с благополучным окончанием операции. Не забывая в шуточной форме тонко намекать на толстые обстоятельства, связанные с дыркой в лобовом стекле «девятки». Счастливые, с вас, мол, причитается.

... У Васюты, Васильченко и ребят с «наружки» УБОПа задержание прошло тихо-мирно. Как говорится, без шума и пыли. Никакой тебе погони, перестрелки... Аж неудобно перед эсбэушниками.

Дело в том, что Пират и Чен, по заведенному ранее негласному правилу, в день скачек, бегов и прочих лошадиных соревнований, а равно как и в течение, как минимум, двух дней после соревнований – были представлены самим себе. Никто в их личностях в эти дни не нуждался. Точнее, в фуре. Такую практику установил Алеко, когда принимал их на рабо-

ту. Видимо, такими днями он компенсировал водилам частую внеурочную работу в другие дни.

Оба работничка находились, прямо скажем, не в форме. Точнее, подшофе. Пират, так тот вообще лыка не вязал. Чен на стук дверь открыл и даже попытался возмутиться, но был красиво уложен на пол сразу в коридоре. И уже в комнату вошел в компании двух убоповцев с «браслетами» на руках.

Но что самое интересное, даже при беглом обыске, удивлению подполковника и майора не было предела. Прямо под кроватью были обнаружены три ствола. «Тетешник» китайского производства и два короткоствольных автомата Калашникова с приличным количеством боеприпасов в придачу.

Этих задержанных быстренько доставили в «ИВаСи» ГУ УМВД в Одесской области. А вот Ковтушенко с охранниками доставили в следственный изолятор УСБУ. Туда же, только в санитарную часть – Михайлика. Естественно, приставив к нему круглосуточную охрану.

Сразу после доставки начались допросы. СБУ интересовали ответы на свои вопросы, а Васюту и Васильченко – на свои. Правда, последние, в силу известных причин, к допросу смогли приступить только к вечеру.

А след-то ведет в... «Укрспецэкспорт»

Шел девятый час 31 марта 200... года. «Опель-кадет» цвета беж бежал резво, глотая вздох километры асфальта трассы Ужгород – Мукачево. Получение от начальника ГУБОП короткого в три дня отпуска не приснилось бы Илье даже в самых радужных снах. Но факт есть факт.

Звонок из Киева раздался в четверг часам к пяти. Причем в самый неподходящий момент. Майор милиции Васильченко, как младший по званию, только-только собрался было откупорить первую бутылку. Этим вечером они вдвоем решили устроить себе небольшой мальчишник. На мальчишник обещали подтянуться и трое оперов из местного УБОП. Но, по причине рабочего дня, только ближе к вечеру.

Отстранение Васюты от ведения дела по убийству советника президента последнему спокойной жизни не дало. Больше того, слегка даже усугубило.

Во-первых, из руководителя бригады он быстренько переместился в подчиненные. Но если в секретариате президента сделали вид, будто от интереса раскрытия убийства своего соратника абстрагировались, то в ГУБОПе поступить так не могли. Коль дело официально заведено, его официально надо и закрывать. А для этого есть некоторые «мелочи», которые нужно все же выполнить. И эти «мелочи» определены довольно грозными юридическими документами.

Правда, положив руку на сердце, надо признать, что за последние годы на такие «мелочи» представители Фемиды и иже с ними практически не обращают никакого внимания. И слоган «маємо те, що маємо» уверенно

шагает по демократической Украине. Отсюда и вера как к правоохранительным органам, правосудию так и ко всему руководству государства с каждым днем опускается все ниже и ниже плинтуса. Скажем так. Но это уже большая политика. А нас она с вами, уважаемый читатель, абсолютно не должна интересовать. Я правильно мыслю? Прочитали и забыли. Хотя...

Во-вторых, в прежние времена на Банковую он должен был докладывать один раз в день. А вот теперь, когда руководство по раскрытию убийства Конопляного было возложено министром на генерал-лейтенанта Подоляко, из Одессы и даже отсюда, из Ужгорода, Илье приходилось докладывать своему прямому начальству, как минимум, два раза в день. И разговор во время этих докладов частенько был не из приятных. Вот и судите, выиграл он или проиграл?

Время шло. С момента задержания в Одессе подозреваемых Чена и Пирата прошло почти три недели. Но сказать, что досудебные оперативно-розыскные мероприятия завершены, дело слепо и его спокойно можно передавать в суд, было нельзя. Видите ли, подозреваемые самостоятельно брать вину на себя категорически отказывались. А для суда, в таком случае, нужна очень веская доказательная база. Ее-то как раз и не хватало.

После задержаний, произведенных на ипподроме города Одессы, следственный аппарат УСБУ совместно с оперативниками отдела полковника Саморидного окунулись в такой водоворот событий, о котором они и думать ни гадали.

Действительно, по данным, полученным СБУ из Российской Федерации, оба задержанных подпадали под ориентировку с Петровки, 38. Но уже на следующий день и Саморидному с его операми, и всему следственному аппарату УСБУ пришлось выдержать серьезную атаку адвокатов. Буквально с утра те подали иски о заявлении в суд. Оказывается, по-ихнему разумению, незаконному аресту и содержанию под стражей подверглись двое пречеснейших граждан Украины. Алеко Ковтушенко и Сергей Михайлик. По паспортам, естественно. Главное, совсем не те фамилии, которые имелись в ориентировках. Хотя на лицо была полная идентичность фотографий с оригиналами.

Но адвокаты твердили свое. Ибо были они из той категории юридически подкованных людей, которые вооружены не только хорошими знаниями законов Украины, в том числе УПК и УК, но и прекрасно ориентировались в имеющихся дырах и неточностях этих законов. Естественно, предварительно ощутив в своих бумажниках приятный хруст «убиенных енотов», как называют в народе аббревиатуру *у. е.*, а точнее – *доллары*. Причем настойчивость и красноречивость умников прямопропорционально зависели от количества этих самых *у. е.*

Как и предполагал Саморидный со своими операми, первый в действительности был Палиевым Олегом, а второй – Сергеем Михайликом. Оба были бывшими лидерами «медведковской» преступной группировки. За первым числилось еще несколько интересных фамилий. Эсбэушники

быстро раскрутили это дело и доказали и незаконность получения паспортов Украины, и реальные фамилии задержанных, и даже их историческое прошлое. Очень даже нерадужное. Как оказалось впоследствии, оба были еще теми красавчиками. За ними тянулся приличный шлейф особо тяжких преступлений совершенных на территории России и Москвы в частности.

За год пребывания в Одессе Олег Палиев и Сергей Михайлик, легализовавшись по поддельным украинским паспортам, создали фирму, которая занималась развитием конного бизнеса. При Одесском ипподроме Палиевым была создана фирма «Алеко». Развитие конного бизнеса как раз очень четко вписывалось в его бизнес-план.

Ну и Бог с ними, скажет читатель, пусть бы занимались. Элитную конюшню европейского образца возвели, создали своеобразный клуб по интересам... Только не все так просто. Ведь заниматься конным бизнесом могут позволить себе совсем не бедные люди. Вот среди них Палиевым и Михайликом и подбирались возможные партнеры для своего «смертельного бизнеса». За такими «партнерами» и их окружением устанавливалась слежка и прослушка телефонов. Отслеживались все деловые и личные встречи. А в офисах и квартирах устанавливались «жучки». Короче, в ближайшем будущем партнеры такого «смертельного бизнеса» становились потенциальными кандидатами в покойники, а их бизнес – к благополучной смене хозяев.

В течение нескольких недель после проведения спецоперации на ипподроме совместными усилиями оперов УСБУ и УМВД были подтверждены имеющиеся материалы прокуратуры Москвы. Факт, что задержанные именно те лица, которые уже несколько лет числятся в межгосударственном розыске РФ за совершение особо тяжких преступлений, был полностью доказан. Этот факт подтвердила и база Интерпола. В свою очередь опера УСБУ и УМВД доказали факт не только получения этими лицами поддельных паспортов. В ходе досудебного следствия была подтверждена попытка установления связей задержанных с отдельными предпринимателями Одессы. Больше того, задержанные уже успели подобрать ключи к установлению контактов и с отдельными госслужащими города Одессы. И что самое интересное, опера с Еврейской, продолжая выяснять характер этих контактов и отношений, с каждым разом узнавали для себя много интересного.

А вот у Васюты и его помощников дело двигалось туго. Водители фуры фирмы «Алеко» Чен и Пират прекрасно понимали свое положение, а посему красноречиво отказывались от всех предъявленных обвинений.

– А что вы можете сказать, уважаемый, о номерных знаках, найденных в тайнике вашей фуры? – этим вещдоком на очередном допросе Васюта попытался нащупать путь к признанию Чена. Допросы не прекращались ни на день.

– А мне нечего сказать. Лично я их туда не ложил. Может, другой водитель? Нашел где, положил туда и забыл о них, – Чен украинским вообще не владел. Общался на русском, коим владел хуже, чем сносно.

Такой же вопрос Илья чуть позже задал и Пирату.

– Начальник, ты мне баки какими-то номерами не забивай. Я о них и понятия не имею, – а дальше шла та же сказка, что и от Чена. Кто-то нашел, кто-то положил их туда и все такое прочее.

– Лабораторный анализ подтвердил, что эти номера устанавливались на фуру. И спереди, и сзади. Что ты на это скажешь?

– У тебя, начальник, есть доказательства, что я их туда прикручивал? Докажи!

– Но такие номера и у «копейки», которая находится на разборке. И именно на этой разборке зафиксирована ваша фура. На той разборке вы искали топливный насос к своему «КамАЗу». Есть свидетель, который вас там видел. Вспоминаешь?

– Может, и искали. Разве за это в Украине уже сажают?

– Нет. За это не сажают. А вот за оружие, которое у вас нашли, отвечать придется по полной программе.

– Ой-ой-ой, как страшно. Прямо в штаны наложил, начальник.

– Но если ты будешь сотрудничать со следствием...

– Ага! То мне дадут условно, нет?

– Фантазию свою можешь засунуть себе в зад, – не выдержал Илья. – На условно не надейся. Но по минимуму получить можешь. Если будешь умным, конечно. Так и быть, поможем тебе с «санаторной путевкой» в ИТК годика на три не больше. Такой вариант тебя устроит?

– Не-е, начальник. Не договоримся. Я еще пожить хочу. А с тобой дружить – на первой же пересылке перо в бок получу. Так что не морочь мне... шарики.

– А зачем ты ездил на джипе с шефом в Ужгород?

– Когда?

– Значит, в Ужгород все же ездил, да? А было это вначале февраля. Вспомнил?

– Не-е, начальник. Не помню. Не ездил я в твой Ужгород. Чего я там не видел? Тем более на джипе. У нас с Ченом другая тачка. Фура для перевозки лошадей.

– Так твой дружок нам уже все рассказал. Я только не пойму, зачем вы еще и фуру туда тащили?

– Если он тебе все рассказал, чего ты у меня спрашиваешь? Может, он туда и ездил. С него и спрашивай.

– А где ты там с шефом останавливался?

– Это ты у шефа спроси. Он тебе все расскажет.

– Спросим и у шефа. А сам, значит, говорить не хочешь, да? В таком случае зададим вопрос в глаза. Советника ты замочил?

– Ты мне, начальник, жмурика не шей. Я приговор на пожизненное сам себе не подпишу. И не думай. Так что ничего у тебя со мной не срастется.

Васюта понял, что без доказательной базы расколоть Чена и Пирата практически невозможно. А без их показаний, и к бабке не ходи, выйти на заказчика нереально. Именно об этом он красноречиво и сообщил генералу Подоляко при очередном докладе.

– Так ты что предлагаешь, дело об убийстве отправить в архив? А не слишком ли просто все это? Знаешь, дорогой, следствие вести, как справедливо заметил один компетентный товарищ, не мудрями трясти, – чувствовалось, что генерал не очень доволен полученным известием. А посему Илья тут же поспешил исправиться:

– Думаю, товарищ генерал-лейтенант, что без очных ставок нам не обойтись. Эти хмыри крепкими орешками оказались. Особенно Пират. От Чена толку мало. С него пока два слова вытащишь да переведешь на нормальный язык – вспотеешь.

– Намеряешь на поездку в Карпаты? Думаешь, на очных ставках их дожать? А вдруг и на пальчиках удастся сыграть? А что, это идея. Обычно на очных ставках подозреваемый сразу плывет. Глаз в глаз – вещь серьезная. Редко кто выдерживает. У Юрия Петровича этот вопрос не поднимал? С кем думаешь дело повернуть? – Подоляко не просто слушал подчиненного. Он моментально сориентировался и тут же стал подсказывать, как лучше это дело подготовить и исполнить.

– С генералом Сидоренко пока не согласовывал. А повернуть это дело думаю с майором Васильченко. Между прочим, толковый опер.

– Все дифирамбы, уважаемый товарищ подполковник, только после завершения дела. Считаю, что твое предложение одобрено. Я переговорю с генералом Сидоренко. Вагонзак и конвой он вам обеспечит. В Ужгороде наши с УБОП тоже окажут вам всяческую помощь. Все остальное будет зависеть от тебя и Васильченко. Посмотрим, насколько он толковый опер.

Очные ставки и опознания пришлось проводить не только в Ужгороде, но и в кафе за Чинадиевым, и даже на перевале. Как и ожидалось, такое следственное мероприятие многое подтвердило. Было полностью доказано пребывание на территории Закарпатья именно в день гибели советника не только Чена и Пирата, но и их шефа Ковтушенко Алеко Александровича. Первым поплыл Чен. На очных ставках Пирату тоже пришлось многое признать. Правда, взять на себя непосредственное исполнение убийства водителя и Конопляного он категорически отказывался. Но это, как говорится, дело уже техники. Больше того, в ходе отработки этих мероприятий в Ужгороде Илья, Васильченко и опера местного УБОПа вышли на хозяев магазина «Садко». Точнее, сначала на их особняк возле стадиона. И сразу в деле появилась новая личность. Некий Яценко Георгий Петрович. Так пролетело чуть больше недели. Практически к обеду четверга все вопросы оперативно-розыскных мероприятий по Закарпатской области были решены. Васюта набрал номер телефона Подоляко.

– Как успехи? – после обмена общепринятыми выражениями спросил генерал.

– Не совсем как хотелось бы, товарищ генерал-лейтенант. Но сдвиги есть. И довольно ощутимые.

– Что, упираются подозреваемые? Даже очные ставки ничего не дали?

– Не то, чтобы ничего... И водители с перевала, и работники кафе, что за Чинадиевым, и даже хозяева магазина «Садко», что в Ужгороде, их опознали и дали показания. Причем все как положено. Под протокол.

– И все равно не колются?

– Китаец поплыл. Но непосредственно к убийству он непричастен. Доказано. А вот с Пиратом труднее. Тот еще фрукт. Ярко-хамское, должен вам признаться, дарование. По существу молчит, как мумия Тутанхамона.

– Значит, плохо дожимали. Думал, ты ему очную ставку, а он тебе сразу признание? Такой заказник так просто не раскрывается. Если вообще раскрывается. Следов никаких, фактажа – с гулькин хрен. Тут, милый мой, только на свой ум можешь рассчитывать. На свои знания и на опыт. Хотя за один тот арсенал, что у них выявили во время обыска, им уже лет по пять светит. А при желании – можно и на организованную банду наскрести. Два человека – это не один. Уже групповуха. А это на червонец тянет. Так говоришь, ни заказчика, ни посредника не сдают?

– Ну почему, товарищ генерал? Чен все признал. В этом деле засветился не только он с Пиратом, но и их хозяин Ковтушенко. Пирату тоже многое пришлось признать. И я думаю, что мы с Васильченко и его коллегами из УБОПа в Одессе дождем обоим. Расколются – куда они денутся с подводной лодки, тем более – в подводном положении. Думаю, мы в Одессе теперь и за их шефа возьмемся по-настоящему.

– Это вряд ли, товарищ сыщик.

– Чего так?

– В соответствии с действующими законодательными актами и конвенцией о сотрудничестве между странами СНГ Ковтушенко и Михайлик переданы представителям правоохранительных органов Российской Федерации. Экстрадировали их на днях.

– Вот это да. В таком случае, товарищ генерал, вы не могли бы прояснить кое-что об одной личности. Она появилась в деле буквально вчера. И обитает где-то в Киеве.

– Фамилия? Кто такой?

– Фамилия его Яценко Геннадий Петрович.

– Почему он всплыл в нашем деле?

– Эту фамилию назвал муж хозяйки магазина «Садко». Он с ним знаком давно. Этот Яценко, по словам Иштвана Вароди, бывший генерал-лейтенант. И будто бы бывший комитетчик.

– С какого боку он к нашему делу пристегнут?

– Именно он звонил мужу хозяйки магазина и просил устроить на пару дней Ковтушенко с водителем.

– Это точно?

– Только со слов. Надо проверять. По распечатке звонков Иштвану все сходится. Я так чувствую, что такая просьба была не единственной и уж во всяком случае не первой.

– Понятно. А вы там долго думаете еще работать?

– В принципе, все, что нужно и можно, мы уже сделали. Думаем на завтра заказывать конвой, вагонзак и возвращаться в Одессу.

– В таком случае до связи.

Вот так закончился тот разговор, и Васюта вместе с Васильченко, сделав все нужные распоряжения на счет завтрашнего отъезда и всего что с ним связано, решил слегка расслабиться. И тут последовал тот самый

звонок, который поверг Илью сначала в шок, а потом в такую расслабуху, от которой утром не только голова, но и все тело было под полным контролем бодуна.

Трубка лежала на подоконнике, и Васильченко, сидевший рядом и собиравшийся откупорить первую бутылку, дотянулся до нее и передал Илье. Правда, для этого ему пришлось временно затею с открытием бутылки оставить. Третью руку Бог человеку почему-то не дал. Хотя иногда она бы очень даже не помешала. Допустим, именно в таких случаях.

– Слушаю тебя! – без всяких задних мыслей ответил Илья, подумав, что звонит кто-то из тех оперов местного УБОПа, которых они с нетерпением ждали.

– Это ты кого собрался слушать?

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант. Здравия желаю!

– Здоровались уже. Если я десять раз на дню позвоню ты десять раз будешь здороваться? Сознаться, сколько дупельков уже принял на грудь?

– Видит Бог, товарищ генерал, ни в одном глазу.

– Ты еще поклянись накрытым столом, что весь в делах. Так я тебе и поверил. Ладно. Слушай меня здесь, как говорят у вас в Одессе, – чувствовалось, что у генерала хорошее настроение. Илья так даже улыбнулся. Чем немедленно воспользовался Тарас Михайлович. Услышав, что на том конце начальник ГУБОП, он даже дыхание затаил. Правда, бутылку из рук не выпустил. Но и открывать ее не спешил. А вдруг, не дай Бог, последует спешная команда отставить. Приняв улыбку Ильи за добро, тут же скрутил головку бутылки, как будто в руках у него была и не стекляшка совсем, а самый настоящий бройлерный петушок. – Отправку вагонзака, конвоя и подозреваемых возлагаю на майора Васильченко. Кстати, он случаем не рядом?

– Никак нет, – даже не моргнув, соврал подполковник.

– Я начальнику УБОП команду дал. Он поможет. А в Одессу тебе ехать незачем. Без тебя справятся. Сам характеризовал Васильченко как толкового опера. Я тебя за язык не тянул. Ты слышишь меня? Чего притих?

– Я слушаю, слушаю, товарищ генерал-лейтенант.

– А почему не спрашиваешь, чем сам заниматься будешь?

– Чувствую, сюрприз готовите, – Васюта скривился, как будто червя проглотил. Сюрпризы начальства редко когда бывают приятными. Это он уже испытал на себе.

– Мне недавно звонил твой бывший начальник. У него там что-то с матерью жены.

– Я в курсе. Мы с ним каждый день по мобилке общаемся.

– Не перебивай. Он целый спич развил в твою защиту. Убедительно просил дать тебе пару-тройку дней отгулов. Хочет тебе свои родные края показать. Между прочим, действительно красота неописуемая. Можешь мне поверить. Прошлый год две недели там отдыхал. Сейчас, конечно, не лето. Но у всякой поры года свои прелести. Сегодня четверг. Пятница, суббота и воскресенье в твоём распоряжении. В понедельник утром жду тебя

на работе. Пользуйся моей добротой. Будем считать, что заслужил. Все. До связи.

После такого известия мальчишник показался Илье чуть ли не днем рождения. Гуляли допоздна. Во всяком случае, появившемуся утром в гостинице Кашаю еле-еле удалось поднять Васюту. Только после стакана газировки, принесенной, кстати, им самим, Илья пришел в себя, с трудом понимая все происходящее.

— Что, головка бо-бо? И не мудрено. Как погляжу, вы тут дурака не валялись. Трескали водочку до бульканья в животе. Поди, даже до безпардонной отрывки, нет? Бутылок, что тебе на витрине супермаркета. Неужто все за раз оприходовали? И дверь открыта. Так сколько же вас было?

— Иван Васильевич, у вас полегче вопросов нет?

— Пять человек, Иван Васильевич. Пять, — подсуетился Васильченко, приоткрыв правый глаз. На открытие обоих у него явно не хватило силенок.

— И ни фиги себе. Это же сколько на брата? Ладно, двадцать минут на туалет и умывание. Горячая вода есть? В принципе, тебе сейчас больше подойдет контрастный душ. Давай шевелись. А ты чего еще лежишь? Вот это молодежь. Да в твои годы я по утрам своему начальнику кофе в кровать подавал. Мухой давай занимайся. Я, между прочим, крепкий уважаю. Да и подполковнику, я думаю, такой сейчас не помешает. Или ты похмелья примешь? — спросил Кашай уже у Васюты.

— Кофе, — выдал из себя Илья, поднимаясь и направляясь по указанным адресам.

Выехали в половине девятого.

«Опель-кадет», будто выпорхнув из узких улочек окраины областного центра, пересек переезд.

— Значит, так, Илюша, я с утра звонил в село Ольге. Они там со Славиком...

— Не гоните лошадей, Иван Васильевич. Помедленнее. Давайте разберемся сначала, кто эти Ольга и Славик?

— Ольга и Славик? А что ты имеешь против них? Ты же не один к ним едешь, а вместе со мной. Хочешь заранее знать, кто они такие?

— Есть такое желание.

— Хорошо. Ольга — это дочь Андрея.

— Еще одна новая личность. Так мы и до вашего села не сможем разбраться, кто есть кто. Очень хотелось не по-русски выразиться, только вы заругаетесь.

— А что, не по-русски это смахивает на ругательство? Тогда не выражайся.

— Кто этот Андрей?

— Андрей — это мой сводный старший брат по отцу. А Ольга — его дочь. Мой брат давно уже умер, а вот его жена — всего года три как представилась. Теперь в родительском доме живет только Ольга со своей семьей. Дошло?

— Теперь да, теперь все стало на свои места. И вы считаете, что имеете полное право на часть родительского дома в полном смысле этого слова? А как на наш приезд отреагирует Ольга? Ее муж?

— Так я тебе о чем и толкую. Мясо они еще с вечера запацовали...

— Не понял? Вы сейчас, что сказали, Иван Васильевич? Что они сделали с мясом?

— Запацовали. В смысле, замариновали. Приготовили для шашлыка. Чего тут не понятного.

— Сейчас, понятно. На таком языке все понятно. А раньше вы на каком разговаривали?

— На нашем, на русинском. Какой ни есть, а все ж родной. Я его с молоком матери впитал...

— Вы намекаете на шашлык?

— И на шашлык тоже. И перестань мне выкать. Так вот, я уверен, что там уже все готово. Салатики, водочка — все на столе. Задержка за шашлыками. Как тебе такой расклад?

— Стоп, Иван Васильевич! Мы так не договарива...

Услышав такую резкую команду, Кашай одной рукой автоматически врубил правый поворот, а другой — тычком выбил рычаг передач на нейтралку, не забывая при этом до упора вдавливать педаль тормоза в полик. И все это он сделал с такой поспешностью, что сидевший рядом Васюта даже не успел договорить. Только спустя пару секунд он возмутился. При чем по-настоящему. С выражениями.

— Ты чего делаешь, Иван Васильевич?! Фура сзади аж присела! А если бы у нее тормоза отказали? Да твою шкатулку можно было бы уже собирать в авоську и в металлолом нести. А нас бы из салона только соскребали. Опять же чуть велосипедиста не зацепил, ядрена вошь! Бедняга с перепугу аж на тротуарную дорожку выскочил. До сих пор вон как кулаками в твой адрес машет. Я представляю, какими словами он тебя чихвостит? Старый боцман в Одессе отдыхает.

— Не ругай мою красотку. Она, конечно, не «ламборджини», но ругать ее не смей. Ведь ты же сам дал команду «Стоп!». Я думал, случилось чего. Думал, слева на нас кто наезжает. И чего бы ради я так кричал?

— Я не кричал, а сказал, что мы, товарищ полковник, так не договаривались.

— В отставке, Илья. В отставке.

— Какая разница. Полковник он и в отставке полковник. Но я с таким положением вещей абсолютно не согласен.

— Намеряешь на свою долю?

— Больше того, очень хочется поучаствовать в этом деле. Они поди и детишек с полкитая успели наплодить?

— Одна девочка, — хихикнул Кашай. — Думаешь, в деревне вечерами делать не хрен?

— Не понял! Сколько тогда Ольге?

— Ольге? А зачем тебе?

— Ты же сам сказал, что у них девочка. Значит, Ольга и ее муж совсем еще молодые?

— Ага. Тот самый случай. Девочка учится в десятом классе. И звать ее Андрианой.

– Ни фиги себе, девочка... Ну ты и шутник, Иван Васильевич. Предлагаю остановиться по пути в каком-нибудь супермаркете.

– И что ты собираешься там купить? Ольге передничек, а Андриане – надувной шарик?

– Переднички и надувные шарики покупайте сами. А я возьму бутылку шампуня да коробку толковых конфет. А вот «девочке»... Да, озадачил ты меня. В десятом говоришь? Поди и компьютер у нее есть?

– Как догадался? В аккурат в прошлом году Подоляко с женой на две недели приезжали в гости. Отдохнуть, грибов насобирать, по лесу прогуляться, форельки надергать... Вот он и подарил девочке компьютер. Она уже с полгода как с интернетом на «ты». Постоянно с его сыном на связи. Сначала просто переписывались, а недавно камеру какую-то купила, так что теперь и видят друг друга, и даже разговаривают. Вот тебе, брат, и молодежь.

– Вебкамера. А программа скайп называется.

– Во-во! Между прочим, не хотел тебе заранее говорить. Тревожить заранее.

– На что ты намекаешь?

– Подоляко с утра уже звонил. В аккурат, когда я к тебе в гостиницу ехал. Сказал, что скинул Андриане для нас обоих что-то интересное. Приказал обязательно просмотреть. Поди, фильм какой, а? Как ты думаешь?

– Делать генералу не фиг, только фильмами нас напичкивать. Посмотрим. Но это к лучшему. Я спасен. Куплю я великовозрастной деточке флешку гектар на пять памяти. В самый раз будет.

– Это такая штучка, на которую можно все записывать? Фильмы там всякие, романы?..

– Только не забудь остановиться в нужное время и в нужном месте.

– А это только в Мукачеве. Заедем в «Фарбу» и все там купим.

– Опять ты со своими словечками? Иван Васильевич, у меня голова и без них гудит не хуже трансформаторной будки. Полпузыря газировки выдул уже. Что такое «Фарба»?

– «Фарба» – это и есть известная на все Закарпатье фирма торговых точек.

– А почему «Фарба»?

– От первых букв фамилии хозяина. И не только. Фарба – в переводе на русский краска.

– И как фамилия хозяина фирмы?

– А то ты не знаешь? Фабиян.

– Кум Ющенко?

– Ага!

Сразу за Оноковцами «опелек» резво совершил променад по кольцу и, уверенно набирая скорость, устремился в направлении Мукачева. Какое-то время ехали молча. Иван Васильевич попытался было на подъеме за селом Барвинок возобновить разговор, но, увидев коллегу прислонившимся с закрытыми глазами к стеклу дверцы, оставил свою затею. И только когда они проехали Среднее, вернее, объехали, он решил нарушить молчание. Правда, для этого, оказывается, была веская причина.

– Что приспичило? Погоди немного. За тем бугром, что впереди, есть ресторан, а при нем обязательно должны присутствовать нужные заведения.

– И все-то ты знаешь, Иван Васильевич. Как догадался?

– Ну-у! Для этого не надо быть большим специалистом-психологом. Я же вижу, как ты уже минут пять танцуешь ногами и зыркаешь по сторонам.

– А вдруг я люблю экзотами природы?

– Ага! Как раз то время и саме то место. Здесь и в лучшие поры года не на что глаз положить.

– А я догадался, Иван Васильевич. Сразу за спуском будет ресторан «Короп». Точно?

– А вот это уж точно интересно. Сон вещий видел?

– Я об этом чуде бывшего советского облпотребсоюза давно слышан. Капитан Котубей из областного УБОП мне в прошлый раз много чего об этом чуде рассказал. Когда я в Буковицу ехал. Помните, пропавшим ребенком занимались. *(Подробнее об этом в романе «Кровавый киднеппинг».)*

– Ну ты как, отошел уже? – улыбнулся Кашай, как только Васюта уселся на сиденье «опелька».

– Действительно настоящий кайф поймал. А ты знаешь, там довольно ничего. Сравнительно чисто.

– Да я не об этом. Бодун во плоти отпустил?

– Малость полегчало.

– Тогда давай рассказывай. Хвались победами на поприще сыскной работы. Что вы нарыли и на какой стадии дело? – «Опель-кадет» плавно вырулил с небольшого аппендицита на трассу.

– Хвастаться сильно нечем. О том, что было в Одессе, я тебе Иван Васильевич, в прошлый раз рассказывал, – даже по разговору чувствовалось, что Васюта повеселел. – Васильченко за майора выставлялся. Он же ваш должник. Благодаря вам майора досрочно получил. Реляции вы же на него писали. Еще до выхода на пенсию.

– Я, дорогой, помню даже то, чего не было. Эти хмыри раскололись?

– Чена мы с Тарасом дожали. А вот с Пиратом дело посложнее. Зациклился в несознанке и ни в какую.

– Значит, боится. А что с посредниками, заказчиком?

– Намеряешь на проверку Устюгова по архивам бывшего Озерлага? А что, генерал тебе ничего не говорил?

– Я же почти две недели у матери жены проторчал. Привези-отвези врачей из района, лекарств достань... В общем, считай от кровати не отходили.

– Значит, так, нашлись следы Устюгова. Пришлось моему коллеге серьезно помотаться по Иркутску и области. Оказывается, там больше восьми архивов. УВД, УФСБ, областного суда, областной прокуратуры...

– Ты короче можешь? Архивы ГУЛАГов, дорогой, до самого Загатья перечислять можно. А они мне все и на фиг не нужны.

– Понял, не совсем дурак, – Илья улыбнулся и тут же приложился к бутылке с газировкой. – Основной архив Озерлага, как оказалось, находится на станции Тайшет ЖШ-410. Именно там, в Озерлаге, в 1952 году правил службу заместителем начальника оперчасти Устюгов. И был он тогда в звании капитана госбезопасности.

– А по-нашему? По армейским рангам?

– Так и было. Их же еще в сорок пятом окончательно перевели на армейские звания. Вас звания интересуют или сам Устюгов? Нашлись следы и отца Никиты Топора. И именно в том самом пятьдесят втором. Больше того, моему коллеге удалось отыскать несколько интересных фамилий из числа зеков. С которыми напрямую работал Устюгов. Наседки, стукачи... Их везде по-разному называли. Так вот, был там один Михаил Васильевич Штампович по кличке Гуркало. Именно он по поручению Устюгова работал с Топором перед его смертью.

– Так, может, он его и того?

– Нет, Иван Васильевич. Не того. Топора шлепнул конвойный солдат. При попытке к бегству. Так и записано в протоколе. Солдату еще отпуск объявили за бдительность.

– Тогда зачем нам этот Гуркало?

– Какой ты нетерпеливый товарищ полковник!

– В отставке.

– Пусть будет в отставке. Так вот, привезенные оттуда фотографии шеф по моему настоянию тоже отправил в Средняны Толчинскому.

– Это уже вторые фотографии. А по первым твой тамошний друг тебе ничего не докладывал?

– Докладывал. Шершень опознал по тем фотографиям Устюгова. Именно Устюгов приезжал тогда к его матери. Больше того, увидев новые фотографии, он подтвердил свои прежние свидетельские показания. Но и это еще не все, – продолжил Илья, видя удивление на лице своего бывшего шефа, очень смахивающее на маску клоуна. – Оказывается, в архиве Ровненского УВД сохранилось дело об убийстве сына Топора в 57-м году. Виталий Львович, естественно не без помощи Натана, раскопал в нем показания свидетелей, которые видели сына Топора на вокзале в Среднянах с каким-то мужиком. Так вот, по описаниям тех свидетелей этот Гуркало полностью смахивает на того мужика. Видно, и опер, который вел тогда это дело, и свидетели были почти художниками. Описания сделаны с точностью до оригинала. Это я тебе рассказываю восторженные удивления Толчинского. А он еще тот одессит.

– Вполне возможно, что этот Гуркало-Штампович и есть убийца не только сына Топора, но и матери Шершня. Там, кстати, был еще один труп, нет? В таком случае надо брать этого Устюгова за воротник и колоть до самой задницы.

– Иван Васильевич, о чем ты? Кого колоть? Ему же под восемьдесят. Поди и в живых уже нет.

– Да-а-а. Кто же тогда заказал Конопляного-внука? И где Конопляный-дед? Если он еще жив? А помнишь, когда мы у шефа мальчишничали, он

о какой-то телепередаче говорил? «Жди меня», кажись. Точно. Он еще обещал поднять записи той передачи. Он говорил, что фамилия Конопляный засветилась в Штатах, помнишь?

– Думаешь, только у тебя память нехилая? Конечно, помню. Нашел шеф ту запись. Действительно, засветились там обе фамилии. И Конопляный, и Шершень. По той записи шеф продолжает работать. Он вроде даже на Штаты вышел. Через каких-то своих знакомых. У него знаешь, сколько знакомых? Свет не видел. Вот что значит, не имей сто у.е., а имей сто друзей. По-моему, через своего одноклассника...

– Генерала с Петровки, 38?

– Через него.

– И все же не верю я, что Устюгов, если он еще жив, лично сам заказывал Пирату Конопляного-внука?

– Ну, то, что исполнитель Пират – надо еще доказать. Хотя ты прав. Должен быть еще какой-то посредник. Между прочим, в деле появилась одна интересная фамилия. Некто Яценко Геннадий Петрович.

– Откуда появилась эта личность?

– Отрабатывая очные ставки по Ужгороду, мы вышли на магазин «Садко». Вернее, сначала вышли на хату, в которой останавливались Ковтушенко и Пират, будучи в Ужгороде. Напротив стадиона. А потом и на хозяев квартиры. Семя венгров. Берта и Иштван Вароди. Жена – хозяйка магазина, муж – ее заместитель по всем неясным вопросам. В том числе и как водитель микрика «фольксваген-транспортёр».

– И с какого боку к ним припелся этот Яценко? Кто он такой?

– Тут такая история. Этот Иштван бывший военный. И служил он в Мукачеве в штабе 128-м мотострелковой дивизии.

– Поди, главным полотером, нет? – Иван Васильевич от души рассмеялся.

– Иди в баню. Не думал, что ты такая язва.

– Это я от обиды. Ты с бодуна, а я нет.

– Между прочим, зря ты мне завидуешь. Вооруженцем, Иван Васильевич, вооруженцем. Говорит, что был толковым специалистом по ремонту артвооружения. Так вот, после расформирования дивизии уволился с выслугой 22 года, а его шеф, заместитель комдива по вооружению, перевелся в Киев. У того рука была волосатая. То ли знакомый, то ли даже дальний родственник, в звании генерал-лейтенанта.

Как раз в это время «опелек» втягивался в длинное село, раскинувшееся по обе стороны трассы. Илья еще успел зафиксировать его название, Ракошино – гласила надпись на указателе.

– Но я так и не понял, кто есть кто? Ты всех троих в один пакет завернул. Изволь разложить по полочкам. Мухи в одну сторону, борщ – в другую, а котлеты – в третью.

– А тут и нечего раскладывать. Яценко и есть тот самый генерал-лейтенант.

– Иди ты! Так он действительно из комитетчиков? Лет семь тому, я уже вел одно такое дело. Бывший подполковник КГБ заказал в Одессе отставного генерала.

– Там еще золотые самородки фигурировали, да? Между прочим, след того генерала тоже отсюда, из Закарпатья тянулся. По-моему, даже из вашего района, нет?

– Значит, помнишь. *(Подробно об этом в романе «Монастырское золото»)* Валяй дальше. Страх люблю такие истории слушать.

– А тут еще нечего слушать. Все на уровне даже не версий, а только намеков на версии. Как в той сказке: репка, дедка, бабка... Кто там еще? Хотя... Вполне может что-то полезное и нарисоваться. Если, конечно, толково покопаться в этом мусоре. Понимаешь, Иван Васильевич, в чем дело? У меня только сейчас интересная мысль появилась.

– Иди ты. Между прочим, я за собой тоже такие вещи часто замечал.

– Хотите сказать, что и у вас умные мысли появлялись, как правило, с хорошего бодуна. Что-то в этом действительно есть. А что? Если философски к этому вопросу подойти, то до наступления бодуна в голове идет полный расслабон. Файлы находятся в состоянии броуновского движения. Туды-сюды мечуся. Алкоголь выбил их из седла. То бишь из кластеров.

С последними словами Васюты «опелек» довольно странно завилал из стороны в сторону. Но Васюта этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Кашай на всякий случай зыркнул в зеркало заднего вида, воткнул правый поворот и медленно прижался к бордюру. Они только что выехали из того самого населенного пункта Ракошино. Иван Васильевич уставился на соседа и какую-то долю секунды внимательно смотрел на него. Потом спросил:

– Ты это с кем сейчас разговаривал?

– Когда? – переспросил Илья, все еще оставаясь под впечатлением появившейся мысли. Он даже не заметил, что легковушка остановилась. – А чего мы стоим?

– Да-а-а!!! А я уж, грешным делом, подумал, что у тебя глюки начались. Вот это, думаю, «начитался». Даже вспоминать начал, где у меня аптечка лежит? Хотя, чем бы я оттуда воспользовался? Кроме пузырька с зеленкой там все равно ничего нет? С тобой все ладно?

– А что со мной должно случиться? Поехали, Иван Васильевич. Поехали, давай. Кому стоим?

– Поехали так поехали. Значит, это ты о своем, «о девичьем...». В философию потянуло? А я-то думал...

– Эта философия, уважаемый полковник, очень интересная.

– В отставке, Илья. В отставке. Я уже не спрашиваю тебя, что такое кластеры, файлы? И не надо мне все это разяснять, – поспешил Кашай, видя, что собеседник пытается открыть рот, причем с очень умным видом. – С моими старческими мозгами дойти до этого уже невозможно. Я вон мобилку свою и ту до конца так и не усвою. Пару кнопок выучил и чисто на автомате пользуюсь ими. А ты давай мысли, философствуй. Я все равно не пойму и мне так даже интереснее будет. Тупо, но интересно. Так что там эти файлы делают с глубокого бодуна?

– До, Иван Васильевич, до. Под действием алкоголя мысли освобождаются от своих извилин и начинают хаотическое движение в мозгу.

– Ага. Теперь понятно. Болтаются как что-то в проруби. Я правильно понимаю сущность момента?

– Истинно так. Только почему у вас сразу ассоциировалось это с чем-то таким нехорошим. Можно бы и более подходящее сравнение подобрать. Фу, как нехорошо.

– Да ладно тебе. Не цепляйся к выражениям. Мои они. Как хочу, так и ... кручу. Валяй дальше.

– Так вот, гуляют они, гуляют...

– В смысле хаотически, – улыбнулся Кашай.

– Ну да. А вот когда наступает бодун... Почему с бодуна голова раскалывается и гудит что тебе трансформаторная будка?

– Вопрос, конечно, интересный. Ну-ка, ну-ка?

– Когда алкоголь выветривается из организма, мозги начинают наводить порядок в своих владениях. Начинают собирать все файлы в кучу и раскладывать их по кластерам.

– Кластеры, как я понял, это извилины, да? А файлы – информация?

– Начинают файлы тыкаться в кластеры, – утвердительно кивнул головой Илья. – Начинают заполнять извилины. Причем команды на дефрагментацию диска не было. Поэтому заполняют они извилины всяко-разно.

– Опять понесло. Да, плохо быть дубовым до пояса.

– И вот тут-то и вся загвоздка, – не реагируя на высказывание собеседника, продолжил Илья. – Та информация, которая была в самом низу, которой давно уже не пользовались, – появляется наверху. Как будто предлагает: возьми меня. Больше того, рядом с ней присоседилась и свежая информация. Вот они вдвоем соединяются, и получается новая информация. Бывает, что очень даже полезная.

– Тебя послушать, чем больше выпьешь – больше полезной информации из мозгов выудишь. Так что ли? Ерунда все это. Хотя вполне возможно, что именно от таких действий и появляется гудение в голове, чувствуется боль... Так что там дальше?

– В смысле файлов и кластеров?

– Нет. В смысле этого кагэбэшного отставника.

– Ага. Значит, после увольнения у этого венгра – ни пенсии нормальной, ни работы толковой.

– Естественно. Он же бывший военный. И совсем не прапорщик, – подсуетился Иван Васильевич. Как бывший военный очень даже не понаслышке знающий, что такое уволенный со службы офицер.

– Ну, конечно. На гражданке орудий нет, чтобы открыть мастерскую по их ремонту. Вот он и подсел на стакан. Года через два или больше остепенился. Достал талмуд и стал искать знакомых. Надыбал телефон своего бывшего шефа, зама по ружью. Позвонил. Тот, оказывается, уже большая шишка. В одном из оборонных ведомств работает.

– В каком?
– Вот это меня и заинтересовало. Предчувствие, понимаешь, плохое. И если этот мадьяр не наврал, то ведомство серьезное. И называется оно «Укроборонсервис».

– Постой, постой. Эта фирма входит в государственную компанию «Укрспецэкспорт». Кроме нее, еще четыре подобные фирмы туда входят. Помнишь, шеф недавно все эти фирмочки называл. «Прогресс», «Укринмаш», «Спецтехноэкспорт» и «Промоборонсервис». Но главное, чем занимается «Укрспецэкспорт» – торговля оружием. Я тут недавно с бывшими сослуживцами по случаю разговор вел. Ты что-нибудь про продажу «Кольчуги» слышал?

– Что-то слышал. По-моему, дело это еще при Кучме было. Вроде Украина продала Ираку одну установку «Кольчуга». Там еще Америка кипишь поднимала. Было такое на слуху.

– А я тебе больше скажу. Да. Приезжали к нам тринадцать американских экспертов. Рыскали, рыскали и уехали.

– Вот видите. Зря только Украину грязью поливали.

– А ты не больно радуйся. Это дело до сих пор до конца не раскрыто. Америкашки уехали не просто так, а оставив Украине кучу вопросов, на которые нам необходимо было ответить. Еще поговаривали, будто бы только благодаря Беларуси Украина выкрутилась. Будто бы оттуда, дабы сбить американцев с толку, перебросили одну установку «Кольчуга» к нам. Американцы вначале девяностых всю нашу армию до подноготной прошерстили. В последний туалет заглядывали. До последнего ствола проверяли. Знают, сколько и чего имеется из вооружения. Тем более такого. И правильно, что у тебя предчувствие плохое. Эта фирма совсем не духами торгует. Я так понимаю, что ему нашли работу в каком-нибудь воюющем Гондурасе, нет?

– Да. В одном из африканских государств. Именно там тот ему помог с работой.

– Тот – это кто? Бывший его шеф или комитетчик?

– Бывший шеф. Точнее, вы правы. Реально с работой ему помог как раз комитетчик. Короче, я уже сам запутался.

– Опять на «вы»? Успокойся, хлебни водички и начни все с начала. С какой работой этот бывший комитетчик ему помог?

– Он ему помог со спецкомандировкой в одну из африканских стран.

– Кем?

– Естественно, что не полотером. И откуда ты такие выражения берешь? Солдафон засел в тебе пожизненно.

– Он что, не говорил, чем там занимался?

– Ремонтировал проданные нами пушки.

– А может, помогал продавать? Причем втихаря? И не только пушки.

– И сразу после возвращения оттуда они с женой открыли свой бизнес. Больше того, прикупили еще и здание магазина в самом центре Ужгорода. Интересная мысль.

– Чтобы начинать такой бизнес, нужны приличные бабки. Значит, вот откуда бабло? Был бедным как церковная крыса и вдруг такая крутизна. Честно даже в Африке таких бабок не заработаешь. Подозрительно. Там хоть и платят прилично, но не на столько, чтобы сразу и бизнес открыть, и здание прикупить, и тачку, как я понял. Что-то тут не чисто. Так ты говоришь, что генерал-лейтенант из комитетчиков?

– Бывших.

– Бывших комитетчиков, сам знаешь, Илья, не бывает. Устюгов из бывшей конторы, этот Яценко опять же бывший замкомдива 128-й по ружью к ним пристегнут. Не слишком ли много совпадений? А ты представь себе такой вариант. Устюгов и Яценко из одной конторы. Когда-то Устюгов Яценко выручил. Теперь потребовал долг платежом отдать.

– Но это же грубо, Иван Васильевич. За какую-то мелочь человека мочить...

– А если не за мелочь? А если в этом деле фигурируют какие-то бумаги, ставящие с ног на голову всякое понимание о порядочности не только такой фирмы, как «Укрспецэкспорт», но и всего государства? Что ты на это скажешь? В Украине я не верю ни в одну крупную международную торговую операцию, проведенную в честном варианте. Тем более с оружием. Ты посмотри, какие особняки да легковики у простых чиновников. Там-оженников, гаишников, мэров, пэров... Зарплаты небольшие, а живут в хоромах и ездят на тачках, как султан Брунея. Я уже не говорю о поднебесье. Поделились бы опытом, как жить на зарплату госслужащего и иметь такую подвижность и недвижимость. Конечно, можно до опупения рассуждать и о наследстве бабушки, и о приданом жены... Я еще согласен, у бизнесменов, торговцев, имеющих частное производство... Такое впечатление, что оклады у наших чиновников с Банковой, Кабмина и Рады американские и служат они не украинскому народу, а своему семейному клану. Даже при Союзе такой наглости не было. Верхушка, да. Верхушка, может, и шикавала. Да и то втихаря. Деньги в чулке держала. Страшно было выглядеть белой вороной. Народ бы сам забил. Поэтому и развалили такое государство.

– И откуда ты все это знаешь, Иван Васильевич?

– Понравилась идея? Дарю. Вы этого Яценко и Вароди хорошо прижмите, они вам много интересного расскажут. Вполне может быть, что сей генерал-лейтенант-комитетчик может оказаться как раз тем самым посредником. И рисовать партитуру теперь через него придется.

– Шеф уже работает в этом направлении. А ты, Иван Васильевич, чувствую под завязку напичкан всякими нехорошими историями. Поделиться не хочешь? Провести, так сказать в миниатюре, день открытых извилин? Время быстрее пролетит...

– Пожелание гостя для меня закон, – улыбнулся Кашай. – Так и быть, расскажу я тебе одну историю, как наши заставили немцев в 1975 году согласиться с послевоенными границами Германии? Так сказать, чтобы отвлечься от грустного.

– Наши – это кто?

– Советский Союз.

– Можно подумать, что вы как раз в то время были самым доверенным лицом у тогдашнего генсека. Кстати, кто тогда был?

– Брежнев. Доверенным лицом хоть и не был, а кое-что знаю. Человек знающий рассказывал. Лет пять как умер уже. Слушаешь?

– Валяй, Иван Васильевич.

– Значит, дело было так. 1 августа 1975 года в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По инициативе, заметь, соцстран. Так вот. Основным и главным пунктом в этом акте было признание всеми европейскими государствами границ, созданных после ВОВ. Подготовка этого совещания шла долго. По-моему, еще с 1969 года. И вот к июлю все вопросы уже были согласованы. Остался один. ФРГ ни в коем случае не хотела признать послевоенные границы с Польшей. Да и ГДР шебаршилась. Ведь после войны Польша отошли целые области Германии, скажем так.

– И как же Брежнев смог уговорить ФРГ? Посулил не присоединять ее к ГДР?

– Я бы на твоём месте так не шутил.

– Извини.

– И совсем не Брежнев это сделал, а Косыгин. Мудрейший человек был. А какой экономист? Поискать таких надо. Это после него уже страну трясло, как при девятибалльном землетрясении. Рвали ее все, кому не лень. Как тузик грелку.

– Слыхал я о нем. И что он такого придумал?

– Что? Ни в жизнь не догадаешься. По его команде из Арциза, что под Одессой, поднялось звено дальних бомбардировщиков. Дозаправились в воздухе. А над Карпатами их взяли под охрану два звена истребителей, взлетевших с военного аэродрома в Мукачево. Был здесь такой тогда.

– И они сбросили бомбы на ФРГ? Нет! Появились над ФРГ и предупредили: не подпишете – сбросим бомбы, да?

– Так, да не так. Ничего они никому не грозили. И бомбы, естественно, не сбрасывали. Они просто сделали на ну очень большой высоте променад над всей Европой. И только когда уже сели, одна из европейских стран, кажись Франция, тихонько сообщила в эфир, что какие-то самолеты пролетели над их страной. Потом и другие страны подтвердили. На этом и закончились все спорные вопросы.

– Это ты сейчас придумал?

– Плохая сказка, да? Я таких сказок много знаю. Про переоборудование кабинета Косыгина в Кремле слышал? А про чешского капитана, который работал в секретариате канцлера ФРГ и докладывавшего через КГБ Брежневу о всех последних новостях? Когда-нибудь расскажу.

– Ты много знаешь, Иван Васильевич. Тебя пора уже того...

«Опель» въезжал в Мукачево.

– Супермаркет на выезде, – как будто не слыша ерничества Васюта, сообщил Кашай. – Там и остановимся.

– Я вот что хочу тебя спросить, Иван Васильевич. Сегодня пятница. Сегодня понятно. О сегодняшних планах ты меня уже известил. А что мы будем завтра делать. В воскресенье до обеда? Бодун во плоти гонять?

– Не-е. Ты недавно слово хитрое выронил. Де... Ди... Какая-то там фракция.

– Дефрагментация.

– Во-во. Вот ею мы и будем заниматься. Если она, конечно, не вульгарна и не во вред здоровью. Ха-ха-ха. А если честно, есть у меня задумка выехать всем вместе на нашу речку Иршавку. Куда-нибудь в сторону Чорного Потока, Осоя. Одним словом, в Карпаты. Места там прекраснейшие. Увидишь известную на весь мир «Заколдованную долину» с верховым торфяным болотом «Черное Багно». Там находится и государственный зоологический заказник «Ричанский», и ихтиологический заказник «Рика». От названия небольшой речушки. И вообще, там настоящий рай. Пусть даже и не летом или осенью. Ты когда-нибудь растущие камни видел?

– Ну, пусть я с бодуна, Иван Васильевич. Но ты-то, ты? И где ты видел, чтобы камни росли? Это же невоодушевленный предмет. Или я что-то путаю?

– Растут, Илья. Еще как растут. Один из них, «Смерековый камень» называется, так уже высотой метров под шестьдесят.

– Иди ты! И за сколько? За год так вырос?

– Подкузьмишь, когда я трудиться буду. И вообще, старших уважать надобно. А ты?

– А что я? Сомневаюсь, только и всего.

– И нечего сомневаться. Раз старшие говорят, знать так тому и быть. Вот приедешь и все сам увидишь. Там знаешь, какая там красота? А форель в Иршавке какая?

– В горы? И на этом «опельке»?

– Почему на этом? У Славы русский джип в гараже. «Нива» называется. Ездил на таком?

– Ездил. Только с приставкой «шевроле».

– Значит, одобряешь. А куда ты денешься. Мы там форельки надергаем, уху сварганим, можем и на костре пожарить ее... Картошки испечем... Кислородом запасемся.

– За пазуху напихаем, нет? А сало печь будем? В таком случае одним шампунем, конфетами да флешкой не обойтись, – последнее Илья подумал уже только про себя.

Минут через тридцать они уже выходили из супермаркета. Причем не просто так, а толкая перед собой корзину-тележку на колесиках. И загружена она была под завязку. Отдыхать так отдыхать, как сказал Васюта у кассы, отвечая на удивленный взгляд своего бывшего шефа.

Эпилог

Или и снова «Жди меня»

Просмотреть то, что для них скинул по Интернету генерал-лейтенант Подоляко, великим Пинкертонам удалось только в воскресенье утром. Чуть позже десяти. И причина тому была совсем не в них самих.

Как только «опелек» поравнялся с указателем населенного пункта Завидово, Илья тут же довольно громко выразил свою осведомленность. Причем, как показалось Кашаю, в излишне радостном тоне.

— Иван Васильевич, а я знаю, где лучший самогон в Закарпатье гонят. «Сливовица» называется, — у Васюты глаза действительно сверкали так, будто рюмка с этим божественным напитком если и не в руке у него уже, то не дальше полки торпеды.

Видя, что бывший шеф на это не реагирует, он продолжил:

— Именно в этом селе, в которое мы сейчас въехали. И называется это село Завидово.

— Это кто тебе такую ересь сказал?

— Да мне об этом в прошлый раз капитан Котубей все уши прожужжал. Говорил, что ее из слив гонят и не литрами совсем, а бочками. И не в домашних условиях, а в лесу, у ручья.

— Дурак твой Котубей. В этих горных селах, считай, в каждой хате «сливовицу» гонят. И качество ее совсем не от количества зависит. Наоборот. Толковый самогон тот, который хозяин для себя гонит. Согласен? А для себя много не надо. Литров сто не больше.

Илья утвердительно кивнул головой. При этом изобразив настолько загадочно-удивленное лицо, что Кашай аж прыснул от смеха. Явно его смутило количество. Особенно, выражение «для себя».

— Вот то-то же. То, что в этом селе больше всего его гонят, — это точно. Спокон веку так делают. На этом жили, живут и будут жить. Слив здесь много растет. В смысле, сажают этот фрукт в этом селе больше, чем в любом другом.

— Значит, и эти домины с резными или разрисованными воротами, и эти тачки, чуть ли не возле каждой калитки, гаражи во дворах — это все сливы принесли хозяевам?

— Можно и так сказать. Но если точнее, то народ в этом селе к торговле с детства приучен. Многие из этого села еще при Союзе в большую торговлю ушли. Уже тогда эта специальность здесь ценилась выше крыши. А уж после того, как Горби, вожжи отпустил — вот тогда бывшие «нищие» торгаши бал стали править по-настоящему. Я уже не говорю про середину девяностых. А нынче, так вообще вся власть у торгашей. Производство стоит, а торговля идет. Такое впечатление, что в Украине все друг у друга что-то покупают да продают. А на доходы еще и гуляют в заведениях, которых на каждом шагу пруд пруди. Думаешь, какая первоначальная специальность у Фабияна была?

— Кума Ющенко? А он что, из этого села?

— Точно так.

— Учитель истории, поди?

— Ага. В самый раз. Торгаш. Товароведом был в местном райпотребсоюзе. Потом, завскладом на торговой базе. Потом... В общем, это длинная история. И замешана она, как мне уважаемые люди рассказывали, на не очень хороших вещах. Его Кучма после наводнения наверх поднял. Тот еще любитель денежек в инвалюте.

— А он что, у парапета с шапкой сидел? Не дадите ли мульйон в пользу пострадавших от наводнения?

— Ага. Только в баксах. Ты что-нибудь о Геше Токареве слыхал?

— Единственный на всем постсоветском пространстве «авторитет», который не топтал зону? Что-то было на слуху.

— Его в конце 1998-го расстреляли. Возле своего дома, в 500-м «мерине» изрешетили. Исполнителей тогда быстро вычислили. Если мне память не изменяет, трое их было. Один местный, из Ужгорода, остальные — из Белоруссии. Там еще заказчик фигурировал. Некто Евгений Игнатов по кличке Донской. Я почему это до тонкостей знаю? В нашем главке уже тогда трудился. Его наши ребята совместно с Закарпатским УБОПом на хате в Праге упаковывали. Рассказывали, что он в аккурат на Майами собирался умотать. Пластическую операцию сделал, паспорта приготовил. Кстати, этот Игнатов одно время у нас в Ужгороде школьную хоккейную команду тренировал.

— Вполне возможно, что уже тогда с Гешей знаком был, нет? Не поделили что-то, вот он его и заказал. Только какая здесь связь между Токаревым и Фабияном?

— Какая связь, спрашиваешь? Так Фабиян, думаешь, где бабки брал для своего первоначального бизнеса? Геша ему и одалживал. Причем даже не сотнями тысяч баксов. А насчет заказчика... Вряд ли заказчиком Игнатов был. Вернее, Игнатов не сам по себе. След из Киева сюда тянулся. Здесь тогда все зашорены были от той информации, которая перла из столицы. Только кто-то быстро тот след убрал. Звенья, как по щучьему велению, исчезать стали. Явно или в бетон их закатывали, или за бугор отправляли. Кто-то денежный это дело проворачивал.

«Опель», проскочив село, пошел на подъем. Вообще-то дорога чуть ли не от Мукачева постоянно шла на подъем. Правда, в селе это было не так заметно. А вот за селом крутизна стала более чувствительной. Последний раз свернув влево, легковушка нырнула в лес. Илья глянул на Кашая. Тот о чем-то сосредоточенно думал, буквально вперившись прижмуренными глазами в убегающий куда-то в лес асфальт. Васюте так и хотелось возобновить разговор, дабы уточнить все-таки глубину связи между расстрелянным Гешей и кумом президента? Но увидев такое сосредоточенное лицо своего бывшего патрона, он понял, что Иван Васильевич и так уже много сказал. И теперь вполне возможно даже жалеет об этом.

«Да, Иван Васильевич! Порыться бы в твоих кластерах, можно такого нарыть... Ты, оказывается, по Марусин поясок напичкан историями. Вер-

нее, тайнами. Одна история о Косыгине и авиационном демарше чего стоит. А может, это твоя фантазия? Вряд ли. Такой демарш в те времена вполне возможно имел место быть. Надо будет тебя потрясти. Что же там за история с кабинетом Косыгина в Кремле? Про капитана-чеха, работавшего на КГБ, и вообще послушать истории о прошлом. А о Фабияне, уж больно фамилия на закавказкую смахивает, я и без тебя наслышан. Подумаешь, какая невидаль? Интернет-то зачем? Набери в поисковике его фамилию и рассказанная тобой, Иван Васильевич, история о нем тут как тут. Во всех цветах и красках. В том числе и про этого Гешу. Вот так-то...»

– Еще немного – и мы дома, – Иван Васильевич сам возобновил разговор. Правда, к прежней теме возвращаться не стал, а достал мобилку и, потыкав в кнопки большим пальцем, стал слушать. – Але! Это ты, Слава? Как там дела? Где мы? На подходе. Проезжаем Гат (*название леса*). Так что можешь огонь в мангале уже разводить. Минут через пятнадцать-двадцать будем на месте. Если Бог даст, – подумал он уже про себя.

Дальше ехали молча. И только проехав полсела, поднявшись на небольшой подъем и остановившись возле дома с высоким фундаментом (дом упирался в гору), Иван Васильевич нарушил молчание:

– Все, Илюша. Приехали. А вот и хозяин, – калитка в заборе открылась, и в проеме появился мужчина.

Андрианы дома не было. Оказалось, что она с утра уехала в Иршаву к подруге. И вернется не раньше чем в субботу вечером или даже в воскресенье утром. Именно по этой самой причине подарками Илья осыпал только хозяев. Как говорится, шампанское и конфеты – Ольге, а выпивку – Славе. Флешка с пятигектарной памятью осталась пока в резерве. Так что ознакомиться с тем, что скинул им по Интернету Подolia, сразу по приезде не получилось. А субботу они все провели на природе. Побывав именно в тех местах, о которых Иван Васильевич так воодушевленно рассказывал еще до Мукачева. И вернулись поздно. Еще бы, природа, избушка в лесу чуть ли не на курьих ножках, речка Иршавка, форель, растущие камни – слишком уж насыщенный был денек. Если к этому добавить бутылку шесть водки из возимого запаса, которые они на природе опростали как за здравье, то день удался на славу. Именно такое заключение сделал Васюта по возвращении в домик с высоким фундаментом.

Что самое интересное, ни в субботу, ни в воскресенье Каша и Васюта бодун не донимал. Не было и такого отвратительного гудения в голове. Или это было связано уже с привычкой, в таком случае вся философия Васюты насчет бодуна летела в тары-тары, или организм к такому времени препровождению заранее приготовился. А что ему оставалось делать? Как говорится, если душа не примет, то пусть подвинется. Другого не дано.

Андриана вернулась в субботу поздно вечером.

Приняв с утра на грудь положенные пару дупельков лечебной жидкости, закусив жареной на сале яичницей и залив сию трапезу чашечкой черного кофе, Илья и Иван Васильевич удалились в комнату школьницы. Именно там стоял комп, как называла его дочь Ольги. Девушка как раз проводила первые испытания подаренной флешки.

– Андриана, мне Игнат Тимофеевич с утра в четверг звонил, что скинул тебе на компьютер какую-то информацию для нас. Ты не могла бы ее поискать?

– А что ее искать. Только это не дядя Игнат скинул, а его сын Петро. Там два файла. Один – письмо, а второй – какой-то видеофильм. Так что будем смотреть первым? Видео или письмо?

– Как ты думаешь? – Иван Васильевич больше чем удрученно посмотрел на Васюту.

– Я думаю, что первым надо смотреть письмо. Там обязательно должна быть какая-то разгадка. Генерал не может без своих штучек. Иногда на пустом месте такую таинственность сотворит, диву даешься.

– Зря ты так, Илья! Это он только с близкими ему людьми так поступает. Пургу гонит. Ладно, давай сначала письмо.

– Есть, товарищи менты! – воскликнула с улыбкой Андриана, поднося растопыренную ладонь к левому виску, и тут же кликнула мышью на значке «Запустить обозреватель Internet Explorer». И как только открылась почта, подвела курсор на входящие письма. Еще через секунду на рабочем столе монитора нарисовались строчки.

«Уважаемые сыщики! Прежде чем читать дальше, предлагаю посмотреть рабочий вариант февральских съемок одной телепередачи. В эфир эта программа выйдет не раньше июля. Но мои друзья-москвичи сделали для меня исключение. Зачем ждать так долго. На Петровке, 38, прекрасно знают, что такое быть так долго в неведенье. В общем, усаживайтесь поудобнее, можете даже налить себе по бокалу пива и внимательно посмотрите это видео. Мои комментарии увиденного прочитаете только после просмотра. И смотрите, чтобы мне перед девочкой за вас обидно не было. Повторяю, комментарии только после просмотра. Вперед».

– И это все? – переспросил Каша.

– Вы что, так ничего не поняли? Дядя Игнат, что от вас требует? Чтобы вы приготовились, налили по бокалу пива и просмотрели видео. А потом можно будет и комментарии дяди Игната читать. Это входящая запись. Тема письма, скажем так. Само письмо на вkladном файле. Две страницы. Значит...

Иван Васильевич уставился на хозяйку компьютера.

– Значит, остальные две страницы текста прочитаете только после просмотра. И не заставляйте меня краснеть. Сами же читали. Идите за пивом, а я пока сохраняю все это на рабочий стол и приготовлю видео для просмотра.

– Ладно, Илья! Пошли на кухню. Так как пива у нас с тобой «бракует», то мы прихватим с собой графинчик и легкую закуску. Помнится, там в графине как раз на пару дупельков еще оставалось. Как говорится, не виновата я. Шеф сам приказал. А приказы мы с тобой привыкли выполнять. Скажи?

– Ага. Особенно такие. Пошли.

На кухне уже всю хозяйничала Ольга.

– Вы чего, помогать пришли? Так я и без вас прекрасно справлюсь. Или вы что-то хотите?

– Нам шеф в письме приказал пивом побаловаться.

– А где вы пиво взяли? С собой привезли?

– Пива как раз у нас и нет. Не прихватили мы его с собой. А где Слава?

– Слава хозяйством занимается. И что вы без пива делать будете? – улыбнулась Ольга.

– А мы его заменим. Я когда в армии служил, в войсках дяди Васи (ВДВ), у нас все продукты взаимозаменяемые были. Вместо сахара – сухофрукты, вместо мяса – рыба... А где тот графинчик, с которого...

– Сейчас достану. Только он пустой. Я все в бутылку перелила и в холодильник поставила. Наполнить?

– Тогда и закусь сооружи, хорошо? А как Слава появится, пусть к нам в комнату идет.

«Счас, – подумала про себя Ольга. – Это тебе можно бездельничать. У тебя пенсия большая. Тысяч пять в месяц, не меньше. Да если бы у моего такая пенсия была, мы бы тоже дурака валяли. Нет. Нам со Славой без хозяйства никак нельзя. Дочку вон выучить еще надо. Нынче все платное. Хорошо, что в конце прошлого года бычка забили да двух поросенков. Удачно. Вон сколько выторговали. Неплохо бы и в этом да в следующем году так. Глядишь, на учебу Андриане в институте на первых порах и хватило бы. А ты говоришь... Нет. Славе хозяйством заниматься надо. Вы уж как-нибудь без него обойдитесь», – мысли вихрем пронеслись в голове Ольги. Она даже оглянулась на стоявших у дверей мужиков. А вдруг они что-то заподозрили. Достав из холодильника бутылку «Немировской», перелила в графин и поставила на край стола. Потом снова вернулась к холодильнику, достала кружок домашней колбасы, квадрат сала и половинку салтысона собственного приготовления. Уложив на тарелку кружочков десять колбаски вперемешку с салом, а посерединке – ломтиков пять салтысона и, пристроив по кругу тарелки штук шесть маленьких маринованных огурчиков, все это накрыла салфетками.

– Пару кусков хлеба хватит?

– Думаю, да.

– Сами донесете или помочь?

– Сами, сами, Оля. Вдвоем ведь. Бери давай, чего стоишь?

Минут через пять они снова сидели у монитора. Правда, успев как за здравие принять на грудь по полтинничку. Причем без всякого тоста.

– Дядя Ваня, вы тут сами справитесь? Я уже все сделала. И письмо, и видео сохранила на рабочем столе. Вам только мышью кликнуть надо. Я пойду маме помогу.

– Разберемся. Илья в этом деле шарит. Если что, позовем. Давай, Илья. Включай кино. Знаешь, как у нас в селе в середине пятидесятых фильмы крутили? Ни в жизнь не догадаешься, – Иван Васильевич сотворил на лице такую загадочную улыбку, что Илье срочно захотелось услышать сию явно забавную историю. – Стационарных установок не было. Работала кинопередвижка. И возили ее вместе с электродвижкой на теле-

ге из села в село. Электричества ведь тоже еще не было. При лампах да свечках сидели. Так вот, когда очередь припадала на наше село, двое пацанов брали пионерский барабан и давай ходить по селу. Останавливаются в каком-то месте и барабанят. Потом громко орут: «Сегодня вечером в клубе состоится кино. Хорошее кино – военный фильм!». А по-нашему это звучало примерно так: «Инниська в клуби буде кино. Файное кино – военный фильм». Причем ударение в слове кино ставится на первом слоге. По-нашему – это по-русински. Уловил?

– А ты как считаешь?

– Думаю, без перевода фиг бы чего понял, ха-ха-ха.

– Ну, допустим, слово «кино» и без твоего перевода понять можно. «Военный фильм» – тоже. А об остальном, при хорошей соображалке, и догадаться нетрудно. А объявление написать да повесить слабо было? В смысле, афиши?

– Какие афиши? Ты о чем говоришь? Барабан и луженая глотка, вот и все афиши. И так по несколько раз и с разных мест. Вот за это их обоих киномеханик бесплатно пускал в клуб на просмотр. Так у нас, пацанов, очередь была барабанить.

Пока Кашай озвучивал воспоминания своего детства, Илья открыл видео. На мониторе высветился зал. Камера медленно продефилировала над залом. Дальним планом охватила и подиум, и стол с кучей бумаг, двумя книгами и сидевшего за ним мужика.

– Так это же телепередача «Жди меня», – воскликнул Илья. – Вон, ведущий Игорь Владимирович Кваша сидит, – посчитав, что данной панораме времени уделено достаточно, камера своим глазом уставилась вниз. Прямо в парапет, отгораживавший сидевших в зале от подиума, захватив девушку с микрофоном в руках. – А вот и его помощница Маша Шукшина. А я-то думал...

– И что ты ожидал увидеть? Думал, тебе шеф клубничку скинет? Чтобы тебе в отпуске веселее было? И не надейся.

– Машенька, давайте пойдем дальше, – ведущий телепрограммы «Жди меня» выглядел уставшим.

– Добрый вечер! Кого вы ищите? – спросила Шукшина у одной из двух женщин в возрасте, протягивая микрофон.

– Добрый вечер! Я ищу свою родную сестру. Ее девичья фамилия Кобзаренко Кристина Максимовна. Родилась она в 1925 году в селе Розношинцы Ульяновского района бывшей Одесской, а нынче Кировоградской области.

– Как она пропала и когда? – уточнила Маша Шукшина.

– В 1942 году ее вместе с другими девчонками немцы вывезли в Германию. Больше мы ее не видели. Может, и в живых уже нет? – у женщины навернулись слезы на глазах. Она вытерла их приготовленным платком. Будто знала заранее о таком исходе.

– Ваша фамилия случайно не Иванкова? – донесся голос Кваши с подиума.

Женщина кивнула головой.

— А рядом с вами сидит подруга детства вашей старшей сестры, да? Ваша фамилия, — увидев подтверждающий кивок головы, продолжил ведущий программы, — Миенко Наталья Дмитриевна, так?

— Так! — теперь уже женщина, сидевшая рядом с Иванковой, подтвердила это не только кивком головы, но и в голос.

— Вы были у нас на передаче осенью прошлого года, так?

Обе женщины утвердительно закивали головами.

— Многие в нашей студии, наверное, помнят ту историю? Да и телезрители явно не забыли. Вначале января мы возвращались к этой истории. У нас вроде появились следы вашей сестры.

— Я смотрела вашу передачу дома, в Белгороде-Днестровском, — ответила Иванкова. — Еще подумала, почему вы мне ничего не сообщили?

— Все правильно. А не сообщали мы вам потому, что у нас не было полной уверенности, что та женщина ваша сестра. Давайте еще раз посмотрим ту передачу.

И снова, как и в прошлый раз, на экране появилась молодая блондинка с чисто русским лицом. В течение нескольких минут она вновь поведала зрителям и присутствовавшим в зале историю, которую услышала в Штатах на берегу моря в Норфолке из уст случайной знакомой.

Не буду напрягать читателя. С этой историей он уже знаком.

— Значит, вы видели ту передачу, да? — спросил Кваша у женщин, как только погас большой экран.

— Конечно. Я с тех пор как у вас побывала, ни одной передачи не пропустила. Да и раньше старалась ваши передачи не пропускать. Уж больно они мне нравятся. Каждую передачу слезы умиления так прут из глаз, так и прут, — как будто в подтверждение сказанного, женщина снова поднесла платок к глазам. — Может, у вас появились какие-нибудь новости о той женщине?

Ведущий улыбнулся. В зале тоже прошел смешок, переросший в аплодисменты.

— Благодаря нашим помощникам в Штатах, у нас теперь во многих странах свои помощники есть, нам удалось найти и ту женщину родом из Кировской области, и женщину с фамилией Шершень. Согласитесь, что это было совсем не просто, — и снова в зале загремели аплодисменты. А женщина, сидевшая ближе к Шукшиной, чуть ли не привстала, порываясь тут же топтать к подиуму. — Только вы знаете, полной уверенности в том, что Шершень и есть ваша сестра — у нас нет, — видя порывы Иванковой, поспешил вмешаться ведущий. — Полную гарантию можете дать только вы и она. У нас есть еще одна пленка из Америки. Посмотрите, пожалуйста, на экран, а вдруг вы кого-то там узнаете.

На экране крупным планом, почти панорамно появился снятый с птичьего полета небольшой городок. Ухоженный, уютный, дома в нем были размещены в строгом геометрическом плане, а не разбросаны в шахматном порядке. Потом панораму городишка камера сменила, спустившись на землю и двигаясь вдоль чистенькой улицы. По обеим сторонам стояли дома. Что интересно, ни одноэтажные, ни двух-, трехэтажные не имели

заборов. Площадка зеленой травы между домом и улицей да узкая пешеходная дорожка.

«Этот небольшой городок находится на юге штата Индиана — сообщил на чистом русском языке приятный женский голос за кадром. — Именно на этой авеню и находится тот самый дом, где живет Кристина Шершень».

Съемки явно велись из машины. Причем на ходу. Вот камера плавно повернула налево, охватывая и зеленый газон с установленным на невысоком столбике приличных размеров почтовым ящиком, и дорожку, уложенную плиткой, ведущую к невысокому домику, покрытому светло-синей черепицей. Еще через секунду на экране появилась женщина лет под тридцать, направляющаяся к домику. Камера сопровождала ее не сзади, а чуть сбоку. Именно поэтому женщине, что бы продолжить разговор, постоянно приходилось поворачиваться лицом в сторону камеры. — Сейчас мы позвоним в дверь и нам откроет сама хозяйка. Об этой встрече мы с ней договорились заранее.

— Здравствуйте! — поздоровалась ведущая с хозяйкой домика, как только та открыла дверь. Теперь разговор велся на английском. Но в студии Останкино громкую связь осуществлял переводчик.

Как только камера наехала на хозяйку дома крупным планом, сидевшие в зале женщины напряглись. «Это она! Это Кристина! — чуть ли не в унисон прошептали обе. — Боже, она ведь почти не изменилась. Морщин только много на лице, — продолжала шептать та из них, которая была ближе к до сих пор стоявшей возле них Шукшиной.

— Ваша фамилия Шершень?

— Да.

— Кристина Максимовна?

Хозяйка снова кивнула в ответ.

— В таком случае попали верно. Мы ведь с вами договорились о встрече? — продолжила ведущая. — Вы не будете возражать, если зададим вам несколько вопросов?

— Я ждала вас. Проходите в комнату. По телефону вы сказали, что меня кто-то ищет. Из Москвы. Только я в Москве никого не знаю. И вообще, в России никогда не была, — по внешнему виду женщине было далеко за семьдесят. Хотя на Божий одуванчик с палочкой она совсем не смахивала. Роста выше среднего, хорошо одетая с уложенной прической. Правда, с приличным количеством морщин на лице.

— Нет. Вас ищут не из России. Но для начала расскажите нам о себе. Где вы родились, где жили, как попали в Америку?

Хозяйка предложила кофе. Поставила на стол сахарницу, вазу с домашней выпечкой и чашки с блюдцами. И только потом решила на рассказ.

В течение нескольких минут Кристина Максимовна почти слово в слово повторила рассказ Дарьи Максимовны и Натальи Дмитриевны. Тот самый рассказ, который Наталья Дмитриевна Миенко озвучила еще осенью прошлого года, первый раз попав в студию программы «Жди Меня».

Ведущая не перебивала. И только после окончания рассказа задала несколько вопросов. И первый из них касался мужа хозяйки.

– А где ваш муж?

– Муж... – хозяйка как-то странно затихла. Потом отвернулась и несколько секунд так и сидела. – Вы знаете, он умер.

– Как умер? Давно?

– Недавно. В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое февраля.

– Болел?

– Нет. Ни разу не болел и ни разу нигде не лечился. Хотя и ранен был в войну, и в плену побывал... А там совсем не легкая жизнь была. Поверьте моему слову. В смысле, по-серьезному. Простуда, кашель иногда... Это да, это было. А восемнадцатого февраля после обеда к нему в гости наш знакомый пришел с каким-то мужиком. Выпили по рюмке, посидели, поговорили. Он их проводил. Правда, когда вернулся – очень злой был. Вроде там, на улице, о чем-то повздорил то ли со своим знакомым, то ли с тем мужиком. А ночью он умер. Врачи сказали, что сердце. Возраст, видите ли. И то правда, столько пережить. Так кто меня все же ищет?

– Кто? Я даже боюсь сказать. А вдруг это ошибка. Знаете что, у меня есть несколько фотографий. Мы их получили по Интернету из России от программы «Жди меня». Вы случайно не смотрите эту передачу?

– Слышать слышала, а смотреть – нет.

– Посмотрите, пожалуйста, а вдруг кого узнаете.

Хозяйка дома взяла в руки одну из предложенных фотографий. Там на фоне по-весеннему цветущего сада на лавочке сидела молодая женщина, а по бокам, прижавшись к ней, – две девочки. Одна постарше, а другая – младше.

– Боже праведный! – воскликнула старушка. – Это же моя мама со мной и младшей сестрой. Это же у нас во дворе снимали. Лавочка, деревья... Это же наш двор. Святители небесные. Неужто их в Сибирь из-за меня отправили. Вот почему из Москвы меня ищут. Но мы ведь с мужем никому и ничего не рассказывали. Ни о себе, ни о своем прошлом. Прав он был...

– В чем он был прав?

– Понимаете? Мне все время хотелось сообщить им, где я. У нас здесь очень много западных украинцев. Некоторые даже помогали своим. В конце шестидесятых, начале семидесятых и деньги отправляли, и товары всякие покупали, машины, технику... Я даже один раз чуть было не отправила письмо нарочным. Муж заругал и категорически запретил. Он ведь сам из Ровно был. Жена у него до войны там была, ребенок должен был родиться.

– Значит, вы утверждаете, что на фотографии ваша мать и ваша младшая сестра?

– Конечно.

– А вот на этих фотографиях кто?

– На этой отец с матерью, а на этой – я и моя подружка Наташка. Нас вместе в Германию вывезли, и мы там до последнего дня не разлучались.

Так кто меня ищет? Мама точно уже умерла. Неужели сестра? А может, подружка? Только что они делают в России?

– Вы правы. Вас ищет ваша сестра Дарья Максимовна и ваша подружка Наталья Дмитриевна. Вы их помните?

Услышав, кто ее ищет, хозяйка дома надолго замолчала. Она как будто попала в ступор. Открытыми глазами смотрела на ведущую в упор. Камера снова наехала на ее лицо крупным планом. Даже не вооруженным глазом было видно, что женщина хоть и смотрит на ведущую – вряд ли ее видит. Зрачки стали большими, глаза наполнились слезами.

– Да разве такое можно забыть. Я всю свою жизнь хотела написать им, сообщить о себе. Но муж не разрешал. Он все говорил, что таким сообщением я наврежу своим родным. Что их упрячут в Сибирь, на лесоповал. Он все время чего-то боялся. Теперь я уже знаю, чего. Незадолго до смерти он мне кое-что успел рассказать. Он ведь действительно до войны в Ровно был офицером-гэбэшником. А в самом начале войны в составе спецотряда вывозил ценности с Западной Украины. Только отряд весь погиб, а ценности попали к немцам. В отряде был предатель. Он мне даже фамилию успел назвать. Какой-то Устюгов. Оказывается, немцы не все ценности забрали. Часть ценностей хранилась на севере Ровненской области, на территории строящегося лагеря НКВД. Там он и встретился с тем предателем. Именно он убил всех, кто оставался в том лагере для охраны ценностей. Уже во время перестрелки убил еще и старшину милиции, водителя машины, на которой они вдвоем с моим Сашей приехали туда. Больше того, тот Устюгов тяжело ранил и моего мужа. Но и мой в долгу не остался. Сказал, что там же возле телеги и расстрелял предателя за все. Потом с телегой и ценностями попытался выбраться оттуда. Только он весь израненный был. А возле какого-то болота еще и под бомбежку попал. Говорил, что фрицы и бомб-то сбросили всего две. Одна из них упала недалеко от телеги. Его там и подобрала какая-то женщина с сыном. Почти целый год жил и лечился у нее. Именно она ему рассказывала, как его нашли. Что рядом с ним валялись обрывки сбруи и следы колес телеги. Но ни лошади, ни телеги не было. Видимо, его взрывом выбросило из телеги, и он потерял сознание, а лошадь от взрыва шарахнулась в сторону, попала в болото и там ее засосало вместе с телегой. Через год он очутился в партизанском отряде Медведева, а потом в плену, – продолжила Кристина Максимовна.

– Там в конце войны вы и познакомились со своим будущим мужем, да?

– Да.

– А дети у вас есть?

– Трое. Два сына и дочь. Четверо внуков и один правнук. Только они вообще ничего не знают ни о моем прошлом, ни о прошлом моего мужа. Царствие ему небесное.

– А вы хотели бы увидеть свою сестру, подругу?

– Спрашиваете. Да я уже готова бежать куда угодно, лишь бы встретиться с ними. А где они сейчас?

– Ваша сестра живет в Украине, недалеко от Одессы, – ведущая достала бумажку и стала читать. – Городишко называется Белгород-Днепровский. Может, слышали о таком?

– В Одесской говорите?.. Нет, – немного подумав, ответила Шершень. – О таком не слыхала. А подружка Наташа?

– А Наталья Дмитриевна живет в Москве. И ни в какой Сибири они не были. В России давно уже нет гэбэшников, как вы их называете. Россия совсем другая нынче. Вы можете сейчас сказать ей все, что хотите. Эту запись мы передадим в Москву. А там найдут, как ею распорядиться.

И снова камера крупным планом наехала на старушку. Стали видны не только все морщины, но и почти каждый волосок на бровях и веках. Кристина Максимова несколько секунд смотрела в камеру и никак не могла найти подходящие слова. А потом и вовсе разревелась.

– Успокойтесь. Все в порядке. Считайте, что вы уже нашли друг друга, – попыталась успокоить старушку ведущая.

– Милая моя сестричка, – глотая слезы, наконец-то собралась хозяйка дома. Правда, начала она на английском, потом исправилась и перешла на русский. – Милая моя сестричка. Дорогая моя подружка. Я уже и не чаяла узнать о вас что-нибудь. А тут такое счастье. Здравствуйте! Очень хочется увидеть вас всех. Я ничего не знаю ни о вас, ни о маме. Как вы там? Боже! Слезы не дают мне ничего сказать. А так хочется говорить и говорить. Если мне дадут ваш адрес, я сегодня же сяду писать вам письмо. Большое письмо. Мне очень многое надо сказать вам. И если можете, простите меня за то, что столько лет не давала о себе знать. Страшно было и за себя, и за мужа, и за вас всех, – старушка как-то странно икнула, схватилась за грудь и медленно сползла со стула на пол. К ней тут же подбежала ведущая, сунула что-то под нос, брызнула водой из стакана и крикнула оператору. Правда, на английском:

– Чего стоишь! Бросай свою камеру и помоги мне положить ее на диван. Срочно звони 911...

– Так мне что делать в первую очер...

Экран потух на полуслове. В зале стало тихо, тихо. Такое впечатление, что присутствующие даже дышать перестали. Во всяком случае, обе наши женщины, внимательно взирающие на экран, так точно затаили дыхание. Причем надолго. Но тут тишину нарушил ведущий.

– Уважаемые зрители в студии и телезрители! Должен вас всех успокоить. Ничего страшного не случилось. Кристина Максимова в полном здравии. Но мы специально не стали демонстрировать продолжение, – весь зал облегченно вздохнул. – А представляете наши чувства, когда мы впервые просмотрели это видео? С вашей сестрой, Дарья Максимова, и вашей подружкой, Наталья Дмитриевна, ничего не случилось. Просто переутомилась, – зал взорвался бурными аплодисментами. Потом все стихло. Кваша поднялся из-за стола и вышел на подиум. – Кстати, вы случайно письмо из Штатов не получали?

И Иванкова, и Миенко в унисон отрицательно покачали головами. Будто вопрос касался обоих.

– И вам никто не звонил? – все допытывался Игорь Владимирович.

– Только звонок да телеграмма от вас. Больше никаких писем и никаких звонков.

– Странно, – улыбнулся Кваша, – очень странно, правда, Маша? А вы, Дарья Максимова, могли бы отправиться в Штаты? Я к чему веду, требуется ли наша помощь?

– Пресвятая мать и Богородица, в такую даль? Я же дальше родной области никогда и никуда не ездила. И то с дочерью. Не-е! Одна я вряд ли доберусь туда. Это же на чем туда добираться? Это же чрез окяны? На корабле, поди?

– Почему? – улыбнулся ведущий. – Почему на корабле? На самолете. Вы что, ни разу не летали на самолете?

– Бог миловал, дорогой Игорь Владимирович.

– А ведь придется, Дарья Максимова, – зал снова взорвался аплодисментами. – Если и не сейчас, то когда-нибудь придется. Вы же захотите побывать в гостях у своей сестры? Так и быть, не будем мы вас больше томить, ваша сестра здесь! – Тут уж зал взорвался такими бурными аплодисментами, что звездам эстрады и не снилось. – Кристина Максимова! Мы ждем вас! – перекрывая аплодисменты, продолжил Кваша, направляясь в глубину зала. – А вы чего сидите? Идите встречайте!

Аплодисменты не прекращались. Сначала наши женщины ничего не понимали. Будто все, что слышали, касалось совсем не их. Но потом, когда ведущий пригласил их на подиум, ринулись туда чуть ли не сломя голову. Они вовремя успели. Как только Иванкова и Миенко достигли середины подиума из-за кулис, если можно так выразиться, в сопровождении стройной женщины бальзаковского возраста появилась она. Как будто спустилась с экрана монитора. Походка ее была медленной. Чувствовалось, что каждый шаг дается ей нелегко. Но когда она увидела встречающих, сразу ускорила шаг. Сопровождающая женщина так даже отпустила ее. Все трое слились в одном общем объятии. Из-за слез и аплодисментов в зале расслышать и понять, что они там говорили, было невозможно. У многих в зале на глазах появились слезы, и они, не стесняясь, уголками платков вытирали их. Слезы появились и у Маши Шукшиной, и у ведущего Кваши. Потом, когда аплодисменты немного утихли, он подошел к сестрам.

– Дарья Максимова, вы явно не ожидали такой встречи? Думаю, теперь вы уже не потеряетесь.

– Спасибо вам! Спасибо всем честным людям, которые делают такое доброе дело. Мы низко кланяемся вам. И дай Бог здоровья вам и всей вашей передаче. Вы единственные делаете доброе дело всему честному народу на планете, – смахивая слезы, тихим голосом ответила Иванкова.

– Храни вас Всевышний, – вторила ей Шершень.

– Я думаю, что встретившимся есть о чем поговорить. Давайте отпустим их поскорее. Наша передача подошла к концу. До встречи через неделю. Ищите друг друга. Несмотря ни на что. И ждите. Чтобы не случи-

лось! – на мониторе пошли титры. Передача закончилась, а вместе с ней и предоставленное двум сыскарям видео.

И Кашай, и Васюта какие-то секунды сидели молча. Им явно требовалось переварить увиденное. И не так увиденное, как услышанное. В это время в комнату вошла Андриана.

– Э-э-э! Дяденьки! Вы чего такие странные? «Веселенькие»? Я что-то пропустила? У кого-то горе? Поди кто-то случайно опрокинул полный стакан с водкой, нет? – улыбаясь спросила она, увидев лица сидевших.

– Ты что-нибудь понял, Иван Васильевич? – не обращая внимание на ерничество девчонки, спросил Васюта.

– Ты у меня спрашиваешь? Мы с тобой, дорогой, так увлеклись подарком генерала, что даже за пиво, то бишь за дупелки забыли, – Кашай тут же наполнил рюмки по самый верх. – Наверстывать надо, уважаемый. Лично я пока еще не врубился. Вот приму полтинничек, глядишь, файла, или как ты ее там называешь, шевелиться начнет. Кластер искать. Вот тогда ты у меня и спрашивай. Мысль, может, и появится. Твоя же философия.

Они добросовестно выпили.

– Так я не поняла, вы уже все посмотрели? И письмо тоже?

Васюта чуть не поперхнулся водкой. Отправленная в рот одним залпом полная рюмка водки одним глотком в трахею не втискивалась. А посему искала другие пути выхода, дабы освободить путь для выдоха и вдоха. Кратчайший путь был через носоглотку. Но это была бы наглость высшей меры. И Илья позволить ей такое не мог. А посему силой запихнул по назначению. Даже несмотря на то, что все лицо сменило цвет на предельно красно-розовый.

– Правильно, – Иван Васильевич свою рюмку выпил раньше поставленного вопроса. Именно по этой причине выглядел нормально. – Включай давай письмо. Генерал точно все там расставил по полочкам. А ты, Андриана, можешь еще минут пять погулять.

– Спасибо за совет. Вы так добры, дядя Иван, по воскресеньям, – надув губки, помянутое создание повернулось и вышло из комнаты. Дверью не стукнуло. Комната чай своя.

– Я всегда добрый. Давай, Илья, открывай письмо.

– Думаешь надо, Иван Васильевич? Вроде и так все ясно. Шершень явно ласты склеил не без помощи этого Устюгова. Надо срочно готовить через прокуратуру все документы на этого хмыря-гэбэшника, отправлять их в Москву и требовать его экстрадиции к нам. Думаю, Игнат Тимофеевич сможет договориться со своим генералом-одноруппником с Петровки. Хотя у них самих теперь достаточно улик, чтобы упаковать этого Устюгова в браслеты. А там и мы можем подсуесться, помочь им его расколоть по нашим делам. Уверен, расколом его – выйдем и на нашу цепочку, заказчик – организатор – исполнитель. Вполне возможно, что след потянется к киевскому генералу от КГБ. А оттуда и в Одессу. Я тебе, Иван Васильевич, так скажу. Если московского хмыря толково прижать, вполне

возможно, что и на буковский янтарь мы можем выйти, и на фирму «Полесье».

– А туда-то с какого перепугу? – Кашай все пытался пережевать кусочек сальтисона. Явно попался хрящик, скользящий под зубами. Но он все-таки с ним справился. Или раздавил своими челюстями, или, на худой конец, проглотил целиком. Во всяком случае, не выплюнул. Полковник, как-никак. Воспитанный, смеем надеяться.

– Так ведь помнишь, учредителями фирмы были пятеро человек. Конопляный, еще три фамилии западные и одна чисто русская. Самая народная. Иванов. Секьешь?

– Ты же говорил, что фамилии дутые. Как и места прописки.

– Дутые. Только человек с запада какую, думаешь, придумает себе фамилию? Причем навскидку? Вот то-то же. А русский?

– Думаешь, пятым был Устюгов? И на фига ему светиться? Его же запомнить могли. Физиономию его.

– А кто это может подтвердить? Дутые фамилии? Так их еще надо расшифровать. А это очень даже не просто. Особенно при толковой крыше.

– Ладно. Открывай письмо, может, твой шеф там все объясняет? Хотя давай еще по полтинничку. За твою версию. Она мне, между прочим, очень даже импонирует. Толково сформулирована.

Илья подвел курсор под значок с вордовским файлом и открыл его.

– Ну что, сыскари? Пиво все выдули? Кино посмотрели? Теперь слушайте, то бишь читайте меня внимательно. След Устюгова как предателя в деле о пропавших ценностях в первые дни войны доказан. Правда, легче от этого не стало. Те ценности уже вряд ли когда-нибудь найдутся. Сгинули они. Причем все. И те, которые немцы отбили, и те, которые отбил лейтенант госбезопасности Конопляный. Очень жаль, что сам не дожил до этого дня. То, что его грохнули, – и к ворожке не ходи. Ясный перец, что по заказу все того же Устюгова. Москвичи пытаются эту версию доказать. Кто-то с Петровки даже в Штаты полетел. У жены Шершень-Конопляной, приехавшей на передачу «Жди меня», они сняли показания прямо в студии. Приехали на дачу этого генерала, а он там уже геть завонявшийся. По данным судмедэксперта копыта откинул не меньше чем за неделю до обнаружения. Точнее определить было не возможно. Он ведь один жил. Так в одиночестве и сконал. Мне мой друг генерал с Петровки по телефону сказал, что умер он в тяжких муках. Парализовало ему все конечности. С кровати свалился на пол, там и мучился до самой смерти в полном сознании. Представляете, все под себя. А сдвинуться с места не мог. Ни пожрать, ни попить, ни в сортир сходить. Во муки!

Теперь по генерал-лейтенанту из Киева. Действительно, они с Устюговым были в дружеских отношениях. Вначале восьмидесятых наш, будучи еще полковником, отвечал в Шестом управлении на Лубянке за контрразведывательное обслуживание объектов оборонной промышленности СССР. Я тут кое-что сам пробил по своим знакомым, плюс мой друг с Петровки кое-что подкинул. Картина не очень приглядная. Наш генерал

засветился в первые годы войны в Афганистане. Что-то связано было с продажей оружия противоборствующей стороне. Вроде в этом деле, как посредники, даже американцы фигурировали. Он сейчас действительно трудится в одной из составляющих «Укрспецэкспорта». Продолжает в том же духе. Помнишь, Иван Васильевич, в середине девяностых почти все патроны к ПМ из запасов были проданы. Воякам и всем правоохранительным органам пришлось временно перейти даже на ТТ и наганы. Так вот, к этому делу прямое отношение имел наш отставной генерал-лейтенант. Но тогда дело было закрыто за недостаточностью улик. На слуху есть, что он замешан и в нашумевшем деле с «Кольчугой». Но это дело надо еще проверить. В эту фирму нам доступ запрещен. Так что это дело теперь передано в Генпрокуратуру. Это ее курятник. По нашему сегодняшнему делу будем ключики к нему подбирать после твоего возвращения из отпуска. Как ты там отдыхаешь? Возил ли тебя наш общий друг по сказочным местам его малой Родины? Чуть не забыл. Наши коллеги из ГУ ГСБЭП в Середняках кое-что нарыли. Всего я не знаю, в секрете держат, боятся разглашения. В наших зданиях где-то «крыша» совсем худая. Но то, что что-то серьезное есть – факт. На слуху, что в секретариате готов даже указ президента о смене кое-кого в руководстве Ровненской области. В том числе и по Середнякам. Кажись все. Считайте, что дело об убийстве советника президента в готовности для передачи в суд. Все досудебные оперативно-розыскные мероприятия нами почти завершены. Одесситы дожимают и Чена, и Пирата. Иван Васильевич, ты там нашего молодого друга не сильно жидкостью накачивай. Он мне в понедельник как стеклышко нужен. Честь имею кланяться. Передавай самые лучшие пожелания Славе, Ольге, Андриане и своей супруге, естественно. До встречи.

Несколько минут оба сидели, как будто кто-то вылил на них ушат холодной воды.

– Что называется, доигрались и поп дочитался. Ты что-нибудь понял? – Иван Васильевич удивленно посмотрел на Илью и тут же дотянулся до графина. – Да-а! Такое трудно переварить. Практически без дупельков – невозможно. Это что же получается? Топали, топали, рвали пупок рвали, а дело, оказывается, и без нас досрочно закрыли, палку поставили. Так что ли? Кому молчим?

– Думаю.

– А вслух ты случаем не можешь думать? Тоже мне разведчик. Мате Харри, ядрена вошь. Прими давай и будем напрягаться вместе. Вслух. Хотя... Чего тут думать. Шеф и без наших мыслей все разложил по полочкам. Ты когда едешь?

– Сегодня, когда еще? Читал, что шеф требует? Когда у нас там поезд в Киев?

– Их несколько. Ты на какой претендуешь?

– Так, чтобы утром быть в Киеве.

– Прямо к восьми?

– Прямо к обеду. Шеф ведь не уточнил, к какому часу. А утро аж до обеда тянется.

– Хитер бобер. Значится, так, лучше, чем на поезде Ужгород – Киев, не получится. А отправляется он из Мукачева почти в 18-00. Так что нам с тобой на вокзале необходимо быть не позже 17-30. До Мукачева не больше часа ехать. Времени – завались.

Ровно в 17-56 скорый Ужгород – Киев покинул железнодорожный вокзал города Мукачева. В одном из купейных вагонов среди двух молодых женщин на своей нижней полке сидел Васюта. Кроме мыслей, постоянно шебаршившихся в его голове от полученной несколько часов тому информации, прибавилась еще одна. Причем реальней всех предыдущих. И касалась эта мысль попутчиц. Было яснее ясного, что с нижней полкой ему придется распрощаться. И, судя по разговору, до самого Киева.

*Ужгород – Ровно – Одесса – Белгород-Днестровский
2009 год*

Оглавление

От автора	5
Рецензии	6

ЧАСТЬ 1	
Москва. Лубянка	11
Шифровка из Одессы	21
Одесса, Пастера, 54	32
Их было... только тридцать три	41
Пал смертью храбрых... ..	58
Сентябрь 1942 г. Плен	74
Дорога длиною в жизнь	91

ЧАСТЬ 2	
«Жди меня»	110
Два дня спустя после аварии	124
«Тихий омут» на... Банковой	143
Ровненский губернатор	158
Я из Одессы, здравствуйте!	166
Середнянский узел	184
На берегу Случа	194
ДОК Озерлага ГУЛАГ	202
Кафе «У pana Стецька»	212
За месяц до аварии	228
Генерал, Васюта и Кашай	246
УСБУ добро не дает	264
ИКМ – 12С	276
«Китайская триада» и «пиковая масть»	289
Середнянский гамбит	307
Хутор Заболотный	317
Все тот же день, 10 января 200... года	331
«Кофе по-венски»	341
СБУ дает добро	360
Одесса, ипподром	378
А след-то ведет в... «Укрспецэкспорт»	390
Эпилог	409

Владимир Перевалов

АКСЕДЕНТ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Технический редактор С.П. Малыгина
Корректор А.Е. Друкова

Подписано к печати 15.12.2012 г.
Формат 60х84/16. Гарнитура Arial CYR.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 26,75. Тираж 150 экз. Зак. 952.

ООО РИА «СМИЛ»

Свидетельство о внесении к Государственному реестру
субъектов издательского дела ДК № 3408 от 03.03.2009 г.
68603, г. Измаил, ул. Нахимова, 385.
Тел. 04841-63-915. E-mail:maligina@ukr.net